

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ

«АБРАМСЫ» В ХИМКАХ

КНИГА ВТОРАЯ

Позади Москва

Annotation

Если завтра война... А если не завтра, а уже сегодня? США и их союзники по НАТО в интересах прав человека и демократии развязали войну, лицемерно названную «Миротворческая операция „Свобода России“». И что же может сделать простой россиянин в этой ситуации? Поднять над своим домом чужой флаг и встретить хлебом-солью убийц своих соотечественников? Или попросту уйти в сторону и попытаться выжить? Или встать на защиту Родины? Офицеры, мальчишки-курсанты, студентка,

лейтенант-резервист, — все они сделали один и тот же выбор, но у каждого из них своя судьба...

- Сергей Анисимов
 -
 - Понедельник, 18 марта
 - Вторник, 19 марта
 - Вторник, 19 марта
 - Вторник, 19 марта
 - Среда, 20 марта
 - Четверг, 21 марта
 - Пятница, 22 марта
 - Пятница, 22 марта
 - Воскресенье, 24 марта
 - Понедельник, 25 марта
 - Среда, 27 марта
 - Четверг, 28 марта

- [Пятница, 29 марта](#)
- [Воскресенье, 31 марта](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
-

Сергей Анисимов ПОЗАДИ МОСКВА

*Не речами, не
постановлениями
большинства решаются
великие вопросы эпохи, а
железом и кровью.*

*Отто фон
Бисмарк, в
обращении к
депутатам
Рейхстага, 1862 г.*

Это случилось на вторые сутки
после начала миротворческой

операции международных сил, когда произошло уже много, очень много событий, обозначаемых как «первые». Первый убитый миротворцами военнослужащий Российской Федерации, первый захваченный в плен, первые уничтоженные единицы бронетехники и авиатехники разных классов остались позади — пунктами в новостных обзорах, в статистике, в графиках аналитиков всех мастей. Но именно начиная с вечера понедельника 18 марта в многочисленных официальных обращениях к населению Европы и США, в приложении к России впервые прозвучал термин

«государственный терроризм». Мгновенно и с огромным энтузиазмом подхваченный средствами массовой информации. Разумеется, он звучал и ранее: всем было давно известно, что Советский Союз и затем Россия десятилетиями поддерживали террористов и тиранов всех мастей: от Муаммара Каддафи до Фиделя Кастро, от коммунистических бригад в европейских странах до афганского «Талибана». Это было не только известно, но и привычно, но всегда звучало как-то смазанно, неакцентированно, неофициально. Здесь было совсем другое дело. Здесь этот термин начал звучать разом по

любому поводу. Как с привязкой к сиюминутным событиям — то есть к неспровоцированному нарушению подразделениями Российской армии государственной границы с соседней страной, — так и без нее. Причем это совершенно не сопровождалось подачей какого-нибудь нового иллюстративного материала. Например, нарезкой из видеопротоколов допросов бородатых террористов, рассказывающих о том, что именно Россия наняла их в 1996 году для того, чтобы сбить рейс 800 авиакомпании «Trans World Airlines» на взлете из аэропорта Кеннеди, передав им переносной зенитно-

ракетный комплекс и указав цель. Тогда погибли 230 человек, виновных так и не нашли. Или, например, показом серии интервью арабских или даже американских ученых в белых халатах, рассказывающих о том, что именно русские помогали Саддаму и Каддафи разрабатывать оружие массового поражения, которое у них, несомненно, было. И которое могло быть использовано для террористических актов по всему миру, если бы не своевременное и жесткое вмешательство межнациональных сил. И так далее с утра до вечера, в том же стиле, что и в прошлые разы, — до умиротворения Югославии и Ирака.

В форматах, использовавшихся последние недели перед началом миротворческой операции, но с еще большей интенсивностью. Окончательно доводя аудиторию до кипения, вызывая у среднестатистического слушателя или телезрителя желание то ли записаться в морскую пехоту немедленно, то ли отмечать каждую новую круглую цифру в «Новостях дня» фейерверком и барбекю, как на День Независимости. Но иллюстраций не было, а новая концепция уже была, появившись сама по себе, без лишних надстроек. Вот еще вчера, 17 марта 2013 года, статус России как террористического

государства как бы подразумевался, но об этом не говорилось вслух, а уже сегодня это осознали все, и действие каких-то дополнительных факторов здесь было совершенно не нужно.

Но и это было мелочью, фоном ко второй, важнейшей трансформации. В отличие от первой, имеющей не только большое политическое и дипломатическое значение, но и военное значение без преувеличения огромной степени. Как известно, вхождение прибалтийских государств (независимых Эстонии, Латвии и Литвы) в состав СССР так и не было признано США и многими другими

государствами, включая Ватикан. Соответственно, начиная с 1940 года и до самого распада Советского Союза и восстановления их независимости изображение территории трех прибалтийских государств на картах американского выпуска всегда сопровождалось пометкой *«Включение Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза в августе 1940 [года] не было признано Соединенными Штатами. Под советским управлением эти области действуют как входящие в Советский Союз республики»*. Таким образом, западные демократические государства формально

рассматривали советское управление этими территориями как нелегальное, а сами территории как оккупированные. Интересным исключением являлась Австралия: в 1974 г. лейбористское правительство этого государства признало права СССР на эту территорию, но парламент уже следующего созыва вновь вернулся к прежнему статусу. Это не мешало США и иным странам вести взаимовыгодную торговлю с Советским Союзом, иметь общее членство в международных организациях, осуществлять культурный и научный обмен и т. д., но факт есть факт: с юридической точки зрения наиболее политически

активная часть международного сообщества *de jure* полагала территории прибалтийских государств оккупированными. Соответственно, призыв граждан Эстонии, Латвии и Литвы в Вооруженные силы СССР и их использование в военных действиях на стороне СССР в качестве комбатантов являлись абсолютно незаконными, что вступало в прямое противоречие с несколькими статьями Женевской конвенции об обращении с военнопленными в чтениях 1929-го и 1949 годов. Соответственно, Советская армия являлась преступной организацией аналогично СС, СД и гестапо

нацистской Германии.
Соответственно, все
военнослужащие Советской армии,
за исключением служивших в ней по
призыву (то есть рядового и большей
части сержантского и старшинского
состава), являлись преступниками. И
подлежали суду как преступники,
выпадая из-под действия Женевских
конвенций 1949 года о защите жертв
войны.

Озвученная мельком, без
большого акцента, без комментариев,
опубликованная Белым домом в
формате документа второстепенного
значения, эта концепция произвела
эффект, сравнимый с ядерным
ударом тактического уровня. Не

имело значения то, что введение понятия «преступная организация» потребовало в свое время процесса ранга Нюрнбергского, с сотнями томов документальных доказательств, широким освещением и всем прочим, отлично известным каждому образованному человеку. Нарушение Советской армией Женевской конвенции в данном конкретном случае было настолько очевидным, что предоставляло возможность присвоения такого статуса «виртуально», без официального судебного процесса. В результате каждый офицер, служивший в бывшей Советской армии, являлся, с точки зрения

миротворцев, военным преступником. А это подразумевало очень серьезные последствия и касалось подавляющего большинства высших офицеров и значительной доли старших офицеров: *general officers and field grade officers* по американской классификации. Командующих частями Российской армии сейчас или способных перейти в действующую армию из резерва. Многих политических и административных лидеров, имеющих военное прошлое. Многих бизнесменов и промышленников. Всех без исключения врачей, имеющих достаточный возраст, чтобы застать Советскую армию и

дать ей присягу. И мужчин и женщин — все врачи в Советском Союзе и России имели и имеют звания офицеров запаса. Юристов. И так далее на много пунктов.

Отдел по связям с общественностью «community affairs» в штабе генерал-лейтенанта Хэртлинга, точнее одно из подразделений этого отдела, осуществлял «тонкую настройку» этого мероприятия почти «на месте» с территории Польши. Однако в целом число задействованных в нем специалистов исчислялось сотнями, и большинство их работало в комфортабельных офисах, расположенных в получасе езды от

собственных комфортабельных и привычных домов или комплексов апартаментов в нескольких разных штатах США. Современные информационные технологии позволяли очень многое, а средства в это мероприятие были вложены огромные, и, что самое главное, заблаговременно. И ориентация была не на североамериканскую и европейскую аудитории, не на английский и немецкий языки, а на русский. Когда проводились операции в Ираке и Югославии, на врага сбрасывали миллионы листовок, печатавшихся на современных высокопроизводительных

полиграфических комплексах
многомиллионными тиражами
прямо на бортах авианосцев. В
России вклад этого традиционного
способа пропаганды был пока
минимальным — скорость
продвижения сил миротворцев по
территории России находилась в
дисбалансе с досягаемостью авиации
ближнего радиуса действия. А в
глубине их территории имелась
мощная объектовая ПВО. Но в
большинстве городов и даже
сельских районах еще периодически
функционировала сеть Интернет,
проводная и беспроводная
телефонная связь. Именно на них
ориентировались люди,

запланировавшие этот ход годы
назад.

* * *

— Алло, это Петербург?
Квартира Петровых?

— Да.

— Мария Сергеевна?

— Да, я вас слушаю!

— Хорошо, что я дозвонился.

Раз двадцать уже пытался.

— Да, у нас то есть связь, то нет,
никогда и не знаешь. А кто это?

— Меня зовут Алексей
Сергеевич. Я звоню по поводу вашего
мужа...

— О господи! Миша! Что с Мишей?!

— Успокойтесь, Мария Сергеевна, ничего пока не случилось. Во всяком случае, я об этом пока не знаю.

— Что?!

— Успокойтесь, я прошу вас! Вы будете меня слушать?

— Да!.. Да, я слушаю! Что произошло?

— Михаил Михайлович ведь вчера улетел?

— Да, только вчера!

— Вы попрощались?

— Да, а почему вы...

Голос в трубке уже изменился: из спокойно-участливого он стал

надменным.

— Не перебивайте меня. Просто отвечайте, когда вас спрашивают. Вы в курсе, что с точки зрения международного права ваш муж является военным преступником?

— Что?!

На этот раз спросивший не оборвал начавшую всхлипывать, но не бросившую трубку женщину.

— Объясняю. Подполковник Михаил Михайлович Петров, занимающий должность заместителя командира 1-го бомбардировочного инструкторского авиаполка, окончил Краснодарское ВВАУЛ сами знаете в каком году. Советская армия объявлена преступной организацией.

Соответственно, все офицеры Советской армии рассматриваются теперь как военные преступники, ваш муж не исключение. У вас с подполковником Петровым двое детей и вы живете вместе уже сколько лет, двадцать пять?

— Да, двадцать пять в этом году...

— Бросьте рыдать! Слушайте внимательно или записывайте, если хотите. Двадцать пять лет — большой срок, поэтому он вам позвонит обязательно, как только найдет для этого возможность. Вот тогда передадите ему: его будут судить. Причем просто и прямо, потому что и сама ситуация проста и

очевидна и не требует каких-то юридических занудств. Он сгниет в лагере, если не сделает, как я сейчас скажу. У него есть шанс получить иммунитет, так называемый «вэйвер», и не подпасть под эту статью. Все подпадут, а он нет, ясно вам это? Если да, то запоминайте или записывайте, как я и сказал...

— Кто вы такой?..

— Заткнись, сука советская! Тебе тоже есть что припомнить! Хочешь, чтобы он в лагере умер? Чтобы его забили насмерть? Военные преступники получают по полной, тут тебе не Красный Крест! Раньше надо было рыдать, когда выходила за военного! Ты слышишь

меня?

— Я слышу.

Голос женщины тоже изменился
— она явно взяла себя в руки.

— Тогда вот что...

— Не «вот что».

— Что? Связь чертова... Петров должен отойти в сторону. Просто отойти. Если хочет, обострение язвы может сыграть, это ничего ему не стоит. Уже за одно это его случай может рассматриваться особо, не в общем порядке. Если же он оставит на земле полк, каким бы способом он этого ни добился...

— Хрен тебе.

— Что-что?

— Хрен тебе, падаль. Не будет

тебе никакого Миши. Ты знаешь, на чем он летает, а?

— Ты что, с ума сошла, Машенька? От горя и страха, а? Забыла, как голосила, когда я его имя назвал минуту назад? Ты кем себя возомнила, сучка? Ты понимаешь, что с вами будет: с ним, с тобой, с девками?..

— Я никем себя не возомнила. Я жена подполковника Петрова. А таких, как ты, еще будут вешать по площадям. Как до 60-х вешали в том Советском Союзе, от которого тебя корежит до сих пор. Мой муж и его ребята вам всем еще покажут, а коли его собьют, так он как мужик умрет, а не как собака брехливая.

— Вот сейчас вышибем тебе двери, сука, — запоешь у нас, — прошипел уже почти неузнаваемый голос в трубке.

— Приходи, не пожалеешь.

Она нажала кнопку, разорвав соединение. Боясь, что сорвется, заплачет снова. Вышла в соседнюю комнату. Младшая дочка сидела на кровати, молча и тихо, как мышка. Огромные карие глаза, не мигая, смотрели на мать с бледного лица. Она была старшекурсницей химфака «большого университета», умная, спортивная и веселая девушка, но сейчас она прижимала к себе старого плюшевого кота, зарываясь в пыльную ткань подбородком и

глубоко и мерно дыша. Это напугало женщину больше, чем исчезнувший за спиной чужой голос.

— Все слышала? — негромко спросила она.

— Только то, что ты отвечала.

— С отцом все в порядке пока, я уверена. Но какая же гнида... Ведь наш же, русский... Не откуда-то звонил, изнутри. И год выпуска знает, и год свадьбы... Сколько же они готовили это, а?

Не добившись от дочки никакой реакции и решив еще минуточку подождать, она вышла из комнаты в прихожую, на цыпочках подошла к двери и передвинула «собачку» замка вниз, на блокиратор. Потом пошла

обратно в гостиную и залезла с ногами на диван, дотянувшись до висевшего на самом верху настенного ковра ножа в ножнах. Даже не ножа, а настоящего кинжала с Кавказа. Муж любил рассказывать гостям, что это военный трофей с 2008 года, но это было простительным мелким враньем — он сам купил этот кинжал еще в 90-х. Обычная туристическая поделка, украшение, но не дешевка. И с длинным острым лезвием. Она не верила в угрозы позвонившего ей издалека врага, но береженного Бог бережет.

Снова вернулась в комнату дочери, тихо присела рядом, покосившись на затертую еще в

детстве игрушку: кота серого цвета, в рубашечке и галстук. Оказывается, дочка его не выкинула, прятала где-то.

— Что думаешь делать?

— Не знаю, — глухо ответила дочка. — Просто не знаю. Если бы в медицинский тогда поступила, было бы ясно. А так... Химик-технолог текстильной промышленности... Краски... Кому это нужно будет теперь?

— Ты думаешь, всей нашей жизни конец? — также негромко спросила мать.

— Думаю, что да. Что он обещал, этот человек?..

— Я и не спросила. Да только и

догадаться можно. Освобождение от объявления военным преступником. Доллары. Жизнь.

Дочь усмехнулась с такой мимикой, которая подошла бы взрослой женщине, не девушке.

— Отец бы еще веселее ему ответил. Но и ты молодец.

— Было бы чем гордиться, — вздохнула женщина. — Чтоб он их там всех, сволочей, к ногтю прижал... А сам живой остался...

— Нет шансов, мама. Всех собьют, и папу собьют. Нас в сарай загонят, бензином обольют...

— Ты что такое говоришь, доча? — в ужасе спросила мать, развернувшись к дочке всем телом,

обняв ее большими руками вместе с ее котом. — Ты что? Может, обойдется еще! Папа у нас не такой, чтобы дать себя голыми руками взять. Он знаешь у нас какой?.. И какой сарай, с чего это тебе в голову пришло?

— Не голыми руками, мама. Не голыми... А будет все равно так, я знаю. Чувствую.

— Так же, как что? — уже шепотом спросила она.

— Так же, как тогда, при дедах Вите и Вале. Только одновременно будет много разговоров о том, как ценны права человека и демократические свободы. А так все то же. И сараи, и концлагеря, и

борьба с партизанами.

Последнее она произнесла чуть задумавшись. Мать ждала, пытаясь не спугнуть то, о чем сейчас думала повзрослевшая за два дня дочь, что бы это ни было.

— Мы не о том что-то. Не о женском. Продуктов где запасти? Себя как уберечь, когда придут?

Женщина вздрогнула. Про «придут» дочь точно не слышала, это было в словах человека на другом, далеком конце провода. Потом она поняла, что младшая имела в виду не квартиру, а их город, Петербург. Муж радовался, когда перевелся сюда с севера. Радовался самолетам, быстрым и тяжелым, как дикие

звери. Радовался даже той южной войне, совсем уж нестрашной тогда для всех них: далекой, показываемой по телевизору. Радовался полетам, тому, ради чего учился и служил столько лет. Ему предлагали и Дмитриевку — в Оренбургской области, почти рядом с родителями, — но там была «база резерва», и это для него было неприемлемо, даже если не учитывать «почти столичный» статус Петербурга. Вот они и приехали, и он каждый день мотался в Лебяжье с их Парнаса через кронштадтскую дамбу. А теперь все пойдет под откос... Все, вся жизнь... Старшая дочка замужем довольно недалеко, в Москве, но это

сейчас как другая планета. Электричек нет, и не скоро появятся снова: говорили, что контактная сеть на ключевых железных дорогах порвана в клочья. Дальние поезда почти не ходят, а бензин, говорят, стоит уже 20 долларов за литр, и его еще надо найти. Впрочем, что толку, если и водить она не умеет, хотя машина в семье есть, стоит в гараже. Старшая умеет, но она в Москве. А Москва в шестистах километрах — пешком не дойдешь. Господи, что же будет теперь со всеми ними? Что будет с Мишей, который летит сейчас, наверное, где-то высоко в небе, ищет радаром вражеские танки, идущие к Петербургу и

Москве... Он говорил, в настоящую войну их будут из всех сил беречь, но где они, эти силы? В Санкт-Петербурге уже четырежды объявляли «воздушную тревогу», и это было странно и ненормально. Ревели сирены уличного оповещения, давали гудки фабрики. И где-то вдали, и рядом, в их промзоне, но все равно никто не знал, что делать. До метро от их нового дома было все же далеко, а рядом нигде не было никаких бомбоубежищ, и, главное, не звучало никаких разъяснений. Она сунулась вместе с дочкой в здоровенный дом, старше других по постройке, про который помнила, что видела полустертую красную

надпись «Убежище» над входом в подвал. Но там оказалось пусто и грязно, двойная овальная дверь отсутствовала, зияя черным проемом, внутренняя была заменена на обитую жостью квадратную, сорванную с одной петли, — вероятно, недавно. Она посветила экранчиком сотового через кривой треугольник проема: там было темно, никого и ничего, только пахло мышами и старой мочой. На выходе они столкнулись с несколькими другими такими же дурами. Одна держала на руках двухлетнего ребенка в теплом комбинезоне, и Мария навсегда, наверное, запомнила его лицо: испуганное,

недоумевающее... Если не считать метро, где в городе остались бомбоубежища? Где они не превращены в склады товара, во что-то еще? Да и ладно товар, его выкинуть недолго, но нормальное убежище требует оборудования: системы очистки воздуха, канализация, водопровод, связь, что-то еще... Надо же... Это только последние 10 лет она работала бухгалтером, а раньше была мастером на заводе, там это обязательно контролировалось, преподавалось, и что-то она, оказывается, даже еще помнила.

— Мам, — прервала ее раздумья дочь. — Я, наверное, в военкомат

пойду.

— Что? — не поняла она. —
Зачем?

— Ну, может, они знают, что
делать. Мне 22 года, я спортсменка.
Может, на курсы какие-нибудь
направят.

— Ты пловчиха, а не стрелок
или борец... Что за ерунда? Какой
тебе еще военкомат?

— Ну и что, что пловчиха.
Химики никому не нужны будут...
Да и курсы тоже не нужны, наверное:
нет у нас этих месяцев... Но хоть
что-то.

Мария помолчала, обдумывая
варианты. Дочь она знала, у младшей
в характере было многое от отца,

этого не отнимешь. В старые времена такая могла бы и в отряд космонавтов метить, но теперь времена были другие, теперь девочкам с сильным характером была прямая дорога в управление персоналом. Или замуж за директора завода. Как, впрочем, было всегда.

— А знаешь, сходи. Может, там что подскажут, и вообще...

Она провела в воздухе рукой, не зная, что сказать. Было бы странно, если бы в военкомате разъясняли, где людям брать хлеб, когда не работает ни один магазин. Или что делать, когда каждое прорезающееся в телеэкране лицо является таким фальшиво-мужественным, что

замирает сердце. Еда в доме пока была: и макароны в шкафу, и рыбные консервы, остающиеся от пайка мужа — они уходили только на праздничные салаты и летом в походах. Как дочери выросли, в походы они ходили ежегодно. Дачи у них не было — мужа могли перевести из Лебяжьего куда угодно, вплоть до Дальнего Востока. Боевых самолетов у России оставалось так мало, что за настоящую командную должность, за право летать старшие офицеры интриговали и ссорились. Господи, жив ли еще Миша, кинут ли в бой его инструкторский полк? Ох, не на месте сердце, чует беду... Для всех беду, не для них одних...

Она сидела, глядя, как быстро и деловито собирается дочка. Теплое белье надела — на улице холод. Спортсменка, фигурка на загляденье: такой что любить, что рожать самое время. Пусть узнает что-нибудь в военкомате, да пусть и на курсы запишется, какие бы они ни были. Если они есть. Медсестер готовят по три года, кажется. После «полного среднего» — по два года. В войну — пусть месяцы. Но младшая дочь права: у них может не быть даже месяцев. Весь мир на них ополчился, армию сожрут за считанные дни, хорошо если за недели. Потом перебьют всю эту молодежь, которая уже побежала и еще побежит в

военкомат, самых золотых, самых лучших. И останутся вокруг только те, кто не побегал. И кто дождется своего времени и спокойно пойдет записываться в полицаи. Или куда-то еще, где можно будет получить паек и жизнь в обмен на доносительство на своих бывших соседей или еще на что похуже... Можно не сомневаться: этот, позвонивший, был именно из таких, решивших все для себя заранее, выбравших сторону без колебаний. Что делать, если он придет, как сказал? Взять в руки вдобавок к сувенирному кинжалу с Кавказа еще и сковородку? Колотушку для мяса?

А может, все-таки остановить,

не пустить дочь никуда? Та уже стояла в дверях с небольшой сумкой в руках. Вернулась к своему столу, сунула в сумку несколько шариковых ручек. Правильно.

— Мам, я пошла.

— В какой пойдешь? На Сампсониевский?

— Да.

— Метро?

— Конечно. Как же еще теперь.

Оставалось только кивнуть. Автобусы и маршрутки не ходили с утра совсем — все топливо резервировалось для вооруженных сил, да и часть транспорта тоже. А электротранспорт ходил кое-как, потому что электричество давали с

перебоями. Она продолжала
выставлять время на часах
микроволновки после каждого
отключения, но просто из упрямства,
чтобы хотя бы что-то выглядело «как
раньше».

— Осторожнее по пути. Слушай,
а знаешь, давай я тебя провожу?

Дочь помотала головой, но
потом остановилась и кивнула.

— А давай, мама. Посмотрим,
может, и по дороге чего увидим.
Сумку и деньги возьми.

Мария быстро собралась,
оделась потеплее и поглядела в
глазок, прежде чем зазвенеть
замками. Спустились они по
лестнице: нельзя было предугадать,

когда электричество пропадет в следующий раз и будет ли дежурить какой-нибудь техник в лифтовой аварийной службе — вытаскивать застрявших людей. У них был пятый этаж, они не развалятся ходить пешком ни вверх, ни вниз — а каково тем, кто на десятом или самом верхнем? Особенно людям постарше: старикам, старухам? Мамам с совсем маленькими детьми? Снова как будто обдало холодом изнутри, и она поплотнее завернулась в пальто. Новый дом, а стены на лестнице исписаны черным и синим поверх нежно-салатовой краски: про вечные проблемы дружбы и любви, так сказать, и, конечно, про «Зенит» и

про СКА. Главное, что от армии у них осталось, по словам мужа: ЦСКА в Москве да СКА в Питере...

— Мам, глянь.

Почти вплотную к их подъезду стояла небольшая толпа, из окна это место не просматривалось. Человек двадцать женщин разного возраста, трое или четверо мужчин, при взгляде на которых сразу вспоминалось слово «плюгавый» или даже «плюгавенький». И поп. В рясе, с крупным бронзовым крестом на груди, в головном уборе, названия которого она не знала. Поп вещал, иначе не скажешь. Голос у него поставлен был отлично и раскатывался на всю округу. Звучало

что-то про «христианское милосердие», «всепрощение» и «покаяться за грехи наши». Дочь потянула за руку, но Мария двинулась к толпе, как притягиваемая магнитом. По дороге она все ускоряла шаг, и слова священника становились все отчетливее.

— ...Подумайте, за что ниспослал нам Бог это испытание? За грехи? За гордыню? Каждый для себя должен решить, и каждый должен покаяться: за свои грехи и за общие, за свою гордыню, и...

Не задержавшись ни на секунду, она прошла сквозь шепчущую, кивающую, вздыхающую толпу, как ледокол, уверенно расталкивая

женщин и мужчин в стороны.

— И когда придет час испытания, мы должны, покайся, смиренно принять, что уготовил нам Господь. Ибо, уверовав, но не покайся...

Она вlepила в подбородок священника с правой, как делала в молодости. Волейбол и ручной мяч — в ее время игру то называли «гандболом», то переставали — хорошо закалили руку. Бить со всей силы Марии в жизни приходилось, и годы материнства и мирной работы не заставили ее позабыть, как для этого фокусироваться, какие мышцы включать в удар.

Люди ахнули. Нокаут. С одного

прямого. Кто бы мог подумать. А ведь роста священник был довольно высокого и не так уж хил на вид.

Мария обвела оцепеневшую толпу таким взглядом, что люди попятились. Дочь встала слева, и даже боковым зрением она почувствовала ее ухмылку.

— Что, куры, заслушались? Милосердия вам захотелось? Каялись мало в жизни?

— Да что же...

— Заткнись, — посоветовала дочь шагнувшей вперед немолодой женщине, и тон у нее вышел такой, что та осеклась и остановилась на полушаге.

— Мой муж улетел вчера

драться. Он офицер, летчик. И он с ребятами сию самую минуту, наверное, показывает и «всепрощение», и «милосердие», и все остальное, что только успевают на его самолет навесить между вылетами. Моя младшая дочь идет в военкомат — так сделала моя мама, когда немцы в 41-м пришли. Простить их надо было, и покаяться, и «принять смиренно»?.. Этих теперь надо «простить»? Да вы здесь что, с глузду съехали, люди?!

Их новый дом был «военным», по крайней мере четверть квартир в нем выдавали при заселении через сертификаты Министерства обороны по какой-то из президентских

программ. И хотя часть квартир немедленно ушла «по обмену» в другие руки, Мария была уверена, что в толпе есть хоть несколько офицерских жен. Поэтому реакция людей ее потрясла. Толпа разом качнулась вперед: голося, причитая, отталкивая их, поднимая и отряхивая уже приходящего в себя священника, подавая ему его шапку, поправляя длинные рукава черной рясы. Проклятия выкрикивались так густо и с такой яростью, что Мария с дочкой отступили перед ними, а не перед тычками.

— Мама, — хрипло сказала дочь под руку, когда она, напуганная, но окончательно уже разъярившись,

выдала особо близко пришедшейся тетке «прямой с левой». Удар вышел точно в нос, брызнула кровь. Тетка скосила глаза вовнутрь, как показывают в дешевых комедиях, и завывала, перекрыв на секунду даже всех остальных.

— Ыйех, — выдохнула Мария, заноса руку снова: висящие на ней гроздью сумки совершенно ей не мешали. Выражение на ее лице купило им метра полтора свободного пространства, но пятиться дальше было некуда, их прижали к ограде детской площадки. Священник что-то декламировал на заднем плане: в этот раз она не поняла ни слова. Было понятно, что сейчас их с

дочкой будут убивать. Это было глупо, но почему-то совершенно не пугало.

— Бабы! — раздалось сзади. — А чегой-то вы?!

Голос был издевательски сильным, и все обернулись на него сразу. Среди чужих голов, серых и бурых курток Мария разглядела спросившего: мужик лет сорока, в черной шапке и широкоплечий. Незнакомый, конечно же, но с чем-то привычным в голосе.

Несколько женщин бросились к нему, объясняя. Снова загудел священник. Мария ждала. Отпустить дочку ей в голову не пришло, хотя как раз сейчас та могла бы уйти. Уж как

будет, так будет.

— Ага, — сказал мужчина. — А ты чего?

Вставший перед ним мужичок затряс пальцем на вытянутой вверх руке, и он тоже вытянул руку, только не вверх, а вперед, отстраняя того, трясущегося, со своего пути.

— Милосердие — это высочайшее, самое благородное чувство, достойнейшее из всех, — произнес значительным голосом священник в лицо подошедшего к нему мужчины. Хотя женщины с боков продолжали наперебой объяснять ему произошедшее, будто милиционеру, эти слова прозвучали совершенно отчетливо.

— Ага, — снова сказал этот мужчина, и его лицо вдруг сделалось хитрым. Одним мгновенным круговым движением на лету сложившейся в кулак правой кисти он вбил попу его шапку в голову, будто заколотил невидимый кол в землю. Наступила тишина, снова такая же, как две минуты назад, и Марии стало весело. Это был свой — незнакомый, но явно имеющий те же повадки, что муж и его друзья, разве что чуть помладше.

Поп рухнул на землю со стуком. Второй раз за пять минут. Толпа, обалдев уже окончательно, разделилась на двадцать с лишним отдельных лиц: кто-то оборачивался

на Марию и ее дочку, кто-то продолжал пялиться на мужика, кто-то на попа, все переводили взгляды во все три стороны и друг на друга, но уже никто не голосил.

— Слушаем меня внимательно, граждане, — спокойно произнес мужчина. — Сейчас мы разделимся на две группы. Или нет, даже на три. Первая становится вот сюда. Это те, кто направлялся в сторону райвоенкомата или на городской сборный пункт на Загородном и остановился буквально на минуточку послушать. Вторая — вот сюда. Это пусть будут те, кто уже определился для себя, что выгоднее всего стать полицаем, потому что паек и форма.

Сюда же те, кто в полицаи не годится по полу и возрасту, но готов предложить услуги оккупационной администрации: типа выписывать каллиграфическим почерком списки людей, которые не любили чеченцев и теперь подлежат за это расстрелу, ну, и так далее. Те дамочки, кто уже готовится орально ублажать охрану концлагерей с партизанами за тарелку баланды, тоже сюда, не задерживаемся!

Мужчина обвел людей ставшим железным взглядом: оцепеневшие женщины слушали его, не шевелясь и почти не дыша. Марии было весело: и она чувствовала, что дочке тоже. Это был как минимум подполковник,

причем «старой школы». И настолько похожий интонациями на мужа, что это было даже удивительно. Почти наверняка летчик, хотя совершенно необязательно пилот самолета.

— И третья группа — кто будет сидеть в сторонке и молиться. И каждый раз, когда полицаи будут волочь партизан на Дворцовую площадь с уже подписанными табличками на груди, — вздыхать и креститься. Ну?

Не опуская взгляд, вслепую он коротко ткнул ногой, и лежащий человек качнулся. В этот раз он явно вырубился на более долгий срок, чем после ее первого удара.

После этого люди начали очень

тихо расходиться в стороны, оглядываясь со страхом и каким-то недоумением на лицах. Остались Мария с дочерью, и одна женщина в серой куртке и с серым незаметным лицом. Дочка подбоченилась, на ее лице была улыбка, и Мария вдруг совершенно четко поняла, о чем именно та думает. О женском, о чем же еще. Надо же.

— Ну? — спросил мужчина.

— Я бывшая медсестра, — негромко сказала женщина. — Даже старшая медсестра. Но я лет десять уже в торговле, действующего сертификата нет. Куда мне?

Мужчина запнулся, но буквально на секунду.

— Я понятия не имею, — честно сказал он, — но отдел кадров ВМА^[1] — это наверняка хороший выбор. Они сейчас главными будут, повезло городу.

Мария горько покачала головой: знаменитую военно-медицинскую академию закрывали уже несколько лет, с шумом и скандалом, изо всех сил. И наверняка это было звеном все того же самого плана, той же идеи, которая вылилась сейчас во все это. На что тут можно надеяться, на какое чудо?

Она поглядела на едва приоткрывшего глаза священника, с недоумением ощупывающего свое лицо рукой, и снова подняла взгляд.

Мимо быстро прошагал какой-то человек, оглядел на ходу их странную группу, но прошел не остановившись.

— А я — младшая дочь подполковника Петрова, летчика, — сказала сбоку дочка. — А это моя мама. Я еду в военкомат на Большой Сампсониевский, а мама меня провожает.

— А папа где? — абсолютно тем же тоном спросил мужчина, и Марию это неприятно кольнуло. Впервые за многие минуты вспомнился мерзкий звонок.

— Папа воюет, — очень спокойно ответила дочка почти детским голосом. — А вы кто?

— Я майор внутренних войск,

всего лишь. В отставке уже много лет.
Зовут Леонид. Иду сразу в городской
военный комиссариат, на
Английский проспект.
Соответственно, тоже на метро.
Топаем?

Не получив ответа за первую секунду, он наклонился к лежащему без движения священнику и сказал ему несколько слов тихо, но таким свистящим шепотом, что каждое было слышно. Она разобрала каждое из них, но ни одно до нее не дошло: слишком ненормальным, пугающим было сказанное. Ярость давно прошла, и теперь Мария испытывала слабость, больше ничего. Ей никуда не хотелось идти, скорее, присесть

или прилечь и чтобы не видеть и не слышать ничего. Но не выходило.

Они пошли все вместе, огибая огромную стройку по промерзшей тропинке между двумя строительными отвалами.

— Я разведенный давно, — объяснил мужчина, хотя его никто не спрашивал. — Ребенок почти взрослый, с женой. Фирма йогурты и творожные сырки из Эстонии поставляет. Ага, будут нам сейчас творожные сырки! А я реально лучшие годы жизни в армии провел. В общем, позвонил директору, позвонил сыну и бывшей своей, с ребятами поговорил, которые нормальные. Чего тянуть? Мне

СПОКОЙНО ВЗВОД МОЖНО ДАВАТЬ.

— Майору — взвод?

Тот остановился, посмотрел на девочку.

— Ты точно сама не подполковник?

И Мария, и дочь улыбнулись. Мужик после секундной паузы тоже улыбнулся и тут же двинулся дальше. Только оглянулся на держащуюся в нескольких метрах позади, отдельно от них, женщину с неподвижным лицом.

— Роту много. Я и не воевал-то, а охраной занимался. И там, и здесь, в своей конторе. Но что умею, то умею.

— Нам час назад очень

странный звонок был, — вдруг сказала Мария, повинуясь какому-то неожиданному внутреннему толчку. — Позвонил странный такой... Вражина, в общем. Сначала вежливо, а потом вопить и плеваться начал. Сказал, что если мужа поймают, то будут судить как военного преступника. Я думаю: «А что он сделал-то?» — а он говорит, что так будут судить всех, кто окончил военные училища в советское время, причем судить сами и как захотят. Если они, мол, не сдадутся и не будут делать, как им приказывают.

— Ага, — снова сказал мужик, который, видимо, любил это

слово. — И что?

— Да ничего, — вздохнула Мария. — Мой муж не из тех, чтобы дать им...

— Я саратовское училище закончил, — не дал ей договорить майор. — Причем давно, успел еще настоящей стране послужить. А что по поводу звонков... Вот мне никто не звонил, но когда я в последний раз в Интернет пробился... захожу я в «Одноклассники», а там у меня штук пять незнакомых гостей...

Мария посмотрела на дочь вопросительно, но та кивнула, видимо, поняла сказанное.

— Причем с разными, но однотипными посланиями: и первая

серия такая, что, мол: «Привет, давно не виделись? Как ты! Я беспокоюсь о тебе!» — и без имени-фамилии, главное. Только потом вместо рекламы спа-салонов или «электронных сигарет» идет информация о том, что если тебя или иного знакомого тебе старшего офицера интересует американское или европейское гражданство и куча бабла впридачу, то надо зайти на такие или сякие сайты и назваться. После чего сидеть и ждать, когда с тобой свяжутся.

— И что? — спросила в этот раз женщина, шедшая теперь за ними почти вплотную.

— А я знаю что? Можете себе

представить, что сто тысяч старших офицеров, даже таких запасников, как я, сидят перед компьютерами и ждут, когда с ними свяжутся и отвалят вражеское гражданство и бабло? Вокруг рвутся ракеты, бомбы, кого-то оккупанты уже волокут вешать, кого-то пока еще только грабить и насиловать, а они все сидят, ждут... У компьютеров, в «Одноклассниках». Нас за кого тут держат, за детишек? И вообще, почему мне это пришло? Как меня нашли, по аббревиатурам? Выпуски училища, годы службы? Я же всего-то майор был. Плюс даже не строевых частей.

— А вторые письма были о

чем? — спросила на этот раз сама Мария.

— Вторые были еще веселее.

Они как раз проходили мимо небольшого киоска, на ее памяти уже трижды менявшего свое предназначение: то пиво-сигареты-чипсы, то ремонт обуви, а то снова пиво. Киоск выгорел, ветер намел внутрь снега, и тот перемешался с горелой фольгой и обрывками бумаги, как раньше бывало на пустырях после новогодних фейерверков.

— Вторые были типа: «Мой дорогой! Даже не думай лезть во все это! Сиди тихо, все будет нормально! Пускай идиоты лезут, если им жизнь

недорога» — и подписи: «Лена из твоего класса», «Саша, сам знаешь какая». Какая Лена, какая Саша? У меня в классе всего пять девочек было, и из них три Вики, тогда такое время было.

— Я тоже Вика, — вставила дочка.

— Вот-вот, — непонятно почему согласился с этим майор. — Опять же, все, кроме совсем уж клинических идиотов, все поймут, конечно. Но намек ясен. На нервы намек, больше ни на что. Мол, мы знаем, кто ты такой и где сидишь. Вот и сиди, а не то будет бо-бо, ата-та и рэ-пэ-пэ...

— А рэ-пэ-пэ — это что? —

спросила опять же Вика, и мать покосилась на нее с большим смыслом в глазах: дочка явно пыталась флиртовать с похожим на ее отца мужиком, старше ее на пятнадцать с лишним лет. Причем в обстановке, которую даже самый наивный человек не счел бы располагающей к романтическим намекам. Это было просто глупо. И опять же напоминало о том, что муж был где-то в небе, страшном, никогда не прощающем ошибок и тем более не прощающем их теперь, когда стреляют и жгут.

— Это я так сыну маленькому говорил, — объяснил майор, вздохнув. — А мне еще мой дед.

Значит «ремнем по попе». Сыну всегда смешно было, когда так говорили... Ну что, пришли вроде?

Они действительно были у метро, пройдя громадный микрорайон насквозь. Здесь было далеко не «как обычно». Прежде всего бросалось в глаза отсутствие дежурящих маршруток и похожих на кирпичи автобусов, идущих в пригородные районы. Не работали стоящие здесь киоски, ни один; причем все были пустыми, выметенными до чистых полок. И было много людей, стоящих группками, переговаривающихся, ждущих чего-то.

— Доча, в магазин я так и не

зашла посмотреть. Пойду теперь. А ты туда, и сразу назад, чтобы я не волновалась. И если будет связь, звони или СМС пришли. Поняла?

Дочь кивнула несколько раз подряд, и Мария увидела, что майор приостановился впереди и ждет ее. Ну и пускай. Тому куда-то на Английский проспект, ей ближе, разойдутся в метро. А бывшая медсестра уже ушла вперед, не дожидаясь остальных, хотя она и с самого начала была сама по себе. Быстро чмокнувшись, они расстались. Мария еще поглядела, как дочка спешит за майором и оба быстрым шагом идут к вестибюлю станции мимо групп непонятно чего

ожидающих людей. Почему-то впервые подумалось о том, что свою фамилию мужчина им не назвал. Ну, да и ладно, мало ли в их жизни было прохожих без фамилий.

Вика пошла вперед, но метров за десять до дверей «Парнаса» их остановили. Это был обычный парный полицейский пост, но бросалась в глаза усталость полицейских. И еще их руки: красные от холода, но лежащие на автоматах, подвешенных у каждого на ремне за шею. Мужчина подал для проверки паспорт и военный билет, она сама протянула паспорт и студенческий, но его даже не взяли.

— Не дочка? — мрачно спросил один из полицейских, и она неожиданно смутилась, но тот и не стал дожидаться ответа, отдал документы и махнул рукой.

Прямо у дверей станции стоял еще один пост, на этот раз состоящий из трех полицейских, но второй проверки не было: бойцы ограничились тем, что проводили их внимательными взглядами. Внутри наземного вестибюля было уже «как обычно». В окошках продавали жетоны и клали рубли на магнитные карточки, висела разноцветная схема, у которой кто-то стоял. Вика обратила внимание на то, что работали даже терминалы,

используемые для пополнения счетов сотовых телефонов, и несколько установленных здесь же разноцветных банкоматов. Или, во всяком случае, они были включены.

Поезда пришлось ждать дольше обычного, минут пятнадцать или чуть меньше. Поскольку станция была конечная, они с комфортом сели, и, пока метropоезд не тронулся, пресекая все разговоры, кроме самых интимных, она еще успела спросить:

— А откуда тот поп взялся, интересно? У нас же ни одной церкви рядом?

— Хрен его знает, — почти равнодушно сказал майор, который

назвался именем Леонид. Интересно, что на еврея похож не был, хотя Вике казалось, что все Лёни должны быть именно евреями: чай, не в Греции живем, где царей так звали.

— Меня больше другое интересует. Почему Владимир Владимирович не запустил ракеты и вообще куда он делся, вместе сама знаешь с кем.

— А?

— Телевизор смотрели? Ты заметила, что про это так ничего и не сказали? Ни тебе «президент в Кремле заботится о нас», ни «главнокомандующий убыл в секретный подземный бункер и будет оттуда управлять войсками и ващце».

Ничего такого. Сначала — полсутки мужественного лица и приведения нам примеров из богатой отечественной истории, а потом — сразу другие лица на экране. А красная кнопка не нажата, и главнокомандующего больше не показывают. С чего это, как ты думаешь?

— Да, появление поппропагандиста в этом контексте выглядит уже не интересно, — не могла не согласиться девушка. Поезд уже ехал, хотя и со скоростью, показавшейся ей меньшей, чем бывает обычно, и разговаривать приходилось, сблизившись головами.

— Леонид... Товарищ майор...

А вы сами как думаете: удастся нам отбиться? Удержать их где-нибудь на полдороге, уступить что-нибудь, договориться как-то?

Тот не ответил, только некрасиво подвигал нижней губой. А переспрашивать она уже не стала — не дура.

Несмотря на длительные перерывы между поездами и почти полное отсутствие наземного транспорта, метро было полупустым. Более того, Вика не увидела ни одного пожилого или старого человека, по крайней мере в их вагоне. И ни одного ребенка. Она понятия не имела, работают ли школы, но очень сомневалась, что

сейчас в классах комплект учителей и что нормальные родители отпустят туда детей. Вчерашняя стрельба по автобусам и троллейбусам запомнилась всем: это было утро, когда далеко не каждый осознал происходящее, но телевизоры еще работали почти бесперебойно. Было воскресенье, многие находились дома. И шел март: как раз тот месяц, когда лыжи и коньки в их краях уже хорошо пошли на спад, а до дачного сезона еще слишком далеко. Показанные смазанные картинки с десятками тел, лежащих в жестяных коробках со сплошь выбитыми стеклами, вопли раненых на носилках, короткие фразы

растерянных свидетелей — это ударило по нервам людей как бы не сильнее, чем война, начавшаяся где-то там, на востоке и западе. На улицах Петербурга тоже убивали людей — рассказывали о сотнях. Говорили и о том, что из «мирной демонстрации», которую начали проводить перед Смольным аж в 10 часов утра, когда еще вообще никто ничего не понимал, тоже несколько раз выстрелили в здание. И в полицию, которая гнала потом демонстрантов метров шестьсот, пока окончательно не размазала их по асфальту. Это никто не снимал, а рассказы очевидцев, пущенные по радио, недорого стоят, но что

говорили, то говорили.

И еще в вагоне не было ни одного военного. И никто не читал книги. Осознав это, Вика задумалась настолько глубоко, что едва не пропустила «Удельную», откуда, как она подумала, было проще добраться до райвоенкомата Выборгского района, чем если еще час ехать в объезд на красную ветку с двумя пересадками.

Наскоро попрощавшись с молчащим теперь майором, она выскочила из вагона в последнюю секунду перед закрытием дверей. Это привлекло внимание пары полицейских на почти пустой платформе, но те Вику не остановили, хотя их взгляды

показались девушке неуютными. Подъем по эскалатору был обычным, никаких отличий от происходившего в ее жизни тысячу раз или больше. Она выросла не в этом городе, но университет был далеко от их спального района с огромными новыми домами, и ездить на метро ей приходилось много. На половине пути вверх под ложечкой вдруг начало неприятно колоть. Вика заерзала, расправляя куртку и одновременно внимательно разглядывая все вокруг. Людей на двух работающих эскалаторах — одном идущем вверх и одном вниз — было мало. По человеку на каждые ступенек двадцать или еще реже. И

это понедельник, середина дня, когда всем надо куда-то ехать! Отлично ощущая что-то плохое в окружающем и борясь с желанием побежать по движущейся наверх лестнице то ли в одну, то ли в другую сторону, она попыталась успокоиться. Возможно, дело в том, что от «Удельной» до районной администрации идти придется долго, по холодку и с ежеминутным риском поймать себе на шею какое-нибудь приключение. В метро все-таки может быть чуть безопаснее, хотя, наверное, неспроста здесь так мало людей, если не считать полиции. Надо же, сколько уже времени прошло, а люди все еще сбиваются: то милицией их

называют, то полицией; она не исключение. А теперь еще как-то иначе будет, наверное, как бы жизнь ни повернулась...

Додумать она не успела. Прямо впереди, за лентой закругляющихся вперед изрезанных желобками металлических ступенек, слышались громкие, отчаянные крики сразу нескольких людей и затем гулкие хлопки выстрелов. Они отражались от стен туннеля и уходили все ниже и ниже одновременно с тем, как эскалатор равнодушно продолжал поднимать ее вверх. К происходящему там страшному, не виданному ей еще никогда. Спасло Вику то, что она

закричала от ужаса. Животный крик, выброшенный из ее горла каким-то детским инстинктом, помог, сбил оцепенение, дал выиграть секунду. Развернувшись на пятке, она бросилась вниз. Захлебываясь, торопясь, каждое мгновение ожидая того, что ноги подвернутся на едущей навстречу лестнице, она прокатится несколько ступенек, заклинитесь поперек и ее вынесет наверх. Под продолжающуюся стрельбу, под нечленораздельные вопли сразу нескольких людей, все продолжающиеся и продолжающиеся там.

Навстречу бежал милиционер. Тот самый, из глянувших на нее на

платформе. Сжавшись в комок, ссутулившись, Вика проскочила мимо него, едва не потеряла двумя ступеньками ниже равновесие, но удержалась и продолжила бежать. Это было почти бесполезно, потому что все ее усилия, все рывки вперед позволяли едва удерживать свое место между двумя едущими навстречу лампами, одними и теми же. Еще сколько-то секунд, и начнет сказываться усталость, подхлестываемая стучащим в затылок страхом. Но обернуться на то, что может поглядеть на нее сверху, было еще страшнее, поэтому она продолжала бежать, уже не тратя сил на крик, уже почти ничего не

соображая. Пробежавшего навстречу второго милиционера она уже не заметила, и тот почти сбил ее с ног. Потом лестница неожиданно остановилась, и инерцией ее тут же сшибло вниз. Ступеньки больно ударили по рукам, но лицо удалось защитить. Стараясь изо всех сил, Вика извернулась в проеме между двумя стенками, вытянув вверх сначала одну ногу, затем другую и от этого чуть не упала. Наверху звучали голоса, но криков стало меньше, а выстрелов уже не было слышно. Странно, дочь офицера, она никогда не видела и не слышала, как стреляют. Но все равно это больше не могло быть ничем другим. Она

попыталась скулить, но вышло плохо: стыдно и неубедительно. Не отрывая взгляда от закругления остановившегося эскалатора наверху, Вика сначала приподнялась на корточки, затем уперлась в острые грани очередной ступеньки коленом. По одной она начала нащупывать ступеньки ногой. Выиграв несколько штук, она осмелела и решилась высунуться, чтобы оглядеться по сторонам. На встречном эскалаторе двумя десятками метров вниз, наискосок через всю наклонную шахту, она заметила одну осторожно приподнявшуюся голову, и это было все. Все остальные, видимо, продолжали тихонечко лежать. На ее

собственном эскалаторе вдалеке
внизу виднелся торопливо
двигающийся мужчина в
развевающемся пальто, держащийся
на бегу сразу за обе ленты перил.
Этот время не терял. Сообразив, что
такое решение самое верное, Вика
побежала за ним — сначала
довольно ровно, а потом все быстрее
и быстрее, пока ветер не начал
свистеть в ушах. Гонка по
неподвижной лестнице заняла
несколько минут, не дольше чем
обычно. А внизу, едва выбежав на
вползающее на платформу
закругление, она остановилась.
Вдалеке, на другом конце
платформы, к торцевой ее стене

бежало несколько человек. А сидящая обычно в «стаканчике» своей будки дежурная стояла сейчас рядом, держа трубку местного телефона с невиданным лет сто витым шнуром, вытянув руку вправо. Ее лицо было бледно-бледно-желтым в свете ярких ламп, как подкисшее летом молоко.

— Что там? — хрипло выдохнула Вика, упершись правой рукой себе в грудь, пытаясь отдышаться. Толку от этого не было никакого, и она прошла оставшиеся метры по пологим здесь ступенькам, остановившись рядом с немолодой дежурной и взглянув туда же, куда смотрела она.

Рядом они простояли минуты две, за это время ни одна не произнесла ни слова. Звуки сюда сверху не доносились: наоборот, стал слышен гул приближающегося поезда. Девушка отступила на несколько метров вбок, под прикрытие свода короткого туннеля, уже мраморного, ведущего к платформе. Так ей показалось более безопасно. Потом она отвела взгляд от неподвижной, молчаливой, как статуя, дежурной у своей будки и поглядела на платформу. Поезд шел от «Парнаса», то есть двигался от ее дома дальше по той же ветке, и это оказалось решающим. Будь он в другую сторону, и она бы, наверное,

поехала бы домой, стараясь позабыть что-то, только что произошедшее, неизвестное и от этого только более жуткое.

Когда Вика, продолжая оглядываться, вошла в раскрывшиеся двери второго вагона от головы состава, несколько человек посмотрели на нее с явным испугом. Что-то такое, наверное, было написано на ее лице. Но двери закрылись, поезд начал ускоряться, по платформе мелькнул еще один бегущий человек — почему-то не от эскалатора, а к нему, — и на этом все кончилось, они с воем нырнули в туннель. Вика перевела дух, покачала головой и едва не выругалась вслух.

Могла бы и выругаться — никто бы не услышал. Или услышал, но и слова бы не сказал. Потому что это было мелочью по сравнению с происходившим снаружи, за контуром ярко освещенного вагона метро, несущегося по увешанным кабель-каналами туннелю. Под многометровой толщей гравия, глины, песка, невской воды и всего остального.

«Теперь до „Лесной“ точно», — сказала она сама себе и поразилась тому, что голос дрожал. Даже притом, что произнесла она эти слова мысленно. Взглянув же в темное окно на собственное отражение, Вика почти испугалась:

на темном смазанном лице ее глаза сверкали, как у зверей в детских мультфильмах. Ей впервые захотелось заплакать от страха и обиды, но она все-таки сдержалась. Помогло то, что отец был где-то далеко, и, может быть, в эту самую секунду он вел в ставшем чужим небе свой бомбардировщик, увешанный ракетами и бомбами. Рвался к какому-нибудь мосту или шоссе — как долго они были для Вики ничем, неразличимыми черточками на неинтересной карте, — забитым вражескими машинами и солдатами и спешащими сюда, чтобы убить ее и маму. И старшую сестру, и ее мужа, и их маленького ребенка, и всех

соседей, кроме тех, кто будет к моменту их прибытия уже записывать фломастером номера на ладошках. В той очереди, о которой так доходчиво сказал майор Леонид: в полицаи, охранять концлагеря.

Вика представила весь их огромный микрорайон, превращенный в концлагерь. Всех жителей их улицы с названием, которого она стеснялась в разговорах с друзьями, согнанных в одно место, за спирали режущей проволоки, под вышки. Почему-то в этой картинке, вставшей перед ее глазами, — на вышках, за пулеметами, или в стороне, удерживая рвущихся с поводков овчарок, были немцы.

Потом она подумала, что да, могут быть и немцы. Только форма будет не та, которую она себе представила. Что будут они делать с таким количеством людей? Поить качественным баварским пивом, сжигая перед этим громадный комплекс «Балтики», гордо торчащий посреди Викиного района, как Кремль посреди Москвы? Или не «сожгя»... а что? «Сжигя»? «Сжегчи»? Вика сморщилась, пробуя эти слова на вкус, и от этого ее наконец отпустило. Стало легче дышать, расползся густой комок внутри, между горлом и желудком. Они были уже на «Горьковской», — долго же это заняло. Никто на нее не

смотрел, все были заняты собой, своими тихими разговорами или мыслями. И по-прежнему никто не открыл ни одной книги, ни одной газеты. Выходят ли еще газеты? Она не знала.

Из глубины памяти всплыло чужое, ненужное слово: «селекция». Что оно означает, она сначала не поняла. Потом в голову начали лезть ассоциации, и Вика изо всех сил попыталась вернуться к той игре, что помогла всего пару минут назад. «Сожгя», «сжигя», «сжегчи»... Учительница русского языка в школе поставила бы ей двойку, класс бы смеялся, и к ней прилипло бы прозвище, которое вспоминали бы

потом долго, может быть, годы. Но она давно не училась в школе, где тебя хвалят за хорошие оценки, ругают за плохие, и от этого жизнь проста и понятна. Когда тебе не 22 года и у тебя есть паспорт с регистрацией «Санкт-Петербург, 4-й Верхний переулок, дом такой-то, корпус такой-то, и даже квартира», но штампа о регистрации брака нет, и штампа «военнообязанный» нет тоже, и нет записей о детях. Делает ли это тебя лишенным ответственности, свободным? Не обязанным ехать в военкомат?

Вика вполне понимала, что способна уговорить себя на что угодно. И вернуться домой, обнять

маму и попробовать дойти пешком туда, куда метро не ходит, — по многокилометровой дамбе до того же Лебяжьего, где базировался отцовский «инструкторский» полк. Попроситься вовнутрь, в казарму или комнату отдыха «летно-инструкторского состава», и сидеть там с мамой тихо-тихо. Подъедая консервы, пока не вернется папа: усталый, измученный, с рукой на марлевой перевязи и звездой Героя под трехцветной колодкой на левой половине груди. Либо сделать на лице мужественное выражение, целеустремленно доехать до «Лесной» и пройти по улице, расталкивая толпу гневно-

презрительным взглядом. Самой распахнуть дверь военкомата ногой, рассказать там о своих спортивных наградах и получить тяжелый автомат, непробиваемую каску, заранее вонючие сапоги — и со всем этим отправиться на Берлин и Прагу, как оба дедушки в свое время.

«Кругом война, а этот маленький. Над ним смеялись все врачи», — вдруг пропел кто-то в ее голове тонким детским голосом. То ли из второго класса, то ли даже из первого. Старая детская песня о трубаче: она не помнила ее, не вспоминала ни строчки уже полтора десятка лет. Откуда это вылезло? Из каких закопанных тайников памяти?

И все ли с ней в порядке, с памятью? Произошедшее ее немного охладило. Станции проносились мимо, а Вика сидела в углу вагона, так и оставшегося полупустым. Благодаря какому-то порыву она не сошла на «Невском проспекте» для первой пересадки, а доехала до «Технологического института» и пересела на красную ветку здесь. В свое время она думала, не поступить ли именно в этот институт, но «большой университет» выглядел интереснее. Родителям она об этом не сказала, но в свое время одним из ключевых факторов выбора для нее оказалась не сила факультета, а наличие у СПбГУ шикарного

спорткомплекса, даже со скалодромом. Был там один мальчик, который все время ходил в смешных футболках... Скалолазание она потом забросила, потому что поняла, что оно портит руки, причем не кисти или суставы, а именно плечи. Оставила только бассейн и шейпинг и не пожалела. До выпуска оставалось полгода, магистратуру Вика считала потерей времени и четко знала, что даже если отца переведут куда-то еще, то уже не пропадет. Сможет удачно, как старшая сестра, выйти замуж, причем по любви, а не за «кошелек» и тем более не за «папин кошелек». Сможет работать так, что родители

не будут стесняться ее места работы. Сможет жить, как нормальный взрослый человек в нормальном городе, полном и работы, и праздника. А теперь все кувырком...

«Лесная» случилась как-то неожиданно, и Вика соскочила со своего уже нагретого сиденья в последний момент, как и полчаса назад, когда попрощалась с майором. А показалось, что год прошел. Что же все-таки там было, на той станции метро, на «Удельной»? Была там стрельба, крики, даже настоящие вопли многих людей, или это ей показалось? После детской песенки внутри своей головы Вика не удивилась бы и этому. Более того,

поверить в такое ей было по-настоящему выгодно. Тогда сразу становилось почти нестрашно. «Наружный», общий страх никуда не делся, но мог уйти этот, конкретный. «Ничего не было, мне показалось. Просто „сбой программы“ в мозгах, от стресса. От боязни за родителей, да и за себя. От дороги по ставшему опасным городу, от взглядов ставших опасными людей. А на самом деле ничего не было. Или просто милиция изловила человека без документов и с бутылками водки в руках, начала его хватать, а он громко орал и вырывался».

Вышла даже улыбка.
Проговорить это получилось.

Поверить — нет.

На заиндевелою асфальтовой площадке перед «Лесной» была толпа человек в сорок. Большинство имело что-то неуловимо общее в выражениях лиц, и все молчали, слушая. Высокий офицер в пятнистой зеленой куртке, взобравшись на крепкий деревянный ящик, стоящий в центре круга людей, читал стихи:

...И свет, и мрак
непролазный
Отныне в едином ряду.
Победа, вобравшая разом
И празднество, и беду.

В сверкающем сабельном
взмахе
Взмывает салют в зенит...
За этот салют в атаке
В среду мой брат убит.

Она не услышала начала — слова пробились к ней через спины людей. Но они вдруг пронзили ее насквозь. Протиснувшись между плечами двух крепких ребят с круглыми рюкзаками за спиной, Вика подошла поближе. На улице было не слишком много машин, но звук их движения мешал, как не мешал фоновый звук обычного здесь потока в любой обычный день всего-

то позавчера. Куртка была расстегнута, и неуместный под ней светлый шарф бился на ветру дугой, запахнутый вовнутрь только краем. Среди молчания ждущих людей, офицер стоял на своем ящике как странный, но при этом совершенно не вызывающий насмешки памятник. Полминуты молчания, и он начал снова:

Как старинные дублоны,
Как старинные дукаты,
Тускло светятся патроны
В магазине автомата.

Но не призрачное золото
В наших дисках, в наших

лентах.

Для всамделишной
расплаты
Эта звонкая монета.

Мы готовы без заминки,
Раскошелив магазины,
Рассыпать горстями
ефимки,
Луидоры и цехины.

А как славно было б в
книжку
Перенести сейчас
парнишку,
Чтобы в сказочном сюжете
Промотать монеты эти!

Только я не юнга-мальчик
С Билли Бонсова корвета.
Мальчик-с-пальчик —
автоматчик
Из реального сюжета.

Ждут сигнала батальоны
Для рывка в траншею
вражью.
Тускло светятся патроны...
Мы готовы к абордажу.[\[2\]](#)

Офицер закончил и тут же
соскочил с ящика. Лицо у него было
совершенно неподвижное и бледное,
как бумажный лист. Было
поразительно, что он не произнес

больше ни слова — этого не ждали. Люди расступились, потому что он пошел прямо на них. Вика смотрела на происходящее как будто сверху. После потрясших ее слов про abordаж она подумала, что это моряк, может быть, морской пехотинец, но тельняшки на нем видно не было, а полевую форму моряков она знала не очень хорошо. Зато погоны прочитала без труда — капитан. Если по-морскому, тогда капитан-лейтенант. Не оборачиваясь, он ушел с пяточка перед метро куда-то в сторону проспекта маршала Блюхера. Люди проводили его взглядами, и никто опять не произнес ни слова, пока он не

пропал из виду, пройдя между пустыми, неживыми киосками.

— Ну, что скажешь? — спросил тогда один из тех двух крепких ребят, между которыми она встала. Вике показалось, что он спросил ее, но он обращался к своему товарищу, прямо через ее голову.

— А че тут, — буркнул тот. — Понимает мужик. Пошли, нам пора уже. Отсюда еще четверть часа топать.

Он перевел взгляд на Вику.

— А ты че вылупилась?

Три дня назад она бы опустила глаза, смолчала, и это почти наверняка не закончилось бы ничем плохим. Сейчас ее бес толкнул

ОТВЕТИТЬ.

— А ниче. Вы в военкомат или че?

Даже не закончив, она сама испугалась. Парень захлопнул рот, уже открытый было для новой грубости. Второй же фыркнул.

— Съел? — беззлобно спросил он товарища. — Давай двигать, не пялься. Оставь его, подруга. Он сам не свой, так в бой рвется.

Обойдя ее, они пошли в сторону, противоположную офицеру. Как раз туда, куда было нужно ей. Вторым парень все оборачивался, но первый тянул его вперед, как муравей соломинку. Выждав с полминуты и переварив сиюминутные ощущения,

Вика тронулась за ними. Голова кружилась. Последние несколько часов были настолько насыщены событиями, что могли дать фору нескольким годам студенческой жизни, со всеми их переживаниями, проблемами и эмоциями: от учебных до интимных включительно.

Прохожих здесь было побольше, чем в их 4-м Верхнем переулке, но все же не слишком много, и Вика опасалась, что грубиян обернется в очередной раз и заметит ее, но все же шла за ними. Однако оба были явно сконцентрированы на своих мыслях и своих разговорах и не слишком глазели вокруг.

В подземном переходе она почти

их догнала и тут же отстала снова, потому что на длинной лестнице вверх эти ребята прыгали даже не через две, а через три ступеньки. К слову, пустота и нежилой вид перехода ее уже не удивили. А удивило обилие милиции, — на входе, в середине, на выходе. Причем милиционеры (которые полицейские) стояли и ходили парами, носили бронежилеты и держали укороченные автоматы или под рукой, или поперек груди. То ли этот подземный переход под Лесным проспектом сам по себе являлся таким уж стратегическим объектом, то ли влияла близость завода имени Климова, но это действительно

впечатляло.

Наверху и милиции, и прохожих было меньше, причем как до поворота на Сампсониевский, так и на самом проспекте. И еще было ощутимо холоднее. Незаметно начал идти снег, и, хотя снежинки падали редко, а ветер был несильным, он налетал как-то хаотично, и отвернуть лицо не получалось. Через несколько минут глаза начали болеть, да и кожу начало пощипывать холодом. На ходу Вика попыталась покопаться в сумочке, где могла заваляться гигиеническая помада, но сразу найти ее не удалось, а останавливаться для тщательных поисков ей не захотелось. До

комплекса зданий, принадлежащих администрации их огромного района, оставалось уже недолго. Эти сотни метров, два квартала, она прошла уже совсем быстрым шагом, держась буквально в десятке шагов от раскачивающихся спин тех же ребят. Спины — две темные куртки и рюкзаки — были перечеркнуты росчерками мечущихся снежинок, и это почему-то было неожиданно очень красиво. Совершенно привычно, но действительно красиво, без преувеличений.

— Ага, а вон и Винни, — сказал впереди тот парень, который был не грубияном, а нормальным. — Нас ждет.

— И теплый, — подтвердил второй. Тут он обернулся и посмотрел на Вику. — Давай, чего встала?

Она подошла еще ближе, на секунду растерявшись и не зная, что сказать.

— Тебе что, я так понравился?

— Не надейся.

Эти слова сказались сами, просто как автоматический ответ на стандартную вводную. Она сотни раз отвечала так на подобные вопросы, не задумываясь.

— Привет, Витя.

— Привет, ребят. Кто это с вами?

Здоровенный мужчина с распаренным лицом быстро и тяжело

пожал обе протянутые ему парнями руки и обернулся к Вике, встав ровно между их плечами. Он действительно был чем-то неуловимо похож на только что вышедшего с тренировки медведя Винни Пуха. Причем с тренировки по смертоубийству — это чувствовалось, читалось в его серых глазах.

— Мы не знаем, Вить. Идет за нами с остановки. Сергей ей нахамил, но она бойкая девочка оказалась. Тоже в военкомат идет.

Мужик буркнул неразборчиво, его лицо на секунду сморщилось, потом стало прежним.

— Меня зовут Вика.

Как любой нормальный человек

в таком возрасте, она не терпела слово «она» от незнакомцев. Надо было или уходить, или... Уходить было глупо, после такой-то дороги. А «сокращение дистанции» ничем ей не грозило. Здесь было безопасно, а пришедшие в военкомат после начала войны люди однозначно были «своими».

— Угу. А меня Леша.

Леша был высок, выше большинства ее знакомых. При этом у него было нормальное, не худое лицо, и вообще он производил впечатление уже взрослого, давно осознавшего себя человека. Надежного и правильного. Таких любят умные разведенные женщины,

дети любого пола и возраста и, наверное, даже животные.

— А этого бойца Сергеем. Впрочем, ты уже слышала.

— Ребята, не нудите. Что, замену Маше ищете уже?

Большой мужчина по имени Витя и по прозвищу Винни снова поморщился, и Вика подумала, что, возможно, у него просто болит желудок — вряд ли она так сильно раздражает его сама по себе.

— Я не буду вам мешать, ребята. И ни на что не напрашиваюсь. У вас здесь свои дела, у меня свои.

Вышло это просто, без пафоса, и Вику это порадовало. Но про ее дела никто ее не спросил: двое

встретившихся ей на «Лесной» ребят просто кивнули, а третий, старший, вообще даже не показал, что услышал.

— Ты дозвонился ей?

— Кому?

— А то я не знаю, кому...

Немного обидевшись, Вика постаралась дальше не слушать. Свои имена, свои дела, свои разговоры — все чужие ей. Было бы странно, если бы было иначе. Постояв еще с полминуты на месте и слизав с губ несколько упавших последними и еще не целиком стаявших снежинок, она пошла за этой троицей. Туда же, к алой табличке с металлическими буквами. Не удержалась, прочитала.

Особо умилительным ей показалось «Обеденный перерыв 13.00–13.45», но и про «Прием посетителей» тоже было чудесно. И уже взявшись за дверную ручку, Вика вдруг сообразила, что она именно посетитель, а не призывник, как эти трое, но все же решила не останавливаться.

Внутри, за тяжелыми двойными дверями, было шумно и душно. И многолюдно. Ей смутно подумалось, что происходящее объясняет, из-за чего на улицах так мало людей, хотя это, разумеется, было глупостью. В пределах видимого ей коридора военкомата сидели и стояли человек сто, не меньше. Большинство были

одето легко, а значит, находилось на том или ином этапе прохождения комиссии. Вика совершенно не была «гламурной кисой», провела половину осознанной жизни в военном городке с родителями и неплохо понимала смысл происходящего. То, что она на самом деле видела это «вживую» впервые, придавало теории живые краски: она решила, что зрелище более чем достойно внимательного изучения. Хлопающие двери, сквозняки, ругань и шепот. Завешанный куртками в четыре слоя на каждой вешалке гардероб, с распахнутой настежь дверью, как в школе. Парни такие и парни сякие: разного роста, разного

цвета волос, очень многие уже остриженные. Культуристы, хилыки, представители нескольких узнаваемых национальностей. Про одного стоящего близко крепыша она четко поняла, что тот бурят, а другой был так явно похож на классического японца, что Вика уверенно определила его как калмыка — других таких в России не водится.

— Цыпа, а ты к кому?

— К нам в команду давай, аля-улю!

Ближайшая группа парней улыбалась во всю Ивановскую: кто сладко, кто похабно. Махали руками, уступали место, кто-то сразу делал неприличные жесты. Фыркнув, Вика

наконец тронулась с места, ее и так несколько раз задевали входящие в ту же двойную дверь люди, протискивающиеся с улицы. Приносящие собой струю кислорода, несколько реющих снежинок и вопрос в глазах. В дальнем от себя углу она увидела высокого военного в кителе и фуражке и направилась прямоком к нему, через присвистывание и причмокивание озабоченной молодежи. Да, здесь было не только душно, но и ощутимо пахло водкой. Со вчерашнего ребята начали готовиться к призывной комиссии, что ли?

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

Голоса чуть поутихли, а майор обернулся на нее и воззрился, как на привидение. Быстро осмотрел сверху вниз, но не раздевая, а глядя, как цыган на лошадь. И ведь не врач.

— Медсестра? — коротко спросил майор, и она даже не поняла сначала вопроса, но потом вспомнила бывшую старшую медсестру, топавшую с ними до «Парнаса», и тут же все стало на свои места.

— Никак нет, я непризывная. Но у меня отец офицер, я всю жизнь при ВВС. Хотела узнать, куда могу себя приложить.

Сзади кто-то сдавленным, хихикающим голосом предложил,

куда именно, — и тут же послышался звук четкого, сильного удара и сразу за ним второго. Майор покосился вбок, сама же Вика заставила себя не обернуться.

Надо сказать, что на майора ее спокойный и деловой тон впечатление произвел. На тех призывников, лица которых она видела перед собой, тоже. Все за секунду стали выглядеть чуть более взрослыми, хотя и в целом здесь была далеко не одна молодежь. И явно «послестуденческого» возраста были некоторые ребята: и тридцатилетние, и постарше. В общем-то, тот Витя-Винни, с которым она разошлась на улице,

тоже был из этой категории.

— Медперсонал и юристы — в 114-й кабинет. Другие пока не требуются.

— Я химик. Химик-технолог, выпускной курс.

— Ага... — Майор на несколько секунд задумался, явно что-то решая про себя. — 10-й отдельный батальон РХБЗ, Сертолово. Устроит?

Она не нашлась, что ответить, но майор торопился.

— Ну? Там учебка! Второй тебе вариант, это — БХВиС в Саперном. Что берешь, быстро? Или тогда давай отсюда, нечего тут!

— Я не знаю, что такое «Бэ-Хэ-ВиС», — пискнула Вика.

— Хим-мик... — фыркнул майор, оглядываясь по сторонам. Вика тоже огляделась: на них смотрели человек двадцать — и слева, и справа. — Значит «база хранения вооружения и средств». Нечего там делать. Ее развернут, раздергают по взводам в новые полки. А взвод — это огнеметчики, не твоя работа.

Сзади тоже фыркнули, почти бесшумно.

— В «учебку», — толкнул ее изнутри тот же самый бес, что и полчаса назад на улице, в полуминутном «разговоре» с потерявшимся уже куда-то высоким парнем. И тут же поняла: все.

Минуту назад, даже секунды назад можно было сказать: «Ой, нет, мне не сюда. Меня мама прислала про папин паек спросить». Ее послали бы подальше и тут же забыли, а все эти парни пошли бы туда, куда ушел отец. На запад, на юг и на восток. Останавливать врага, который принес им много слов и много беды. Ложиться под огнем, лезть в самое пламя. Как папа.

Вика была самой нормальной девушкой. Она любила красиво одеться, хорошо потанцевать. Любила, чтобы ей завидовали, чтобы ею любовались. Отцу начали хорошо платить только несколько лет назад, когда он получил подполковника и

командную должность, и Вика некоторое время с совершенно чистой совестью наверстывала упущенное. Ее не трогала «романтика» вооруженных сил и тем более войны: как дочь офицера и вообще далеко не дура, она отлично знала, что ни малейшей романтики в современной армии нет и быть не может. А долг есть. Как ни странно. Как ни учат нас столько лет совершенно другому.

— Уверена?

Майор продолжал тратить на нее время.

— Да.

— Тогда за мной. Так, молодежь! Че пялимся? Будущих начхимов не видали? Ну-ка быстро по лавкам,

дорогу! В сторону, я сказал!

Шагал он огромными, уверенными шагами и вообще даже со спины не производил впечатления классического сотрудника военкомата — зажавшаяся харя, розовая от сала, с лоснящимися локтями кителя, и оттопыренными от взяток карманами, как он должен выглядеть по стереотипу. Высокий, быстрый, профессиональный. Да, офицер.

Внутри, за развилкой коридора было еще больше людей. Тысяча или почти тысяча. У одного из кабинетов с обычной белой дверью мужики и мальчишки стояли почти голыми: в одних трусах, несмотря на холод.

Бросилось в глаза то, что очень многие были с крестиками на груди: на серых и белых веревочках, золотых и серебряных цепочках. Вика и не знала, что столько людей верует. «На дорожку», в университетский бассейн крестики не надевали, в мужскую раздевалку она, ясное дело, не ходила, а среди девочек-студенток их носили очень немногие.

— Так, тебе сюда, — гавкнул майор перед очередной дверью. — Документы с собой? Район Выборгский?

— Да.

Ей все еще не верилось, что это происходит с ней. Зоя

Космодемьянская никогда не была кумиром Вики, но про Лилию Литвак отец рассказывал. И про Бершанскую, и еще про нескольких, кого он знал по именам. Она никогда даже не пыталась их запомнить, ей это было не слишком интересно, и слушала маленькая Вика рассказывающего отца только из вежливости, да еще от тепла, которое от него всегда исходило. А как будет с ней? Будет ли кто-то помнить ее имя? Друзья? Подруги? Мужчины, которые у нее были, пусть всего несколько?

— Не «да», а «так точно». Учетную карту призывника. Распечатать, взять в зубы — и на

медкомиссию по потоку. Черт...

Высокий майор покрутил шеей, размышляя.

— Да, пусть так. Сначала здесь, потом комиссию, а потом снова ко мне. Я у кабинета дежурного и прямо там. Если меня нет, я его предупрежу.

Не спрашивать «где кабинет?» было правильным, иначе она упала бы в глазах этого человека. Наверняка он прямо рядом с гардеробом, ближе ко входу. А дежурный наверняка с двухцветной повязкой на рукаве и с кобурой на боку. Уж это она в жизни видала.

— Понятно. Спасибо.

— Не за что. Сюда без очереди. Ясно тут?

Несколько гарней у двери, из самых молодых, покивали, что им ясно.

— Да черт, ладно уж.

Уже развернувшись было, майор вернулся на шаг обратно к двери, приоткрыл ее, что-то буркнул вовнутрь и тут же прикрыл тяжелую створку снова.

— Ты следующая, жди. Захочешь сбежать — никто не держит, свободна.

— Я не сбегу, — пообещала Вика и ему, и самой себе.

Не сказав больше ни слова, офицер ушел по коридору, провожаемый взглядами стоящих по обеим его сторонам призывников:

это была почти как волна. Ждать пришлось довольно недолго, но и за это время она наслушалась всякого из ведущихся рядом разговоров. Почти треть из призывников были резервистами, уже отслужившими раньше, в том числе и по контракту. Среди прочих проходящих комиссию были офицеры запаса, самые разные: от связистов до саперов. К изумлению Вики, один из мужчин среднего возраста и довольно потертой внешности, с десятком лишних килограммов на боках и животе, был «штурманом вертолета» — она даже не знала, что существует такая специальность и что для нее офицеров запаса готовят военные

кафедры гражданских вузов. Что летчики реактивных машин склонны к полноте, она прекрасно знала — отец был одним из немногих исключений в своем кругу. Но вертолетчик... Впрочем, сообразить, что у офицера запаса дело не в профессии, труда ей не составило: это она просто тупила. Еще ее удивило то, что довольно много было добровольцев, явившихся «по месту учета» без повесток и сразу попавших на комиссию. А потом дверь распахнулась, из нее целеустремленно вышагнул крупный парень в черной футболке без надписей и картинок, и она протиснулась вовнутрь буквально за

секунду, пока не обогнали.

Внутри кабинет не очень-то соответствовал монументальности и тяжести двери. Это был скорее «пенал», чем комната, — всего с одним столом, тумбой, несколькими стульями и огромным шкафом в углу, который возвышался над всем остальным, как гора.

— Садитесь, — буркнула остановившейся Вике сидящая за компьютером женщина с погончиками сержанта на кителе. Плоский монитор современной модели скрывал ее лицо наполовину, и все равно было видно, что женщина некрасивая, усталая, но сосредоточенная и делающая дело.

— Документы кладите.

Вика выложила на стол то, что имелось: паспорт, студенческий билет университета, зачетную классификационную книжку со вписанными спортивными разрядами, ксерокопию документов отца. Отложив последнее в сторону, женщина, работая вслепую всеми пятью пальцами правой руки, вбила в какую-то открытую на своем экране форму имеющиеся сведения и только после этого начала спрашивать, совпадает ли адрес регистрации с адресом фактического проживания, телефоны, владение иностранными языками и так далее. Вопрос про судимость был

смешным, но ее реакция сержанта не удивила совершенно: та была бесстрастна как сфинкс, только коротко и дробно стукали клавиши под пальцами. Времени это заняло немного.

— А много вообще девушек приходит? — рискнула спросить Вика в одну из пауз.

— Немало, — сухо ответила женщина. — Медики в основном. И почти сплошь средний персонал. Но еще из спортивных клубов идут. Биатлонистки, стрелки, ориентаторши, рукопашницы.

— Пловчих пока не было? — не удержалась все-таки она. Бесенок продолжал сидеть где-то внутри,

перебивая своими репликами
глушащий ее страх.

— Не было, — так же сухо
согласилась сержант. — Но КМС и
первый разряд парой — это хорошо,
молодец. Называй близких
родственников начиная с матери.
Проживают совместно, проживают
отдельно?

Паузы между двумя фразами
сделано не было, изменения
интонации тоже, и Вика чуть
растерялась, но все же успела не дать
повторить вопрос. Родители вместе,
сестра отдельно, прочих близких
родственников нет, так что и эта
группа ответов была короткой.

— Так, все, на

освидетельствование. Сейчас оно сокращенное: антропометрия и четыре специалиста, потом на итоговое заключение. У тебя проблем быть не должно. Профессионального психотбора нет, не до того. Все, свободна. Скажи, чтобы следующий зашел. Удачи.

Женщина впервые за все время подняла глаза и посмотрела на Викино лицо не вскользь, а прямо. Коротко и криво улыбнулась, моргнула. Ей было 40 лет, не меньше. Вот работа у человека — сидеть, печатать... Рядом с мужчинами, может, поэтому пошла? Впрочем, глупо как-то осуждать, у каждой свои шансы. Не все начинают жизнь с

устроенного дома, небедного папы, хорошего образования и красивого лица, как у Вики. Не всем везет.

— Спасибо. И вам тоже.

Вика еще успела услышать, как женщина вздохнула. Ох да. Удача бы не помешала всем.

Снова коридор, многие десятки людей у каждой двери. Вскоре она поняла, что даже сокращенная комиссия займет для нее, как для девушки, вдвое дольше, чем для любого из парней. Экономить время на переодеваниях в ожидании своей очереди на пороге кабинета очередного специалиста не получалось. Однако после первых двух, отоларинголога (где раздеваться

не требовалось) и хирурга (на которого она потратила минут сорок), она догадалась, что сделать. Закинув мешающую куртку поверх пяти сотен других на вешалку переполненного гардероба, Вика пошла искать тот самый 114-й кабинет, про который майор тогда сказал: «Медперсонал и юристы». У его дверей действительно стояли сразу пятеро женщин, и как раз в тот момент, когда она подошла, а остальные на нее посмотрели, из двери вышла шестая. Потом из нее же появился замученного вида капитан, оглядел всех семерых, быстро назначил одну из женщин старшей и указующе махнул рукой

вдоль по коридору.

Женщина тут же гавкнула на остальных, и с этого момента все пошло гораздо быстрее. Рост, вес, размер обуви, размер противогаза, ЭКГ, анализ на группу крови и резус-фактор, флюорография... Интересно, что никакую распечатку для цифр и подписей ей прапорщик не дала — все данные вбивались медсестрами в каждом из кабинетов сразу в онлайн-форму, когда Вика называла свое имя и фамилию. Она подумала, что наверняка раньше было не так и что сложно иметь простые имя и фамилию, как, например, Петрова. Подумала, что можно, наверное, сдавать какие-то части осмотра друг

за друга, но все пришедшие сюда — это либо не собирающиеся бегать от повесток люди, либо вообще добровольцы. Подумала, что в таких местах группу крови проверяют всегда и не поможет ни донорская книжка, будь она на руках, ни жетон. Но и думать тоже было особо некогда: во главе с крепко сбитой женщиной лет тридцати они теперь бегали по всем кабинетам вместе, распахивая мужчин и мальчишек. У терапевта та же женщина громогласно предложила своей команде не одеваться, а идти дальше прямо так. Причем начать с окулиста. Несколько человек даже засмеялись — все же какая-то буйная смешинка

в воздухе витала, несмотря на серьезность происходящего. Кураж, присущий иногда людям перед большой бедой.

В кабинете терапевта ее впервые спросили про женские дела, при этом врач ограничился всего двумя вопросами: есть ли у нее проблемы со стороны половой сферы и были ли беременности. Врач был светловолосым и симпатичным парнем, немного похожим на американского актера Вэла Килмера, и на оба его вопроса Вика с гордостью и без смущения ответила «нет». Вообще осмотр терапевтом, которого она считала самым главным врачом, оказался коротким. Это

заметила даже одна из проходящих комиссию женщин, довольно зло буркнув ему, уже одеваясь:

— На войне не болеют, ага.

Врач спокойно посмотрел на нее, помолчав с полминуты.

— Там и встретимся, скорее всего, — наконец заметил он. — Вы медсестра?

— Фельдшер.

— «Скорая помощь»?

— Да, выездная бригада.

— Какая подстанция?

— 17-я.

— А-а, у «Электросилы»...

Вика слушала, открыв рот: это был совершенно неведомый ей кусок жизни. Вспомнив, что время идет и

скоро сюда, к терапевту зайдет следующая группа, она быстро натянула тонкий свитер и заправила его под пояс. Врач не выдержал, покосился, и она это заметила. Что ж, человека можно было понять: если целыми днями обстукивать и обслушивать не желающих в армию 18-летних призывников, заскучаешь тут по приятному, успокаивающему мужские нервы зрелищу. Почти машинально поведя плечами и поправив джинсы, Вика мягко попрощалась и поспешила за остальными — она была уже последней в кабинете.

Выходя, она нос к носу столкнулась со здоровенным

мужиком с плохо выбритыми щеками и подбородком, которому даже не пришло в голову посторониться и мимо которого пришлось протискиваться. Это совершенно сбило чуть наметившееся хорошее настроение. Вика отстала от команды медсестер и фельдшеров, но те уже закончили свое движение и снова собрались у 114-го кабинета. Почти рядом она услышала вроде бы знакомый голос, обернулась: да, та же троица: Винни, Леша и третий, имя которого она уже забыла. Они обсуждали какого-то Дока и то и дело качали головами.

— А, ты здесь уже?

В метре справа остановился на

месте быстро шагавший по коридору куда-то мимо майор, знакомый ей с первых минут в военкомате.

— Все собрала?

— Да.

— Итоговое заключение

получила уже?

— Не знаю...

— Ну, самый главный из врачей, бородатый такой, видела его?

— Нет, не видела пока.

— Тогда вперед хвостиком, за всеми.

Он ушел, не дожидаясь ее реакции, а Вика еще хлопала глазами. Время уходило, а она до сих пор так и не сообразила, а что такое вообще будет. Мама послала ее

узнать про «что делать и как жить». Точнее, это она сама думала записаться, может быть, на какие-нибудь курсы, а мама старалась ее мягко и деликатно переориентировать.

«Итоговое заключение врача, руководящего работой по медицинскому освидетельствованию» оказалось полной ерундой. Проформой. Побегав по коридорам, Вика нашла женскую «команду», встала в конец немаленькой очереди. Послушала, что все неправильно, не как положено. Нет «карты медицинского освидетельствования гражданина», нет «личного дела призывника». Все

ради скорости — военное время. Но и скорости тоже нет, а есть бардак. Могли бы еще проще: руки-ноги есть, зрение ничего — в окопы, Родину защищать. А здесь стараются и какие-то приличия соблюсти по старой памяти, и с диагнозами не напрягаются. Но в этой толпе, состоящей из многих сотен людей, не было ни одного, кто собирался «бегать от призыва», как это называлось устоявшимся словосочетанием.

Дождалась, за разговорами и задумчивым, оцепенелым молчанием. Зашла. В кабинете было несколько человек за столами, среди них бородатый немолодой мужчина в

круглых очках, еще один мужчина, тоже в белом халате, и нормальная секретарша за компьютером.

Вика назвала свои имя и фамилию, как делала уже несколько раз за последние часы, те сверили с поднятой из местной сети формой дату ее рождения и адрес регистрации.

— Практически здорова, — деловито объявил «врач, руководящий работой». — Категория годности «А». Подлежит призыву на военную службу без ограничений по родам войск. Э-э-э... — Он покосился на Вику и поправился: — Хотя в данном случае не «подлежит», а «может быть призвана».

Доброволец. Возражения есть, нет?
Хорошо.

Из угла кабинета секретарь передала несколько скрепленных степлером листков, на которых тут же было поставлено две подписи: его и второго врача. Потом листки отправились в тот же угол, а ожидающая приглашения «подойти и расписаться» Вика получила указание отправиться к другому кабинету и ждать, пока вызовут. Немного растерявшись, она молча вышла.

— Ну? — спросил снаружи какой-то совершенно незнакомый парень, бритый наголо. — Чего сказали?

— Категория годности «А», —
машинально ответила Вика.

— И это все?..

— Так, ко мне все! Все, кто с
ИТОГОВЫМ заключением! Слушаем
свои фамилии и номера групп, сразу
запоминаем!

Вышедший из двери одного из
соседних кабинетов здоровенного
телосложения офицер с пачкой
листочков в руках остановился посреди
коридора, широко расставив ноги в
черных ботинках. Вокруг него сразу
образовалась толпа человек почти из
ста, но голос у офицера был
настолько хорошо поставленным, что
без труда пробивался через весь гул.

— Группы с 48 по 52! Слушать

всем, я сказал! Ааронов, 90-го года! 50-я группа! Абакин, 89-го, тоже 50-я... Абакумов... Авваков...

Фамилии, номера групп он называл четко, как диктор. Иногда звучали и имена, для самых простых фамилий. До буквы «П» было долго, и Вика слушала.

Балк... Богатов... Богатырев
Иван Сергеевич... Богатырев
Владимир Васильевич... Бурков...

Годы назывались самые разные, несколько раз мелькнул даже 1995-й: видимо, только-только кому-то 18 лет исполнилось. Звучали в основном 80-е и 90-е, но и людей 60–70-х годов рождения среди стоящих рядом тоже оказалось довольно

много, наверняка офицеры запаса.

— Опарин, 90-й, 50-я! Опарина, 92-й, 52-я! Осокин, 88-й, 48-я!..

Названные никуда не уходили, продолжали стоять и слушать.

— Петрова, 92-й, 52-я!

Как ни странно, она чуть было не упустила свое имя и испугалась, но четкий голос запомнился отлично, каждым оттенком интонации. Петрова здесь была одна, хотя Петровых — сразу три или четыре человека. Что значит 52-я, интересно?

— Савватов... Сбарыкин...

Смирнов Аркадий Леонидович...

Смирнов Алексей Алексеевич...

Это было долго, но скучно так и

не стало. Вика разглядывала лица мужчин, мальчишек и немногочисленных в этой толпе женщин и девушек, пыталась угадать, кто будет назван следующим, изменится ли выражение на его или ее лице. Фельдшер со «Скорой помощи», к которой Вика «присоседилась», простояла с таким непроницаемым лицом, что девушка так и не поняла, какая фамилия была ее и какого она года рождения.

Закончил офицер на распространенной фамилии «Яковлев» — и тут же, без паузы, разъяснил, где находится сборный пункт их района и где городской. Три группы на районный пункт — это

мотострелки, артиллеристы, танкисты, связисты, водители, инженеры, необученные. На городской сборный пункт на Загородном проспекте идут группы, в которые собирают всех с редкими ВУСами и «особыми признаками службы»: плавсостав надводных кораблей, морская пехота, пограничные войска, разведка горных воинских частей и подразделений и так далее. В обоих случаях брать с собой паспорт или иное удостоверение личности, призывникам — приписное удостоверение, офицерам запаса — военный билет. Теплую одежду, средства гигиены, сухой паек на три

дня — все как положено. Потом объявил время: группа 48-я сегодня в 23.00, группа 49-я завтра в 07.00 и так далее. Ее 52-ю группу, что бы этот номер ни значил, поставили на утро, на 10 часов ровно. Вика посмотрела на часы, было около трех дня. Тем, кому было назначено явиться на сборный пункт прямо сегодня, на «сборы» и прощания с родными оставалось не так много времени.

— А если все с собой? — громко спросил высокий бритый парень с густыми черными бровями. Его поддержало сразу несколько человек, включая пару мужиков сильно постарше, чуть ли не как

отец.

— С семьей сходите попрощайтесь, — довольно резко ответил офицер. — С любимыми. На работе бумагу предъявить, получить расчет. *Туда* — успеете еще. Смысла приходить на свой сборный пункт раньше срока нет.

Раздалось бурчание, кто-то аж свистнул. Офицер обвел всех мрачным взглядом молча — и постепенно стало тише.

— Есть кто-то, кто не запомнил номер группы, время сбора?

Мальчики, мужчины и женщины вразнобой ответили, что запомнили все.

— Тогда свободны. Всем в 110-й

кабинет, прямо у дежурки, там получить свою бумагу и расписаться.

— Что получить? — переспросил у Вики тот же бритый парень, что обратился к ней перед началом переключки.

— Бумагу, — повторила она ему, не понимая. — Причем явно не повестку. Думаю, просто наминалку со временем и адресом. Тебе в какую?

— В 51-ю, на район.

— Мне в 52-ю.

— Ага.

Парень совершенно не собирался знакомиться. Поправил тонкий свитер на боках, сделал сосредоточенное выражение лица и

ушел. Вика поглядела вокруг: так выглядели почти все. Сосредоточенными на себе, на своем будущем. Максимум уходили попарно. Группа «Винни и его друзей», тройка из здоровенного бойца Вити, высокого Леша и грубого Сергея, выделялась на общем фоне именно сбитостью, слаженностью движений. Но они уже не были ей нужны, и Вика начала проталкиваться по коридору одна. По стенам стояли те же сотни людей, двери так же открывались и закрывались. Даже после ухода стольких «прошедших комиссию», меньше народа в военкомате не стало. А поскольку она оказалась из

последних направившихся за получением своего квиточка, то это тоже заняло время.

Быстрое СМС-сообщение для мамы: *«Мама, у меня все в порядке, скоро закончу и домой»*. Прямо сейчас связи не было, но СМС уйдет из «исходящих», как только она появится: так уже бывало за эти дни. Шепот сбоку, спереди, сзади: здесь почему-то говорили тихо. Холод, приносимый из близкой двери на улицу. Подошедшая очередь. Прямоугольник желтоватой бумаги, отпечатанный бог весть когда. Приложение № 30, инструкция п. 34. Все же она была не права: бумага называлась именно «повестка».

Адресованная «„гражданину Петровой В. М.“, проживающему по адресу... В соответствии с Федеральным законом от 28 мая 1998 г. № 53-ФЗ „О воинской обязанности и военной службе“ вы обязаны... явиться по адресу Лесной пр., д. 39, к. 4 для отправки к месту военной службы... При себе иметь...»

Вика расписалась на верхней части формы и на нижней, дала измученной женщине с погончиками рядовой разорвать плотную бумагу на истертой металлической линейке. Взяла верхнюю половину. Машинально попрощалась и вышла. В дверь сразу просунулся следующий

в очереди. В гардеробе уже не было такой давки, но вновь пришедшие окончательно завалили гардероб своей одеждой, а уходящие разбрасывали все подряд в поисках своей собственной. Искать куртку пришлось долго, и все это время Вика изо всех сил старалась не заплакать от разрешившегося напряжения и страха перед будущим. На часах было 15.40. Как раз доехать до дома, собраться и сделать все, что требуется, чтобы вернуться на Лесной. Помыться с комфортом в последний раз, если получится. Отобрать одежду и бытовые женские вещи. И сказать об этом всем маме.

Понедельник, 18 марта

*«Опасения России по
поводу размещения
американской ПРО в
Польше являются нелепыми
и смехотворными...»*

*Государственный
секретарь США
Кондолиза Райс в
ходе выступления
в Германии, 31
мая 2007 г.*

Число ссылок в

*поисковой системе Google
на запрос по ключевым
словам «Russia is the
enemy» составляет
примерно 45 800 000.*

Сегодня.

По земле довольно густо мело
снежными крошками. Иногда особо
густой и особо шустрый снежный
язык поднимало ветром выше, и он
тыкался под полы шинели, сразу
заставляя передергиваться. И сверху
тоже сыпало, причем не
снежинками, а как будто маленькими
ледяными гранулами. Ноги в
ботинках давно окоченели, и Рома

шевелил пальцами почти машинально. По-хорошему, надо было найти укрытие и как следует согреться. Он прекрасно понимал, что отмороженные пальцы или даже ступни — это самый настоящий триндец, но пока во внутреннем диалоге между «надо бы» и «а вот это надо еще больше» раз за разом побеждало последнее.

Машину он оставил около полутора часов назад, потому что больно удачное было место: разбитый гараж какого-то мехпарка, принадлежавшего давно заброшенному комплексу зданий или совхоза, или колхоза без имени. Часть плит на крыше гаража куда-то

делась, ворот не было, и даже внутри там и сям торчали лысые сейчас кусты и стволы невысоких деревьев. Среди разбросанных железяк разного калибра ржавел остов довольно крупного бульдозера, а на разной дистанции от тех же отсутствующих ворот расположилось несколько давно брошенных автомобилей отечественных марок. Часть без колес, часть без стекол, одна даже без дверей и капота, хотя кому уж они нужны? В общем, классическая иллюстрация к «Сталкеру». Среди всего этого отцовская «девятка» выглядела совершенно родной и превосходно слилась с фоном. Роман на всякий случай снял клеммы с

аккумуляторной батареи и спрятал
смотанные в жгут провода в десятке
метров, в стопке лежащих плашмя
бурых от ржавчины колесных дисков.
Подумав, тщательно проверил, как
закрылись все двери, после чего,
кинув на машину прощальный взгляд,
двинулся дальше пешком.

Бензина в «девятке» было почти
три четверти бака: вполне хватило
бы, чтобы объехать
Калининградскую область по
периметру. Но ехать в город на
машине он не рискнул. Даже из
деревни, куда он отвез мать, масштаб
происходящего доходил довольно
неплохо. По смолкшему к десяти
утра телевизору, по радио, да и уже

просто на слух. Южнее и юго-западнее грохотало почти без перерыва, и еще до полудня грохот начал расползаться в стороны.

Деревней эту коллекцию разнокалиберных домиков было назвать довольно сложно: скорее разросшийся во много раз хутор, когда-то, наверное, принадлежащий одному немцу, а теперь многим семьям. Но люди здесь жили, и некоторые даже круглый год, как тетка, наезжавшая в Калининград разве что по праздникам. В деревне или «деревеньке», которая на семейном языке звалась Почти Простоквашино, не было средней школы, почтового отделения,

сберкассы и даже просто магазина. Был открывающийся на четыре часа в день ларек, который держал один из постоянных жителей. Не было и государственного автобусного маршрута, но до Зеленоградска оттуда можно было добраться почти не устав, поэтому люди и жили. Основным транспортом являлся велосипед, на котором здесь ездили лет до семидесяти. Если надо, приезжала «Скорая», хотя асфальта не было тоже. Рома считал, что вот именно это, отсутствие асфальта, — решающий фактор, благодаря которому деревенька не отмечена на всех сколько-нибудь значимых картах.

В небе рывкнуло, и он приподнял голову на ходу, отчего опять укололо холодом чуть ли не по всему телу сразу: и в ступни, и в шею, и за пазуху. Но в бело-голубом пространстве над головой оказалось на удивление чисто: ни одного инверсионного следа, ни малейших признаков мельтешащих самолетов. Это казалось странным, но малейшей толики самокритичности оказывалось достаточно, чтобы убедиться в собственной малограмотности. Роман Сивый был курсантом четвертого курса БВМИ/КВВМУ по специальности «корабельные автоматизированные комплексы и информационно-

управляющие системы»: в тактике своих и чужих ВВС он понимал хуже, чем свинья в апельсинах.

— Эй, парень!

Навстречу ехал мужичок на велосипеде. По заледеневшей дороге он катился вихляясь, озираясь на ходу. Увидев ковыляющего на замерзших ногах курсанта, он почему-то обрадовался и подкатил к нему, с энтузиазмом работая педалями. Одет мужик был не в пример лучше Ромы: в выцветший бушлат защитного цвета и ушанку без кокарды. Приблизившись, он соскочил со своего сиденья совсем рядом, а посмотрев на Ромино лицо, почему-то сразу же полез в карман

своего бушлата за сигаретами. Отказываться было глупо, каким ты спортсменом ни будь, и Рома с благодарностью принял дешевую сигарету с фильтром и прикурил вторым от протянутой зажигалки в цветном пластиковом корпусе.

— Ты с аэродрома?

— А? Нет, не с аэродрома.

Почему-то сразу возникло ощущение, что называть первому встречному деревеньку, где он оставил мать, не следует. Вчера бы такое в голову не пришло. Но то вчера.

— А ты?

Мужик нервно обернулся назад, в ту сторону, откуда прикатил.

Глубоко затянулся.

— Моряк? — спросил он вместо ответа.

— Да.

— А че от моря идешь?

Роман с секунду подумал, прежде чем ответить. Грубить не хотелось.

— Я курсант, — наконец ответил он.

Мужик снова обернулся в одну и другую сторону, сокрушенно крякнул, дотянул сигарету и резким движением кинул окурок под ноги. Рома машинально проводил его движение взглядом.

— Че, курсант, допрыгались?

— Кто? — уже спокойно

спросил он мужика, хотя предчувствовал ответ.

— Все. Все мы.

— Похоже на то.

Возразить было нечего. Просто выглядящий мужичок в бушлате и ушанке был прав по полной. Его «че?» выглядело нарочитым, совпадающим с «манерой одеваться», но не с лицом.

— Куда двинешь?

— К себе, — честно ответил Роман. — В училище. У нас там нормальные офицеры. Скажут, что делать.

Велосипедист приподнял одну бровь, но промолчал. Они кивнули друг другу и разошлись. Домусоливая

свою сигарету, Роман потопал дальше, старательно отталкиваясь ото льда и снега одеревеневшими ногами. Странное дело, но сигарета его действительно в какой-то степени согрела, хотя ниже колен втянутое легкими тепло не дошло. Он обернулся на уехавшего встречным курсом мужика раз или два — тот старательно работал ногами, втягивая голову в плечи. Может, на тот самый аэродром ехал, о котором спрашивал. Может, летчик или по крайней мере техник: и не разобрать, гражданский на самом деле или военный. Насколько он знал, в Храброве базировались флотские транспортные борта,

работающие на ближних маршрутах. Интересно, в какой они сейчас форме? В виде пылающих обломков? В виде приза игры «царь горы», штурмуемые озверевшей толпой бабушек с авоськами?

Последняя мысль заставила Романа посмеяться, это тоже чуточку согревало. В Храброве он бывал не раз — и по пути из города на юг, и по пути к тетке или обратно, когда не складывалось с машиной. До Храброво от их Почти Простоквашино можно было добраться и на велосипеде, и на лыжах, и пешком, хотя топтать пришлось бы раза в два дольше, чем до Зеленоградска. Зато там

инфраструктура: магазины, налаженный транспорт, регулярные автобусы. Как способ, выбраться в город быстро и надежно, Зеленоградск был ничем не хуже, но ездить через аэродром обходилось заметно дешевле. С другой стороны, там невозможно было затовариться продуктами, если ты, конечно, не Абрамович, Березовский или Греф.

Размышляя, он продолжал и продолжал топтать. Мысли о прошлом успокаивали, не давали места для размышлений о сегодняшнем дне и особенно о завтрашнем. Он был курсант, в военной форме, давший военную присягу. И даже вооруженный: в правом кармане

шинели лежал пистолет.
Австрийский «глок-19» под
привычный 9-миллиметровый
патрон. Отец про него сказал, что
пистолет «перекламированный, но
точный», сам же Роман со своей
почти дилетантской колокольни счел
сильной стороной «глока» большую
емкость магазина. В нем уже не
хватало четырех патронов, и Рома
прекрасно помнил, почему именно.
Именно из этого пистолета стреляли
в их дверь. Совсем недавно, хотя
сейчас казалось, что годы назад.
Причем наполненные событиями
годы, уже покрывающиеся налетом
сбывшегося. Уже притупившие
остроту произошедшего. Один «глок»

отец забрал себе, «чешску зброевку» отдал прапорщику, который куда-то пропал и с ними не поехал. Второй «глок» достался ему. Странно, что отец не подумал о запасных магазинах, но, может, не хотел лишний раз копаться в карманах убитых рядом с мамой. Хотя вытащил же он документы...

Все же полностью переключиться не удавалось: мысли об оставшемся далеко позади, почти в прошлой жизни воскресном утре с отцом и мамой уходили, замещаясь новыми, страшными и злыми. Как там будет мама? Тетка в этой деревушке свой человек, чужих там нет, и ее сестру там тоже привыкли

видеть. И кто ее муж, тоже отлично знали, потому что старший офицер морской пехоты имеет в наши дни в России такой статус, который не спрячешь. Хорошо это или плохо? Полезно или опасно? Будут ли помогать им соседи потому, что отец защищает Родину на передовом рубеже? Или, наоборот, кто-то из столет знакомых соседей побежит в город в только-только создаваемую комендатуру, чтобы доложить какому-нибудь новоявленному бургомистру, что вот у них объявилась семья красного командира, подлежащая аресту и ликвидации... Ассоциация влезла в голову сама, полностью заменив

исходный образ, и от этого он чуть не подавился ледяным воздухом. Ну ничего себе!

Он замедлил шаг, прислушиваясь к себе. Нет, психиатрией не пахло. Он не «попаданец», провалившийся в прошлое, хотя это было бы лучшим выходом. Но фантастическим. А происходящее вокруг не было бредом: ни алкогольным, ни наркотическим. Роман сунул руку в карман и потрогал рукоятку тяжелого пистолета онемевшим кончиком указательного пальца, не слишком-то хорошо защищаемого перчаткой. У отца и так было два пистолета, включая автоматический пистолет

Стечкина. Зачем ему был третий? Просто потому, что на войне оружие лишним не бывает? «На войне...» Шагая, он пожал плечами своей последней мысли, и тут же стало совсем холодно. Доходило до него все же медленно. Он увидел начало этой войны раньше всех, на целые десятки минут раньше, потом успел что-то еще увидеть по телевизору, услышать по радио. И все равно происходящее не дошло до него до конца. Потому что еще вчера все было другим: полная семья, училище, съемная комната в хорошем месте города, короткие поездки к родителям в большую часть выходных. В их училище в 2010–2011 годах курсантов

не набирали вообще, только по десятку человек в «школу техников» — будущих мичманов. Поэтому его курс три года был младшим: только в прошлом 2012-м вновь начали набор и пришли салаги. Что теперь будет с училищем? Что с ним уже произошло, могло произойти? Будет ли какая-то польза стране от того, что из увольнений до места доберутся полторы или две сотни недоучившихся специалистов по корабельной электронике и радиотехнике и их преподаватели? Кто-то сразу пойдет на сборный пункт, потому что не морскую же пехоту из них делать? Сводный батальон, как делали многие

десятилетия назад!

Роман запнулся на полушаге, потому что на очередном пологом пригорке, между расступившимися в стороны елками, открылся позволяющий заглянуть далеко вперед просвет и в его конце наконец-то завиднелось шоссе. Ну, теперь дело пойдет быстрее. Он так обрадовался, что дрожь отступила на целую минуту. Воспользовавшись этим подарком организма, Роман быстро дошагал до Т-образного перекрестка, увенчанного с его стороны обычным знаком в виде перевернутого треугольника. Нет, не шоссе, конечно. Региональная автомобильная дорога, двухполоска,

но в приличном состоянии. Именно она соединяла Зеленоградск и Ленинградский район Калининграда, превращаясь на северной окраине последнего в извитую улицу Александра Невского. Дорогу ремонтировали почти перманентно, из конца в конец, но конкретно этот участок оказался сейчас чистым: без вечных куч строительного мусора и огороженной конусами и знаками разнокалиберной дорожной спецтехники. И вообще, на дороге не было машин. И людей.

Осторожно свернув вправо и отойдя от перекрестка на десяток метров уже довольно медленным шагом, Роман остановился и

прислушался. Да, на юге и по сторонам довольно сильно рокотало. Именно это, наверное, называлось словом «канонада». Странное слово, устаревшее, не бывшее в обиходе десятки лет. Вспышек на фоне неба он не заметил, но, возможно, еще было слишком светло для этого. Солнце сейчас садилось где-то без четверти пять, и даже до сумерек оставалось еще много часов. День сегодня начался рано...

Ага, вот кто-то и едет! Со стороны города начал нарастать шум мотора. Слышно его было хорошо, потому что ничего не мешало, звука движения других машин он не мог уловить ни с одной стороны, ни с

другой. Приближающийся автомобиль еще не было видно, когда Роману пришло в голову, что он может быть чем угодно. Вплоть до головного дозора вражеской автоколонны. Но прыгать в заиндевелившие кусты, теряя, возможно, единственный на ближайший час шанс выгадать время и вообще узнать текущие местные новости, было вообще глупо. Тем более звук был совершенно нормальным. Набитый солдатами тентованный грузовик звучит иначе: уж это он знал. Их тоже так возили — и на стрельбище, и в лагеря, и в оцепление на праздники, и так далее: на много разных случаев.

Украшая «Уралы» с эмблемой БВМИ/КВВМУ оптимистичной желтой табличкой с надписью: «Люди». Привычной для всей области, в которой всегда было много военных.

Машина выскользнула из-за поворота, и он снова остановился и убрал руку из кармана, от рукоятки. Это был быстродвигающийся внедорожник с привычным силуэтом, «Шевроле Нива» серого цвета. Двигался он навстречу, но Роман все равно поднял руку. К его удивлению, сначала даже прибавивший ход автомобиль вдруг вякнул тормозами, чуть вильнул по льду и встал как вкопанный ровно напротив него, на своей полосе.

Водительское стекло опустилось на всю глубину, за ним оказался крепкий молодой парень с осунувшимся лицом.

— Але! — просто поздоровался тот.

— Здрасьте, — машинально ответил Роман. — Вы из города?

— Откуда же еще? — быстро отозвался парень. — А ты с аэродрома?

Пассажирское сиденье справа от водителя оказалось пустым, хотя и заваленным сумками, а вот сзади все было набито, там сидели сразу четверо: двое взрослых и двое маленьких детей, один в «сидушке», другой на коленях у женщины

средних лет.

— Нет, не с аэродрома. Сначала с Балтийска, потом...

— Как там, в Балтийске? — снова очень быстро спросил парень, не дав ему закончить.

Роман пожал плечами: он не знал. Отец остался, и можно было только гадать, чем он занят в эту конкретную минуту. На юго-западе рокотало так же, как и строго на юг, значит, кто-то дерется.

— Что в городе? — спросил он в ответ, и парень дернул щекой сверху-вниз. Нервное движение перешло в пожимание плечами.

— Хреново там, — наконец отозвался он вслух. — Совсем

хреново. Не ходи туда.

— Мне в училище, — машинально произнес Рома, хотя уже не был в этом уверен.

— В которое, морское? Которое на Советском стояло?

Разглядывая снова дернувшееся лицо парня, Роман смолчал. «Стояло» — что это значит? Почти наверняка ничего важного. Например, можно вспомнить, что БГАРФ, Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота, тоже располагалась в пределах города, и довольно близко. Его курсанты тоже носили черную форму.

— Я почти оттуда, с маршала

Борзова. Ваше училище пришлось далеко объезжать, там...

Он прямо посмотрел в глаза курсанта и замолчал на секунду или две.

— В общем, там тускло совсем. Все в дыму, и... Часа не прошло, как я оттуда свалил. Крался по дворам, если тебе интересно. Тогда стрельба еще шла.

Роман стоял, оцепенев. Слушал, не понимая. Какая стрельба, почему стрельба? Всегда был пистолет у дежурного офицера, но больше он оружия в училище не видел, так как специальности что у будущих инженеров, что у будущих техников были не то чтобы «мирные», но, во

всяком случае, не связанные с оружием напрямую. Ни со стрелковым, ни с морской артиллерией, ни с прочим. Сплошь радиотехника и АСУ. В кого там могли стрелять?

— Ты садишься или нет?

Парень за рулем «Шевроле Нивы» спросил это раздраженно, будто переспрашивал третий раз у тормозящего. Задать логичные вопросы про «куда ехать» и «зачем» Роман не успел: тот уже тронул машину с места, закрывая окно на ходу. Вслед уехавшему внедорожнику он поглядел тупо, не понимая, и только потом почувствовал надвигающийся рокот. Это, наверное,

случилось потому, что ступни ног уже превратились в ледышки, буквально слившись с землей через тонкие подошвы. Именно поэтому он как раз не слышал сначала происходящее, а почувствовал ступнями, как начала подрагивать земля. Бросив тупить, Роман живо сбежал с замеченной тонким слоем снеговых крошек проезжей части к кювету. Тут же провалился по колени, замедлился и понял, что перебираться глубже в прозрачный лесок смысла нет: не успеет отойти. Дрожь земли в снегу уже не чувствовалась, зато стал различим звук моторов. Идущий оттуда же, со стороны города.

Рухнув на колени, он начал обеими руками в перчатках разгребать мягкий снег. Слава богу, хватило ума сдвинуться по дороге на несколько метров, не рвануть точно перпендикулярно. Теперь небольшой изгиб был ему в помощь. За какие-то секунды Роман откопал в пронизанном ледяными перепонками снегу довольно глубокую, вытянутую вдоль хода кювета лунку и втиснулся в нее всем телом, подоткнув полы шинели и зажав их коленями. Рев двигателей был уже оглушающим: казалось, что двигается минимум полк. И дрожание снова стало заметным, хоть и через снег. Провернувшись как

внутри кокона, он попытался осмотреть себя, но ничего не понял. Да, самому ему дороги не видно, но это ничего не значит: очень может быть, что сам он как на ладони. Интересно, тот нервный парень что, почувствовал приближающиеся машины? Услышал? Что не увидел в зеркальце, это точно: те были еще слишком далеко, когда он тронулся и сразу погнал. Но почувствовал как-то. «Нива» была единственным автомобилем, которую Роман видел за минуты разговора, однако он встретил ее почти сразу же после выхода на двухполоску. Что это может значить, было непонятно, скорее всего, совершенно ничего

важного, но размышления на не особо важную тему хорошо отвлекали от сиюминутного страха, поэтому на них он постарался сконцентрироваться. Но не вышло, потому что к глухому, уверенному реву добавился и лязг. Гусеницы! Осознание этого простого факта едва не выбросило Романа из снежной ямки обратно на дорогу. Как выглядит техника отцовской бригады на марше, он видал сто раз. Очень и очень может быть, что это идет один из ее батальонов. И может быть, прямо отцовский. Вот было бы интересное совпадение. Почему от города? Ну, может, отступление?..

Лязг и рев сменился сплошным

гулом, снова расслоился, дойдя до своего пика, добавил ко всему шуршание и стук и почти тут же вновь начал превращаться в гул. Головная машина уже прошла мимо него, но основной вклад в звуковую палитру давала не она, а колонна, отставшая от нее по крайней мере секунд на тридцать. Отцовская эта колонна, в смысле «своя», или нет? Роман отлично понимал, что это лотерея. Предположим, один к одному. Он может поднять голову и посмотреть. Есть шанс, что он увидит вперемишку МТ-ЛБ, БТР-80 и самоходки отцовской бригады; танков, судя по звуку, здесь все же не было. Тогда все его собственные

ближайшие проблемы окончатся сами собой: его посадят на броню, дадут или не дадут в руки лишний автомат и в любом случае прикажут, что делать. Но с другой стороны, в нескольких метрах от него сейчас могут двигаться американские «Брэдли» и польские «Росомахи», и реакция их экипажей на вид поднимающегося из заснеженного кювета фигуры в черной флотской шинели будет совершенно однозначной. И окончательной.

Выбор был не особо сложным, а терпение Рома имел на зависть многим, поэтому продолжал лежать неподвижно. Очень надеясь на то, что его не видно не просто с дороги,

а и с самого верха наблюдателям
поверх брони. От оглушающего рева
двигателей, шустрого лязга
гусеничных звеньев и шуршания
разбрасывающих льдинки толстых
шин в каких-то метрах от себя можно
было сойти с ума. Звуки повторялись
раз за разом — колонна явно была
большая. В кювет густо тек запах
солярного выхлопа, от которого не
просто першило в горле, а
натурально было трудно дышать и
слезились глаза. Рома изо всех сил
крепился, чтобы не закашляться, но
это было бесполезно, и в итоге он
счел, что стараться не дергаться при
каждом легочном спазме важнее, чем
стараться не кашлять.

Через несколько минут лязг и шорох как-то разом начали уходить, но Роман на всякий случай заставил себя досчитать до девяноста и не прогадал. То ли он наполовину оглох, то ли обалдел от выхлопных газов, как молодой токсикоман, но очередную накатывающуюся волну лязга он и не услышал, и не почувствовал до самого последнего момента, пока она не пронеслась мимо в том же направлении, что и все другие, — к северу. Выждав еще сколько-то, он наконец-то осторожно начал высвобождать из-за пазухи руки. Нет худа без добра: они наконец-то начали отогреваться, возместив потерянное на

выкапывание снежной лежки тепло за счет каких-то других частей тела. Жопы в первую очередь. Цистит, а то и простатит гарантированы.

Стуча зубами не в такт удаляющемуся гулу, Роман выбрался из продавленной весом его тела лунки в сторону канавы, попытался приподняться на одно колено и тут же провалился. Чертыхаясь и отплевываясь, он восстановил равновесие и очень аккуратно выглянул за обрез дорожного полотна, опираясь о спрессованный снег двумя руками. На обжегший запястья холод, тут же сунувшийся в промежутки между перчатками и рукавами шинели, он не обратил

никакого внимания — такое впереди открылось зрелище. Убегающая от него концевая машина колонны была, как он и так понял, гусеничной. И выглядела она непривычно: очень широкой и плоской. Даже с кормы она выглядела хищно, как щука. Вооружения Роман не заметил, но дистанция составляла уже метров триста, какие уж тут детали. Хвост собственно колонны ушел дальше вперед, и там были машины нескольких типов. Ему показалось, что две гусеничные единицы в самом хвосте были знакомыми БМП-1 отечественного производства, но он не был уверен: очень уж далеко. Да и ожидать опознавания в стиле «а глаз

как у орла» от замерзшего и нанюхавшегося дряни человека было больно оптимистично, будь он даже армейцем, а не моряком.

Поправив ушанку и занявшись вытряхиванием снега из-за шивороты уже снова заочеченевшими пальцами и выбором его не растаявших еще комков из рукавов, Роман подождал, пока замыкающая колонну отставшая гусеничная машина не исчезнет из видимости за очередным плавным поворотом. Только после этого он аккуратно выбрался из кювета на дорогу и затопал ногами на одном месте. Тыловой дозор это был, вот что.

Сам не зная зачем, он снова

сунул руку в карман пощупать пистолет. Карман оказался полон снега, и еще полминуты ушло на то, чтобы вычистить его весь, а затем обтереть «глок» рукавом. Неделью назад ему и в голову бы не пришло представить, как спокойно он будет это делать. Впрочем, тогда немыслимо было представить и все остальное, вместе взятое: от гонки по заснеженной дороге с оставшимся позади отцом до чужих машин,двигающихся от Калининграда к Зеленоградску. К слову, ни одна машина из колонны не свернула на ту местную дорогу, которой он вышел на шоссе, и это было хорошо: единственная хорошая деталь из всей

окружающей беспросветности. Чьи это были машины, похожая на щуку замыкающая и все остальные? Чешские, польские, американские? Мог ли он ошибиться и не узнать что-то из парков расквартированных в анклав частей и подразделений российских ВС? «А черт его знает», — честно сказал Роман самому себе.

На душе было «тускло», как довольно метко заметил тот парень в «Ниве». Интересно, как далеко он сумеет продвинуться по ремонтируемой дороге, на сколько километров тянется готовый участок? Догонят ли его эти ребята на гусеничных и колесных

бронетранспортерах вперемешку? На его взгляд, вряд ли. Хотя «Шевроле Нива» машина не из вызывающих зависть, даже с полной загрузкой она по шоссе превосходит любую гусеничную драндулетину раза в полтора. Отечественные БРДМ она, наверное, с меньшим отрывом, но тоже обгонит, но он не в курсе, были ли такие в колонне. Лежал как ляля, тихо и смирно. Обонял воздух свободы.

Шагая в том же направлении, что и раньше, Роман с удовлетворением отметил, что иногда еще может иронизировать. Значит, и не совсем задубел, и не совсем напугался. Сильно, но не до

конца. Это хорошо. Отец воспитывал в нем здоровый реализм, черту, имеющую в его глазах очень высокий ранг. Здоровую мужскую агрессивность, без которой любой военный превращается в кабинетного хомячка, мечтающего о должности в пределах Садового кольца, он тоже в сыне воспитывал, но в меньшей степени. Эту черту он пустил почти на самотек, потому и смотрел спокойно на то, как часто Рома менял спортклубы. На традиционном самбо он дорос до первого разряда и остановился, потом пробовал капоэйру, крав-мага и кёкусинкай-карате, нигде не задержавшись больше чем на учебный год. С

отцовской точки зрения, раз не бильярд и не автомобильный спорт — уже хорошо. К радиомодельному спорту он бы, возможно, вообще нормально отнесся, но Роман в итоге пошел не в связисты, а на уже упоминавшиеся «корабельные автоматизированные комплексы и информационно-управляющие системы». Нормальная мужская специальность, требующая и головы, и скорости реакции. Квалификация выпускников — морской инженер. Объектами профессиональной деятельности являются пусковые установки и аппараты, системы погрузки, хранения и перезарядки отделяемых объектов, средства

управления этими системами и установками, режимами движения носителя и наведения пусковых установок. А также процессы разработки, изготовления и эксплуатации автоматизированных корабельных комплексов и информационно-управляющих систем, но это вряд ли: Роману заметно больше хотелось быть причастным к боевому применению, чем к разработке и изготовлению. Эксплуатации — это еще куда ни шло. Без этого никак ни «Базальту», ни «Яхонту», ни «Москиту». Ни даже больше увлекшим его с последнего курса корабельным системам ПВО...

Проговорив про себя последние

фразы, он остановился, держа правую ногу поднятой в воздух. Потом аккуратно поставил. За поворотом стояли машины. Штуки четыре. Моторы были заглушены, поэтому он так поздно их заметил. Просто темные силуэты в узком просвете между деревьями. До них оставалось метров двести или даже чуть больше, но все равно было заметно, что что-то там не так.

Настороженно обернувшись по сторонам, Роман решил не двигаться к ним слишком уж прямо. Мало ли... И так его могли увидеть — быстро шагающую фигуру в черном на фоне белой и серой дороги. Чертыхаясь про себя, он снова полез в кювет, тут

же набрал полные ботинки снега, затем полные рукава его же, но все же довольно шустро вылез из канавы и пошел по насту, огибая едва различимую теперь неподвижную группу по широкой дуге. Собственно в лесу снега было мало, ветер резко ослаб, и продвижение не представляло особых трудностей, так что он мог сконцентрироваться на наблюдении. Каждые шагов двадцать Роман останавливался и прислушивался, но так и не сумел расслышать чего-либо особенного. Шум в ушах и буханье сердца в груди почти сливались и по тембру, и по интенсивности с далекой неравномерной канонадой, поэтому

слушать было непросто. Одна из сухих, покрытых инеем веток довольно чувствительно царапнула его поперек лица, после этого он постарался быть еще более внимательным: вполне мог бы и заметить, отвести. Минут через пять или шесть крадущегося шага со всеми остановками вывели его точно на раковину той же группы. Минута наблюдения не дала ровно ничего, а деталей различить никак не удавалось, и он решил сократить дистанцию. Делал это Роман сгорбившись и двигаться пытался не короткими перебежками, а плавно и равномерно, как учил отец. Они не зря провели вместе столько летних

недель за последние годы и целых месяцев чуть раньше. Чему-то он сумел его научить и без демонстративного превращения семейного отдыха в филиал родной казармы.

Когда детали стали различимы, пришлось потратить еще минуту и в который раз оглядеть все вокруг. Тишина и зимнее благолепие, только чирикающих птичек не хватает. Птицы почему-то коллективно молчали, то ли ошарашенные далеким гулом, то ли еще почему. Возможно, просто окоченели, как он сам.

Еще одна «Шевроле Нива» и что-то покрупнее, с устаревшими

рублеными обводами, — вглядывался Роман в молчание теперь совсем недалеко от него автомобили. Вроде «Гранд Витары» старых выпусков. И две легковушки: купе и седан. Все почему-то сплошь черные. Он промокнул слезящиеся от напряжения и порывов холодного ветра глаза рукавом и тут же пожалел о сделанном: лучше видно не стало. Пришлось продвинуться вперед еще метров на пятнадцать, и только после этого с большим опозданием Роман осознал, что это ему не кажется и что над машинами колышется марево теплого воздуха, как бывает летом. Очень серьезно подумав, он все же достал из

кармана «глок» и дослал патрон в патронник. Машинально искал предохранитель, сначала на одной стороне пистолета, потом на другой. Не нашел, устыдился и снова перевел взгляд вперед.

— Что за чертова хрень...

Автомобили однозначно тлели, все четыре разом. И рядом с ними он не видел ни одного человека. Пошли за помощью? Плюнули на пожаротушение и отправились дальше к Храброво пешком? Об этом можно было только гадать. Любой автолюбитель в курсе: автомобильный огнетушитель, даже не «баллончик», а настоящий двухлитровый — вещь абсолютно

бесполезная. Им можно, например, потушить горящую собачью будку или что-то иное столь же монументальное. Возможно, мотороллер, если он вдруг загорится. Но даже в несколько стволов такие огнетушители не имеют шанса залить горящий автомобиль, даже легковой. Вспыхнувшая на ходу проводка — однозначный total, как это принято называть в общении со страховыми компаниями: даже если начать тушить двигатель сразу же, подключить всех очевидцев и не экономить углекислоту на будущее — от машины остается в целости максимум корма.

Очередные пять метров, не

принесших ничего нового. Потом еще пять. Очередная минута на тщательное прислушивание и еще одна на оглядывание. Так мог себя вести параноик в тылу врага.

Роман выбрался из кювета на дорогу и пошел вперед, крадучись, аккуратно переставляя ноги. Интересно, что здесь кювет был довольно мелким — в таком не спрячешься. Машины стояли на дорожном полотне почти правильным ромбом или даже немецкой «свиньей». Поставив замеченную им «Гранд Витару» непосредственно «в пяточок». Расстояние между ними было где-то в полтора корпуса, чуть больше до

концевой «Калины», от которой вообще остался один каркас. Вблизи стало ясно, что копоть покрывает легковушки целиком, на «Витаре» же уцелело по крайней мере одно видимое пятно краски темно-зеленого цвета. Он сделал очередной шаг, обходя ближнюю машину сбоку, и вот тут остановился намертво. Потому что увидел нечто, совершенно не укладывающееся в голове. Довольно долго Роман тупо на это смотрел. Буквально как баран. На дырки в корпусах машин, которые он увидел как-то разом на всех четырех, — до этого момента они сливались с фоном. Часть дырок выглядела как круги, больше как

овалы, а несколько превратились в длинные узкие разрезы по жести. Последние выглядели довольно странно, но их происхождение было очевидным: пулемет, причем однозначно крупнокалиберный. И тела. На всех сиденьях. Тоже черные. Не выскочил ни один. Даже не была открыта ни одна дверь, по крайней мере с той стороны, где он стоял.

Роман произнес несколько простых матерных словосочетаний. Сначала про себя и машинально, затем шепотом и уже более осознанно. Это неожиданно помогло: сначала отпустило захолонувшее сердце, потом мысли, потом мышцы. Он снова покрутил

головой, проведя взглядом по дороге за своей спиной и по леску на противоположной стороне двухполоски. Как и раньше, нигде ничего, только долбит и долбит артиллерия вдалеке. Подошел еще на шаг ближе, посмотрел, не отводя взгляд. Он был военным, пусть и не со «строевой» ВУС. Не трусом и абсолютно точно не интеллигентом или «ботаном» в крайних проявлениях. Но смотреть все равно оказалось тяжело и по-настоящему больно. Сжав зубы, он обошел всю застывшую группу расстрелянных автомобилей по кругу. Да, не открыта ни одна дверь, все тела внутри. По 4—5 человек на машину, несколько

детей. Сгорели все четыре, причем сгорели довольно давно, не было даже признаков пламени, только тление и тепло. Снег наверняка сначала растаял, но земля уже остыла, и с краев мокрого черного пятна уже начали пробираться снежные змейки. И совершенно не было запаха — вот что его поразило. Тепло ощущалось, но не «пахло»: ни гарью, ни резиновой изоляцией проводов, ни жженым маслом, ни сгоревшими телами, наконец. Должно было пахнуть, однозначно, но он ничего не чувствовал, вообще никаких запахов. Отморозил нос? Или обоняние сожгло солярным выхлопом в той канаве сколько-то

десятков минут назад? Или он так сильно получил по мозгам от всего произошедшего с утра, что, говорят, случается не только с тонкими натурами?

Несложно матерясь про себя, то и дело повторяясь, Роман старался осознать произошедшее в деталях. Асфальт был чист, не нарезан «на кубики», как бывает, когда ходит тяжелая гусеничная техника. Значит, легкая, потому что та колонна, которую он пропустил мимо себя, имела в своем составе едва ли не половину именно гусеничных машин. Но то, что гражданские автомобили сожгла не она, тоже было понятно. Судя по отсутствию пожара,

это случилось уже часы назад. А он шел сюда минут 15 максимум и потом еще столько же ковылял и крался в обход, как Бармалей из старого фильма, только в одиночку, без вооруженных друзей. Здесь, наверное, тоже была какая-то колонна. Тоже, возможно, головной дозор из одной или двух быстроходных легких бронированных машин: гусеничных или колесных. И все закончилось за какие-то секунды: именно поэтому все четыре автомобиля стояли кучно и с закрытыми дверями. Но при этом группа разномастных легковушек попалась им не «на пути» — они ее как-то догнали. Как? Еще недавно он

с удовлетворением заключил, что внедорожник обойдет даже БРДМ. И выходит, что ошибался. Хорошо, что теоретически. Хорошо, что он был без машины.

Когда в голове мелькнула мысль о том, что «зато как замерз», Роман с некоторым стыдом осознал, что уже не мерзнет. Уже согрелся, в этом тепловом пятне внутри ромба тихо, уже бесшумно тлеющих автомобилей. С телами почти двух десятков людей вокруг: всех почти наверняка гражданских. Детей, на черные силуэты которых в остатках разноразмерных детских сидений он старался не смотреть совсем. Почему нет запаха?

Его неожиданно вырвало, прямо на ноги, и тут же, без перерыва, еще раз, одной кислятиной. Застонав, он отступил назад. С трудом удержался, чтобы не вытереть рот перчаткой. Пошатываясь, дошел до чистого снега, собрал горсть, укусил. Зубы сразу заломило, но, когда он потерпел пару секунд и сплюнул, сразу стало легче. Снег прочистил и мозги, снова стало можно думать. Произошедшее было страшным, но понятным.

Выскакивает
быстроходный разведчик,
гусеничный или колесный, а тут групповая мягкая цель. Безопасная практика, экстрим, воспоминания на всю жизнь... Картинку он пытался

не представлять, но она все равно лезла в глаза: короткая высокая бронемашинка на больших колесах полосует длинными очередями установленного на турели пулемета несущиеся автомобили, и те вспыхивают один за другим почти одновременно. Всего секунды, по одной-две средних или длинных очереди на каждую. Много ли надо на жестяную машинку...

Он кинул взгляд назад, в первый раз осознанно подумав, что делать тут нечего. Похоронить он никого не сумеет. Да, надо, но не получится. Землю копать нечем, а просто вытащить все скукоженные, страшные, тлеющие тела из машин и

забрасывать снегом — он сойдет с ума раньше, чем сделает половину этой работы.

Роман еще додумывал это, когда снова услышал шум двигателей. На этот раз он не размышлял: пример того, что может случиться, если попадаешь миротворцам «под горячую руку», был свежим и очевидным. Быстро прикинув направление и дистанцию, он пробрался мимо закопченной «Калины» без единого целого стекла и кинулся в лес, точно на траверз сожженной группе. У него была идея в отношении того, что может произойти, когда очередная колонна наткнется на все это. Чья бы она ни

была, сто процентов останоятся. Кювет он перемахнул одним махом, чтобы не оставить следов. Сделав еще пару шагов, быстро оглянулся — да, сойдет. Попрыгал по насту, как зайчик. Метров пятнадцать — и достаточно. Лес был грязноват: с колючими кустами, со старыми вывороченными деревьями. Вроде Калининградская область, а не Хабаровский край, но здесь были и грибы, и зверье, если знать, куда ходить с корзинкой или ружьем. Как Чехов или Ленин. Лежащий на земле довольно толстый ствол с торчащей с одного края рогулькой растопыренных корней отлично Романа устроил. Торопясь, потому

что шум работающих на полной тяге двигателей становился все явственнее, он бухнулся у второго, криво обломанного края бревна. Покрытого инеем, налипшим на торчащие щепки тысячами искорок. В голове мелькнула картинка из примитивных плакатов первого курса обучения: маскировка на местности, «правильно и неправильно». Голова туповато выглядящего бойца в шлеме, выглядывающего над укрытием, видна отлично. Голова сурового бойца, выглядывающего сбоку, — гораздо хуже. То же самое для куста, для стеночки и что-то еще в этом роде, на много примеров. Еще он успел снять ушанку — и тут справа

на дорогу выкатились силуэты нескольких машин. Главными шли две колесные машины знакомого вида: «Хаммеры». Точнее, конечно, не «Хаммеры», а «Хамви», по-английски HMMWV, от «высококомобильное многоцелевое колесное транспортное средство». Ошибкой является мнение, что это военная модификация «Хаммера», машины богатых пиджонов. Наоборот, это «Хаммер» — гражданская модификация «Хамви», права на производство которой были проданы не слишком крупной компанией «AM General LLC» аж корпорации General Motors. Как Роман и ждал, они дали по тормозам, не доезжая до группы

сгоревших гражданских машин: головной внедорожник пошел юзом, противно закрипели тормоза, потом машина встала.

Цвет ее был серый, но не простой, а в две краски: светло-серый плюс темно-серый. Даже на небольшой дистанции силуэт неподвижного «Хамви» сливался с фоном — заснеженным леском на противоположной стороне дороги, и это Роме очень не понравилось. Да, несмотря на черные детали там и сям: колеса, выкрашенные черным антенны, кенгурятник спереди. Главное, что на крыше разведчика, в коробочке из броневых листов торчал торс напряженно держащегося за

рукояти впечатляюще выглядящего оружия бойца. Тот был тоже в сером камуфляже, в шлеме с крупными обрезиненными очками либо даже в чем-то типа плавательной маски. На пулемет оружие похоже не было, даже на крупнокалиберный. Скорее, это была малокалиберная скорострельная пушка, но Роман не был в этом уверен и категорически не планировал выяснять такие детали поближе. Странно, но и боец, и его оружие выглядели несоразмерно большими на фоне машины, которую он считал просто громадной. Странно и непривычно. Гражданский «Хаммер», какие в Калининграде были, — это

чудовищная хрень, с трудом вписывающаяся в повороты, на парковках занимающая по три места, и еще торчащая в проезд, и очевидно едущая по маршруту «между бензоколонками». Один известный в городе «Хаммер» был аж розовый, его брали в прокат на свадьбы и выпускные балы, когда деньги не считают. А здесь... Здесь военный вариант в общем-то той же самой машины был маленьким основанием для громадной пушки, поворачивающейся влево и вправо в руках настороженно поглядывающего вокруг вражеского солдата. Было слышно, как он перекликается с кем-то внутри его же машины, но ни

одного слова Рома не разобрал: разговорный английский был не самым большим коньком в его уровне освоения учебной программы.

Второй «Хамви» встал чуть дальше назад, его было видно хуже. И еще несколько машин остановились совсем уж далеко, на многие десятки метров по ходу дороги. Их он позиционировал скорее по скрипу тормозов, а потом по рокоту незаглушенных моторов. Еще начали более активно перекликаться голоса. Да, на английском. После довольно членораздельно прозвучавшего «*Aye, aye, Sarge!*» это было ясно окончательно. Такие же машины состояли на вооружении Сухопутных

войск Польской Республики, [\[3\]](#) и можно было предположить, что так же выглядит камуфляж, по крайней мере их Специальных войск, но польский язык Рома знал лучше английского. Здесь польский не мелькал и краем. К тому же поляки, как очень большие пижоны, наверняка украсили бы свои машины флажками и эмблемами, а на головной машине он не видел их ни одной, чистый камуфляж.

Несмотря на поддувающий в уши ветер, ему снова стало жарко. Дистанция до головной машины была метров двадцать, не больше. Рома тщательно расположил руки, создав удобный упор. Несколько раз

глубоко вздохнув, он посадил стрелка автоматической пушки на мушку. Бронебой лист хорошо защищал его чуть ниже, чем до уровня плеч, и шанс попасть точно в голову или шею, в общем-то, был. Но это был шанс для идиота. Двое, затем трое бойцов из головной и второй машины спешили и начали обходить «Калину» с двух сторон, держа штурмовые винтовки на изготовку. Тоже никаких видимых эмблем, знаков различия, только светлый серый камуфляж одного тона для куртки и штанов, покрышки бронежилета, покрышки или собственно «железа» шлема. Вопреки стереотипу, двигались

бойцы совершенно молча: вставший во главе треугольника высокий мужик показал кистью свободной левой руки быструю серию жестов, полностью Роману непонятых, и на этом «ввод команд» закончился, все быстро и плавно двинулись вперед. Ему подумалось, что это хорошо, что там было теплое пятно, а то бы он им натоптал по снежку, все было бы в следах. И тут же вспомнилось, как его рвало. Вот эта последняя мысль напугала Романа так, что он передернулся всем телом. Свежее пятно его рвоты между машинами — это знак лучше любого отпечатка подошвы форменного ботинка. «Смотрите, я здесь был, я рядом!»

С двадцати метров из пистолета в защищенную шлемом голову — да, можно и попасть. Стрелял он довольно неплохо. Может быть, одной пулей из трех попадет. Но пулеметчик — точнее, наводчик автоматической пушки — развернется в его сторону за первую же секунду. А за вторую заплует его снарядами крест-накрест прямо сквозь бревнышко. При посильном участии пеших бойцов с легким стрелковым. Один из которых как раз начал обходить стоящие машины слева, с его стороны.

Аккуратно склонив голову вниз, чтобы не столкнуться со стрелком на крыше «Хамви» глазами, Роман

убрал руки из упора и, как ящерица, скользнул назад и влево, за бревно. Уходить или уползать было поздно — тут же засекут с таких-то метров. Значит, лежать на животе смирно. Если кто-то будет подходить, это можно будет почувствовать или, скорее, услышать, тогда перед концом можно будет отстреляться из «глока». Емкость магазина у него в полтора раза больше, чем у пистолета Макарова, но можно не питать иллюзий в отношении шанса дострелять его «до ручки».

Впереди начали раздаваться голоса, сразу несколько. В том числе довольно властные, явно принадлежащие или старшему

сержантскому составу, или старшему офицерскому. Кто-то выражал свое неудовольствие, причем прямо, открыто и конкретно. Роману было очень любопытно, но разум победил: высовываться из-за бревна он не стал. Двадцать метров. Много для пистолета и ничто для любой длинноствольной системы, в том числе уже для штурмовой винтовки. Жалко.

Из всех звучавших слов и словосочетаний он, к своему стыду, разобрал только одно — «*fucking idiots!*», повторенное раз пять парой голосов и сразу в нескольких вариациях. Слова, приделываемые к этой паре спереди и сзади, он ни

разу не понял, отчего стало обидно. По английскому у него в училище была твердая, заслуженная четверка, а боевичков с отстающим одноголосым переводом он посмотрел в жизни достаточно много, чтобы быть способным воспринимать на слух хотя бы ругань. Но не получалось.

Вздыхая и поочередно искоса поглядывая по обе стороны своего бревна, Роман пролежал точно так же, в той же привычной позе, еще несколько минут, пока впереди не закончили разговаривать. Недолго у них это все же заняло. Слова, звуки шагов и звяканье железа перекрылись взревевшим дизельным

двигателем, и сразу после этого он снова сунулся вперед на выгаданные полметра и осторожно, не сразу, выглянул из-за того же щерящегося заиндевевшими щепками края. Ничего нового впереди не было: стоял высокий военный в том же двуцветном сером камуфляже, в таком же шлеме, но без оружия в руках, махал остальным, не слишком напрягая голос. На глазах Романа бойцы со штурмовыми винтовками полезли в головной «Хамви», водитель которого развлекался, каждые несколько секунд поддавая газа на холостом ходу, отчего получался зверский пульсирующий звук. Высокий на несколько секунд

остался один, обводя взглядом окружающее пространство, и сердце екнуло: вот сейчас он почувствует взгляд. Вид у оставшегося американца был уверенный — он ничего не опасался и чувствовал здесь себя как дома.

— Вот же сука, — с почтением пробормотал Роман, сажая торс офицера на мушку. Мушка была непривычно широкая и на такой дистанции частично закрывала цель, но что уж поделаешь. Ну?

К высокому сзади, из прикрытого густо разросшимися кустами сектора, быстрым шагом подошел еще один, пониже и на вид помоложе. Патрон был уже в

патроннике пистолета, и, даже обмирая от понимания того, что будет, Роман ждал. Откозыряет ли подошедший высокому с большим почтением? Назовет ли его вслух «*colonel*» или даже «*general*»? Нет, ни жеста и ни звука, по крайней мере ничего похожего, хотя какими-то словами они обменялись. Ушли.

Выдохнув воздух, он покачал головой и снова произнес про себя те же самые несложные слова. Он испытывал облегчение, смешанное с совсем небольшой долей неловкости. Зачем он потерял столько времени, потратил столько нервов на переживания, если так и не выстрелил? Ясно и понятно, чем бы

такая яркая глупость закончилась, но если этот высокий хотя бы подполковник, то даже не самый высокий шанс влить ему 9-миллиметровую пулю из «глока» в голову окупал жизнь курсанта с достаточно хорошим запасом. Теоретически, по крайней мере. Без учета его высоких личностных качеств, хороших служебных перспектив и всего того прочего, что еще пару дней назад считалось определяющим для жизни. Жаль.

Положив ладонь под подбородок и вытянувшись из-под прикрытия, Роман с болью следил, как оба «Хамви» в головной паре, а затем еще несколько машин аккуратно

объехали сгоревшие автомобили с телами внутри и двинулись дальше, на ходу набирая скорость. Он понимал, что все сделал правильно, но все равно было обидно. Жизнь не компьютерная «стрелялка», в нее не загрузишься заново... А он не индус, чтобы верить в переселение душ: мол, погибший в гордом и неравном бою станет белым слоном в зоопарке или сразу капитаном индийских ВМФ. На мостике рассекающей теплый Бенгальский залив «Викрамадитьи».^[4] А вокруг сплошные бананы и камасутра... Нет, обидно.

Мимо прошла последняя машина, пятая. Тоже без флагов,

флажков или эмблем. Третья и четвертая были без тяжелого вооружения на крышах, а эта снова с какой-то крупнокалиберной дурой. Стрелок смотрел в другую от него сторону, прямо перед собой. Ну да, ему из хвоста колонны не было видно, что тут все остальные столько минут разглядывали. По часам, наверное, недолго — замерзнуть снова Роман еще не успел. Но по ощущениям — гораздо больше, чем хотелось бы.

— Тьфу на вас... Чтоб вам там с нашими встретиться через 5 километров. С одной БМП хотя бы или пусть с папкиным бэтээром. Они вам устроят... проверку визового

режима.

Слова прозвучали неискренне. Так бывает, когда приснится что-то неприятное, какой-то свой проступок и еще в полусне пытаешься себя уговорить, что все нормально, что не все плохо. Никогда такое по-настоящему не получается — не получилось и теперь. Вновь ругнувшись вполголоса и убедившись, что звук моторов ушел далеко в северном направлении, а нового ничего не появилось, Роман поднялся с одного колена, сунул свой пистолет в правый карман и начал отряхивать шинель. «Не пригоди-лся!» — с узнаваемым акцентом сказал он себе, надеясь улучшить

настроение, но опять не вышло. Чертыхнувшись уже более натурально, он пошел обратно к дороге. До темноты оставалось уже не так много, а ночевка в лесу была малопривлекательной перспективой. Он хотел добраться хотя бы до северных выселок за границами города, где есть живые люди.

Вторник, 19 марта

*Русская армия не
является равноценным
противником армии,
располагающей
современным вооружением
и хорошо управляемой.*

*Заключение
германского
Генерального
штаба о
состоянии
Красной Армии,
декабрь 1939 г.*

Последние

очаги

организованного сопротивления частей и отдельных подразделений Вооруженных сил Российской Федерации на территории бывшей Калининградской области (*«Зоны урегулирования К»*) были подавлены миротворцами еще до конца вторых суток операции, к вечеру понедельника 18 марта. Дальнейшие боевые действия велись уже с полностью дезорганизованными, лишенными управления, не имеющими тяжелого вооружения небольшими группами военнослужащих сухопутных войск, ВМФ и ВВС, а также Пограничной службы ФСБ и Внутренних войск МВД России. И с одиночками. В

черте собственно города
Калининграда неожиданно сильное
сопротивление было оказано
миротворцам в районах улицы
Сергея Тюленина, Советского
проспекта и особенно улицы
подполковника Емельянова, где
располагались городской военный
комиссариат, Балтийский военно-
морской институт имени адмирала
Ушакова и Пограничный институт
ФСБ РФ соответственно. Притом что
миротворческая операция началась
ранним утром воскресенья, уже в
течение нескольких первых ее часов
персонал этих трех и нескольких
других учреждений сумел провести
ряд оказавшихся неожиданно

эффективными организационных шагов. Как писалось впоследствии в аналитических документах, «на основе ранее разработанных, утвержденных и отработанных на практике схем антитеррористических мероприятий». Россия вела более или менее горячую войну на Кавказе в течение многих лет. Кавказские борцы за свободу неоднократно проникали в Москву и в довольно крупные города южных регионов, устраивая в них свои акции. Начиная с первых лет 90-х годов XX века во всех военных частях России на стенах штабных комнат висели карты и блок-схемы, расписывающие

«порядок действий при...». Как ни странно, но они оказались в какой-то степени эффективны и в ходе самой настоящей военной операции. В трех перечисленных выше случаях мобильные группы межнациональных сил, прибывшие в данные точки для «взятия под контроль» на самом деле не имеющих реального военного значения объектов, сталкивались с жестким и весьма решительным огневым противодействием и во всех трех случаях несли потери. Это было неожиданно и нелепо, потому что персонал военного комиссариата и училищ обладал лишь несколькими единицами автоматического оружия

на руках у караула, пистолетами дежурных офицеров и минимальным запасом боеприпасов к ним, больше ничем. Более того, за исключением весьма небольшого костяка офисных работников и преподавателей, то есть фактически непрофессионалов, в сопротивление миротворцам вовлекались призывники, курсанты, в одном эпизоде случайные военнослужащие, проживавшие по соседству и прибывшие буквально «с голыми руками» на звук начавшейся перестрелки. Эффективным такое сопротивление не могло быть в принципе, однако каждый раз неизвестно почему оказывалось именно таким. Показательно, что на

полицейские участки в пределах города по плану обращалось гораздо большее внимание: наличие в принадлежащих им зданиях большого числа единиц разнообразного оружия, средств защиты и, главное, подготовленных сотрудников силовых ведомств подразумевало и многократно больший наряд сил. Тем не менее три четверти полицейских участков в Калининграде и его ближайших пригородах оказались взяты под контроль быстро и практически без сопротивления либо с минимальным сопротивлением, не приведшим к потерям среди миротворцев. Опять же нелепой деталью проведенной

«адресной» зачистки в рамках данного обширного списка оказалось неожиданно упорное и продолжительное огневое противодействие персонала экспертно-криминалистического отдела полиции, расположенного в самом центре города и укомплектованного опять же не профессиональными полицейскими, имеющими опыт «улицы», а фактически дилетантами.

Число жертв среди гражданского населения исходно стремилось к нулю, и значимость этого показателя позиционировалась в ориентировках «Дня 1» как особо высокая. Тем не менее во всех

четырёх случаях, когда миротворцы наталкивались на превосходящее возможности мобильных групп сопротивление, значение этого показателя изменялось весьма крутым скачком. Разумеется, это объяснялось плотностью городской застройки и нежеланием русских военнослужащих и полицейских снизить риск для гражданского населения. И действием нескольких других факторов, одним из которых являлся фактор времени.

Согласно директиве командующего Европейским командованием США и Верховного главнокомандующего объединёнными вооружёнными

силами НАТО в Европе адмирала
Флота США Джеймса
Дж. Ставридиса от 18.00, 17 марта
2013 года, «проводимая
миротворческая операция должна
преследовать цели быстрого
взятия под контроль всех ключевых
объектов военной, промышленной и
гражданской инфраструктуры
России с целью минимизации
существующего уровня угрозы
российских вооруженных сил и
российского государства в целом по
отношению к любым прочим
государствам». Разъяснения и
комментарии к данной директиве —
приведенный выше фрагмент был
всего лишь одним из многих —

занимали десятки страниц убористого печатного текста. Но эта конкретная вводная была сформулирована на редкость доходчиво, и командиры отдельных частей и подразделений миротворческих сил интерпретировали ее совершенно верно. Руки у них были развязаны. На ближайшее время точно.

— Эй, парень! Парень, ты живой?

Капитан-лейтенант коротко хлестнул курсанта по измазанной штукатурной грязью щеке, мгновенно оценил отсутствие ответа и тут же перешел к следующему.

— Эй, ты! Давай очнись, мать

твою!

Далеко сзади глухо ухнуло: где-то из разбитой стены вывалился и вслепую рухнул на землю очередной кирпичный блок. Орудийной стрельбы слышно уже не было, а огонь стрелкового оружия явно затихал уже не только сзади, но и в кварталах спереди, в сторону Клинической улицы, где кто-то держался довольно долго. Почти всю ночь.

— Вода есть?

Женщина, торопясь, принесла из кухни стакан воды, подала на вытянутой дрожащей руке. Капитан-лейтенант глотнул, поболтал во рту и тут же сплюнул, смывая крошки и

дрянь, казалось, намертво налипшие на языке. Женщина не сказала ни слова. Умная.

— Как они? — произнесла она вместо этого.

— В отключке. Но живы.

Оба посмотрели на пацанов: у одного поперек лба, чуть спускаясь к левой брови, виднелась грубая багровая полоса, и оба были бледными, как мертвецы, но это все. Ни ранений, ни тяжелых травм. Наверняка десяток ссадин и царапин по всему телу, не имеющих сейчас значения. Но в сознание не приходят.

— Как это с ними случилось? Контузия?

— Я не врач, — коротко ответил

капитан-лейтенант. — Но очень похоже.

Он оглянулся назад, за окно. Там что-то ярко и резко вспыхнуло, но грохота не было, значит, не артиллерия. Женщина молчала.

— Хоть этих вытащил, — зло произнес он, только чтобы разорвать молчание. — Хоть что-то...

— А остальные?

— По-разному.

Он поглядел на электронные часы, подсвечивающие угол комнаты зеленым светом. Двоеточие в часах мигало, показывая 04:15. Поставленные в блюдца три свечи давали слишком мало света. Может быть, поэтому лица пацанов казались

такими неживыми. Пульс у них, во всяком случае, был нормальный — сильный и ровный. Как у спящих, если бы он мог сравнивать, пощупав хоть раз в жизни пульс у спящего человека. До сих пор не было такой нужды.

— Много... Там...

Капитан-лейтенант посмотрел на лицо женщины без всякого выражения, но ответить грубо или отвернуться не смог. Очень могло случиться, что, открыв ему и пацанам дверь, женщина совершила фактически подвиг. Очень могло быть, что она спасла им жизнь или хотя бы продлила ее на время. Если бы он не оторвался от преследования

с таким-то грузом на плечах... Если бы хуже знал окрестные улицы...

Она что-то прочитала по его лицу.

— Мой в Петербурге учится, — объяснила женщина, в первый раз за все время. — В большом университете, на физическом. Я как увидела...

Молчание было длиной в секунду, но моряк кивнул, словно вычерпал из этой секунды много и много слов. Он тоже запомнил выражение лица женщины. Не выдержал, обернулся на окно снова. Занавеска подсвечивалась изнутри далеким пожаром. Комплекс зданий КВВМУ видно отсюда не было —

далеко. Но это явно было училище. Бумаги там много, дерева много, есть чему гореть.

— Что будем делать?

Моряк пожал плечами. Он не знал, что делать. Там — знал или почти знал, там все было яснее. Здесь понимание ушло.

— Через полчаса начнет светать. Мыждемся?

— Мы?

— А вы что предлагаете?

— Ребят наверняка долго еще трогать нельзя... Если это контузия, то...

— Вы медик?

— Нет, — почему-то смутилась женщина, — не медик. Я

преподаватель русского языка в колледже. Но у меня у сына два раза сотрясение мозга было, хорошо, что без последствий. Там каждый раз в бумаги потом записывали, строго спрашивали: на какое время была потеря сознания? На секунды? На минуты? На сколько минут? Вот здесь, у них, сколько уже?

— Уже часа полтора, — честно ответил капитан-лейтенант. — Всю последнюю атаку они были рядом, я видел.

— Атаку...

Женщина произнесла это слово, как всхлипнула.

— Да, именно так. — Он почему-то разозлился, хотя не имел

на это права. — Именно. Я не преподаватель русского. Точнее, преподаватель не русского. Радиотехники, если это интересно. Но это была именно атака. Сначала «нахрап», потом они получили по мордасам и очень изумленно отошли. Реально удивились. Потом пришли снова, и снова был «нахрап», пусть и вшестеро большими силами. Получили снова, и еще сильнее. Ушли вроде бы бодро. Двадцать минут или около того подождали. Снесли нас артиллерией. Раз, второй. Третий уже не считается — там били в конкретную точку, концентрированно. И вот потому уже пошли настоящие атаки. Я видел.

— Как это... было?

Женщина поправила свечу в одном из блюдец, и та мотнула по комнате резкие тени. Выражение неподвижных лиц обоих курсантов будто изменилось, и он поднялся со своего табурета, наклонился проверить. Нет, показалось.

— Плохо, — глухо ответил капитан-лейтенант. Провел ладонью по усталым глазам, посмотрел на пальцы, будто пытаюсь разглядеть что-то в их дрожании. Оно так и не прекратилось, и это его почти пугало. — С самого начала было плохо, а если вдуматься, то и до начала...

Женщина ждала, и он кивнул.

Послать ее, с ее бессмысленными вопросами, было неправильно, неверно, надо было ответить хоть как-то. В конце концов она права: с ребятами он никуда не денется, их нужно оставлять. У него пустой автомат и считанные патроны для пистолета. В доме наверняка найдется хороший нож, а лучше два, под обе руки. У него 2-й разряд по самбо. Это было смешно...

Он все же выдержал, не засмеялся и не всхлипнул, хотя момент был страшный.

— Там... С самого начала было плохо, да.

Слова не шли. Он искал взглядом, и умная женщина снова

принесла воды. За все это время лица контуженых курсантов не изменились ничем, не приобрели никакого выражения.

— Они прибыли на нескольких машинах, этого я еще не видел. Рассказали... Встали перед главным корпусом, навели пулеметы на дверь и окна. Несколько человек очень по-деловому сунулись внутрь. Размахивая какой-то бумагой. Очень вежливо предъявили ее. На КПП, представляете? Документ?

Женщина вежливо приподняла брови. Она не поняла, но вежливость была привычной.

— Минуту подождали, очень любезно. И тут на них по главной

лестнице бежит караул в полной выкладке.

— Кто первым стрелять начал? — очень тихо спросила женщина.

— В каком это смысле? Еще восьми не было, когда ракеты на военные городки начали падать. К девяти уже пепел от них остывал. Ничего себе вопросик, «кто первый начал?» Китайцы, мля!

Он прикрыл глаза от боли в голове. Боль была неострой, но она распространялась на весь затылок, проникала, казалось, на всю глубину, до самого мозжечка, и не давала нормально думать.

— Я не про это... Там, у вас?..

— Не знаю. Меня там не было. Воскресенье. Кто знает, как оно там было. Но говорили, что они реально обалдели, конечно... Говорили, они тогда как дали задом от КПП, так и полегли в дверях. Анекдот!

Капитан-лейтенант помрачнел. Того, кто ему об этом рассказал, уже много часов не было в живых. И погиб он... Нехорошо. Слишком страшно. Человек не должен так умирать.

— Вот в следующие разы я их видел, — все же добавил он, мельком посмотрев на ждущую его слов женщину. — Как киборги.

— Что?

— В броне, в разгрузках, все

обвешанные оборудованием: и таким и сяким. Только запасных батареек не хватало. Очень впечатляюще. Очки на касках, как у байкеров.

Теперь помолчали оба. За окном вдруг резко вспыхнуло ярким светом во все небо, и на целую секунду стало так светло, что они пригнулись. Но не было ни грохота, ни звона, а вспышка постепенно угасла. Раздувшиеся занавески опали, чуть перекрыв поток ледяного воздуха, дохнувший на них с улицы, — и пламя свечей в блюдце на полу выправилось и встало прямо тремя дрожащими световыми столбиками.

— Что это было? — робко

спросила женщина. Моряк пожал плечами: опять напоминать ей, что он связист, а не пехотинец, было глупо. Он не знал, что это было.

— Вы сами... Убили кого-нибудь?

Вопрос был таким неожиданным и странным, что моряк не нашелся, что ответить. Но женщина ждала, и тут ему она впервые не показалась умной. Ему не везло в жизни на умных женщин, и немногих встреченных он, в общем-то, ценил очень высоко. В другой обстановке разочароваться было бы, пожалуй, даже обидно.

— Я стрелял, — глухо произнес он, и собственный голос показался

ему искусственным и фальшивым. Чтобы сбить неловкость, он добавил: — Было из чего и было чем. Осталось...

Договаривать не захотелось. То, что осталось от некоторых первых защитников училища, можно было собирать в кучку шваброй, если хватит нервов. Они, вторые, этого не делали, потому что не было времени. Они ломали парты и таскали их к дверям. Били стекла, чтобы не порезаться потом осколками. Пытались наладить связь каким-то из методов: неожиданно в городе тогда прорезалась одна из сотовых сетей. Делали что-то вроде бы нужное, хотя и бесполезное. Два

десятка офицеров разного ранга, с просветами разного цвета на погонах, четыре десятка курсантов разных курсов. Потом еще примерно столько же восполнивших убыль почти без остатка. Было еще несколько неизвестно откуда взявшихся в здании гражданских, ведущих себя совершенно не хуже других. Пара женщин: точнее, одна женщина-мичман средних лет, которую он видел в какой-то из разросшихся хозслужб, и одна совершенно зеленая соплячка. Капитан-лейтенант даже не был уверен, что ей уже есть 18 лет, но девать ее было некуда: когда она попалась ему на глаза, у нее уже не

было левой ноги по колено, и она непрерывно кричала. Возможно, незнакомая ему дочка кого-то из преподавателей или сопливая возлюбленная кого-то из курсантов, пришедшая спозаранку в ожидании самого начала увольнения. И почему-то не ушедшая, когда еще было можно. То ли собиравшаяся изображать Дашу Севастопольскую, то ли еще кого. Большая была ошибка...

Вообще все произошедшее выглядело как апофеоз сюрреализма. Теперь, остыв и снова включив мозги, капитан-лейтенант четко понял, что оборонять здание БВМИ/КВВМУ надо было минут сорок

максимум. Да, пустить кровь первым умникам с их бумагой — вне зависимости от того, парламентары это были или нет. Раз с оружием, значит, наверное, не парламентары с формальной, военно-юридической точки зрения... Потом вторым, которых было во много раз больше и кто явно знал, чего хочет. В этом он уже успел поучаствовать и настрелялся, наверное, на всю оставшуюся жизнь. Впервые по людям. После этого, когда они разогнали общими усилиями почти взвод, потеряв в полтора раза большее число своих, но добившись явного и неоспоримого успеха, надо было убегать. Всем вместе, быстро и

без оглядки. Забрав с собой столько раненых, сколько можно было унести, и, да, оставив остальных. Оружие проблемой не было, в том смысле, что оружия было настолько мало, что очередь стояла бы из желающих его нести. И еще хуже было с боеприпасами. А после артналета и с оружием, и со всем остальным, что только может прийти в голову из длинного списка, стало еще хуже. Совсем плохо, как он и признался сколько-то минут назад.

Кстати, он так и не понял, почему у них в училище оказались хотя бы те три десятка автоматов, которые он насчитал. И почему все-таки к ним было сколько-то

патронов. Столько лет прослужив на одном и том же месте, на одном и том же этаже, он не имел понятия, что в училище есть оружие. Думал, четыре автомата для двух смен караула, и все, остальное — это только пистолеты для дежурных офицеров. Оказалось, нет, в разы больше. Но недостаточно.

— Вам скомандовали уходить?

Он очнулся от своих размышлений и сначала вновь посмотрел на лежащих парней, а только потом на губы заговорившей женщины. Нет, никто им не скомандовал.

— Некому уже было. Контр-адмирала я не видел и не слышал. Он

вроде бы где-то на юге города живет, я не знаю. Воскресенье... Не добрался. Командовал сначала дежурный по училищу, капитан 3-го ранга... Потом другой капитан 3-го ранга, с кафедры ракетного вооружения.

— А тот?

Вопрос снова был глупый, до боли.

— Надо было уходить, — ответил он на прошлый из заданных. — Не нужно было эту коробку защищать. Столько ребят погибло...

Они вместе посмотрели на лица лежащих. На улице стало темнее, одна из свечей уронила

вытянувшийся вверх фитиль набок и больше моргала, чем светила. Но было понятно, что не изменилось ничего: оба вытащенных им парня так и оставались без сознания. Как он сумел их притащить один, на себе? Если бы капитан-лейтенант имел комплекцию Карелина или Валуева, вопрос бы не звучал так очевидно. Но он был среднего роста и среднего телосложения, а из спорта, кроме самбо, предпочитал волейбол: летом — пляжный, с осени по весну — обычный. Однако сумел.

— Там уже была зачистка... — невпопад сказал моряк. — От здания ерунда какая-то осталась после

второго артналета. Просто ерунда. Ракетчика я потом не видел уже, но какой-то лейтенант вокруг себя собирал людей с оружием. Несколько офицеров, старший мичман, десяток курсантов. Все в пыли, в дыму, в копоты. Даже снега не было — все растаяло от жара. Мы ушли в левое крыло, несли кого могли. Эти за нами... Не вплотную, а так... хорошо на дистанции. И все время снайперский огонь, непрерывно.

Он вздрогнул, не выдержав собственных слов. Снайперский огонь был не стопроцентно метким, но он был плотным и постоянным. Пули били по стенам, по битому кирпичу с резким, злым и тяжелым

звуком. В человеческие тела они входили глухо и почти мягко вне зависимости от того, попадали они в мертвых или еще живых. Капитан-лейтенант пережил несколько секунд абсолютно неконтролируемого ужаса, когда надо было перебираться через разбитую стену в коридор, еще не полностью перекрытый пожаром, и несколько человек по бокам от него упали разом, кто молча, кто со всхлипыванием или стоном. И самое обидное, что это не дало им никакой выгоды: пробравшимся через несколько минут пришлось возвращаться назад, потому что пройти так и не удалось. На той же стене потеряли еще кого-то, он

уронил уже пустой тогда автомат и секунду боролся с каким-то безумным курсантом, который пытался его забрать себе. Американцев они уже не видели — пули прилетали из пустоты, как будто из другого измерения. Возможно, возвращение тем же маршрутом оказалось верным ходом: человек пять или шесть сумели выскочить. Потом они встретили еще группу, наполовину состоявшую из раненых, продвинулись довольно далеко, снова кого-то потеряли. Один из курсантов вскочил на подоконник, распахнул пинком ноги вроде бы намертво закрытую пустую раму, проорал что-то несвязное, и его

буквально вбило внутрь, наверное, пульей. Он свалился, как мешок, в метре от капитан-лейтенанта, и тот еще сколько-то драгоценных секунд не смог двинуться с места: настолько это его потрясло.

Потом в его памяти был какой-то пробел. Про следующие минуты он не мог вспомнить абсолютно ничего. Такое с ним не случалось никогда, а пара похожих раз была совершенно объяснимой: тогда он был моложе на десять лет и изредка «терял уровень» в хорошей компании и по большому поводу. Никого таким не удивишь.

Пришел в себя он в одном из классов, в углу, дававшем защиту.

Парты были поломаны и побиты, и от висящей в воздухе штукатурной пыли было тяжело дышать и непрерывно слезились глаза. Одного из противоположных ему углов класса, как оказалось, просто не было. Он был срублен наискосок, и на улицу зияла неровная пробоина полутораметрового диаметра. Через нее тянуло гарью, но еще хуже ею тянуло через разбитую, вывороченную вместе с косяком дверь, поэтому никакой видимой пользы от дыры он тогда не нашел. Звуки были гораздо хуже: снаряды уже не рвались, но стрельбы и криков было довольно много. При этом стрельба была какая-то...

деловитая, что ли. Одиночными и короткими очередями. Именно по делу, а не «на воспреещение» или «на подавление». Не «на испуг».

В пределах видимости от осознавшего себя сидящим на корточках у плинтуса капитан-лейтенанта обнаружилась неравномерная россыпь стреляных гильз несколькими «лужицами» там и сям. Одна из них была буквально под ногами, и он тупо перевел взгляд на автомат. Потертый брезентовый ремень «АКМ» оказался намотан у него вокруг кулака левой руки, причем так сильно, что размотать его удалось с трудом, а в коже он оставил глубокие борозды. И еще в том же

классе, среди обломков учебных столов и обрывков учебных пособий лежали убитые. Он насчитал двоих и еще порадовался тому, что это мало. Потом ему пришло в голову, что это он мог их застрелить, и мысль тут же снова ввергла его в панику. В глазах начало темнеть, но капитан-лейтенант, несмотря на всю свою сиюсекундную отупелость, очень четко осознал: сейчас он снова потеряет разум, и на этом все закончится. Его здесь или где-то рядом пристрелят, как и других, а он не сможет ничего, он не будет ни видеть, ни слышать. Удержаться он сумел, хотя это стоило прокушенной кисти руки — левой, уже помятой

ремнем, которую не так жалко. Первым делом он отомкнул магазин, проверил. Нет, пуст. Повинуясь почти безотчетной привычке, проделал вколотенные еще даже не с курсантских, а со школьных времен движения — нет, в патроннике тоже было пусто. При этом запах от автомата был такой, что сомнений не оставалось: много он из него успел настрелять. Все, что было. Потом он сделал еще одну разумную вещь: подобрал несколько гильз с забросанного мусором пола. Выглядели они, на взгляд моряка, совершенно привычно, но на донышках он обнаружил одинаковые давленные надписи «0.223 REM» и на

противоположной стороне полукруга — четыре латинские литеры, соединенные попарно значком &. Значит, не от «Калашникова».

Эту глубокую мысль он обдумывал непозволительно долго, минимум с полминуты. Причем даже пытался отбросить ее сначала как невозможную, но разум опять выручил: не дал испытать облегчения. С кряхтением поднявшись, капитан-лейтенант сначала вразвалку, а потом уже более цепко обошел тот же класс, куда его забросило. Наклонившись над мертвым курсантом с совершенно серым от пыли лицом, он внимательно его осмотрел. Да,

несколько входящих пулевых по корпусу, крови под телом много, и она выглядит полностью свернувшейся. Что это значит: после его смерти прошел час? Может, и так, но это тоже не значит ничего: он мог прийти в этот кабинет много позже. И, скорее всего, так и было, потому что иначе он тоже лежал бы убитым.

Капитан-лейтенанта передернуло, по телу прошла волна озноба. Машинально он выдернул из сжатой кисти руки курсанта рожковый магазин к «Калашникову», посмотрел. Сколько-то патронов было. Снова смешно, будто он подобрал бонус в компьютерной «бродилке». Интересно, что оружия у

убитого не было, а магазин был. Почти полный или хотя бы полупустой, это тоже более чем хорошо. Снова потратив несколько секунд на прислушивание к звукам, доносящимся с улицы и изнутри здания, через коридорную дверь, он перешел к другому убитому. Тоже курсант. У этого ничего ценного в сложившейся ситуации нет. Ни действующего паспорта гражданина Эстонии, ни четырехствольного гранатомета, ни даже такого же магазина.

Капитан-лейтенант перевел тормозящий взгляд на первый и только теперь обратил внимание на то, что тот изгваздан кровью. Это было плохо: может

попасть в механику. Выбрав чистый участок на форме лежащего у его ног мертвеца, он равнодушно и тщательно вытер магазин о ткань. И вот от этого очнулся окончательно.

— Эй... Эй!!

Он поднял голову на женщину и не сразу сообразил, где он и что происходит. Совпадение было пронзительным — очнуться тогда и очнуться сейчас. Заснул он, что ли? Понятно, что в этом не было бы ничего удивительного, но...

— Что? — хриплым голосом переспросил капитан-лейтенант.

— Мальчик очнулся.

Было глупо переспрашивать, какой, он просто посмотрел по

очереди на обоих. Да, один очнулся, открыл глаза. Мыслей в них пока не было, но лиха беда начало.

— Хорошо, —

прокомментировал моряк, понял, что сказал глупость, и замолчал снова. Женщина, впрочем, не обратила на него внимания, пошла и быстро вернулась с очередным стаканчиком с водой. Смешной был стаканчик: из тонкого стекла, с яркой переводной картинкой в виде герба какого-то города: стоящего на задних лапах медведя. То ли Берлин, то ли Владимир.

— Слышишь меня? — негромко спросила женщина лежащего без движения парня.

— Да... — неожиданно ответил тот и тут же начал давиться воздухом, закатывая глаза. Женщина подхватила его свободной рукой, отведя вторую, со стаканом, далеко в сторону.

Капитан-лейтенант сообразил помочь, и это сработало: приподняв верхнюю половину тела контуженого курсанта, они помогли ему прокашляться. Попив, тот сплюнул почти сплошной грязью и попросил еще воды. Оживал он все больше. Сможет ли он двигаться через час? Когда начнется настоящий рассвет, а лучше и до него, надо будет что-то решать с дальнейшими действиями. Пока офицер откладывал это «на потом», но с

тоской чувствовал, что тянуть дальше было уже невозможно. Надо было делать хоть что-то.

Курсант снова попил и снова выплюнул все прямо себе на грудь, прочищая горло. Его лицо чуть потеряло исходный белый оттенок, но это могло и показаться. В блюдце с дерганьем и треском догорал фитиль еще одной свечи.

— Как тебя зовут? — спросила женщина мягким голосом, погладив парня по грязной щеке.

Капитан-лейтенант моргнул, снова ощущая себя тупым. За все это время он не догадался спросить ее о том же самом либо представиться сам.

— Дима...

— Меня Антон.

Женщина обернулась к нему от курсанта на секунду, кивнула.

— Меня Женя. Евгения.

Владимировна.

Капитан-лейтенант сморщил нос, чтобы только не улыбнуться. Педагог — это диагноз. Как она сказала, «русского языка в колледже»? Женя, надо же...

— Дима, ты помнишь, как тебя... Это...

Тот молчал довольно долго.

— Плохо помню, — признался наконец он тем же хриплым, не подходящим его совсем молодому лицу голосом. Но зато в голосе были

интонации, значит, точно оживает. —
Было... Артиллерией, да?

Капитан-лейтенант кивнул, но
потом понял, что парень его плохо
видит, и просто подтвердил, что да.

— А мичман где?

— Который?

— Ну... Старший мичман...
Евтюхов или Евстюхов, я точно не
помню... Который со «стечкиным»
был.

Антон отвесил челюсть до
самого нижнего из возможных
положений. «Старший мичман с
АПС» был концепцией
сюрреалистической и невозможной в
принципе. Они были военно-
морским институтом, в прошлом

высшим военно-морским училищем, а не бригадой морской пехоты. Или какой-нибудь номерной группой морского спецназа, известной лохам как «Морские дьяволы», «Тритоны» и так далее: телесериалов про них сейчас снимали больше, чем сохранилось самих таких групп на всех четырех флотах. Старший мичман с незнакомой ему фамилией, имеющий автоматический пистолет, у них, в их институте — это ерунда... Бредит парень? Последствия только-только начавшегося отходняка от контузии, как бы это ни называлось правильно медицинскими терминами. Типа отек от ушиба извилин спадает, но еще не спал

полностью?

Все это промелькнуло в его голове ровно за секунду. Потом капитан-лейтенант вспомнил про загадочные тридцать с лишним автоматов, которые он видел собственными глазами и которых не должно было быть, и согласился, что случается всякое. Еще раз: он служил в этом здании многие годы. Он мог не знать каждого мичмана или даже офицера, но, оказывается, он не знал и многого другого. Жаль.

— Нет, не помню такого. А что он?

— Он нас всех организовал. Мы держались в правом крыле, довольно хорошо. Когда они дали артиллерией

в первый раз, мы... Мичман очень четко командовал. Лейтенанту из школы техников он таких пинков дал, когда тот с катушек поехал... Отобрал пистолет, отдал курсанту с первого курса, здоровому такому: у него ножка от парты была и еще нож-выкидуха откуда-то...

Капитан-лейтенант коротко покосился на женщину, которая слушала, обалдев. От него она таких подробностей не дождалась, а вот курсанта понесло. От облегчения, вероятно.

— То есть это был пистолет офицера?

— Не, у офицера он нормальный «макаров» отнял... Но он бы и с

голыми руками его отнял, с таким не поспоришь... Я о чем: этот мичман, которого на «Е» фамилия, реально все держал. А когда они прорвались...

Курсант Дима замолчал, и капитан-лейтенант молча кивнул сам себе. Он отлично понял, о чем идет речь. «Держались» значило, что, когда караул перебил наглых разведчиков или забывших оставить в тылу оружие парламентаров, эта группа занималась тем же самым, что и все остальные: таскала мебель и готовилась встретить следующих, настоящих. Поучаствовала в отражении «попытки номер два», этот раунд моряки провели почти на

равных, что несомненно ввергло многих в большой оптимизм. А дальше... Никакого штурма цитадели Брестской крепости в стиле видеоряда свежего белорусского фильма не было. Половину обороны снесли первым же артиллерийским ударом, попробовали оставшихся и, как только снова пошли потери, добавили еще. А потом рывком прошли вовнутрь, и пошла уже зачистка. Хотя в итоге еще один или два полных цикла получились в каком-то из мест: полезть, откатиться, добавить артиллерией, полезть снова, уже более настойчиво...

— До ближнего у вас доходило?

— Не... В смысле до огневого доходило, до совсем ближнего нет.

— Повезло.

Женщина перевела взгляд на него и посмотрела так... Капитан-лейтенант опустил глаза. В полумраке это было не так уж и сложно. Он не помнил, почти не помнил. Немного помнило тело, мышцы. Голова уже выкинула это из себя, чтобы защититься. Он не хотел помнить.

За окном громко простучала короткая, на четыре патрона, очередь, и все трое обменялись быстрыми взглядами. Точнее, намеками на взгляды, потому что теперь гореть осталась одна свеча из

трех и в комнате стало уже совсем темно. Стреляли совсем рядом, в каких-то десятках метров. Из чего было непонятно, но выходить и уточнять не хотелось.

— Товарищ капитан-лейтенант.

— А?

— Это вы меня вытащили?

— Он, — ответила вместо моряка женщина. — И тебя, и вот еще его...

— Спасибо.

Антон молча кивнул и в который раз потрогал лежащего за шею. Он ничего не понимал в медицине такого уровня, который тут явно требовался. Не было ни малейших признаков того, что второй

контуженый придет в себя. Пульс был вроде бы ритмичный и наполненный, дыхание ровное, но это было все, что он мог понять. Который час лежащего без сознания курсанта требовалось везти в стационар. Делать рентген головы, снижать внутричерепное давление и так далее на много и много пунктов, о которых он имел очень смутное представление, сформированное в основном отрывочным просмотром сериалов «Интерны» и «Склифосовский».

— А как меня... накрыло?

Интересное слово парень употребил. К месту. Их всех накрыло, кого больше, кого меньше. Этого

больше многих и меньше еще большего числа многих, если можно так выразиться.

— Я понятия не имею, — честно ответил он. — Не помню ни единого момента. Уже как тащил, помню.

Женщина что-то отразила на лице, и капитан-лейтенант неожиданно чуть не взорвался от ярости. Преподаватель русского языка в колледже. Кому она мысленные замечания делает, ему?

— Да как тащил! Сам охренел, можешь поверить. Навьюченный был, как ишак. Двое вас и автомат.

— Пустой?

— Да уж не полный.

Ответил он грубо, не удержался. Время уходило, а он сидел здесь как дурак. С одной извилиной от фуражки.

— Ты сможешь встать? — прямо спросил капитан-лейтенант курсанта. Тот посмотрел с некоторым удивлением: возможно, считал, что теперь окружающие должны пожизненно о нем заботиться.

— Я не знаю.

Голос у контуженого был все еще ненатуральный, неправильный. «А кто знает?» — захотелось ответить ему, но не понадобилось. Парень очень аккуратно приподнялся: женщина ему изо всех

сил помогала, а сам он критично наблюдал. Да, ничего. Не стошнило, во всяком случае.

— Я буду уходить, — неожиданно для самого себя сказал капитан-лейтенант. — Минут через пять. Евгения... — Он не вспомнил отчество, запнулся, но тут же приказал себе не обращать на эту ерунду внимания. — У вас в доме найдется пустая пластиковая бутылка, не самая большая? А еще лучше стальной термос.

Отпустившая сидящего теперь курсанта женщина встала с таким видом, будто вот сейчас начнет командовать или, во всяком случае, «высказываться» во весь голос, но

этого не произошло. Может быть, сама догадалась, а может, мешала все более частая стрельба за окном. Звучащая чуть дальше, чем в прошлый раз, но становящаяся понемногу довольно густой. Короткие очереди, сдвоенные и одиночные выстрелы. «Голоса» оружия моряк не различал, хотя честно попытался. Вроде бы один из стволов был гораздо более громким и впечатляющим, чем все остальные, но это могло означать что угодно. То ли что это более крупный калибр, как он и решил в первый момент, то ли этот конкретный стрелок просто был ближе других.

— Это в училище?

Курсант явно был не салагой, институт училищем из своих называли многие, но из курсантов — именно старшекурсники.

— Нет, много ближе. Вдвое. И в другую сторону вообще-то.

Ушедшая женщина вернулась, на ходу глядя в сторону того же окна и заметно горбясь. Возможно, ждала пули, которая прилетит из-за занавесок. Возможно, очередного злого, неуместного в ее доме слова.

— Вот.

Не термос, пластиковая бутылка квадратного сечения, с вырисованными яркими красками елками на этикетке. Уже с водой.

— Спасибо, — с чувством

произнес капитан-лейтенант. Вода стоила дорого, это он уже понял, а уже через часы это поймут еще тысячи людей в этом самом городе. Очень может быть, что женщина прекрасно понимает это сама, и «уже».

Он улыбнулся собственной мысли: тому, как поставил кавычки в своем воображении. Было совершенно ясно, что с его разумом что-то не в порядке, но само это осознание радовало. Настоящие психические больные на это вроде бы не способны.

Курсант по имени Дима уже стоял на своих двоих и падать в обморок не собирался.

— Фамилия, факультет? —
поинтересовался капитан-лейтенант.
Новую интонацию парень уловил
безошибочно, поставил ноги вместе
и что-то такое привычное даже
отразил на лице.

— Курсант Иванов, 4-й курс,
факультет ракетного вооружения
надводных кораблей.

— Вольно. На случай, если не
помнишь меня, — капитан-
лейтенант Дмитриев, радиотехника.
Какие есть предложения, курсант?

— Нет предложений, товарищ
капитан-лейтенант.

— Свежо... У меня острых идей
тоже немного. Но двигаться надо.
Оружие есть, и даже на обоих. На

плечах погоны. Дальше ясно?

— Так точно.

— Я предлагаю уходить из города. Добираться до Полесска.

— Почему?

— В городе будет худо. Мы первый крупный город, считая от границы. Здесь порядочно будет вооруженных одиночек в шинелях и бушлатах разных цветов, и они дадут гостям курнуть бамбука в самую пропорцию.

— Чего?

Капитан-лейтенант посмотрел на курсанта повнимательнее. Почти каламбур был: курсант Дима и офицер Дмитриев. Молодой совсем парень. Ну да какая разница...

Погоны надел, присягу принял — все, претензии не принимаются.

— В городе может быть легче.

— Может, — капитан-

лейтенанту было нечего возразить. —

Но, может быть, и нет. Лично я даже представить себе не могу, как здесь будет. Но я вот и такого вчера представить не мог...

Некоторое время все трое переглядывались с тупыми выражениями на лицах, как настоящие малолетние идиоты. Потом не выдержал курсант:

— А что в Полесске?

— МЧПВ.^[5] Вроде бы 49-й дивизион.

— Не слышал про такой.

— Потому что мелочь.

Отдельный дивизион пограничных сторожевых катеров. Будь у них два эсминца или БПК, ты бы там практику проходил. Но дело вообще не в тоннаже, не о нем речь. Мне кажется, это просто в нужном направлении. И не к южной границе, и не к северной. И не к Зеленоградску со Светлогорском. Чутьочку посвободнее будет дорога, если можно так сказать.

— Калининградскому особому району конец?

— Ух, сформулировал... — капитан-лейтенанту потребовались усилия, чтобы изобразить на лице иронию, а не выматериться, грязно и

многосложно. — Нас всех голыми
взяли. Тепленькими, в постельках,
как в сорок первом. Какой особый
район, чем его оборонять после того,
как мотострелки и морпехи попали
под первый удар? Личным составом
базы технического имущества флота?
Ремонтного завода военной техники?
Баз хранения ее же? Ну, ты понял
уже... Раз атомная война сразу не
началась, то теперь только
партизанская война, только. В
максимальном масштабе. В
городскую я верю, не дурак. Но надо
быть реально местным. Ты местный?

Он вдруг понадеялся, что
курсант Дима скажет «да» и тогда
многое станет проще. Но парень

отрицательно помотал головой, очень осторожно.

— Я местная, — вдруг довольно спокойно произнесла преподавательница. — Я здесь и родилась, и выросла. В школу вон ту ходила, наискосок во дворе. — Она мотнула головой в сторону окна.

Офицер пожал плечами. И это тоже не имело никакого значения. Действующих факторов все равно было слишком много, предугадать развитие ситуации в приложении к себе самому было невозможно в принципе. Попытка уйти из города может стать фатальной: они почти в самом центре, даже до городской окраины еще топать и топать. А на

улицах почти наверняка блокпосты, плюс мобильные группы. Вооруженные и ежесекундно готовые работать по крадущимся по улицам и переулкам людям в чужой военной форме. И что это даст им, если они доберутся до цели, тоже совершенно непонятно. Даже если отдельный дивизион моряков-пограничников еще цел и боеспособен к данной конкретной минуте, он не сыграет никакой роли в этой войне. Причем ни в одном из возможных вариантов: то ли она перерастет в глобальный обмен ядерными ударами в любой следующий момент, то ли война будет «конвенционной», без ОМП, но

протянется отсюда и до Владивостока, то ли противник всего лишь ставит перед собой задачу вернуть в лоно Европы Калининградскую область. Он не имел понятия.

— Можете остаться у меня, — предложила женщина, не дождавшаяся его реакции. — По крайней мере до следующей ночи.

И опять он не знал, что ответить. А время шло. Ночь закончится, и при свете дня передвигаться будет сложнее. Возможно. А возможно, и нет, потому что враги наверняка имеют хай-тек-оборудование, которому что день, что ночь: а они в темноте будут

выглядывать из-за каждого угла, как две слепые мышки. Оставшись в доме приютившей их храброй женщины еще на день, кормясь ее запасами, можно получить «пару очков здоровья», если пользоваться знакомой терминологией любителей компьютерных игр — «бродилок». Особенно важных именно контуженному курсанту. Может очнуться и второй, кстати говоря, и не предскажешь, в каком он будет состоянии. Но жизнь — это не компьютерная игра, вот уж банальность...

— Товарищ капитан-лейтенант? Мы идем?

Он снова обвел взглядом все три

лица: женщины, курсанта Димы, неподвижное лицо безымянного парня, лежащего на полу без сознания. Он не знал, что делать. Если командир дивизиона пограничных сторожевых катеров имеет хоть каплю разума, на прорыв к Клайпеде он пойти и не подумает. Будет действовать на месте, на каком-никаком приморском фланге войск. Все-таки это моряки.

Капитан-лейтенанту стало стыдно. Он понятия не имел, что делать, а от этого зависела уже не только его собственная жизнь.

— Да, идем.

Вторник, 19 марта

*Арбитр — это
постороннее лицо, которое
приглашается, чтобы
признать нашу правоту.*

*Американская
поговорка*

Штабная колонна вошла в
Великие Луки сразу после полудня,
на полных 3 часа отстав от графика.
После повторной проверки
периметра командующий 1-й
бронетанковой дивизией генерал-
майор Дана Питтард вышел из
бронированной машины и уже через

несколько секунд вбежал в подъезд светлого белокирпичного школьного здания, выбранного для размещения его штаба на ближайшие двое суток. Несмотря на суету на всех трех этажах, несмотря на беготню десятков специалистов с грузом электроники в руках, он наметанным глазом ухватил главное: работать уже можно. Мобильный командный пункт при всех его плюсах имел и свои минусы, а сам генерал Питтард был на удивление старомоден. Он старался по возможности работать из стационарного, хорошо оборудованного помещения, придавая защищенности уже второстепенное значение.

Офицер в ранге капитана провел генерал-майора через просторный холл первого этажа по коридору, по лестнице и снова по коридору, не обменявшись ни одним словом ни с торопящимися людьми, ни с ним самим.

— Здесь, сэр.

Питтард задержался перед дверью кабинета на одну секунду, вчитываясь в подзабытые буквы кириллического алфавита на надраенной латунной табличке. Впрочем, и так можно было догадаться. Какой еще кабинет в средней школе будет разделен на две части, с самого начала имея полноценную приемную? Дверь

стальная, тоже хорошо; у двери часовой, поприветствовавший командира дивизии оружием. В приемной вместо мордатой некрасивой русской секретарши несколько молодых офицеров и специалистов быстро заканчивают сбор и наладку многочисленных систем связи, автоматических систем управления и так далее и тому подобное. Стоящих многие миллионы долларов. Позволяющих объединить растекающиеся по шоссе, дорогам и городам северо-запада России подразделения его дивизии в единое целое, в живой и мобильный организм. Похожий на стальную многоножку, каждый

сегмент туловища которой отличается от соседнего собственным набором броневых пластин, ходильных ног и прочих инструментов выживания и нападения. Связанный каскадами электромагнитных импульсов с другими сегментами — такими же или послабее.

— Специально не убрали?

— Убрать, сэр?

Генерал Питтард улыбнулся.

— Да зачем же, пусть будут.

Даже к месту.

Капитан вежливо улыбнулся.

Напротив рабочего стола директора школы висели два портрета: Владимир Путин, со своим

привычным взглядом исподлобья, снятый на фоне трехцветного русского флага, и кто-то незнакомый. Мужчина с неглупым лицом, немного полноватый, в белой рубашке и черном галстуке, но без пиджака. Располагающий к себе. Портреты были без подписей, и, кто на втором, Питтард не мог даже догадаться.

— Связь?

— Уже вся, сэр.

— Доклады?

— Пару минут, сэр.

Капитан вышел из кабинета, оставив дверь в приемную полуоткрытой. Иначе было никак: от оборудования, установленного непосредственно на его стол и на

второй, журнальный столик в дальнем углу, тянулись толстые жгуты проводки. Черные, белые, ярко-желтые провода с наклейками и торчащими ярлыками — все это еще больше усиливало возникшую у него аналогию с «многоножкой». Красивой, сильной и быстрой. Очень быстрой.

Аккуратно приподнимая ноги, он подошел к окну, на всю высоту закрытому плотными шторами, почти не пропускающими свет. Все яркое освещение в кабинете было искусственным. Сдвинул край шторы вбок — снаружи, как и ожидалось, оказался двор. Отлично. Вернув штору на место, генерал так же по-

аистиному прошагал к своему рабочему месту, уселся в дорогое кресло и быстро подстроил его высоту и расположение спинки под себя. Никаких оставшихся от прежнего хозяина лишних деталей на столе уже не было: ни фотографий, ни записочек. Стояла пустая кофейная кружка, его собственная, лежал желтый деревянный карандаш с ластиком на конце и совершенно чистый блокнот для записей, это все.

— Капитан?

— Да, сэр? — Молодой офицер заглянул в дверь.

— Я жду доклад от 1-й бригадной боевой группы в течение пяти следующих минут.

— Да, сэр.

Генерал-майор удовлетворенно кивнул. Когда этот парень говорит «да, сэр» таким тоном, это означает, что все идет неплохо. Что снаружи не ломаются в двери русские парашютисты. Что «маршрут следования» от места, где он в последний раз имел сеанс связи с бригадными боевыми группами и конкретными батальонами в их составе... Оттуда и до двора этой школы... Что этот маршрут не уставлен пылающими «Страйкерами». Но «неплохо» вовсе не значит «идеально». Все совершенно не было идеально, и это заставляло его непрерывно

испытывать напряжение. Было бы глупостью предполагать, что будет иначе, но рост интенсивности сопротивления русских частей и подразделений был очевиден. Первые людские потери дивизия понесла в десятке миль от границы русского анклава, первые безвозвратные — в двух десятках, первые потери в технике — уже на территории континентальной России. Это были отправные точки некоей «диаграммы Ганта», но с тех самых пор в его голове невидимо откладывался уже полноценный линейный график: столько человек — санитарные потери, с расщеплением на легкораненых и раненных тяжело;

столько — безвозвратные. Техника, включая легкую гусеничную технику, колесные бронированные машины, колесные транспортные машины, пилотируемые и беспилотные летательные аппараты разных типов. Ни одного танка дивизия еще не потеряла, но иллюзий генерал-майор не питал: если русские начали по одному и по два жечь «Страйкеры» и грузовики, появление всей остальной номенклатуры его техники в списках поврежденных и уничтоженных машин всего лишь вопрос времени и дистанции.

Он знал, как далеко расположены Великие Луки от одной границы, от другой границы, от

обеих русских столиц, от ближайших крупных русских городов. Это был значимый узел коммуникаций, взятие которого позволяло бригаде пересечь важнейшую рокадную дорогу: региональное шоссе Р51/Р57. Интересно и показательно, что более крупное шоссе М20/Е95 — точнее, его сегмент южнее Пскова — уже потеряло свое значение для русских: подразделения миротворческих сил уже перехватили его в нескольких местах. 35-я пехотная (механизированная) дивизия — южнее Пскова, 1-я кавалерийская и 12-я механизированная дивизия Бундесвера — в районе Опочки, его собственная 1-я бронетанковая

дивизия — в районе Великих Лук. А ведь «М» в индексе шоссе это значило «Москва»!

Совершенно нельзя сказать, что этот первый, самый примитивный успех, достигнутый на территории опять же континентальной России, то есть вне территории ее бывшего западного анклава, был достигнут руководством межнациональных сил легко, просто и без неожиданностей. Как и ожидалось, сопротивление русских стало осознанным уже через часы после нападения. По-прежнему неорганизованным, спорадическим, но именно осознанным. Все без исключения боестолкновения первых часов операции проходили по одному

и тому же сценарию: одиночки или малые группы русских военнослужащих, вооруженных легким стрелковым оружием, открывали огонь по миротворцам. Иногда — довольно квалифицированно выбрав позицию, но это все. После этого следовал «розыгрыш стандартного положения», заканчивающийся уничтожением фанатиков, изредка пленением одного или нескольких. Через несколько часов пришлось вести уже полноценный общевойсковой бой с остатками боеготовых русских подразделений, расквартированных в анклав, но это был особый случай. Еще через

несколько часов обнаружили свидетельства появления того самого «осознанного сопротивления», которое Дана Питтард имел в виду. Снова засады на дорогах, снова попытки навязать огневой бой на ближней дистанции, зачастую в условиях городской или сельской застройки. Группы русских военнослужащих разных родов войск: от пограничников до строевых моряков, не морской пехоты. Отделения и даже взводы, иногда явно хорошо сколоченные. Попытки вести бой организованно, выделяя при организации засадных действий огневую, отвлекающую и сковывающую группы и тому

подобное. Первые случаи использования мин разных классов, в том числе управляемых. Первые попытки использовать бронетехнику — бронетранспортеры и бронированные боевые машины разнообразных типов. Причем использовать именно для боя, а не как транспортное средство, несущееся на восток на полной скорости. Слава богу, пока немногочисленные эпизоды применения русскими реактивных гранатометов по любым целям, попавшим в пределы их досягаемости: по легкой бронетехнике, невооруженным транспортам, живой силе, ударным и

прочим вертолетам. Потери.

1-я бронетанковая дивизия Армии США пересекла Калининградский анклав Российской Федерации по дорогам, максимально удаленным от основных очагов сопротивления, наискосок через юго-восточную его оконечность. Но и этого хватило, чтобы у многих сформировалось предчувствие: да, потери точно будут. Разумеется, для такого заключения не нужно быть гениальным прорицателем: понятно, что проведение миротворческой операции на территории России — это совершенно не то же самое, что ее проведение на территории Югославии и тем более Гренады или

Панамы. У русских есть современная ПВО, некоторое количество современной авиатехники всех классов и очень, очень много всего прочего. Но одно дело — видеть это на бумаге, с деловым видом записывать в блокнот отдельные вводные из видеопрезентаций на десятках брифингов подготовительного этапа, и совсем другое — ожидать кожей, что вот сейчас русские проснутся и бросят на тебя все, что у них есть. Или пусть почти все, потому что часть уже сожжена первым ударом, захвачена в полусотне километров от границ на обнесенных колючей проволокой «базах временного хранения военной

техники» без аккумуляторов, боеприпасов, электроники, без экипажей, наконец. Ну, вот сейчас они придут в себя, оправятся от неизбежного первого шока. Торопливые техники в измазанных черными жирными пятнами комбинезонах уже свинчивают переходники с заправочных горловин топливных баков, специалисты по вооружению бегут вдоль крыльев боевых самолетов, гроздьями выдергивая оранжевые и красные страховочные ярлыки предохранителей из корпусов авиаракет. Моторы уже режут — сотни и тысячи моторов, — пилоты уже катят свои машины по рулежкам,

напряженно вслушиваясь в скороговорку в эфире; земля дрожит под весом сотен танков и бронированных самоходных орудий, начавших свое движение от стен своих обжитых боксов на территории десятков военных баз. Вот сейчас, сейчас начнется! Мы уже взяли Калининградскую область, уже превратили ее в Зону урегулирования «К». Мы уже высадили десанты на Сахалине, Камчатке, в стратегических точках на побережьях Японского, Охотского и Берингова морей. Мы, 1-я бронетанковая дивизия, уже прошли Литву и Латвию, сожгли опустевшие пограничные заставы в том месте,

где Новорижское шоссе упирается в Европу. Тримя растопыренными в стороны остриями бригадных боевых групп мы последовательно прошли Себеж, Идрицу, Пустошку, Новосokolьники, это больше ста миль по русским дорогам и по бездорожью! Где вы? Где ваш удар? Где ваша армия, которую мы, граждане цивилизованного мира, боялись столько десятилетий, потом начали презирать, но все равно по привычке боялись? Почему на нашем пути нет никого, кроме отдельных бойцов с ручными пулеметами и штурмовыми винтовками, а в других, самых поздних по времени случаях — нескольких отделений, взводов,

пусть сводных рот под командованием младших офицеров? Несколько БТР и МТ-ЛБ? Ну? Пора?

И знаете, что самое важное? Ожидание русского контрудара и неизбежное крупномасштабное приграничное сражение, с сотнями единиц потерянной боевой техники всех видов, с расходом стоящих многие миллиарды долларов боеприпасов, с гибелью в бою тысяч — впервые за десятилетия — тысяч своих солдат и офицеров... Все это было приемлемым для военного и политического руководства государств, запустивших крупнейшую миротворческую

операцию в истории, сделавших ее реальностью. Лишь бы не было другого, лишь бы русские не решились на применение любого из компонентов их обширного арсенала оружия массового поражения либо всех их вместе. А они не решились, как и было обещано военным с самого верха. И теперь наверняка не решатся, потому что кто сказал «А», тот скажет и «Б». Так ведь, кажется, говорят? И не каждому генерал-майору, очень не каждому, известны в подробностях или хотя бы в обзорном виде факторы, сыгравшие ключевую роль в том, что так оно и случилось и что так оно и будет. Но можно догадаться, потому что позади

у них Ирак и Ливия, и позади Югославия, и в целом позади Афганистан. И уже ясно, насколько для многих становится очевиден выбор между «тебя повесят перед телекамерами» и «будешь доживать в комфорте», когда это уже перестало быть неочевидной, отдаленной теорией, когда война уже началась. Именно это, именно *возможность* такого выбора сломила столь многих в военной иерархии Саддама, и это оказалось очень серьезным подспорьем крылатым ракетам! Да, разумеется, нельзя не признать, что славяне отличаются от арабов ментальностью, но последние десятилетия, как ни смешно это

звучит, весьма способствовали освоению верхушкой российского общества «арабского образа жизни». Продавай нефть — и у тебя будет белый верблюд, с горба которого ты будешь плевать на всех... А к белым верблюдам в собственности, оказывается, так легко привыкнуть... Если вложить годы в поиск подходов к ключевым людям в политической и военной иерархии противника и подкрепить подходы к ним без преувеличения неограниченным бюджетом с одной стороны и совершенно недвусмысленными примерами с другой... Понятно, что это сработает отнюдь не во всех случаях. Но если принцип сработает

хотя бы в нескольких ключевых узлах длинной цепочки, делающей каждую существующую на земле державу способной защитить себя, исход столкновения предрешен. И очень может быть, что этот этап у них уже позади.

В глубине души генерал-майор Дана Питтард полагал, что именно в этом причина того, что русские еще не нанесли по нему масштабный удар. Они всегда были мастерами в *combined arms*.^[6] Русские общевойсковые операции Второй мировой войны и их собственной афганской войны, их без преувеличения блестящие наработки по взаимодействию родов войск

составляли почти половину тем «разборов» в ходе освоения им соответствующих дисциплин в нескольких военных учебных заведениях. Он не сомневался в том, что, когда русские выберут время и отпустят сжавшуюся пружину, их контрудар будет масштабным и страшным. И это не гипербола, не способное привлечь внимание заскучавшей телеаудитории слово — именно таким он и станет. Но он был готов, и текущие минимальные потери ориентировали его и его штаб, позволяли предугадать мишень ближайших русских атак, будущую реакцию на них его собственных людей. Ответ политиков Вашингтона

и Москвы на эту реакцию, не имеющий для него никакого значения сам по себе, но способный отразиться в движениях обеих военных машин.

К середине вторника, 19 марта, дивизия потеряла несколько грузовиков и уже целых четыре «Страйкера» в четырех независимых боестолкновениях. Как уже упоминалось, во всех случаях они проходили практически по одному сценарию: плохо или сравнительно грамотно организованная засада, короткий этап не слишком эффективного огневого воздействия, после чего разыгрывается «стандартное положение», как

говорят в спорте. Над двигающимися колоннами висели тактические БПЛА и разведывательные либо разведывательно-ударные вертолеты, причем Питтард без колебаний выделил на прикрытие маршевых колонн бригадных боевых групп и тылов дивизии практически три четверти собственной и приданной вертолетной техники. Он разумно предположил, что, пока русские не нанесут контрудар, такой вариант ее применения является оптимальным. Пилоты и операторы «Апачей Лонгбоу» получали боевой опыт в практически тепличных условиях: в работе по относительно незащищенным целям, в том числе

именно по одиночным мобильным небронированным или легкобронированным объектам. То есть формат боевой работы являлся практически профильным, но реализовался не вплотную к линии боевого соприкосновения, а вне ее. В этих обстоятельствах весьма неожиданным было то, что собственная авиабригада дивизии уже тоже несла потери в людях и технике, причем худшие пришлось на 127-й авиабатальон обеспечения.^[7] В одной из всего нескольких оказавшихся относительно эффективными засад инсургенты сумели сжечь или серьезно повредить несколько транспортных

единиц батальонной колонны роты «штаба и снабжения», включая сразу три автоцистерны, явно ставших их приоритетными целями. Еще одной такой целью оказался автобус, перевозящий технический персонал батальона, и какой-то умник уже приписал к докладной записке заключение о том, что данный эпизод возможно использовать в пропагандистской работе армейского отдела по связям с общественностью. Девять раненых, и еще один скончался от ран до прибытия квалифицированной медицинской помощи. Все без исключения нападавшие были уничтожены грамотными, хотя и

запоздавшими действиями эскорта, и данный эпизод, таким образом, тоже ложился в общий ряд. Но неожиданным было иное. Вечером понедельника один «Апач» 1-го батальона 501-го авиационного полка входящей в состав дивизии бригады военной авиации оказался тяжело поврежден с большой дистанции. Двумя почти одновременными попаданиями снарядов русского реактивного противотанкового гранатомета. Питтард видел фотографии и читал краткое заключение эксперта из числа авиационных специалистов, приписанных непосредственно к штабу дивизии, — эта машина не

подлежала восстановлению. Однако тяжело раненный пилот сумел посадить «Апач», и машина, таким образом, не считалась «потерянной». Более важным Питтард счел второе оперативное заключение, имеющее не технический, а тактический характер. Подписавший его офицер ВВС сделал вывод о том, что это была именно противовертолетная засада — в противном случае невозможно было объяснить направленность огня. Генерал Питтард был не вполне согласен со столь далекоидущим выводом, сделанным из минимума данных человеком, не просто не участвовавшим в этом бою, но даже

не побывавшим на месте позже. По его собственному исходному мнению, скорее всего, русский гранатометчик с навыками снайпера (или два таких гранатометчика) ждали транспортную колонну, но при появлении в небе ударных вертолетов они провели «переоценку ценностей» и приняли совершенно верное в данной обстановке решение из категории опять же «осознанного сопротивления». То есть не затаиться и лежать, а открыть огонь по противнику, даже при очевидном неравенстве сил. Однако уже следующий эпизод показал генералу, что он мог быть не прав! В 8 часов 5 минут утра сегодняшнего дня еще

один боевой вертолет того же 1-го батальона был сбит попаданием ракеты переносного ракетно-зенитного комплекса, почти без сомнений отнесенного к типу «Грааль». [\[8\]](#) Причем сбит именно находясь в прикрытии транспортной колонны, далеко позади головных элементов соответствующей бригадной боевой группы, а значит... Значит, офицер ВВС был прав, а он нет. Появление на поле боя русского ПЗРК было очень значимым фактором. «Апач Лонгбоу» являлся чрезвычайно живучей, хорошо бронированной машиной, а русский «Грааль», как всегда считалось, имел недостаточную боевую

эффективность. Однако это несоответствие не сработало в данном конкретном случае, и можно было ожидать того, что так будет иногда случаться и дальше, что потери увеличатся. Сбитый вертолет упал в одно из многочисленных в этой местности озер, затонул, и тела пилота и оператора вооружения до сих пор не извлекли. Было неясно, погибли ли они при попадании ракеты или оставались живы, пока перекошенный от удара десятков поражающих элементов бронированный кокон не увлек их на глубину нескольких метров...

К полудню, то есть еще до его прибытия в город, оперативный

отдел штаба 1-й бронетанковой дивизии представил имеющую традиционную форму докладную записку. Понесенные потери в технике и людях были ожидаемыми и даже меньшими, чем планировалось. Но, пробегая взглядом по абсолютным числам и по долям процента в одних и других графах, командир дивизии продолжал недовольно хмуриться. Меньшими, чем планировалось, эти потери были пока просто потому, что русские не нанесли ни одного удара, ни на одной позиции не выстроили оборону силами более полнокровной роты. Ни разу! 35-я пехотная (механизированная) дивизия уже

получила опыт сражения с русскими кадровыми частями «лицом к лицу» и выиграла его с практически «сухим счетом», пользуясь преимуществом первого удара подавляющей массой артиллерии и ракетных систем. Здесь, у него, сражение еще не начиналось, хотя штаб 1-й бронетанковой дивизии был уже в Великих Луках — не самом маленьком русском городе и далеко не самом первом по счету от границы. При этом на данном направлении была расквартирована масса русских подразделений, о которых он знал все: его оперативная карта пестрела десятками пометок, каждая из которых обозначала

батальон постоянной готовности или кадрированную часть, десяток самоходок или эскадрилью боевых вертолетов. По некоторым из этих целей уже вторые сутки били и били ВВС, добиваясь больших и малых успехов, и неся при этом собственные потери. Но ни разу пока все эти эскадрильи, батальоны и даже полки не встали на его пути. Наверняка уже получившие вооружение и боеприпасы с собственных складов, пополненные резервистами до штата или почти до штата, закиданные приказами и лозунгами, на которые русские такие мастера, не встали. Вместо этого русские отходили. Дергая его

точечными уколами, лишь каждый третий из которых вливался в статистику потерь его дивизии одним или несколькими ранеными, одним или несколькими поврежденными или уничтоженными грузовиками, очень редко — серьезно поврежденной или уничтоженной боевой машиной. И это вызывало у генерала все более стойкое чувство тревоги.

Проблема была даже не в том, что подобные потери не демонстрировали своей «окупаемости» или «обоснованности» в глазах людей, не являвшихся профессиональными военными. Они были как бы сами по

себе, они не являлись неизбежным грузом на весах, в противоположной чашке которых лежали явные достижения: десятки и сотни сожженных вражеских танков и бронемашин, горы убитых в бою вражеских солдат и толпы их же, взятых в плен. А история наглядно показала, что захват у России части территории тоже не самое главное. Они умеют делать этот фактор обратимым, отбивать свою территорию назад. Или умели раньше. Проблема была в том, что он не верил в тотальную потерю силы воли русским командованием и в массовое дезертирство русских солдат до первого же реального

масштабного сражения именно «лицом к лицу». Причем проведенного даже не по сценарию первого удара по калининградскому анклаву, а именно «в поле»: «Джи-Ай» против «Ивана», «М-16» против «АК», «Абрамсы» против «Т-72», «Т-80» и «Т-90». Русские что-то задумали, и это заставляло генерала и его штаб осторожничать. В противном случае к послезавтрашнему дню он был бы уже во Ржеве. И более того, штаб 7-й армии и штаб Межнациональных миротворческих сил его настрой разделял полностью и безоговорочно. В очередном, десятом или пятнадцатом по счету коротком

разговоре за последние сутки генерал-лейтенант Марк Хэртлинг сказал ему: «Без колебаний отходи назад, если надо». А ведь Дана Питтард отлично знал, не мог не знать, какому тяжелому давлению подвергается Хэртлинг со стороны политиков, которым нужен только темп продвижения и тысячи уничтоженных танков и солдат врага. Которые не представляют, что такое «огневой мешок» или «огневая засада» в формате, экстраполированном до уровня одномоментного и массового применения ядерного или химического оружия.

Данные спутниковой и

авиационной разведки,
подкрепленные данными
информационного перехвата,
наглядно показывали, что русские
действительно отходят, но ведь они
не могут не понимать, что на отходе
они бесполезно теряют технику и
живую силу. Подвергаясь ударам
ВВС, раз за разом реализовывающих
в местных воздушных боях свое
численное преимущество и более
высокий уровень подготовки. Выходя
из-под «зонтика» объектов ПВО на
шоссейные и местные дороги, где
шансы ударных машин НАТО
нанести им значимый урон резко
повышались. Планируют ли они то, о
чем он думает с таким страхом?

В сложившихся обстоятельствах, в условиях осторожного продвижения вперед при минимальном противодействии, у Питтарда было оправдание низкому уровню активности своей артиллерии. Артиллерийские системы, состоящие на вооружении дивизии, не способны были действовать на требующуюся дистанцию, их нужно было подтягивать ближе. Но это совершенно не входило в планы командующего дивизией, который собирался беречь их как зеницу ока. Русские ракетные войска и артиллерия являлась родом войск, который он в высшей степени

уважал, и не в последнюю очередь за численные показатели. Одного полновесного удара находящихся под рукой огневых средств русским могло хватить на то, чтобы превратить его четкие и эстетичные планы и графики в полный кошмар, в многостраничные однообразные списки убитых в бою, пропавших без вести в бою и раненных в бою солдат его дивизии. И если русские сохранили хотя бы долю своих систем наведения и хотя бы часть системы управления и контроля, они ударят не по броне. Не по пресловутым «Абрамсам», и даже не по уязвимым «Страйкерам», а именно по его собственной

артиллерии. После чего сложившийся баланс резко переменится: если не в их пользу, то, во всяком случае, в сторону равновесия сил. Но ни малейшего шанса он им давать не собирался. Именно планомерное, полное, не терпящее исключений уничтожение всех обнаруженных мобильных пусковых ракетных установок и позиций ствольной артиллерии было приоритетом его ударных боевых групп: замедление скорости продвижения было ценой, которую он был готов платить за это с удовлетворением и готовностью.

— Генерал, сэр?

— Да!

Снова вошедший в комнату капитан взял со стола наушники с головным микрофоном, подал ему. Питтард быстро надел наушники на голову, отрегулировал положение микрофона перед губами и провернул колесико переключателя на гарнитуре. Капитан тем временем включил видеоэкран и провел по покрытому зеленым бархатом столу компьютерной мышкой, проверяя соединение. Кивнув капитану, командир 1-й бронетанковой дивизии ввел многозначный пароль, высветившийся на экране цепочкой звездочек. Серый треугольник дивизионной эмблемы сразу стал золотым, синим и красным, а затем

снова блеклым, не мешая работать с документами.

— Гладиатор.

— Готовые первыми —

Гладиатору, — произнес ему в уши спокойный голос человека средних лет. Этот голос был давно знаком генералу Питтарду, и сейчас он потратил секунду, не ответил сразу, чтобы попытаться услышать в нем какие-то новые интонации. Не услышал.

— Докладывайте. Сперва об авиаударе.

Снова пауза в секунду — полковник Эдджи на ходу перетасовывал окна на синхронизированном экране, менял

их расположение, открывал все новые и новые.

— Позвольте поправить. Не собственно «авиаударе» соло. Комбинированном ударе: авиа и броня.

На своей стороне эфира генерал Питтард приподнял брови. Вот этого он еще не знал. То ли это, чего он ждет? Быстро выдернув планшет из мягкого гнезда сумки, он нажал на кнопку питания, и экран тут же осветился. Мгновение — и он убедился, что командир 1-й бригадной боевой группы его дивизии был совершенно прав: на тактической карте, охватывающей тысячу квадратных миль, впервые

ярко высветились иконки «живой» русской бронетехники вплотную к подразделениям его дивизии. Впервые за двое с лишним суток.

Карта центровалась на нескольких безымянных озерах, сгруппированных вокруг городка Невель. «Готовые первыми», 1-я бригадная боевая группа растянулась почти на 55 миль по оси северо-запад — юго-восток, от восточной окраины Невеля и до города с непривычным названием Велиж. На 3-ю и 4-ю группы, «Горцев» и «Бульдогов», приходился в совокупности фронт почти такой же длины, загибающийся от западного побережья озер еще одной группы,

расположенных восточнее Великих
Лук и гораздо более крупных, строго
на север в сторону Локни. Это
наглядно иллюстрировало
приоритетную боевую задачу
дивизии на ближайшие сутки.
Понятно, что никакого «фронта» в
виде окопов и линий колючей
проволоки не было и не могло быть.
И понятно, что русские выбрали
именно 1-ю группу, уже
«освоенную» ими к этому времени,
понесшую первые потери еще в
Калининградской области и затем
следующие, неожиданные, в
Прибалтике, во время
форсированного марша через
замершие в шоке и восторге города

Литвы и Латвии. Полностью европейские и неожиданно оказавшиеся не способными полностью нейтрализовать инсургентов.

— Слушаю.

— Даже собственно авиаудар был комбинированным. Шесть «Хайндов» и по крайней мере один «Хокум» ударили с минимальной высоты по моему передовому отряду, это я уже докладывал. Наши потери оказались минимальны, но они фактически нейтрализовали имевшиеся в моем распоряжении мобильные средства ПВО и успешно пробили низковысотный коридор для восьмерки «Фенсеров».^[9] Очень

синхронная работа.

— Так.

Генерал не собирался давать какие-то комментарии на этом этапе доклада, он впитывал информацию, уже не самую новую, но впервые цельную. Это был первый русский авиаудар «фронтового» ранга за двое с лишним суток с момента начала операции. После целой серии «стратегических» ударов дальними и средними бомбардировщиками, в том числе нескольких подряд ударов высшей степени эффективности, заставивших кое-кого из штаба ВВС очень сильно удивиться, а целую группу других «кое-кого» и поплатиться должностью.

— Наш предварительный вывод — это то, что «Фенсеры» шли с неполной загрузкой. Видимо, они поднялись с относительно далеко расположенной базы. Но наше расхваленное «господство в воздухе»... Нам не просто обещали «господство», нам га-ран-ти-ро-вали, что каждый русский ударный самолет, поднявшийся в воздух западнее Уральских гор, будет идентифицирован вовремя. Что на каждый будут наводить голодных до медалей и славы ребят там, наверху, в синем небе.

— Я жду, — ровным голосом произнес генерал Питтард, уже догадываясь, к чему полковник

подводит. К тому, чего еще не было на его экране, что всегда занимало больше всего времени.

Тот назвал цифру. Подождал, пока она дойдет, и назвал другую и затем третью.

— Могло быть хуже, — тем же ровным голосом отметил командир дивизии. — Могло.

Тон дался ему без большого труда, хотя никому совершенно незачем было об этом знать. Он произнес совершенно честные слова — все действительно могло быть хуже.

— Дальше.

— Немедленно после авиаудара русские нанесли удар броней.

— Наконец-то.

— Совершенно верно, «наконец-то». Но ровно в худший момент. В момент, в минуты, когда я вынужден был вспомнить слово «дезорганизация».

— Это сильное слово. Я давно не слышал его в приложении к подразделениям Армии США. И, прости меня Бог, я надеялся, что никогда его не услышу в приложении к собственной дивизии. Как это произошло?

— Генерал, сэр, это заняло минуты, как я и сказал. Но удар «Фенсеров» пришелся точно по противотанкистам, а синхронизация их действий вновь оказалась

весьма... — Полковник помолчал, не нашел слова и продолжил уже с новой фразы.

— Таким образом, выстраивается очень интересная цепочка. «Хайнды» и их драгоценный одиночный «Хокум» пробили коридор, и «Фенсеры» выложили свою боевую нагрузку на роту «F», едва разворачивающуюся с марша. Не на ударные «Страйкеры», а именно на M1134ATGM.[\[10\]](#) Я напомним: мы до сих пор не видели ни единого «живого» русского танка в поле, притом сколько их у них на Европейском ТВД. Рота «F» потеряла часть сил и средств и не смогла противодействовать русскому удару с

ожидаемым уровнем эффективности.
В то же время...

Генерал-майор быстрыми движениями пальца перекидывал фотографии на сенсорном экране. Да, «в то же время». В принципе даже одни противотанковые средства пехоты способны не дать русским реализовать свой потенциал, пока не окажутся исчерпаны. А учитывая, сколько у них *может* быть танков, такой вариант не является совсем уж фантастичным.

— Удар собственно брони пришелся по 4-му батальону 17-го пехотного полка, уже успевшему развернуться в боевые порядки. В целом русские не проявили большой

настойчивости. К моему удивлению. Потратив такие значимые усилия, получив отпор и потеряв несколько машин, но все же добравшись до средней дистанции и начав обмен огнем, они довольно быстро отошли.

— Вы этого не ожидали?

— Я этого ожидал.

Дана Питтард представил себе лицо говорившего. Полковник Кен Эдджи, светлоглазый, светловолосый и коротко стриженный, щекастый, как ребенок. Он был немного похож на немца, а немцы всегда были хороши на войне, ему ли не знать.

— И все же общие потери оказались достаточно велики.

— Да, генерал, сэр. Достаточно

велики.

Понятно, что отрицание было бы не лучшим вариантом. Они все знали, что колесная боевая бронированная машина M1126 «Страйкер», во всех ее вариантах, широко представленных в батальонах и отдельных ротах их дивизии, не слишком устойчива к боевым повреждениям. Даже с неполной загрузкой русские «Фенсеры» в двух последовательных заходах выложили на разворачивающуюся роту «F» 12 тонн свободнопадающих бомб и полсотни крупнокалиберных неуправляемых ракет, за считанные минуты ополовинив противотанковые возможности 1-й

бригадной боевой группы Эдджи. Можно было представить, какое это произвело впечатление на солдат и даже на офицеров дивизии, прошедших уже по несколько войн и *ни разу в жизни* не побывавших под авиаударом противника. А потом на тактических экранах командиров рот и взводов появились русские танки, и было совершенно непонятно, сколько их и что будет дальше. И вот тогда Эдджи принял совершенно верное решение — отходить, и добился его мгновенного исполнения. И русские как бы отбили несколько километров своей территории, а потом уцелевшие из них тоже отошли.

— Что вы считаете лучшим из

случившегося? — поинтересовался командир дивизии.

— Простите?

— Лучшим. Или, перефразируя, самой хорошей новостью во всем этом.

— Силу русского удара, — без колебаний ответил ему полковник Эдджи. — Однозначно. Десять основных боевых танков — это сила, которая раздавит пехотную роту в поле, как кувалда, но это же ничто, по сравнению с их и нашим потенциалом. Десять — это полноценная рота, но это все. В первом ударе. Комбинированном: ударные вертолеты — ударные самолеты — броня — вновь ударные

вертолеты, прикрывающие отход брони.

— Разведка боем.

— Именно так, сэр. Именно к этому заключению мы пришли. Но дорогостоящая разведка. Не вполне уверен, что она для русских окупилась. Возможно, не начавшееся наступление?

Он сделал паузу, выжидая проявления какой-то реакции командира дивизии, не дождался и продолжил:

— Если и да, то наступление локального масштаба. Не имеющее никакого военного значения. Демонстративная акция.

— Еще раз?

— Демонстративная акция, — отчетливо повторил Кен Эдджи. — «Мы такие, мы еще можем». Проведенная вплотную к границе с Беларусью. Стоившая им одного вертолета и восьми современных танков.

— «Т-72»?

— Разумеется.

Оба помолчали. У русских было полторы тысячи «Т-72» в войсках и еще семь с половиной тысяч на хранении. Даже притом что половина не могла быть расконсервирована и введена в строй в сколько-нибудь обозримое время, а часть баз хранения была уже захвачена миротворческими силами,

это было в разы больше, чем общее число танков в Европе, включая американские. За неделю боевых действий дивизия уничтожила «длинной рукой» не более чем 15 русских танков — все до единого относящихся к разным подтипам их основного боевого танка второго поколения «Т-72». Генерал-майор Дана Питтард напомнил себе: он командует 1-й бронетанковой дивизией, пафосно именуемой «главной ударной силой» того, и другого, и третьего. Миротворческого контингента, участвующего в операции «Свобода России». Армии США в Европе. 7-й армии США. В его распоряжении был один

танковый батальон в составе 4-й бригадной боевой группы и второй такой же батальон, входящий в состав 2-й группы, перманентно находившейся в Техасе в течение многих лет, и лишь сейчас перебрасываемый в Европу. Генералу, прошедшему Ирак и видевшему танковые марши и танковые атаки «во весь горизонт», было больно на это смотреть. Окажись русские способны двинуть на него хотя бы две сотни основных боевых танков зараз — и 100% исхода столкновения будет зависеть именно от «длинной руки»: от «Апачей Лонгбоу», входящего в состав бригады полнокровного авиаполка, от

придаваемых дивизии и совершенно независимых от нее средств загоризонтного поражения. Но, как ни странно, собрать 200 танков в один кулак они в текущем 2013 году уже вряд ли могут. Их танковые войска — бледная тень бывшего: всего одна танковая дивизия и одна танковая бригада полного состава в Западном военном округе, обе расквартированы вплотную к Москве. А в танковых батальонах их мотострелковых бригад всего по 40 машин. Всего...

Питтард невесело усмехнулся сам себе. Слово «всего» было настолько неверным, что это заставляло чувствовать во рту кислый

вкус. Встреча его дивизии с любой известной ему русской мотострелковой бригадой в секторе наступления 1-й бронетанковой должна была проходить по давно отработанным сценариям, типы которых соответствовали тому, приняты ли русские встречный бой, встали ли они в оборону и какой ее вариант выбрали: быстрое чередование статичных и маневренных фаз боя либо их классическое «зарыться в землю за минными полями». И один, и другой, и третий, и все иные варианты не давали русским много шансов. В каждом случае доступные Армии США современные средства

технической разведки
заблаговременно вскрывали их
позиции, штаб дивизии определял
приоритетность целей, после чего
начинала работать «длинная рука»:
ударные вертолеты и артиллерия.

— Демонстративная акция, —
медленно и с выражением повторил
командир дивизии. — Стоившая им
одного вертолета и восьми танков.
Проведенная практически на
границе с Беларусью. Да, я подумаю
над этим. При этом броня была
«сама по себе», в отрыве от
мотопехоты и, например, мобильных
средств ПВО?

— Да, именно так.

— Притом что они наверняка

имеют весьма полное представление о том, кто им противостоит, и соответственно о числе «Апачей» непосредственно в нашем распоряжении?

— Да.

Оба помолчали, и Питтард явно почувствовал, как напряженно размышляет на дальнем конце эфира его собеседник.

— Хорошо, — наконец заключил он. — Что-нибудь еще?

— Да. По-прежнему весьма высокий темп потери разведывательных БПЛА всех классов. Основная причина — огонь стрелкового оружия.

— Это ожидаемо.

— Совершенно верно, ожидаемо. Но неожиданным является именно объем потерь. Вспомни Ирак. Саддам раздал по «калашникову» с мешком боеприпасов каждому задрипанному милиционеру. В отдельных случаях там имела место совершенно беспрецедентная плотность огня по разведывательным БПЛА. То есть именно по неспособным к немедленному ответному удару объектам. И почти никакого результата. Сколько-то мы теряли сбитыми, но совершенно незначимые цифры, сравнимые с объемом потерь по небоевым причинам.

— Там была пустыня: песок на

земле, песок в воздухе. Смазка превращалась в желе. Авиадвигатели всех типов изнашивались с дикой скоростью, электроника сбоила от жары и того же песка. Здесь этого нет и в помине, и потери по небоевым причинам минимальны. Да и техника явно стала лучше.

— Уверен, дело не только в этом. Еще раз, я привожу не только относительные цифры, но и абсолютные.

— Вывод?

— Русские умеют стрелять. В отличие от арабов.

Питтард фыркнул, не постеснявшись. Русские были способны на много разных штук,

которые отличали их от арабов. В конце концов, они конструировали и даже до сих пор производили свои собственные танки, самолеты, вертолеты и крупные боевые корабли, а не только покупали их за нефть. Да, можно было поверить и в то, что они умеют стрелять из своих «калашниковых».

— Я очень прошу не смеяться, генерал, сэр. Мы читали те же самые аналитические записки все последние месяцы и годы. Русские фактически табуировали стрелковое оружие. Практика с собственным стрелковым оружием даже в мотострелковых войсках традиционно сводится к минимуму.

Владение пистолетом или револьвером строго запрещено совершеннолетним, законопослушным, принимающим участие в голосовании гражданам, в том числе отслужившим по призыву или контракту. В том числе офицерам их собственной армии и полиции во внеслужебные часы. Чтобы купить паршивое гладкоствольное ружье для охоты на уток, человек должен месяцами прыгать с русскими рублями в зубах. В любом эпизоде самообороны с применением оружия — в том числе, кстати, холодного — оборонявшийся по умолчанию признается виновным. И так далее. Вы помните этот

анализ? Среднестатистический русский призывник в принципе не может метко стрелять. Так нас убеждали.

— Я слушаю внимательно. Хотя, на мой взгляд, последняя минута моего времени была потрачена напрасно.

— Я прошу прощения, генерал, сэр. Я уже закончил. Это было мое частное мнение.

— Хорошо, Кен. Я принимаю его к сведению именно как частное мнение о невысоком уровне анализа данного конкретного аспекта, проведенного на подготовительном периоде операции. Теперь о целом. Работа «Готовых первыми» меня

устраивает. Темп продвижения хороший, потери более чем приемлемые даже с учетом этого удара. Дисбаланс в отношении применения «Страйкеров» и артиллерии я по-прежнему поддерживаю. Что касается противотанкистов... Рота «F» нарвалась по объективным причинам: русские нас несколько расслабили. Да, у них все еще есть «Фенсеры». К слову, из всех ударов высокоточным оружием по силам и средствам их ВВС собственно «Фенсеры» наверняка имели низший приоритет — это самые старые из их сухопутных ударных самолетов. Но у них есть и много чего еще. Штаб

группы переварил девятичасовую сводку об ударе оперативно-тактическими ракетами по штабу 48-й бригадной боевой группы?

— Да, сэр. Я был впечатлен.

— Вот именно. Тот же термин.

На этом фоне потери офицерского состава роты «F» выглядят довольно блекло. Не то, чтобы я на что-то намекал. Это я так призываю вас быть осторожными.

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

— Конец связи, Готовые

Первыми.

— Конец связи, Гладиатор.

Генерал Питтард стянул с головы наушники и, чтобы не вставать, положил их прямо на стол.

Одновременно с разговором он успел проглядеть несколько новых документов с грифом срочности и даже ответить на некоторые из них. За следующие минуты он проработал еще несколько. Собственными глазами посмотрел на сводную таблицу потерь БПЛА по всем трем бригадным боевым группам и по отдельным ротам своей дивизии. Проверил показатели готовности всех батальонов 501-го авиаполка, они по-прежнему были почти стопроцентными. Обменялся несколькими короткими депешами с руководителями отделов своего штаба в режиме мультитчата, пользуясь и стилем, и клавиатурой.

Большинство командиров дивизионного звена традиционно работали в «тесных прокуренных комнатах», непрерывно общаясь в перекрестном режиме: то, что называлось *round-robin*. Но он был, наверное, большим индивидуалистом, чем многие другие, и значительную часть командной работы осуществлял, находясь в своем кабинете один, благо современные технологии это позволяли.

За окнами сухо и негромко стукнуло несколько раз подряд, и Дана Питтард тут же, не раздумывая, выдернул из кобуры пистолет и отработанным до автоматизма

движением дослал патрон в патронник. Полминуты тишины, и через массивную дверь, непонятно зачем нужную директору русской средней школы в его или ее кабинете, начали пробиваться голоса. Там вообще стало довольно шумно, и он не выдержал, поднялся со своего места и первым делом подошел к окну. Осторожно отодвинув тот же самый край занавески, что и в прошлый раз, он убедился, что во внутреннем дворе школы ничего необычного не происходит. Прямо напротив его окна были здоровенные окна крытого спортивного зала, завешенные поперечинами «шведской стенки» и почему-то

крупная чейстой сеткой, как на старых парусных кораблях. Сквозь окна противоположной стороны зала тоже ничего особенного не просвечивало. Голоса за дверью не стихали, и он, отпустив занавеску, двинулся туда. Подумав, прежде чем открыть дверь, он сунул пистолет обратно в кобуру, машинально проверив положение предохранителя.

— Генерал, сэр?

— Что происходит?

Он сразу увидел, что дело пахнет чем-то нехорошим. Это была отлично знакомая каждому взрослому человеку тень на лицах.

— Ну?

Вошедший из коридора капитан произнес несколько довольно неожиданных слов, и генерал Питтард запнулся на половине шага. Потом, решившись, он все же вышел, а капитан последовал вплотную за ним. Часовой за дверью директорской приемной выглядел довольно напряженно, и командир дивизии кивнул ему успокаивающе. Парень не знал, в чем дело, но серьезно относился к своим обязанностям, к своему долгу.

Снова переходы, коридоры с широкими окнами. В простенках — застекленные рисунки цветными карандашами, восковыми мелками и яркими красками. Две трети

рисунков изображали детей и их родителей в разных жанровых сценах, на остальных были лошади, собаки и коты, как это и бывает в рисунках детей всего мира. Перед входом оказалось довольнолюдно, но при его появлении половина офицеров и сержантов тут же начали расходиться по своим делам, демонстративно прижимая к ушам коммуникаторы, перелистывая бумаги в папках и так далее.

— Где?

Капитан обменялся
несколькими словами с первым
лейтенантом, и тот, оборачиваясь
каждые несколько секунд, провел их
обоих мимо вывороченной

металлической вертушки и через двойные стеклянные двери наружу. Солнце, оказывается, светило ярко, и генерал-майор приостановился на секунду на ступенях, чтобы дать привыкнуть глазам. Первый лейтенант провел их мимо одного поворота, мимо другого, повел по выложенной из плиток дорожке между слякотными пространствами по бокам. Деревья были голыми и навевали тоску даже в середине такого отличного яркого дня. А ведь это был конец марта! В это время года зелень в его родном Эль-Пасо уже начинала выгорать.

— Здесь.

Ну да. То, что это «здесь», было

видно довольно издалека. Снова группа людей. Снова часть, заметив его, тут же уходит, хотя уже не с таким деловым видом. Неожиданно стало зябко: то ли от наполненного влагой ветра, то ли от зрелища. Женщина и собака, лежащие в метре друг от друга. Довольно много крови.

— Лейтенант, очень коротко.

Кивнув, волнующийся лейтенант начал рассказывать о произошедшем. Винтовка почему-то мешала ему говорить, и он наконец убрал ее за спину.

Периметр временного штаба дивизии, разумеется, в несколько слоев обвесили датчиками. В конце концов, они были на окраине чужого

города, не так давно захваченного
пусть без боя, но у противника.
Видеомониторы подтвердили, что
одно из срабатываний было
истинным, и к нарушенному
периметру быстро выдвинулась
тревожная группа в составе трех
стрелков. С группой добровольно
вызвался следовать приданный штабу
дивизии офицер Сухопутных войск
Вооруженных сил Эстонской
Республики, имени которого Питтард
даже не знал. Через пару минут бега
наводимая по радио группа вышла на
нарушителя, и эстонский капитан
немедленно открыл огонь.

Питтард посмотрел на оба
лежащих перед ним тела снова,

потом обернулся к эстонцу.

— Одна минута на объяснение, — потребовал он.

— Я решил, что они могут представлять угрозу, сэр, — произнес капитан на вполне удовлетворительном английском. — Собака...

Собака была немецким боксером. Судя по тому, как она лежала, ей даже не пришло в голову пытаться защитить хозяйку от угрозы: огонь был открыт с большой дистанции.

— А девочка?

— Я не знал, что...

— Девочку застрелили потом, — громко и отчетливо сказал

сбоку один из двух стоящих боком к группе капралов.

— Сэр...

— Заткнись. Даже если бы ты назвал меня черножопой образиной, ты не смог бы удивить меня больше. Капрал, говорите.

Скупно жестикулируя кистью свободной руки, капрал показал, кто как бежал, и перечислил, кто, что, в какой последовательности делал.

— Глупая девчонка наверняка решила по-быстрому выгулять своего пса, — буркнул он под конец. — Там дальше дыра в заборе, а все вокруг прикрывают кусты, хотя сейчас это не слишком работает. Ей надо было сидеть дома, но она наверняка

решила рискнуть, потому что в городе тихо, вообще без стрельбы. Попыток защитить город не было, а слишком смелых полицейских быстро перебили. Или она вообще еще не осознала произошедшего. В конце концов, прошло всего-то несколько часов, как город взят.

— Сэр, она тоже могла представлять угрозу. Вот, посмотрите.

Эстонец наклонился к убитой, и Питтард сначала даже не понял, что он делает с ее поясом. Потом капитан разогнулся и протянул ему грязную, замусоленную двуцветную ленточку, сначала сложенную в виде банта, а теперь растянутую вдоль.

Три черные полосы, две оранжевые и едва видный оранжевый кант по обоим краям.

— Вы знаете, что это такое?

Капитан выглядел довольно уверенным в себе, и снова переведший на него взгляд Дана Питтард отрицательно покачал головой.

— Это символ советской оккупации.

— Что?

— Оккупации. Такие ленточки уже много лет носят те русские, кто поддерживают оккупацию Прибалтики и демократических государств Европы, предпринятую советскими войсками в 40-х годах,

кто отрицает их преступления.

Питтард снова пожал плечами. Он понятия не имел, что именно имеет в виду эстонец, но в голову влезла смутная ассоциация об IRA — Ирландской Республиканской Армии. Сочувствующие этой террористической организации обыватели вроде бы действительно носили какие-то там знаки и символы, выражая свою моральную поддержку боевикам.

— Вы увидели эту ленточку и поэтому выстрелили?

— Эта русская шлюха демонстративно...

— Я задал вопрос. И я не люблю, когда мертвых 17-летних

девочек называют шлюхами.

— Нет.

— Что ж, ответ дан быстро, спасибо и на этом. Капрал!

Тот же капрал, что оказался свидетелем произошедшего, протянул руку, но, к всеобщему удивлению, капитан вывернулся в сторону и положил винтовку на ладонь. Второй из капралов, белокожий, немедленно переступил на пару футов вбок и прицелился эстонскому офицеру в затылок. Что понравилось генералу — не изменив при этом выражения лица ни на секунду. Оба офицера его штаба встали рядом, и неадекватный капитан тут же пришел в себя.

— Это оружие вручила мне моя страна! — нараспев произнес он, отведя руки в стороны. Питтард опять фыркнул. Он служил всю жизнь, но понятия не имел, что Эстония производит «М-16».

Чернокожий капрал отобрал у эстонца винтовку, второй из капралов страховал его тем же стопроцентно действующим манером, пока процедура не закончилась. После этого Дана Питтард потерял к произошедшему всякий интерес. Он не сомневался, что его ребята все сделают как надо: они знали последовательность необходимых в данной ситуации действий, по крайней мере

теоретически. И то, что местную девчонку застрелил чужак, полностью исключало приходящие на ум варианты. Можно предположить, что быстрый на язык и быстро работающий спусковым крючком капитан отделается достаточно легко, ну, да и бог с ним. Зато к нему самому и к его людям претензий пока нет и быть не может.

Уже возвращаясь назад, к ждущей его работе, командир дивизии усмехнулся. Фраза *«я решил, что они могут представлять угрозу»* была практически идеальной. Ее надо было обязательно запомнить.

Вторник, 19 марта

«Eclipse» — самая дорогая и самая большая яхта в мире! Владелец яхты является знаменитый бизнесмен Роман Абрамович, который спустил яхту на воду летом 2009 года. «Eclipse» по совместительству является и самой роскошной яхтой в мире. Специально для этого судна Романом были приобретены 35 произведений современного

искусства, на яхте
установлена ПРО
(противоракетная
оборона), а также
лазерная система,
препятствующая съемке
яхты видео- и
фотокамерами. Кроме
«стандартного набора»
для суперяхт (кинотеатр,
спа, бассейны, танцпол,
фитнес, парикмахерская,
сауна, баня, vip-каюты), на
судне можно найти
маленькую подводную
лодку, которая может
незаметно отчалить с
днища корабля.

Длина яхты составляет 167 метров, а максимальная скорость 38 узлов, что делает «Eclipse» еще и самой быстрой суперяхтой. Стоимость яхты составила 540 миллионов долларов, а ежедневные расходы на нее приближаются к 100 тыс. долларов. Экипаж девятипалубной яхты составляет около 80 человек.

Из открытых источников.

Ремонт тяжелого
атомного ракетного
крейсера «Адмирал
Нахимов», одного из
крупнейших надводных
кораблей ВМФ России,
начнется в 2011 году,
сообщает ИТАР-ТАСС со
ссылкой на пресс-службу
северодвинского
предприятия «Севмаш».
Корабль простаивает у
причала предприятия с
1999 года, поскольку его
плановый ремонт регулярно
откладывался из-за
недостатка
финансирования.

По словам директора
«Севмаша» Николая
Калистратова,
правительство России
выделило средства на
ремонт «Адмирала
Нахимова» в 2011 году,
однако этого объема
средств недостаточно.
Точную сумму, выделенную
из бюджета на проведение
работ на крейсере,
Калистратов не назвал.
Как ожидается, после
ремонта «Адмирал
Нахимов» вернется в
состав ВМФ России в 2012
году.

*Lenta.Ru,
датировано
10.11.2010 г.*

*Решение о начале
ремонта и модернизации
атомного ракетного
крейсера «Адмирал
Нахимов» (проект 1144,
шифр «Орлан») будет
принято в сентябре, в этом
году на эти цели выделены
5 миллиардов рублей,
сообщил в интервью РИА
«Новости» начальник
департамента
гособоронзаказа
Объединенной*

судостроительной
корпорации Анатолий
Шлемов.

Ранее главком ВМФ РФ
адмирал Виктор Чирков
сообщил, что ремонт и
модернизация крейсера
должна завершиться в
2016 году.

«В ГОЗе
(гособоронзаказе) есть 5
миллиардов рублей на эти
цели. Но чтобы эту
статью „раскрыть“,
нужно подписать
соответствующие
документы», — сказал
Шлемов.

*По его словам,
решение о начале
модернизации, в том числе
в плане повышения боевого
потенциала, пока не
принято. «Этот вопрос
внесен в ГОЗ на 2012 год,
решение по нему должно
быть принято в
сентябре», — сказал
Шлемов.*

*РИА «Новости»,
датировано
31.08.2012 г.*

Николай провел ночь тупо и
неуютно: на жестком коротком

диване, предназначенном для сидения, а отнюдь не для сна. Проворочался всю ночь, просыпаясь каждый час и потом подолгу пытаюсь заснуть снова. Загородив окна плотными пыльными шторами и все равно то и дело щурясь от плавающих за ними столбов света от фар. Ночевал он не дома и не в больнице, а в неожиданном для самого себя месте. В некоей бюрократической конторе на проспекте Добролюбова, уличный вход в которую был украшен черной вывеской «Архитектурно-проектное бюро № 3». В Петербурге много строили, и в городе было много проектных бюро. Был «Атриум», был

«А. Лен», была «Студия-17». Были «Техстройпроект», «Техпроект», «Стройпроект» и так далее. Это бюро, судя по всему, было единственным, в котором не работало ни одного инженера, ни одного знатока сопромата и системотехники. Здесь вообще ни один человек не работал. Здесь служили.

— Ну что, Везучий? Проснулся уже?

Вошедший в комнату человек громко стукнул дверью, простучал по паркету ногами в крепких ботинках, стукнул стулом. Где-то в глубине черепа таилась еще не проявившаяся, но уже предчувствуемая головная

боль, и все эти стуки приблизили ее. Был известный анекдот о том, как похмельный мужик прибил кравшегося по комнате кота, который «топал». Здесь было что-то в этом роде.

— Не спал почти, — не слишком вежливо отозвался Николай, разогревая ладонями кожу лица.

— Покажи мне того, кто спал... — очень похожим тоном согласился мужчина. — Сочувствия не дождешься. Туалет помнишь где? Зубной щетки не будет, бритвы тоже. Выбежать купить... Даже и не знаю... Ладно, пять минут на оправку. И давай сюда же.

— Понял.

Николай поднялся, поводя плечами. Спина затекла и болела, но терпимо. Зарядку он не практиковал сто лет, а бегать предпочитал вечером, а не утром, но, что делать с ноющей спиной, знал не хуже других. Пара аккуратных наклонов вперед, пара вбок, пяток покачиваний, потом несколько медленных круговых. И десяток приседаний. Заняло это минуту. Все сразу не прошло, но стало чуть легче. Мужик смотрел на него доброжелательно и не сказать чтобы нетерпеливо, но все же не удержался, повел взглядом вверх, к висящим над дверью канцелярским часам с торчащим вбок проводом. Громко тикавшим всю ночь, как

последние сволочи.

— Слушаюсь, товариш полковник, — сказал Николай в пустоту и больше не тормозил: пробежался по дважды изломанному коридору к украшенной понятной пиктограммой двери, потратил несколько минут на туалет и умывание холодной водой. Проверил соседний кран — нет, горячей не было и там.

— Готов? — поприветствовали его после возвращения по второму разу. — Пошли, пошли, нас дела ждут.

— От моего куратора ничего?

— Ничего... Хотел бы я, чтобы ничего... Да только где там...

Николай на мгновение остановился посреди коридора: его как облили холодной водой.

— Вы хотите сказать...

— Да брось, не будь как маленький. Сразу думать такое... Твой куратор полностью наш человек, в доску. Из недостатков — только избыток воображения, как и у тебя, кстати. И водка. Но подлянок от него не дождешься. После вчерашней нашей встречи он роет и роет, но толку нет. И не будет уже, как я полагаю. Сколько такого... Десятки, многие десятки провалов за один день. Гуртом покупали про нас файлы, сволочи. Гигабайтами. Оптом!

Они быстро дошли до нужного кабинета, того же, что и вчера. Полковник сорвал сдвоенную нитку с пластилиновой пломбы, посмотрел на часы. Отпер дверь двумя ключами. Он был без формы, в черном свитере поверх черной футболки, и на голове у него в разные стороны топорщились немытые волосы, но, во всяком случае, он был выбрит. Сам же Николай пах потом, усталостью, был небрит два дня и не ел горячего все три. Боль в спине почти исчезла, но головная, засевшая где-то в затылке, приблизилась вплотную. Ему было без шуток хреново. Не от своих ощущений. От происходящего «вообще», от всего вместе.

— Что сегодня? — спросил он.

Полковник ответил не сразу: устраивался за своим широким столом, выдвигал и задвигал обратно многочисленные ящики, шуршал бумагами, выкладывал на оргстекло ручки.

Потом остановился, откинулся на спинку стула. Посмотрел прямо в глаза.

— Слушай, Везучий... Как потвоему, какое твое лучшее качество?

— Красота, ум и скромность, — машинально буркнул Николай. Успел пожалеть о сказанном и еще успел заставить себя не поднять взгляд, не выглядеть смущенным. Перед ним был человек, которого стоило

уважать. А время было не для шуток.

— И?..

Голос полковника был спокойным, видимо, неплохо он понимал ощущения Николая.

— И везучесть.

— В целом, да. И богатое воображение, как я уже сказал. И развитое ассоциативное мышление, причем развитое профессионально. Твой пример про пиелонефрит всех нас тут покори́л.

— Это какой?

Николай поднял голову и внимательно посмотрел на полковника. Он не помнил, чтобы приводил этот пример в каком-нибудь из разговоров с его участием.

— Это который про сочетание у одного больного и парагриппа, и радикулита, и гонореи. Вместе похожих на то, о чем мной сказано, на этот самый нефрит. Вспомнил?

Оставалось только кивнуть. Много лет прошло. Много лиц всплыло сейчас. Насколько же полное на него тут собрали досье? Сколько его высказываний по разным поводам оценивали в свете одного и другого? И какого черта не обращали ни малейшего внимания на все его дурные предчувствия? Совершенно не скрываемые и все более тягостные с каждым годом — за те несколько последних лет, пока они знакомы? Если все такие умные?

— Вспомнил, — произнес он медленно. — Я вообще много что помню. Разного.

Полковник поморщился. Провел рукой по лицу. Поводил губами влево и вправо.

— Отчета будешь требовать? — мрачновато, но в целом все так же спокойно спросил он. — Про «почему не знали?», «где была агентура?», «как могли проспать?».

— Не буду, — пожал плечами Николай. — Кто вы и кто я, чтобы чего-то там требовать. Уверен, что сто раз уже эти вопросы звучали. За последние-то сутки точно.

— Тысячу, а не сто. Причем и сверху, и снизу. И большинство

спросивших кричало: «Да как же вы допустили!» даже не дожидаясь какого-то там ответа...

Оба помолчали.

— Оптимизация и реструктуризация? — предположил Николай через несколько секунд такого молчания. Ему было не вполне ясно, зачем он так торопился с умыванием. Разве что полковник собирается сказать еще что-то нехорошее и собирается с силами.

— Во-во... Перманентная. Годами. В сочетании с «устранением дублирования структур» и экономией государственных средств. Это главное. Львиная доля усилий разведки была перенаправлена на то,

чтобы до народа своевременно и в подробностях доводилось, что именно кушала сегодня на завтрак Ксения Собачк.

Снова молчание.

— Собачк, значит? — спросил Николай просто потому, что даже не знал, что тут можно сказать. Это были люди, которых он уважал. Профессионалы, а не «пильщики». Их слова и предчувствия значили так же мало в глазах военного и политического руководства страны, как его собственные. А если даже чуть больше, то все равно недостаточно, чтобы остановить вакханалию государственного масштаба: попила всего возможного,

на всех фронтах. Направления пара в свисток. Искрометного веселья на краю могилы.

— Угу. Ладно... Давай к делу. Слайды мы с тобой вчера смотрели? Голубой экран тоже? Догадываешься, что сегодня будет?

Николай был почти готов к этому вопросу. Почти. Поэтому сумел справиться с голосом и ответил вслух вместо того, чтобы кивнуть.

Показанное ему вчера вечером было одной из причин того, что он так плохо спал. И если быть честным перед собой, то главной. Он не знал, что именно натолкнуло полковника на идею показать собеседнику слайд-

шоу из полутысячи фотографий, снятых в январе на территории ЛАЭС, а позже, в феврале и марте, — в Москве и Владимире. Какой-то небольшой пример из того же проклятого «развитого ассоциативного мышления».

Коллекция снимков оказалась такой полной, что последовавшее три часа спустя видео было уже лишним.

— Лететь надо сегодня?

— Не торопись. Тебе хочется лететь во Владимир?

— Не хочется. Совсем. Но мне и тогда не хотелось выходить из теплой благоустроенной казармы. Хотя я был молодым и глупым. А надо было.

— Про твоё отношение к слову

«надо» — это в твоих бумагах довольно неплохо освещено. На разных этапах твоей жизни. Но лететь сейчас сложно. Про «достать билет» — это одна сторона вопроса. Кассы позакрывались, знаешь ли. Рейсы отменены почти без исключений. Вчера сбит 4642, Владивосток-Хабаровск-Новосибирск. Сегодня 126 Омск-Москва. Пассажирские, на раскрашенных лайнерах с окошечками. Забитые под завязку. Один — истребителем, ракетой «воздух-воздух» с большой дистанции. Второй — ПЗРК на взлете. Потому как летают сейчас туда и сюда не мамыши с детьми и не

любовники на романтическое свидание.

— Я знаю.

— Поездом не особо веселее...

Особенно на главной трассе страны. Ладно. На самом деле лететь не надо тебе никуда, ехать тоже. Я проверял твою реакцию.

— Как вчера?

— Не как вчера. Иначе. То, что ты оказался знаком с Турпалом Усоевым, давно известно кому надо не первый месяц. Его тогда ни разу не показали по ТВ, ни разу не назвали вслух его имя. Но в первый же день ты все равно понял, что это он. Это тебе в большой плюс.

— Я ни хрена тогда не понял, —

резко возразил Николай. — Так, почувствовал намек, когда показывали те самые кадры, на которые я вчера указал. Но я решил, что показалось. Ощущения в протокол не подошьешь.

— Еще как не подошьешь, — тут же согласился полковник. — Но это все равно отлично. Вот ты посмотрел на видеозапись вчера — перекачать ее по закрытому каналу заняло минуты, но знал бы ты, чего мне стоило ее получить! И не нужно летать никуда, рисковать задницей на пустом месте. Технологии, чтоб их...

И тут же, без паузы:

— Что бы ты сказал ему, если бы это была не запись, а

видеотелефон, конференция с той же владимирской «тюрьмой № 2»? Двусторонняя?

Пауза длиной в один удар сердца, в толчок пульса в висках.

— *Ассалам алейкум... Муха аш ву хьо, могуш лелий?*^[11]

— Ох, лучше. Насколько же лучше, чем раньше. Хорошо! Вежлив, главное. И голос правильный. Ты об этом и ночью думал? Ты поэтому не выспался?

Это было «прямое попадание», удар под дых. Николай закрыл глаза так плотно, как только мог. Секунду он безуспешно пытался вдохнуть, потом все же получилось.

— Ты боец, — глухо сказал

полковник. Слышно его было плохо: будто вместе с веками мозг закрыл и другие заслонки. — Все это я валю на тебя не просто так. Ты убил меньше врагов, чем он, и меньше, чем я, но ты не трус, не добрый мальчик из доцентской семьи. Ты не струсил тогда, совсем молодой и зеленый, как лопух. И сейчас тоже, хотя ненамного-то и заматерел. Однако достаточно, чтобы превратить чистое поражение во что-то другое. Размочить счет, пока абсолютно сухой на этой, на нашей площадке. Быстро и коротко. Молодец. *Мостагашина валар.* [\[12\]](#)

— *Мостагашина валар,* — как эхо повторил Николай. Глаза

открылись, но лицо человека напротив было как в тумане.

— Что, по-твоему, самое важное в двух сбитых пассажирских самолетах?

— Децентрализация.

Ответил он, не думая, потому что думать не получалось, но полковник опять согласно кивнул.

— Что еще?

— Страх. Это в ту же копилку, что стрельба по троллейбусам и автобусам в городах. У каждого по сотне родственников и знакомых не на другом конце мегаполиса, а вдали. В провинции, в деревнях по стране. Старые и молодые родственники. По мужу, по жене. Сокурсники.

Сослуживцы по срочной службе. Теперь мы все разъединены. И никакие технологии не заменят того, что была хотя бы принципиальная возможность встретиться. Которой теперь нет. Как бензина в бензоколонках.

— По троллейбусам и автобусам... — отдельно повторил слова Николая полковник. — Борец за свободу Усоев сидит и будет сидеть, пока миротворцы и демократизаторы не подойдут ко Владимиру вплотную. А они подойдут, да... Недели две, по моим прогнозам. Реалистичным, я полагаю.

— И его им отдадут?

— Из тех, кто там сидит, вряд ли отдадут хоть кого-то. Когда «Хаммеры» дотолкаются до Владимира, уголовно-процессуальные нормы на еще контролируемой нами территории отойдут в прошлое радикально и безвозвратно. В этом можешь не сомневаться... Но вряд ли им и самим нужен будет героический борец с тоталитаризмом, сильно много знающий о ходе подготовки удара по ЛАЭС химическим оружием.

— Да, вряд ли. А к чему это вообще тогда нужно? Вот это, вчерашнее? Зачем из равновесия меня выводить? Сна лишать?

— Потому что это помогает подумать о страхе. Который поважнее иногда, чем вес полезной нагрузки на тех «Торнадо» и «Файтинг Фалконах», которые большими и дружными командами пришли к нам в гости общаться. Не «идут», пришли. Уже пришли. Ты не просто так сказал об автобусах и троллейбусах, правда? Ты и здесь догадался?

Николай не сумел ответить сразу. Потом решил, что честность — вариант не хуже других. Эта мысль едва не заставила его фыркнуть.

— Я сильно потеряю в ваших глазах, если переспрошу: догадался о

чем?

— Не сильно, — хмыкнул полковник, поднимая со стола ИК-пульт управления настенной видеосистемой. — Потому как я все равно подумаю, что ты пижонишь и ломаешься. Репутация тобой уже заработана, просто так в твое спокойное «не знаю», «не догадываюсь» уже никто легко не поверит.

Он включил экран, на нем мелькнула картинка с рабочего стола ноутбука, крышка которого была едва приоткрыта и повернута от собеседника. Ни одной иконки, чистое черное поле с яркой белой искрой в центре. Тоже пижонство, не

хуже других способов.

— Я про метро.

Николай отрицательно мотнул головой.

— Вчерашнее, — уточнил полковник.

— Вы помните, как я вчерашний день провел? Если бы у меня было время смотреть телевизионные новости больше пяти минут, я бы лучше душ себе нашел. Или чего горячего, кроме кофе и чая.

— Ну ладно, ладно. Это я так, с надеждой...

Он воткнул флешку в один из портов, невидимых с места напротив своего стола, и та отразилась на экране возникшей иконкой папки,

подписанной «*Без названия*». Да, это нарочитость. Или просто удовольствие от своего непростого дела. Как и должно быть.

Двойной клик, за ним запустилась «ACDSee», бесплатная просмотревая программка. Прежде чем полковник переключил на слайд-шоу, ее счетчик показал, что фотографий в папке немного, два десятка. Развернулась первая: лицо человека в низком разрешении, прямоугольник растянут и по вертикали, и по горизонтали. Мужчина средних лет, костюм с галстуком, строгое лицо. Не сказать, что «незапоминающееся», черты лица довольно резкие. Чуть-чуть

похож на Хью Лори в роли доктора Хауса, но помоложе на десяток лет.

— Что это? — поинтересовался полковник.

— Фотография на визу.

— На какую?

— На российскую, полагаю.

— Бинго... Ватсон спросил бы...

— Большинство фотографий на визы квадратные. На нашу — прямоугольные.

Николай испытал мгновение раздражения. Полковник терял дорогое время. Время, за которое ежесекундно платили жизнью десятки, иногда сотни людей. Которого не хватает и не хватит.

— Успокойся. Давай я не буду больше. Это Джейсон Эрлих, сотрудник «*Corporate Sector Group*» финансовой корпорации HSBC. С официальным визитом в свое отделение в Москве. Визит в Санкт-Петербург. За два дня до воскресенья 17 марта... Финансовый аналитик, полный портфель плавающих вверх и вниз схем и длинных таблиц, полный ноутбук того же добра.

— Никто в этом ничего не понимает, — в тон полковнику заметил Николай, слушающий очень внимательно. Перебивать он не боялся, манера этого человека работать была ему уже хорошо знакома.

— Вот именно. Смотри вторую.

Станция метро, наземный вестибюль. Какая-то малознакомая, не из самых ближних.

— «Удельная», синяя ветка. Утро вчерашнего дня. Точнее, 11.40. Мистер Эрлих прибывает на станцию откуда-то с предшествовавшей точки своего маршрута, поднимается наверх, некоторое время спокойно ждет кого-то, повернувшись лицом к эскалатору «на подъем». Выходит, обходит станцию, заходит теперь уже на «вход», как все. Ждет еще около минуты, оглядываясь в разные стороны. Затем достает два автоматических пистолета и

открывает огонь.

— По кому-то конкретно?

Полковник показал несколько кадров, но вопрос уже прозвучал.

— Сначала по полицейским в вестибюле. Правильно, грамотно. Смотри, как он перемещался.

Компьютерная схема, довольно простая. Два силуэта в синем — полицейские, почти вплотную один к другому.

— С метра и в головы, с контролем. Потом оба гражданских дежурных метрополитена и оператор турникетов и эскалаторов в ее будке. На нее аж 4 патрона ушло.

— Оружие?

Николай мог позволить себе не

отворачиваться. Он видел уже довольно многое в этой жизни, в частности, то, как добивали раненых после рукопашной. «В упор в голову» было не впервые. Более того, он оценивал вероятность вновь увидеть это в ближайшее время вживую как довольно высокую. Поэтому был по-деловому спокоен.

— Beretta 93R, две штуки. Магазины стандартные, на 20 патронов... Дальше странно. В вестибюле есть еще люди. Несколько человек кого-то ждут, кто-то только что прошел через турникет, чтобы начать спускаться. За стеклянным барьером, рядом, наоборот, — поднимающиеся и еще ждущие. На

улице холодно. Понятное дело, начинается паника, люди кричат, бегут к дверям. Увидишь. Но он их не трогает. Убивает третьего полицейского, выбежавшего из двери: две в торс, одна в голову. К этому времени вестибюль-«вход» пустеет. Через стеклянный барьер не пройти, закрыто наглухо. Поэтому он выходит через те же самые двери вслед за людьми. Заходит на «выход». И при этом все еще не стреляет, не трогает идущих и бегущих ему навстречу, а целенаправленно идет к эскалатору «на подъем». Что скажешь?

— Пока звучит как бред. Если бы он кого-то конкретно ждал, то

просто...

— Вот-вот. Я то же самое и сказал, когда увидел это впервые. Смотри дальше.

Еще кадры, точнее стоп-кадры с камер наблюдения: в низком разрешении, с горизонтальными полосками развертки. Человек в стойке, стреляет с двух рук. Выражения лица не видно, потому что камеры не снимали его анфас — одна спереди-слева, вторая спереди-справа. И потом резким переходом уже качественные цветные снимки, снятые явно позже. Тела, наваленные на закруглении эскалатора, между исчербленными пулями лаковыми барьерами.

— Сколько? — невнятно спросил Николай, но полковник понял.

— Девять человек. Но это именно здесь, на сходе с эскалатора. Вместе с тремя полицейскими и тремя дежурными метро — пятнадцать. Из них 14 убиты и 1 умер от ран пять часов спустя, в клинике имени Джанелидзе.

— А патронов он сколько потратил?

— 70 патронов ровно. Один раз сменил магазины, но не успел их дострелять.

Полковник остановил слайд-шоу и последовательно открыл два файла с видеороликами. Развернул на всю

ширину экрана, показал. Тот же человек с пистолетами. Вспышки идут то чаще, то реже: левый-правый, левый-правый. Потом, после этого кажущегося бесконечным кадром, — мельтешение, выбивающиеся крошки из мрамора, вспышки света под ногами стреляющего, и он падает, как подрубленный.

— Последние 10 секунд еще раз, пожалуйста.

Полковник провел курсором по ползункам просмотровых окон видеофайлов, переводя оба назад. Это были вырезки из каких-то более полных записей, наверняка суточных или по крайней мере длиной в

рабочий день.

— По ногам сзади?

— Точно так. Полицейский из внешнего наряда дал длинную очередь прямо от дверей. Не поверишь, 5 пуль в ноги: 3 и 2, если тебе это интересно. И еще одна от взбежавшего вверх по эскалатору: касательным в бок, но довольно глубоко. Но этот быстро огонь прекратил, тут же. Полицейские... У них рефлекс, чтобы не убивать. Их годами за каждый патрон дрючили, а если человека убить, даже преступника... В большинстве случаев сразу конец карьере.

Николай помолчал. Он до сих пор не понимал, что происходит и в

чем смысл показа ему фотографий и роликов, очень не похожих на настоящее. Произошедшее выглядело как учебное пособие, разработанное явно больным сценаристом и поставленное страдающим чем-то серьезным режиссером. И продемонстрированное теперь ему. Очередная проверка? Но на кой черт?

— Среди убитых на эскалаторе есть кто-нибудь значимый? Старший офицер, ведущий инженер производства, прогрессивный журналист?

— Правильный вопрос. Но нет, таких нет ни одного человека. Сплошь пролетариат и электорат. Ну,

еще вопросы есть? Если нет, то давай досмотрим.

Еще десяток снимков в разном качестве, снятых с нескольких точек. Все вперемешку — и стоп-кадры с камер, во время стрельбы и непосредственно перед ее началом, и сразу после.

— Ну, а теперь «внимание, вопрос», как говорил Климент Ворошилов знатокам... Что ты обо всем этом скажешь?

Николаю очень хотелось пожать плечами, но он сдержался.

— Когда человек стреляет по-македонски, с ним почти все понятно. *Dual Wielding*, он же *Akimbo-style* подразумевает, что

человек лох. За исключением случая, когда мы имеем достоверно высокий процент попаданий. 14 убитых и 1 умерший от ран на 70 потраченных патронов...

Очень точные, правильные, техничные действия: например, то, что он начал с полицейских.

Уничтожение дежурной в ее будке, которая должна была тут же остановить эскалаторы. Но при всем этом — полный бред во многом другом. Зашел, вышел, снова зашел. Очередь сзади по ногам...

Мое заключение — это профессионал, но со съехавшей крышей.

— Николай, — отчетливо произнес полковник. — Тебе когда в

последний раз говорили, что твой куратор — мудака?

— Да сроду такого не говорили, — удивился он. — А с чего это вдруг такое объявление?

— С того, что он вчетверо больше всех остальных с тобой работал. Тебе вообще не надо было в поле идти. Твоя неожиданная пятерка по стрельбе из пистолета, пара других отличных оценок — они не значат ничего. Тебе надо было с самого начала сидеть в теплом бункере и чтобы снаружи стояла пара олигофренов с ручными пулеметами наизготовку. Вот это было бы правильно. Причем я даже делаю скидку на то, что ты врач, а это из

той же, в общем-то, сферы. Ну что, хочешь увидеть его?

— Кого?

— Кокетничаешь. Джейсона Эрлиха, кого же еще.

Вот тут он и не нашелся, что сказать.

— Я думал, это Имярек. В смысле псевдоним, присвоенный актеру, видеомуляжу... Музыку для «Доктора Хауса», на которого он так похож, действительно писали Йон Эрлих и Джейсон Дерлатка, ко второму сезону его заменили на Ли Робертса... Так он настоящий? И он жив?

— А ты думал, зачем потом пинали его с двух сторон? Зачем

наручники? Жив, и наш. Представляешь? Сколько диверсионных групп по стране действовало и действует! Где-то они чисто срабатывали и уходили. Где-то им оказывали сопротивление, и они потери несли и здесь, и в Москве, и в Полярном, и в Ваенге, и еще, наверное, где-то. Пару раз их загоняли потом, на отходе. И даже вру, даже не пару раз. В общем-то, довольно много они потеряли в общей сложности, хотя статистики никакой нет и не будет. Но живой, пленный — этот первый.

— Один?

— Ну, я этого тебе не говорю, но есть еще. Во Владивостоке — это как

на другой планете. И не поверишь, кто его взял. Вице-адмирал Авраменко, замкомандующего Тихоокеанским флотом. Немолодой такой, седой мужик, с лишними килограммами и все такое. На пороге родного дома, за 15 минут до того, как все началось. Два убитых, один раненый и взятый. Во людей раньше бабы рожали! Сейчас таких не делают уже...

Николай сидел, выпятив вперед обе челюсти, так, чтобы натянулась кожа на лице. Мама, увидев такое, обычно сразу начинала гавкать. Но сдержаться было сложно: очень уж он удивился.

— Значит, автобусы и

троллейбусы... — отдельно проговорил Николай больше самому себе. — И метро. Нет, не похоже... По тому, что я видел и слышал, — не похоже.

— Почему? — быстро поинтересовался полковник.

— Вы не просто так мне те документы давали. На столько разных мест там был почти один сценарий. Почти одно время, в течение буквально пары часов за один и тот же день. Большие проспекты не в центре городов, то есть там, где много пространства и длинные перегоны. В отношении географии Москвы и Владивостока я не большой знаток, но у нас это были

Богатырский, Комендантский и еще что-то в этом роде. Два стрелка, обычные «калашниковы» у обоих. По длинной очереди в водителя, и, когда вагон останавливается, обходят его сбоку и бьют прямо сквозь жечь. По два полных магазина. Контроля нет, двери открыть не пытаются, внутрь не заходят и вообще время не теряют. С места убираются, используя автотранспорт. Ни разу нет ни одного полицейского или военного рядом, даже невооруженного. Раненых больше, чем убитых, как и бывает при неприцельном огне. Все вперемешку: нормальные городские жители. Вот это — единственная совпадающая деталь. Все остальное

иначе.

— Для чего?

— Там для страха. Здесь... Я не верю, что профессионал мог дать себя взять на таком деле, которое... Которое он мог сделать чисто. Извините уж за...

Полковник только махнул ладонью, его лицо было непроницаемым. Глухим, как лобовая плита не самого современного, но, без сомнений, надежного танка.

— Значит, если не для страха, то для удовольствия. Причем патологического. Как проявление той же «поехавшей крыши».

— Натура вылезла?

— Ага.

— От белой горячки?

— Товарищ полковник... Ну вы комментируете, как... Ну я же не знаю.

Полковник помолчал, потом криво улыбнулся.

— Ты вот не знаешь, а весь мир уже определился: стрельба по автобусам и троллейбусам — это наша собственная вина. Реально наша. Провокация КГБ-ФСБ, попытка дестабилизировать обстановку еще больше. Но мир гневно говорит «нет!» этой провокации! И мы за нее еще ответим перед прогрессивным мировым сообществом: когда за все

будем отвечать, так и за это ответим.
А тут такой облом...

Николай ждал. Шанс увидеть настоящего диверсанта, изловленного «на горячем», был чем-то несусветным. Идущим вразрез со всем остальным, что лишало надежды. Синими стрелами на анимированных картах, выстраиваемых на компьютерных и телевизионных экранах. Кадрами, снятыми на улицах пограничных русских городов так, что казалось, будто это нарезка из фильмов о прошлом, поданная вперемешку с раскадровкой еще не вышедшего на экраны фильма о каком-то из сценариев апокалипсиса...

— Покажете мне его? — хрипло спросил он.

— Волнуешься?

— Еще бы нет. Кто меня второй день к этому готовит, не вы разве?

— Мы, — удовлетворенно подтвердил Николаю большой мужчина в кресле. Пристукнул открытой ладонью по столу. — Ты уже понял почему?

— Не понял. Но почувствовал. По намекам.

Николаю хотелось сплюнуть прямо на пол, прочистить горло как следует, но родительское воспитание возобладало.

— Ну так пошли.

Полковник аккуратно закрыл все

окна на ноутбуке, вышел из рабочей сессии, погасил двумя нажатиями кнопки пульта настенную видеосистему. Встал. Улыбнулся. Снова криво, как раненый.

Николай тоже поднялся, встал поровнее, ноги вместе. Спина уже почти не болела, да и голова начала забываться. Полученной за последние десятки минут информации было достаточно для того, чтобы переключиться. Это работало всегда, сработало и сейчас.

— Какие-то еще инструкции будут к этой встрече? — спросил он и тут же пожалел, что «не выдержал марку». Понятно, что полковник без инструкций не обошелся бы, сказал

бы все сам.

— Ничего не рассказывать о происходящем снаружи. Вообще ничего.

— Пусть думает, что нападение отбито с большими потерями для нападающих?

— Да какое нападение? Мелкие провокации на границах! Теперь и политикам будет чем заняться, и журналистам, но это все! И убитые им 15 человек — это «новость дня» для всего мира. Уловил атмосферу?

Николай только кивнул. Сказанное не слишком совпадало с тем, что он продумал про себя минуту назад, после последнего «почему», но, может быть, потом

ощущения и сгладятся.

Уже когда дверь была заперта и они шли по коридору, полковник остановился. Причем так резко, что избежать толчка ему в спину удалось с трудом. На дороге такое называется «подстава».

— Слушай, а я все-таки спрошу, потому что вдруг между нами непонимание. Про это же самое «почему»: это ты о чем подумал?

Николай помолчал, качнувшись на носках, повел плечами. За окном был глухой двор, и понятно почему — в такой конторе, как эта, окна на улицу не выходят.

— Вы думаете, меня отпустили?
Полковник посмотрел с высоты

своего роста, взгляд был тяжелый.

— Я по всем признакам не мог спастись. Меня должны были взять на границе. Даже если реально не заметили «коготь» на проверке — взять сразу после, уже на горячем. Под потолком была камера наблюдения. Вероятность того, что она была выключена, или того, что шла просто в запись без дежурного оператора наблюдения, конечно, есть. Но, на мой взгляд, не сильно высокая... Значит... Значит, наблюдали за всем происходящим, но все равно решили не арестовывать. Хочется надеяться, что вы продолжаете мне доверять, что не полагаете, что меня успели

перевербовать за эти часы. На кой черт я бы им нужен, конечно? Но вы не можете такую возможность отметить совсем. А скорее склоняетесь к тому, что я буду использоваться ими «вслепую», что зачем-то им это надо. И значит, на меня будет какой-то выход, будет какой-то канал. Этот канал вам и требуется. Так?

— Неплохо, — коротко кивнул полковник. — Довольно неплохо, хотя и не на отлично. От тебя я ожидал бы более тонкого анализа. Такого нетривиального, искрометного, с переносами и далекими проекциями в другие сферы! Но и так ничего.

— За шизофреника держите, —
глухо буркнул Николай.

— Нет, почему же?

— Тогда за параноика. По описанию похоже.

На этот раз оба помолчали. Во дворе было серо, сверху вниз падали одинокие снежинки.

— Представляешь, каково сейчас тем, кого параноиком считали вообще «на высшем уровне»? В профессиональной среде? Среди дипломатов, военных? Экономистов, самое главное?

Николай просто пожал плечами: в экономике он понимал, как свинья в апельсинах.

— Вот раньше, понятное дело,

плохой тоталитарный маршал Сталин не верил догадливым и смелым разведчикам и поэтому проспал вражеское нападение, что стоило стране миллионных жертв. А сейчас образованные и эффективные специалисты по государственному управлению не верили глупым или просто сумасшедшим военным, которые анализировали динамику числа батальонов потенциального противника на каждый километр дистанции от государственной границы, боевых самолетов и вертолетов в пределах боевого радиуса действия и все такое. Некрасиво это для них звучало: «боевого, боевого»... Недостаточно

эстетично.

— В экономике формулировки звучали лучше?

— А как же! «Размер внешнего долга США на конец 2012 бюджетного года (30 сентября) превысил 16 триллионов долларов. С учетом размера номинального ВВП в 15,7 триллиона долларов, отношение долг/ВВП достигло 103% и продолжает расти приблизительно на 1,5% в месяц». Интересно?

— Жуть.

— А я вот так часами могу! С цифрами и индексами! А я ведь не финансовый аналитик, вообще не специалист в этой области. Знаешь, про это можно вот такую книгу

написать, толще «Капитала» Карла Маркса.

Полковник показал, так и не тронувшись с места. Николай смотрел на него мрачно.

— И будет она еще написана, вот что важно! И станет бестселлером не хуже «Гарри Поттера»! Не сомневайся, десятки экономистов писали диссертации, писали обзоры, писали аналитические записки. *Ратуйте, громадяне!* Россия занимает восьмое место в рейтинге держателей государственного долга США! Не только абсолютные цифры, доля американского государственного долга перед Россией тоже растет!

Ужас какой... Вот где кровавые преступления нашего с тобой режима, вот где собака-то зарыта... Ну, и еще в дюжине мест, конечно. В размере нашего собственного внешнего и внутреннего долга включительно... И в их динамике, что еще более важно. Вот что надо было в первую очередь анализировать, а не число самолетов. Щас тебе... Те умники, кто мог ляпнуть, что возвращать долг вредно, по мозгам получали со всего размаха раз за разом. Постепенно дошло, конечно, перестали «ляпать». Вот и положительная динамика в выводах...

Полковник наконец замолчал,

посмотрел на Николая с высоты своего роста и покачал головой, как большая злая птица. Вроде вороны.

— Не понял ничего? — резко спросил он.

— Почти, — спокойно подтвердил Николай. — Кроме последнего, наверное. Мне тоже казалось, что отношение к человеку, который должен тебе сильно много денег, будет в целом более бережным и доброжелательным, чем к тому, который вот был должен, а теперь уже нет. Вот и «проекция», которую *вы* хотели.

— Устами младенца... — Полковник криво повел губами. — Да чтоб это все... В общем, верно.

Ну, пошли?

— Вы уже спрашивали.

Они снова двинулись по коридору. Старые доски скрипели под ногами, под слоем линолеума. Странно, но Николаю подумалось о том, что ни разу за последние дни он не представлял, что будет через пять минут, к какой двери его подведут, что покажут. Пора бы уж и привыкнуть.

Среда, 20 марта

Я думаю, что во вторжении НАТО в Косово имеется элемент, в котором никто не может сомневаться: воздушные атаки, бомбы не вызваны материальной заинтересованностью. Их характер — исключительно гуманитарный: главную роль играют принципы, права человека, которые имеют приоритет даже над государственным суверенитетом. Это

делает вторжение в
Федерацию Югославия
законным даже без
мандата ООН.

Вацлав Гавел —
чешский
писатель,
драматург,
диссидент,
правозащитник и
государственный
деятель,
последний
президент
Чехословакии
(1989–1992) и
первый президент

*Чехии (1993–
2003). Один из
основателей
Гражданского
форума. Член
Европейского
совета по
толерантности и
примирению.*

— Дура, ну какая же дура! Ну это же надо! Нет, давно я такого не видал, даже самому странно!

Интонации у лейтенанта были удивительные. Они подошли бы взрослому человеку, тридцатилетнему как минимум. С семьей, детьми, с жизненным

опытом. Этому явно было лет 25 или 26.

— Чем думала, а?

Вика глядела на лейтенанта, хлопая глазами, как кукла. Делала она это специально, потому что знала, что такое работает. Но в этот раз толку не было. Почему-то.

Тот махнул рукой и одновременно мотнул головой, как мультипликационный персонаж. Рост 180 с плюсом, светловолосый, что все же редкость даже в северо-западном регионе. И с невероятными светло-зелеными глазами.

— Уже поздно.

— Да сам я знаю, что поздно.

Лейтенант вздохнул и все же

перестал раскачиваться с ноги на ногу, сел.

— Они сами там, конечно...

Снова раздраженный жест рукой, и она снова похлопала ресницами, как умела. Нет, без толку, даже не смотрит.

— И мне комбат приказал, я тоже ничего не сделаю. Но сама-то ты!

Лейтенант наконец поднял глаза, посмотрел прямо на нее, и Викино сердце пропустило один самый главный удар. Да, она была дура. Нашла, о чем страдать в такой-то момент. Не то чтобы ее судьба сию секунду решалась — она уже решилась, но от этого удивительного

лейтенанта должно было зависеть очень многое. А она не могла сосредоточиться.

— До присяги еще часа два или даже три. Одно твое слово — и гуляй.

— Нет.

— А мама знает?

От этих слов Вике самой захотелось замычать. В общем-то, она и мычала все это время, с самого вчерашнего дня. То про себя, то вслух, когда было можно. Да, мама знает. Было бы неправильно, если бы не знала.

— Да, конечно.

— Ладно. — Лейтенант снова поднялся и, уже распрямившись,

поглядел на часы. — Приглашать родственников не будем, не праздник. Но позвонить можешь успеть. Если пробьешься. Еще раз посоветуйся и сама подумай, вот тебе мой совет. Через полчаса опять зайду.

Вика выразила движением головы «нет», но он уже вышел, громко стукнув разболтанной дверью. Она осталась в учебном классе одна. Было около часа дня, значит, присяга в районе обеда. Может быть, в этом и есть какой-то смысл: мол, кто свой, того покормят. А может быть, и нет смысла, уж дочери военного этого ли не знать.

Стены класса были увешаны

пособиями, — растянутыми между двумя палками ватманскими листами в полный или половинный размер. И не «устройство противогаза», как в школе на ОБЖ, а более серьезные штуки: многоярусные блок-схемы, «радиационно-химическая машина РХМ-4 в разрезе» и так далее. На преподавательском столе высились две довольно большие стопки книжек. Из интереса она подошла со своего одинокого места, посмотрела на обложки верхних книжек в стопках, провела взглядом по корешкам. «Учебник сержанта химических войск» и «Основы дозиметрии и войсковые дозиметрические приборы».

Обложки были самого скучного вида, но на первой ей бросилось в глаза «Министерство обороны СССР». Какого же она года издания?

Вика улыбнулась, когда взяла в руки потертый учебник, верхний в одной из стопок, явно предназначенной для всего класса. Книга была теплая на ощупь. Мягкая. Ею много пользовались, явно годами, такое всегда чувствуется. И смешная фамилия была у редактора: Бухтояров. Наверное, с такой фамилией не просто служить в армии. А вот год издания оказался довольно свежим: 1988. Несколько лет до ее рождения. Тогда еще был СССР. Когда Союза не стало? Это

точно был 1991-й год, и странно, но она не помнила дату. Впрочем, она была не историк или какой-нибудь политолог, значит, простительно. Вот с какими профессиями сейчас вообще плохо... Историкам, археологам, искусствоведам... Специалистам по рекламе, по менеджменту, маркетингу, пиару и хренару во всех их многообразных гламурных проявлениях. Вот кто сейчас попрыгает, если успеет...

Усмешка вышла недоброй. И нечестной. Все они попрыгают теперь: кто выше, кто ниже. В меру способностей. Она вот здесь. Телевизора Вика не смотрела со вчерашнего утра: днем дома, в

последний день, было не до того, а с тех пор не было случая. Но зато она послушала радио в автобусе, когда ехала со сборного пункта в Серголово-2. Дело было плохо, совсем. Натовцы взяли Калининградскую область одним махом, перехлестнули через Прибалтику и двинулись по направлениям, названия которых вызывали реальную дрожь: настолько они были знакомыми и привычными. А все слова про «упорное сопротивление», «нанесение тяжелых потерь» и тому подобное были какими-то ненастоящими. Не верилось в них: слишком чужеродно они звучали среди произносимых

теми же комментаторами и дикторами слов о «выражении министром иностранных дел глубокого возмущения и озабоченности» и «попытки привлечь внимание международной общественности к серьезности сложившегося положения», к «недопустимости» того и сего. Фальшиво.

Радио у нее было свое — просто одна из фичей в сотовом телефоне, который, кстати, пока не отобрали, хотя грозились. Видимо, до той же присяги. В автобусе было полно пустых мест, а рядом с ней никто не сел, не попытался познакомиться. Все были заняты или своими

собственными мыслями, или тихими разговорами с уже знакомыми соседями. Уже тогда это зацепило Вику, и понятно, что дальше будет еще труднее. Теперь воспоминания об этом смазались, слишком многое уже случилось за это долгое утро, но фон остался и мешал думать.

Чтобы отвлечься, она начала листать этот же учебник, иногда задерживаясь взглядом на отдельных абзацах или иллюстрациях. Ядерные взрывы, химические бомбы и химические артиллерийские снаряды в разрезе — полный примитив. Только где-то к середине дело пошло: внешний вид индикаторов-сигнализаторов, измерителей

мощности дозы, довольно сложные таблицы. Она заглянула вперед — там была тактика: схемы развертывания отделения и прочее такое же, совершенно ей чужеродное. Поэтому легче оказалось вернуться. Сев за ту же первую парту и выставив ноги в проход, Вика попыталась вчитаться, чтобы понять, насколько это действительно «ее». Возвращаться к маме она не собиралась ни при каком раскладе, но даже в РХБЗ наверняка есть какие-то пока не знакомые ей подразделы, специализации. Можно с утра до ночи оборудовать при помощи большой лопаты «площадки дымопуска», столь эстетично в

учебнике прорисованные. А можно, наверное, сатанински смеясь, мешать в больших железных бочках компоненты отравляющих веществ...

Она только-только успокоилась и начала реально получать какой-то интерес от чтения, когда дверь открылась снова. Вошел тот же самый лейтенант и с ним старший лейтенант, на три или четыре года постарше первого.

— Встать, — глухо буркнул он, хотя она и сама уже вскочила, успев закрыть книгу и хлопнуть ею о стол. — Читаем? Развлекаемся?

Почему-то он сразу был настроен против нее, и это было обидно и непонятно. В конце концов,

когда их команду привезли в Сертолово после довольно короткого пути в автобусе, все было нормально. Встречающие автобус младшие офицеры быстро распихали два десятка человек по воинским частям: в основном куда-то в ОБС тыла — эту аббревиатуру она никогда раньше не слышала, — меньше в 10-й ОБ РХБЗ. Один человек попал в Н ОПО, и, что это может означать, она тоже не уловила.

— Ну?..

— Измеритель мощности дозы ДП-5В предназначен для измерения уровней гамма-радиации и радиоактивного загрязнения различных поверхностей по гамма-

излучению и позволяет обнаружить бета-излучения, — неожиданно для себя самой изрекла Вика. Ей вообще не было ясно, что можно сказать, и слова из только что прочитанного вытолкнулись ее легкой головой на язык как-то сами. — Прибор имеет звуковую индикацию ионизирующего излучения на всех поддиапазонах, кроме первого. В комплект прибора ДП-5В входят...

Оба офицера оцепенели, буквально как дети. Ободренная этим зрелищем и внезапно нахлынувшим ощущением того, что экспромт оказался попаданием точно в цель, Вика продолжила тем же тоном дальше и дальше по ходу раздела.

— Блок детектирования имеет поворотный экран, который может фиксироваться на корпусе блока детектирования в положениях «Б», «Г» и «К»... В положении «Б» открывает окно в корпусе блока детектирования, в положении «Г» окно закрыто экраном, в положении «К»...

Она только набирала воздух, чтобы не остановиться, — собственно с текстом проблем не было. Никакой «фотографической памяти» Вика не имела, не цирк. Но «память вообще» у нее была отличная, а все последние годы она непрерывно и действительно серьезно училась. Поэтому

воспроизвести почти точно, слово в слово буквально десяток минут назад прочитанный текст ей было легко.

— Подготовка прибора к работе и проверка работоспособности!.. — возвестила она начало следующего раздела.

— Стой.

Она остановилась, воспользовавшись моментом, чтобы втянуть в легкие побольше воздуха: компенсацией за последнюю минуту.

— Это Бухтояров? Какая страница?

— Двадцать восьмая, — ответила Вика наугад.

— Для служебного пользования, к слову, — буркнул старший

лейтенант, коротко повернувшись ко второму офицеру. — И я беру свои слова назад. С извинениями... — Он посмотрел и тут же убрал взгляд назад, как змея в террариуме. — С кастеляншей ее посели, что ли. Но все прочее со всеми, понятно?

Вика не все из сказанного поняла, но на всякий случай кивнула вместе с лейтенантом. Потом оба вышли, а она осталась. Взволнованная, не знающая, к лучшему или к плохому то, что она только что учудила, и не особо уверенная в себе. А потом все пошло быстро.

Церемонию принятия военной присяги переносили дважды, оба

раза на час: в первый раз давая время на «подгонку обмундирования», а второй раз вообще без объяснений. В итоге она состоялась уже глубоко во второй половине дня. И оказалась, к ее разочарованию, довольно простой. Не было оркестра, не было толп родственников разного пола и возраста: от утирающих слезы гордых стариков, украшенных стертыми колодками на пиджаках, до всхлипывающих по повзрослевшим сыночкам мам. Девчонок тоже не было: точнее, одна была, но это была она сама. Доставшаяся ей красная папка с текстом присяги была украшена аппликацией в виде трехцветного российского флага, и

один ее угол отклеился и загнулся. Автомат, который вешали каждому на шею во время чтения текста присяги, был тяжелым и буквально излучал серьезность и смерть — было ли так всегда, каждый раз? Именно здесь, в получасе езды от почти столичного города?

Сорок человек: кто чуть постарше, кто чуть помладше. Половина людей в строю была из ее команды, другая половина — новобранцы из области. *«Торжественно присягаю на верность своей Родине — Российской Федерации...»* Все серьезные, все в полевой военной форме с чистыми погончиками рядовых. Напротив —

несколько офицеров, включая
командира батальона. *«Клянусь
свято соблюдать ее Конституцию и
законы, строго выполнять
требования воинских уставов,
приказы командиров и
начальников...»* Бритые или коротко
стриженные головы под шапками.
Лица мальчиков, парней и молодых
мужчин. *«Клянусь достойно
выполнять воинский долг,
мужественно защищать свободу,
независимость и конституционный
строй России, народ и Отечество...»*
Папка в руках, вес автомата на груди.
*«Я, Петрова Виктория Михайловна,
торжественно присягаю на
верность своей Родине...»* Ее

пробрало до дрожи. Все, теперь все, как она хотела, теперь хода назад нет совсем. Что с ними всеми будет дальше, через какие-то недели? Даже один такой учебник вы зубрить — это ей на несколько полных дней. И наверняка вдвое больше любому гуманитария или просто молодому бездельнику, не привыкшему затапливать в головы большие объемы нужной информации. А кроме собственно зубрежки обязательно половину времени нужно посвятить тому, чтобы потрогать каждый описанный в книге прибор руками, пощелкать тумблерами, поглядеть на колыхание стрелок. Это же не теоретическая

дисциплина! Прочитать про какую-нибудь помывочную машину можно за 10 минут, подробно разобрать ее внутреннее устройство по схемам и методичкам — за пару часов. Но потом транслировать все это в настоящее умение надо будет только глазами и руками, крутя вентили, щелкая ногтями по манометрам. И все это помимо уставов, караульной службы, хозработ, изучения личного и группового оружия. Строевой подготовки, в конце-то концов... Будет ли у них это время? По радио сказали: в пунктах базирования Черноморского флота РФ имели место многочисленные эпизоды обмена огнем между

военнослужащими Российской Федерации и Украины... Проходящие в местах дислокации российских кораблей и морской авиации протестные выступления русскоязычного населения, в том числе многотысячные, жестко подавлены подразделениями силовых ведомств, проведены массовые аресты... Стремясь предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта и непосредственное вовлечение в него Украины, командование ВС РФ приняло решение согласиться на интернирование кораблей Черноморского флота на украинских базах Севастополь, Феодосия и Николаев, а самолетов и вертолетов

морской авиации — на аэродромах Кача и Гвардейское... Под контроль ВС Украины переданы использовавшиеся Россией согласно Харьковским соглашениям 2010 года узлы связи Кача, Судак, Ялта и Отрадное... В настоящее время ведутся переговоры об условиях вывода на территорию России личного состава, общая численность которого достигает 14 тысяч человек... Мощным ударам разнородных сил противника подверглись многие военно-морские базы, аэродромы, военные городки и пограничные заставы, узлы связи, разнообразные гражданские объекты, объекты промышленной

инфраструктуры...

Подполковник шевельнул рукой, и высокий сержант с мрачным выражением лица повернул рукоятку, оборвав трансляцию, ведущуюся с выставленного на заваленный бланками стол одиночного динамика. Это, видимо, шло вместо оркестра или по крайней мере вместо оптимистичной военной музыки в записи. Звук на открытом воздухе был слабый, и приходилось прислушиваться, вытягивая шею: уже от одного этого можно было оцепенеть.

Батальоном командовал почему-то подполковник, а не майор. Она не знала — может быть, так и

положено, раз батальон отдельный. Отдельной авиаэскадрильей тоже может командовать подполковник или даже полковник, и у него будет втрое меньше людей в подчинении... Фамилия этого подполковника была Кузнецов, вроде бы самая распространенная в России, даже больше чем классические Иванов и Петров. Среднего роста, немножко сутулый, с вообще не запоминающимся лицом. С то ли татарским, то ли башкирским именем Рустем, но без малейших признаков степной крови. Непохожий на воина, пока не посмотришь, как ведут себя с ним остальные офицеры. Когда

радиотрансляция закончилась, он обратился к строю солдат с короткой речью. Вика не поняла из сказанного им почти ничего — это почему-то просто не доходило. Только услышала про «это настоящая война, ребята...» и «мало времени учиться, очень скоро и до нас очередь дойдет». И еще вразбивку про разное: про свою землю, про «святой долг». Именно «святой», а не «священный», как вроде бы должно было звучать: вот эта мелочь почему-то запомнилась.

10-й отдельный батальон РХБЗ, Сертолово. Рядовая Петрова. Это было настолько странно, что хотелось так и ходить с приподнятыми бровями. Из них,

давших присягу, составили учебную роту, которую тут же разбили на два взвода по два отделения каждое: 1-й и 2-й взвод соответственно — даже смешно. Она попала во 2-й, которым командовал почему-то не офицер, а старший сержант: очень высокий парень лет под тридцать, почти наверняка контрактник. Назначили командиров отделений, причем всех рядовых, — своего Вика не запомнила ни по фамилии, ни даже в лицо. В строю все втихаря переглядывались. У нее чесалась голова под шапкой: кололи кожу коротко постриженные вчера мамой волосы. Подняла руку — и старший сержант сразу раскрыл варежку,

оглушив ее матом. Возмутиться, потребовать от него быть повежливей она не решилась.

— Слушай ма-ю ка-манду! Взвод! Вольна-а!

Почему-то команды все произносились через «А», словно каждый маленький командир был коренным москвичом.

— Праздничного ужина не будет! Чай, не праздник! Сейчас за первым взводом идем получать личное оружие. Кому это какие не те мысли навевает: на товарища направить, на офицера, вообще сбежать и потом помародерствовать в свое удовольствие — сразу вешайтесь. Время такое настало, что

рубить таких умников будут сплеча.
И на корню!

Старший сержант обвел молчащий строй бешеным, нехорошим взглядом. Дернул щекой — это было отчетливо видно и выглядело страшно.

— Командир батальона верно сказал, — уже тоном ниже продолжил он. — Уже скоро до нас дойдет. Поэтому учеба по 12 часов в сутки. Подъем в семь, отбой в десять, личное время — полчаса в день. Будете это потом как каникулы вспоминать, поверьте мне на слово! Как праздник!

Он помолчал, подбирая слова. Мимо протопал первый взвод

свежесформированной учебной роты, двадцать человек под командованием офицера: того самого поговорившего с ней перед присягой чудесного светловолосого лейтенанта, от взгляда на которого делалось легко в ее голове. Топотали вразнобой, даже не пытаясь держать шаг. Переглядывались со стоящими.

— Вопросы есть?

Вика снова обернулась на старшего сержанта, машинально пожала плечами. Однако, к ее удивлению, парень через несколько человек справа от нее вдруг спросил:

— Можно мне? Вопрос?

Командир взвода хмыкнул и утвердительно мотнул головой. Вике

стало немножко заранее стыдно: в каждом молодом коллективе, даже самом маленьком, обязательно найдется свой клоун. А она не любила клоунов.

— Товарищ старший сержант, а вы воевали? — вдруг спросил этот парень из строя.

Тот ответил не сразу молчал несколько секунд, причем было видно, что не для значительности, а действительно подбирал слова внутри себя.

— Не успел, — наконец признался он. — На своей срочной я на полгода опоздал: часть как раз вывели и не посылали уже. Но после срочной я третий год на контракте,

уже здесь, значит, всего уже пятый пошел. Так что кое-чему научился, можете не сомневаться. Буду о вас заботиться как старший брат.

Сказал он это совершенно серьезно, без малейшей нотки ерничанья. И это тоже почему-то выглядело страшно.вато.

— Так, ладно. Еще вопросы? Нет? Ничего, к отбою будут. Та-ак... Слушай ма-ю ка-манду! Взво-од! Взвод, я сказал!.. Вот так вот! Смир-рна!

Последовавшие команды Вика восприняла уже спокойно: после прозвучавших интонаций всякие «Напра-вва!» и «Шагом — марш!» реально успокаивали нервы.

Бестолковое топание соседей по
строю не раздражало и вообще не
раздражало ничего, даже
непрекращающийся зуд в стриженных
волосах, нервный, что ли? В голову
лезли мысли о том, зачем им может
быть нужно оружие, если это такая
драгоценная по всем канонам вещь.
Отец рассказывал, что даже ему,
старшему офицеру, опытному
летчику, было проще получать допуск
на очередные полеты на стоящем
многие десятки миллионов рублей
бомбардировщике, даже на
«применение», на полигон, чем
пистолет. Они не умеют разбирать,
чистить и собирать автомат
Калашникова, чему раньше учили,

говорят, еще детей в школах. Не умеют стрелять или почти не умеют, потому что тиры за последние несколько лет как-то начали появляться снова, в фойе кинотеатров, на южных курортах, еще где-то. Но зато абсолютно точно ни один из них, молодых и зеленых призывников и добровольцев, не сможет отрыть окоп, поразить гранатой настоящий танк или даже просто не побегать, когда он на него, *на тебя* поедет...

Она передернулась, почти как старший сержант, и сосед по шеренге покосился неодобрительно.

— Я не дразнюсь, — шепотом объяснила Вика. — Это само.

— Холодно, что ли?

— Холодно, — согласилась она. — И еще страшно...

Интересно, что она вовсе не собиралась произносить последние слова вслух — они вырвались как-то сами собой, хотя и приглушенным вдвое голосом.

— Угу... Чего там...

Воздух был холодным, а шагали они довольно быстро, поэтому Вика не стала развивать разговор, чтобы поберечь горло, только кивнула, попытавшись вложить в короткое движение оттенок благодарности. Парень вообще никак не отреагировал, напряженно о чем-то размышляя. Когда они, получив

очередную команду, остановились, он все же спросил, как ее зовут, назвался сам и тут же задумался снова.

Ждать пришлось долго, минут двадцать, и они успели довольно сильно замерзнуть. Комвзвода поглядывал на переминающихся с ноги на ногу новобранцев с явной иронией: самому ему было с виду вполне комфортно. Камуфляж при этом на старшем сержанте был ровно таким же, как и на всех остальных, и шапка такая же, с синим отливом. Особых жировых отложений, согревающих в лютые холода, тоже не видать. Расхаживал он перед ждущим строем неторопливо, ногой

об ногу не стучал, зубами не клацал. В общем, издевался.

— Первое командование, — очень негромко произнес в спину Вике еще один парень, судя по голосу, постарше многих. — Но ничего, могло быть хуже... Другое интересно...

Она не выдержала, оглянулась. Нет, это уже не «парень», это мужик под тридцать. Среднего роста, темноволосый, с темными глазами под густыми молдавскими бровями. На правой щеке одиночный точечный шрамик вроде оспинки.

— Что интересно?

Взводный ненадолго прекратил свое расхаживание точно напротив

их места в строю, и сказавший подождал минуту, прежде чем продолжить:

— Интересно, что не офицер. Очень интересно.

Вика пожала плечами: ей такая деталь особо интересной не показалась. На фоне всего остального.

— С войны такого не было, наверное.

— С которой?

— С Отечественной.

Разговор все же привлек внимание старшего сержанта, тот снова вернулся к ним с дальнего размаха своего маятникообразного хождения и опять остановился точно

напротив.

— Фамилия? — резко спросил он у Вики. Та аж подпрыгнула, и сердце заколотилось, будто это новый строгий преподаватель. Нет, хуже, но ассоциация помогла ей справиться с собой за долю секунды.

— Петрова.

— Рядовая Петрова, — поправил старший сержант. — Твоя как?

— Рядовой Сидоров, — назвался парень слева.

— Хорошее сочетание... Твоя?

— Рядовой Кисленко.

— Украинец?

— Нет.

На это старший сержант не сказал ничего и спросил о фамилии

следующего из их фрагмента строя, на этот раз у того мужчины во второй шеренге, который был старше остальных.

— Рядовой Лосев.

— Какого года рождения?

— Восемьдесят второго.

— Семья есть? Дети?

— Нет, только племянницы.

Младшие сестры быстро выскочили.

Командир взвода кивнул, обвел всех внимательным взглядом.

— Страшно? — спросил он после нескольких секунд молчания. Спросил как бы сразу всех, поэтому Вика не решилась признаться, что да и с каждой минутой все хуже. А так ответа не получилось, и после

недолгого ожидания сержант удовлетворенно хмыкнул, мотнул головой и отошел. Разве что копытом не пристукнул, а то был бы вылитый конь.

— Иго-го... — шепотом сказали сбоку, и Вика чуть не рассмеялась вслух. — Будет у нас свой Сталлоне. Вылитый жеребец, ага?

— Ага, — тут же согласились и слева, и справа тем же шепотом.

На душе стало чуть легче. Даже самой удивительно было от скорости таких перепадов, что бы они ни значили. Скорее всего, все же то, что не все у нее в порядке с нервами, у отличницы и спортсменки.

Из здания, которое язык не

поворачивался назвать «бараком», начали выбегать солдаты. Первый взвод, закончили наконец-то... Со стороны было отлично видно, что камуфляж у новобранцев слишком ярко-зеленый, невыцветший. На снегу в таком будет плохо...

— Оглохла? Петрова, твою маму налево! Тебе что, отдельный билет выписывать?!

Вика обалдело посмотрела прямо на старшего сержанта. «Сам в шоке», как сказал бы персонаж чудесного детского мультика. В смысле «сама». Она то ли умудрилась задремать стоя, причем в самый интересный момент, то ли уже по-серьезному тронулась умом.

Хлопая ртом без слов, рядовая догнала остальных, втиснулась в последние ряды уже утянувшейся к подъезду колонны. Или как это сказать правильно по-военному?

На ходу ее обозвали курицей и еще коровой. Ну да, в зимней форме она не моделью выглядит, и шапка дурацкая. В обалдении от своего проступка она даже не обиделась. Упустила момент поглядеть, осознать, как выглядят молодые ребята с оружием в руках. Почему-то это показалось ей важным, хотя глупо. Стоит подождать, и ей самой выдадут автомат. Звучали команды, шла суета.

— Рядовая Петрова!

Старший сержант нагло ухватил ее за плечо, переставил на другое место в формируемой в широком коридоре шеренге.

— Будешь тормозить, получишь поварешку вместо автомата, поняла? Поняла, я спрашиваю?

Вот в этот раз Вике стало обидно так, что она чуть не расплакалась. Она просто не знала, что делать, как вести себя, чтобы это было правильным. Еще несколько часов назад и «в целом» знала, а сейчас и конкретно здесь — нет. Почему на нее все время кричат?

— Кура, — зло сказал молодой парень равного с ней роста, оказавшийся рядом. — И дура. И с

моего отделения, бляха-муха!

Лицо у него было худое и злое. Такие лица были у многих, пожалуй, у каждого третьего.

— Разговорчики! — гаркнул все тот же старший сержант, оказавшийся вдруг совсем рядом. — Взвод!! Смир-рна! Равнение на середину!

Он четко вышел вперед, повернул, как по прочерченному в пространстве прямоугольнику, и неожиданно негромко, хотя совершенно отчетливо отдал рапорт офицеру в кителе, вставшему посреди коридора, как какой-то памятник. Офицер разглядывал взвод с недоброй усмешкой. Его лицо Вике

очень не понравилось, причем не понравилось именно по-женски, и она решила быть внимательней. Во всех отношениях.

Капитан командовал «вольно», и старший сержант продублировал его команду уже громким голосом. Это было даже скучно. И так было еще минут пять, пока они обменивались словами, по очереди подавали команды и так далее. Обещание себе самой «быть внимательнее» не помогло ни на одну минуту: довольно большой период времени опять выпал из ее понимания, и Вика двигалась и отвечала что-то совершенно автоматически. Причем на этот раз

вроде бы делала все верно. Пришла в себя она, только получив в руки тяжелый, жирный от смазки автомат из длинной дощатой коробки, похожей на гроб для железяк.

— Клеймо, маркировка, номер! — надрывался сержант за одним из столов в углу громадной комнаты без окон, уставленной такими и многими другими ящиками. — Левая сторона ствольной коробки, под колодкой прицельной планки! Находим и подходим по одному!

Машинально Вика покрутила автомат в руках. Что это малокалиберный «АК-74», это было ясно даже ей. Ощущение от того, как

ей всунули оружие в руки, не проходило. Самого момента она, от той же своей общей обалделости, не могла вспомнить уже сейчас, через какие-то минуты, но было именно ощущение. Память мышц и кожи.

Звездочка, двухзначный номер, затем пробел и семизначный номер. Найдя нужное без большого труда, Вика шагнула вперед и встала в хвост короткой очереди к столу. Трое ребят перед ней называли номера своих автоматов. Выждав, пока сержант снова прокричит ту же фразу отставшим и скомандует подходить, она скопировала форму сказанного.

— Рядовая Петрова! Девяносто четвертый год, девять-пять-пять-

один-один-шесть-пять!

— Так, девяносто четвертый, номер девять-пять-пять-один-один-шесть-пять!

Забавно, но на слово тут не верили, щекастый сержант-кладовщик внимательно проверил номер, вписал его в журнал, коротким движением развернул его по столу и дал ей расписаться. Бумага в журнале была серовато-желтоватая, чернила в ручке почти закончились, а слева от колонки с повторяющимся «94» — годом выпуска автоматов — у всех стояла аббревиатура ТОЗ.[\[13\]](#) Все это было нелогично, а то и просто глупо. Гораздо проще было проверить

номера, затем дать расписаться и только потом выдать оружие каждому. Какое достанется. Видимо, папа был очень прав, когда говорил про «баланс» в вооруженных силах. В том значении, что если все по уставу, то служить невозможно, а если начать его коллективно презирать, то неожиданно получаешь по мозгам от папуасов. В каком месте этого «баланса» находится она сама, Вика не имела понятия, и от этого было чуточку более легко, чем могло быть. Даже смешно...

— Магазины, две штуки.

А то она не видела? Причем пустые магазины. И не рыжие или черные, как все привыкли по

фильмам, а фиолетовые.

Вика постаралась иметь на лице спокойное выражение, а не тупо-растерянное, но работало это плохо.

— Кура, — снова сказал ей тот же неприятный худой парень, — дура.

Сказал со злобой, а не с насмешкой. Стараясь обидеть. Но она была старше его лет, наверное, на пять. То есть на четверть жизни. Ей хватило десятка слов, чтобы парень пожалел о сказанном, а хихиканье сзади подтвердило, что все верно. Ну, хоть что-то.

— Второй взвод, первое отделение! В две шеренги становись!

Она в первый раз посмотрела на командира своего отделения внимательно. Ничего примечательного в нем не было, совсем. Лицо абсолютно незапоминающееся, рост средний, волосы не разобрать какие, глаза светлые: то ли серые, то ли темно-голубые. Никто.

Они построились в том же коридоре, не очень торопясь. Командир взвода наблюдал молча, стоя в стороне. Зачем это он так?

— Напра-а-во! В колонну по два, шагом... марш!

Голос тоже был бесцветный. Но деловой и даже уверенный. Это не сочеталось с лицом, но

чувствовалось. Короткий этап по коридору, потом по другому, потом снова двойная дверь, ведущая наружу. Там снова было холодно, с темно-серого неба падали одинокие снежинки. Еще полчаса назад от света хотелось жмуриться, а сейчас уже начало заметно темнеть. Оказалось, что первый взвод ждет их на том самом месте, где мерзли они. Двадцать человек с оружием, причем двое с ручными пулеметами. Гранатометчика и снайпера она не заметила, хотя в составе мотострелкового отделения они вроде бы должны быть. Но на кой вооружать до зубов химиков?

Сзади их уже подпирали, и

старший сержант перехватил инициативу у командира отделения и построил свой взвод в такие же две шеренги по левую руку от первого взвода. Выровняв строй с использованием коротких, сильных толчков в плечи и животы и нескольких банальных слов, он перешел на правый фланг и замер там. Минут пять или даже больше они все довольно спокойно чего-то ждали. Лично Вика ждала очередных речей командиров разного ранга о долге, который на них возлагает страна, и об ответственности, которое налагает оружие. Это просто напрашивалось, но почему-то не случилось. Вместо этого опять

пришлось ждать, все дольше и дольше. По ощущениям — еще минут двадцать, по стрелкам часов — раза в полтора меньше, но им не верилось. За это время влево и вправо по строю взвода прошло несколько слухов, один нелепее другого. Про то, что главнокомандующим вместо пропавшего с вершины «вертикали власти» человека сделают «Батьку» Лукашенко; про то, что их прямо сейчас из химиков переформируют в отдельный легкопехотный батальон и так далее.

— В лыжный, бля... — сказал по этому поводу тот самый худой парень, который все время оказывался рядом.

— Слушай, хватит тебе, — буркнула Вика. Парень еще не забыл произошедший совсем недавно обмен любезностями и тут же замолчал. Минуту спустя Вика спросила, как его зовут. Оказалось, Костей: это имя было в ее поколении довольно редким, она что-то по этому поводу сказала, тот ответил, и в целом «диалог наладился». А когда она отвлеклась, то поняла, что происходит что-то не то. По территории части пробежало несколько небольших групп людей с оружием. Причем если сами они держали новенькие автоматы закинутыми за спины, то пробежавшие держали их в руках.

Более того, Вика заметила на бегущих то, чего не было у них: подсумки — по одному или два у каждого. Нервничавший старший сержант тоже побегал туда и сюда вдоль их строя, не отходя дальше нескольких метров, а потом окриком вызвал из строя командира одного из отделений. Они неслышно переговорили, и рядовой тут же убежал.

— *Бре,* — непонятно и негромко произнес командир их собственного отделения. — *Како заебанция...*

— *Ох, еботе!* — вдруг сказали сзади. — *Говорите српски?*

— *Да, бре... Маму ти ебем... Какво изненадженье!..*

На них пооборачивалось сразу несколько человек, но никакого продолжения не последовало. Вика ничего не поняла, кроме того, что это снова мат, и только отметила, что вторым из непонятно говоривших был тот мужик постарше остальных, которому все казалось «интересным».

— О, бежит, — заметил парень Костя. Рядовой действительно возвращался бегом, причем от его головы отлетали отчетливо видные рваные облачка пара, как от трубы антикварного локомотива, и это было забавно.

Рядовой подскочил к старшему сержанту, напряженно стоящему в

интервале между двумя взводами, и снова последовал полуминутный обмен неслышимыми словами.

— Амеры Новгород взяли, — мрачно предположили справа-сзади. — Подпол уже растравил себя, и сейчас мы пойдем в атаку.

— Да пошел ты...

— Во-во, точно отвечено. Пошел, куда шлют... Пока не вломили...

— Кто мне вломит, ты?

— Так, тихо. Ща нам всем как вломают... Тихо, я сказал.

Голос командира отделения опять был негромким, но его опять все послушались. Новобранцы смотрели на происходящее с

интересом и недоумением. Впечатлившая всех организованность вдруг показалась нарочитой, поверхностной. Да, прочитали речи, приняли присягу, выдали оружие. И что? Что дальше?

Офицер подошел к строю быстрым, ровным шагом, появившись ровно с того же азимута, что и вернувшийся посыльный. Он остановился в десятке метров перед подобравшимся строем — по мнению Вики, слишком далеко, чтобы командовать.

— Командира ко мне, — спокойно произнес он. Старший сержант посмотрел налево и направо, явно ожидая, что

материализуется пропавший лейтенант. Выждав ненужную паузу, он протопал к ждущему офицеру, после чего начался очередной раунд неслышимых разговоров. Пару раз сержант пожал плечами, и раза по два каждый из них кивнул. Потом офицер внятно, для всех приказал: «Командуйте», — и тут же организованность вернулась. Старший сержант козырнул, быстро сделал несколько шагов к строю учебной роты, и начал командовать тем же хорошо поставленным голосом, что и раньше, только обращался теперь уже к двум взводам по очереди.

— Ну и че это означает?

Вика фыркнула.

— Че тебе?

— Сбиваешься, — пояснила она. — Если «че», то тогда «значит», а не «означает». Или сразу матом, в том же смысле. А ты сбился. Какой курс?

— Четвертый, — признался парень, который произнес вслух тот чудесный риторический вопрос, который задавали себе все они.

— А ВУЗ?

— Политех. Факультет металлургии, машиностроения и транспорта.

— Необычно тогда, что в химики.

— Ничего необычного, — не

согласился парень. — Ты стенды в этих учебных классах видела? Пособия? Там машины от автоцистерн до действительно ядерной техники. Пригожусь.

— Не сомневаюсь.

Вика кивнула на ходу и ему, и самой себе. Нормально. Все они пригодятся, так или сяк. И про машины верно.

Первый и второй взводы дотопали до здания, украшенного сразу несколькими красными табличками. Здесь их поставили на секунду по стойке «смирно», затем дали «вольно» и снова заставили минут десять мерзнуть. Постепенно народ начал, что называется,

«роптать». Когда гул четырех десятков голосов перешел за какую-то чувствительную для старшего сержанта черту, тот рывкнул, но в этот раз не сработало. Сложно сказать, что придавало уверенности в себе, если не наглости: может быть, наивность, несерьезность, но не оружие точно. Девять автоматов и один ручной пулемет на отделение, по два отделения в каждом из двух взводов учебной роты — это только теоретически представляло собой некую «огневую мощь». На самом деле это были дубины: магазины им выдали, а вот патронов нет, ни одного. Даже штык-ножей не выдали, хотя они являлись как бы частью

самого оружия: во всяком случае, именно так рисовали «АК-74» на плакатах.

Командир второго взвода учебной роты растерялся лишь на какую-то секунду, затем внутри его словно включилась вторая передача. Отогнувшись в поясе назад, он набрал полную грудь воздуха и выдал такое, что все четыре десятка человек притихли, подавленные. Не давая никому переключить внимание, «старший братик» продолжал изливать на оба взвода сок своего мозга, при этом каждое слово было простым, доходчивым и образным. В частности, все объекты его красноречия имели возможность

не просто навсегда уяснить свое место в пределах иерархической лестницы Вооруженных сил Российской Федерации, но и перспективы на ближайшее будущее. Из прочего, Вике в частности, запомнился номер их воинской части — 33884. Номер был эстетичный, поклонник и знаток нумерологии что-нибудь из него наверняка вывел бы.

Ну а дальше было скучно. На крики и мат из здания вышел сначала один офицер, затем второй. Оба стояли молча, слушали, и на их лицах не отражалось вообще ничего, никаких знакомых гражданскому человеку чувств. Потом вышли еще

двое: одним из них был офицер, который двадцать минут как впервые появился в их поле зрения, — его приводил посыльный, и потом, насколько было понятно, именно он отдал приказ сержанту вести оба взвода сюда. Вторым был подполковник, фамилию которого Вика помнила: Кузнецов. Не став спускаться с крыльца, они оглядели происходящее сверху и со стороны. Старший сержант прервал свой монолог, чудесным образом снова сделавший одетых в ярко-зеленый камуфляж и голубоватые меховые шапки людей хотя бы чуть-чуть похожими на солдат, и довольно молодцевато отрапортовал, что, мол,

«вверенная мне рота» и «жду дальнейших указаний». Подполковник приказал «ко мне» и задал несколько вопросов. Можно было уже не удивляться тому, что обмен репликами — между ним самим, старшим сержантом, и стоящим рядом с ним офицером — опять велся тихо.

После нескольких минут неразличимого «бу-бу-бу» и обмена взглядами и жестами подполковник кивнул старшему сержанту, сказал ему несколько слов, и тот тут же козырнул и сбежал вниз по лестничным ступеням, автомат на его спине подпрыгнул. Десяток шагов — и все замерли.

— Роо-та! Равня-ясь! Смир-рно!

Подполковник сошел со ступеней вслед за старшим сержантом, но гораздо более неторопливо. Он прошел то же расстояние, пока все ждали, остановился.

— Товарищи солдаты! У нашего батальона долгая и славная история! Вы совсем молодые солдаты, вы еще не слышали об этом ни слова, и у вас не будет времени на то, чтобы слушать лекции на эту тему. Предшественник нашего батальона, 3-й отдельный батальон химической защиты, воевал на Ленинградском и Волховском фронтах. Преобразованный в 21-й полк

химической защиты, он с честью выполнил правительственное задание по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. И никогда, ни разу в батальоне, полку и снова батальоне не происходило того, что произошло сегодня... Слушай мой приказ! Командование учебной ротой 10-го отдельного батальона РХБЗ передается старшему лейтенанту Проскурину, командование 1-м взводом учебной роты — лейтенанту Вишнякову! В качестве командира 2-го взвода утверждаю старшего сержанта Ежова. Старший сержант Ежов!

— Й-я!

— За образцовое выполнение

своих обязанностей объявляю вам благодарность!

— Служу России!

Вике стало смешно и неловко. Как дети, честное слово. Как будто играют. И оружие на спину закинута, и выкрашенные густо-зеленым цветом кокарды на шапках, и все прочее — а играют. Вика попыталась в четверть голоса окликнуть соседей по строю, поделиться своим мнением, но ее жестко оборвали и слева, и справа.

— Старший лейтенант Проскурин, командуйте!

Старший лейтенант, один из тех двух, кто не производил вообще никакого впечатления, будто ходячее

пустое место, произвел положенные по уставу движения: туда-сюда, отдать приветствие, снова туда и сюда. Игры... Сколько на это ушло времени! Половину любой главы можно было вызубрить!

Повинуясь командам старшего лейтенанта и старшего сержанта, они направились наконец к конкретной цели — готовить места для размещения. И то дело. Впрочем, у Вики имелось собственное мнение, как обычно. Ей казалось, что подполковник просто прогнал их с глаз долой. Ради собственного комфорта.

Как ни странно, распоряжение прошлого командира учебной роты

поселить ее с кастеляншей, а не среди казармы с мужиками дошло до кого нужно. Кастелянша, некрасивая, тяжелая женщина средних лет, покачала головой, но никаких грубостей или по крайней мере колкостей говорить не стала. Показала на узкую койку в своей комнате — основной причине ее работы здесь в качестве «вольнонаемной» за копейки. Выдала подушку в рыжем напернике, тонкое одеяло с бело-синим рисунком, положенное белье, включая два вафельных полотенец. И заставила таскать тяжелые стопки простыней, наволочек, пододеяльников и тех же полотенец

наравне с собой. Потому что «нечего мальчиков гонять, не до того им». К слову, пододеяльники здесь были с ромбовидным вырезом посередине: таких Вика не видала уже лет десять. Штампы на всех, разумеется. Пятиконечная звезда и расплывшиеся буквы.

Солдаты ее учебной роты устроили в казарме балаган. Занимали места, двигали «мебель», состоящую из двухъярусных кроватей и монументальных тумбочек. Стены в казарме были залиты отблескивающей лаком масляной краской в два цвета, а свободная стена украшена вычурной эмблемой — это ее украшение было

единственным. Таскать стопки пришлось долго, во много ходок, и Вика устала еще и физически, несмотря на свою спортивную подготовку. И все время были какие-то колкости в бока и в спину, подначки, на которые приходилось реагировать. День был слишком длинным. Заметив, как она двигается, командир ее отделения вдруг остановил ее, задал вопрос, который она даже не поняла, — и через две минуты несколько солдат уже топали за ней в кладовку, где кастелянша, ругнувшись на Вику, выдала все и сразу многими стопками.

Ребята ушли, и у Вики как-то

сразу кончились силы. Она села на трехногую табуретку, на секунду прикрыла глаза и только теперь осознала, что бормочет на подоконнике дешевый батарейный приемник. Псков и Великие Луки. Два города, гербы и названия которых появлялись даже на монетах, настолько они были русскими. Сказанное просто не могло быть настоящим, реальным, поэтому Вика просто откинула услышанное от себя, чтобы не устать еще больше.

— Таня, — спросила она тихим голосом. — Ты вот все тут знаешь, да?

— Еще как все, — со вздохом

подтвердила кастелянша, тоже устало присев, облокотившись о свой стол обеими руками. — И вот что я скажу тебе, дуреха. Неправильно все. Совсем все. Я ведь сколько уже лет здесь, привыкла и не хуже какого-нибудь капитана понимаю, как должно быть. Никогда мальчикам оружие не давали сразу. Курса молодого бойца не было, никто собирать-разбирать автомат не умеет, зачем он им? Как в Израиле, что ли, — спать с родным автоматом в обнимку?

Несмотря на усталость, Вика подняла глаза и кивнула. Это было сказано неожиданно умно.

— Тань, но я не про то, —

произнесла она. — Что там за беготня была? Почему сначала в 1-й взвод нам назначили командиром того лейтенанта... Ну, того, со светлыми волосами... Красавчика...

Последнее слово просто вырвалось, исподтишка, воспользовавшись ее усталостью.

Кастелянша посмотрела с болью.

— Девочка, вам не сказали про ЧП? Что, совсем ничего?

Вика из стороны в сторону помотала головой: ничего им не говорили, не того они были полета птицы.

— Ваш свежееиспеченный командир роты... И этот лейтенант,

чтоб его родная мать живым в землю закопала... Они ушли с оружием. У них уже были пистолеты, но им «калашниковых» хотелось, видимо. Старший лейтенант и лейтенант... Они застрелили мальчиков на КПП, своих... и ушли. Не захотели с нами оставаться.

Вика посмотрела на кастеляншу как на дуру. Такого быть не могло: она хорошо разбиралась в людях и отлично видела достоинства и недостатки мужчин, не слишком сильно отстоящих от нее самой по возрасту. Понятно, что это подколка, не хуже других, каких она наслушалась за день, но на этот раз чисто женская. Вика откинулась

назад на своей табуретке и
засмеялась.

Четверг, 21 марта

*Энергетическая
безопасность сегодня
стоит в повестке дня всех
международных
конференций и всех
организаций, какие только
можно себе представить.*

*И вопросы, которые
были подняты в ходе
саммита НАТО в Риге,
удивления не вызывают.
НАТО на самом деле
может заняться
энергетической сферой, но
почему Россия должна*

этому противостоять?
Россия должна по этому
вопросу с НАТО
сотрудничать, потому что
с точки зрения НАТО
энергетическая
безопасность — это
безопасность каналов
поставки энергоресурсов...

Александр
Коновалов,
президент
Института
стратегических
оценок, 21
декабря 2006 г.

— Я даже не в курсе был, что такое место есть.

— Угу...

— В смысле про Ясную Поляну все знают. Но про другую, правда?

В этот раз курсант не ответил. И капитан-лейтенанту было отлично известно почему. Число на календарике наручных часов перещелкнулось всего несколько раз, считая от момента, когда парень получил неслабую контузию. По-хорошему, ему надо было плашмя лежать в госпитале: с капельницами, мочегонным и под пристальным контролем опытного невропатолога. А этого не было, — наоборот, в первые полсутки после выхода из

Калининграда он чуть не загнал его, заставляя и заставляя бежать вперед.

Вообще с самого начала его план был просто обречен. Не «на провал», как гласит затертый литературный штамп, а вообще и окончательно обречен. На кранты.

— Сильно болит?

— Угу...

К этому он тоже привык. «Угу» оказалось словом, которое отдавалось в голове меньше, чем, скажем, «ага». Поэтому Дима употреблял именно его. Более длинные слова давались ему еще труднее. По сравнению с довольно бодрым первым днем выглядел он паршиво, и капитан-лейтенанта

тревожило даже не столько это, сколько очевидная нехорошая динамика. Впрочем, ситуация вокруг была настолько остра, что и это было не самым плохим.

— Видишь его?

Курсант смолчал и даже не стал кивать, только изменил выражение глаз. Оно тоже казалось больным, но по-другому.

— Отсюда не достать.

Капитан-лейтенанта трясло ознобом, именно поэтому он и говорил так много. Судя по ощущениям, температура не была особо высокой, максимум 37,5, но ее хватало, чтобы чувствовать себя отвратительно. Во рту был гадкий

кислый вкус, но и с этим ничего нельзя было поделаться: под рукой как-то не находилось ни теплого питья, ни зубной щетки, ни хотя бы жевательной резинки.

— Суки. Просто суки.

На этот раз курсант Дима позволил себе неглубоко кивнуть, и от этого его лицо стало еще более бледным.

Ясная Поляна — это было не то место, где жил великий русский писатель Лев Толстой. Точнее, не только то. Ясная Поляна была, оказывается, еще и в Калининградской области; если точнее, в ее Нестеровском районе. Довольно прилично выглядящий

малоэтажный поселок с
несколькими двухэтажными белыми
домами в центре однозначно
немецкой постройки, украшенными
сейчас трехцветными германскими
флагами.

— Я бы понял, если бы тут
«Леопарды» на перекрестках
стояли... Но ни хрена ведь, ни хрена!

Голова гудела как колокол, а
пальцы положенной на ствольную
коробку автомата кисти руки мелко
тряслись. Оказывается, патронов к
автомату у них как не было, так и нет,
но зато пистолетов теперь было два
на троих. Впрочем, уже полчаса с
лишком как один на двоих: курсант
Рома был вне досягаемости, как на

Марсе. Они договорились, что он не отойдет от их позиции дальше чем на три десятка метров: дистанция, на которой капитан-лейтенант мог попасть в цель хотя бы одной пулей из пяти. Но Рома проявлял много инициативы с самой первой их встречи и не изменил себе и сейчас. Приказы старшего по званию он воспринимал максимум как общее руководство к действию. И вообще, большую часть думал, а не слушал с обращенным внутрь себя взглядом. Это производило впечатление. Откуда у не участвовавшего в обороне училища курсанта пистолет, это капитан-лейтенант не выяснил до сих пор, хотя в принципе

догадывался. Откуда у него манера действовать четко и преимущественно самостоятельно, не мог даже представить.

— О, назад пошел! Смотрим!

Камень, к которому они прижимались, был похож на громадную грушу, наполовину ушедшую в землю под собственной тяжестью. Он высасывал тепло из тел, будто клизма, и озноб становился все сильнее. Снова убрав руки с пустого автомата, офицер засунул обе кисти в рукава навстречу друг другу, пытаясь унять дрожь. Курсант Рома шел назад, к ним, не особо торопясь. Одна рука помахивает в такт шагам, вторая

засунута в карман. Причем засунута левая, а не правая, хотя парень правша. Пятьдесят метров. Чуть ближе половины расстояния, на какое он ушел. Случись что — не достать и из «глока», не то что из «ПМ». Откуда парень взял «глок»? С кого снял?

Капитан-лейтенант кляцнул зубами и с завистью убедился в том, что Роман идет с совершенно спокойным лицом. Минута, еще минута. Как и положено, он прошел мимо, не останавливаясь, не произнеся ни слова. Вместе со вторым курсантом бывший преподаватель радиотехники продолжал внимательно вести

наблюдение, выжидая еще минуту, — не покажется ли кто за ним. Нет, пусто. И вообще, на улицах ни малейшего движения: ни машин, ни мотоциклов, ни просто идущих по своим делам людей.

Короткий свист сзади — и они по очереди оторвались от камня и осторожно оттянулись назад. Метров через двадцать можно было уже распрямиться, и оба нагнали парня одновременно.

— Ну что?

Курсант посмотрел спокойно и мрачно, но сразу не ответил. Капитан-лейтенанту захотелось рывкнуть, но он сдержался. Мало ли что: может быть, парень тоже

контуженый, как минимум психически.

— Рома, не тяни резину. Не надо ничего изображать, просто скажи, как есть. Кого видел, что слышал. Есть ли возможность зайти.

— Есть, — очень ровно ответил курсант. — Но я бы не стал.

Он пожал плечами и прямо посмотрел на офицера, явно дожидаясь вопроса «почему?». Не дождался.

— Чужих в поселке пока нет. В том числе немцев. И еще не было. Но здесь такие «свои» нашлись, что лучше бы чужие.

— В смысле?

— В смысле мы все правильно

сделали, что пришли и ушли тихо. Я поговорил с пацаном лет пятнадцати. Он весь трясется. Кто-то у него по соседству за старые долги рассчитался. Холодным оружием, три человека, если не преувеличивает. Просто один сосед другого. Новая власть все спишет.

— Немцев ждут?

Роман снова пожал плечами.

— Ждут чего-то. Но флаги немецкие — флагов ООН как-то не видно.

— Ладно, с пацаном ты поговорил. Что еще?

— Еще телевизор посмотрел.

— Че-го?

— Телевизор.

Они сидели на корточках, как азиаты, чтобы не было видно с дороги. Жестикулировать было неудобно, но Роман все же очертил рукой в перчатке квадратик перед собой, будто для маленького.

— Парень меня в дом отвел водички попить. Электричество есть, как ни странно. Сотовая связь не работает, городской в доме нет, не проведена. Вода есть, появилась сегодня с утра. Ящик включен на прием непрерывно. Парень дал пульт: отечественных каналов ни одного, все глухо. Ловятся прибалтийские и польские. На всех ликование и карты со стрелками.

— Ох... Поподробнее с этого

места. Сколько у тебя было, минут десять?

— Чуть меньше. Значит, так...
Знаете, что самое главное?

— Ну?

— Белоруссию никто пальцем не тронул. Ни одного авианалета, ни одного ракетного или артиллерийского удара. Батяка объявил в стране всеобщую мобилизацию и ввел чрезвычайное положение: все войска на границах, гражданские организовано эвакуируются из городов, милиция и военные поддерживают стальной порядок. И все это показывается, вы не поверите, в довольно доброжелательном тоне. Вот, мол,

маленькая страна, и там, конечно, тирания, но пусть балуются, только не лезут...

Капитан-лейтенант как застыл лицом в виде «брови домиком», так и продолжал сидеть, не меняя это выражение. Курсант Дима слушал, наклонив голову набок, как собака, старающаяся казаться умной.

— При этом про Россию все захлеб и с удовольствием. Псков, Великие Луки, Невель... Пушгоры, Опочка, еще что-то... Мирное население вовсе не является мишенью. Разрозненные, лишённые центрального управления подразделения российских вооружённых сил оказывают

неорганизованное, бесполезное сопротивление, но они не способны противостоять железным когортам польских легионов и союзников,двигающимся восстановить историческую справедливость...

— Так и сказали? Ты знаешь польский? — быстро спросил офицер.

— Да, довольно неплохо знаю. Так и сказали. Канал TRWAM, Варшава, если интересно.

— Как по-польски «железные когорты»?

— *Zelazne kohorty*. А историческая справедливость — это *historyczna sprawiedliwosc*. А Ясная Поляна — это *Trakany* по-польски,

Trakehnen по-немецки и *Trakenai* по-ЛИТОВСКИ.

— Как, Тараканы?

— Да, почти.

Все трое замолчали и начали переглядываться, словно в детской игре.

— Поесть я взял, — сказал Роман после молчания. Нарушил, так сказать, очарование.

Хлеб капитан-лейтенант принял у него молча и так же молча сунул за пазуху. Есть хотелось, но терпимо, а делить здесь, второпях и на морозе — глупо. Вода у них была: две полные пластиковые бутылки, включая квадратную, которую он тащил от самого Калининграда.

Пешком бы не стал тащить, конечно, а так...

— Про бензин спросил чего-нибудь?

— У парня бесполезно спрашивать. Дом бедный, у него и мопеда-то наверняка нет.

— Но не спросил.

— Нет, не спросил.

— Зря.

— Бесполезно, — вдруг произнес второй курсант, Иванов с факультета ракетного вооружения. — Даже если у них есть бензоколонка в поселке, что сомнительно... Чем мы бензин купим, пистолетами?

Капитан-лейтенант посмотрел на него мрачно. Да, про три

пистолеро, это была уже неновая их шутка «между собой». Один раз им совершенно добровольно подлил литров пять хренового бензина довольно бодрый дедок на «козлике», встретившийся им посередине проселочной дороги между Загорском и Щеглами, но это было вчера. Сегодня бак снова начал помигивать сигнальной лампочкой. В норме это означало около 60 километров, но так, как они двигались, выходило в три раза меньше. До цели не добраться. Да и цель-то...

— Можем попытаться слить у кого-то.

— Тогда нужен шланг.

— У нормального автолюбителя шланг всегда найдется. Главное — правильно попросить.

Вот теперь это был почти нормальный диалог. Конструктивный. После встречи с курсантом Сивым они двигались к своей новой цели гораздо быстрее, чем пешком и бегом. Но двигались дикими зигзагами, половину времени на второй передаче, вторую половину — затаиваясь с невыключенным мотором. Вот и результат.

— Мы не сумеем правильно. А выбора нет — что да, то да.

— От этого что-то меняется?

— Вовсе нет.

Действительно, с чего бы? После того как они не пробились к Полесску и ушли кривым и косым маршрутом на юг и восток, их новой целью был лесной участок на стыке трех государственных границ. Существовала вероятность, что при очень большом везении в нем можно было продержаться еще несколько дней. Но здесь, посреди дорожной сети, она становилась все более иллюзорной с каждым днем. Линия фронта, если она еще была, отдалялась все дальше и дальше на восток, и в любом случае между Калининградской областью и Россией лежали две чужие страны. Более оптимистичным вариантом

выглядела бы попытка добраться до Беларуси, но это если забыть, что даже от собственно границы до Беларуси было еще 40 километров по Польше или Литве на выбор. Пешком не пройдешь точно, на машине не проедешь, даже если найти бензин. На лыжах и велосипедах тоже, тут можно даже не смеяться. Значит, что? Значит, не нужно даже тратить время.

— О чем думаете, курсант Сивый? — спросил капитан-лейтенант, заметив, что непростой курсант выключился из диалога. Ответ был довольно неожиданным.

— Об отце.

На такие слова невозможно

было отреагировать правильно, что ни скажи. Поэтому офицер не сказал ничего, даже банального «все будет хорошо». Потому что ничего такие слова не стоят. И потому что откуда им знать, будет ли хоть сколько-то хорошо или уже никогда не будет. Пушкинские Горы, один из названных курсантом городков, названия которых звучали по польскому телеканалу, был настолько русским городом, что больше невозможно. Не уместалось в голове, что теперь там чужаки.

Хорошо, что парень был с ними. Как ни странно, после встречи с ним двое суток назад капитан-лейтенант почувствовал себя намного

увереннее. И дело было даже не в машине, не в лишнем пистолете с патронами: много ли от них толку? Но чувство было знакомым: такое вызывает надежный старший брат, старший товарищ. А парень был, понятное дело, младше его, причем довольно намного. Оказалось, что они помнили один другого еще с их института, но тогда Роман Сивый был для капитан-лейтенанта Дмитриева всего лишь одним из многих десятков лиц. Нормальным неглупым курсантом, с быстрой соображалкой, но без уклонения в «ботанику». Впрочем, в наши дни в военно-морских институтах и вообще в военных вузах «ботанов» и

чмошников не бывает. Теперь в них учатся действительно правильные ребята, в подавляющем большинстве — с очень и очень верным балансом интеллекта, физической подготовки и зачатков правильного характера. А у кого уже и не совсем зачатков. Почему? Вероятно потому, что вооруженные силы давно стали категорически непривлекательными для охотников за если не комфортной, то гарантированно обеспеченной жизнью. Многим, очень многим военным довелось повоевать или в одной «горячей точке» на территории бывшего Советского Союза, или в другой. Соответственно, поглядевшему на

это со стороны умному и поздравовому агрессивному старшекласснику лежала прямая дорога в бизнес. Не слишком, честно скажем, умному — и иногда агрессивному по-больному — в полицию. А когда и ума и агрессивности было в меру, да это еще приправлялось правильной ориентацией со стороны родителей... Имея в виду погоны...

Антон хмыкнул. Лично у него было не совсем так. Он выбрал службу, когда ситуация в стране была совсем другой. Довольно быстро вылечился от детского романтизма и поверхностного патриотизма. Который бывает вреден, когда

воспитан не родителями, дедами и обществом, а дешевыми отечественными телесериалами, как сейчас случается не так уж редко... В общем, он был сыном подполковника-связиста и приходился внуком лейтенанту-саперу и ефрейтору-пехотинцу. Воспоминания о них оказались одним из важнейших факторов, удержавших его на флоте, когда было совсем, до ручки трудно. Когда надежды на лучшее не осталось уже почти никакой. Помогли продержаться, пока не стало чуточку лучше. И вот оказалось, что юный курсант без единой лычки на погончиках довольно похож на его

собственного отца и сразу на обоих дедов манерами — те тоже были довольно спокойными людьми.

Встретились они интересно. Уйдя из своей кратковременной лежки в чужой квартире, в которой они оставили так и не пришедшего в сознание товарища, они довольно быстро добежали до того места, где смыкаются две железнодорожные ветки. После этого капитан-лейтенант решительно увел курсанта с крупных улиц сначала во дворы и в длинные комплексы гаражей, а затем прямо к железке. После десятиминутных поисков они нашли натопанную местными жителями тропу, ведущую к перелазу: такая

всегда найдется в застроенных районах, если там проходят железнодорожные пути. Следующие полтора часа они потратили на то, чтобы добраться в район Малое Борисово, и при этом дважды по льду переходили пруды. Курсант Дима вел себя тогда выше всяких похвал. Малое Борисово приходилось на самую границу городской застройки, причем на такую границу, которая находилась довольно далеко от прямого направления на Полесск. До которого было минимум двое суток такого хода. Однако слабо понимающий в тактике наземных войск офицер-связист был отнюдь не лишен логики и интуиции и сумел

выбрать маршрут, ни разу не наложившийся на уже устанавливаемые в ключевых точках города опорные пункты. Пока не превратившиеся в блокпосты, но выполняющие, в общем, сходные функции. Убитых они на своем пути через задворки города видели, и даже несколько раз. Три четверти были явно не военными — нормальные обыватели, все до одного с выражением ужаса и неверия на зачоченевших лицах. Один раз, еще в районе хвоста Волоколамского переулка, они наткнулись на раненого молодого офицера в армейской форме. Тот полулежал, привалившись к стене дома, а рядом

на корточках сидела тетка средних лет, с самой натуральной санитарной сумкой на боку, как со съёмок исторического фильма. Тетка оказывала раненому офицеру помощь, на взгляд капитан-лейтенанта весьма квалифицированную. У офицера лежал на коленях укороченный автомат, почему-то сразу вызывавший ассоциации со словом «милиция», лицо у него было бледное, но при этом решительное и даже довольное, а метрах в десяти кучно лежало трое убитых. Все трое в гражданском, никак не похожие на захватчиков. Вооруженные арматуринами. На короткие вопросы остановившихся

отдышаться моряков офицер ничего вразумительного не ответил, а женщина просто грубо послала их куда подальше. Притом что оба они были в форме и с оружием, включая драгоценный автомат со считаными патронами в магазине. Все это было несколько сюрреалистично, и капитан-лейтенант решил не связываться. Но чуть дальше, на краю одного из гаражных комплексов, они спугнули целую группу мужичков, целенаправленно ломавших двери одного из боксов, и это дало кое-какие намеки на возможные причины той сцены.

Дальше был относительно легкий участок. Они без труда

перешли Старую и соответственно Новую Преголи, насквозь прошли через лесополосу западнее Славянской и довольно быстро добрались до шоссе А229. Здесь оба провели пять минут, бесполезно пытаясь «голосовать» изредка проезжающим машинам. Получалось это плохо, потому что тип каждой двигающейся со стороны города машины требовалось опознать из укрытия, затем выскочить, размахивая руками, а потом уже и автоматом, и каждый раз было уже почти поздно. Потому что меньше 100 даже на гололеде никто не держал, и, пока они перебирались через барьер, машина оказывалась

почти рядом, и тормозить пришлось бы изо всех сил, со всеми рисками такого поступка. И это даже если кто-то хотя бы в принципе собрался тормозить. Кроме того, приходилось поглядывать и в противоположную сторону: не едет ли колонна, все равно, своя или чужая. Как ни странно, изредка машины действительно проезжали в сторону Московского проспекта, который за городской чертой превращался в шоссе. Но каждый раз это были разномастные легковушки или «Газели»: ни одного БТР, ни одного тентованного грузовика с надписью «Люди», который было бы так приятно увидеть. Вместо этого —

белые глаза за стеклами, сжавшиеся фигуры на сиденьях, иногда привязанный веревкой багажник, который не вмещал навалом набитые в него вещи. Потеряв таким образом минуты, капитан-лейтенант плюнул, махнул рукой, и они наконец пересекли шоссе, снова перейдя на бег. После двух десятков минут пути по засыпанному слежавшимся снегом пустырю в прямой видимости от того же шоссе случайность удачно вывела их на асфальтовую полуторapolоску, ведущую в нужном направлении. За следующий неполный час со все большим облегчением они протопали через Солнечное, Красное и после

довольно длинного пустого отрезка уткнулись в деревушку под символичным названием Прохоровка. Постучались в одну калитку, в другую, но не было видно вообще никого: деревня как вымерла, только надсадно гавкали запертые во дворах собаки.

— Тьфу на вас, — выругался тогда капитан-лейтенант. — А еще название такое. Ни откроет нам никто, только тормозим здесь.

— Погодите.

Курсант Дима, которого уже постепенно начало покачивать, вдруг развернулся и перешел через единственную улицу деревушки к дому напротив того, где они

остановились.

— Эй! Мать! Ну не стыдно ли тебе?! Хоть на десять минут пусти ноги переодеть в тепле!

Сколько-то секунд ничего не происходило, а потом дверь дома отворилась, и на крыльцо вылезла старая бабка, которую Дима сумел углядеть за окном. Капитан-лейтенант на полном серьезе предположил, что ее сразило великолепное «ноги переодеть», но та объяснила, что просто одевалась, потому и открыла не сразу.

— Заходите, ребятки. Ой, заходите шустрее, не студите дом.

Несмотря на возраст, бабуля была совершенно в здравом уме.

Форма одежды на ней была классическая, то есть серый ватник и бежевый платок. Но глаза были умные и живые, а речь правильная и быстрая.

— Ну, чего требуется? Кроме как ноги погреть.

Дима без разрешения опустился на табуретку, стоящую на выходе из сеней в дом. Уже снявшая обувь бабка покосилась на его ноги, но не сказала ничего.

— Мы с курсантом двигаем на север, к пограничникам. Нам действительно надо чуток посидеть в тепле. И может быть, еще чаю попросим.

Он посмотрел на старую

женщину исподлобья, в общем-то, понимая, какая может последовать реакция.

— Что, ребятки, война?

Ответить тут можно было поразному, но он просто кивнул. Война, чего уж тут.

— Я сразу поняла. Услышала и поняла. А соседи еще бегали как оглашенные, даже уже после радио. Все переспрашивали друг друга.

— Вы воевали? — спросил Дима со своей табуретки. Он действительно расшнуровал и снял ботинки и теперь шевелил влево и вправо ступнями в черных носках, выражая лицом благодарность и удовлетворение.

— Тогда-то? Нет, еще молода была. Но мы тогда из-под Орла с мамой вдвоем бежали, наслушались за спиной такого грохота... Ох, ребятки, ну мать же его за ногу... Ну куда же мне теперь деваться, а?

Он опять не нашелся с ответом и обвел глазами единственную комнату дома. Выключенный телевизор стоял в углу, накрытый салфеткой с бахромой; радиоприемник был выставлен на середину стола и тоже молчал. Впрочем, он запитывался от сети, так что дело могло быть в отсутствии электричества.

— Ладно. Носки чистые дать?

— Чего?

— Не «чего», а «спасибо,

Вероника Петровна, за
любезность»...

— Вероника?..

— Да, так папка и назвал. Земля
ему пухом... В честь кого-то, я уж и
не помню кого...

Почему-то вот эти мелочи из
дома, где они задержались всего-то
на 15 минут, запомнились капитан-
лейтенанту живо и полно. Бабка
быстро и просто выложила на стол
буханку серого хлеба и кусок сыра в
прозрачном тянущемся полиэтилене,
затем два вареных яйца. К этому
времени Дима переоделся в сухие и
чистые носки и неожиданно
совершил умный поступок — никого
не спрашивая, принес из сеней

тряпку и затер свои мокрые следы на полу.

— Здесь съедите или с собой?

— С собой, — тут же решил он. — Лучше так.

— Тогда просто чай пейте. Сахар тоже есть.

Чашки у бабки тоже были не самые простые — из хорошего фарфора, хотя и явно потертые временем. Электрочайник молчал со всем остальным электричеством, но печка была горячая, и обычный металлический чайник с крышкой грелся на ней с самого их прихода. Не кипяток, но горячий. Сахар в чай он обычно не клал, но тут отказываться не стал: энергия есть

энергия. Когда еще удастся такую роскошь в себя залить?

Пока они пили, хозяйка дома быстро и конкретно рассказала, что слышала, когда были телевидение и радио, что узнала потом от соседей, пока они не разъехались, и что думает по поводу всего происходящего сама. Последнее, к слову, было довольно интересно. Хотя оставило очень тяжелый след в душе...

Под конец их короткого пребывания в этом доме они получили еще один подарок. Который, впрочем, выпросили сами. Автомобильный атлас, в состоянии «очень б/у» и выпуска аж 1998 года,

но все равно бывший в их условиях почти драгоценностью. Окрестности Калининграда капитан-лейтенант знал очень приблизительно, а курсант не знал вообще: он был откуда-то из средней полосы и сюда приехал учиться, а не в турпоходы ходить.

— А машины не осталось? — спросил он после получения прекрасной книжки на руки. Даже не верилось, что им так повезло.

— Нет. Моего как не стало, я его машину сразу продала. Чтобы не ржавела. Я на лошади вот скакать умела, когда молодая была. А на машине только пассажиркой, зачем она мне? Так что берите, раз надо.

Чем еще?..

Чувствуя себя татарскими гостями, они многословно поблагодарили, раскланялись и отправились дальше.

— Вот так примерно и раньше бывало. Семь десятков лет назад, — произнес капитан-лейтенант, когда они отошли подальше и их нельзя было услышать. Ему было нехорошо, хотелось вернуться и отдать продукты назад. Курсант ничего не сказал, только пожал на ходу плечами. Выпитый горячий сладкий чай и около четверти часа в тепле натурально вернули их к жизни, и за следующие часы они продвинулись очень неплохо. Время от времени оба

сверялись с намертво загнутой страницей атласа, приводя разноцветные полосы в соответствие с разворачивающейся перед ними картиной: хорошие и плохие дороги, маленькие поселки и деревушки, отдельные группы домов и построек, просто отдельно стоящие дома. Из одного такого дома, окруженного крепким забором из покрашенного светлой морилкой бруса, в них выстрелили из чего-то крупнокалиберного. Выстрелили даже дважды подряд, хотя явно из одного и того же ствола. Прицел хозяина дома был плохим — картечины первого выстрела прошли много выше их голов, а куда

пришелся второй выстрел, они даже не засекли: слишком звенело в ушах от удара со всего размаха об дорогу.

— Ох, ну ни...

Третий выстрел снова пришелся далеко мимо, и они потихоньку оттянулись назад. Минута — и непростой дом почти полностью скрылся за изгибом дороги. Оба молча переглянулись.

— С помповика дал? — предположил курсант. Офицер согласно кивнул и снова повернулся к дому. Закрывающий его забор был высоким, но в доме, считая мансарду, было три этажа. Стреляли в них явно из верхнего, не с крыши же? На крыше был флюгер с тигриной

мордой, полосы на которой были изображены вырезами в железе. И почему-то еще флаг штата Техас, «Одинокая звезда». Как это можно интерпретировать, было совершенно непонятно. Но этот флаг состоял из тех же самых цветов, что и большинство флагов славянских государств. Мысль о том, что многим из европейских миротворцев это может не понравиться, заставила нервно хихикнуть.

— Поторопился он. Или просто стрелять не умеет.

Полрожка патронов к автомату могли решить проблему хорошо, но забор был больно уж капитальным. Перелезая через него, они будут

представлять отличную мишень. Да и как перелезть? Все постройки, какие-нибудь сараи, к которым могла быть прислонена лестница, находились за тем же самым забором. Высадить остаток рожка вслепую в отливающее темнотой окно хотелось, но это разве что порадовало бы усталое эго: никакого смысла в этом не имелось вообще.

— Ну его в жопу, — в сердцах предложил курсант Дима. — Обойдем.

— Прямо с языка снял, — согласился капитан-лейтенант. — Нечего нам тут ловить. Непонятно, зачем это ему надо было, но спрашивать не будем. Будет удача, так

вернемся сюда с чем-нибудь здоровенным и железным, а на своих двоих... Нет, в жопу так в жопу. Пошли.

Они ушли с дороги, протопали через участок довольно глубокого рыхлого снега и, не переставая ругаться, осторожно обошли дом по широкой дуге. Непрерывно наблюдая за окнами, виднеющимися из-за забора. На доме и даже на заборе было много кованого железа: многочисленные завитушки разного рисунка, перевитые кисточки, силуэты птичек и зайчиков.

— Охотник, блин. Богатая скотина. Техасец, бляха-муха. Поторопился.

Говорить было противно, и они оба надолго замолчали. Обиды и недоумения хватило обоим на много километров: сначала они оглядывались, потом перестали, но все равно продолжали морщиться и проговаривать про себя те слова, которые обычно помогали, но не помогли теперь.

За Ореховом было Ярославское, за Ярославским — Менделеево. Думая на ходу, капитан-лейтенант предположил, что пересечь Калининградское шоссе будет проще всего в крупном населенном пункте, где много тесно стоящих домов. Пovyглядывать там из проходов, из-за заборов и с разбегу перебежать на

другую сторону, где тоже можно быстро скрыться из вида. Вряд ли незваные гости оседлали шоссе на всю длину и переход составит такую уж проблему.

Но, как выяснилось через четверть часа, когда они дотопали до Первомайского, он ошибался настолько категорически, что глаза полезли на лоб. Еще с южной, дальней от шоссе окраины неясный гул впереди превратился в хорошо различимый звук моторов. Сотен их, опоясывающих своими ноющими нотами почти половину горизонта прямо по курсу. Курсант впервые за все время вынул пистолет из кармана, и капитан-лейтенант

смутно подумал, что это хорошо его характеризует. Осмотревшись, они все же двинулись вперед. Первомайское выглядело нехарактерно: дома не вытягивались вдоль крупнейшей улицы, а ориентировались ровно наоборот, от шоссе и на юг. Непрерывно вертя головами и пригибаясь, они довольно живо продвинулись в глубь поселка и нырнули в простенок между двумя заборами задолго до того, как стало видно шоссе. Но зато его было отлично слышно.

— Ага. А я-то все думаю...

— Чего?

— Я все думаю, что такое непривычное... Звук четко слева

направо идет. Все движение в одну сторону.

Капитан-лейтенант склонил голову набок, выждал секунду и понял, что курсант совершенно прав. Причем «слева направо» — это значит от самого Калининграда... Куда? По крайней мере, к Полесску. Он быстро сверился с атласом и кивнул сам себе. После Полесска идут Большаково и Советск. Но вся эта невидимая громадная колонна движется в целом именно туда, куда надо им. Хреново. Да, даже при том что выбор цели движения был весьма условным, придуманным искусственно, самим для себя, — все равно хреново.

— Ладно, пошли уж, — довольно нелюбезно буркнул он. Курсант кивнул и, в очередной раз оглянувшись, двинулся вперед, уже привычно пригибаясь. Пройдя вбок между заборами метров сорок, они наткнулись на недостроенный дом. Это выглядело неплохим вариантом, и они полезли через протянутую на месте будущих ворот цепь. Интересно, что дома как такового еще не было — только коробка в полтора этажа, без окон и еще не перекрытая сверху. Но забор уже был, пока что состоящий из поставленных через каждые 4–5 метров кирпичных столбиков. Местные жители будто жили среди центрально- или

южноафриканских каннибалов — заборы здесь, судя по всему, ценились очень высоко. В Калининграде это не чувствовалось, а здесь их обилие и монументальность производили какое-то тягостное впечатление.

На задней стороне недостроя забор был попроще. По той полосе, где этот участок смыкался с соседним, просто была натянута крашеная в зеленый цвет металлическая сетка на редких столбах. Между двумя столбами была калитка с простым запором в виде высоко поднятого шпингалета: то ли чтобы дети на стройку не бегали, то ли для чего-то в этом же роде. Но

стоило крадущемуся впереди курсанту поднять руку над досками и отщелкнуть шпингалет, как раздался вопль. Вопила женщина, которая приоткрыла в доме форточку — через нее виднелось ее круглое лицо. Они с трудом разбирали отдельные слова: настолько густой была речь. Ругательства и угрозы сыпались с такой скоростью, будто открыли заслонку в запруде.

— Мать, не кричи! — попробовал прервать женщину Антон, уже проходя во двор за курсантом. Но толку не было никакого, только ее голос поднялся еще на полтона выше. За три попытки он не сумел вставить в

поток криков ни одного слова. Женщина совершенно не собиралась его слушать: своими воплями она создавала отдушину собственному страху перед будущим. Крик был для нее привычным и помогал всегда или почти всегда. Черных флотских шинелей, оружия она старалась не замечать.

— Ну, бя!

У курсанта Димы не выдержали нервы, мгновенным движением ладони он сдвинул флажок предохранителя своего пистолета и дважды подряд пальнул в окно. Патрон у него, оказывается, был в стволе.

В доме раздался визг,

наслоившийся на звон расколовшегося оконного стекла, и тут же стало совсем тихо. Если не считать никуда не девшегося гула сотен колесных машин,двигающихся по уже совсем близкому, но все еще невидимому отсюда за домами Калининградскому шоссе.

Выругавшись, капитан-лейтенант перевел взгляд с опустившего оружие курсанта обратно на дом. Надо же, тот сумел попасть в стекло оба раза, кто бы мог подумать. А говорят, что пистолет — бесполезная вещь в руках дилетанта.

— Услышали, нет? — произнес он себе под нос и тут же скомандовал: — Бегом. Отсюда. Тем

же маршрутом.

Однако Дима потратил еще с четверть минуты, чтобы добежать до угла дома и выглянуть по другую его сторону. Понятно было, что дом на шоссе не выходит, и что он там думал увидеть, капитан-лейтенант не представлял. В итоге выходило, что они просто потеряли время.

— Дурак, — объявил он курсанту уже на бегу. — Минус два патрона на какую-то дуру... Причем на свою, родную... Но стреляешь неплохо.

С пяти или шести метров навскидку в проем окна — это действительно было несколько выше среднего: сам он из пистолета

стрелял ненамного лучше. Но их всегда учили, что это «статусное оружие», и он никогда не думал, что ему придется пользоваться пистолетом «фактически». Именно так говорилось среди моряков. «Быть готовым к фактическому применению оружия»...

Продолжая злиться на себя, на курсанта, на безымянную тупую бабу позади, он вывел бумкающего своими ботинками по мерзлой земле парня обратно к тем же воротам перед стройкой. И снова в тот же проем между двумя заборами. Ясно, что отсюда надо было уходить: если сдвоенный выстрел слышали с шоссе, то могут и даже должны

послать хотя бы отделение разобраться. Но заборы были глухими. Пробежавшись дальше, он попробовал поколотить в пару калиток, но никакого видимого толка от этого не было — в этих дворах даже собаки не гавкали. При этом капитан-лейтенант каждый раз сколько-то времени ожидал ответа на свой стук и прекратил глупое времяпровождение, только поймав насмешливый взгляд курсанта.

Потом заборы с двух сторон наконец-то закончились, они обежали угловой дом, потом еще один и выбрались в другой проулок. Сбоку между домами просвечивала дорога, но это было не шоссе, а та же

асфальтовая полоска, по которой они пришли, только ушедшая вперед и вбок и давшая там совершенно непонятный изгиб. Почему-то капитан-лейтенанту показалось, что им стоит поторопиться, и они наподдали, хотя оба и так задыхались. Один из попавшихся им по пути домов оказался классическим «домиком в деревне» — деревянным низким домом в полтора этажа, стоящим посреди покрытых инеем голых яблонь. Забор вокруг него тоже был совершенно нормальным, из редкого штакетника. Открыть калитку заняло у них секунду, и, пробежав участок наискосок, они наконец-то увидели

шоссе.

Зрелище было впечатляющим, от него у капитан-лейтенанта стало холодно на сердце. Через крашенные досочки и лысые кусты шоссе просматривалось в самую меру, и, засев за прислоненной к стене сарая укрытой навесом поленницей, шепотом матерясь, они смотрели. Мимо катились без преувеличения сотни машин, одна за другой, с минимальными интервалами. Рев мощных двигателей нарастал и падал, и так раз за разом: «Фху-у-у... Фху-у-у...» В колонне преобладали тентованные грузовики, причем даже через сетку кустов и забора, когда можно было видеть только силуэты, а

не детали, различалось, что машины нескольких типов идут вперемешку. Вспоминая какие-то прочитанные в детстве книги, капитан-лейтенант подумал, что наблюдатель должен считать, сколько транспорта прошло по дороге за какое время, — это вроде бы может пригодиться. Но «на месте» никакого смысла в этом он не нашел: поток вражеской техники был сплошным.

— Слушайте... — вдруг в четверть голоса спросил курсант. — А это точно не наши?

— Как это?

— Ну... Мы же не видим точно.

Флагов никаких не развевается, и вообще.

Это прозвучало натурально тупо, и капитан-лейтенант вздохнул. Контузию просто так со счетов не списывают. А они сидят тут, под носом у смерти, ждут приключений.

— Отходим. Задом и тихо.

— Товарищ капитан-лейтенант!

— Тихо, я сказал.

— Но мы вообще не знаем...

— Курсант Иванов!

— Я!

— Рот закрыл! И с закрытым ртом начал пятиться назад. Понял, нет?

В этот раз Дима смолчал. Позже, когда они в каком-то из разговоров вернулись к этому эпизоду, он объяснил, что он и не

думал серьезно, что это могут быть свои. Но ему казалось неправильным, неверным, что вот они потратили силы, дошли до вражеской колонны и отойдут назад, не сделав вообще ничего. Даже не поняв, кто это катится мимо. О смысле «увидеть и узнать» он тогда не думал вообще. Слава богу, капитан-лейтенант способен был размышлять трезво: своей задачей он видел не играть в разведчиков, а дойти до своих живыми. Риск засветиться перед вражеской колонной был большим, а пользы от получения сведений о национальной принадлежности этих конкретных миротворцев и демократизаторов не

предвиделось. В их активе имелись лишь десяток патронов к автомату и сколько-то пистолетных. И кухонный нож, полученный на прощанье у той же доброй женщины, оставшейся в городе ждать, во что это выльется. Будут ли приехавшие на танках и бронетранспортерах люди бороться, как горячо обещали, за права человека и свободу самовыражения, а в перерывах цивилизованно ходить в музей Канта и музей янтаря, покупать сувениры и дегустировать местное пиво. Или, наоборот, тут же начнут требовать у населения «*курки, млеко, яйки*», вешать сельских активистов на столбах, деловито уничтожать членов семей офицеров,

невзирая на возраст и пол, и все такое прочее, что делали в прошлый раз. И что потом было ими объявлено или не имевшим места, или несущественным.

Про «млеко и яйца» — это, кстати, была весьма актуальная ассоциация. В любой момент какому-нибудь пану поручику или герру гауптману могло восхотеться попить водички либо пописать с комфортом. Или какая-то машина могла сломаться, проколоть колесо, и в образовавшуюся свободную минутку те же пан и герр пинком ноги откроют с этими словами калитку, а затем дверь ближайшего дома. По предчувствиям капитан-

лейтенанта, в каждом четвертом их встретят как родных, с распростертыми объятиями, в каких-то других, может быть, огнем из спортивных «вертикалок», но свидетелем развития как первого, так и второго варианта он не хотел становиться ни в малейшей степени.

— Уф-ф... Ну, бегом теперь?

Сдвинуться с места они не успели: буквально над головой с ревом прошло тело вертолета. А они были на чистом пространстве, уже в нескольких десятках метрах от шоссе, за домами, бытовками и заборами, но как раз в нескольких метрах от ближайшей стены, к которой можно было бы прижаться.

Капитан-лейтенант втянул голову в плечи в ожидании пулеметной очереди, которая разорвет его живот, но в эту секунду обошлось, а в следующую они уже шарахнулись вбок. Притиснулись к стенке какой-то летней кухни, закрутили головами.

— Второй!

Действительно, второй вертолет был хорошо различим по звуку, несмотря на шум двигателя первого, заходившего в вираж. Не было видно, где вторая машина, но им с лихвой хватало и первой. В типах современных иностранных вертолетов ни один, ни другой из моряков не понимали совершенно

ничего. Просто какой-то вертолет классической схемы, с пакетами неуправляемых ракет небольшого калибра на подвеске. Опылительных знаков на фоне темной камуфляжной расцветки видно не было: ни польской «шахматки», ни разноцветных кругов европейцев. Пригибаясь, они перепрыгнули через заброшенный кирпичами пузырь полиэтилена, скрывавший что-то ценное для хозяев, и укрылись в просвете между строениями: забор с одной стороны, два сарая по бокам.

— По нам?

На хриплое восклицание курсанта капитан-лейтенант ничего

не ответил, внимательно глядя вверх и по сторонам. Наблюдение оказалось бесполезным: вертолет куда-то делся, и зудел теперь — близкий, но невидимый, — как огромная оса. Не было никакой возможности точно знать, заметили их с вертолета или нет и был ли его разворот прямо над ними случайным совпадением. В принципе, если их заметили, стрелок мог не прятаться — двое пехотинцев не представляли для боевой машины даже легкого типа практически никакой угрозы. Завис бы и расстрелял из бортовых пулеметов, а то бы и снес НУРСами со всеми сараями вместе. Но он ушел.

Еще минут пять капитан-лейтенант настороженно поводил стволом «калашникова» влево и вправо, как героический офисный хомячок, загнанный врагами в угол клетки. Нет, тихо. Колонна разномастных грузовиков гудела и подвывала там же, где и раньше, растекаясь от Калининграда и лежащей за ним границы дальше на север и восток, но гул вертолетных двигателей и пощелкивающий звук лопастей отдалились. Сначала они стали тише, а потом, через минуты, уже вовсе перестали быть различимы. Боясь поверить в хороший исход страшного момента, оба продолжали сидеть неподвижно,

постепенно промерзая насквозь. Наконец несоответствие между их поведением и необходимостью двигаться дальше стало очевидным, и оба осторожно распрямились. Молча обменявшись мрачными взглядами, они вылезли из тупичка и потратили еще с полминуты, чтобы отряхнуться и чуть прийти в себя. Вероятно, их все же не заметили. Может быть, на этой конкретной машине не было тепловизора, предельно эффективного именно в холодное время года. А может быть, заметили, но не обратили внимания. Капитан-лейтенант совершенно забыл, что крупную, значимую колонну будут обязательно прикрывать с воздуха:

именно так делалось в Афганистане и Чечне, и это регулярно демонстрировалось населению даже просто визуальным рядом игровых телефильмов. Ну и...

Моряки осторожно обошли дом, вышли через уже знакомую калитку и довольно торопливо потопали по дорожке, протянутой между двумя заборами. Эта дорожка слилась с другой, пошире, в виде Т-образного перекрестка, и ровно на нем они увидели машину. Впервые за долгое время, если не считать той же бесконечной колонны на Калининградском шоссе. Обычная легковушка модели «ВАЗ-2109», известная в народе больше как

«девятка», чем как «Спутник». Далеко не новая, но без ржавых пятен. Бежевого цвета. Мотор был теплый — это ощущалось даже со стороны, просто всей поверхностью тела. А содрав с руки перчатку и положив на секунду кисть руки на капот, капитан-лейтенант убедился в этом окончательно.

— Ну, берем?

Вопрос курсанта, понятное дело, напрашивался, но, что делать, он не знал. По поводу «не брать чужое» в голове не мелькнуло даже мысли, вопрос заключался не в этом. Разбить стекло прикладом и потом мерзнуть в пути — это можно было и потерпеть, в конце концов заткнуть

дыру скомканной шинелью или текстильной попонкой с заднего сиденья. Но гораздо менее оптимистично капитан-лейтенант глядел на перспективы заводить машину без ключа. В кино он видел эту процедуру раз сто, как и все мы. Но одно дело — видеть, а другое дело — понимать, какой провод из многоцветного жгута под рулевым колесом что означает. Искать хозяина и отбирать ключи силой? Или даже просто объяснить, куда им надо, и вежливо попросить... Покачивая подвешенным под мышку автоматом... Какому-нибудь оптимисту может показаться выгодным шанс отвезти и получить

свою машину обратно по сравнению с вариантом отдать ее здесь и сейчас.

Перейти к следующему этапу, то есть поискам хозяина «девятки» в окружающих домах, они не успели: из дальнего конца просвета между заборами выскочила фигура в черном. Выглядела она настолько привычно, что ни у одного не сработал рефлекс, и оружие осталось на месте: «калашников» со стволом, опущенным вниз, пистолет в кармане Димы. Бегущий тоже ничем не проявил, что оценивает стоящих у машины как нечто опасное. Подбежал трусцой, не снижая хода. На бегу извлек из кармана флотской шинели связку ключей на ярком

брелоке. Моряк. Лицо у парня оказалось смутно знакомым. Ага, рояль в кустах. В жизни так не бывает. Почти, потому что каждый взрослый человек наверняка имеет в копилке с десяток или больше таких же или похожих, произошедших с ним лично.

— Здравия... Товащ капитан-лейтенант... Давайте быстро, очень.

Едва мазнув взглядом по лицу застывшего с открытым ртом сверстника, он открыл замок водительской двери просто поворотом ключа, а не нажатием кнопки на пультике сигнализации. Такое показалось офицеру непривычным, такой процедуры он,

оказывается, не видел уже давно. Тут же, еще не сев, парень выдернул одну из «пимпочек» замка, и, не задавая лишних вопросов, оба тут же втиснулись на заднее сиденье.

Эмблема БВМИ/КВВМУ на плече говорила сама за себя. Два перекрещенных пушечных ствола, про которые в городе ходила неприличная шутка, тонкие связистские молнии, сверху адмиралтейский якорь. Имени курсанта он не помнил, и некогда было переспросить: едва дав им захлопнуть дверь, парень врубил заднюю передачу, и машина с пробуксовкой подала назад. Несколько раз вильнув и каждый раз

выправляя ход короткими толчками руля, курсант пролетел таким образом метров сорок, добрался до развилки и только тогда обернулся лицом вперед. За все время они ни разу не столкнулись глазами: он был с самого начала полностью сконцентрирован на дороге. Да, лицо знакомое, но не более того. Темноволосый, темноглазый, довольно бледный, осунувшийся. Никаких особых примет, поэтому и не запомнишь с ходу.

Коробка передач скрежетнула: передачи севший за руль «девятки» парень переключил, не нажав педаль сцепления до конца. Но машина буквально прыгнула вперед и ушла из

нехорошего проулка в другой, хотя и похожий на него. Капитан-лейтенант не выдержал, вывернул голову и, насколько мог, заглянул через стекло вверх. Ничего не было видно, поэтому он несколько раз крутанул рукоятку опускания стекла, убрал его вниз до упора и высунул наружу голову. Буквально сразу же его хлестнуло по лицу голой веткой, и он живо вдернулся назад. Хорошо, что не выбило глаз, хорошо, что не скинуло наружу шапку. Они уже гнали километрах на пятидесяти в час, но, прежде чем он сумел попробовать еще раз, полужнакомый курсант резко вывернул руль и буквально втиснулся в узкий проход

между двумя пирамидами из
затянутых непрозрачной пленкой
блоков стройматериалов на поддонах
— то ли кирпичей, то ли чего-то еще.
Двигатель надсадно взвыл, пока
машина продиралась через забитую
мягким снегом яму, но они
выдернулись, и всех снова шатнуло
назад, когда парень опять начал
разгоняться. К этому моменту
капитан-лейтенант уже окончательно
перестал что-либо соображать. Его
трясло и шатало, и он немного
пришел в себя, только когда увидел
закатившиеся под лоб глаза курсанта
Димы. Так совпало, что после этого
тряска и дерганье длились уже
недолго. Двигатель выключился, и

тут же стало совершенно тихо. Они молчали все трое, снаружи, за закрытыми стеклами снова ничего не было слышно, и только капало в поддон раскаленное масло.

Убрав напряженную руку с ключа, курсант за рулем быстрым движением открыл свою дверь и буквально выкатился наружу. Сделал короткую перебежку между строениями двора, в который он загнал свою машину, подождал с секунду-другую и тут же сделал еще одну. За очередным штабелем он присел, прижавшись к нему всем телом, и вот тут пробыл довольно долго, вертя головой в разные стороны, но не высываясь. Потом

встал, распрямился в полный рост и довольно легкой походкой направился обратно к ним. Все это время они двое сидели не шевелясь.

— И что это было? — машинально произнес капитан-лейтенант вслух. Ответа он не ожидал, спросил сам себя, но подошедший второй курсант вдруг объяснил, хотя и довольно немногословно. Оказывается, кроме двух замеченных ими вертолетов, был и беспилотник.

— Он меня и высматривал, — пояснил он. — Если бы не убрались оттуда шустро, они бы перестали нас игнорировать.

— Игнорировать?

— Ну да. Сложно представить, что меня не видели. И вас тоже. Черные шинели, горячий мотор на фоне наста. Но не сочли угрозой. Будь у кого-то из нас троих труба на плече — не сомневайтесь, пальнули бы.

Тут он впервые показал, что обращает внимание на лежащего в отрубе товарища по училищу, и посоветовал дать ему попить. Капитан-лейтенант добыл из-за пазухи до сих пор полную бутылку с водой, вылил несколько капель из «соска» себе на ладонь и сначала протер парню бледное лицо. Это как-то сразу помогло, а следующие капли вообще хорошо пошли, Дима начал

приходить в себя буквально на глазах. Поведение же второго курсанта ему очень не понравилось. Он реально выглядел как сумасшедший, со своими быстрыми поступками. И никаких беспилотников в небе не было с самого начала и до конца — похоже, что парень врал.

— Какие были вертолеты, узнал ты? — спросил он, чтобы проверить свои ощущения, и парень довольно спокойно ответил, что «Скаут Дефендеры». Оставалось только головой покачать. Бред и зазнайство. Даже он, бывший на десяток лет старше, понятия не имел, что такое «Скаут Дефендер». И почти не видел вертолетов, ходящих в небе по их

души, больше слышал. Было бы странно, если бы их хорошо разглядел этот ненормальный парень.

Странно, но с его быстротой он не выглядел дерганным, нервным. Скорее, довольно спокойным. Но при этом быстро двигался и, главное, совершенно не требовал каких-то решений за себя, так облегчающих почти любому человеку жизнь.

Через некоторое время они все-таки обменялись именами. Сам курсант, оказывается, отлично помнил, как офицера зовут и с какой он кафедры, поэтому и не видел нужды представляться. Второго курсанта он тоже помнил, хотя тот

был моложе. Впрочем, их училище, именуемое теперь институтом, было небольшим. Самого курсанта-автолюбителя звали Романом Сивым — это имя опять ничего капитан-лейтенанту не сказало. И не подходило оно парню совершенно. Может быть, опять врет? В памяти услужливо мелькнули какие-то детские ассоциации со шпионами, какие-то обрывки глав из затертых книг «военной библиотеки», напечатанных на желтоватой бумаге. Глупость...

Курсант Сивый не двигался с места, пока это не начало очень серьезно раздражать капитан-лейтенанта. Более того, некоторое

время он выиграл, активно расспрашивая об обороне здания училища и весьма внимательно слушая. Потом сам рассказал об увиденном за последние часы. Его рассказ о нападении диверсантов на городскую квартиру еще в мирное время опять показался офицеру неправдоподобным, вычурным, но парень не настаивал ни на чем. Когда вопросов стало слишком много, он просто пожал плечами и замолчал, спокойно улыбаясь. Именно не мрачно, что могло быть проявлением той же нарочитости, маски «крутого ветерана неизвестных войн», «тайного спецназовца», каких расплодилось больно много, а

спокойно. Потом они все же двинулись с места. Курсант Сивый после их рассказов потерял стремление добраться до Советского проспекта, и, куда двигаться, ему было почти все равно. На автомат в руках офицера он поглядывал с очень непростым выражением на лице, и это напрягало того еще больше.

Только сутки спустя, после нескольких эпизодов ранга «серьезная ситуация» и двух десятков часов непрерывного нахождения в ситуации едва попроще этого, до капитан-лейтенанта дошло, что парень не выделяется. Он действительно был таким, каким был. Знающим дорожную сеть

области, знающим несколько иностранных языков, включая польский, спокойным и уверенным в себе и способным заражать этой уверенностью друг их. Им это пригодились несколько раз подряд: в каждом эпизоде общения с местными жителями. При этом еще раз: парень совершенно не был суперменом и не корчил из себя супермена. Машину он водил весьма средне, а стрелял, по собственному признанию, посредственно — мало было практики. Но покажите мне курсанта-моряка, у которого бывало много стрелковой практики... Впечатления физически сильного человека он не производил, хотя

двигался хорошо: может быть, в драке он будет не хуже других. А еще Роман имел дурную привычку иногда молчать, когда к нему обращаются. Такое можно было бы списать на контузию или психический шок, но капитан-лейтенант отлично знал, что контузии у него не было, а «шок» не сочетался со всем остальным его поведением.

Следующие двое суток они провели, бестолково ползая по району. Тыкались туда и сюда, в разные поселки и деревни, пытаясь выгадать очередные километры к своей цели. Дремали по очереди, иногда на ходу. Ползли на минимальной скорости по пустым,

заметненным снегом однополосным асфальтовым дорогам почти без следов шин и изредка, рискуя, по лесным. Глушили двигатель, когда далеко впереди показывались дома, выдвигали «пешую разведку». При чем почти всегда одну и ту же — курсанта Сивого. Курсант Иванов, который Дима, постепенно чувствовал себя все хуже, глаза у него начали косить, и разведчик из него был никакой. Ко вторнику ему стало чуть лучше, а к среде 20-го снова хуже, и это заставляло капитан-лейтенанта переживать. Судя по всему, он ошибся, не решившись оставить парня отлеживаться в городе, у доброй учительницы. Черт

знает, во что бы все это вылилось там, но если не вдаваться в рассуждения, такое решение казалось теперь явно ошибочным. Иногда он ходил «в разведку» сам, и каждый раз случалась какая-нибудь ерунда. Более-менее нормально он справлялся, только когда задача была в стиле многочисленных кино про партизан. Он с трудом сдерживал желание спросить замогильным голосом: «Бабка, немцы в селе есть?» — спрашивал нормально, почеловечески. Со всеми прочими вариантами было труднее. Ни обогрева для ребят, ни еды ему ни разу выпросить не удалось, а информация, которая важнее хлеба,

скармливалась ему или урывками, на фоне «иди отсюда быстрее, не дай бог увидят нас!», или с откровенным злорадством. Для нестарого еще капитан-лейтенанта, половину взрослой жизни отдавшего флоту России, было настоящим шоком осознать, как много людей приветствует начало вторжения. Или его просто не пускали на порог ни одного дома, или еще что похуже. В один из разов нервы не выдержали. Он сунулся во двор прилично выглядящего дома, стоящего отдельно от других на полдороге между Прудами и Грибоедово. Раз не деревня, а отдельно стоящий дом по пути, то прямой необходимости в

отнимающей много времени «пешей разведке» не было. Но на коньковой крыше дома торчали аж две спутниковые тарелки, и здесь можно было надеяться получить сведения о происходящем и в Калининградской области, и в стране в целом. Возможно, что у хозяев не было собственного генератора, от которого можно было питаться при отключениях внешней сети, но трудно было сомневаться в том, что, когда питание есть, все телевизоры в доме будут включены одновременно. Как и везде в мире.

Сдав назад и уже почти привычно оставив машину с выключенным двигателем глубоко на

обочине, в пяти десятках метров от торчащего впереди дома, они после двухсекундного обсуждения разделились. Курсант Иванов остался сидеть в теплом салоне, а курсант Сивый с автоматом засел за кустами на полдороге между автомобилем и домом. Капитан-лейтенант спокойно прошел мимо ворот еще метров двадцать, до самого конца забора, и убедился, что дальше по дороге ничего неожиданного не происходит. Дорога делала здесь изгиб, но в 500—600 метрах впереди уже виднелись крыши домов Грибоедово с отдельными тонкими столбиками дыма. Потом он вернулся назад. Как это бывает с недостроями, хозяева

дома и участка оставили в заборе со стороны подъездной дороги довольно широкий проем, достаточный, чтобы во двор могла задом въехать любая большегрузная машина. Через него он и зашел, и тут же дверь дома отворилась. Сначала из двери вылетела собака, похожая в прыжке с поджатыми лапами на огромный рыже-черный шар. Она слетела с высокого крыльца за секунду, почти не касаясь земли, и бросилась навстречу застывшему на месте офицеру, не разевая рта, в абсолютном молчании.

— Герда, стоять. Стоять, я сказал. Фу!

Собака вильнула вбок и

остановилась. Это был хороший крупный ротвейлер, с широкой бесстрастной мордой. Судя по имени она, то есть сука. Помимо собственной воли, рука капитан-лейтенанта сунулась в карман, легла на рукоять пистолета. Выдернуть его секунда, взвести и снять с предохранителя — еще две. Ротвейлер обходил его полукругом, по-прежнему в зловещем молчании, даже без рыка. От него не хотелось отводить взгляда, но нужно было посмотреть на человека, силуэт которого виднелся на том же крыльце.

— Кто такой, чего надо?

Человек был не очень высоким,

но широкоплечим. Лет ему было, наверное, около пятидесяти, коротко подстриженный, одет в светло-серый легкий бодлон и черные брюки. В целом он был похож на бизнесмена средней руки, а то и побогаче среднего. Дом и забор с воротами не выглядели слишком уж шикарными, а вот лицо оставляло серьезное впечатление. Чистое, властное лицо уверенного в себе человека.

— Я капитан-лейтенант ВМФ России Дмитриев, со мной два курсанта. Мы движемся на восток, к нашим. Мы хотели попросить...

— Хотели, а?

Капитан-лейтенант	не	
собирался	выделять	паузу

интонацией, хозяин дома просто оборвал его на полуслове.

— Хотели, так перехотите. «Вы хотите» и «вам нужно» — вот и все, что я слышу. Ни разу не пришел кто-нить твоего рода, да не предложил мне что-нить без-воз-мездно.

Последнее слово хозяин дома произнес с такой интонацией, что капитан-лейтенант изготoвился окончательно. Развернулся полубоком, заслоняя правую руку телом. Снова посмотрел на приблизившуюся и остановившуюся собаку.

— Мы защищаем Родину, — сухо и коротко произнес он. — Началось вторжение, очередное.

Человек на крыльце раскатисто фыркнул.

— Получше тебя я это знаю. Родину они защищают... Скорей бы вас переловили уже всех да развесили на елках.

— Что?

Ему показалось, что он ослышался: настолько ненормальными, невозможными были эти слова.

— Что слышал. Всех вас по концлагерям рассадят, ублюдки. Пятнадцать миллионов оставят, как Тэтчер предлагала.

Мужчина замолчал, а ротвейлерша, на которую капитан-лейтенант то и дело переводил

взгляд, подошла еще на шаг.

— А ты что, не русский? — наконец спросил он.

— Я? Я русский. Но я из тех русских, какие вас всегда на конюшнях пороли, а особо наглых и на воротах вешали. И вот сейчас начнут пороть и вешать, а я показывать буду, кого в первую очередь, кого во вторую, а кого и оставить можно, пригодится. Ну, чего-то ты там хотел?

Капитан-лейтенант видел, что хозяин дома его не боится, совсем. Формы, погон на плечах — за ними уже ничего не стояло, никакой силы. А вот у него самого под рукой, на широких перилах крыльца плашмя

лежал пистолет. Упомянутых курсантов рядом видно не было, проехавшая мимо, а затем вернувшаяся назад машина была далеко не бронетранспортером. Что от военнослужащих Вооруженных сил РФ, включая офицеров, берегут стрелковое оружие пуще глаза — это знали даже дети. Вокруг со всех четырех сторон — бригады и отдельные батальоны «миротворческих сил». В общем, баланс был понятен.

— Так что, ничего не хочешь больше, а? Ни погреться там, ни курнуть попросить? Ну и хорошо. Тогда топай, пока я добрый. Герда, стоять! Пусть топает.

Капитан-лейтенант отлично понимал, что хозяин дома совершенно прав. Нужно было двигаться со двора к этому же проему в заборе, пятясь, чтобы не спровоцировать собаку и его самого. Вернуться на те же десятки метров, сесть в машину и уехать, радуясь, что на него не спустили собаку, сильного и тренированного охранника. Не выстрелили, как случилось позавчера. Надо было.

— А то, может, оставить тебя? Или вас даже трое? Будете работать. Жить можете там вот. — Он вяло махнул левой рукой в сторону Грибоедово. Правая по-прежнему лежала на пистолете, ствол которого

смотрел в его сторону из-за вертикальной стойки, поддерживающей крышу крыльца. — Поутру будете приходить пораньше, и я буду говорить, что...

— Мы защищаем Родину, — глухо повторил капитан-лейтенант ту же прежнюю фразу.

— А-а... — Мужчина тут же изменил тон. — Ну, смотри, защитничек. Газовых камер на всех хватит, я надеюсь.

Четыре дня назад Антон Александрович Дмитриев, капитан-лейтенант, преподаватель радиотехники на одной из кафедре БВМИ, русский, 1982 года рождения, не ответил бы на это ничего.

Смолчал бы, ушел со двора, как и собирался, и только выл бы, молча, от тоски по тем временам, которые ушли раньше, чем он стал взрослым. По эпохе, когда государство не приказывало, не заставляло своих граждан силой молчать в ответ на такие слова, кто бы их ни произносил. Но это было именно 4 дня назад. На второй из которых пришлась безуспешная, безнадежная попытка обороны военно-морского института и города в целом, а на два других — трусливое ползание по дорогам области в общем направлении к базе отдельного дивизиона пограничных сторожевых катеров. От которых уже наверняка

ничего не осталось.

Но и сейчас он тоже не ответил ничего. Кивнул и пошел, все же обернувшись к дому спиной, ожидая выстрела, хотя и понимая, что дистанция уже великовата для пистолета. Обернулся, уже практически подходя к проему, который до сих пор рассекали две глубокие колеи от колес тяжелых машин. Хозяин дома все еще стоял, кривя рот в довольной улыбке. Только теперь капитан-лейтенант узнал это выражение лица. Не бизнесмен. Чиновник. Народный депутат или кто попроще, в любом варианте. Начальник отдела или сектора. Администрации области

или района. Управления такого и инспекции сякой. Получающий на карточку зарплату в 18–20 тысяч рублей в месяц и едущий на работу на машине стоимостью в полтора миллиона. Все мы таких знаем, все удивляемся их количеству. Это был будущий бургомистр или хотя бы староста местного значения. Ждущий последние дни, чтобы предложить свои услуги новой силе. Уверенный в своей правоте и с успехом подводящий под свое решение моральную базу. Да, когда русских останется 100 миллионов, он будет занят управлением, составлением нужных списков, наведением порядка в том виде, в

каком он себе его представляет. И если этот вид будет отличаться от идей представителей оккупационных сил, это ничего, он приспособится, найдет компромисс или просто убедит себя. Когда русских останется 75 миллионов, у него уже снова будет все совсем хорошо. А в то, что русских действительно останется 15 миллионов, в полноценный и открытый геноцид, в газовые камеры капитан-лейтенант все-таки не верил.

Он тоже улыбнулся, и тоже кривой улыбкой. Снова сунул правую руку в карман, достал пистолет. Передернул затворную раму, преодолевая сопротивление

пружины, досылая патрон. Передвинул флажок предохранителя вниз. Собака уже неслась к нему: огромная, страшная, похожая на фоне слежавшегося серого снега на огромное черно-рыжее лоснящееся ядро. Восторженный крик «фа-а-ас!» прилетел уже позже, когда ротвейлерша уже начала делать свою работу. Он знал, что нельзя стрелять навскидку, что это бесполезно, что надо потратить на прицеливание хотя бы четверть секунды, и сумел заставить себя не выстрелить сразу. Наложил вершину мушки на собаку и одновременно на середину прорези целика, вровень с ее верхними краями. Хладнокровно, отстраненно

произвел выстрел. Не попал. И пока пистолет вышвыривал гильзу, собака пролетела еще метр или полтора. Хозяин дома уже стрелял со своего крыльца, торопливо и без толку хлопая в него огнем. С застывшей на лице улыбкой капитан-лейтенант двинулся навстречу его пулям, навстречу летящей на него смерти в виде собаки, на которой туннелем сошелся весь окружающий мир.

Вторым выстрелом он тоже промахнулся, третьим попал, из спины суки вылетел клочок с фонтаном крови, но она не замедлилась ни на мгновение. Будущий староста опустошил, наверное, уже половину магазина своего пистолета, но не

попал ни разу. Сам же он стрелял медленно, тщательно целясь, было даже удивительно, что все это сумело уложиться в те две секунды, которые у собаки заняло, чтобы пронестись через двор. Четвертым выстрелом он попал тоже, и снова без толку. Пули собаку не брали, хотя она взвизгнула в первый раз. Капитан-лейтенант искренне любил собак. Любил с самого детства, со времени, когда был еще просто Антохой. У них в семье был пинчер — хороший и веселый друг, а не охранник. Он выстрелил в пятый раз, прямо в морду уже прыгающей на его руку собаке, и крутанулся вбок, одновременно выдавая твари

приготовленный пинок. Та взвизгнула снова. Мимо пролетела пуля — первая, услышанная им за все это время, — но у него не было желания смотреть на человека на крыльце, предложившего ему стать рабом за еду. Под вечным шантажом выдачи, можно не сомневаться. Патронов и так осталось мало, почти ничего.

— Герда!!

Оказывается, будущий староста тоже любил собак. Или, по крайней мере, свою. Ротвейлерша свалилась на бок, на скорости ее занесло и кувырнуло несколько раз подряд, это оказалось неожиданно смешным. Но она тут же вскочила на лапы, как

каучуковый мяч, и снова кинулась на него. Сколько осталось патронов: один, два?

Еще одна пуля, еще ближе. Капитан-лейтенант рискнул отвести взгляд от нападающей собаки. Хозяин дома соскочил с крыльца и теперь стоял в хорошей стойке, удерживая свой пистолет двумя руками. Потом его отшвырнуло назад, всего целиком, во весь рост, будто в грудь ему пришелся удар невидимой кувалды. Вокруг взлетели щепки.

Снова пируэт, как у матадора, и в этот раз едва-едва получившийся. Теперь собака метила не в руку, как ее учили, а прямо в горло. Но из нее

текла кровь. Много ли помещается крови в собаке, даже крупной? Третьего захода она уже не сделала, не смогла. Свалилась, провела секунду без движения и, почти бесшумно скуля, поползла в сторону, к дому. К хозяину. Капитан-лейтенант отвернулся, у него было нехорошо на душе, но усилием воли он отогнал от себя жалость к собаке. Даже без слов о том, что «прикажи хозяин, и она будет пленных охранять», просто образом, посылом. Потом он вновь пошел к дому, по-прежнему так и не думая ни о чем. Курсант Рома с его автоматом догнал, забежал сбоку.

— Сжечь, — коротко приказал

капитан-лейтенант. — Целиком.

— Продукты, — так же коротко посоветовал парень.

Офицер поморщился, в его в голову опять сунулись устаревшие стереотипы: мол, чем они тогда будут отличаться от мародеров. Пришли с оружием, застрелили, хозяин безуспешно оборонялся... Потом пограбили и запалили дом...

— Еще бензину бы, — посоветовал он вслух. Однако совет «не прошел»: ни во дворе, ни под навесом машины не оказалось, а внутреннего гаража в доме не было, он действительно был довольно простым, даже странно. Откуда, интересно, у его хозяина был

пистолет? Он наклонился, подобрал. Затворная рама пистолета была смята пулей автомата Калашникова, еще одна пуля изорвала несостоявшемуся борцу за новую демократическую Россию кисть той же правой руки, третья попала в корпус — и вот ее одной неожиданно хватило. Те же четыре дня назад капитан-лейтенант впал бы от этого в очень большое возбуждение, начал бы организовывать самодонос на себя и помогшего ему парня в полицию. Делал бы все такое прочее, что положено после летального исхода «неприязни, возникшей на почве» чего-то там. Теперь он пожал плечами, выщелкнул магазин

пистолета, проверил — пуст. Кинул и магазин, и согнутый набок попаданием пистолет себе под ноги, аккуратно поднялся на крыльцо. За секунду он насчитал почти десяток окруженных белыми щепками разной длины дырок в полу, потолке навеса и столбиках.

— Много потратил?

Курсант Рома неожиданно скромно опустил глаза.

— Все до железки.

— В первый раз?

— Угу.

Капитан-лейтенант пожал плечами. Что ж, парень ответил честно. Можно вспомнить свой собственный «первый раз»,

позавчера. И можно не спрашивать, почему он оказался рядом так быстро: понятно, что пошел или даже побежал на голоса затянувшегося разговора, и был уже почти рядом, когда началось.

В доме они провели всего несколько минут. Это был дом холостяка: маленькая, хорошо оборудованная кухня, гостиная во весь остаток первого этажа, лестница, ведущая наверх. Холодильник разморожен, продукты выложены на стол, их было немного. Закинув автомат за спину, Рома подобрал две крепкие матерчатые сумки с яркими гербами каких-то европейских городов и деловито

начал их набивать тем, что лежало ближе. Сам же он прошел в гостиную, посмотрел на мертвый, даже без индикаторного огонька корпус огромного панельного телевизора и на секунду задержался у стенки с книгами. Книг было неожиданно много: пожалуй, пара сотен. Нехарактерно в наши дни. Что было еще более удивительно — некоторое количество классики: Чехов, Дрюон, Толстой, Фейхтвангер. Все остальное — гляцевые и матовые корешки черного, красного и ярко-желтого цветов. «СС. Самая полная энциклопедия», «Дивизия СС „Викинг“», «Войска СС. История и факты». Сплошь на русском языке.

Тьфу ты... Ну, вот и объяснение. Хотя нелепое. Эти книги не везли к нам шпионы, чтобы развратить нашу молодежь. Они печатались у нас же, очень приличными тиражами, и их совершенно никого не обязывали покупать. И даже прочтение никого не обязывало ни к чему. Дело было совершенно не в том, что человек начитался книжек про СС и проникся гламурностью. Можно было не сомневаться: половина из многих десятков тысяч добровольцев в будущих очередях в старосты, в охранники концлагерей вообще не читали книг, а некоторые читали совершенно нормальные, всеми любимые книги. Чехова, Зощенко,

Булгакова. Книги о лошадях, птичках и собачках. СС ни при чем.

Уже на выходе они столкнулись с Димой, наконец-то пришедшим им помогать. Тот был бледный, с напряженным лицом. Видел умирающую собаку, видел мертвого хозяина дома, слышал всю стрельбу, но не знал, кто первым начал. Интересно, что и курсант Рома ни слова об этом не спросил. Не поинтересовался тем, кто прав, не задумался над тем, не является ли его офицер преступником, вдруг начавшим стрелять в мирного человека. Может быть, что-то слышал сам из конца их разговора, а может, и нет. Очень интересно. И

очень верно: именно так должен поступать военнослужащий.

Когда они сели в «девятку» и тронулись, дым уже начинал сочиться через разбитые ими окна первого этажа.

Время шло. Пересечь шоссе номер 190, оно же Калининградское, заняло почти всю ночь. Машины так и шли по нему почти непрерывным потоком, и разрывы между колоннами техники раз за разом оказывались слишком короткими, чтобы околевший наблюдатель успел добежать до укрытия, а «девятка», рыча холодным двигателем, успела проползти через опустевшее на

минуту шоссе поперек. Двигаясь по обходным дорогам и дорожкам, они трижды меняли место, в котором прятали легковушку. Тратя топливо и сдвигаясь все дальше и дальше к востоку. Чертово шоссе было прямо на их пути, пересечь его было необходимо в любом случае. Уже на рассвете среды движение на шоссе стало чуть потише: видимо, тылы первого эшелона армии вторжения большей частью прошли от госграницы на восток, а второй эшелон еще не тронулся. В пользу этого предположения свидетельствовало то, что боевой техники они не видели, максимум отдельные, не выглядящие особо

современными единицы, двигающиеся в голове некоторых крупных колонн, по многу километров, по многу десятков колесных машин каждая. Когда на часах было около двадцати минут восьмого и солнце уже подсвечивало землю из-за горизонта отраженным от облаков светом, наблюдавший за движением капитан-лейтенант увидел, что казавшийся бесконечным поток грузовиков иссяк. Его наблюдательный пост был расположен не очень удачно и позволял просматривать лишь около семисот метров шоссе в сторону Калининграда и еще меньше того в сторону Полесска, потому что там

дорога непрерывно делала какие-то изгибы. Но было похоже, что они дождались. Не отрывая взгляда от дороги, он вскочил с кучи нарубленного лапника, сплошь уже заиндевевшего, и начал с силой хлопать себя по бедрам и коленям. Да, похоже на правду.

Бег до машины, вопли и команды, громкие, потому что здесь можно. Мотор завелся с первой же попытки, потому что раза четыре за ночь он сам, Рома и Дима по очереди его прогревали, подзаряжая аккумулятор. Последний раз был часов в пять ночи, но и это неплохо, если не думать о топливе. Они были почти в самом центре довольно

крупного поселка, на задней площадке строительного магазина. Помимо контейнеров для мусора здесь стояло несколько ржавых, давно брошенных автомобилей, в том числе один грузовик. Поэтому затемненная «девятка» с ветровым стеклом, прикрытым от падающих снежинок картонным листом, не должна была привлекать большого внимания. Или их беготня туда и сюда раз в несколько часов не была замечена. Или была, но форма все же сыграла свою роль, и им решили не задавать лишних вопросов. Не продовольственный же магазин, строительный...

Ревя двигателем с вытянутым на

полную катушку «подсосом», продукт Волжского автозавода дал два поворота и притормозил перед съездом на шоссе. Так и бегущий перед машиной капитан-лейтенант выскочил вперед, на самую середину проезжей части. Несмотря на ветер и холод, в воздухе до сих пор висел отчетливый густой запах выхлопных газов: слишком уж долго и слишком густо здесь шли машины.

— Давай! Давай!

Он запрыгнул на свое место уже почти на ходу, и «девятка» громко стукнула защитой картера об асфальтовый натек, когда перевалила с подъездной дорожки в свой ряд на шоссе. Сто метров или около того —

будь дистанция меньше, он не стал бы садиться. Ни одной машины навстречу, ни одной попутной. Они двигались без фар, но света хватало: луна была где-то посередине между первой четвертью и полнолунием. И сложно сказать, хорошо это или плохо.

Рома вывернул руль, и они свернули влево, на дорогу, уходящую с шоссе примерно в нужном им направлении, на север. Сто метров — и они потратили так много времени! Оставляя за собой видимый след в светлом ковре свежеснеженного снега, машина прошла короткий отрезок до обозначенного на их карте железнодорожного пути, переползла

через разбитые, расползшиеся в этом месте железные и бетонные плиты. Шлагбаум был поднят, в домике смотрителя переезда не светилося ни лампочки.

— Ага! Во как, да?

Сзади нарастал знакомый гул, мелькал свет: шла очередная колонна. Но они уже перевалили через переезд, Рома переключил передачу, добавил газу, и машина живее пошла вперед, съедая оставшиеся до выезда из Славянского сотни метров. Теперь можно было ухмыльнуться друг другу и себе, обменяться поверхностно выражающими их чувства междометиями.

Они надеялись, что теперь все будет проще, но вскоре все снова стало как обычно. Ползание, тыканье в поселки и деревни. Иногда «пешая разведка», иногда уже нет. Часам к пяти вечера, дав несколько кругалей, но зато сумев один раз разжиться топливом, они добрались почти до Заливино: поселка, располагавшегося на самом берегу моря. Там был старый маяк, деревянные причалы, и оттуда было, в общем-то, рукой подать до цели. Но в самом Заливине очередная их «разведка» с оставленной позади машиной наконец-то спасла им жизнь — здесь уже были чужаки. Опять оказалась очередь капитан-

лейтенанта, и он вернулся к машине согнувшись на бегу почти пополам, как торопящаяся черная обезьяна. И очень, очень тихо. Дошло до того, что он не разрешил завести мотор, и вдвоем с шатающимся Димой они толкали поставленную на нейтральную передачу машину еще метров двести, отчаянно стараясь не материться вслух.

— Надо же, поселок в полтысячи жителей, ни одного военного, а пост уже стоит, охраняет причал, — весьма точно высказал молодой Сивый его собственную мысль, когда они откатились назад.

Капитан-лейтенант согласился вслух, зажевав свой собственный

комментарий в стиле «и что же это должно означать?». Варианты еще были. Возвращаться назад к шоссе тем же путем — обратно через Дружное, Трудовой и отрог леса — не хотелось. Подумав, он твердым голосом объявил свое решение попробовать продвинуться к Полесску и базе пограничников пешим порядком, и еще минуту потом пришлось гавкать на курсанта Иванова, потому что тот отказывался оставаться один, караулить машину, которую они загнали в очередной технический съезд с дороги. Украшенный, к слову, обычным плакатом «*Берегите лес от пожара!*» и почему-то еще одним, с

надписью «*Мордовский лес — достояние области*». Судя по атласу, лес здесь был Полесский, и при чем тут Мордовия, никто из них не догадался.

Пеший порядок, однако, также не принес успеха. Они снова наткнулись на заслон в виде пары часовых и только каким-то чудом сумели засечь их первыми и тихонько отойти назад. Честно говоря, сначала их машину, а уже потом самих часовых, потому что это были именно нормальные часовые, а не «секрет». А то жизнь их троих тут и кончилась бы. И плохо, что чужаки охраняли просто северо-западный въезд в город. Машина была,

насколько они сумели разглядеть, «Хамви» с крупнокалиберным пулеметом или малокалиберной автоматической пушкой на крыше. Лезть на этого бегемота и двух бойцов с пистолетами, включая один пустой, и с годным к использованию лишь в качестве дубинки автоматом мог бы только кретин. Капитан-лейтенант кретином себя не считал, но все равно они произвели еще несколько попыток сунуться в город и в сторону причалов катеров МЧПВ и раз за разом отползали назад, обмирая от страха и ожидая выстрела.

Наиболее удачной можно было счесть последнюю по счету попытку,

когда они пошли прямо вдоль Деймы. Река неожиданно оказалась незамерзшей, хотя вдоль береговросло по многу метров льда. Осторожно глядя под ноги, уже в начинающихся сумерках они прошли около километра, когда случилась совершенно несусветная хрень, от которой они не могли потом оправиться очень и очень долго. В общем-то всю оставшуюся жизнь.

Ступая след в след, капитан-лейтенант Дмитриев и курсант Сивый осторожно шли по крепкому участку льда вдоль берега Деймы, хорошо закрытому старым снегом и поэтому позволяющему двигаться относительно быстро без риска

поскользнуться и улететь под уклон, к воде. Дима чуть отстал. Двигаясь первым, офицер внимательно смотрел вперед и по сторонам и поэтому увидел ожидающую их женщину очень издалека, метров со ста. Они продолжали двигаться, а он разглядывал ее на ходу и постепенно замедлял шаг. Надежда на то, что это может быть просто торчащее из льда сухое дерево, была безосновательной: было ясно, что это именно человек, причем как раз женщина. На ней было платье густокрасного цвета, то казавшееся в угасающем вечернем свете почти черным, то снова становящееся то ли вишневым, то ли бордовым. Подол

развевался, открывая длинные ноги. В марте, ага. На снегу.

Капитан-лейтенант отвел назад левую руку и дважды сжал и разжал кисть. Не выдержал, оглянулся. Никаких кодовых сигналов они не знали и знать не могли, но следующий в паре метрах позади парень все равно уже сделал то, что требуется, то есть сдвинулся вбок и отошел чуть назад по собственным следам. Они сумели обменяться взглядами. На его лице он обнаружил совершенно то же самое, что наверняка отражалось на его собственном, и от этого стало чуточку легче. Постояв секунду или две без движения, капитан-

лейтенант снова двинулся вперед, стараясь сконцентрироваться и по очереди моргая обоими глазами, чтобы как-то улучшить зрение вдаль. Мешал поднимающийся ветер.

Женщина или девушка стояла к ним вполоборота и то опускала, то поднимала к своему лицу правую руку, как бы вглядываясь куда-то, куда ей было надо. Один раз она переступила на месте, но эта была единственная деталь со смыслом «на дворе не месяц май». Фигура была пропорциональной, но почему-то громадной: метра в три или четыре ростом. Вообще, имелся очень большой соблазн принять все это за раскачивающийся куст с висящей на

ней красной тряпкой — ветку качает ветром, вот и... Но мешало слишком большое количество хорошо различимых даже с такой дистанции деталей. Борясь с собой, капитан-лейтенант даже чуть ускорил шаг, и, набычившись, подошел к жуткой фигуре еще чуть ближе, метров еще на тридцать.

— Твою мать...

Сердце колотилось в ритме, который подошел бы для спринтера на финише дистанции, не для топающего по снегу человека в шинели. Глаза слезились от напряжения и порывов холодного ветра, но раз в несколько секунд он вытирал слезы ладонью, смаргивал

то, что оставалось, и тогда снова можно было смотреть. Да, женщина в платье, не понять, какого возраста, но, во всяком случае, стройная. Темноволосая, волосы длинные и без прически, какие-то неровные. В руках ничего нет. Подол платья — по колено, тоже неровный или обтрепавшийся от ветра или, например, от цепляния за кусты. Становилось все холоднее и холоднее, с каждой секундой. Еще несколько метров, и он снова остановился: ноги заledenели уже насквозь снизу вверх, а вдыхаемый воздух пропитал холодом всю грудь, так что стало почти невозможно вдохнуть.

Курсант что-то

неразличимо крикнул сзади, но капитан-лейтенант не разобрал ни слова — так колотило холодной кровью в ушах. Перед глазами все плыло, но детали продолжали быть различимы. Женщина начала оборачиваться. Потом он упал лицом в снег и перестал что-либо понимать.

Позже, почти полные сутки спустя, он попытался провести настоящий психоанализ по отношению к самому себе, сообразить, что все это могло означать. И не сумел — становилось слишком страшно. Вытащивший его курсант Сивый старался не отвечать на его вопросы — только твердо и очень коротко подтвердил, что да,

женщина в темно-красном платье была. Стояла по щиколотку в снегу и чего-то ждала. При попытках задавать еще вопросы, рассуждать вслух — перевел разговор на другую тему. При повторной попытке — ушел, найдя себе срочное и очевидное дело. Когда курсант вернулся спустя два десятка минут, капитан-лейтенант задал ему те же самые несколько вопросов, но парень говорить на эту тему твердо отказался. В довольно доходчивых выражениях порекомендовав своему командиру не думать об этом вообще и совсем, больше никогда. Совет не слишком помог. Как у любого нетрусливого мужчины, страх перед

собственным безумием оказался для капитан-лейтенанта Дмитриева посильнее всех других страхов. Но для серьезно анализа, способного дать реальные выводы, не хватало деталей, и это пришлось просто бросить. Уже «бросая», он попытался убедить себя в том, что сам виноват — сам себя напугал. Была какая-то женщина, стояла в снегу полуодетая, убежав из города или с самой базы пограничников. От чего именно убежала, вполне можно догадаться. Ей помощь наверняка требовалась, а он себя накрутил, за сердце схватился и упал в обморок, стыд и позор... Но в предчувствия капитан-лейтенант верил, и раз

интуиция не пустила его вперед, пусть и воспользовавшись таким странным, непривычным символом, значит, так тому и быть. Может быть, они нарвались бы там на «секрет» в виде пулеметного расчета или пары стрелков, и тогда все. А так они добрались по крайней мере до Ясной Поляны. Хотя и не до той, до которой нужно...

— Ну что, какие есть предложения? — буркнул капитан-лейтенант, без удовольствия оглядывая ребят. За прошедшие дни даже они заросли своей юношеской щетиной, а сам он выглядел еще хуже. И от них воняло: помыться

было негде, белье сменить не на что, а серьезно бегать и соответственно потеть приходилось довольно часто. Не было даже примитивных туалетных принадлежностей, отсюда вытекали некоторые конкретные проблемы, но эти, к сожалению, были самыми маленькими из всех имеющихся.

— Пустит нас этот же парнишка всех вместе на полчаса? Раз у него и вода есть, и телевизор работает? Один моется, два телевизор смотрят, потом меняемся.

— Не пустит. Когда я бегом выходил от него, он и так уже весь на нервах был.

— Плохо... Тогда другие

варианты здесь ловить не будем. Судя по немецким флагам, перспектив мало. Возражения есть?

Оба не ответили ничего, но вводная была неновая, она уже обсуждалась. Мытье — проблема не самая главная, отсутствие патронов к автомату и их минимум к пистолетам — тоже, пока не припрет. Питьевая вода пока была: напиханный в бутылки чистый снег успевал растаять в салоне машины, этого хватало. Еда, набранная в сожженном ими доме несостоявшегося старосты, уже закончилась. Надо было искать лучше или... Семь бед — один ответ... В 1941 году разговор с людьми, вывесившими немецкие

флаги после отхода наших войск и до подхода первых мотоциклистов, был бы коротким.

— Нам нужно двадцать километров до границы и все полтораста до Беларуси через любую из погранзон. Из них по лесам в общей сложности максимум пятнадцать. Мы не проедем и не пройдем, теперь-то это ясно.

— Не пройдем, — как эхо отозвались сразу оба курсанта. Дима — замученным, равнодушным тоном, Роман — чуть более осмысленно.

— В последний раз спрашиваю: какие есть свои предложения? На флоте ведь у нас так — начинают с младшего.

— Нет... Не знаю ничего...

— Действовать здесь.

Капитан-лейтенант улыбнулся.

Хорошо быть не одному.

— Предлагаешь играть в партизан? С пистолетами?

— Не играть. — Рома поднял глаза и изобразил на лице улыбку. Он явно видел его насквозь, был доволен увиденным и поэтому проявил редкую вежливость, согласившись выдать развернутый ответ.

— Но прятаться по погребам или мародерствовать, даже прикрываясь благородными порывами... На всех повылезших любителей баварских сосисок, угнетенных прогнившим путинским

режимом, у нас не хватит никаких патронов. Нужно начинать делать дело. Попробовали к Полесску, попробовали к юго-востоку, не вышло — совесть чиста. Пора бросать тыкаться и заняться делом. Каким сможем.

Капитан-лейтенант снова посмотрел на второго курсанта, так и стоящего, опустив глаза. Много ли будет от такого толку? Много ли у него шансов не вырубиться окончательно, когда от них потребуется не ползти на 1-й или 2-й передаче и не ждать часами того или сего, а бегать и бить, и снова бегать, еще и еще быстрее и дальше. Под взглядом БПЛА сверху и от гавканья за

спиной.

— Дима, ты готов?

Парень распрямился и чуть согнул губы, изображая улыбку.

— Я давал присягу. Из меня не выйдет терминатора или кого-то, но я готов. Больше бегать я не хочу.

Пятница, 22 марта

Американские военные выразили крайнюю озабоченность тем, что в городе Армавире на юге России введена в эксплуатацию радиолокационная станция нового поколения. США считают, что Россия таким образом намеревается дестабилизировать баланс стратегических сил в мире, сообщает «The Washington Free Beacon»... Пентагон

выражает свою
озабоченность тем, что
Москва, с одной стороны,
призывает США к
разоружению, а с другой —
активно укрепляет свои
границы
противоракетными
комплексами, пишет «The
Washington Free Beacon».
Официальные
представители
вооруженных сил США
заявили, что радарная
установка и общее
увеличение средств
обороны России
представляет угрозу

*безопасности Америки и
Европы.*

*Russia Today,
2013 г.*

*Мы не можем
продолжать разоружаться
в то время, когда весь
остальной мир
накапливает вооружения, а
некоторые бряцают
оружием на наших
границах.*

*Генеральный
Секретарь НАТО
Андерс Фог
Расмуссен*

— Ты закончил?

— Еще минуту.

Голова почти не соображала, и минута вряд ли что-то в этом поменяет, но как уж сказалось. Невесело усмехаясь, Николай перечитал последние параграфы написанного. Плохо, совсем плохо. Интерну или даже студенту он поставил бы за подобную писанину три балла. Максимум — четыре «под вопросом», если это не студент, а студентка, особенно симпатичная. Хуже всего, что текст выглядел насквозь фальшивым, как новостная передача Первого канала парой месяцев ранее. Любому взрослому человеку было совершенно ясно, что

написанного им не могло быть, что это грязь. После прочтения хотелось плюнуть, и самое печальное, что и ему самому тоже.

Доктор Ляхин ничего не понимал в криптографии и криптологии и получил большую часть наличных сведений об этой непростой науке из тех же источников, что и все остальные: из «Золотого жука» Алана Эдгара По, «Пляшущих человечков» сэра Артура Конан Дойла. И еще, наверное, «Встречи» Виталия Бабенко, найденной в старых родительских номерах «Химии и жизни» и зачитанной до дыр. Ну, и из сетевых обсуждений «Манускрипта Войнич»,

в который, в зависимости от настроения, то верил, то нет. Поэтому в правдивость переданной ему расшифровки мог не верить, имел на это полное право. Пока не сломал врага трехчасовым задушевым разговором. О фалеристике и метрополитене.

Николаю опять стало стыдно, да так, что просто не вмоготу. Ему хотелось порвать исписанные листы, сказать что-нибудь громкое и невежливое и убраться наконец из этого чертова дома. Лучше всего в военкомат, но можно и домой, а в военкомат только потом. Морщась от ощущения гадости где-то внутри себя, он все же машинально дописал

несколько слов, выждал секунду или две и размашисто расписался привычной врачебной росписью.

— Все, не могу больше. Ничего не лезет.

— Ну, сколько уж есть. Давай не жмись...

Майор поднялся, отошел от своего стола, принял у него оба листка, аккуратно выровнял их в ладонях и только потом неторопливо направился обратно. Майору было лет 45, он имел лицо пьющего инженера и мягкую походку, сразу заставлявшую вспомнить словосочетание «мастер спорта». Почему-то Николаю в глубине души казалось, что это не совсем майор,

но он не сказал по этому поводу ни единого слова: не хотел показаться совсем дураком.

Он отвернулся от громыхнувшего стулом человека, прошел в дальний угол кабинета и налил себе воды из стоящего на своем постаменте кулера. Тот забулькал и заухал, как пленный марсианин. Воды было уже мало, и Николай машинально подумал о том, что кончается уже вообще все. Электричество окончательно кончилось вчера, и теперь кое-кому придется не читать машинопись с экрана или распечатки, а разбирать его отработанный за годы учебы и работы в больницах почерк. Вода в

кране еще шла, но уже тонкой струйкой, и понятно, что только холодная. Радио еще было, но лучше бы его не было.

— Я тоже не помню точно, — неожиданно произнес майор вслух довольно громко. — Но про «около 2,5 тысяч долларов» про Ушакова II степени — это ты загнул. Причем как бы раз не в десять. Верно было бы сказать «двадцать пять». Про то, сколько оба морских ордена I степени стоят, я вообще молчу. Ты помнишь эту историю с убийством адмирала Холостякова с женой?..

— Его расстреляли, — довольно грубо ответил Николай.

— Кого?

— Того. Убийцу адмирала. А с этим что будет? Обменяют? Отдадут с извинениями?

Майор ответил не сразу, но в его словах уже немало чего повидававшему в жизни доктору послышалось очень нехорошее. Не просто свинец, а... Его замутило от предчувствия. Сам бы он вlepил диверсанту по пуле в щиколотки, потом по одной в колени, потом выше...

Вода чуть не выплеснулась у него изо рта, сразу переполнившегося кислым, и он схватился за шею, давясь.

— Что ты, что ты? — ахал за спиной похожий на инженера офицер, никаким инженером

никогда не бывший. — Подавился?
Погоди, присядь давай...

Все прошло довольно скоро, но от произошедшего ему стало еще хуже. Стыднее.

— Ладно, ладно, я все вижу. Ты все же посиди, а я дочитаю до конца.

Николай сел. Хотелось согнуться и закрыть лицо ладонями, но он удержался. Странно, но этим микроскопическим достижением ему захотелось гордиться. Итак. Джейсон Эрлих, сотрудник «*Corporate Sector Group*» финансовой корпорации HSBC. Человек, открывший огонь по людям в наземном вестибюле петербургского метрополитена, на

«Удельной», которая на синей ветке. Один из немногочисленных до сих пор пленных, и один из всего нескольких взятых в плен врагов, из не подпадающих под действие международных конвенций. То есть не комбатант, «имеющий определенный и явственно видимый издали отличительный знак» и «открыто носящий оружие». Его звали Фил — то есть, скорее всего, Филипп, — а вот фамилию выяснить пока так и не удалось. Врач, за работой которого Николаю понаблюдать не удалось, пришел к выводу, что применение медикаментозных средств к Джейсону Эрлиху невозможно по

каким-то там медицинским причинам. По его собственному разумению, наверняка связанных с накачанностью тяжелораненого стрелка самыми разными препаратами, в том числе крутыми обезболивающими. Собственно поэтому, после нескольких неудачных попыток к допросу столь интересного человека привлекли именно его, тоже врача. Ко вчерашнему дню история с расстрелами автобусов и троллейбусов в нескольких городах России, включая Санкт-Петербург, так и оставалась темной, а раскрыть ее было нужно. Народу требовалось хотя бы чуточку свидетельств работы

силовых ведомств, жравших так много денег и забравших себе так много власти на много предвоенных лет подряд. Но актуальность этого вопроса постепенно снижалась: общественный транспорт в городах раньше или позже перестал ходить окончательно, и этого аспекта можно было бояться уже меньше. А с некоторым запозданием начали угасать и «средства массовой информации». Просто так, без каких-то особенных заявлений. После очередных выключений и включений электричества телевизионные экраны просто изображали серо-белую муть, и можно было некоторое время гадать:

это они сломались, когда все потемнело, или хуже. Было хуже.

Филипп, на разговоры с которым доктор Ляхин потратил три часа сегодня и в общей сложности часов 10–12 за последние дни, был очень стойким, уверенным в себе человеком. Если бы не то, что он сделал и что готовился сделать, если бы его взяли в плен раненым на поле боя, его можно было даже уважать. Но вот так... Развитое ассоциативное мышление, логические цепочки, привычные для терапевта, специализирующегося на синдромальной диагностике, — все-таки не зря кто-то из начальства сунул в это дело его, врача. И

хороший английский язык. Бессмысленный разговор с лежащим в полукотключке на своей койке раненым врагом, почти монолог, через много часов после своего начала дал «попадание», которое Николай ухватил за хвост и начал вытягивать, как тащат червя ршты из хирургической раны. Ему приходилось делать так почти сотни раз, и он в принципе знал, как вести себя с больными, когда чувствуешь, что «вот оно».

Фил был помешан на двух вещах: на советских/российских наградах и на советском/российском метрополитене. Причем первое только на первый взгляд звучало

понятно. На самом деле имелось в виду вовсе не то, что он мечтал о награждениях за героические подвиги, скажем, будущим коллаборационистским правительством. На это ему было наплевать, но он буквально с фанатизмом, десятками минут подряд, будто прорвав какие-то барьеры, говорил о старых и новых советских и российских наградах. Орденах таких и других, медалях, выдаваемых за то и за се. Судя по всему, он знал эту область блестяще, причем в таких деталях, о которых Николай совершенно не имел понятия. Сколько имело место случаев, когда человека награждали

не тремя орденами Славы, а четырьмя, включая по два 2-й или 3-й степени. Когда и по какой причине центральный медальон на ордене Ленина перестали делать из платины и так далее. Найдя благодарного слушателя, лишь изредка вставляющего свои приходящиеся очень к делу вопросы или комментарии, и находясь в полуоглушении от лихорадки и лекарств, он говорил и говорил. Прописанное потом Ляхиным в отчете предположение о меркантильной, денежной причине его сдвига было, наверное — и даже скорее всего — ошибочным. Фил хотел советские ордена не для

продажи, хотя они стоили десятки тысяч долларов по одним каталогам, а иногда даже и сотни — по другим. Он хотел их для себя, себе. И поэтому среди многочисленных таблиц с цифрами и индексами в его ноутбуке — «я финансовый аналитик, подайте мне авто к подъезду гостиницы, я еду на совещание» — были несколько особенных таблиц. Вложенных как страницы в xls-файлы с настоящими финансовыми данными о европейских и североамериканских корпорациях и фирмах. Содержащие вводные вроде *«орден Красного Знамени, номера „3“ и „4“ на щитках на аверсе знака»*, *«орден Ушакова 2-й степени»* и *«медаль „За*

отвагу“, третий вариант чеканки, с ушком малого диаметра». И не цены, привязанные к этим вводным, а адреса и имена. По-английски «ушко» было не *ear* и даже не *eye*, как, например, игольное ушко. И не *auricle*, как «ушко предсердия». А *suspension ring*. Хорошо, что он это знал.

К участию в операции, непосредственно предшествующей или совпадающей с моментом начала вторжения в Россию, Фил готовился полтора года. Ездил, осваивал местность, осваивал легенду, прорабатывал свою задачу дома и «на месте», в одиночку и в составе группы. О своей задаче — убийстве

нескольких конкретных старших офицеров, специалистов по хранению и обслуживанию ЯБЧ^[14] — он упомянул довольно равнодушно. На подготовительном этапе Фил все делал правильно, все зачеты сдал и был допущен к фактическому забросу, но задачу не выполнил, даже не приступил к ее выполнению. Потому что обе его страсти оказались сильнее его; в этом он был не виноват. Все свободное время и даже часть рабочего времени за недели жизни в России, оплаченной в конечном итоге налогоплательщиками собственной страны, он проводил, наслаждаясь, предвкушая, готовясь.

Проводил или в метро, или над старыми каталогами, над электронными базами данных. Вытащенными из недр Интернета или купленными на станциях того же петербургского метро за довольно небольшие деньги. Содержащие полные сведения об именах, датах рождения и смерти, адресах прописки и фактических адресах проживания всех нас. Анализ этих таблиц был интереснейшим занятием, поглощавшим все его вечера без остатка в течение месяцев. Но в итоге у Фила оказался на руках чудесный список адресов людей, награжденных в свое время редкими наградами Страны Советов или

новой Российской Федерации, либо их наследников, даже переехавших по 1–2 раза на другие адреса, считая с момента награждения их отцов или дедушек. Можно было предполагать, что часть адресов все равно окажется «пустой», и это Николай с Филом сочувственно обсудил, но все равно, по крайней мере часть вводных выстраданной им таблицы должна была «сыграть». Он заслужил это. Он хотел эти награды себе. Интересно, что даже самые настоящие медали Олимпийских игр либо любые другие награды Фила не интересовали. Николай упомянул знаменитейший знак «Летчик-космонавт СССР», иметь копию

которого было мечтой всех мальчишек его поколения, — тому было наплевать.

Второй неожиданной страстью Фила стал метрополитен. Мы все с детства привыкли слышать о том, какой он у нас чудесный. Нас не удивляют пораженные лица иностранных туристов в подземных вестибюлях многих старых станций в Москве и Петербурге. Разглядывающих стены, потолки, скульптуру и мозаики: рабочих, летчиков, реющие красные знамена, Ленина на фоне толпы, Пушкина на фоне опадающих листьев. Это действительно впечатляет, и такого действительно нет больше нигде в

мире. Особые, похожие на парки или музеи станции метро есть в других городах: в Париже, в Стокгольме. Но вот такого больше нет нигде. И на этом профессиональный разведчик Фил свихнулся.

Поняв, что это интересно собеседнику не как аргумент на каком-то будущем суде или для чего-то иного, а для себя, на самом деле уже растормозившийся Фил говорил о метро почти в захлеб. Он не так много знал о станциях и линиях, как о советских и русских орденах. Более того, большинство новых станций его не трогали. Но все это, вместе взятое, реально «снесло ему крышу», если говорить простыми словами.

Мечтательно глядя в потолок, не видя лица Николая, он с большим удовольствием, пробивающимся даже сквозь боль, рассказывал — снова о расчетах. О формулах, которые он использовал в приложении к конкретной математической задаче. Скорость движения эскалаторов — она же не имеет никакого значения сама по себе, эскалаторы перемещаются не по горизонтали. У них есть разные режимы движения, люди на эскалаторах могут стоять в один ряд или в два, неравномерно, потому что поезда прибывают на подземную станцию раз в несколько минут. В конце концов, на подъем могут быть

включено сразу несколько эскалаторов. Скорострельность пистолетов выбранной им модели. Время на перезарядку. Когда Фил рассказывал, сколько раз представлял себе это: он стоит на выходе с эскалатора метро, и на него один за другим выезжают снизу люди... Его ладони сжимались и разжимались, будто он до сих пор жал на оба спуска. Он убил 15 человек. О расстрелах троллейбусов и автобусов он ничего не знал: он был сам по себе.

Николай отчетливо понимал, что это сумасшедший. Таких даже не сажают в тюрьмы, их как-то лечат, а потом иногда выпускают обратно на

улицы. Но хуже понятного ощущения ужаса от контакта с «чужим», с носителем ненормального разума, было ощущение гадливости по отношению к самому себе. Причем у него совершенно не было причин стыдиться того, что он провел среди всего этого столько часов со всеми своими участливыми замечаниями. У него была задача, и он ее весьма полно выполнил, разве что не быстро. Но было поразительно, до остроты стыдно самой «концепции произошедшего». Если бы месяц назад он прочел описание всей этой истории на каком-нибудь интернет-сайте, услышал бы ее отголоски на радио, а затем увидел бы на ТВ, было

бы совершенно ясно, что это фальшивка, провокация ФСБ. Такого не бывает. Нет, понятно, что есть увлеченные коллекционеры, что есть психи, что есть вооруженные психи, что есть вооруженные психи среди граждан США. Но вот все это вместе, вся картина вооруженного психа — бойца какого-то из подразделений американской военной разведки, явившегося в питерское метро и начавшего расстреливать людей... На фоне охоты на ветеранские ордена и медали... Все это отчетливо пахло не просто шизой, но оставляло неистребимый привкус провокации. Он не мог об этом не

думать.

— Ну, лучше тебе?

Майор разглядывал его, уперев руки в бока и раскачиваясь на пятках.

— Нормально.

— Сильно, я гляжу, на тебя это подействовало.

Отрицать было глупо: он действительно расклеился.

Чертов разговор с чертовым психом сам по себе был большой проблемой, но хуже всего были сомнения. Сложно было представить, как можно организовать такую провокацию — если это провокация. Но выглядело произошедшее очень и очень грязно. А он в этом участвует.

— Выпить хочешь?

Не дожидаясь его ответа, майор отошел к своему столу, достал из тумбы стола початую бутылку обычного вида, не вычурную. Какой-то из местных коньяков: или дагестанский, или азербайджанский, несколько звездочек. Быстро разлил по мелким стопочкам: себе на палец, Николаю чуть больше. Принес, подал. Николай выпил, стараясь не принюхиваться: запах и вкус коньяка никогда не доставляли ему никакого удовольствия. Считается, что это приходит с возрастом, но, в общем-то, было понятно, что он до этого не дотянет. Но показательно и интересно, что поток помог, внутри на секунду стало жарко, и потом его

буквально на глазах начало «отпускать».

— Что теперь?

На его вопрос майор не ответил: немного наклонив голову вбок, он прислушивался к собственным ощущениям. Это выглядело забавно, и Николай едва сдержал улыбку. Нет, это даже интересно, что 25 граммов коньяка сработали так быстро и точно, оттянув муть, заглушив гадливость в душе. Может быть, у него есть зачатки будущего алкоголика?

— Знаешь, Везучий... Из всего тобой написанного ЯБЧ оказываются на самом последнем месте. Вот что значит непрофессионал.

Это он произнес с ясно различимым удовлетворением. И такое же удовлетворение появилось на его лице, когда Николай согласно кивнул.

— Я еще сколько-то лет назад был уверен: ну да, это мы с грузинами или чеченами воюем танками и самолетами, по-маленькому. И с какой-нибудь даже Турцией примерно так же будет. Десять бригад туда, десять бригад сюда, сверху бомбардировщики и вертолетный десант, а в море ракетные катера влево-вправо носятся... А вот когда до настоящего дойдет, до Третьей мировой, вот тогда все будет не по-детски! Вот

тогда от горизонта до горизонта — ядерные грибы, между ними все залито в три слоя зарином и зоманом, и между всем этим, в тумане, двигаются танки и шагают толпы солдат в противогазных масках и в костюмах химзащиты. Во картинка! И ни-фи-га...

После этого слова он отвернулся к закрытому сплошной шторой окну, и Николай как по команде поглядел в том же направлении. Штора была из плотной ткани, длинная, до самого пола, и в многочисленных складках. Вроде бы такие шторы резко затрудняют использование направленных микрофонов.

Страна проигрывала войну. На

всех фронтах, что бы ни говорилось по радио и что бы ни изображалось в «Анализе и комментариях» в те часы, когда еще велась телетрансляция. «Картинки», подаваемые в качестве иллюстративного материала к такому «анализу», были в этом отношении важнее. Если на них появлялся пылающий сверху донизу «Страйкер», то это была не слишком качественная съемка сверху медленно движущейся камерой: или с вертолета, или даже с БПЛА. Разбитый вдребезги «Апач» демонстрировали несколько раз на разных каналах, но было видно, что это один и тот же «Апач», снимаемый теперь с разных

ракурсов. В каждом случае с гордостью показывали эмблему: не слишком-то крупную, но яркую и запоминающуюся, белая голова орла (наверное, орлана) в кружке, увенчанном двумя золотыми крыльями, и яркая красная молния по вертикали. Но таких крупных планов было мало, в основном сожженную технику если показывали, то издалека, проводя камерой по покрытому дымом горизонту. Складывалось такое ощущение, что ее мало. А убитых и пленных вражеских солдат или, например, летчиков не показывали вообще, и у Николая было очень нехорошее предчувствие в

отношении того, почему именно это делается. Не потому, что их не было — они абсолютно точно были, с первого же дня войны, а сейчас счет уже наверняка шел на сотни. Но мировые СМИ, активно ретранслирующие видеосюжеты «с другой стороны» и в целом ничего не имеющие против вида сожженных или уткнувшихся мордами в кюветы мертвых «Росомах», «Брэдли» и «Абрамсов», комментировали факт ПОКАЗА в телеэфире вражеской воюющей страны своих собственных солдат пленными и убитыми очень остро. На полном серьезе оценивая этот факт как «военное преступление, за которое виновные

понесут ответственность». [\[15\]](#)
Поэтому на всякий случай их не показывали ни по Первому, ни по РТР.

Наша страна давно была разделена на части — задолго до открытия огня первыми вражескими самоходками с той стороны государственной границы. Слишком большая разница в уровне жизни, в возможности свободно перемещаться, в бытовых возможностях и юридических правах. В самых их простых проявлениях, вплоть до того, на какие именно машины — каких марок, с какими сериями регистрационных номеров — патруль

ГИБДД будет смотреть, не видя, когда они пролетают перекресток на красный. Теперь, когда в бетонные корпуса электростанций и узлов связи вбивались туши крылатых ракет и тяжелых управляемых бомб, а на многокилометровые линии высоковольтных электропередач сыпались с неба графитовые нити, она оказалась разделена окончательно, почти до конца. Исчезнувшее из нашей жизни руководство страны не компенсировалось и не могло быть компенсировано десятками полезших вверх новых лиц «среднего звена» — или совершенно незнакомых людям, или знакомых

едва-едва. У почти ничего не понимавшего в военной стратегии Николая создалось большое ощущение того, что Россия обороняется в четверть силы, растерянно, некоординированно. Как громадный сильный человек, которого с силой избивают на сияющем ринге несколько профессиональных боксеров-легковесов, а он только оглядывается и изредка рассекает воздух тяжелым ударом, раз за разом проходящим мимо цели. Мимо быстро перемещающихся врагов, тут же заходящих к нему вбок и за спину. Страна кормила свою армию годами, и в последние годы явно лучше, чем

раньше. Смотреть на происходящее было жутко, потому что это была не игра, это было не «где-то». Это была их собственная страна. Враги шли к ним, сюда, к каждому.

— Отпустите меня, — спокойно произнес Николай, глядя прямо в глаза майору. — Мы же договаривались. Я свою работу сделал, что с этим «Эрлихом» будет дальше, лично мне...

Он хотел было сказать «не будет интересно», но тут же понял, что это вранье, и, противореча сам себе, закончил:

— Я хотел бы в этом участвовать. Но могу и перебиться. Я знаю, что после случившегося на

границе мне не могут доверять полностью, мне отлично знакомо и понятно старое правило «мало ли что». И да, я в курсе, зачем все же могу здесь еще понадобится. Раненый стрелок не то чтобы был ко мне расположен, но именно передо мной душу свою излил, так что да, логично, чтобы я дальше его и окучивал. Но мне обещали и полковник и вы.

— Я помню.

Майор поглядел назад, на свой стол, и Николай совершенно отчетливо понял, почему именно.

— Удачи полковнику... Там, где он теперь. Надо же, не думал я, что и его в поле с трехлинейкой пошлют.

— Ну, может, у полковника дело выйдет... Одному ему должно больше удачи быть, чем пяти таким, как я.

— Что ж, — снова кивнул майор. — Ты свое дело действительно сделал. И тебе действительно обещали. Тогда, наверное, все?

Николай пожал плечами. Да, наверное, все. Он сам виноват, что затянул этот этап. Если бы он был лучше подготовлен, да если бы просто имел лучше подвешенный язык, он бы справился с разговором с пленным не за три дня, а за половину одного.

— В военкомат?

— Нет, — покачал головой Николай, постаравшись не смутиться. — Попробую забежать к родителям. Хотя бы на час или на полтора. Здесь довольно недалеко. Хоть помоюсь по-человечески.

Он осекся, вспомнив, что горячей воды нет не просто здесь, в этом конкретном здании. Скорее всего, ее больше нет уже нигде в их большом городе. Это был просто стереотип, многолетняя привычка. Дом — это место, где всегда можно вымыться, поесть с дороги и вообще отдышаться. Так было всегда, потому что он вырос в мирное время. Или просто не понимал тогда, что оно на самом деле уже перестало быть

мирным по-настоящему.

Внизу, на проходной «Архитектурно-проектного бюро», Николай впервые за последние дни увидел людей не из «своего круга», незнакомых. Хотя явно относящихся к той же конторе. Двое крепких и напряженных мужчин среднего возраста, одетых в черную форму с желтыми нашивками «ОХРАНА» на плечах и спине. От привычных всем россиянам охранников их отличало много разных деталей и деталей. Самой простой из которых было отсутствие на лице выражения «я дармоед», а самой непростой — наличие в руках у обоих короткоствольных автоматов, марку

которых Николай даже не узнал.

Майор отзвонился им еще сверху, именно поэтому охрана восприняла их появление довольно спокойно. Проверила документы, заставила пройти через «рамку». Такие стоят в каждом пятом учреждении города, никто на них не обращает никакого внимания, потому что они обычно не работают. А если работают, то огонечки и «пи-пи-пи» на входе та же охрана привычно игнорирует: чай, не в Махачкале живем.

— Ну, все?

Николай молча кивнул, стараясь унять мысленным приказом вдруг заколотившееся сердце. Ничего не

получалось, и неудивительно: не йог.

— Документы береги. Телефон держи в кармане и заряжай, сколько сможешь. Даже если Сети никакой не будет. Вдруг еще... Хотя уже вряд ли, сам понимаешь. Куратор твой ушел, полковник ушел... Моя очередь следующая. Тебя полковник прикрыл, ты в курсе? А то бы тебя снова куда послали. Грудью на пулеметы...

Николай снова кивнул, как уже привык делать за все эти дни. Он не был в курсе, но об этом можно было догадаться. Все разваливалось и здесь, иначе бы его никогда и никуда не отпустили.

— Последнее, наверное. В плен не сдавайся ни при каких

обстоятельствах. Это в твоих интересах. Прими мои слова серьезно, ОК?

Его покорило «ОК», прозвучавшее в текущей ситуации почти как ругательство, но рукопожатие безымянного майора было твердым и дружеским.

— Удачи.

— Спасибо. И вам тоже, товарищ... — Он не закончил, оглянувшись на охранников, ждущих у ведущих наружу стеклянных дверей. Было странно, что майор проговорил все это прямо при них, но это наверняка было просто еще одним признаком того, что все разваливается. — И вам, мужики.

Оба охранника посмотрели на него как на пустое место, но один изобразил кривую улыбку, и на том спасибо. Классическая утеха вахтеров, компактный телевизор, стоял выключенный. Наверняка эта смена давно не менялась: лица у обоих были небритые. Но они не сбежали, оставались на посту со своими автоматами. Что с ними будет дальше? Вольют обоих в состав какой-нибудь штурмовой группы, сведенной из оперативного персонала этой конторы? Так делали и раньше, три четверти века назад: была, например, группа летчиков-истребителей из состава команд испытателей разных КБ...

Стефановский, Супрун, еще кто-то... Именно не в составе полков, а сами по себе. Или он путает?

Проявляя вежливость, Николай тоже выдавил из себя кривую улыбку, похлопал по карману куртки, где лежал конверт с документами, и застегнул клапан поверх молнии на все кнопки. Даже сквозь дверь было видно, как снаружи зябко и ветрено.

— Ну, с богом.

Он не стал оборачиваться на последние слова майора. Не из гордости, а от того, что не придавал этому значения. Сейчас в церквях, наверное, толпы. И что? 70 лет назад нашествие с запада остановили не попы, что бы нам сейчас по этому

поводу ни рассказывали. Его остановили солдаты и матросы, готовые бросаться под вражеские танки с гранатами и зажигательными бутылками, если не помогает ничто другое. Танкисты, ведущие из горящих танков огонь до последнего: пока не лопнет кожа, пока пробивающие тонкую броню болванки не нащупают и тебя. Женщины и мальчишки, которые работали по 12 часов в сутки, годами без выходных дней, иногда под открытым небом. Делая снаряды, и патроны, и все многообразие стреляющего железа. Конструкторы, которые еще с довоенного времени не отходили от чертежных досок и не

вылезали из цехов. Не ездили на Мальдивы, не занимались горными лыжами, не писали по 400 страниц «обоснований», а потом еще по 400 ежеквартальных отчетов. Только пахали и пахали, чтобы у страны было свое оружие, и не только на бумаге и в 1–2 опытных экземплярах для показа народу, а в тысячах единиц. Потому что не все решает умение и техническое превосходство, не хуже срабатывает и количество. И ничего стыдного в этом нет. «Тридцатьчетверка» была хуже немецкой «Пантеры» по многим параметрам. Она была технологичнее и дешевле, и именно это, среди другого, позволило

победить. Возможно ли это теперь? В наши дни? Когда нас столько лет уговаривали, что вот оно, главное, совсем рядом! Рукой подать! Потребительский кредит! На любые нужды! Без залога и справок!

Николай бессильно выругался и сразу же захлебнулся от холодного ветра, ударившего в лицо. Отвык за столько дней в помещении. Глаза тут же начало резать микроскопическими снежинками, которые несло почти по горизонтали. По земле волокно бумажки, обрывки газет: ветер действительно был сильным. Машинально Николай подобрал один из обрывков: это оказалась половинка страницы из

бесплатной газеты «Метро» за начало марта. Какие-то острые высказывания звезд на тему диет, комментарии каких-то врачей о здоровье нации и тут же ненавязчивые рекламы клиник. Вторая бумага была интереснее — натуральная листовка. И неожиданная. Призывающая население самоорганизовываться и беспощадно расправляться с мародерами и бандитами. Подписана листовка была: «Городская дума». Николай перевернул, проверил: нет, на этом все. Где можно получить оружие и боеприпасы, чтобы суметь дать отпор бандитам, в листовке не указывалось. Вероятно, надо было

или коллективно бить их ногами, или, как и раньше, звонить в 02.

Кинув бесполезную бумажку обратно под ноги, Николай на всякий случай перестал прятать лицо от ветра и внимательно огляделся вокруг. Он уже свернул на Большую Пушкарскую, но та делала здесь изгиб, и оглядеться получилось так себе. Прохожих в пределах видимости не оказалось ни одного, машин — тоже ни одной. На перекрестке с каким-то из мелких местных переулков стоял остов сгоревшего автобуса, наполовину оттянутый на тротуар. Поймав ожидаемую ассоциацию, Николай пригляделся: нет, пулевых пробоин

видно не было, просто пожар.

Он перебежал небольшую площадь, образованную перекрестком трех улиц, и тут же увидел первого прохожего — торопящуюся женщину, согнувшуюся в три погибели под тяжестью узла на спине. Помогать ей он не собирался, но женщина двигалась в том же направлении, что и он, и через несколько минут они поравнялись. Помимо собственной воли, просто по привычке, Николай предложил поднести, пока по дороге. Женщина, как ему показалось, оглянулась с ужасом: видимо она не слышала, как он ее нагонял. Ей было лет 45, то есть меньше, чем ему показалось со

спины. После нескольких мгновений раздумий она скинула узел на землю и хриплым голосом поблагодарила.

— Все же Петербург, — не очень понятно сказала она. — Какой бы ни был, а Петербург.

В узле явно было что-то тяжелое и угловатое, немилосердно впивавшееся в спину. На его вопрос, что там, женщина просто промолчала, а он намек понял и настаивать не стал. С этим узлом и с семенящей рядом женщиной Николай дотопал до перекрестка с улицей Ленина и там с облегчением положил узел на землю. Женщина показала, что ей направо, и он отрицательно помотал головой: ему-

то как раз было или прямо, или налево — на выбор.

Женщина продолжала молча стоять на одном месте, не нагибаясь за своей ношей. Выждав секунду и поняв, что благодарностей не будет, Николай по уже сформировавшейся дурной привычке кивнул сам себе и двинулся дальше. Его окликнули почти сразу же: когда он обернулся, женщина властно указывала ему на тот же мешок. Когда она сообразила, что брать его снова он не собирается, а снова уходит, она разразилась бранью. Это было так неожиданно, что Николай замедлил шаг. Произошедшее было не просто «плохо» само по себе, это явно не

сочеталось с тем замечанием про Петербург, которое прозвучало всего-то с пять минут назад.

Поражаясь про себя, он прибавил шаг, а женщина продолжала визгливо, с надрывом поливать его руганью в спину. Он старался не вслушиваться, но все равно было ясно, что это не просто мат вразнобой — это самые настоящие проклятия. «Это все просто сумасшедшие, — раз за разом повторял Николай про себя. — Сумасшедшие. Их будет все больше и больше. И их, и самоубийц. Из людей сейчас вылезло все».

Вплотную к мосту через Карповку у него впервые проверили

документы: это был пеший патруль из трех человек. Николай ожидал скорее военных, но патруль был полицейским. При этом все трое сержантов оказались не только вооружены автоматами — этому он не удивился, но и экипированы бронежилетами и даже шлемами.

— Куда двигаемся, Аскольд Олегович? — мрачно поинтересовался возвращающий ему документы сержант, находящийся в вершине сформированного двумя другими сержантами треугольника. — Военкомат в другую сторону.

— К родителям хочу заскочить, — честно признался

Николай. — Дата в направлении указана сегодняшняя, время не указано совсем. Какие претензии?

Второй из сержантов шумно сплюнул себе под ноги, и, столкнувшись с ним взглядом, Николай четко понял, насколько этот конкретный парень сейчас на взводе. Ствол его автомата смотрел Николаю прямо в живот. Одно лишнее слово — и все кончится прямо здесь, на пустом месте, но безоговорочно и непоправимо.

— Что такое случилось в городе, что вы так суровы? — все же спросил он. Не боясь, не демонстрируя страха. Так можно вести себя с собаками, а не с

полицейскими, но слова уже вырвались.

— Шутишь? Не в курсе, что случилось? — так же мрачно, но довольно спокойно поинтересовался тот же первый из сержантов.

— Я три дня считай под замком просидел. Там, откуда мой пропуск и направление. Телевизоры когда вырубались?

— Угу... Вчера окончательно. До этого еще день заставку показывали.

— Немцы взяли Кингисепп. Николай перевел взгляд на третьего из сержантов.

— Почему немцы?

— Сам у них спроси почему.

В этот раз он нашелся, что ответить. В Кингисеппе он был один раз, еще в детстве, с отцом. Ничего не запомнил, кроме дороги: было далеко. Но так, наверное, казалось ребенком. Сколько там километров до Питера, сто с копейками, чуть больше?

Ему вернули документы, и только тогда автоматный ствол отвернул в сторону. Николай украдкой выдохнул: впечатление было не самое приятное.

— Эй! — окликнули его, уже когда они разошлись. Николай обернулся, снова напрягшись.

— Что?

— Про Тэтц слышал? Катерину

Тэтц?

— Сто лет как слышал. А что?

— Ничего.

Его снова оставили в покое, но некоторое время Николай топал, приподняв брови в недоумении. Дорога до дома была совершенно неувлекательной. Привычные дома почему-то выглядели уже покинутыми людьми, магазины в цокольных этажах не работали. Часть витрин была забрана поднимающимися металлическими жалюзи, остальные просто были мертво темными. Его не удивило отсутствие покупателей и продавцов в «Ярком мире», в магазинах белья и косметики, но закрытым оказалось

вообще все, включая многочисленные в их районе маленькие гастрономы. Не разграблены, просто закрыты. Один раз он заметил разбитое стеклянное окно отделения Сбербанка, но не было похоже, чтобы кто-то лазил внутрь, это была просто кольцевая сеть трещин от удара камнем. Прохожих тоже почти не было, ни военных, ни гражданских. Дважды Николай натыкался на мертвые легковые автомобили, уткнувшиеся прямо в стены домов, — вероятно, их выталкивали с дороги. Но ни следов пожаров, ни луж крови на асфальте. А вот бумажного мусора довольно много. И на стенах тоже — десятки бумажек

наклеены одна рядом с другой: такое он последний раз видел в 90-х годах. Нет, неправда: такое было и совсем недавно. В «культурной столице», в чудесном Санкт-Петербурге, которым мы все так гордимся, примерно с начала года так 2012-го стены и фонарные столбы везде, кроме Невского проспекта, были густо залеплены разноцветной рекламой наркотиков и проституток. «Соль», «Надя 24 ч.», «Спайс», «Любовь 18+» и так далее, без особой фантазии; различались только имена и номера телефонов. Полиция и городская администрация с этим не боролась принципиально, настолько это было выгодно ментам

и чиновникам — то, что все это здесь есть. Но теперь эти бумажки поблекли, выцвели, завесились густым слоем новых, совершенно других. *«Хлеб на углу Кошевого и Большого, продают с 7 утра»,* — и под этим криво, жирным синим маркером от руки: *«Ни хрена не продают, уже несколько дней пусто».* *«Вася Баженов! Мы все тебя ищем! Приходи домой или ко мне! Тетя Зина».* *«Петр и Ирина Семеновы. Убиты 20.03 в своем доме. Никакая полиция никого не ищет. Если кто знает о судьбе Анечки Семеновой, 6 лет, напишите внизу».* И три фотографии — пара лет тридцати и темноволосая девочка

в белой куртке. Лица были плохо различимы: листовка была напечатана черно-белым и для защиты от мокрого снега вложена в прозрачный файл, уже весь намокший изнутри. *«Пропал человек, ушел вечером...»* — у этой нижняя половина оборвана, больше ничего нет. *«Рыбин Борис Викторович, 1929–2013. Земля пухом»*, — православный крестик поверх опять же неразличимого портрета. И рядом сразу несколько таких же или похожих. Надо же! Такие вот поминальные листовки на стенах — это по примеру кого? Югославов, болгар? Вроде бы именно у них такое было. Как это называлось,

«листовицы»? Он не помнил. Мог спутать.

Но вообще все это вместе выглядело будто в фантастических фильмах про зомби. Вот он отсиделся в каком-то бункере, вышел — а вокруг сплошная тишина, людей почти нет, и только ветер гоняет бумажки по заледеневшему серому асфальту. А он идет да читает по сторонам...

Николай снова огляделся на ходу, как уже вошло в привычку. Нет, все же не совсем как в фильмах. Зомби нет, кровавых клякс на асфальте не видно, а жизнь все-таки кое-где теплится. На подоконнике одного из окон второго этажа прямо

над его головой сидела кошка и смотрела на него равнодушными глазами. Высоко в небе бесшумно полз спаренный инверсионный след, заворачивающийся в спираль: вероятно, барражирующая пара истребителей. Торопливо прошли две молодые женщины в серых куртках, держащие руки в карманах. По соседней улице медленно проехал какой-то тяжелый механизм, от его перемещения трепетала земля. Так раньше, в детстве, ездили по его району тракторы «Кировец»: об их приближении было известно за минуты. Но в целом в городе было тихо, просто удивительно тихо. Машины были, но их было явно

мало, и все они находились не в пределах видимости. Пешеходов всегда было не больше двух-трех «в поле зрения», как говорят медики и биологи. Тихо и страшно... И нет ни баррикад на крупных перекрестках, ни сваренных из рельс противотанковых «ежей» на мостах, ни гнезд установок малокалиберной зенитной артиллерии в скверах. Он помнил по фильмам, по фотоальбомам, что они должны быть в городе, к которому приближается враг, а их не было.

Огромный бизнес-центр на профессора Попова поразил Николая своим мертвым видом. На парковке, обычно забитой в четыре слоя,

оставалось несколько автомобилей разных классов, но само здание выглядело покинутым. Не светилося ни одно окно, хотя в офисах свет горел всегда, круглый день. Пустой была и будка охраны за намертво опущенным шлагбаумом.

Подходя совсем уже к дому, Николай неожиданно для самого себя начал волноваться и еще больше ускорил шаг. Дом выглядел ровно так же, как и все остальные, — никак. Дверь в подъезд была приоткрыта, кодовый замок выбит. В подъезде, разумеется, было темно, но выше, на пролетах, хватало света от немых с прошлой весны окон. На родной верхний этаж он взлетел «на ощупь»,

как делал тысячу раз. Николай не представлял, что скажет сейчас родителям, не готовился. Он просто хотел их увидеть.

Звонок не отреагировал на нажатие ничем, внутри не запела привычная трель, и он даже усмехнулся. Ну да, если электричества нет, то стучите. Но и стук не помог тоже, хотя стучал Николай долго, помогая себе соответствующими криками в замочную скважину: вдруг родители все-таки дома, но боятся подходить к двери. Ключей у него не было: он оставил их, уходя, как думал, насовсем. Теперь, отчаявшись и бросив стучать, он задумался.

Проверил на всякий случай телефон: нет, все так же — «поиск сети». Уже не торопясь, спустился вниз, в темноту подъезда. Подумав, подошел к почтовым ящикам. В отличие от квартиры, этот замок он мог открыть ногтем указательного пальца, что и делал не один раз. В ящике оказалась целая куча бумажек, и, зажав их все в кулаке, Николай вышел на улицу.

«Установка пластиковых окон», «Международный центр тибетской медицины», «Стальные и межкомнатные двери» — все это он бросил себе под ноги, как никогда бы не поступил еще неделю назад. Все было старое — вряд ли рекламные листочки разносили уже после

начала войны. Это надо быть уже совсем идиотом... Никакой записки от родителей среди листков разных цветов и размеров не оказалось. Зато вдруг нашлась довольно крупная листовка, с которой на него взглянуло искаженное лицо Катерины Тэтц.

Пораженный Николай снова поозирался вокруг, повернулся спиной к ветру, и быстро, наискосок начал ее читать. *«Впервые за долгие годы у нашей несчастной страны появилась надежда»*, — бросилось ему в глаза, и дальше он читал уже совсем крупными скачками, возвращаясь назад и снова прыгая вперед по напечатанному крупным

шрифтом тексту.

«Годами население России использовали как безропотную скотину, от которой не нужно ничего, кроме мяса и шкуры... Мы не имели ни малейшей надежды на справедливость, ни малейшего шанса ее добиться... Нас и наших детей грабили и убивали безнаказанно, с цинизмом и, что самое страшное, с удовольствием... Теперь эти же люди призывают нас встать как один,

сплотиться вокруг них же,
защищая их собственные
драгоценные жизни, их
наворованное добро!..
Зачем, ради чего? Ради
того, чтобы они
продолжили воровать,
грабить, убивать и
продавать нас и гордились
этим успехом еще больше?..
Мы не могли добиться
справедливости ни для
кого, давайте вместе
добьемся ее теперь.
Давайте вместе скажем
ошалевшим от
беснаказанности
зажравшимся мордам,

столько лет с
брезгливостью глядевшим
на нас сверху вниз: „Нет,
мы не пойдем умирать за
вас, и мы не отпустим
своих детей! Мы будем
строить новый мир, более
справедливый, чем ваш.
Мы начнем все заново“».

В шоке он перевернул страницу
— там оказалось пусто. Листовка
«Партии справедливости» была без
даты. Но можно было предположить,
что она свежая. По слову «теперь».
Самое удивительное, что под
половиной фраз он бы подписался и
сам, с большим чувством. Но это не

мешало ему иметь в кармане направление в военкомат и планировать двинуться сейчас именно в его сторону. В его «направлении». Кто такая Катерина Тэтц, он отлично помнил: она была человеком, которому ничего не нужно для себя. Именно поэтому она пользовалась такой искренней и мощной поддержкой в народе. Именно поэтому ее рейтинг лез и лез вверх на фоне каждого нового скандала «в верхах». Последнего из вождей России, которому ничего не нужно было для себя, который не украл ни копейки и оставил своим наследникам письменный стол с бумагами, Николай отлично помнил.

Это был, как ни странно это звучит, Юрий Андропов. И, что еще более странно, Леонид Брежнев до него. Сталин и Хрущев потеряли на войне сыновей. Кому из последних поколений повелителей нашей громадной страны или членов их ближнего круга пришло в голову отправить *своих* сыновей на фронты нашего времени — в Осетию, в Чечню, в Грузию? Кто из носителей всем нам известных имен встанет рядом с нами теперь, в одну цепь?

Николай еще раз взглянул на лицо Катерины Тэтц на листовке: сжатые тонкие губы, глубокие морщины у глаз. Он помнил ее историю наизусть: одну из десятков

тысяч таких же. Его и полгода назад смущало собственное непонимание: откуда столько денег на листовки, рекламу, на то и другое, у человека, у которого не осталось ничего. И странно было, кто и как печатает эти листовки здесь и сегодня, когда страна рушится. Но самым странным было их содержание... Еще раз: он подписался бы почти под каждым сказанным в этой листовке словом. Нас действительно десятилетиями не держали за людей. На нас охотились, нас грабили — и больше всего народ разъяряло именно безнаказанное, твердое разделение нас всех на узкую группу патрициев и массу плебеев, граждан второго и третьего сорта.

Когда лаковый «Мазерати» сбивал на пешеходном переходе маму с коляской — история с сыном Тэтц повторялась один в один, с минимальными вариациями. Фраза «Старушка сама бросилась под его автомобиль и тем самым повредила его» уже стала нарицательной, правда? Но он не думал, что исход этого всего будет вот таким... Николай сунул мятую листовку в карман. Если бы это было «Сдавайтесь в плен, русские ублюдки! Всех вас будем резать во имя Аллаха!» или старое «Бей жида-политрука! Штык в землю!», он воспринял бы это спокойно. Но Тэтц и *«Мы будем строить новый мир,*

более справедливый, чем ваши» — это было действительно сильно. Это действительно доходило до самого сердца. Страшно подумать, сколько человек, бессильно сжимавших кулаки после передач об истории Тэтц или дискуссий о ней в блогах, теперь получили четкое указание от уважаемого ими человека. Сколько из них напомнили себе, что владельца автомобиля, убившего ее сына, так в итоге ни разу и не назвали вслух.

— Сыночек... — вдруг сказали Николаю сбоку. Он шагал, полностью погрузившись в свои мысли, и теперь резко остановился.

Внешность сказавшей это

короткое слово женщины оказалась ровно такой, как можно было представить по интонации. Возраст явно за 70 — тут уже не определишь, это 71, или 79, или все 85. Обычная для человека в этом возрасте согнутая поза, обычная одежда.

— Сыночек, ты не поможешь мне?

Ему сразу вспомнилось то, что было минут 40 назад, когда он сам предложил свою помощь и получил за это порцию проклятий. За то, что не помог еще больше.

— Слушаю вас, — хрипло произнес он вслух.

— Сыночек, я вот тут недалеко живу...

— Да?

Он давно привык к такой вот манере речи, к паузам между отдельными фразами, в которые хотелось вставить просьбу говорить быстрее. Треть его больных имела как раз такой возраст.

— У меня там подружка не отзывается никак... Телефоны молчат, а я в дверь стучу, стучу...

Он кивнул, поняв ситуацию. Посмотрел на часы. Что ж, в его «направлении» в военкомат «по месту жительства» действительно не было указано время явки. Четверть часа ничего не решит. Пока немцы и НАТО вообще доязгают на своих «Леопардах» и «Абрамсах» от

Кингиссепа до «исторического района» Петербурга, его вполне успеют и обмундировать, и нормально вооружить. Потом он улыбнулся сам себе и «про себя», не изменяя положения губ. Самодеятельный психоанализ занял ровно секунду: оказывается, он чувствовал себя виноватым то ли перед всеми старушками разом, то ли конкретно перед первой попавшейся по дороге и таким образом собирался загладить свою вину. Существовала отличающаяся от нуля вероятность того, что все не так просто, что милая бабушка, например, заманивает его к себе для разделки на мясо; времена предстоят

трудные... Но и этой мысли он улыбнулся тоже.

— Вот, сыночек... Пришли уже...

Да, до нужного ей дома действительно оказалось почти рукой подать. Дом наискосок от НИИ детских инфекций, потом во двор. Тоже выломанный кодовый замок, тоже бумаги и бумажки, белеющие в полумраке на полу. Второй этаж. Старушка указала подрагивающим пальцем на одну из дверей, и Николаю вспомнилось, как она произнесла это слово — «подружка». Уже на площадке ему почудился знакомый запах, а когда он наклонился к дверному замку, он

стал еще отчетливее. В подъезде, всего этажом ниже, было основательно нагажено, и запах аммиака перебивал многое, но сочащийся из-за запертой двери сладковатый запах тления он опознал безошибочно.

— У вас ключей нет, от подружки? — спросил он и тут же понял, что спросил зря. Старушка была в здравом уме, и, будь у нее ключи, она бы не стала выходить на улицу просить о помощи. Видимо, из соседей помогать ей никто не стал. — Она одна...

Он не окончил фразу, потому что не знал, как сказать вслух «жила».

— Да. Дочка вышла замуж, уехала в Финляндию жить, родила там... А сдавать вторую комнату она боялась.

— Не надо туда ходить. — Николай мотнул головой на дверь. — Там нет живых.

— А как же...

Старушка замолчала, а потом мелко-мелко закивала.

— Дойдете сами назад?

— Дойду, сынок, спасибо.

Николай помог ей спуститься по полутемной лестнице, и к выходу из двора они дошли вместе. Он опасался, что старая женщина начнет просить его о чем-то еще: вскрыть дверь, организовать похороны,

помочь ей самой, но этого не случилось она просто молчала и иногда кивала своим мыслям. Сколько же ей все-таки лет?

Они немногословно попрощались и разошлись в разные стороны. На ходу Николай обернулся и увидел совершенно то, что ожидал: согнутая временем женщина стоит и смотрит ему вслед. Он прибавил шагу и больше уже не оборачивался.

Девяностолетняя женщина
постояла на том же месте еще
несколько минут, разглядывая спину
целеустремленного молодого парня,
который ни словом не обмолвился,
куда идет, и по лицу которого это

все-таки было отлично видно. Потом она внимательно огляделась вокруг и направилась к своему собственному дому: недалеко, через один от этого. На их всегда оживленной улице было почти пусто. Не мчались машины, не торопились маршрутки с лихими водителями. Не топали ножками малыши, которых мамы и бабушки вели к Ботаническому саду, украшению района. Не было видно всегда шумных команд студентов Государственного электротехнического, который бывший ЛЭТИ. Ни «Скорой помощи» в детскую клинику, ни посетителей туда же или в институт гриппа дальше по их улице... Вот, проехала

одна машина: огромный черный внедорожный автомобиль, набитый людьми. А прохожих как не было, так почти и нет. На всю улицу — торопящаяся женская фигура вдалеке да двое парней лет двадцати с небольшим со старыми круглыми абалаковскими рюкзаками за спинами. Идут совершенно той же походкой, что и этот, первый из остановившихся на ее просьбы, на ее четвертьчасовое стояние. И туда же идут, уж это ей ясно. Мало, очень мало...

Старая женщина зашла в подъезд дома, в котором прожила жизнь, и осторожно, держась рукой за стенку, поднялась на свой этаж. На

каждой площадке приходилось отдыхать, но она не торопилась. Достав из истертой сумочки связку ключей, отперла оба замка, зашла внутрь. Машинально провела рукой по клавише выключателя, но толку не было: электричество так и не появилось. Закрыла дверь на один замок, более простой. Дошла до кухни, проверила воду — да, есть. А вот газа не было. Может быть, это и правильно: если город будут бомбить, газовые трубы — верный источник пожаров. Она помнила, как это было в прошлый раз. И приходила в ужас от того, как просто и спокойно это происходит теперь. Без жутких кровопролитных боев на

подступах к их городу, идущих
месяцами и годами без перерыва. Без
колонн моряков, красноармейцев и
ополченцев, шагающих из
центральных районов к его
окраинам, на север и на юг. Без
воздушных боев над городом. Без
грохочущего звона корабельных
пушек, от которого вылетали стекла в
домах, но который показывал людям:
флот дерется, флот не предаст их!

Она неторопливо, с
остановками, прошла по старой
квартире, трогая привычные вещи.
Задержалась перед трельяжем, где в
вертикальные щели между зеркалами
был втиснут сразу десяток
фотографий мужа, дочери и внуки. И

старых подруг, из которых уже никого не осталось в живых. Одна выцветшая фотокарточка была еще с той, большой войны — четыре улыбающиеся девчонки в погонах рядовых, с авиационным «крылышками» в петлицах. Она застала самый конец, половину 1944-го и половину 1945 года. Была даже не оружейницей, не специалистом — просто таскала снаряженные боеприпасы к самолетам, помогала заряжать пулеметы и скорострельные пушки. Не могла сказать, что «воевала», но делала все, что от нее требовалось. И полку, и дивизии, и Родине в целом. И потом тоже, столько лет подряд.

Старая женщина погладила лица молодых подруг изуродованными пальцами и тихо улыбнулась. Поправила эту фотографию и еще несколько и больше не стала тянуть. Достала из верхнего ящика коробочку с главными своими лекарствами. Выбрала нужное. Вернулась на кухню, осторожно сняла с сушилki свою любимую чашку, налила в нее воды из кувшина, отстоявшуюся, чтобы было вкуснее. Машинально провела взглядом по полке, потом открыла дверь бакалейного шкафа и проверила себя. Да, все верно. Несколько початых пачек разных круп, мука, немного сахара. Банка горошка. В

неработающем холодильнике — половина давно скисшей банки сметаны. Больше в доме не осталось ничего, даже сухарей. Сколько можно протянуть на имеющемся, понимая, что столько лет помогавшая ей социальная служба больше не придет? Три дня или целых четыре? И зачем: чтобы увидеть из окна, как в ее город все-таки входят враги?

Попробовав воду на вкус, женщина бесшумно прошла через дверь и села в старое продавленное кресло, зажатое между кроватью и платяным шкафом. Посидела, набираясь храбрости. Одну за другой выдавила непослушными пальцами таблетки из твердой фольговой

упаковки себе в ладонь. Зажмурилась
в предвкушении горечи.

Пятница, 22 марта

Страну населяет
звероподобный сброд,
которому просто нельзя
давать возможность
свободно выбирать. Этот
сброд должен мычать в
стойле, а не ломиться
грязными копытами в мой
уютный
кондиционированный офис.
Для этого и придуманы
«Наши»,
«Молодогвардейцы» и
прочий быдлоюгенд. Разве
не понятно, что при

свободных выборах и
равном доступе к СМИ
победят как минимум
ДПНИ и прочие
коричневые? Валить из
страны надо не сейчас,
когда «Наши» и прочие
суверенные долбоебы
строем ходят. Валить
отсюда надо, именно когда
всей звероподобной массе,
когда этим животным
позволят избрать себе
достойную их власть. Вот
тогда я первый в
американское посольство
ломанусь. А сейчас все
прекрасно... Сейчас полная

*свобода. Просто не надо
принимать пропаганду на
свой счет. Ей не нас дуруют,
ей нас защищают от
агрессивной-тупой-нищей
массы, которая все
пожрет, только дай ей
волю.*

*Юрий Гусаков,
идеолог «Единой
России» и
основатель
канала Russia.Ru,
комментарий
2010 г.*

«Россия сосредотачивается» —

известная фраза Александра Михайловича Горчакова, написанная им в депеше, разосланной в конце августа 1856 года в российские посольства за границей. Тупейшая фраза. Употребляемая в наши дни совершенно вне оригинального контекста. Но политическая история России XIX века — это академический предмет, не интересный почти никому: только профессорам, получающим за его изучение государственные деньги, и юным ботанам, которым нужен университетский диплом, а не будущая способность прокормить выбранной профессией себя и свою семью. Но что-то в этом есть.

Сосредоточение

войск

Западного

военного

округа

практически завершилось к середине
ночи 21/22 марта. Именно в этот
момент округ и превратился в
Западный фронт не на бумаге, а на
самом деле. В течение почти полной
недели войска округа пятились
назад, всеми силами избегая прямого
и открытого столкновения с армией
вторжения. Отдавая территорию с
многими сотнями тысяч населения,
расплачиваясь потерями на марше от
ударов с воздуха, пытаясь замедлить
скорость продвижения противника
«инженерными мероприятиями» и
действиями высококомобильных групп.
Россия накопила за последнее

десятилетие огромный опыт работы частей специального назначения, как антитеррористических, так и чисто военных. Большим плюсом было то, что сколоченных групп, имеющих практику работы в городах и в поле, под рукой было много. Но огромным минусом было то, что к 2013 году разнокалиберные «спецназы» практически заменили собой армию. В любом случае командующий фронтом генерал-полковник Сидоров бросил армейские и подчиненные ему милицейские спецназы в поле без колебаний, всей массой. Именно их действия, именно их потери, именно самопожертвование пограничников, от которых на его

направлении не осталось почти ничего, позволили ему купить армии несколько полных суток. Величайшую драгоценность. Если бы не это и если бы не его характер, вопли позади, с московских вершин, давно заставили бы войска Западного военного округа «встретить врага лицом к лицу». И неизбежно превратиться в ничто, в цифры потерь на бумаге и в самые реальные страшные предметы. Ничего общего не имеющие с людьми, которыми они являлись еще недавно, дни или часы назад. *«Pieceteal»* — есть такое английское слово, любой перевод которого на русский язык будет не вполне точным. «По

частям», «по кускам» — в смысле «глотать», «есть» по частям. В первые, самые жуткие сутки войны, под первым массированным ударом, округ потерял значительную часть своих немногочисленных сил и средств в Калининградском особом районе: 7-й отдельный мотострелковый полк, 152-ю гвардейскую ракетную бригаду, 244-ю гвардейскую артиллерийскую бригаду, 79-ю отдельную гвардейскую мотострелковую бригаду, 336-ю отдельную гвардейскую бригаду морской пехоты. И одним из первых своих приказов командующий вновь созданным Западным фронтом

выделил из состава сил округа Особую северную группу войск в составе 61-го отдельного полка морской пехоты Северного флота и 200-й отдельной мотострелковой бригады, которые сейчас изо всех сил врывались в землю, собираясь драться там, на севере. На основном, Центральном, направлении округ безвозвратно потерял уже до 15% штатной техники, в нескольких конкретных бригадах этот показатель достигал и более высоких значений. Потерял без «непосредственного» контакта с сухопутными войсками противника — под ударами его авиации и ракетного оружия дальнего действия. Но эту цифру

Сидоров рассматривал как большое достижение своего штаба. Да, опять же купленное многими десятками жизней зенитчиков.

Могло быть хуже, много хуже. Но штабы ВВС американцев и европейцев демонстрировали похвальную осторожность, работая далеко не с максимальным напряжением, а скорее в режиме «пробы сил». ПВО России — это вам не Сербия, не Ливия и не Ирак. ПВО — это не только ЗРК, включая лучшие в мире комплексы, не только ствольная артиллерия и даже истребители. Это прежде всего организация: системы целеуказания и наведения, многослойное

перекрытие радиолокационных полей и так далее. И все это управляется офицерами, которые целое поколение готовились к именно такой войне, против этого конкретного противника. Нет, решающее преимущество НАТО в авиации неоспоримо, но в этот конкретный раз это не играет или почти не играет роли. Когда они сумеют достаточно ослабить наши ПВО последовательными ударами по командным центрам и узлам связи всех уровней, тогда они начнут работать в привычном режиме. Но пока нет. Пока мы теряем 15% техники за неполную неделю. Меньше чем лихорадочно вводим в

строй.

Времени не хватало, и отчаянно не хватало удачи. Даже чуть-чуть, в виде небольших подарков судьбы. Даже совсем маленьких. Но подарков судьбы не случилось — например, уже на вторые сутки после запуска НАТО операции «Свобода России» стало ясно, что Оперативная группа российских войск в Приднестровском регионе Республики Молдова к ним не пробьется. Четыреста с лишним человек, со всей своей техникой: 16 старых БТР-70 и одна командно-штабная машина. Но самое главное и самое интересное — с сотнями реквизированных в Тирасполе

разномастных грузовиков, до отказа набитых боеприпасами со своих бездонных складов. Именуемый старшим военным начальником воинского контингента полковник неожиданно для многих проявил совершенно стальную волю, без колебаний пустив в ход силу. Попытки молдавских, румынских и даже приднестровских граждан выдвинуть ему свои «законные требования» в отношении немедленного интернирования (а главное — передачи техники и вооружения) были пресечены полковником с такой быстрой жестокостью, что кое-кто вспомнил и покойного генерала Лебеда.

Результат, во всяком случае, был достигнут сразу: в спину уходящему батальону не был сделан ни один выстрел. Но в отношении украинских пограничников это не сработало: те встали твердо, а за спиной у них — мгновенно поднятые по тревоге армейцы и разинувшие рот во всю ширь политики. Стрелять полковник не стал, и вовсе не потому, что думал о политических последствиях этого шага, о «расколе между братскими народами». Куда уж больше раскола... Просто шансы одного мотострелкового батальона пробиться через сотни километров территории Западной Украины были нулевыми. Даже с учетом того

посмешища, в которое превратилась к 2013 году большая часть *Збройних сил України*, там все еще служили люди, которые учились рядом с нами и не хуже, чем мы.

Один батальон не мог иметь почти никакого значения в этой войне, но генерал-полковника весьма впечатлила решительность старшего военного начальника. Вернувшись назад, к Тирасполю, он встал в глухую круговую оборону, обложился минами, не жалея складских запасов, и теперь взять его можно было, только понеся тяжелые, несоразмерные потери. Или раздолбав его с воздуха прямо на складах, что гарантированно уделает

разлетающимися боеприпасами
половину Молдовы. Это тоже сбивает
армии вторжения темп в каких-то его
условных единицах измерения. Но
мало.

— Товарищ генерал-
полковник...

Очередные документы на стол,
очередной CD-диск в целлофановом
конверте. На папке и на диске время:
13.30. Сводки по продвижению своих
соединений и частей, вражеских
соединений и частей, по потерям: по
опять же соединениям и частям, по
родам войск. И половина или даже
больше — от генерал-майора
Бурдинского, начальника
организационно-мобилизационного

управления, и заместителя
начальника штаба ЗВО по
организационно-мобилизационной
работе. Сводка о результатах работы
военкоматов, парков, баз хранения
вооружения и военной техники.
«Лихорадочной» работы, — снова
вспомнилось ему то же слово.
Русский человек вовсе не всегда
ленив и, мягко говоря, не всегда
добродушен. Если его жестоко
оскорбить, если до него дойдет, что
за него взялись по-серьезному, он
способен на очень многое. В России
проживает около 5 миллионов
человек призывного возраста,
прошедших через обязательную
воинскую службу, так охаиваемую

всеми подряд. Даже всего одна пятая из них, вооружившись тем, что десятилетиями дожидалось их на «базах хранения», может вернуть скукожившимся ВС РФ хотя бы часть прежней мощи. ВВС — нет, флоту — нет, но сухопутным войскам — вполне. И вот этим генерал-полковник собирался воспользоваться по максимуму, насколько сможет. Время покажет, прав он или нет.

— Что от 6-й армии? — нелюбезно буркнул командующий фронтом, и помощник нагнулся вперед, вытянул из папки несколько листков на медной скрепке.

— А, чтоб это все...

Генерал-полковник прикрыл глаза от мгновенного укола боли в затылок. Он слишком устал за эти дни. Без состоявшегося приграничного сражения, без единого крупного боя — все равно смертельно устал. Глаза уже не видели, голова не хотела думать и ныла уже почти непрерывно. Все было плохо, все почти без исключения. Его по-настоящему пугало отсутствие контроля из Москвы, от главнокомандующего, из Генерального штаба. Контроля, к которому он привык и который становился все более жестким каждый год на всех уровнях армейской иерархии. Теперь же

Москва выглядела практически «самоустранившейся» от руководства войсками, как бы странно это ни звучало. И у генерал-полковника Сидорова складывалось очень болезненное, нехорошее подозрение, что это касается не только его фронта — что так дело обстоит вообще со всем. Два приказа за прошедшую половину суток, причем один дублирующий еще воскресный приказ — о строгом запрещении использования войсками тактического ядерного оружия. Второй же был даже не приказом, а каким-то подобием циркуляра или даже балаганного призыва: *«Всеми имеющимися силами обеспечить... отражение... Принять все*

необходимые меры для... Выдавить
силы иных государств за пределы
государственной границы
Российской Федерации...» Иных
государств! Не врага, не агрессора —
просто иных государств! Под этим
документом, как и под несколькими
предшествовавшими ему, стояла
подпись едва знакомого генерал-
полковнику человека из состава
последнего правительства. «И.О.
Верховного главнокомандующего ВС
РФ». Причем неизвестно даже,
служил ли этот человек в армии, есть
ли у него яйца, в конце концов? Судя
по слову «выдавить» и особенно по
повторяющимся запретам на
применение ТЯО — ни хрена.

Значит, как обычно, как 70 лет назад. Танками, артиллерией и живыми людьми.

— Еще вот это из 6-й...

Генерал-полковник снова потерял свой затылок, набухающий уже переставшей казаться притерпевшейся болью. 6-я общевойсковая Краснознаменная армия, которая должна была защищать вторую столицу страны, город Санкт-Петербург — именно так звали его боль. Армия состояла из двух отдельных мотострелковых бригад, 138-й и 25-й гвардейских, их усиливали две артиллерийские, одна зенитная ракетная и одна инженерная. Армию спешно

накачивали сейчас резервистами и выводимой из консервации техникой, но у нее было гораздо меньше времени, чем у других его соединений. И ей просто некуда было пятиться: агрессор выходил уже на дальние подступы к Петербургу. В способности 6-й армии отстоять город генерал-лейтенант не просто «сомневался» — он в нее не верил ни на одну секунду. А отходить тоже было нельзя: в этом случае НАТО одним рывком покончит со всем северо-западом и двинется оттуда туда — понятно куда. К Москве. А вот приняв совершенно безнадежный бой, армия выиграет ему еще несколько суток. Первые из которых

он потратит совершенно так же, как и предыдущие, — пятясь назад без боя, под напором легко толкающихся в него передовых элементов бригадных боевых групп нескольких американских, британских, польских и германских дивизий. Неся потери под немногочисленными пока ударами с воздуха и точечными ударами ракетных систем, наносимыми «вполсилы». Теряя боевые машины от технических поломок, бича любой армии. Теряя людей от дезертирства. На всех уровнях, до генеральского включительно. Сколько же их было, старших офицеров и генералов, годами получавших денежное

содержание и льготы за то, чтобы защищать страну, и тихо исчезнувших, когда пришло время ее защищать! Он не ожидал этого, и это действительно привело его в ярость. Звонишь в какую-то из бригад — а тебя соединяют с незнакомым подполковником, который «принял командование» на месте, без твоего приказа и без приказа из Москвы. Докладную записку об этом ты еще не успел прочитать...

Генерал-полковник продолжительно и неизобретательно выругался, и это слегка помогло: отупевшие мозги пережили момент отчаяния и переключились.

— Приказ в 6-ю ушел?

— Так точно, ушел... В 11.20.

— Хорошо.

«Хорошо» — это было просто слово, ничего не означающее. Ничего хорошего в происходящем на северо-западе страны не было и быть не могло.

Своим приказом командующий фронтом преобразовал 6-ю общевойсковую армию в Северо-Западный оборонительный район, подчинил ее командующему все, до чего можно было дотянуться, наделил его всеми возможными полномочиями, кроме опять же применения ТЯО. И возложил на него соответствующую ответственность...

«Общевойсковую»! Можно подумать,

у страны остались какие-то другие, танковые или воздушные?!

Он уже почти махнул рукой на северо-запад и убыл из Петербурга сам, со своим штабом. Собственно север какое-то время удержится: можно быть уверенным, что ни норвежцы, ни финны не полезут через тундру на ДОТы. Но центр и юг... Генерал-полковник снова посмотрел на оперативную карту, расцвеченную синими стрелами и пунктирами. Пожиная плоды первого удара — всей мощью артиллерии и ракетных систем залпового огня по спящим людям, 35-я пехотная (механизированная) дивизия Армии США и польская 12-я

механизированная дивизия быстро и умело разделилась с войсками Калининградского оборонительного/особого района. И за неполные сутки прошли Прибалтику форсированным маршем. Осыпаемые большим количеством цветов — как прибалты делали всегда, какие бы войска к ним ни входили по дороге на восток или на запад. И, насколько известно, провожаемые огнем небольшого числа единиц легкого стрелкового оружия. Однако на «нашей стороне» они несколько притормозили, скорее всего, давая противостоящим им российским войскам время консолидироваться. Проходя за каждые сутки не сотни километров, а

десятки. Методично и без торопливости борясь с его разведывательно-диверсионными группами и просто с одиночками. Методично устанавливая свою власть. Неторопливо. Все это звучало бредово с тактической точки зрения, но генерал-полковник был уверен в точности своей догадки: руководство НАТО наверняка видит большие плюсы в том, чтобы предоставить всем русским, желающим оказать сопротивление агрессору, такую возможность. В военной форме, с оружием в руках, с друзьями плечом к плечу... Две мотострелковые бригады против двух дивизий, пусть и «второго сорта». Что ж, на своей

территории, с непрерывно текущим из тыла ручейком пополнений... Кое-какие шансы купить им сутки-двое у Петербургского оборонительного района были. Если забыть о втором эшелоне НАТО, обладающем заметно более серьезной ударной мощностью. Двое суток, может быть, трое... Если Евгений Устинов будет держаться со своими по крохам собранными силами так, как должен... Они, может быть, даже успеют, долбанув по центру, перекинуть ему часть своих сил. Может быть.

Генерал-полковник снова вздохнул и снова посмотрел на последнюю сводку, на таблицы цифр

и на сумму внизу. Да, нормально. И даже больше, чем он ждал. Да, ни одного боевого или транспортно-боевого вертолета, их просто неоткуда было взять. Но зато больше расконсервированных грузовиков за сутки, чем он получал в год. Примерно столько же танков и бронемашин, сколько поступало в войска «новыми и модернизированными». При этом почти все без электроники — современных средств обнаружения, связи и так далее. Без активной защиты — ни «Арены», ни даже старого «Дрозда». Но с пушками, пулеметами, гусеницами и броней, как в детском анекдоте. И с

экипажами, почти целиком состоящими из резервистов. Годами не имевшими практики вождения боевой техники, практики стрельбы. Однако некоторые с боевым опытом, что лично для него выглядело неожиданным. Он не думал, что столько людей прошло через вместе взятые Афганистан, Осетию, Таджикистан, Чечню-первую или Чечню-вторую. И почти все свои силы он нацеливал на центр.

Американские 1-я бронетанковая и 1-я кавалерийская, польская 16-я механизированная, 1-я и 10-я бронетанковые дивизии Бундесвера. Эти двигались активнее, по широкой дуге отслаивая его

войска от границы с Беларусью. Наверняка Ставридис и Хэртлинг оставят часть первосортных сил и средств в пассиве при любом развитии ситуации, при любой скорости продвижения. Вооруженные Силы Республики Беларусь в высшей степени боеспособны, мотивированы нам на зависть и имеют немало техники современных образцов. С Батьки станется пойти на риск и ударить агрессору во фланг и в спину, а то и перейти границу с Польшей. Интересно, рассматривают ли такой вариант в Москве? Координируют ли политические и военные шаги? Уговаривают ли белорусов, наконец,

обещая им то, другое и третье в обмен на военную помощь сейчас? Почему-то он совершенно не был в этом уверен. Из Москвы в его штаб не спускали ни единой ориентировки, касающейся этого очевидного вопроса, а его собственные запросы оставались без ответа.

— Да чтоб это все... — снова произнес он вслух, морщась от горечи во рту. Он пятился уже слишком долго. И только к концу вчерашнего дня начал чувствовать, что у него появляется шанс в центре. Американская 1-я бронетанковая зарвалась, и удар по ней львиной долей наличных мобильных сил мог

дать ему передышку на несколько суток как минимум. Происходящее на Дальнем Востоке, на Кавказе и на юге страны его напрямую не касалось или касалось, но на этом можно было сейчас не концентрироваться. Север удержится, на северо-запад он почти махнул рукой. За центр можно было начинать драться. Еще трое суток назад Центральный военный округ, пока не преобразованный во фронт никаким официальным приказом, выделил в его распоряжение 3-ю бригаду специального назначения. К сегодняшнему числу она уже вовсю работала по 1-й бронетанковой «малыми группами». Гораздо более

важным был подход 2-й гвардейской общевойсковой Краснознаменной армии, но мобильность подавляющего большинства ее подразделений оставляла желать лучшего. И боеготовность, по его прикидкам, тоже. Это уже давно не та 2-я гвардейская танковая армия, которой она была когда-то. Взявшая Кюстрин и Берлин.

На 2-ю армию можно было не рассчитывать еще около двух суток, и рассчитывать очень и очень условно еще 2–3 суток после этого. Сидоров ни в малейшей степени не сомневался, что командование сил агрессора оценивает эти сроки ровно так же. И именно поэтому

«зарвалась» 1-я бронетанковая. А значит, у него есть некоторое «окно», в которое ему и нужно пролезть со всеми своими танками, бронемашинами и людьми. И, наконец, дать понять агрессору, что торопиться не надо, это рискованно, чревато и так далее. Генерал-полковник был русским по национальности, он носил самую русскую фамилию из всех возможных. И еще не до такой степени оторвался от народа, чтобы перестать понимать — отступление почти без боя на всех фронтах является фактором, чрезвычайно активно изменяющим баланс призыва и дезертирства не в их

пользу. Победа в общевойсковом сражении, на земле, разгром пускай даже одной вражеской дивизии может резко переломить этот баланс на всей территории страны. Это он считал не менее важным, чем собственно уничтожение живой силы и техники врага.

«Где наши „тузы“? Чем заняты?» — спросил он сам себя, не вслух. И тут же нашел ответ среди прочих сводок по 2-й армии. Ага, ага... Самые мобильные из частей и соединений или почти самые, если не считать аэромобильные части. И получившие с его помощью высший приоритет в движении. 92-я ракетная бригада, 12 9К79-1 «Точка-У», 9

Р-145БМ; 950-й реактивный артиллерийский полк, 24 9П140 «Ураган». Он даже не выделил бригаде и полку «силовое» прикрытие на марше, не дал ни одной единицы гусеничной бронетехники. Но вытянул вдоль маршрутов движения бригады и полка все зенитные средства, которые мог. Если бы НАТО засекло выдвижение ракетчиков, вот тут бы они бросили в бой все свои наличные ударные самолеты, в этом можно не сомневаться. Но пока, судя по всему, быстрый марш оторвавшихся от основных сил армии транспортеров, командно-штабных и вспомогательных машин они не

засекли. Либо засекли, но пока не интерпретировали правильно: маскировка у ракетчиков была поставлена выше среднего по ВС. И теперь, к утру, он, командующий фронтом, сунул в свой рукав сразу два туза. Способных быстро (и, как можно надеяться, неожиданно) изменить баланс сил в том месте, которое он выбрал уже двое суток назад и к которому тянул свои войска и свою технику, не жалея ни топлива, ни людей.

Раскрытый экран ноутбука на правой стороне стола непрерывно прокручивал таблицу, удивительно похожую на биржевую «бегущую строку», только ориентированную по

другой оси. Генерал-полковник мог позволить себе не замыкаться на отдельных ее вводных, охватывая общую картину, выверяя конкретные показатели в тех бумагах, что ему подавали на стол каждые 20 минут. Даже при том, что не прозвучало еще ни единого выстрела, его контрнаступление уже началось.

1-я бронетанковая сильнееший противник из всех. Американская 1-я кавалерийская крупнее, но не сильнее. Это противоречило тому, чему его учили, — начинать надо было со слабейших. Но это имело смысл, если речь идет о гонке со временем. Если ему удастся потрепать 1-ю бронетанковую,

командир, например, 35-й пехотной (механизированной), относящейся к Национальной гвардии дивизии, три или четыре раза подумает. Помедлит, прежде чем пройти очередной десяток километров по пустому шоссе на своем собственном направлении. Так что...

Генерал-полковник нехорошо усмехнулся и тут же стер усмешку с лица. Береженого бог бережет — стоящий перед ним навытяжку майор должен видеть только тоску и слышать только матерную ругань. Незачем ему... Зато есть зачем пообщаться с начальником штаба. В очередной раз с начала дня. Наверное, в тысячный с начала

войны.

— Пригласите генерал-лейтенанта Картаполова...

— Слушаюсь.

Картаполов пришел бы к назначенному времени и сам, но тогда они будут не одни, а командующему фронтом хотелось пообщаться с ним именно наедине. До удара оставались считанные часы, и каждая минута работы его начштаба была на вес золота. Но есть вещи и подороже золота.

Танки, танки... Танков все равно было мало. И не имеет значения то, что их мало и у 1-й бронетанковой и 7-й армии США в целом, что их мало у европейцев. Перевес все равно был

слишком небольшим. И более чем компенсировался подавляющим превосходством НАТО в боевых самолетах и вертолетах.

— Есть ли новости по 82-й и 101-й воздушно-десантным, по британской 16-й бригадах? — спросил он уже в спину уходящему порученцу.

— Нет, товарищ командующий. Ни слова. Но я запрошу, может быть, что-то появилось буквально за последние минуты.

Сидоров кивнул, глядя на закрывающуюся дверь. Американские воздушно-десантные дивизии и британская бригада были еще одной головной болью. Основу

XVIII воздушно-десантного корпуса Армии США исходно составляли 4 дивизии: 82-я и 101-я воздушно-десантные, 3-я пехотная и 10-я горная плюс части усиления. Месяц назад корпус разделили на две части, причем, что интересно, без официального переформирования. 3-я пехотная и 10-я горная остались в Афганистане, а 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии — и пять из шести отдельных бригад корпусного подчинения — теперь действовали в Европе. Фактически 101-я дивизия была не «парашютной» в прямом смысле этого слова: сами американцы именовали ее «воздушно-

штурмовой». Но зато среди пяти переброшенных на его направление бригад XVIII корпуса была 525-я разведывательная (парашютная) бригада двухбатальонного состава. Еще у американцев есть 1-я кавалерийская дивизия, но в отношении этой хотя бы известно, где она действует, по какому маршруту движется и с кем находится в соприкосновении. Про 82-ю и 101-ю воздушно-десантные дивизии, 525-ю американскую и 16-ю британскую воздушно-десантные бригады ему ничего не было известно. А даже половина их аэромобильных сил может перевернуть все с ног на голову в его

планах, разделить его силы на части, последовательно нарезать их на все более мелкие куски и припереть к неотвратимо приближающимся «большим братьям»: в первую очередь именно к фронту наступления 1-й бронетанковой.

Генерал-полковник Сидоров планировал бросить в готовое начаться сражение все свои силы, практически без остатка. Его оперативным резервом будет служить подходящая 2-я общевойсковая армия, соединениям которой, возможно, придется вступать в бой с марша. Только таким образом можно было надеяться создать значимый перевес на поле боя. Но наличие у

НАТО «под рукой» огромной мобильной мощи в виде двух воздушно-десантных дивизий и двух бригад могло стать решающим, и он был бы идиотом, если бы этого не понимал. Массируя ноющий затылок, командующий фронтом размышлял о возможных путях решения этой проблемы и не видел ни одного. Вот раньше было иначе... Десятилетиями определявший развитие Советской армии маршал Устинов имел явный «бзик» на истребительной авиации. И поэтому страна во всю мощь своей развитой промышленности конструировала и конструировала, строила и строила реактивные истребители, самые современные,

самые лучшие в мире! Высшие военные училища ежегодно выпускали минимум полторы тысячи свежееиспеченных летчиков-истребителей, каждый из которых видел себя будущим вторым Кожедубом. Истребителей у СССР было много — столько не было нужно! Но страна и маршал Устинов в частности слишком натерпелись в ту войну от Люфтваффе... А современный истребитель — лучшее средство завоевания господства в воздухе. Никакие иные средства ПВО не сравнятся с ним. Тридцать, даже двадцать лет назад проведение масштабных парашютных и посадочных десантов на территории

СССР было невозможно в принципе: «голубые петлицы» реально взвыли бы от радости, пойдя на такое противник. Но где все они теперь? От истребительной авиации СССР остался один пшик, большинство училищ расформировано. Новые самолеты почти не строятся, а если строятся, то больше для иностранных заказчиков.

Отдельные «предсерийные» рекламируют сами себя, перелетая с одного авиасалона на другой — ну да, гражданам России действительно приятно посмотреть на них с экранов своих телевизоров... Теперь воздушно-десантные дивизии и бригады противника могут одним рывком

взять под контроль четверть европейской территории страны. И да, они вполне способны удержать занятую территорию в течение времени, необходимого для подхода главных сил с тяжелой техникой. Потому что те всегда будут двигаться если не быстрее, то, по крайней мере, не медленнее его самого.

Забавно, что всего полчаса назад он думал нечто почти противоположное. Мол, пускай у противника решающее превосходство в авиации, но в данной конкретной обстановке это не так важно. Важно, еще как! Армейская ПВО не дает и не даст авиации НАТО эффективно работать по его войскам «в целом»,

но противник более чем способен пробить широкий коридор для колонн вертолетов и большегрузных десантных самолетов, идущих к одной или несколькими намеченным целям. К аэропорту Змеево в Твери, к аэродрому Клоково, он же Тула-Северный. К еще нескольким, в том числе расположенным заметно восточнее.

— Как со временем у нас, Андрей Валерьевич?

— Успеваем.

Оба генерала склонились над картой, красные кружки и овалы на которой вытягивались к западу, полукругом охватывая сетку синих пунктиров. Оба были даже чем-то

похожи внешне, и у обоих была одна и та же печать на лице. Напряжения, усталости, злобы. Современные нам средства массовой информации создали два очень отличающихся один от другого типажа советского/российского генерала. Западный типаж: большой, сильный человек в черной папахе и с густыми бровями, оскаливший зубы в злой усмешке, мечтающий пройти по мирным странам с огнем и мечом. Наш собственный, российский, был немногим лучше. Жирный, зажравшийся хряк с лоснящейся от удовольствий рожей. Распродающий боевые машины, оружие и просто людей, имеющий свой процент от

каждой малейшей поставки в армию чего-нибудь. Солдатики строят ему дачи одну за другой, намывают представительские автомобили в его гараже, а он приказывает холоум-охранникам продать их в рабство чеченам, если ему что-то не понравится.

Оба типажа были так же далеки от реальности, как современная Россия от статуса сверхдержавы, прочно занятого Советским Союзом еще в 40-х годах и с треском пропитого с тех пор уже нашими поколениями. Командующий фронтом и его заместитель/начальник штаба были совершенно не ангелами, но оба вышли из рядов

Вооруженных сил СССР и еще успели застать, каково это — служить настоящей стране. Это называется «импринтинг». Его не имели или почти не имели офицеры, выпустившиеся из училищ уже в 90-е, когда страна демонстративно отмежеввалась от собственной армии. Военный опыт командующего, прошедшего две войны — Афганистан и первую чеченскую, — совершенно не был сладким, но это не позволило ему получить некое «моральное оправдание» для превращения в свинью. Он был злым — вот этого отрицать нельзя, — но это было очевидным ему самому плюсом. Добрый генерал — это

генерал мирного времени. Сейчас время было страшным, и профессионализм, воля и агрессивность становились гораздо более ценной комбинацией качеств, чем просто профессионализм и воля. И тем более доброта. Оба служили всю жизнь. Их не удалось купить. Они были готовы к драке. Если бы в России были гербы с девизами у кого-то, кроме свихнувшихся на хрусте французской булки богатых дураков, оба и по отдельности написали бы на них приблизительно одно и то же: «Ну, теперь держитесь».

— Да, слушаю.

Оба ждали звонка, но тот все

равно был слишком неожиданным, слишком резким. Снявший трубку украшенного гербом телефона генерал-полковник не произнес вслух ни слова и только несколько раз кивнул. Потом он отчетливо спросил: «Разрешите выполнять?» — И почти сразу же после этого положил трубку на аппарат, не имеющий ни кнопок, ни диска. Погладил пальцем орла сначала по одной голове, потом по другой. Скривился.

Начальник штаба фронта выжидающе посмотрел на него. Глаза у него были темные, к полным щекам пролегли глубокие складки.

— Новый, — подтвердил

Сидоров. — Тот же «и.о.» Хорошо, что не кто-то третий уже.

— Да, хорошо. И?..

— Сослался на 1945-й и 1942 год, гнида. Мол, давите *Die Erste*,^[16] как отцы и прадеды немецких гадов давили! Пожелал удачи, приказал начинать. На мой вечерний запрос о тактическом снова не ответил ни слова.

Оба машинально подняли головы, поглядев на большие настенные часы.

— Ракетчики выходят на огневые рубежи через минуты. Наше подтверждение им...

Сидоров кивнул. Звонок из Москвы, традиционное «разрешите

выполнять» не имели значения. Многое могло измениться, если бы ему неожиданно предоставили так требуемые им полномочия. Можно не сомневаться, он с величайшей тщательностью выбирал бы цели для фактического применения ОМП на своей собственной территории, на родной земле. Но на самом деле еще вчера, после нескольких жарких разговоров, после безответных запросов, ему стало ясно: нет, не разрешат.

— *Man drup — man to!* — с нехорошим выражением лица произнес генерал-лейтенант.

Слова контрастировали с обстановкой этой комнаты, но были

очень к месту, и сам конфронта зло,
по-хамски ухмыльнулся. Что-то
вроде «*Давай, берись за это!*» на
Plattdüütsch, нижненемецком/
нижнесаксонском. Девиз и боевой
клич той же *1.Panzerdivision/Division*
Eingreifkräfte — 1-й бронетанковой
дивизии Бундесвера, разные аспекты
контрудара по которой они второй
день обсуждали с одними, другими и
третьими избранными
высокопоставленными лицами в
Москве и Санкт-Петербурге: с
политиками, и военными, и
бывшими военными, а теперь на
самом деле неизвестно кем. И с
другими военными, своими: прямо
здесь, в кабинетах защищенного

командного пункта под Новодугино, на полдороге между Ржевом и Вязьмой. Какой там девиз у американской 1-й бронетанковой? *«Прокладывай дорогу»?*

Оба снова обменялись взглядами, потом снова опустили глаза. Все уже началось. Незачем было куда-то звонить и мужественным голосом выкрикивать в трубку «Огонь!». Батареи уже открыли огонь, а некоторые открывают его прямо сейчас, в эти самые секунды, пока каждый глядит на узкую тонкую стрелку, скользящую по кружочку циферблата не самых дешевых наручных часов. Началось.

Два генерала встали со своих стульев, и комфронта закрыл крышку ноутбука, быстрым движением выдернул провод с вилкой из сети, кинул поверх.

— Пошли?

Они прошли по коридору, сопровождаемые молчаливым майором, которому генерал-полковник подал свой компьютер и сведенные в одну большую папку все накопившиеся бумаги со стола. Ни одного окна в стенах, давящее ощущение массы камня над головой. Два поворота, снова стальная дверь, обитая планочками из жженого дерева, как было модно в «эпоху застоя». Проходная «приемная»

комната с забитыми электроникой двумя столами и с двумя вооруженными младшими офицерами за ними, ровно как у каждого из них. Еще одна дверь.

— Сидите, товарищи.

Полтора десятка офицеров в ранге от генерал-майора до подполковника опустили на свои места. В комнате было накурено так, что не справлялись вытяжные вентиляторы в забранных решетками потолочных нишах. Пахло несколькими сортами сигарет, пахло кислым мужским потом: некогда было хорошо мыться, не до того. И слишком много было в воздухе напряжения.

После приветствий командующий фронтом осмотрел лица офицеров своего штаба одно за другим. Да, они тоже чувствуют, что там — началось. Под камень, через железобетон не пробиться грохоту, раскачивающему землю в сотнях километров от них. Но каждый должен неплохо представлять это себе. Слишком много лет и даже десятилетий каждый из них провел в войсках, последовательно командуя взводами, ротами, батальонами, служа на штабных должностях в полках, бригадах, дивизиях и армиях по всей стране, в дислоцирующихся за рубежом группах войск.

Реактивная система залпового

огня 9П140 «Ураган» выпускает за 20 секунд 16 280-килограммовых ракет, накрывающих сплошным слоем осколков или противотанковых мин большую площадь. А используя второй из двух своих важнейших козырей, генерал-полковник Сидоров не поскупился. За последние двое суток Роскосмос запустил в общей сложности 8 спутников разного назначения и 3 противоспутника производства Центра имени М. В. Хруничева. Все они были выведены на свои орбиты в ходе двух успешных запусков: одного произведенного с расположенного к югу от Архангельска космодрома «Плесецк», а второго — с

космодрома «Байконур». До сих пор действующего, несмотря на два последовательных ракетных удара по его инфраструктуре. Пополнение собственной космической группировки и достоверное уничтожение пары известных спутников-фоторазведчиков США позволило России коренным образом переломить сложившуюся обстановку в области получения развединформации противостоящими друг другу командованиями. Генерал-полковник Сидоров мог только гадать, как обстоит сейчас дело у адмирала Ставридиса с «той» стороны и адмирала Чиркова с нашей, но

самому ему данных по средней полосе России хватало без всяких оговорок. Автоматические системы распознавания и десятки специалистов молотили с утра до вечера и с вечера до утра, практически в режиме реального времени выдавая на его штаб массу драгоценнейшей информации. Такого не было у Саддама, у Милошевича, у Каддафи. У командующего Центральным фронтом, пусть и оставшегося без главнокомандующего, имелся не просто доступ к информации со спутников — он мог считать некоторые из спутников почти «своими собственными». Теперь

только от него и его людей, до самого низа, зависело, останутся ли полученные им данные — фото, радиоэлектронные профили — простой абстракцией или превратятся в пораженные цели.

— Пошло!

Подполковник перед планшетом в дальнем углу стола осекся, но слово уже вырвалось, и интонация сказала Сидорову и Картаполову больше, чем сказала бы полуразмытая картинка на мелком экране. Но он все равно не выдержал, вытянул палец и выразительно показал на стену. Не помешает. Подполковник завозился, и его движения потянулись в разные стороны, как волны от упавшего в

воду камня: офицеры сдвигали свои ноутбуки и папки, освобождая зацепившиеся провода, распутывая их. На подсоединение к переходнику ушла целая минута, на прогрев настенной трансляционной системы — еще секунд двадцать. Заставка на экране была неинтересной — и чужой. В России не делали электронику такого назначения: было невыгодно, и считалось, что самим — незачем. Ага, вот и картинка...

Изображение не выражало почти ничего: мечущиеся белые пятна на сложном сером фоне; на переднем плане — крест из пересекающихся нитей, понизу — застывшие координаты и

меняющиеся цифры, обозначающие время, до секунд и долей секунд.

— Назад дайте.

Подполковник в том же дальнем углу стола кивнул, быстро остановил трансляцию, вышел в файловое меню и после коротких манипуляций открыл тот же самый ролик, но уже в записи. Кинув взгляд на часы, передвинул ползунок ролика на нужное по времени место. Развернул на полный экран.

Один из трех присутствующих в кабинете генерал-майоров буквально с лязгом ругнулся. Да, теперь все было видно отчетливо. Различно, во всяком случае. Здание типовой постройки, состоящее из двух

каменных квадратов, слитых воедино посередине: положенная на бок квадратная восьмерка. Школа или детский садик. Три этажа, значит, скорее первое, чем второе. С другой стороны — самая окраина города, может быть, и что-то иное, неважно... Несколько неподвижных машин, в том числе, по крайней мере, одна, увенчанная различной башенкой, от которой тянется ствол пушечки. Подвижные фигуры людей, каждая похожа в этом разрешении на несколько поставленных друг на друга зернышек. Но широкий настенный экран растягивал даже несколько пикселей на большую высоту, и было все равно понятно,

что это люди. Ему уже приходилось видеть такое раньше, большинству других тоже.

Время! В ожидаемый им момент, соответствующий давности в несколько минут от текущей, экран превратился в то, что они все уже видели. Сначала в одну широкую ярчайше-белую блямбу — псевдоцвет был насыщенным до абсолютного, — а потом в мельтешение белого на сером.

— Уф-ф...

Несколько человек выдохнули воздух почти одновременно. Забавно, ведь все они знали, что так будет, и все равно...

Тактический (дивизионный)

ракетный комплекс 9К791 «Точка-У», одна из двух дюжин выпущенных ракет.

Одноступенчатых твердотопливных баллистических, состоящих из ракетной части 9М79-1 с Х-образным расположением рулей и крыльев и неотделяемой в полете головной части (ГЧ), как пишут в справочниках. Сидоров бы отдал кисть руки за то, чтобы иметь право использовать «специальные» ГЧ, снаряженные ядерными или химическими зарядами: 200 килотонн в одном случае и 50–60 килограммов зомана или «ви-ар»^[17] в другом. Но не сейчас, не по этой цели. Не на окраине молодого русского города Нелидово. Он даже

помнил, оказывается: на гербе стоящий лев с кольцом в лапах. Почему с кольцом, почему лев — в России сроду не водились львы. Лезет в голову чушь, ясное дело, от усталости...

«Точка-У» была на 120 километров, и он использовал эти километры полностью, не чтобы «не подставить» ракетчиков под неизбежный немедленный ответный удар — его ни в каком случае не удастся избежать, — а чтобы по максимуму снизить его последствия.

— Достоверное поражение цели, отклонение от точки прицеливания... Около 20 метров.

Вновь прикрыв ладонью папку с

бумагами, комфронта поднял глаза и посмотрел туда же, куда все остальные.

— Второе попадание, — ровным голосом прокомментировал подполковник, о котором уже все забыли. — Цель № 2, достоверное поражение.

На настенном экране было все то же самое: пляшущие абстрактные пятна разных оттенков светло-серого с белым, во всю диагональ. Все начали переглядываться по цепочке, как персонажи недорогой «семейной комедии». С некоторым удовлетворением комфронта подумал, что даже в этой самой комнате вовсе не все офицеры его

собственного штаба знают, что такое «Цель № 2», «№ 3» и так далее на много пунктов. Хотя можно возразить и самому себе: нет, увы, не на так много. 92-я и 448-я ракетные бригады в общей сложности сработали сейчас двадцатью четырьмя «Точками-У». Да, по шоссейным развязкам, мостам, полям с вертолетами. Но самое главное — по ставшим известными его штабу развернутым узлам связи, неподвижным командным пунктам, штабам батальонного и бригадного уровня, радиолокационным комплексам. Это стало возможным только благодаря спутникам и всему, что с ними связано, — и это было,

наверное, самым лучшим доказательством того, как важно и выгодно было стране развивать космонавтику — с самого начала, с Лайки, Белки и Стрелки. Ключевые объекты, дающие противнику столь значимое преимущество на поле боя, достоверно идентифицировались по радиоэлектронным профилям, которые нельзя было назвать иначе как «вопиющими». Такое ощущение, что противник не держал его штаб, его страну в целом за цивилизованных людей. Имеющих доступ к информации со спутников разных типов и способных эту информацию обрабатывать и интерпретировать. Имеющих в своем

распоряжении тактические ракетные комплексы, даже в неядерном снаряжении доставляющих к цели почти по 500 килограммов «полезного груза», состоящего из взрывчатого вещества и готовых осколков. Принимал его лично и всех их вместе, всю страну за папуасов или арабов. Неприятное сравнение. И ошибочное.

Для первого удара его контрнаступления 24 «Точек» было мало, но все же и при использовании ракет в «конвенционном», обычном снаряжении две бригады были способны на многое. Жаль, что «Цель № 1», штаб американской дивизии, так и не была локализована.

Ракета 9М79-1Ф с головной частью 9Н123Ф — осколочно-фугасной, сосредоточенного действия — несла 162,5 килограмма тротил/гексогена и при воздушном подрыве давала 14,5 тысяч осколков, накрывающих больше двух гектар. Можно было только мечтать о том, как все это прошло бы по их главной цели, но и так неплохо. 24 комплекса из 80 имеющихся у России «Точек-У», много больше чем четверть. И полк «Ураганов». В одном ударе. Мало, надо же...

Командующий фронтом еще раз ухмыльнулся: нехорошо, гадко, как редко делают сильные мужчины. Пусть потом будет хуже, «но это уже

потом», как пелось в известной песне времен его молодости. 448-я ракетная бригада, один из двух его собственных, не одолженных ни у кого козырей, являлась лучшей бригадой сухопутных войск среди частей и соединений ракетных войск и артиллерии его собственного округа. Причем являлась официально, с вручением переходящего вымпела командующего округом. Ее командиру, полковнику Олегу Соколову, комфронта небезосновательно поручил самые сладкие из всех целей: с номерами от 2 до 4 соответственно. Два установленных штаба бригадных

боевых групп из трех и «поле чудес» под названием «Аэродром Канаево».

Никакой это не был аэродром, разумеется. Бывший аэродром, бывшая деревня Канаево Тверской области. Услышав это название впервые, ничего не сумели вспомнить ни он сам, командующий округом, ни его начальник штаба. Но новый спутник-фоторазведчик сработал четко и чисто, дав им первую, не похожую сначала на правду информацию. Как использовать надувные макеты, хорошо знают не только сербы и русские, не надейтесь. Хитрый чернокожий генерал-майор абсолютно точно не дурак, и на

каждую реально созданную «площадку временного базирования» для своих драгоценных «Апачей Лонгбоу» наверняка приходилось по 3—4 ложных объекта, забитых макетами и, между прочим, отлично прикрытых средствами ПВО. Но «неиспользуемый объект „Аэродром Канаево“», как значилась эта ВПП в доступных документах, оказывался реальностью по всем данным инструментальной разведки. Не силовой — Сидоров настрого запретил войсковым разведчикам всех уровней даже близко подходить к этой деревне. Как ни странно это звучит, вертолеты гораздо более мобильная цель, чем самолеты.

Слова «не спугнуть» звучали у него в голове каждые несколько минут; чаще, чем нормальный мужчина его возраста думает о бабах. В способность армейских зенитных средств американцев перехватить значительную долю «Точек» он не верил. А вот в способность подставить его далеко не безошибочной разведке пустышку и вовремя увести из-под удара реальные, драгоценные цели — верил на все сто.

«Статус —
недействующий.
Принадлежность — ГА...
Регламент работы —

брошенный... Длина 400 м. Ширина 18 м. Освещение — нет. Покрытие твердое (асфальт)».

— Ни хрена не асфальт, — сказал по этому поводу поднятый им из трехчасового сна офицер штаба, знавший, по мнению генерал-полковника Сидорова, почти все. — Бетонные плиты, заросшие травой. Оттуда даже мотодельтаплан не взлетит... И деревня нежилая.

У американцев был широкий выбор. В районе действия 1-й бронетанковой есть не только бывший аэродром Канаево. Есть и бывший аэродром у деревни Селы,

Нелидовского района. Наконец, есть Андреаполь, где до 2009 года базировался расформированный теперь 28-й ГИАП на «МиГ-29». Можно было догадаться, что 501-й авиационный полк этой дивизии будет свободно перемещаться между этими тремя ВПП и десятком совершенно необорудованных импровизированных площадок. В конце концов, «Апачи» — это не стратегические бомбардировщики, много им не надо.

— Цель № 4, наблюдаю воздушный подрыв ГЧ...

Подполковник вдруг осекся и замолчал. Командующий фронтом отвел взгляд от экрана: тот по-

прежнему демонстрировал рамку растянутой на всю его ширину программы-плеера, но само изображение исчезло, сменившись ровным серым фоном. Подполковник подергал провод, потом перегнулся со своего места вперед и проверил соединение переходника. Это было глупо: сигнал на экран шел, в этом отношении ничего не изменилось. Исчез сигнал со спутника, а у этого могло быть триста причин, ни одна из которых не имела отношения к железу и людям, находящимся в этой комнате. Сидоров не имел понятия, как организована ретрансляция сюда от спутника, висящего в нескольких сотнях километров над головой. Или

не висящего, а плывущего. Он наверняка понял бы, если ему объяснили, но в этом никогда не было нужды.

Подполковник уже закончил дергаться и начал колотить по сенсорным клавишам пальцами правой руки. Со впечатляющей скоростью. Бог весть, что там ему удастся добыть. По этому вопросу и без него было кому командовать, и то, что было слышно генерал-полковнику из его кресла, его вполне устроило. Если справиться с технической неполадкой возможно, с ней справятся. Ну, видео в любом случае было баловством, стимулирующим боевой дух, но

отвлекающим от дела. Раньше отлично обходились без такого, и ничего. Главное — поражение целей. Желательно полное.

Типы машин, которыми был оснащен 501-й авиационный полк, он знал наизусть: 1-й батальон — «Апачи», 2-й и 3-й батальоны — «Черные ястребы». Только что переброшенный обратно в Европу 4-й батальон — тоже «Апачи». Он даже знал имя командира этого батальона: Крис Барнвелл. Потому что именно 4-й имел свежий боевой опыт и являлся самым опасным из всех. Но не знал, кто командует «Чинуками» и даже то, есть ли сейчас «Чинуки» в составе

дивизионной авиабригады. В принципе, любая «тяжелая» авиабригада должна была их иметь, и в одном из прочитанных им документов говорилось, дословно: *«When fully constituted, the brigade will have Apaches, UH-60 Black Hawks and CH-47 Chinooks — a total of 113 aircraft»*, то есть: «Когда бригада будет развернута полностью». Пока считалось, что не включенный в состав авиаполка 127-й авиабатальон обеспечения оснащен теми же «Черными ястребами» в вариантах UH-60 и EH-60.^[18] В батальоне — 32 одних и 19 других машин соответственно: нам бы такие батальоны... В любом случае

полнокровный ударный батальон «Апачей» — это 24 машины, боевой вылет каждой из которых может стоить ему на поле боя танка с обученным экипажем. Батальон «Черных ястребов» из входящих в состав полка — еще 30 машин. Способных нести на подвеске ракеты AGM-114 Hellfire: однозначно одного из лучших противотанковых средств во всем арсенале ВВС США. Интерпретация данных спутниковой разведки давала около 60 вертолетов на поле бывшего аэродрома Канаево. Это составляло лишь несколько более половины от расчетного числа машин в американской авиабригаде, но и это его устраивало полностью.

Баланс между стремлением нанести удар по ним как можно скорее и стремлением нанести удар всеми наличными «Точками» и «Ураганами» одновременно был непростым. Дай-то бог, с «Целью № 4» они не опоздали.

Наряд сил для цели типа «вертолеты на посадочных площадках» составлял по всем инструкциям одну ракету 9М79-1К или две 9М79-1Ф. Слово «или» в трехминутном докладе командира 448-й ракетной бригады Соколова полсуток назад привело комфронта в такую мгновенную ярость, что в итоге на Канаево пустили все три. Драгоценнейших, стоящих миллионы

рублей, занимающих в производстве полного цикла многие месяцы. Воздушный подрыв означал детонацию ГЧ типа 9Н123Ф, но, возможно, за него приняли подрыв центрального заряда в ГЧ типа 9Н123К, высвобождающего осколочные боевые элементы. 50 штук по 1,45 килограмма взрывчатки и 316 осколков в каждом. Как известно, договор 2008 года о кассетных боеприпасах ни Россия, ни США не подписали, приведя правозащитников в негодование. Вот и еще один эпизод кровавых злодеяний российской военщины... Сколько ракет дошло до цели? Настоящая ли это цель или они

купились на ложную? Видео со спутника, при всем его полуабстрактном качестве, ответило бы на этот вопрос: вторичные детонации на нем наверняка были бы очевидны. Все же жаль, что его нет, и теперь придется ждать подтверждения эффективности ударов долгие десятки минут.

— Товарищ командующий фронтом... — Полковник ВВКО^[19] подошел со спины, склонился к самому уху. — Восстановить связь со спутником не удастся. Более того...

— Со спутником? Не с ретрансляционным центром? Сколько там звеньев досюда...

— Так точно, товарищ

командующий фронтом. Со спутниками, сразу тремя из последней группы.

— Из восьми запущенных.

— Так точно. И еще трех более старых КА, довоенного времени. Я запросил Контроль космического пространства напрямую, они ответили оперативно. Ни одного запуска американцы или европейцы за последние сутки не производили, ни один противоспутник не сработал. Да и не мог бы один... Все замолчавшие единицы — разных типов, на разных орбитах. Геоостационарных, средневысотных, низких наклонных. Их нельзя было уничтожить сразу. А связь со всеми

шестью пропала совершенно синхронно, в течение одной секунды. И поскольку с остальными связь есть, значит, дело не в технических неполадках со связью на нашей стороне.

Генерал-полковник сделал большим пальцем правой руки такое движение, будто что-то раздавил на столе. Россия давно, годы назад потеряла возможность производить полную номенклатуру всей электроники, необходимой вооруженным силам и космонавтике. Значительная доля установленных на борту каждого космического аппарата приборов любого назначения была произведена или

там же, где все наши видеоплееры, принтеры и сотовые телефоны, или в Израиле, Канаде, США. К чему это может привести в ходе реальной, связанной с «огнем на поражение» войны, все знали отлично. Но менять ничего не собирались. Потому что это потребовало бы перестройки всей системы с самого низа: от развертывания в России разгромленной сети профессионально-технических училищ до развешивания на телеграфных столбах людей, придумавших 94-й Федеральный закон.

Воскресенье, 24 марта

*В диалоге с жизнью
важен не ее вопрос, а наш
ответ.*

Марина Цветаева

10-й отдельный батальон РХБЗ не был раздерган по взводам огнеметчиков, придаваемых мотострелкам, как предсказывали некоторые. Собственно огнемет за прошедшие дни Вика увидела трижды: дважды на плакатах «в разрезе» и один раз в руках старшего

сержанта Ежова, так и оставшегося командиром их взвода. Им выдали патроны, причем тяжеленными пачками, без счета, и только после этого начали учить собирать и разбирать автоматы и стрелять из них. Выдали еще одну смену белья, уже третью, всю в чернильных штампах. Выдали саперные лопатки (почему-то их называли «саперскими»), и с тех пор едва ли не треть учебных часов приходилась на тренировки в «самоокапывании». Выдали штыки в ножнах — и этот факт сам по себе бросил ее в дрожь. На мгновение ей вспомнилась сцена из эпического фильма: маленький хоббит в изумлении разглядывает

выданный ему меч, а потом задает соответствующий наивный вопрос. Но больше всего Вику напутало то, что ее «учебную роту» перестали называть учебной.

Подполковник Кузнецов не имел ни малейшего шанса за несколько дней сколотить из батальона боееспособное стрелковое подразделение. Но он попытался. Присягу Вика приняла в среду. К воскресенью она уже не путалась не только в частичной, но и в полной сборке-разборке и к последним стрельбам, из полного десятка проведенных, сумела выбить в первом упражнении по грудной мишени ровно 100 очков. Чем едва-

едва не дотянула до отметки «отлично». «Стрельба днем, цель — „атакующая (отходящая) группа пехоты“, 300–400 метров; лежа, с колена и стоя, по 5 одиночных выстрелов». Подумав, наблюдавший за стрельбами командир роты старший лейтенант по фамилии Проскурин попросил руководителя стрельбы не переходить ко второму упражнению. А выдать Вике и еще четверым, отстрелявшимся на «отлично» или «почти отлично», еще два раза по столько же патронов и поставить их на то же упражнение еще раз. В этот раз Вика выбила все 210 очков, что оказалось (при делении на два) ровно нижней

планкой оценки «отлично». Более того, оторвав от ложа автомата вспотевшую щеку, она осознала, что те крики и подвывания, которые она слышала позади, — это был ее взвод. Который «болел» за нее и остальных.

К этому дню бывшая учебная рота из некомплектной превратилась в почти полуторную: не 40 человек, а 120. Не два взвода по два отделения, а четыре по три. Несмотря на имевшее место дезертирство, на которое пошло уже несколько человек из знакомых ей в лицо. Близость большого города была слишком серьезным соблазном: здесь почти все были местными. А новости по радио и от родных,

пробивающиеся со все более нерегулярными включениями сотовой связи, были очень и очень нехорошими. Все более нехорошими каждый день.

Ненормальным и даже несколько сюрреалистичным показалось Вике то, что командир 2-го взвода Ежов, имея звание старшего сержанта, командовал теперь, по крайней мере, двумя лейтенантами из свежего пополнения. Бывшими «пиджаками», получившими офицерские звания после выпуска из ВУЗов, имевших военные кафедры. Одного из ИТМО, артиллериста морской артиллерии, и одного аж из Первого медицинского, врача

надводного корабля. Его не сделали командиром медицинского взвода, потому что тот был уже полностью укомплектован еще в мирное время и командовал им аж капитан, являвшийся выпускником военно-медицинской академии. Но начштаба батальона мельком и невнятно упомянул, что будет иметь непривычного резервиста в виду. А пока, дескать, тот будет считаться санинструктором роты. Врач только усмехнулся и мрачно кивнул: он вообще все делал с довольно мрачным видом.

После того как пришлось сформировать третье отделение, его командиром назначили второго из

тех мужиков среднего возраста, которые на ее глазах обменялись балканскими ругательствами и так оба этому удивились. Мата вокруг вообще было много, непривычно много, но вот это Вике запомнилось. Вопрос «кто из вас имеет боевой опыт?» звучал уже несколько раз, и в первый — когда, собственно, и выяснилось, что эти двое побывали в Сербии, хотя и в разное время, — и позже. Каждый раз, когда прапорщик-кадровик приводил к Ежову и Проскурину очередные несколько человек. Про то, что в Сербии воевали русские добровольцы, Вика когда-то слышала, но ей всегда казалось что

это «казаки», то есть ряженные. Выходило, что нет. К слову, мрачный лейтенант-врач, ставший теперь стрелком, тоже положительно ответил командиру роты на этот же вопрос, назвав Чечню. Но на уточняющие он начал что-то невнятно мычать, задумался, затем неуверенно упомянул горы, морскую пехоту и «непростая история была», и Вика без колебаний заключила, что он врет. Ротный наверняка тоже.

Второе упражнение — это стрельба с места по появляющейся цели из различных положений, цель — атакующая группа пехоты: два стрелка, поясные фигуры. В первые разы до этого упражнения вообще не

доходило, в следующие разы командир взвода приказывал стрелять только одиночными, а потом уже разрешалось выбирать, одиночными стрелять или очередями. Вика даже не думала, что в армии такое бывает, в смысле выбор. Очередями у нее получалось плохо, и она даже обиделась сама на себя. Командир отделения посмотрел и после окончания упражнения, с их «отбоем» и рапортом, подошел, показал. Не упустив случая хорошо потрогать ее за бока. Но без лишнего, не дурак. Угроза поменять ей автомат на поварешку, судя по всему, отступила довольно далеко.

Патроны здесь не считали или

считали только для подсчета очков и выведения оценок. Позади огневого рубежа на столах свободно стояли открытые «цинки», и начиная с третьего упражнения этих конкретных стрельб им отдали приказ стрелять сколько потребуется. И после паузы объяснили, что «в значении — потребуется, чтобы все выбили по крайней мере „хорошо“». Попытки с четвертой Вика выбила требуемое «хорошо» и при стрельбе очередями, но с пятой снова спустилась, потеряв сразу десяток очков. Плечо болело уже непрерывно, в том числе во время отдыха. И еще болели шея и спина, потому что в прошлые дни она прикладывалась

неправильно. И ныли руки, хотя руки у нее были не слабые: все-таки пловчиха. «Некуда здесь плыть, девочка», — сказала Вика сама себе в один из моментов, когда можно было хоть что-нибудь подумать, глядя из-за спины на тех, чья очередь была стрелять. «И будет ли еще хоть раз бассейн с голубой водой, белым кафелем и розовым полотенцем?» Она сама понимала, что отупела: никакой учебы по учебникам и наглядным пособиям здесь не было и в помине. Или почти не было, только что-то в самом начале. Только стрельбы и марши, хотя и «близкие», и учеба по сборке-разборке, и снова стрельбы, иногда по много часов

подряд. И чистка лишнего оружия, и «личное время — 15 минут», когда можно попробовать позвонить маме. Дважды это удалось, и мама рассказала, что у нее все хорошо, но в ее голосе были слышны спрятанные слезы. Мама сказала, что они решили жить с соседкой и ее двумя детьми в одной квартире, наглухо закрыв вторую. Так, по ее словам, было лучше. Слово «безопаснее» не прозвучало, но Вика его как-то почувствовала. И еще мама произнесла название нескольких городов и городков, до того близких, что хотелось закричать и куда-нибудь убежать, пока не поздно. Враги были совсем рядом, а они до сих пор не

представляли собой ничего. Сборище надевших военную форму и давших присягу сопляков и мужичков. И одна соплячка среди них, рядовая Петрова. Это настолько не соответствовало высоте и мощи накатывающегося вала, что от такого бросало в дрожь. А ведь она не была «чистым гуманитарием», она была дочерью старшего офицера. «Военная косточка», как раньше говорила бабушка.

Снова упражнение, сразу прекратившее все мысли. Когда Вика стреляла, она не думала вообще ни о чем, совсем. Голова была пустая, и руки работали автоматически, сами: при помощи глаз, но без помощи

извилин мозга. Даже смешно. Попадание, еще попадание: щепки летели во все стороны, и она видела это четко и резко, как на ярком киноэкране. Атакующая (отходящая) группа пехоты — два стрелка на разных рубежах, потом смена позиции. Потом огневая группа — тоже две фигуры, из которых одна изображает пулеметчика. Снова смена позиции. Азарта Вика не испытывала — для этого, наверное, тоже нужны мозги. Еще одна мишень — как бы «атакующий стрелок». На спусковую скобу она жала, не жалея пальца, и было такое ощущение, что первые из вырванных из мишени щепок не успели еще отлететь, когда

она выстрелила в третий и четвертый раз. Песец ослику. Второй магазин ей не понадобился.

— Рядовая Петрова, стрельбу закончила.

Она поставила автомат на предохранитель и только теперь начала нормально дышать, а в глазах чуточку прояснилось.

Слева и справа раздавались те же слова. За дисциплиной, точнее, за техникой безопасности здесь следили сурово.

— Разряжай!

Вика выложила второй магазин на мерзлую доску, отстегнула початый и один за другим выщелкнула неизрасходованные

патроны в ладонь. Тех оказалось неожиданно много: даже один раз пришлось отложить их в сторону.

— Рядовая Петрова, оружие разряжено, поставлено на предохранитель.

— Смена, к середине. Оружие к осмотру.

— Товарищ капитан, рядовая Петрова выполняла боевую задачу по уничтожению противника в указанном секторе стрельбы. В ходе боя наблюдала: все цели поражены. Боеприпасы израсходованы не полностью, осталось 40 патронов. Задержек при стрельбе не имелось.

Она оттарабанила свое как робот: памятью бог не обидел.

— Ну, Петрова, ты даешь. Кураж поймала?

Вика не нашлась, что ответить. По ощущениям мозги до сих пор включились не полностью. Интересно, у отца так же? Когда он бросает на врага набитую взрывчаткой стальную хрень, весящую черт знает сколько?

Повесив автомат за спину и собрав патроны в карман, Вика пошла за остальными, шумно переговаривающимися, почти веселыми. Почему-то во время стрельб почти забывалось, для чего все это и что там, снаружи. Теперь это накатило заново.

Когда они менялись, она снова

обратила внимание, что атмосфера в отделении и во взводе в целом изменилась. Лица стали более человеческими, более сглаженными. Странно звучит, правда? Но в первые двое суток пребывания в армии Вика была буквально шокирована обилием страшных, некрасивых людей рядом с собой. Непрерывным матом по любому поводу — и вот именно этим, лицами. При этом ей было совершенно понятно «в принципе», что ни одна рота, кроме, пожалуй, каких-нибудь кремлевских курсантов, не может состоять из Аполлонов. Высоких, мускулистых и белокурых красавцев со значительными и вдохновленными

лицами. Вроде тех, какие нам показывают в рекламе «Polo Ralph Lauren». Типа вдохновленными перспективной защищать Родину. На самом деле эти ребята и мужики оказались совершенно не красавцами, да и вообще не произвели на нее, уже не девочку, хоть сколько-то достойного впечатления. Некоторые с резкими чертами лица, некоторые с лишним весом, некоторые с плохими зубами. Все это и многое другое во всех возможных комбинациях. Татуировки, в том числе блатные или сделанные под блатные. Прыщи на рожах, а у одного — искусственные шрамы, что всегда вызывало у Вики

отвращение. Был скинхед или по крайней мере русский националист, немедленно после появления в казарме громогласно обвинивший во всем происходящем жидов. Был высокий и курчавый парень-еврей, тут же ответивший на это прямым ударом в голову с правой. Драка длилась ровно четверть минуты: по три удара на каждого. Когда их растащили, у еврея была рассечена губа и бровь, а нацик уже начинал багроветь левой половиной лица: его соперник явно владел обеими руками не одинаково хорошо. Вика и все остальные слышали, что орал старший сержант за закрытыми дверями, к вечеру побитых парней

поставили мыть сортир вместе, и на следующий день на них двоих было уже совсем страшно смотреть. Но потом отеки с морды спали у обоих, и они вдруг оказались людьми. И остальные тоже, как ни странно, почти все одновременно. Скуластый и сутулый парень с блестящими глазами, которого Вика в старые времена послала бы далеко и конкретно даже не при попытке познакомиться, а при попытке подойти близко, вдруг оказался знатоком песен. Причем не рэперских трынделок, а нормальных: «Наутилуса», Визбора, Высоцкого, Цоя, «The Beatles», старого белорусского «Господина Бользена»,

песен Евгении Смольяниновой. Негромко, под нос — для себя, а не для других, — но очень чисто. Он пел их, даже когда было совсем тяжело. Это Вику просто шокировало, а потом выяснилось, что одно, или другое, или третье есть у каждого из них. Отвоевавший в Сербии «не-казак» по имени Денисыч очень любил детей и кошек. У него дома были коты и аж трое детей, и он все равно пошел в военкомат. Причем, по его словам, именно не «все равно», а «поэтому»... Один из самых молодых парней, деревенский, неожиданно оказался хорошим рукопашником: даже когда против

него вставляли офицеры, он кидал и валял их какими-то хитрыми бросками, не даваясь в захваты и уворачиваясь от ударов кулаками и ногами. В батальоне был «физкультурник» в невысоком звании прапорщика. Вот с этим они рубились почти на равных, под общий свист и улюлюканье, и деревенского в конце концов уложили лицом вниз, но запыхавшийся прапорщик утер распоротую в одном из падений щеку и молча показал болеющим сразу два больших пальца. А потом помог уже не похожему на дешевого гопника парню подняться... Мрачный доктор жестко и профессионально делал

массаж. В первый раз предложил сам — кому-то из совсем уж немолодых мужиков, воем вывших после «штурмового городка» и полосы препятствий в полной выкладке: с оружием, боеприпасами, в бронежилетах. Потом его начали просить, и он не отказывал, хотя было видно, как устает сам: все же он был постарше большинства. По 10, редко по 15 минут, но мял мужикам и ребятам спины, плечи и ноги, вытягивал мышцы, бил раскрытой ладонью по позвоночнику.

В четверг уже почти к самому отбою в военный городок прорвалась мать одного из 18-летних. Как тот честно признался, другую бы не

пустили, но его мать была аж младшим советником юстиции, работала в прокуратуре, значит, майор. Черт их знает, приравняли сейчас звания или нет: юристы вроде бы все были военнообязанными, как медики всех уровней. Ей дали поговорить с сыном минут двадцать, а потом она выложила на стол из сумки несколько коробок с сухим печеньем и пару блоков сигарет с фильтром. Вместе с несколькими другими ребятами Вика стояла в коридоре и смотрела на это. Женщина негромко спросила что-то у сына, кивнула и прямо от дверей позвала «рядового Ляхина». Того позвали, он пришел через минуту. Ни

слова не сказал по поводу своего лейтенантства, что Вике неожиданно понравилось. Женщина дала ему заглянуть в свою сумку, это выглядело довольно смешно. Тот довольно равнодушно кивнул, вынул из сумки несколько пачек ваты, индпакеты, поискал глазами вокруг. Подозвал ее. Вика подошла, удивляясь сама себе. Санинструктор подал ей все это добро в протянутые руки, а сам выгреб из сумки остатки: какие-то флакончики и несколько мелких коробок. Снова кивнул, в этот раз уже более вежливо. Женщина обменялась с ним несколькими словами, вроде бы что-то просила и потом снова ушла к сыну. Вот это

Вике почему-то запомнилось, хотя прошли уже дни.

Сегодня было уже воскресенье, середина дня. К концу стрельб, когда вся рота, меняясь, прошла через все упражнения по несколько раз, на огневом рубеже собрали чуть ли не настоящий консилиум: руководитель стрельб, командир роты, командиры взводов, кто-то из штаба батальона. Сплошь младшие офицеры, но много. Пока командиры отделений строили своих, а эти «свои» обменивались впечатлениями, те общались. Заняло это довольно долгое время. Потом комроты Проскурин неожиданно вызвал ее. Вике хватило ума, подойдя, обратиться по уставу, хотя

на изучение устава, вопреки всем стереотипам, им до сих пор дали потратить максимум час.

— Автоматическим огнем тебя не прет, судя по всему, — буркнул старший лейтенант. — А одиночными получше большинства... И не только здесь, а по батальону. И я видел, и остальные.

Вика молча ждала, стоя по стойке «смирно», как паинька. Она чувствовала себя неловко. Папа-подполковник был далеко, а она была рядовая. Так много офицеров рядом, причем тех, от кого она зависела — это было непривычно.

— Получишь СВД. Знаешь, что это такое?

Она была бы душой, если бы сказала «не знаю», и поэтому молча кивнула. Тут же поняла свою ошибку и успела ляпнуть «так точно».

— Получишь в оружейке, я прикажу.

Он вдруг осекся и приподнял голову. Все повторили его движение как близнецы, с секундной задержкой.

— Показалось? — спросил старший сержант вроде бы сам себя, но Проскурин отрицательно покачал головой с очень задумчивым видом.

— Ладно. — Он снова повернулся к ней и смерил Вику взглядом с головы до ног, будто увидев в первый раз. — Как поешь,

сразу сюда. Со второй ротой, а? — Он вопросительно взглянул на руководителя стрельб, и тот согласно кивнул.

«Рядовой Петровой» приказали встать в строй, и, уходя, она чувствовала спиной их взгляды. Раньше в таком было удовольствие — ощущать, как мужчины, сразу вся группа, смотрят тебе в спину, когда ты идешь. Теперь в этом не оказалось вообще никакой радости, и она отлично понимала, что дело во всем сразу: и в жутком защитном бушлате, и в том, кто смотрит.

Свои сразу начали задавать вопросы, но довольно быстро утомонились. А на пути со

стрельбища разговоры почти прекратились. Все как-то сразу выдохлось, про себя переваривая выпущенные за последние часы патроны, промахи и попадания. Лично Вика очень серьезно обдумывала, почему командование, при всем пиетете к технике безопасности, так открыто равнодушно к патронам. Цинки стояли на столах открыто: перед упражнениями все подходили и набирали. После поражения всех целей упражнения «достреливать» остатки боеприпасов не разрешалось, и их или оставляли себе, доснаряжая магазин, или выкладывали. Но никто ничего не

проверял, не считал. Она и любой другой из них могли спрятать десяток патронов в карман бушлата, и никто не обратил бы на это внимания. Это казалось опасным.

Именно потому, что было так тихо, она и слышала негромкий, глухой рокот вдалеке. Будто приглушенное стуканье одного большого камня о другой. Это не было похоже ни на что: ни поезд идет, ни вертолет летит. Вертолеты они видели каждый день, иногда по нескольку раз. Самолеты — только в виде редких запутанных инверсионных следов высоко в небе. Каждый раз при этом Вика вспоминала отца.

— Э, пацаны...

Идущий на две шеренги впереди боец неожиданно замедлил ход, и на него наткнулись сразу несколько человек. Прозвучали ругательства, затормозившему досталось несколько тычков.

— Не, ну правда же! Слушайте!

Слушать на ходу было не очень удобно — в этом парень был прав. Но она уже перестала сомневаться. Прозвучавшее в Викиной голове слово казалось таким невозможным, что она сразу же захотела его отбросить, но не вышло: оно вернулось само, как австралийский бумеранг. «Канонада». Слово из далекой истории, из чего-то

школьного про Бородино.

— Р-рота! Бегом! Бегом, вашу мать!

Офицеры обогнали их цепочкой, оружие в руках. На их лицах было какое-то выражение, смысла которого Вика не поняла, причем одинаковое на всех. На всякий случай, она оглянулась: нет, на лицах перешедших на бег товарищей по взводу ничего такого не было. Только напряжение — попробуйте, побегайте в тяжелых ботинках, бушлатах, шапках и с оружием за плечами. И после такого дня. Пусть половины дня.

«До дома» им было недалеко: в Сертолове вообще все концы

близкие. Сколько-то минут пыхтения и отхаркивания на бегу. Сопровождающихся ощущением того, что синяк на лопатке растет с каждой секундой. На бегу их колонна слилась еще с одной, состоящей из бойцов в ровно таком же обмундировании, как у них, но сплошь незнакомых. Мало ли кто? В поселке и вокруг него размещалось сразу несколько воинских частей, относящихся к разным родам войск; в чем-то здесь, наверное, была выгода. Вику осенило, что, раз лица сплошь молодые, а не как у них, значит, эти «кадровые», и она осталась довольна собой.

Но на месте все выглядело

настолько ненормально, что любые положительные эмоции тут же ушли в ноль. Ну, конечно, можно было признать, что все ненормально. В норме она должна была не стрелять из автомата по мишеням, а сидеть на семинарах, а после них зубрить в библиотеке, а еще позже — идти в бассейн, а после него в клуб или домой, или сначала домой, а потом в клуб. Но в любом случае дома был дом, а не комната наполовину с кастеляншей, и дома готовила мама, а не бог знает кто. Здесь она от усталости вообще не чувствовала вкуса еды, ела будто во сне, машинально.

— Третья рота! Стройся! Вторая

рота! Стройся!

Снова мат: и слева, и справа, и спереди. Вика растерялась, но в армии одно было неплохо: здесь тут же видят человека, не понимающего, что делать. И весьма конкретно уведомляют его о его следующем шаге.

— Сюда, кура, мать твою! Сюда, я сказал!

Такого, как этот офицер, мама Вики и на порог не пустила бы; и можно не сомневаться, отец бы его разделал на вермишель в одно касание, но слова дошли, и она шарахнулась вслед за всеми.

— Равняйся! Смир-но! Напра-а... В-во! В колонну по два, бегом

марш!

Вике казалось, что люди в зеленых бушлатах и сине-серых шапках бегают пусть не поодиночке, а в колоннах и группами безо всякой системы, но она тут же поняла, что не права. Офицеры управляли ими, как пастухи стадом. Пусть такое сравнение было не льстящим — оно походило на правду. Склады такие, склады слякие. Получение индивидуальных аптек и индивидуальных пакетов всеми и скомплектованных санитарных сумок — санинструкторами рот. Повесив на себя такую, их доктор громко и неприлично заржал, но в его смехе Вике послышался надрыв.

Аптечки — это были ярко-оранжевые пластиковые коробочки. Получение подсумков и гранатных сумок. Получение противогазов и противогазных сумок. Хотя она громко выкрикнула свой номер, как делали все, ей в итоге дали не тот размер, но она даже не сказала ничего вслух. Все было «бегом-бегом», все происходило за какие-то минуты. На одном из складов выдали вещмешки и там же начали буквально кидать в руки «предметы обмундирования», уже без системы, без записи, без размеров. Она схватила сразу две пачки носков, штук по десять в каждой, и тут же выдернула у кого-то из-под носа

вязку нитяных перчаток.

Вике не приходило в голову, что такое может быть. Их не учили обращаться с ручными гранатами, не было ни одного занятия, но на каждое отделение выдали по ящику уже снаряженных гранат, бери хоть по три, хоть по четыре. Гранаты оказались совершенно непохожими на те, которые показывают в кино. Они вообще ни на что не были похожи: круглый шарик, вроде крупного новогоднего мандарина, только очень тяжелый. Сверху наполовину гладкий, а снизу рубчатый, с нечастыми насечками. Здоровенный пластмассовый набалдашник, сбоку торчит

алюминиевая чека; почему-то поверх рифленых букв и цифр нанесены пометки краской, странно похожей на лак для ногтей. Вика не знала, что делать. Гранаты были очень тяжелыми, прикасаться к ним было страшно, и она не рискнула взять себе ни одну. Под крики «давай-давай» все уже топотали дальше. Снова сто метров бега — и очередной склад, из распахнутого нутра которого мотающиеся туда-сюда бойцы выносят бронежилеты, по две штуки сразу. Их кидали прямо на снег — точнее, на едва подкрашенный инеем бетон, — и все хватали, что придется. Почему-то бронежилеты были разными, по

крайней мере двух, а то и трех моделей. Поскольку невозможно было знать, хватит ли их на всех, в этот раз она не тормозила: схватила первый, до которого дотянулась. Весил он, казалось, тонну, и при всей своей спортивной подготовке Вика с очень большим беспокойством подумала о том, что быстро двигаться в таком она точно не сможет.

— Куда одеваешь, придурок! Ты еще через ноги натяни, мать твою! Очки разуй!

Она сморгнула, глядя на секундную «жанровую сцену»: здоровенный сержант отвечает подзатыльник не менее крепкому

мужику лет 26–28, растерянно выпутывающемся из лямок. Начал надевать задом наперед, понял ошибку, а обратно не лезет.

Там же все хватали каски. Или шлемы? Уже почти скуля про себя, она взяла один из стопки, похожей на стопку кастрюль. Но шлем оказался не стальным, а вроде бы пластиковым, и Вика испугалась этого еще больше. Хорошо это или плохо? От чего может защитить пластик?

— Давай! Давай! Оглохли все? Первый взвод!

— Вашу мать через пень-колоду! Второй взвод! Орангутанги чертовы! Старший сержант Ежов!

— Й-я!

— Твои бандерлоги вообще с катушек спрыгнули? На фарш пойдете, придурки! Быстро, быстро!

— Виноват, товарищ старший лейтенант!.. Второй взвод! Стройся! Равняйся, смирно! Вольно... Командиры отделений, ко мне!

Вдалеке гулко ухнуло, и этот же звук повторился еще раза три, почти не угасая. Будто в бане уронили металлическую шайку, и та покатилась по полу, гремя и подпрыгивая.

— Командиры отделений; я сказал! Рядовой Иванов, рядовой Цыплаков, рядовой Яшин! Ко мне, живо! Лейтенант Ляхин тоже!

Люди бегали, таскали грузы: ящики, коробки, что-то еще. Размахивая руками, комвзвода орал на командиров отделений, его не было слышно за многоголосым ревом автоколонны. Та была вроде бы совсем рядом, за ближайшим строением, и звук греющихся моторов наполнял морозный воздух, не оставляя места ни для каких других. Вике и стоящим рядом знакомым ребятам как раз в эту секунду вроде бы никуда бежать и ничего тащить не приказывали. Можно было перевести дух и хотя бы попытаться собраться с мыслями. Как ни странно, короткой паузы хватило, она вспомнила про

обещание, полученное на стрельбище после своих чудесных для новичка достижений.

— Товарищ старший сержант!

— Не лезь!

Вика обернулась: ее ухватили за плечо сзади.

— Не видишь, что ли?

Она посмотрела: все три командира отделений их взвода и ротный санинструктор кивали головами, как болванчики. Или как игрушечные собачки — такие ставят в машины.

— Нет.

— Тогда просто слушай меня. Стой на месте.

— Но...

Вика все же закрыла рот сама. Ладно. Как будет, так будет. Даже если ей дадут снайперскую винтовку вместо автомата, это не сделает ее снайпером. Снайперов даже в Отечественную готовили месяцами. А она СВД пока видела только на картинке. Чутьочку реализма не помешает, правда? В сложившихся-то условиях?

Первый взвод их роты тяжело протопал мимо, обвешанный оружием, мешками, броней, касками — все тащили их за лямки, как какие-то авоськи. На ходу солдаты очень одинаково косили на стоящих глазами. Парень слева от Вики приветственно помахал рукой. Вроде

бы по команде «вольно» разрешалось... Стоящий справа звучно прокашлялся и харкнул под ноги: на этот раз она даже не поморщилась, не до того.

— Патронов набрал?

— Еще как набрал. Вещмешок почти полный.

— Врешь.

— Забьемся? Я три сотни взял.

И две гранаты.

— Утянешь?

— Хе...

Парень похлопал себя свободной ладонью по груди, действительно как обезьяна.

— Бронежилет тебе какой достался?

— А я знаю? Какой ухватил, такой достался. На нем не написано.

— Раньше шлемы другие были...

Это сказал еще один, молчащий до этого мужчина, и Вика обернулась на него с вопросом.

— Виталий, тебя ведь так зовут, да?.. А ты помнишь, какие раньше были? Видел?

Виталий молча кивнул. Вика уже думала, что он не ответит, но тот все же разжал губы.

— Да, я срочную еще в СССР служил. У нас другие были. Стальные. Хреновые.

— Эти лучше? — хриплым голосом переспросили с другого бока.

— Хуже быть не могло, на мой взгляд... Так что наверняка лучше.

Командиры отделений и ротный санинструктор вернулись к ним бегом. Лейтенант втиснулся в строй прямо рядом с Викой, и когда она двигалась, давая ему место, то ей показалось, что у него волосы стоят дыбом. Показалось по выражению глаз: под шапкой ничего не было видно, разумеется.

— Ты чего? — тихо спросила она, не зная, как обратиться к нему правильно. По возрасту — старше, по званию — непонятно, но тоже как бы да...

Лейтенант посмотрел на нее нехорошими глазами. Не тупыми, а

именно нехорошими. Глаза у него были как у зомби. Или как у акулы. Пустые, ничего не выражающие.

— Эй, Ляхин!

Командир отделения тоже что-то такое почувствовал, подошел быстрым шагом. Взял за плечи, встряхнул.

— Ну? Дыши! Ну?

Тот поднял опущенные глаза не сразу. Зашарил руками по левому боку, нащупал свою смешную сумку с красным крестом. Это ему помогло: он ожил. Пробормотал что-то неразборчивое под нос. «Псих», — четко поняла про себя Вика и на будущее решила держаться от него так далеко, как возможно. Что им

там такое сказали?

— Взвод! Равняйся, смирно! Слушай мою команду! Сейчас начнется!

— Что? Что он сказал? — не поверив, не поняв, спросили сбоку, снова слева.

— К погрузке!

— Что?

Вика обернулась и выдавила через сведенные судорогой зубы порцию мата. Не удержалась. Потом отчетливо, почти вслух подумала: «Ах, что бы сказала сейчас мама?» — и тут же засмеялась про себя, осознав, как выглядит: в бушлате, с «АК-74» за спиной, в строю. Все это заняло меньше секунды, и она сама

испугалась за свой разум.

Очередные лающие команды старшего сержанта сорвали их всех с места. Вика уже ничего не слышала и уж точно ничего не понимала. Она просто начала делать совершенно то же самое, что и другие, и от этого ей стало легче. Ей всунули в руки огромную картонную коробку, и она даже не стала говорить, что от ее веса она умрет: просто взяла и понесла. Та оказалась не полной, и даже одного этого почти хватило на секунду счастья. В коробке звякали консервные банки, да и на картоне сверху отпечатались они же. Можно было начать ревновать: сам старший сержант с ног до головы был обвешан

оружием.

— Взвод, стройся!

— Батальон!..

Воспринятого за последние дни хватило: в этот раз Вика вовремя сообразила, что командуют не им. Более того, бегом формирующие строй ребята вообще были не из их батальона: и бушлаты другого оттенка, и лица сплошь незнакомые, и офицеры чужие. И еще бронежилеты одинаковые, а не вразнобой, как у них.

Бывшую учебную роту строить не стали, а бегом прогнали мимо равняющего шеренги батальона к ревущим грузовикам. Сплошь «ЗиЛы» привычного вида, уже

сформировавшие колонну. В ее голове — единственный МТ-ЛБ с пулеметным вооружением. Им никто не собирался давать время что-то обсудить, пообщаться: солдат ее роты начали набивать в кузова грузовиков вплотную одного к другому, буквально заваливая их сверху железом, вещмешками, коробками. О слове «комфорт» здесь никто даже не задумывался: каждый был притиснут к соседу до предела, лежащий на коленях груз поднимался до самого подбородка и еще до того, как они тронулись, начал весить почти тонну. Автомат Вика зажала между коленями, тупо повторив то, что сделали остальные. Несмотря на

холод, дышать ей было нечем — и от скученности, и от страха. Мат в воздухе стоял уже почти непрерывно, и в интонациях ей слышалось: да, все уже все поняли. Да, сейчас.

— Ребята! Ну ребята же! Ну скажите, ну чего вы? Что, правда?

Ноющего придурка крыли руганью со всех трех сторон, но он не унимался и все продолжал переспрашивать, будто они все знали, но не говорили ему. Как ни странно, это не взвинчивало нервы — может быть, уже некуда, — а помогало. Когда ругаешь кого-то, может стать легче на душе. Ты не один такой здесь...

Погрузка длилась долго,

сопровождаемая руганью, лязгом, вонью выхлопа от хреновой солярки и пахнущего острым страхом пота многих десятков человек. Снаружи, за тентом, Вика узнала голос командира их роты, но опять не разобрала ни слова из сказанного. Почему-то тент был как граница, отсекая маленький мир внутри кузова «ЗиЛа» от всего, что было снаружи. Так маленькие дети прячутся под одеяло. Крепче ухватившись за ствол «калашникова», можно было попытаться справиться с тем, что съедало ее бедную голову изнутри, но не получалось. Хотелось плакать, хотелось вскочить, раскидать в разные стороны каску,

беспользый бронежилет, лопатку, подсумок, оружие, вещмешок, дурацкую коробку с жирными консервными банками, заорать что-то... И вырваться наружу из этого места. Туда, где не будет пахнувшего железом, смазкой и страхом воздуха. Где будет мир.

— Поехали!

Их дернуло назад, потом вперед, и Вика даже с каким-то облегчением осознала, что все-таки не успела сорваться. Теперь можно было концентрироваться на движении машины, на том, как ее мотает влево и вправо, то наваливая на обоих соседей по очереди, то давая им навалиться на нее саму. Крикнувшего

«поехали» обозвали «Гагарин хренов», сказавшего это обругали уже в три голоса и так далее. Некоторое время всем было чем заняться, и даже крики командира отделения, все его «прекратить немедленно» и прочее, ни на кого не влияли. Но ехали они долго, все успели устать, и ругань сначала потеряла накал, а затем интерес. Все замолчали почти одновременно и только вполголоса, почти машинально, поминали разные анатомические детали женского и мужского организмов, когда их громадный «ЗиЛ-131» подбрасывало на ухабах. Скорость все машины держали приличную.

Вика приподняла голову, когда один из бойцов передал по скамейке просьбу посмотреть, что сзади. Просьба двигалась к корме грузовика довольно долго, а вот ответ дошел почти тут же:

— ИКЕЮ проехали.

Переспрашивать начали сразу многие, но опять же быстро затихли: где это находится, знали даже жители области. Вика попыталась привстать, чтобы поглядеть в мотающийся позади просвет: ее дом должен был быть почти рядом. Можно было бы увидеть, если бы не тент. Но теснота и невозможность двигаться под грудой всего полученного добра лишили ее даже

иллюзорной надежды. Ненужной, понятное дело. Какая польза от того, что она посмотрела бы на силуэты высоток своего микрорайона? Но все равно жаль.

Сразу после этого она с неодобрением подумала о том, что бронежилет, каска, автомат и патроны совершенно не делают ее солдатом, а вот двигаться под грузом всего этого она почти не сможет. Даже просто вылезти из машины будет проблемой: ноги уже начали затекать, а им еще неизвестно сколько ехать.

— Лейтенант! — позвала она неожиданно для самой себя.

Сидевший наискосок от нее

«санинструктор» перевел на нее тупой взгляд.

— Ты с каких краев?

Тот ответил не сразу, и Вика как-то вдруг совершенно четко поняла, что он сейчас думает. Выбирает как ответить: резануть, что на «ты» рядовые к лейтенантам обращаться не должны, или... Ну, не дурак, наверное. Они в одном взводе, и оба по факту рядовые стрелки. СВД, судя по всему, уплыла в далекое никуда: кто теперь вспомнит о данном обещании? Да и толку от него...

— Местный.

Лейтенант снова отвернулся, но Вика видела, что он все равно ждет

продолжения разговора. Двигатель «ЗиЛа» ревел так, что разговаривать было непросто, почти как в метро. Интонаций в голосе не чувствовалось совсем, но хотя бы что-то слышно без крика.

— А работал где? Я никогда не спрашивала.

— В больнице. Терапевтом.

На это Вика не знала, что ответить, профессия не показалась ей особо гламурной. Но она как бы с пониманием покачала головой, и этого хватило.

Сидящий слева от Вики мужик постарше их обоих начал рассказывать какую-то длинную историю про то, как у одного его

знакомого сын косил от армии как раз через больницу. По его словам, купить докторов было дешевле, чем военкомов. В ответ на это еще один мужчина начал рассказывать другую историю, давностью в несколько дней. Неожиданно похожую на страшилку с вечерних посиделок в палате детского летнего лагеря — Вика еще не забыла, как это бывает.

— ...И вот мамаша орет прямо на военкома, а сынок молчит и только вздрагивает. Ладно бы она за ручку его привела, но тогда какой смысл был бы вообще приходить? Повестку в унитаз спустила, и свободны... А так он сам пришел, и она бегом за ним, сечете? Сначала на

сына наорала, что он идиот и дебил, потом на всех остальных нас, кто в коридоре стоял и на этот театр пялился, что мы все тоже дебилы... А потом и на вышедшего военного. Чего только не обещала: и «американцы придут — вас первых на сук вздернут», и «всех вас, быдло, уничтожить надо, чтобы людям жить не мешали», и все такое на полную катушку.

— И что?

Врач выглядел напряженным, это как минимум. Что-то этот рассказ в нем затронул, личное. Хотя прошлый, про использование в довоенное время больничных справок для «отмазок» он прослушал

спокойно. Сам, конечно, такое видел.

— Не поверите.

— Ну?

— Офицер спокойно достал пистолет, направил на нее и спрашивает: «А сам ты что думаешь, парень?» Тот все молчит, а баба вообще взвилась. Визжит, подпрыгивает, голос уже срывается. И как она «За все ответите, гады! За все!» провизжала, тут и...

Он замолчал и посмотрел на соседей, выдерживая паузу. Станиславский, блин.

— Мозги на стену. На плакаты со счастливыми и мужественными воинами, ага. Она как сноп рухнула. И тишина тут же, аж в ушах звенит.

Все на тормоз нажали, стоят, не верят. Парень бледный на колени упал, мамку тормошит. Из кабинетов сто человек повыскакивали: офицеры с оружием, доктора чуть не с молоточками, призывники в обалдении, ясное дело.

Все слушающие его обменялись взглядами. Каждый, вероятно, примерял такое на себя.

— А дальше что?

— Не знаю, — честно признался рассказывающий. — Этого я уже не видел. Я на всякий случай подальше ушел. Черт его знает, что парень дальше мог сделать. С одной стороны, эта сука сама напросилась, с другой — все-таки мать...

— Народ слишком долго привыкал, — неожиданно хрипло сказал врач. — К безнаказанности. Крикнет веселый джигит в блоге или прямо на улице: «Давайте скорее резать русских ублюдков!» — и на него менты разве что с тоской посмотрят, это не про него статья писана... И про «скорей бы пришли и порядок навели» — тоже уже привычная вводная.

Он замолчал. И как ни странно, замолчали и все остальные. Вика задумалась на ходу. Тряска почему-то перестала чувствоваться, а вес груза на коленях стал почти привычным. Мурашки в отдавленных ногах бегать перестали, уже хорошо.

Она думала о сказанном только что и о жизни «вообще»: о матери, об отце. Довольно долго думала о доме. О том, во что может превратиться их дом уже через несколько дней. В свою способность и способность ее недоученных товарищей отвлечь это хотя бы на миг ей не верилось. Каково, интересно, это будет? И что будет после того, как наступающие враги проедут через то, что было ими: ею, соседями по лавке внутри несущегося по Кольцевой «ЗиЛа», рядовыми и офицерами? Что они сделают с городом и со страной вообще? Снесут городские кварталы, методично передуют в концлагерях все население, раздадут земли

своим? Это звучало бредово. Такие штуки не писали даже в газете «Правда», целиком составленной из бреда больных на голову людей. Но как-то же будет? Они же не просто так приедут на своих танках и бронемашинах, смешают с землей армию России, на треть состоящую из людей, в жизни ни из чего не стрелявших, перетопят корабли и катера, посбивают поднявшиеся в небо самолеты... Они же делают это для чего-то? Рискуя собой, тратя деньги в невообразимых для ее головы масштабах. Ради того, чтобы принести им свободы и права во всем их ассортименте, да? Не смешите меня, уж этот тезис не

работает даже с такой дурочкой, как она.

Вика криво ухмыльнулась и в полумраке увидела эту ухмылку одновременно на нескольких лицах, как в зеркале. Это было неприятно и даже страшно. Они все выглядели как психически больные, как персонажи какого-то не самого дорогого фильма, приближающиеся к недоброму месту. Герой, второй герой, шут, шустряк, красавица, дурнушка... Что там еще бывало? И какая-то гадость начнет их сначала пугать, а потом убивать, и по отдельности, и попарно. Причем сначала будет непонятно, что это — в этом и есть интрига, — а потом

будет вроде бы все понятно, но все равно ничего не сделаешь. И выживет или «второй герой», или, как ни странно, «дурнушка». А потом будет вторая серия, правда?..

Грузовик снова начало трясти и раскачивать, и сидящие ближе всех к корме ребята снова заглянули под тент. Они проезжали какое-то место, но на этот раз прозвучавшее название населенного пункта никому ничего не сказало. Затихший было разговор начался вновь, но почему-то приглушенными голосами. Все будто вжали головы в плечи. Кто-то позади, в тени прочих голосов, звучно выговорил несколько матерных слов подряд, и это было так не к месту,

что даже удивительно. Другой «кто-то» неожиданно начал напевать, и через секунду Вика узнала голос: да, тот же. Который всегда поет. Голоса снова утихли, и она узнала песню «Ticket to ride» из альбома Битлов, называвшегося «Help!», который с четырьмя синими фигурами на обложке. Символично, чего уж.

Водитель «ЗиЛа» дал по тормозам так неожиданно, что они все повалились друг на друга. Удержаться было невозможно: на торможении тяжелую машину повело вбок, а они сидели не лицом и не спиной вперед, а боком. Сорвавшуюся с сиденья Вику чувствительно приложило скулой о

чей-то бронежилет и тут же откинуло назад, забросав сверху своим же грузом. Оглушенная, она начала барахтаться, как перевернутый на спинку жук, пытаясь разгрести все с себя и нащупать опору, но раз за разом натываясь на чьи-то ноги. Поднялся непонятный, неразличимый крик. Судя по всему, случилось как раз то, чего она так опасалась с первой минуты в этом закрытом со всех сторон тентом кузове. Им нужно было выпрыгивать, а она была беспомощна под всем этим весом.

Вика начала вопить без слов, в полной панике, и тут как-то одновременно стало светло, она

увидела прямо перед носом поданную руку, вцепилась в нее и тут же оказалась вздернута вверх.

— Спасибо... — хрипло буркнула она, не узнав стоящего перед ней лицом в сторону тени человека. Тот не ответил, а освободил руку и ухватился за собственную охапку груза: автомат, вещмешок, бронежилет, каску на вытянутом по-максимуму ремне.

— Оглохла? Из машины!

Несколько солдат, сидевших ближе к кабине, уже перелезли через скамейку и прыгали наружу, а она все копалась. Чертова коробка с консервными банками, намозолившая ей ноги уже час назад,

теперь никак не давалась в руки, выскользывала. Снова услышав ругань в свой адрес и выругавшись сама, Вика наконец подхватила ее и рывком подкинула к самому подбородку. Неуверенно протиснувшись между кузовных скамеек, она оказалась последней, да еще чуть не вывалилась наружу, потому что не увидела, куда поставить ногу на последний шаг. Удержавшись, кинула коробку вперед, в протянутые руки, и тут же спрыгнула сама, лязгнув всем железом одновременно.

— Все здесь! Отделение, ко мне.

Команда была какая-то собачья, но Вике было не до смеха: она

чувствовала, как опухает лицо справа и как капли крови стекают по щеке одна за другой. Машинально она попыталась утереть кровь рукавом, но не хватило сил поднять до уровня лица висящий на правой руке груз.

— Петрова, стой.

Бывший «русский фашист» цепко ухватил ее за плечо свободной рукой. Все прочее он закинул себе за спину, повесил на другую руку и, судя по всему, чувствовал себя достаточно непринужденно. Остановил, развернул лицом к себе, оглядел злыми глазами. Выдернул из кармана скомканный носовой платок сине-серого цвета, плюнул в него, сунул ей прямо в лицо.

— Бля, не дергайся, я сказал! Уже индпакет тебе распечатывать? Или жгут наложить на шею или куда пониже? Ну, ерунда же совсем.

Вика решила не дергаться, и он повторил всю ту же процедуру: перевернуть платок, плюнуть, вытереть кровяной потек.

— Не течет уже. Так... просачивается.

Поблагодарив и этого, она со злостью на саму себя подобрала все, что у нее было, и втиснулась в формирующийся строй на свое место. «Дура, — сказала она сама себе, — все еще и дура, и кура, как и сказали».

Взвод построили в три шеренги,

и она оказалась в самой середине: с самого начала новобранцев строили не по полу, а все же по росту. Командир взвода вышел быстрым шагом откуда-то сбоку: то ли обходил грузовики, то ли что-то в этом роде. Вика тут же сфокусировалась, потому что зрелище было интересное: на старшем сержанте помимо «АК-74» висели сразу две трубы «Шмелей». Насколько она помнила с единственного показа, исходный, немодифицированный вариант огнемета весил будь здоров — больше десяти килограммов. Соответственно, совершенно не похожий на Шварценеггера или культуриста Невского комвзвода-2

оказывался более крутым изнутри, чем снаружи.

Потом она поглядела налево и направо и уже не смогла отвести взгляд от того, что увидела. Далеко впереди столбами стояли дымы. Далеко и... широко. По всему горизонту, полукругом. И отдаленный рев, и удары, чувствующиеся уже ногами. И треск, тихий по сравнению со всем остальным, но почти непрерывный.

— Приготовиться к движению пешим порядком! Командиры отделений, перераспределите груз, если требуется. Или по ходу меняйте, чтобы вторые номера пулеметов у вас не сдохли. В грузовиках не оставлять

ничего.

Вика оглянулась на бронированный тягач: тот разворачивался на шоссе «ласточкой», в три приема, застилая все вокруг сизым вонючим дымом и не давая прислушаться. Потом ей пришло в голову, что, если огонь стрелков слышно даже через рычание дизеля МТ-ЛБ, значит, стреляют гораздо ближе, чем ей сперва показалось.

— Товарищ комвзвода! А что происходит-то?

Слава богу, это спросила не она. Вика отлично понимала, что ей ума хватило бы, но как раз сейчас ей было не до того. Тем не менее она

повернула голову обратно, ожидая очередной порции мата и команды двигаться. К ее удивлению, старший сержант не начал орать, а очень спокойно разъяснил, что двигаться дальше на грузовиках — нарываться на неприятности.

— И так чудом проскочили, — произнес он, обведя рукой что-то за их спинами. — Моя б воля, я бы уже с самого туннеля пешком топал.

Вика обернулась: никакого туннеля она не помнила. Впрочем, под тентом... Может, и не заметила. Или заметила, но не сообразила. Не захотела сообразить.

Лебяжье было справа или, если ориентироваться более точно,

справа-сзади. Сколько-то дней назад там был отец, и именно туда она думала двигаться, если бы это было реально. Теперь там так же дымило, как и по всему горизонту. В Лебяжьем Вика бывала, и не один раз: да, там имелось, чему гореть... Однако при этом, как ни странно, именно сейчас страшно не было. Отец наверняка уже давно летает с другого аэродрома, откуда-нибудь в паре сотен километров в глубь страны, а то и еще дальше. Он пилот бомбардировщика, а не вертолетчик.

Об этом же она продолжала думать уже на ходу: «движение пешим порядком» началось очень быстро, через какие-то минуты после

выгрузки. Проклятую коробку с консервами у нее все-таки забрали. Старший сержант, поглядев на выражение Викиного лица, подошел и просто раздал по паре банок нескольким ребятам слева и справа. Никто не отказался. Он даже не буркнул про «сама могла бы догадаться», и это Вику опять неприятно кольнуло. Но потом и очередная микрообида, и мысли об отце ушли, потому что начался марш.

Она никогда не думала, что это будет так трудно — просто идти с тяжелым грузом. Ей не дали тащить ленты к ручным пулеметам, выстрелы к огнеметам. Ничего не отсыпали из чудовищных размеров

баула, который, напрягаясь, тащил тот же лейтенант Ляхин. Но и всего остального было так много, что уже через километр Вика подумала, что скоро сердце не выдержит и она умрет. Она не знала, что будет так трудно: за считанные дни учебы им не дали ни одного большого «марш-броска с полной выкладкой», потратив все время на обучение стрельбе и самоокапыванию. Никакой тренировки за дни не заработаешь, но хоть узнала бы, к чему готовиться...

Метров на пятьсот хватило рассуждений «про себя» о том, что она не утонченная филологесса, а пловчиха с серьезным первым

разрядом. Потом, на следующие пятьсот метров, — размышлений на личные околomedические темы: не лопнут ли от нагрузки коленные суставы раньше, чем сердце, и так далее. Смотреть вокруг почти не получалось, лицо само собой опускалось вниз, но она чувствовала, что другим легче, хотя бы просто потому, что разговоры не прекращались.

Двумя километрами дальше она впервые увидела сгоревшую машину, сброшенную с шоссе через дыру в металлическом отбойнике. И тогда же — следы на асфальте: жирные закопченные пятна после пожаров, осколки цветных и прозрачных

стекло, глубокие выбоины там и сям целыми сериями.

— Автоматическая пушка, — глухо сказал шагающий рядом парень Костя, ставший за последние дни еще более худым. — С самолета.

Она его не спрашивала, но от прозвучавшего сбилась с шага, получила сзади по щиколотке и по спине с навьюченным на нее грузом и аж зашипела от этого. Костя сказал что-то еще, но в этот раз она не разобрала ни слова: так шумело в ушах.

Каждая следующая минута оказывалась труднее, чем предыдущая. Никакое «второе дыхание» не открывалось, даже не

собиралось. Взвод поторапливали отрывистыми, резкими командами, звучавшими как лай, и, сумев в одну из самых трудных минут поднять голову, Вика увидела, что голова колонны далеко впереди сходит с шоссе. Это ее удивило и одновременно дало какие-то силы: марш в итоге мог оказаться и коротким. Но почему их не подвезли к этому самому месту на грузовиках? Так торопились их освободить?

— Живо, живо! Бабуины беременные быстрее перелезают! Кого ждешь, твою мать?!

Вика чувствовала, что комвзвода нервничает: в нем уже не осталось почти ничего нормального, что было

вначале. Никаких черт того «старшего брата», которого он им обещал. Но спорить было некогда: перелезть через металлическую полосу, установленную на высоте полуметра от земли, оказалось неожиданно трудно. Справилась, конечно, ухватившись за Костину руку, и тут же подала руку следующему. Старший лейтенант прибежал со стороны головы колонны быстрой трусцой, обвешанный гремящим железом и уже в каске. Обматерил всех их слева направо и, не отдав ни одного конкретного и четкого приказа, побежал обратно. После этого и старший сержант начал материться

уже почти без остановки, и едва последний боец третьего отделения преодолел чертов отбойник, тут же дал команду «бегом».

— Совсем близко уже, похоже, — выхрипел Костя, бегущий рядом с Викой, как привязанный. Она не ответила ни слова, сберегая дыхание, но по крайней мере услышала, и это дало ей тему для отвлекающих от желания упасть размышлений на следующие сотни метров.

Дважды на сколько-то минут переходя с тряского бега на быстрый шаг, а затем снова пускаясь бегом, взвод преодолел заиндевевшее поле, затем ведущая их дорожка уперлась в

мелкую деревеньку и тут же вильнула вбок, удаляясь от нее.

— Малое Коновалово, — прочел кто-то вслух название на дорожном знаке. — Черт, ну и имечко придумали...

— Воздух!

Вика даже не поняла, что означает прозвучавшее слово, но все вокруг нее вдруг одновременно шарахнулись в разные стороны, влево и вправо и вперед, и начали валиться на землю. Все до одного — она оказалась последней. Далекий, ничего не означающий стрекот вертолета за считанные секунды возвысился до рева. Вокруг взвыло, прямо над головой промелькнуло

что-то темно-темно-серое: Вика успела увидеть силуэт буквально краем глаза, и то потому, что ударом о замерзшую землю ее почти перевернуло на бок.

— А-а-а!

Рев стих, потом стих еще больше. Она рискнула принять более устойчивое положение, опершись о дорогу обеими ладонями, и настороженно осмотрелась. Парень в нескольких метрах от нее перестал кричать и молча повалился на спину. Плашмя, как мешок, совершенно расслабленно, будто в его теле не было ни единой кости. Несколько человек приблизились к нему с разных сторон, все согнувшись до

максимальной степени, позволяемой их теплыми бушлатами. Один тоже начал кричать, остальные просто молча смотрели, даже не пытаясь помочь. Подумав с секунду или две, Вика поднялась на ноги и, даже не разогнувшись до конца, тоже сделала несколько таких же шагов. Парень лежал на спине, ноги подогнуты. В лице ни одной кровинки — оно было не то что белое, а просто как гипс или школьный мел. Здоровенная дыра в груди и несколько такого же размера дыр в грунте вокруг, штук 7 или 8 на паре квадратных метров.

— Взвод! В три шеренги, стройся!..

Подбежавший сразу же за ней

командир взвода обменялся с лейтенантом-врачом буквально одним коротким взглядом. Не отдав приказаний никому, сам оттащил мертвого солдата на пару метров в сторону от их дороги. Распрямился, оглядел всех.

— Рядовой Изюмин, взять оружие убитого! Рядовой Петренко, боеприпасы. Гранатную сумку тоже! Рядовая Петрова — шлем и вещмешок! Быстро, быстро!

— Может, бронежилеты одеть уже? — не своим голосом спросил кто-то, чье лицо Вика не узнала.

— Ты видишь смысл? Не возражаю... Все, кто хочет, — одевайте, только у вас секунд

тридцать!

— Командир роты в каске был, — произнесла вслух Вика, без дальнейшей команды надевая дурацкий, бесполезный кусок пластика на свою неумную голову. Старший сержант был прав: чем бы ни стреляли по ним с этого вертолета, бронежилетом такое не остановишь. Но зато меньше нести в руках.

Подбородочный ремешок она затягивать не стала, и тот так и болтался, когда они построились и снова пошли вперед быстрым шагом. Костя оказался теперь почему-то не сбоку, а сзади и почти непрерывно бубнил ей в спину про то, что он

думает по поводу произошедшего. Даже из-за спины чувствовалось, как ему страшно. Вике было страшно и самой, чего уж тут скрывать. Они были в считаных километрах от развязки Кольцевой автодороги и Краснофлотского шоссе с его недостроенной «береговой» развязкой. Позади в каких-то пяти-шести километрах был Кронштадт, который наверняка прикрывался зенитными ракетами не хуже Московского Кремля, как бы мало в нем на самом деле уже ни было боевых кораблей. Она знала, что здесь полно военных городков и «гарнизончиков» разного уровня, от глянцевого до совершенно

обшарпанных. Был учебный центр, были склады ВМФ, связисты... Чуть дальше вроде были и зенитчики: она с родителями как-то ездила туда за черникой на целый день и запомнила, что на плакате перед КПШ с красной табличкой была изображена здоровенная ракета. Почему здесь оказался вертолет? Откуда?

Еще два километра или даже три. Ведущая через голый лес грунтовка вывела их к абсолютно мертвому садоводческому товариществу. Ни одного дымка над печными трубами, ни одной зажженной электролампочки в окнах разноцветных домиков, мимо

которых они торопливо прошагали.

Вика заметила, что на ходу командир взвода продолжает говорить с подтянувшимися к нему командирами отделений и санинструктором, и еще заметила, что они практически догнали 1-й взвод. Дальше впереди топали и остальные, кто приехал с ними, вероятно, половина батальона. Кто еще?

А десять минут спустя на противоположной стороне той же деревушки она впервые увидела хоть что-то, похожее на боевую технику. Пять или шесть ребят с оружием, в таких же бушлатах, как и все, в бронежилетах с покрышками серого

цвета. Все так, как уже стало привычным, но печать на каждом из лиц. Они стояли около разбитого, но негоревшего бронетранспортера и смотрели на всех проходивших мимо с одним и тем же выражением на лицах. Таким, какое Вика затруднилась назвать каким-то одним словом. Такого она не видела никогда, даже у отца, который был профессиональным военным. Они не сказали ни слова, так и стояли, провожая всех взглядами.

Санинструктор отделился от «начальствующего состава» во главе короткой взводной колонны, подошел к ним со своим жутким баулом. Она не слышала ничего, но видела

жесты и мимику на усталых лицах: лейтенанта явно послали. И вот тут он показал, что действительно офицер. Снова ни слова, только неразборчивое, глухое бурчание и мимика на тех лицах, которые обращены к ней, но бойцы подобрались и один за другим приняли позы, почти соответствующие положению «смирно». Только теперь до Вики дошло, что она плохо слышит из-за шлема на голове. Или все-таки это каска, а не шлем? Она со злостью сплюнула, оглядываясь на уже оставшуюся позади группу. Потом мимо с топотом пробежал все тот же санинструктор. Снова «бу-бу-бу»

впереди. Снова километры.

Как ни странно, Вика все же втянулась в ритм движения и не умирала теперь каждую минуту. Притом что груза только прибавилось. По возможности она теперь смотрела не только под ноги и тупо перед собой, но и по сторонам, особенно вверх. Чужой вертолет действительно напугал ее, и казалось, что он может появиться снова в любую минуту. И что тогда? Никто из них не открыл огонь, даже не попытался отпугнуть крылатую смерть. Почти мгновенно появился, облил колонну огнем и тут же исчез. Один убитый... А зависни он тут, что бы они с ним делали?

— Таменгонт, — произнесли шагающей Вике в спину. — Ох, ни хрена ж себе нас занесло... Это что, Татарстан уже?

— Че?

— Название какое... Не наше. Как немецкое или татарское.

— Во дурак... Сам ты татарин. Такой же хитрый, блин...

Вика не вмещивалась в возникшую на пустом месте перепалку, просто разглядывая поселок, к которому они шагали. Но потом ее как по голове стукнуло:

— Слушай, а откуда ты знаешь название? Ты разве отсюда?

— Щаз, отсюда! Я на Ваське родился, коренной петербуржец,

если ты в курсе, что это значит. Но у меня GPS в наладоннике, и я вчера до упора успел зарядить. Поняла?

— Ты debil? Ты... Ты тупой баран!

Вика вцепилась придурку в лицо ладонью правой руки. «Когтей» у нее не было, но отлично вышло то, что ее старшая сестра называла «шмайс». Их растянули в ту же секунду, но Вика успела вывернуть дураку нос набок.

— Сказали же отрубить все сотовые!

— Я...

— Я маме не могу второй день позвонить! А ты... — Она попыталась вцепиться в лицо

любителя гаджетов еще раз, и в этот раз ее отпихнули уже совсем жестко — как в мужской драке.

— Так, заткнулись все. Совсем все, я сказал!

Старший сержант оглядел бешеным взглядом всех по кругу, затем остановился на обладателе наладонного компьютера.

— На тебя не распространялось?

— Товарищ старший сержант... Товарищ командир взвода...

— Ты еще скажи «Сережа», твою мать! Я спрашиваю: приказ на тебя не распространялся? Совсем? Самый умный, да? Знаешь, что за такое умничанье бывает на войне?

Или до тебя еще не дошло, куда мы топаем? А, козел?

Вика увидела, как его палец вслепую тронул предохранитель. Досылал ли он уже патрон? Отчетливо подумалось, что «этот может».

— Сказали про сотовые, а не про планшеты...

Старший сержант замахнулся правой рукой, но не ударил. И руку от оружия убрал, слава богу.

— Я... Ну это же глупость. Ну, подумайте, разницы ведь нет никакой, что на мне включенный планшет с картой? Это как... Как с грузовиками этими: вот на грузовиках ехать нельзя, потому что

это прекрасная цель, а пешком топать и жопы рвать под грузом — пожалуйста.

Старший сержант почему-то ответил не сразу. И когда ответил, это было не по делу. И неожиданно спокойно, почти задушевно.

— Знаешь, командир роты может тебя расстрелять. Имеет право.

После чего неожиданно для Вики и, наверное, остальных, замолчал. Принял в протянутую руку планшет в складном синем чехле, покрутил в руках, вопросительно поглядел на его хозяина.

— А батарея не вынимается?

— Нет, только в магазине, —

буркнул тот.

— Ну...

Кусок металла и стекла, стоящий как годовой запас хлеба для семьи любого размера, хрустнул под его ногой. В группе стоящих вокруг ребят кто-то слышно охнул.

— Все, кончаем трындеж. А то нам сейчас... Взво-од! Бего-ом... Марш!

Они побежали, и едва не шипящая от злобы Вика еще успела пару раз обернуться, глядя на оставшееся позади. Про грузовики и «бег пешком» было сказано неожиданно умно. Как ни странно.

Снова километр, потом еще один. Они отыграли потерянное

время, нагнав 1-й взвод и снова оторвавшись от 3-го. Как раз к этому Таменгонту, длинной деревне, на сотни метров растянувшейся вдоль нескольких улиц. Еще с подхода Вика почувствовала дрожь земли, а потом и услышала ни с чем не сравнимый звук, даже через подшлемник и шлем.

— Наши, — с удовлетворением гукнул сзади-сбоку тот же Костя. — Ну, наконец-то.

Она не обернулась, но, даже не оборачиваясь, почувствовала, что тот улыбается. Да и остальные тоже. И сама она. «Наши». Какое прекрасное слово... Гораздо лучше, чем страх того, что вот ты бежишь, бежишь, а впереди никого не будет. Ни тех

грозных бронированных машин, которые показывали народу в новостях, ни машин поменьше в десятках их вариантов, знакомых ей только по названиям, — ничего. Только враги, против которых их необученный, не имеющий никакого представления о войне взвод и батальон не продержится и десяти минут. Ну уж нет, ребятки. Мы еще повоюем!

Ухмыляясь, Вика повернула голову вправо, на ходу разглядывая открывающуюся картину. Тут же заплатив за это тем, что нытье в нагруженной шее переросло в настоящую боль, но не пожалев. До сих пор она удивлялась, что не видит

никакой отечественной техники, кроме единственного задрипанного МТ-ЛБ. А вот здесь было, кажется, все. Включая танки. По крайней мере три штуки выглядывали даже из-за самых ближних домов. Их снова погнали бегом, но на этот раз никто не ругался даже шепотом. Наоборот, кто-то в хвосте короткой взводной колонны лихо засвистел, вызвав несколько одобрительных фырчаний там и тут. Последние сто метров до окраины они пробежали уже совсем надсаживаясь, но сил все же хватило. И встречал их, разумеется, командир роты, и, разумеется, криком и матами. Вроде бы в вооруженных силах запрещается объявлять

выговоры в присутствии подчиненных, но на это старший лейтенант плевал. Может быть, дело было в том, что командиром их взвода был не офицер, а старший сержант? Вика не знала. Но ругань, так коробившие ее несколько дней назад матюки уже не имели никакого значения: она наконец-то увидела армию. Ту самую, о которой мечтала, проваливаясь в первую же секунду после отбоя в больной сон. Сон в «вынужденной позе», чтобы не потревожить в черный цвет избитое плечо и ободранные руки. Ту самую армию, на приход которой лично у нее уже почти не было надежды.

— Орел!.. Орел!.. Орел, та-вою

мать, птица долбанутая!.. Да чтоб ты сдох!

Они пробежали мимо сплошь закопченного БМП-1, на крыше которого, широко расставив ноги, стоял громадного роста молодой офицер явно нерусской национальности. В руке он держал гарнитуру сложного вида, составленную из нескольких проводов; короб радиостанции с согнутой в дугу длинной антенной стоял под ногами.

— Невский-3, Невский-3, ответьте! Ответьте, не слышу вас!

Еще рация, на этот раз на земле. Мужчина среднего возраста в выцветшем почти до желтизны

бушлате, покрытом косыми черными полосами — будто ребенок неумело рисовал зебру. Рядом целая группа солдат с оружием за спинами, в шлемах на головах. Один проводил бегущий взвод усталым и равнодушным взглядом, другие даже не повернулись.

— Химики? Ну, вашу же мать, ну, сколько же ждать можно?!

— Товарищ подполковник, 4-я рота 10-го отдельного... батальона РХБЗ... в ваше распоряжение прибыла. Командир роты старший лейтенант Проскурин!

— Вольно. Отдышись... Козырять больше не надо, запомни это. И слушай сюда.

Подполковник, к шоку Вики, имел лицо довольного кота, устало возвращающегося домой под утро. С разодранными ушами, но всласть подравшегося, отвоевавшего кошку и натрахавшегося по самое это. Впрочем, с ушами у стоявшего вполоборота к ней человека все было в порядке. Все это было у него в глазах.

— Сколько человек?

— Сто двадцать. Виноват, сто восемнадцать... Попали под вертолеты сразу за КАД. Оба безвозвратно.

— Вертолеты? Тут?

Человек, которого командир их роты назвал подполковником,

обернулся к ним окончательно, всей широкой грудью. Мазнул взглядом по лицам.

— Кировца ко мне, — и тут же, без паузы: — Какие вертолеты?

— Виноват, не опознал.

— А твои?

— Командиры взводов все химики... Остальные новобранцы.

— Понятно. Самокритично.

— Но несколько человек с боевым опытом. Чечня и аж Сербия, если не врут.

— Ага, ладно. Ладно, это еще ничего. Если пару человек на десяти километрах, то еще ничего. Возможно, просто разведчики. Лишь бы не противотанковые. Ладно...

Он еще раз посмотрел на построившуюся в полутора десятках метров прямо перед ним роту и сказал Проскурину что-то еще, но в этот раз она ничего не услышала. Покрывая все вокруг жутким, несдерживаемым ревом, в просвете между крашеными деревянными домиками прошел танк, за ним второй. Оба они именно прошли, а не проползли, это как-то чувствовалось.

— ...«Шмелей» у нас аж 15 штук на роту, но все сплошь старого образца. А хуже всего то, что пользоваться ими умеют четыре человека: я да трое командиров взводов... Ручных пулеметов четыре, снайперок нет.

Старший лейтенант вдруг обернулся прямо на Вику, легко найдя ее взглядом в строю роты. Надо же, а казалось бы, форма делает всех одинаковыми. И особенно шлем. Да и рост тот же, что и у большинства остальных, — средний.

К группе подбежал довольно молодой военный, нагнулся к плечу поманившего его пальцем подполковника. Дальше она снова ничего не слышала: разглядывала очередные проходящие между теми же домами танки. Не те же самые, потому что на первом из этой пары танков был огромный сияющий шрам. Именно шрам, из блестящей

на морозном солнце стали, нанесенный поперек вывороченных с корнем коробочек динамической защиты. Офицеры бубнили что-то, но, даже когда рев танков немножко приглушился домами, за которые они ушли, она не стала вслушиваться. Усталость накатила сразу всей тяжестью. Захотелось сесть на землю, и она даже искала перед собой взглядом, хотя отлично понимала, что нельзя.

— Командиры взводов, ко мне!

Снова «бу-бу-бу», хотя в этот раз она никуда не оборачивалась. Стояла, покачиваясь, равнодушно глядя перед собой. Неужели они прошли 10 километров?

— Третий взво-од!

— Второй взво-од!

Она увидела, как двое лейтенантов обнялись, и даже не поняла, что это означает. Их снова повели, и хорошо, что не бегом. Навьючить на себя все снятое и положенное на землю было проблемой, но помогли ребята. При этом Костя повесил на себя ее вещмешок, чего Вика вообще не ожидала.

— Взвод, за мной, бегом...

Ну да, конечно. Все-таки бегом. Если это так можно назвать. Трусцой. Лязгающей, будто они роботы-трансформеры. Но не так красиво и совершенно не в стиле 3D-

дизайна. Глупость...

Группа из трех танков вокруг пузатой автоцистерны, причем не военной, а гражданской, выкрашенной в оранжевый цвет. Один из танков явно поврежден: броневой лист над левой гусеницей приподнят и смят, как птичье крыло. Четверо мужичков в грязных куртках стоят рядом, тупо на это глядя, — все как один почему-то низкорослые и на первый взгляд похожие, как близнецы. Застывшая вдоль улицы колонна бронетранспортеров без единой эмблемы и даже без номеров на броне. Человек 50 или 60 солдат с оружием, но без бронежилетов и шлемов стоят парами или группками,

проводя бегущих глазами. Поставленная отдельно от всех машина совершенно незнакомаго типа, какая-то футуристическая по виду: с двумя толстыми пушечными стволами, с барабаном радара, с пакетами ракетных направляющих по бокам. Разложенный на земле лист брезента, прямо на нем — двое носилок. На обоих раненые; на них Вика постаралась не смотреть. Еще одна БМП-1, совершенно неповрежденная, а вот третья — с целой россыпью выбитых по борту участков краски: явно прошлись по крайней мере из автомата.

— Взвод, сто-ой! Разобраться по отделениям! Командиры отделений,

произвести перекличку!

Никто никуда не делся, и Вика машинально заключила, что это хорошо. Даже тип, у которого по ее вине отобрали дорогостоящий прибамбас, тоже не дезертировал: стоит здесь же. И даже не с особо мрачным видом: видимо, есть на что отвлечься.

— Седьмая! — гавкнула она в свой черед. Ни по росту не последняя, ни по алфавиту, уже хорошо.

Между этим и чем-то следующим не прошло и минуты: прибежавший молодой парень со свежим синяком на половину лица обменялся с командиром отделения

несколькими словами, и их опять погнало бегом. Одних в одну сторону, других сначала с ними, а потом вбок по перпендикулярно уходящему переулку.

По дороге она смотрела, наслаждаясь и злорадствуя. Техника такая, сякая и разная. Половину типов боевых машин она не могла опознать даже приблизительно. Вроде бы утыканный антеннами фургон — это командно-штабная машина. А может быть, что-то для наведения ударной авиации либо, наоборот, какой-то из компонентов ПВО. Вот еще танки, причем один из десятка — явно менее крупный, чем все остальные, хотя и похожий по

силуэту. Что бы это значило?

Потом она остановилась на бегу, точно так же, как и все. Без команды.

— Гля, ребя...

Начавший не договорил. «Ребя». Этого слова она не слышала лет десять. Со средних классов школы, с пятого или шестого.

— Чего уставились? Бегом, я же сказал! Бегом!

Командир их отделения тоже был рядовым. Повышать его в звании, давать какую-то лычку так и не стали. Он пялился на сидящих точно так же, как и все они. Человек семь или восемь, сразу не сосчитать. Кружком, прямо на задницах, на морозной земле. Лицами друг к

другу. В довольно темных камуфляжных куртках. Насколько она видела, покрытых разноцветными округлыми пятнышками сложной формы, вроде таких, из каких вырезают пазлы на 500 или 1000 кусочков. Без шлемов, без брони, без разгрузок, но с многочисленными карманами на рукавах и прямо на груди курток. Лица непривычные, чужие. На лицах — разные выражения, но среди них главенствует растерянность и даже не страх, а ожидание страха. Рядом, тоже кружком, — четверо часовых, к автоматам примкнуты длинные штыки. Оружие направлено на сидящих, чего, наверное, нельзя

делать, правда?

До нее не сразу дошло, что все это означат. Увидеть всю эту картину целиком заняло секунду, а вот понять — гораздо дольше. В другое время ей стало бы за это стыдно.

— Насмотрелись? Бегом!

И по матери, разумеется. Будто взрослому человеку нельзя обойтись без этого, если он в форме, с оружием и на настоящей войне.

Она согнала изумленное оцепенение и помчалась за всеми остальными, тяжело бумкая подо всем своим грузом. Все более тяжелым с каждой минутой, несмотря на недавнюю передышку. Теперь болела еще и спина, не только

руки, шея и ноги. На последующих пятидесяти метрах она чуть не сдохла, но все же выдержала и их, и еще три раза по столько.

— Прибыли наконец-то, а? Вы что, на троллейбусе ехали?

Все пыхтели, как загнанные кони. А она — как кобыла, разумеется.

— Кто огнеметчик?

Отделение начало переглядываться, демонстрируя свою тупость. Впрочем, говорящий по-сербски немолодой Денисыч уже показывал, что не прост.

— Товарищ... лейтенант. Отделение в ваше распоряжение... прибыло... Командир отделения

рядовой Цыплаков... Разрешите доложить, огнеметчиков в отделении нет. Пулеметчиков тоже.

Вставший напротив них лейтенант сморщился, как от кислого.

— При-ибыло, — передразнил он. — Вижу, какой народ тут ко мне прибыл. Толку от вас... А мне сказали, что химики.

— Так точно, химики.

— Зарин-зоман учили, химики? Вместо огнемета?

— И это тоже, товарищ лейтенант. Минут пять или даже десять. Остальное время — стрелковые упражнения. Здесь все добровольцы. Ни одного дезертира в

отделении за столько дней. А у вас?

Лейтенант посмотрел на командира их отделения как на нечто невиданное.

— Я не понял, боец? Ты борзый?

— В тот раз меня звали Скорый, товарищ лейтенант. Мне 40 лет. Я отдаю честь звездочкам на *ваших* погончиках, и я буду исполнять *ваши* приказы, можете не сомневаться. Как и мои люди. Но у меня на счету есть убитые. Не надо со мной обращаться как с первоклассником.

— Когда, где? — коротко поинтересовался лейтенант, не изменив выражения лица.

— Югославия, самый последний набор. Не РДО, не

«Волки». Просто среди сербов. В Игмане в основном. Чуть больше, чем полгода, почти 7 месяцев.

— Кем?

— Разведчик-стрелок, разведчик-корректировщик. Был. С 60-миллиметровым минометом умею обращаться.

— Это еще что?

— Американский. Уже тогда был старье...

Несколько человек из разглядывающих их рассмеялись.

Лейтенант тоже улыбнулся, и Вика решила, что теперь все будет проще. Однако перекличку произвели точно по уставу, а имена и фамилии офицер записал в блокнот,

развернутый на коленке. На фамилию Петрова он поднял глаза и одновременно брови, как кот.

— А это кто?

Вика вышагнула вперед. Она уже знала, что козырять офицерам здесь не надо, поэтому просто встала «руки по швам» и назвалась.

— Медсестра?

— Никак нет, стрелок.

— А, ну-ну... Ты думаешь, много тебе придется стрелять?

Она не знала, что можно ответить, чтобы не показаться душой. Безданное задание самой себе.

— Да мы тут вообще не стреляем, — коротко объяснил лейтенант, даже не собиравшийся

ждать от нее какого-то ответа. — Ни разу не пришлось за столько дней уже, представляете?

— Как же нет? — неожиданно возразил один из его собственных людей. — А помните, по вертолетам тогда?

— Ну? По вертолетам, это да, это было. А по людям нет.

Сказав это с таким глубокомысленным видом, он стал уже совершенно нормальным. Даже поза изменилась. С двух сторон подтянулись еще человек пять такого же вида «бывалых бойцов», и лейтенант хорошо поставленным голосом наконец рассказал им о происходящем. Как и другие, он

понятия не имел ни о какой высокой стратегии, о происходящем в Вашингтоне, Лондоне и Кремле, да хотя бы и в Центральной полосе России. Но лейтенант был «кадровым» и внятно понимал происходящее здесь, на месте. Оправившись от первого потрясения, командование превратившегося в Северо-Западный оборонительный район округа развило завидную активность. Заключавшуюся не в «накоплении сил», а в резкой и эффективной работе по осторожно подходящему первому эшелону войск агрессора всеми имеющимися средствами. Одновременно с массовой, практически тотальной

мобилизацией накопленного страной за десятилетия потенциала. И что любопытно: плюнув на дезертиров и положившись на нормальных мужиков, не зассавших остаться в строю, когда дошло до реального дела. Озверевших от произошедшего и не боящихся рискнуть и собой, если надо. Примечательно, что, когда лейтенант говорил об этом, его молодое лицо стало на секунду удивленным.

Сутки назад сводная маневренная группа их участка Северо-Западного оборонительного района нанесла контрудар по головным элементам польской 12-й Щецинской механизированной

дивизии, чувствительно потрепав одну из четырех ее бригад. По словам лейтенанта, одна из ушедших в охват танковых рот сумела пройти в тыл зарвавшимся полякам на три десятка километров, вволю порезвилась среди тылов и, потеряв всего пару машин, вернулась назад с пустыми боеукладками, но со свисающими с гусениц останками ремонтников, саперов, медиков и квартирьеров в польской военной форме. В нескольких других местах вышло далеко не так лихо, но все же, по словам того же лейтенанта, на их участке армия, в общем, пока несла потери ненамного большие, чем наносила их.

В городе и области было полно качественной строительной техники, и она который день подряд пахала по 24 часа в сутки. Между прочим, с насильственной мобилизацией гражданских водителей техники, в том числе не граждан России. В том числе с показательными расстрелами «за саботаж».

Вика представила себе, как расстреливают молдаван, узбеков и таджиков, составляющих львиную долю петербургских строителей, и пожала плечами. В это она не поверила. И сегодняшняя езда по Выборгскому шоссе и КАД без каких-либо препятствий по дороге тоже не давала повода принимать с

энтузиазмом описанную
лейтенантом картину за правду. Была
бы правда — так на шоссе через
каждую пару километров лежали бы
хотя бы бетонные блоки, если уж не
возведенные баррикады со
знакомыми по фильмам «ежами». А
уж объезд препятствий туда и сюда
на малой скорости она бы
почувствовала, даже в кузове и
охреневшая. Они как бы находились
сейчас в «бригадном опорном
пункте», но даже здесь не было
заметно ни рядов траншей со всех
сторон, ни дотов из еще сырого
бетона, ни колючей проволоки и
табличек «Осторожно, мины!», в
конце концов. Создавалось такое

впечатление, что им рассказывают про что-то далекое, происходящее не здесь. Примерно в этот момент она перестала слушать рассказ уже чуть ли не кулаком размахивающего офицера с вниманием и даже восхищением и «включила защиту». Поставила вокруг себя невидимый барьер, позволяющий анализировать услышанное с упором на реализм. Это был простой навык. Отработанный. Без которого она не дожила бы до своих лет, не став жертвой маньяка или по крайней мере насильника.

— Подкрепление подходит только так, — заливался лейтенант. — Но нам обещали

огнеметчиков, а не теоретиков! И техники больше!

Вика впервые за эти минуты отвела взгляд от славного мужественного лица и посмотрела на остальных солдат вокруг. За редкими исключениями — мальчишки, точно такие же, как половина ее собственного отделения и роты в целом. «Кадровая часть». Лишь несколько выглядят постарше других, наверняка контрактники. Остальные, значит, срочники. Сколько сейчас служат, год? Сколько из этого года прошло к моменту, когда агрессия НАТО перестала быть никого не пугающей страшилкой тупых коммунистов и стала

реальностью? Полгода? Сколько из этого времени они действительно занимались боевой учебой? Сколько раз стреляли?

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться? — произнесла Вика вслух неожиданно для самой себя.

— Разрешаю, рядовой. Обращайтесь!

Насмешки в голосе не было. Красивое, мужественное, молодое лицо. Таких снимают в кино. Такие не идут в лейтенанты, если не считать рот почетного караула. Что-то здесь не так.

— Почему вы сказали, что нам не придется стрелять? И что сами вы

не стреляли?

Лейтенант помолчал и почему-то обернулся на своих людей. Никто из них не произнес ни слова с самого начала.

— Мы только один раз видели противника. Пара вертолетов прошли на большой дистанции. Незнакомые, мелкие. Похоже, что не польские, но я не знаю точно. Вот по ним мы стреляли. А так... Час марша туда, командуют «занять оборону», потом час марша обратно или вбок. И так по 3—4 раза в день. Иногда и ночью. Пленных мы видели, сожженную технику видели, и свою, и чужую. Да, именно так!

Он снова обвел взглядом своих

ребят и снова взглянул на нее.

— Значит, вы не воевали еще?

— Ну...

К чести мужчин, никто ничего не сказал. Было понятно, что лейтенант, в общем-то, ни в чем не виноват. Просто избыток безосновательного пафоса. Может быть, это пройдет, а может быть, и нет.

Лейтенант продолжил объяснение уже на тон тише. Даже уже отвечая на вопросы без «разрешите обратиться». Даже не возражая, когда за него отвечает кто-то другой.

Пленных взяли, конечно, не они — он даже не знал кто. Не танкисты.

Но зато это точно не первые пленные. Машина, которая ее так удивила — это «Тунгуска», фактически супер-оружие. Здесь их несколько штук, и именно поэтому их еще не давят с воздуха. Насколько ему известно, была одна попытка. Остатки управляемого храбрецом штурмовика можно было, при желании, посетить — поискать сувениры. Чадить они уже перестали. Беспилотники, по слухам, сбивали несколько раз. Но по его личному мнению, на них наверняка нон-стоп пялятся со спутников, так что какая разница. Долбанут чем-то тяжелым с большой дистанции, вплоть до «Томагавка», — и привет.

Но это лотерея, может быть, и не долбанут или долбанут, но не попадут.

«Или попадут, но в кого-нибудь другого», — закончила Вика про себя. Итак, основу обороны города, по крайней мере с этого направления, составляла 25-я гвардейская мотострелковая бригада. Финны в войну пока не включились, черт их знает почему. Возможно, им хватило двух прошлых раз, и они еще надеялись, что все обойдется. Не оккупацией одного из важнейших финансовых партнеров и щедрого донора, а какой-нибудь «малой кровью». Возможно, ждут, пока американцы сровняют с землей обе

мотострелковые бригады, обороняющие город, а с ними артиллеристов, ракетчиков и моряков.

— А что флот?

Лейтенант выматерился и окончательно стал похожим на всех них. Наваждение в стиле «это киногерой, а не пехотинец» ушло.

Про флот никто здесь не знал ничего. Вроде бы по радио говорили, что флот «в принципе» нанес несколько неожиданно болезненных ударов по флотам противников, причем не только подводными лодками и морской авиацией, и надводными кораблями тоже. При этом громко и многословно

упоминали какую-то «43-ю дивизию кораблей», но не называли их конкретно. В любом случае все это разворачивалось далеко на севере и вплотную к Владивостоку и Камчатке и не имело прямого отношения к тому, что происходило здесь. Что ж, если надводники действительно сумели кого-то утопить, а не просто погибнуть по примеру «Варяга», честь им и хвала за это, но Вика опять поморщилась от лезущего из нее скепсиса. Верить радио... В любом случае Тихий и Северный Ледовитый океан далеко. А Балтийский флот сейчас, к сожалению, ничего не стоит: на дворе не 1941-й год. Уж сокращали

его, сокращали...

Про ВВС тоже не было известно ничего конкретного. В небе практически непрерывно висели закрученные дугами инверсионные следы, иногда по многу штук за раз. Но они ни разу не видели своих истребителей или ударные самолеты. Не проходили по местности, на которую приходился авиаудар. Собственно бригаду и ее ближайших «соседей» ни разу серьезно не бомбили с воздуха, значит, пожалуй, какую-то роль свои истребители все же играли. Или зенитчики.

Но самым плохим было то, что никто понятия не имел, что происходит в Москве. Что

происходит в Петербурге, который был всего в нескольких десятках километров. Работают ли еще военкоматы? Пополнение продолжало подходить, и даже довольно густо, но даже этот лейтенант не был в курсе, когда был мобилизован последний из всего этого огромного числа военнослужащих. Из тех, кто составлял сейчас этот конкретный сектор «оборонительного района». Не знал, есть ли в городе продукты. Не начали ли уличные банды грабить не только закрытые магазины, но и склады, хлебозаводы, квартиры людей? Не объединились ли десятки и сотни тысяч легальных и

нелегальных мигрантов в «мусульманские батальоны» и «кавказские легионы» по образцу гитлеровских, чтобы превратить беззащитные сейчас русские города в подобие Каира и Триполи, какими они были несколько лет назад? Как ни странно, кое-кто здесь считал, что в этом отношении все происходит с точностью до наоборот. Если на русского человека не давить непрерывно всем весом государственной машины, если не доводить до него еженедельно парные «живые примеры», то, оставшись без присмотра, он вполне может отыгаться за старое. Какие примеры? Да обычные. Из серии

«Байкеру, прокатившемуся по вестибюлю станции метро, грозит до 5 лет тюрьмы» — и параллельно: «За убийство байкера в Подмоскowie кавказец получил 1 год тюремного срока». Давно привычные уже. «Гости чеченской свадьбы в центре Москвы открыли стрельбу по прохожим. Решается вопрос о возбуждении уголовного дела». Не менее привычные людям, чем анекдотическое: «Зампредседателя парламентской комиссии по толерантности и правам человека вышел из своего „Ламборджини“ и жестоко избил двух старушек, которые слишком, по его мнению, медленно переходили улицу на

зеленый сигнал светофора».

— Нам с вечера приказали готовиться. Сказали, группа будет наносить контрудар по тем же пшекам. В 5 утра подъем, завтрак всухомятку. Боеприпасы — по 2,5 боекомплекта на каждую машину, по 2 ровно на каждый расчет и стрелков. Топливо вообще с вечера заливали. В общем, спали часа четыре максимум. Говорили, что к 9 утра выдвижение на исходные позиции. Потом говорили, что уже не к 9, а к 11, а до этого и пополнение, и инструктаж, и все такое. Но до сих пор ничего.

— Понятно. Так чего нам в итоге?..

— Не «понятно», а «так точно» и «вас понял». Но что касается «в итоге»... В итоге сами видите: отдельным батальоном вас не сделали — без техники-то, и с одной легкой стрелковкой...

— Я тебе говорил, — шепнули Вике сзади; оборачиваться она не стала, узнала и так.

— Раскидали по ротам и взводам. На усиление. Поэтому мы и радовались: мол, огнеметчики. МТ-ЛБВ много тащит, на марше вполне поместитесь. Кого-то, я знаю, аж к самоходчикам погнали. Боевое охранение и все такое. А вас к нам. По трое-четверо на каждое отделение.

Во всяком случае, МТ-ЛБ в бригаде было много, и почти все в очень приличном состоянии. А острый дефицит танков, ставший по-настоящему острейшим немедленно после первых же контактов с силами противника, понемногу сглаживался, компенсировался подходящими к ним «маршевыми ротами танков» и даже отдельными их «маршевыми взводами». Вика никогда раньше не слышала такого термина, но лейтенант употребил его как нечто уже привычное. «Грады», «Акации», «Штурмы», «Осы», БРДМ-2, «Тунгуски» — от этих названий, которыми с большим или меньшим пониманием обменивались мужчины

и мальчишки, у нее начало шуметь в голове. Смешно звучали «Сани», но она не стала переспрашивать, что это такое. На слух бригада представляла собой силу, на вид в принципе тоже. Но бригада была «на МТ-ЛБ», то есть основным ее транспортом и вооружением являлись многоцелевые легкие бронированные тягачи. Значительная часть — «вездеходные», с широкой гусеницей. Два человека экипаж, одиннадцать человек десант. Они не были предназначены для «наступательных действий»: исходно это был именно тягач и бронированный транспортер. Пулеметы на машинах стояли, но как про это говорилось — «для

самообороны». 25-я отдельная гвардейская Севастопольская Краснознаменная мотострелковая бригада имени Латышских стрелков! Латышских! По мнению командира Викиного отделения — не «признанного военного аналитика», но во всяком случае бывалого человека, — это было нормальному батальону НАТО «на один зуб». Может быть, именно поэтому таких, как этот лейтенант с его пацанами, до сих пор не бросили в бой. Почти наверняка именно поэтому. Они пятились сюда из-под самого Пскова, во всяком случае, привыкая к войне. Готовясь к тому, что будет.

— В общем, как я сказал, по

трое-четверо на каждое отделение. «Мальчики налево, девочки направо», хе-хе... Сержанты, делите людей.

Поделили их просто: командиры отделений встали полукругом и разделили их между собой, как на каком-нибудь невольничьем рынке. Их мнения не спрашивали, первого сказавшего: «А можно мы вместе будем», — послали по известному адресу, остальные уже и не вякали. Лично Вике было все равно: она с большим интересом смотрела на то, что техника слева и справа их «тихого уголка» снова начала движение. Несколько МТ-ЛБ с десантом на броне прошли на

довольно высокой скорости метрах в пятнадцати от них, после этого все их «неформальное общение» угасло само собой. С брони головного кто-то в бронежилете и шлеме помахал им рукой в коричневой перчатке, но Вика не поняла: это всем вместе, конкретно мужественному лейтенанту или лично ей.

Потом лейтенанта позвали к рации, тот некоторое время бесполезно пытался слушать и отвечать и в итоге убежал. Все как-то посерьезнели, если так можно сказать по-русски.

— Э, а ты вообще откуда? — спросил ее новый командир. Высокий, крепкий, с серыми глазами

и некрасивым широким носом, какой бывает у выходцев с самого востока России.

— Э, меня вообще зовут рядовая Петрова. Своим можно Вика. Я из Питера, как все здесь.

— Да ну, не все. Из моих треть вообще даже не из области. Что про себя скажешь? Перевязывать умеешь?

— Ни хрена, — призналась Вика. — Нас два часа учили. Или два с половиной. Названия повязок в голове остались, а как делать — нет. Только как жгут накладывать помню... Но у нас аж врач в санинструкторах был. Куда-то его дели.

— Блин... А толку-то тогда. Ну

ладно... Так, отделение! Слушай мою команду! Чую я, сейчас начнет бегать начальство и нас пустят за всеми. Типа только вас ждали, химики, блин! Проверить, чтобы оружие стояло на предохранителе! Надеть бронежилеты и шлемы, подогнать ремни. Помогайте друг другу, пацаны, — время дедовщины прошло на хрен. Все меня поняли?

Самым интересным было даже не то, что ему подчинились все, молча и деловито. Все три отделения: командиры остальных двух повторили те же команды почти теми же словами. Скорее для утверждения авторитета, чем для нерасслышавших. Интереснее было

то, что сержант оказался совершенно прав. Лейтенант прибежал буквально через пять минут, подпрыгивая и захлебываясь словами. Остановился, глядя на них, строящихся у машин. Автоматы прислонены к тягачам, шлемы и вещмешки под ногами. Подобрать их — три движения. Снова ощущение «я навьюченный ишак». Вика улыбнулась сквозь дрожь. Она понятия не имела, что будет дальше. Ей не хотелось этого знать, но в любом случае было понятно, что время пришло.

Понедельник, 25 марта

*Необходимость выше
расчетов.*

*Квинт Курций
Руф (I в. Н. Э)*

Первого врага они сумели уложить в пятницу, 22-го числа. Второго и третьего — в воскресенье 24-го, потратив на них все наличные патроны без остатка. Но зато в отличие от первого раза тела удалось обобщать, причем без помех.

— Я вообще считаю, что мы

ведем счет неправильно, — сказал по этому поводу курсант Иванов, который с ракетного вооружения надводных кораблей. — Первый был в четверг, 21-го, забыли?

— Не забыли. Но тот был «свой», значит, не считается.

— Ничего себе свой...

— Ну, не оккупант. Предатель.

— Нет, ну все-таки!

— Дима, — по-домашнему позвал его капитан-лейтенант. — Ну что тебе, делать нечего? Если бы мы сто человек завалили, могли бы делиться и пересчитывать. А так...

— Не, ну а я что говорю? — возмутился тот.

Капитан-лейтенант наконец

оторвался от атласа, поднял глаза на сидевшего справа четверокурсника, и тот тут же замолчал, будто его резанули по языку. Никак не прокомментировав это нечастое событие, офицер снова склонился над картой, будто ее изучение могло позволить ему достичь просветления. За неделю он хорошо узнал курсанта Иванова. Очухавшись от контузии — пусть довольно медленно, но полностью, — тот оказался хорошим парнем. Для новобранца — почти отличным. Не обращающим внимание на мелочи, не ноющим вообще, не отказывающимся от поручений и не филонящим втихую, не

обсуждающим приказы. Но слегка болтливым, вот это в нем было. Сначала казалось, что это от нервов, но в первом же реальном боестолкновении Дима проявил себя как весьма не трусливый человек, а после второго стало ясно, что это просто черта характера. Наверняка он был таким и до войны, только тогда это никому не мешало.

Молчания внутри Димы хватило ненадолго.

— Товарищ капитан-лейтенант?

— Чего? — Он не отрывался от карты, водя по ней коротко обстриженным ногтем. Как ни странно, маленькие ножницы у них были — нашлись в автомобильной

аптечке вместе с тремя
разнокалиберными бинтами из
современной, совершенно
прозрачной марли, жгутом, полоской
из бактерицидных пластырей на 10
штук и 5-миллилитровым
флакончиком йода. Как такой
аптечкой можно оказать помощь
пострадавшему в ДТП водителю или
пешеходу, никто из них даже не
спрашивал, но на этикетке гордо
указывалось, что «соответствует
новым требованиям ГИБДД».

— Я вот что думаю...

И пауза секунд на десять — это
капитан-лейтенант снова на него
посмотрел.

— Блин, Дима. Ты так много

думаешь, что я удивляюсь. Главное, всегда к месту!

Тот не обиделся, а улыбнулся, как обычно и делал. Через секунду пришлось улыбнуться и ему самому: было не удержаться. А ведь, казалось бы...

Вообще все было плохо. Они не сумели дойти до побережья, что было исходным планом. Самым многообещающим, когда еще можно было сделать, наверное, очень многое. Не сумели добраться до лесного массива на юго-востоке области, как хотели потом. Бездарно растратили бензин и почти бездарно — боеприпасы. Но да, с «последней попытки» сумели окупить все свои

ошибки, сравнив счет, по крайней мере за себя самих. В общей сложности к утру сегодняшнего дня, понедельника, — двое рядовых и один капрал. Два американца и один поляк. Причем «вразбивку»: сначала один американец, а потом второй и с ним поляк. Что последний расклад может означать, они не поняли, хотя документы у убитых забрали. И сняли с них и их машины все, что было не привинчено самыми толстыми болтами. Даже аккумуляторы сперва сняли, хотя непонятно, зачем он был нужен: у их «ВАЗа» была проблема с топливом, а не со стартом. Потом разбили и выкинули.

В первый раз они едва остались в живых, и это научило их очень многому. Это была попытка устроить засаду на наезженной дороге. Причем капитан-лейтенант сделал все, что мог. Воплотил в жизнь все, что мог выжать из своих далеко не под это заточенных мозгов. Три позиции: основная и две запасные. Пути отхода для нескольких вариантов развития событий. Сигналы для этих же вариантов и для нескольких других. Где стоит машина, как она замаскирована, где спрятан ключ. Кому какое оружие. Один пистолет с двумя патронами и еще один — аж с тремя. И еще пустой автомат. Которым

теоретически можно было попытаться напугать встретившегося пацифиста, например. Тьфу ты... Все пошло не так с самого начала, и в совокупности это значительно понизило его самооценку. Но все же они уцелели и даже убили одного врага. Это очень пафосно звучало и совершенно, не соответствовало этому звучанию на самом деле. Свой панический страх, свои прыжки по снегу, согнутый бег между худыми елками под рев проносящихся мимо пуль он запомнил на всю жизнь. В какой-то мере это было страшнее, чем уже ушедшие в глубь памяти сцены из попыток обороны училища. Он тогда явно был

полусумасшедшим, и это, получается, несколько защитило его разум.

Потратив полдня на подготовку, за два часа до рассвета они заняли подготовленные, а затем оставленные лежки на выбранном повороте дороги и намерзлись почти как пингвины, пока слышали, что приближаются машины. К этому времени они уже умели определять звук двигателей вражеской колесной техники на слух без ошибок — результат многих часов наблюдения, пришедшихся на каждого.

— «Хамви». Мало: максимум три.

— Ага... Пропускаем?

Ответить на глупый вопрос капитан-лейтенант тогда не успел: головной, дозорный «Хамви» вылетел на прямой участок дороги и с ходу открыл по ним огонь из крупнокалиберного пулемета, установленного на крыше. На большой скорости рассеивание было приличным, и первая длинная очередь прошла выше — это их и спасло. Поняв в первую же секунду, что стреляют не наугад, а прямо по ним, капитан-лейтенант не «скомандовал отход» — как это деликатно называлось в уставе, — а проорал благим матом несколько доходчивых слов. Они бросились бежать: он с Димой из одного окопа,

Роба из другого, в полутора десятках метров в стороне. К этому времени на дорогу вслед за первым «Хамви» вылетели еще две машины такого же типа, и их поливали огнем в несколько стволов. Теоретически этого с лихвой хватало, чтобы их убить, но они почти сразу же нырнули в заранее выбранную ложину и бежали, согнувшись вдвое, поэтому и получили свой сыгравший шанс. На ходу капитан-лейтенант, уже в полной панике, приостановился на секунду и произвел два выстрела, израсходовав оба оставшихся патрона в своем бесполезном пистолете. Почти не целясь, просто в дергающийся и

рывкающий выстрелами черный силуэт сзади. После чего нырнул лицом вперед, в снова открывшуюся впереди низину. Больно ударился сразу двумя коленями, тут же вскочил и бросился дальше, почти плача от страха и обиды на судьбу за произошедшее. Но ушли. Километра три не останавливаясь, потом зигзаг вправо и еще два или два с половиной километра такого же безумного бега. Лихорадочный поиск ключей в снежной ямке, лихорадочное ожидание того, что давно остывший двигатель не заведется. Четыре или пять километров в сторону, загнать машину в ангар, оставшийся от давно

сгнившей и проданной на металлолом колхозной техники, под дырявую крышу. Замести ветками следы. Сидеть в промерзающем на глазах салоне, ждать и бояться.

И самое интересное, что четыре часа спустя, отбоявшись, отсмеявшись и начав уже бояться заново, «ретроспективно» — имевшего все шансы произойти, но не произошедшего, — они все двинулись обратно, на то же место. Хотя и другим маршрутом, потому что не совсем еще отморозили мозги. В воспитательных целях: не искать себе приключений, а попытаться понять, что они сделали не так.

На участок дороги, бывший

мишенью их неудачной, тупой засады, они вышли очень медленно и осторожно, с другого галса. И еще полчаса разглядывали и выслушивали все, лежащее впереди. Теперь у них оставался один пистолет с тремя патронами. Еще несколько патронов осталось от несостоявшегося вице-бургомистра или старосты, но они к «глоку» и «макарову» не подходили.

Напряженно ожидая внезапной пулеметной очереди, которая в этот раз наверняка придется ему точно в живот, капитан-лейтенант Дмитриев вышагнул на дорогу первым. Нескладный то ли от страха, то ли от голода, он прошагал сколько-то десятков метров, отделявших его от

валяющегося на краю дороги предмета, дошел, оглядел его и начал плясать впрысядку, как дешевый голливудский актер, изображающий русского военного. Автомат есть, шапка есть — все нормально. И кому какое дело, как ему на самом деле холодно.

Подбежавшие ребята имели глаза на пол-лица у каждого. Но когда он указующим перстом показал, что имеет в виду, оба сосредоточились. Рома пооглядывался еще, не моргнув глазом спустился в забитый снегом кювет и вытащил оттуда шлем с прозрачным щитком — такого они еще не видали. Темно-серый с

черными и светло-серыми пятнами щиток был изогнут по вертикальной оси и пробит пулей в верхнем правом углу: вокруг вились трещины, сделавшие его почти непрозрачным. Изнутри он был залит кровью.

— Это точно мы?

Они оглядели все вокруг, попинали ногами россыпи стреляных гильз. Штук двести или даже больше, рассыпаны цепочками на маршруте метров в шестьдесят длиной. Дима нашел пустую оболочку индивидуального пакета и так же пустую пластиковую упаковку, точно повторяющую формой содержащегося в ней пенала шприц среднего размера, как самые ходовые

из тех, которые продают в аптеке. Надпись латиницей на упаковке им ничего не сказала, хотя они честно попытались ее понять. Рома покрутил шлем в руках, снял шапку и надел его на себя. Первой реакцией капитан-лейтенанта было выругаться, обозвать парня как можно грязнее, чтобы отвести беду. «На себе не показывают». Потом он увидел, как тот подмигивает ему через окруженную венчиком белых зубцов дырку, и только заскрипел зубами. Да, они все были не так далеки от безумия. Буквально рукой подать. Но раньше он надеялся, что уж этому парню до него чуть дальше, чем им, двум остальным. Похоже,

был не прав.

— Снайпер, — восхищенно произнес тот же Дима. — Белку в глаз. На бегу, из шпалера, через плечо. Как Крис Адамс. Который Юл Бриннер в «Великолепной семерке». Бух! Раз! Барон набок!

Антонна неожиданно затошнило, причем сильно. Если бы не многодневная жизнь впроголодь, не удержался бы, а так обошлось. Возможно, сыграло роль и то, что немного съеденного с утра ему было жалко.

— Начитанный, надо же... — хрипло сказал он вслух, не открывая глаз. Во рту было не просто кисло, желчь буквально обжигала язык.

Сплюнув несколько раз подряд, он догадался набрать пригоршню чистого снега и куснул из открытой ладони. Зубы сразу заломило до самых ушей, но зато полегчало.

— Так точно, начитанный.

Парень улыбался во всю ширину своего худого молодого лица, и от этого перевалившему годами за 30 лет офицеру стало еще немного легче.

— Ладно. Везуха. Такого не бывает, понятное дело. Представляете, вы будете кому-то это рассказывать, а вам ни один человек не поверит. Скажут, что сочиняете.

— В жизни такие штуки бывают, — неожиданно серьезным

голосом сказал на это Роман, — какие ни один писатель не придумает.

Он снял шлем, покрутил в руках и показал всем на смешной значок спереди, — выполненный черным маркером от руки. Что-то похожее на буденовку: снизу круглое, сверху острое.

— Рядовой, — все так же хрипло сказал Антон вслух. — Самый низкий уровень. И я не верю, что это я в него... Из пистолета, одной пулей из двух, на бегу... С сорока или около того метров... Скорее, его свои же. Какой-нибудь «дружественный огонь».

Рома повертел головой по

сторонам, не нашел ничего нужного, нагнулся и просто шарахнул щитком шлема об ледяной асфальт. Прозрачный пластик разлетелся на несколько крупных кусков, как лед.

— Это не бронестекло, — прокомментировал он свой поступок. — Просто от ветра защищает.

— Ну... Либо ослаблен после пробития.

Разговор угас сам собой, они как-то все сразу почувствовали себя неуютно. Вот как вылетит сейчас кто-то на ту же дорогу, как даст им прочувствовать вкус демократии и прав человека...

Но ничего, обошлось.

Потоптавшись еще с минуту и не найдя здесь больше ничего интересного, они перестали испытывать судьбу и очень быстро убрались с дороги в тот же лес. Пройдя метров двести вбок, снова вышли на дорогу. Как раз на то место, откуда по ним открыли огонь. Поглядели на те же гильзы, обменялись недоумевающими замечаниями. Ушли. Капитан-лейтенант не мог поручиться за курсантов, но сам он чувствовал себя на редкость тупо. Он не понимал, как он мог кого-то зацепить, и не понимал, как засекли их. Беспилотника в небе вроде бы не было, для тепловизора дистанция

была великовата. Впрочем, глупо было забывать про свою военно-учетную специальность, и капитан-лейтенант самокритично осознавал, что ничего в оснащении современной пехоты не понимает. Что касается его невероятного попадания, после нескольких довольно горячих обсуждений они все же пришли к выводу, что скорее действительно имел место случай «*friendly fire*». Перевозбуждившись от происходящего, ведя огонь из прыгающих по российским колдобинам машин по опять же прыгающим, наподобие джейранов, мишеням, стрелки в какой-то из моментов перехлестнули один

другого. Иные варианты были гораздо менее реалистичными, хотя, возможно, льстящими самолюбию. К слову, именно капитан-лейтенант заставил ребят говорить про безвестного рядового 1-го класса не «убит», а «выведен из строя». Если это была все же пистолетная пуля, то он, скорее всего, жив, если пулеметная или автоматная, то, вероятно, мертв, но они этого не знали и знать не могли. Но в свое время прошедший половину Отечественной войны в саперах дедушка рассказывал ему, что гораздо выгоднее ранить/искалечить врага, чем убить, и тогда он это запомнил, хотя и не понял.

— Понимаете, убитый — это что? Холмик с крестом тогда и транспортировать гроб с телом сейчас. Тогда пенсии платили только семьям погибших офицеров, так? За рядовых и унтеров — ни фиги. Сейчас... Ну, наверное, сейчас за всех платят, но на самом деле вряд ли много. У них рядовые довольно мало в деньгах получают. Это не похоже на то, что у нас на эту тему думают, но это так. Важнее льготы, которые они зарабатывают, — и даже втрое важнее. Льготная медицина, льготные кредиты на покупку недвижимости, стипендии на учебу — вот такое вот все.

— А ранения при чем?

Курсанты слушали его внимательно, переводя глаза с лица говорившего на просвет в дальнем конце лежащей перед ними просеки. Полтора километра — почти рядом. Куча лапника, на нем попона серо-бурого цвета — бывшая крышка огромного пляжного зонтика. На ней они трое, «ведущие наблюдение». Считающие машины, проходящие по шоссе А229.

— Ну, когда человека тяжело ранит, ему нужно оказывать помощь на месте. В каких-то случаях — эвакуировать вертолетом. Не знаю куда, но или в медицинский пункт бригадного или дивизионного порядка, или сразу в профильный

тыловой госпиталь в Польше либо Литве. В арабо-израильских войнах евреи, говорят, именно так и делали, когда все концы короткие, когда все близко было. Или натовцы уже госпитальное судно в Балтику пригнали, я не знаю. Ну так вот... Лечить — это дорого, и даже очень. Везти домой, оплачивать реабилитацию по полной программе. Всю оставшуюся жизнь платить пенсию, если человек остался инвалидом. Что там еще? Курсы переподготовки, чтобы он стал хоть программистом, хоть клерком в банке, хоть кем-то, чтобы быть при деле. Иначе слишком много отвоевавших инвалидов начнут

стрелять по тыловым крысам из верных «ремингтонов»...

— «Я вас туда не посылал».

— Угу... Только у них такого нет, я думаю. Там вся пропагандистская машина работает на общественность. «Народ и армия — едины», так сказать. И если ветеран без ног вернулся, его встречают цветами и шариками, и те не кончаются остаток жизни. И не кончатся, пока у правительства деньги есть...

— Завидно, правда?

Капитан-лейтенант повернул голову вбок и посмотрел на Рому еще более внимательно, чем обычно. Ответил он не сразу, но ответил честно.

— Да, завидно. Даже очень. И еще обидно.

Помнится, после этого разговора они долго молчали, без преувеличений многие часы. А когда единственный раз вернулись к нему, коротко сошлись на том, что даже зависть не имеет никакого значения, выбивая врагов из строя, они должны окупить хотя бы себя, свои жизни и только тогда начать мечтать о чем-то большем. О том, чтобы расплатиться за ребят, погибших в Калининграде, на Советском проспекте. Хотя бы за нескольких.

Пережитое заставило их быть более осторожными, и это «сыграло» уже в следующий раз. К этому

времени у них оставались уже совсем считанные патроны, и они четко понимали, что этот шанс последний и другого не будет. И дело было даже не в боевом счете: если не удастся разжиться патронами, их наивное партизанство станет уже абсолютно бесполезным. Придется делать ставку на самбо у него и капоэйру у Сивого, а это уже совсем смешно. Значит, останется идти в город или набиваться в примачи каким-нибудь бабам в окрестных поселках и деревнях. Не имея большого представления о том, как правильно доить коров, ага.

В этот раз место засады они выбирали полные сутки, часть

пятницы и всю субботу. Лежали на пихтовом лапнике, топали ножками, сидели над дорожным атласом. Даже уже не посмеивались сами над собой: настолько все было серьезным. Пистолет — бесполезнейшая штука в бою, поэтому на него они не рассчитывали совсем. Натянуть проволоку или бечевку поперек дороги, чтобы на нее наткнулся головой мотоциклист с пулеметом, — это кино из детства. Никаких мотоциклистов по их дорогам не ездило, а ездили хорошо охраняемые конвои. Иногда — с вертолетами над головой. Иногда — очень сильно смахивающие на

приманку «Хамви» и пара автоцистерн впереди, плюс целая колонна броневинов после километрового разрыва. За сутки они дважды слышали из своего лесистого треугольника между дорогами довольно интенсивную стрельбу из легкой стрелковки и еще один раз с участием чего-то серьезного, вроде автоматического гранатомета. Каждый раз за таким следовал час или полтора летания туда-сюда вертолетов, и это производило на всех совершенно однозначное впечатление. Однажды они увидели и БПЛА, снежно-белый, вообще без опознавательных знаков. Он пролетел на высоте всего в сотню

метров и был похож на детский самолетик, какие клеят дети постарше уже не из бумаги, а из картона. С узким каплевидным телом, очень длинными крыльями, загнутыми на концах вверх и единственным винтовым моторчиком прямо на жопке. Слава богу, наблюдали они за этой летающей хренью из хорошего укрытия — полуразвалившегося сарая, покрытого чешуйками отслаивающейся выцветшей краски снаружи и набитого бесполезными ржавыми железяками внутри.

— Улетел, пернатый мух, — с нехорошим выражением лица заключил по этому поводу Роман,

сидящий на гнилом ящике у затянутого полиэтиленом окошка, перекошенного набок, что неожиданно помогало глядеть по сторонам. — И погода ясная, как назло. Ну что, не пора ли?

Капитан-лейтенант равнодушно посмотрел на часы: по его ощущениям, времени было еще полно. Однако оказалось, что он то ли подремал сидя, то ли начал иначе воспринимать часы и минуты, и ему пришлось соглашаться: да, почти пора. Действительно. Кто бы мог подумать. Ишь ты.

Парни посмеялись, но вцепившееся в него заново напряжение не ослабило хватку ни

на мизинчик.

— Ребята, — серьезно сказал Дмитриев. — Я крайний раз еще скажу. Если не хотите, останьтесь. Я один пойду, потому что я решил. Или у меня получится, или нет, я не знаю, но мне уже все равно, правда. Лучше бы я с нашими был... Чтобы, знаете, траншеи от горизонта до горизонта, канонада на сотню стволов и чтобы свои рядом.

Кривые улыбки на молодых лицах. Ну да, они тоже свои.

— Пошли... — Рома махнул рукой и направился к выходу из промерзшего сарая, на ходу отряхивая плечи.

— Не понял?

— Э-э... Виноват, товариш капитан-лейтенант. Разрешите следовать?

— Следовать разрешаю. Курсант Иванов?

— Так точно.

— Что «так точно»?

Тот не нашел, что ответить, хотя было заметно, как он пытается подобрать слова.

— Если никто не... Тогда начинаем. Курсант Сивый — головной дозор, держи пистолет. Курсант Иванов и я — грузчики. Текущее время — минус 10 минут, но давайте не ждать. Пошли?

— Поехали...

Вы думаете, Гагарину не было

страшно? Он был отважным человеком, но можно не сомневаться, что он не хуже других знал, что такое страх.

Грузчики. Смешное слово. Но как обозваться иначе, он не придумал — не носильщиками же. Шерпами.

Вдвоем с Димой они тащили целую кучу железа, и это было тяжело с самого начала. А ведь это была уже далеко не первая ходка. Третья, если считать только переноски, и пятая, если зачитывать два прохода практически налегке, тогда они только выбирали место. Огромный алюминиевый бак был самым легким из всего, но зато его было неудобно нести. На боку

сохранилась полустертая надпись «Холодный цех», и капитан-лейтенант, пытаясь отвлечься от мыслей о предстоящем, пытался размышлять, откуда именно его сперли. Проволока — столько, сколько они нашли. Несколько ржавых арматурин: одна довольно длинная, метра на полтора, остальные покороче, в неполный метр. Не все удалось хорошо распрямить, и связка была неудобной: хвосты торчали во все стороны. Час ходьбы. Судя по ощущениям, километров семь или больше, хотя на самом деле не больше четырех. Дважды пришлось меняться, и себе капитан-лейтенант

бессовестно оставил самое лучшее: последнюю смену, когда пришлось уже не по дорогам идти, а продираться через лес, цепляясь за каждый второй сук. Потом они положили железяки на снег, оставили Рому их сторожить, и с тем же Димой, крадучись, потопали вперед еще на полтора километра.

Свою лежку они осмотрели со стороны — метров сначала с двухсот, потом со ста, потом с пятидесяти — и ничего подозрительного не заметили.

Капитан-лейтенант несколько раз обошел ее по расширяющейся спирали и не обнаружил ни чужих следов, ни «Клеймора», [\[20\]](#) подвешенного на

дереве, ни собачьего дерьма. Собак он опасался больше всего, даже больше БПЛА, которые наверняка и засекли их в прошлый раз, в том неудачном нападении на колонну. Нет, все чисто. Похоже, их не нашли.

Капитан-лейтенант посмотрел на наручные часы. Стекло заиндевело под рукавом, и его пришлось тереть пальцем. Груз и его собственная осторожность «съели» тот резерв времени, который у них был с момента выхода, и теперь они вроде бы шли точно по графику. Оставив Диму на лежке наблюдать, он вернулся к Роме и загрузился с ним всем, что они притащили в такую даль. На ходу оба звякали как

средневековые рыцари на марше, и это было плохо. На морозе звук разносится далеко. Могут ли БПЛА иметь акустические системы наведения, как противолодочные торпеды, например? Он не знал, и это заставляло нервничать, но тут уж ничего не поделаешь. Большинство найденных тряпок они навертели на себя, потому что непрерывно мерзли. А оставшихся не хватило бы, чтобы обмотать хотя бы половину арматурин.

— Ну что?

— Тихо пока... Ни одной машины.

Все трое одновременно кивнули, каждый своим собственным мыслям.

Сложно было поручиться за остальных, но сам капитан-лейтенант считал это хорошим признаком. Именно так здесь было позавчера и вчера. Полностью спокойный час. Он предполагал, что это связано с логистическими решениями, используемыми тыловиками американской и польской дивизий, проходящих через эту местность. Типа столько-то километров после границы — марш, потом остановка на сколько-то минут, потом снова марш.

— Пошли?

— Блин, боец, опять?

— Виноват...

— Да ладно, чего уж. Побежали,

а не пошли. Быстро и тихо.

Нужные сотни метров они проскакали едва ли не вприпрыжку. Капитан-лейтенант считал забавным, что слышал не только оглушительный, на весь лес, стук собственного сердца, но и аналогичный приглушенный грохот слева и справа. Но мысль продержалась неизмеримо малую долю секунды. Они уже добежали. Тремя арматуринами долбить обочину было не намного легче, чем одной завалящей лопатой, но они уже пробовали это и знали, что справятся. Сложно сказать, стоило ли это того: чертовы арматурины успели в ключья изорвать не только

перчатки, но и половину кожи на ладонях. Сияющий бак из неизвестного «холодного цеха» утвердился в выдолбленной яме как космический корабль на стартовом столе. Надпись они предусмотрительно развернули вбок, в сторону леса. Потом пробежались по дороге на полсотни метров в каждую из сторон. Воткнули, точнее, вбили те же арматурины в ледяной грунт. Привязали на каждую по длинному и узкому тканевому лоскуту, наподобие вымпелов. По четыре штуки с каждой стороны, по паре на каждую сторону дороги, наискосок одна пара от другой. Удовлетворенно посмотрели — и

помчались назад. Весь этот сюрреализм занял 20 минут ровно, то есть заметно меньше, чем они сами планировали. Вот что значит адреналин.

— Э-э?

В такой ситуации вряд ли кого будет тревожить, а не глупо ли он выглядит. То, что Рома застыл посреди дороги «глядя в себя», Дмитриев засек сразу.

— Э, боец! Отмерзни! Это то, что я думаю?

Тот поднял на него красные от холода, ветра и многодневного недосыпания глаза и молча кивнул.

— Там? — Он указал рукой, потому что сам уже начинал

чувствовать.

Снова кивок, и Рома передал ему пистолет. Ответные кивки. Также молча они с Димой побежали вдоль дороги, перескочили кювет прыжками, сделавшими бы честь и джейранам. Залегли, задыхаясь и кашляя в рукава. Капитан-лейтенант не выдержал, обернулся. Уже рухнув, начал смотреть, как бегущий на свое место Рома наддал в гору, за считанные секунды после них добежав до подготовленных вчера «вязок» напротив чудесной кастрюльки. Проволока в вязках была хреновая, ржавая. Для смазки использовали автомобильное масло: за десяток нырков щупом они вчера

без труда добыли на тряпицу пару миллилитров. Сейчас капитан-лейтенанту подумалось, что вряд ли это хорошая замена. Будь у них десяток лишних минут, он бы перевязал узлы той проволокой, которую они принесли с собой, но их не оказалось. Что ж, к этому можно было отнестись по-философски. Он и отнесся. Скорее всего, все они доживали сейчас последние минуты жизни. Глупо тратить их на размышления «вот если бы». Слишком велик был соблазн соскользнуть глубже в прошлое. Не до вчера, а хотя бы на пару недель. На год. На полтора десятка лет, в эпоху, когда он еще не понимал по-

настоящему, что такое ответственность, еще не знал слово «надо» на вкус.

— Пара машин, большая и маленькая...

Голос Димы был хриплым, как карканье. Хотелось надеяться, что он прав. Будь у них три автомата с патронами — и при таком раскладе можно было бы уже рассчитывать на успех. Так — нет или почти нет. Но ему хотелось верить в это «почти».

Рычание и шорох справа. Рычание — это два двигателя, а шорох — это камешки и ледяные гранулы под шинами. Даже странно, что он это услышал. Говорят, что «в минуты наивысшей опасности все

чувства обостряются». Это выглядело пошловато — литературный штамп, что же еще? Но все же это было правдой. Он услышал даже музыку внутри головной машины. Причем не негритянский рэп, который принял бы за галлюцинацию — настолько это соответствовало стереотипу, — а нормальный классический рок. Вроде бы что-то в стиле старого «Аэросмита».

Две машины вынеслись из-за изгиба дороги ровно в ту секунду, когда он уже начал улыбаться собственным мыслям. Голова была легкая-легкая, будто у полупьяного. «Хамви», за ним в двух десятках метров — тентованный фургон. У

этого прямо над кабиной торчала черная гнутая труба с «грибком», выведенная откуда-то сбоку. То ли печка, то ли газогенератор — сложно было догадаться, но в концепцию «армия, оборудованная по последнему слову техники» это не укладывалось совсем.

Как они и надеялись, при виде трепещущих вымпелов впереди водила головной машины изо всех сил дал по тормозам. Вообще, зря они так гнали: на днях температура наконец-то перевалила за ноль, потом опять упала, и льда поверх снега и поверх асфальта теперь было многовато. В результате оба начали вилять влево и вправо и виляли так

метров еще тридцать. Капитан-лейтенант злорадно понадеялся, что сейчас они оба уйдут в кювет, а в идеале еще и столкнутся до этого, но нет, увы. Как говорят молодые, «щазз тебе».

Их сторона дороги была слева, и то, как повели себя водители, им с Димой было видно отлично. Остановившись метрах еще в пятнадцати до вымпелов на арматуринах, оба водителя с минуту сидели смирно, явно переговариваясь по рации. Насколько можно было разглядеть, на передних сиденьях никто, кроме водителей, не сидел, но никак нельзя было поручиться за задние сиденья того же «Хамви», не

говоря уж о фургоне. Однако ничего — никто не начал выпрыгивать, оглашая воздух напористыми командами. И, к слову, на крыше внедорожника не имелось обычного пулеметного или пушечного ствола за барбетом, хотя все машины, которые они наблюдали, их несли. Что бы это значило? Командно-штабной? Тогда почему без собственного эскорта?

Шофер «Хамви» высунул из приоткрытой дверцы ствол автомата и очень осторожно, в три приема, вышел наружу. Посмотрев, как он двигается, капитан-лейтенант только сглотнул. Хорошо двигается, умело. И мягко, по одной передвигая ножки, как никогда не станет двигаться

мужчина, если он не балерун или не сотрудник телеканала НТВ. Но это не мужчина.

Второй водитель ждал у себя в кабине, даже не приоткрывая окно и уж точно не собираясь глушить двигатель. Сами они тоже ждали.

Женщина из конвойной машины благоразумно не стала подходить к вымпелам вплотную. Остановившись, она внимательно оглядела вообще все вокруг, чем окончательно заставила себя уважать. Бывалая. Знает, что означают тряпки на палках у дороги. Эти минуты они с Димой провели просто: вжавшись в хрустящую от инея брезентину мордами. Потом офицер решился

приподнять голову, потому что опасался пропустить что-нибудь важное. Ни фиги. Женщина разглядывала их кастрюлю вдали. Как и задумано, расположенную достаточно близко от вымпелов для того, чтобы ее заметить, и достаточно далеко, чтобы не разобраться в том, что это за хрень там окопалась.

Конечно, они могли уехать. И это, наверное, даже было бы правильным: все же две машины, а не колонна. И пулемета опять же нет. И в глубине души капитан-лейтенанту даже хотелось, чтобы так и случилось. Он осознал это и даже сам себя успел обругать, а больше

ничего. Не уехали. Из кабины фургона вышел высокий мужик с автоматом в руках и потопал вперед — туда же, куда направлялась храбрая дама. К кастрюле из «холодного цеха». Косясь на вымпелы и озираясь по сторонам.

Страшнее всего было не знать, есть ли кто-то еще в кабинах или нет. Есть ли кто-то под тентом фургона. Последнее было маловероятным: был бы, так уже вылез бы наружу. Дима уже приподнялся, уже набычился, как почти всегда делал в опасные моменты. Капитан-лейтенант хлопнул его по голове, заставив пригнуться снова. Моторы грузовика и внедорожника

порыкивали на холостых, иней под ногами идущих скрипел. Слышат ли они происходящее вокруг так же хорошо, как слышно их самих? Музыка в кабине «Хамви» давно не звучала, движения других автомобилей по шоссе не было слышно. Ну, пора?

Женщина и мужчина стали оглядываться меньше и остановились, не дойдя до кастрюли метров пятнадцать. Мужчина присел на корточки, будто это помогало ему разглядеть что-нибудь особенное. Оба были почти точно спинами к ним. Почти. Чего Рома ждет? Капитан-лейтенант приподнялся, почти точно имитируя стойку бегуна-

спринтера перед стартом. Дима встал рядом, бледный, глядящий исподлобья, со сжатыми губами. «Калашников» с примкнутым магазином без патронов в отведенной назад правой руке. Вот сейчас они обернутся и увидят...

Никому не заметный под своими тряпками Рома Сивый на той стороне дороги дернул за свою проволоку. Вершины двух здоровенных елей с шумом распрямились, сбросив с себя целые пласты снега и льда. Загрохотали оба автомата, сбивая еще больше снега впереди. Странно, но крики обоих стреляющих были слышны даже на этом фоне. Подъем, разбег, в первую

секунду медленный, а потом яростный, сжирающий все силы. Прыжок через снежную яму. Они уже набегали, когда женщина обернулась. Ближе к ним был мужчина: он стрелял в лес перед собой короткими очередями с колена, склонив голову вперед и вправо. Но обернулась она.

У Антона было в пистолете всего три патрона, но, увидев лицо женщины, он не колебался. Решение стрелять не заняло вообще никакого времени, ни мгновения. Затормозить заняло гораздо дольше. Невыносимо долго. Женщина разворачивалась, держа свой короткий автомат на согнутых руках. Десять метров до нее, где-то пять — до спины

мужчины, который тоже уже начал разворачиваться. Стычка с несостоявшимся старостой несколько дней назад — а скорее не с ним, а с его собакой — многому его научила. Он целился долго, слишком долго. Одновременно глядя на женщину, на мужчину, на мушку и прицельную прорезь пистолета, и, наконец, на себя самого, внутрь себя. Продавить спусковой крючок было невероятно трудно, это заняло все то время, которое женщина в форме поднимала ствол своего оружия ему в лицо. «С десяти метров она меня изрешетит», — подумалось ему совершенно отстраненно, будто он прочитал эти слова вслух в

совершенно не трогаящем его тексте, а не подумал. Удивляясь себе, он даже успел начать улыбаться, потом спуск все-таки поддался сведенному судорогой пальцу. Выстрела он не услышал и уже решил, что это была осечка, когда женщина опрокинулась назад. Опрокинулась молча, веером выпустив в воздух перед собой тонкую, невесомую кровяную взвесь. Вторая пуля попала ей уже не в лицо, а в шею, и Антон перевел ствол на мужчину, который так и не развернулся до конца. Дима все это время, всю эту длинную секунду продолжал мчаться вперед. Он сунулся прямо под линию огня и

буквально рубанул мужчину поперек лица стволом «калашникова», как топором или секирой. Тот отшатнулся, и брызнувшая кровь залила его сразу всего. Капитан-лейтенант выстрелил ему в грудь — совсем не целясь, как делать было нельзя даже с пяти метров, — и не случилось ничего. Не веря, он посмотрел на свой пистолет, недоумевая перевел взгляд вперед, и снова бесполезно нажал на спуск. Потом догадался обернуться вправо, к машинам, обмирая от того, что не сделал этого раньше. Никого! Он опять перевел взгляд на людей перед собой и только тут «включился» и догадался бросить пустой пистолет

себе под ноги. Дима продолжал молотить нехилого шофера своим пустым автоматом по чему попало, не давая ему опустить оружие, поднятое, чтобы защитить голову. Тот уже пропустил пару ударов и двигался заторможенно, а худой курсант бил, буквально как молот. Было понятно, что пропусти Дима секунду — и шофер уложит его даже голыми руками. Осознав это, мысленно взывший капитан-лейтенант нырком бросился вперед и вцепился в горло солдата, как клещ, двумя руками. Тот выкрикнул смутно знакомое словосочетание, попытался крутануться — и тогда очередной удар Димы прошел в полную силу.

Было слышно, как хрустнула кость.

Шофер превосходил ростом их обоих. На секунду у Антона сложилось такое впечатление, что вот сейчас он постоит еще и раскидает их к черту буквально парой ударов. Он отпустил горло все еще стоящего на своих ногах человека, вцепился в его короткий автомат, и только тогда тот упал. Не ожидая этого, капитан-лейтенант неловко повалился прямо на него, уткнувшись затылком в разбитое лицо. Это было невыносимо ужасно, и он вырвался нервным движением, отскакивая назад и распрямляясь, уже с чужим оружием в руках.

Рома стоял прямо впереди, в

нескольких метрах, тоже
вооруженный: снял с женщины.
Когда он подбежал, Антон не
заметил. Дима приплясывал и
шатался, стоя на одном месте, и
глядел по сторонам косящими
глазами. Окликать его было страшно.

— Все целы?

Рома выглядел самым
нормальным из них всех: собранный,
ноги широко расставлены, говорить
может. У него ответить сразу не
получилось: сначала пришлось с
полминуты выгонять из горла ком
застывшей там слизи, а потом еще
столько же просто дышать, стараясь
остудить ледяным воздухом свое
раскалившееся тело.

— Уходить надо...

Голос у Димы был «не свой», но впечатляло и то, что он сумел ответить первым.

— Не думайте даже. А то для чего это все?..

Показательно, что они сперва даже не поняли, что он имеет в виду. Но когда поняли, это сразу помогло. Вообще, осознание собственной неадекватности помогает неплохо, если говорить простыми словами — «бодрит».

— Никогда не видел таких машин.

— Кино мало смотрел...
Грузовик проверь! Кузов!

С этого надо было начать, ясное

дело. Но у них вообще оказалось сразу несколько вещей, с которых «надо начинать». Сам капитан-лейтенант начал дергать магазины из подсумков убитого Димой шофера-мужчины с польским флажком на наплечной нашивке, потом догадался снять весь ремень с его кармашками, и это заняло время. Автомат действительно был непривычный, не похожий на то, что показывали им в кино последние два десятилетия. Он решил, что это один из вариантов «М-4», которыми вооружали экипажи боевых машин, но уверен не был.

— Э-э...

Патронов было мало. Пояс был

тяжелым, но, когда он сменил опустевший магазин на полный, в кармашках их оказалось всего три. Значит, всего у шофера было 150 патронов, а это крайне мало. Хотя и лучше, чем было, да.

— Э-э! Товарищ капитан-лейтенант!

— Ну чего ты экаешь, как баран? Напрашивающиеся матерные идиомы он опустил, догадался.

— Так она живая же!

— Что?

Переспрашивать второй раз он даже не стал: оторвался от мародерства и резво прошел немногие метры, отделявшие его от второго тела и стоящего над ним

Ромы. Несколько секунд оба молчали.

Лежащая на спине женщина была рослой, некрасивой. Впрочем, трудно представить себе красивую женщину, настолько сильно залитую кровью. Пистолетная пуля попала ей в верхнюю челюсть и вмяла расколотую кость внутрь. Кровь не свернулась до сих пор, и через нее поднимались пузыри: женщина действительно дышала. Вторую рану она накрепко зажала рукой, и было не понять, серьезная та или нет. Шея — это сплошные сосуды, и из под пальцев тоже сильно текло, но пуля могла пройти и просто под кожей.

— Что будем делать?

Довольно отстраненно Антон подумал о том, что Рома сначала обобрал ее в отношении боеприпасов и только потом заметил, что она живая, хотя это не требовало такой уж выдающейся наблюдательности. Черт его знает, хороший это признак или плохой.

— Я не знаю, что делать, — честно признался он вслух.

Дима с грузовика начал орать, они обернулись и увидели, что он машет рукой. Ну да, хоть какое-то объяснение тому, что в прифронтовой зоне на две машины всего два человека: обе шли порожняком. Хотя все равно странно и неправильно. Кому-то наверняка

достанется, а этим вот уже досталось...

— Товарищ капитан-лейтенант?

Он поднял глаза на Рому. Да, плохо дело. Потому что, как бы он сейчас ни поступил, все равно будет неправильно.

— Она без сознания, — сказал он вслух, будто это имело значение. — И я не знаю, что делать.

Последние слова просто вырвались; он совершенно не собирался произносить их вслух. В принципе он знал, как поступить правильно, но знал чисто теоретически и не мог сделать это ни сам, ни приказать курсанту. Офицер еще раз нагнулся и, шипя от злости

на себя самого, начал выворачивать карманы раненой. Индпакет, естественно. Фонарик, стопка пластиковых карточек, складной нож, несколько фотографий, которые он, не глядя, кинул под ноги. Почему-то один пистолетный патрон отдельно. Зацепленные друг за друга дужками золотые сережки в виде ромбиков. На этом месте он остановился, быстро засунул сережки обратно в тот же карман и распрямился, вытирая руки.

— И?

Капитан-лейтенант несколько раз приоткрывал рот, чтобы ответить, но так ничего и не придумал. Пожал плечами, чувствуя себя дураком.

Махнул рукой. Интересно, но Рома ничего не возразил. Не потребовал ни добить раненую, ни оказать ей помощь, ни эвакуировать куда-то к людям.

— Машину будем брать?

— Нет, — с облегчением ответил Антон, радуясь, что может сказать хоть что-то четкое и правильное. — На них сто процентов маячки на всех. Бог со всем этим. Топливо бы... Но у них дизели, не подходит.

Как раз в это время подбежал Дима, довольный как слон. Интересно, что только в русском языке есть такое выражение — при переводе его смысл исчезает. Почему

слон может быть доволен? Тем, что груз тащит? Дима тащил здоровенную сумку сразу в двух руках и еще рюкзак на одном плече. Тот непрерывно сползал, и Дима на ходу подкидывал его всей спиной вверх, пытаясь зацепить поудобнее.

— Пистолет на переднем пассажирском был, — выпалил он еще метров с пяти. — Вы и не посмотрели, да?

Капитан-лейтенант отрицательно покачал головой. Он все делал неверно: внедорожник не осмотрел, фургон оставил «на потом» и так далее. Все это могло им обойтись не просто дорого, а однозначно и окончательно плохо.

— Еще чего?

— Еще провода.

— Угу.

Это можно было даже не обсуждать: не поджигать чужие машины они решили давно и единогласно. Тепловое пятно на морозном фоне и столб солярного дыма гарантированно привлечет внимание любого наблюдателя, хоть он ведет БПЛА, хоть мониторит картинки со спутников. В то, что из космоса можно прочитать номерные знаки на машинах и разглядеть число звездочек на погонах, они не верили. А вот собственно горящую машину — запросто. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Неизбежно

печальными.

Откинуть капот изнутри — несколько секунд. Рывком выдернуть провода из моторного отсека — еще секунда на каждую машину. Провода — это была единственная деталь, которую они могли унести с собой, гарантированно выводя машину из строя, заставляя ее буксировать. Оба аккумулятора снялись легко, но были слишком тяжелыми. Их разбили, борясь с приступом жадности. И еще по паре раз ткнули ножом в каждую шину. На «Хамви» стоит централизованная система подкачки, но каждая шина стоит больших денег, везти ее сюда тоже надо, так что пара секунд хулиганства более чем

окупается.

— Аптечки взяли?

— Да, в той же сумке. Что еще?

— Потом давайте, — вдруг предложил Рома. — Что-то у меня такое чувство... Что время начало идти больно уж быстро. Мы топчемся уже которую минуту тут... А оно идет.

Его взгляд был таким странным, что Антон тут же «снялся с тормоза». Может быть, этого ему не хватало? Может быть, Роме надо было посмотреть на него этим черным взглядом уже давно?

— Уходим.

Он подхватил сумку с руки Димы и тут же понял, отчего тот шел

согнувшись: это было очень тяжело.

— Так, мой автомат возьми!.. И пистолет тоже!

Дима буквально выхватил «М-4» у него из рук и улыбнулся еще шире. Вот у кого хорошее настроение.

— Кирпичи там, что ли? Золотые? Знаешь, как в том фильме...

Договорить он не успел: тоже услышал или вроде бы услышал. Пока очень далеко.

— Бегом!

Пацаны, хихикая, бодро попрыгали вперед, а он задержался еще на секунду. Все за тем же: еще раз посмотреть на раненую. Как ни странно, она была еще жива, хотя

кровь из нее так и продолжала течь. Он не смог уловить, в сознании женщина или нет, и от этого ему почему-то стало еще больнее. Он не задержался в бою ни на секунду на мысли «стрелять или нет», просто пальнул дважды подряд и успел пожалеть только о втором, почти не нужном выстреле, потому что третьего, черт знает почему, не вышло. Тогда думал, что осечка, а оказалось, куда-то этот третий выстрел делся. Патрона было точно три, выстрелил он точно два раза, но вот было как было. То ли мистика, то ли он не услышал и не почувствовал свой первый выстрел, бывший промахом.

Женщина лежала, не шевелясь. Незнакомка. Типа не прошла проверку паспортного режима. Мама и папа всегда воспитывали из Антона джентльмена, но сейчас было как в известном анекдоте про француженку: «Ах, хорошо, что мама не видит, что я курю!» Он пнул лежащую ногой, подождал реакции, не дождался и потопал за ребятами. Пусть с ней будет как будет. Может, выживет, может, нет. Разбитая челюсть и бог знает, что там с шеей — значит, уже не боец. Как можно наложить повязку на лицо, он понятия не имел, значит, совесть должна быть чиста. Добивать опять же не стал. Или все-таки...

Он обернулся на ходу и посмотрел еще раз. Соблазн, конечно, был. Гибель сотни знакомых и незнакомых моряков в здании училища на его глазах неожиданно подняла в душе капитан-лейтенанта нечто такое, чего он совершенно не ожидал в себе обнаружить. Сколько он сумел уложить там, он честно не помнил, хотя мог надеяться, что по крайней мере «попятнал» несколько человек. Здесь... Он опять не знал. Может быть, это все же был он, кто ранил безвестного американца вчера, может быть нет. Сегодня — одну «единицу живой силы» точно он и одну Дима, который смог его

удивить. «Тоже» удивить, если так можно сказать. Он посмотрел в спину Димы и покачал головой. Потом обернулся, не останавливаясь. Женщина на дороге все еще была в поле зрения, и он ускорил шаг. Теперь у них два карабина и минимум три сотни патронов: теоретически можно было бы попытаться устроить засаду на ремонтников. Но капитан-лейтенант Дмитриев был реалистом. Притом, что неполную неделю назад видел Моровую Деву как живую, все же был. Первыми сюда наверняка придут не ремонтники, а «спасатели». Возможно, колесами, возможно, воздухом. Второе более

вероятно. Их будет вряд ли много, но это будут отлично подготовленные солдаты, не чета им. В первую очередь они, разумеется, окажут помощь раненой, если та еще не умрет к этому времени. Во вторую, тут же осмотрят все вокруг на многие мили: и камерами и ножками пробегутся. Или даже кто-то оказывает, а кто-то параллельно уже ищет мины и возможных наблюдателей, читай снайперов. Ага, а вы думали, зачем вымпелы на палках у дороги? Это даже он сам знал, не то что водила «Хамви». Бог весть, сколько она прошла войн, прежде чем попала сюда. Капрал... Довольно низкое звание, так что вряд

ли много. А может быть, и вообще ни одной: завербовалась в ВС за льготами да за женским счастьем. Так?

Устраивать на подкрепление засаду... Ага, охотились зайцы на тигра... Можно было попробовать отойти на несколько километров вдоль по дороге: когда-то да будут эти машины буксировать. Мобильная группа вызовет техников/ремонтников, те вряд ли будут на месте все колеса перемонтировать. Скорее, потащат к себе, то есть в сторону запада. Группа тех же «спасателей» наверняка пойдет впереди, а может быть, даже и над головой сформированной колонны.

Так что...

Он обернулся еще раз, просто проверить себя. Ну да, уже прогресс. Метров 400–500 по лесу. С дороги их уже гарантированно не видно, а в лес без разведки сунется далеко не каждый. С подступающими сумерками. За злыми партизанами в неизвестном числе. Пока вызовут воздух, пока то и се...

Антон продолжал думать, хотя уже почти равнодушно. Его будто оглушило изнутри, ноги были как ватные. Что-то в этом роде было у Димы: тот очухался от контузии без всякого госпиталя, и все в этом узком отношении было прекрасно, пока он не заметил, как часто парень утирает

слюну, текущую из угла рта. Всегда одного и того же, хитро опущенного вниз, будто парень вот-вот скажет что-то язвительное. Так и здесь: после их маленькой победы прошли считанные минуты, десятки минут, и теперь чувствовалось, сколько они сожгли энергии, сколько это стоило им нервов.

Ремонтники пойдут одной короткой колонной. Несколько технических машин, пара машин в прикрытии. Может быть, легкая бронетехника, а не вооруженные «Хамви». Скорее всего, именно так. После потери двух машин они наверняка догадаются, что это не одиночка. Значит, минимум одна

бронемашина у них будет. А с бронемашиной он с курсантами не может сделать ничего, в принципе. Разве что убиться об такую всем скопом, втроем. По вертолету можно хотя бы пострелять напоследок. Какое-никакое, а удовольствие. В Ираке один крестьянин, рассказывали, «Апач» умудрился одиночным выстрелом из карамультука сбить. А толку-то?.. Нет, ну все же, что они такое запихали в эту сумку, сволочи? Гранатомет не влезет, разве что выстрелы к нему. Жратву? Что там могли везти в кузове без охраны? Или это все же был просто перегон? Учитывая, что они шли в «свою»

сторону, то есть с востока на запад. Грузовик был без тактических знаков и по типу и камуфляжу — вроде бы американский. А вот его шофер был поляк. И что? Какой в этом глубокий смысл? Почему-то не выходили из головы два последних сказанных шофером слова. «*Odpierdol się!!*» — и тут же Димин удар... Можно только мечтать, что если умереть, то так, в настоящей драке в полную силу, с матом на губах. Но какой же он был здоровый мужик... Как два Димы. Или как Дима и три четверти его самого.

Чувствующий себя дураком Антон немного наддал, хотя идти было неудобнее с каждой минутой.

Угол проклятой сумки впивался в бедро, а слишком большая тяжесть не позволяла перекидывать ее из одной руки в другую на ходу. Каждые три десятка шагов требовалось приостанавливаться, сбивая набранный темп, и поворачиваться всем телом.

— Помочь, товащ капитан-лейтенант?

— А ты как думал?

Рома с пару секунд постоял на месте, надеясь, что его командир пройдет еще несколько шагов. Но тот сдох окончательно и с облегчением кинул сумку на снег.

— Что там? — во второй раз спросил он у подходящего. Опять

обернулся и посмотрел. Ничего не видно уже вообще. Может быть, километр, а может быть, и больше.

Он вновь обернулся, и в ответ на кивок Ромы согласно взялся за одну из лямок. Теперь идти цепочкой не получится, но снега в лесу все же было не так много, так что скорость все равно вырастет. А это означает жизнь.

Рома взялся за вторую лямку и счастливо улыбнулся.

— Ни за что не догадаетесь, — сказал он.

Среда, 27 марта

*Действительности
нет дела до человеческих
надежд и желаний.*

*Герберт
Дж. Уэллс*

25-я гвардейская
мотострелковая бригада была
разгромлена в ночь с понедельника
25-го на вторник 26-е. Ее оставшиеся
в живых бойцы и командиры с
последними уцелевшими единицами
техники отошли туда, откуда сутками
раньше начали неудачное
контрнаступление, и влились в

состав 138-й гвардейской. Уже находящейся под ударом, уже несущей потери, но все еще боеспособной. Вика была среди выживших, хотя только к среде окончательно отошла от безумия и смогла начать делать хоть что-то.

Она пришла в себя в медицинской палатке от криков людей. И уже потом поняла, что слышала их давно, долго. Просто не обращала внимания. Вика повернула голову набок, продолжая спокойно слушать, как надрывно, срываясь на хрип, кричит человек на соседней койке, в метре от нее. Потом приподняла голову и взглянула чуть дальше: там тоже кричали, но иначе.

Даже от такого простого движения ей стало хуже, и она повалилась обратно. Кружилась голова, причем сильно кружилась, как у пьяной. Болели мышцы. Сначала она осознала, что по кругу болит шея, потом поняла, что все хуже. Болели и плечи, и руки. Чувствительность возвращалась пятнами: так, она сначала почувствовала боль в крестце и только потом по всему ходу позвоночника. Но зато короткий отдых с закрытыми глазами помог. Головокружение сначала замедлилось, а затем вроде бы почти прекратилось. Вика снова открыла глаза и, теперь уже целенаправленно

стараясь не слушать крики рядом с собой, осмотрела руки. Ссадины, царапины, синяки. Засохшая кровь на коже кистей. Выше все было тоже ничего: осторожно трогая себя за предплечья через ткань гимнастерки, она поняла, что сплошная здесь боль имеет не особо страшное объяснение — ушибы, а не раны.

Только теперь она почувствовала, как в палатке холодно. Накинутый на нее бушлат сполз ниже, и мороз сразу обжег лицо. Даже глаза заслезились. Впрочем, может, и от другого. В палатке резко пахло кровью, рвотой, лекарствами. Смертью. Вика машинально потрогала серый или пусть серо-

голубоватый пластмассовый
пятиугольник, висящий у нее на
правом предплечье. Примотанный
свернутым в жгутик клоком бинта,
как привязывают бирки к
новорожденным в роддомах. Тупо
посмотрела на выдавленную в
пластмассе надпись в три строчки:
«Эвакуация во вторую очередь — 2».
Снова поглядела на кричащих с
одной стороны, повернула голову.
Солдат на четвертой койке молчал, и
она как-то сразу поняла почему: у
живых не бывает такого лица.

— Эй! Эй, есть здесь кто?

Голос получился хриплый, сухой, и горло заболело сразу на всю глубину. Сколько она здесь лежит?

Почему нет никаких медиков? Ведь видно, что эти двое уже не могут терпеть?

Палатка была четырехместная, и все четыре койки были заняты. Одна — ею, две — непрерывно кричащими ранеными, еще одна — умершим. Это дошло медленно, но, когда дошло, ей сразу стало хуже.

— Ребят... Ребята...

Она пыталась позвать кричащего, но тот не обращал на нее никакого внимания. Набирал воздуха и вопил сорванным голосом, покуда хватало сил, потом осекался и снова набирал воздух в легкие. Глаза у солдата были белые и пустые, какие бывают у акул и свиней — не у

людей. Приподнявшись чуть выше, Вика попыталась разглядеть, какая у него бирка, но не увидела ее. Зато увидела, что руки и ноги парня накрепко привязаны к трубчатой раме его койки. От этого зрелища она на секунду онемела, а потом головокружение прошло одним рывком. Боль осталась: и в ссадинах, и в ушибах, и в мышцах всего тела, но это было ничто по сравнению с облегчением.

А потом она вспомнила сразу все. Все сразу, все сутки после начала движения. Целиком, за неуловимую какими часами долю времени. И заплакала, глядя в ничего не выражающие глаза перед собой.

Заплакала сухо, без слез и без звуков, давясь внутри себя. Крики не стали тише, не изменилось вообще ничего. Совершенно отстраненно, фоном к горькому плачу, Вика подумала, что это все даже страшнее, чем в завязке любого фильма ужасов. Даже самого качественного. Она чувствовала, какой это большой соблазн — разрешить себе поверить в то, что все это кажется, что все не настоящее. Что ничего не было. Но не позволила. Разум выиграл этот раунд у сумасшествия. Первый за какое-то время, с трудом, но выиграл.

Вика вздохнула, прикрыла глаза в предчувствии боли и рывком села на койке, ни на что не опираясь.

Голова мгновенно поплыла, но она удержалась, не упала обратно. Спустила ноги вниз и только после этого сдвинула набок бушлат. Рыдания уже кончились, потому что сейчас было не до того. Порыдать можно будет позже, вволю и с комфортом. Если доживет.

— А ботинки? — позвала она, недоуменно поглядев на ступни в носках. Услышала свой голос и мгновенно ужаснулась. Нет, еще не все хорошо в ее голове, если вырывается вот такое.

Ботинки были глубоко под койкой, достать их заняло целую минуту, с двумя перерывами. Мелькнувшие ясность ума и желание

что-то сделать, чтобы спастись, начали уходить. И как только Вика осознала происходящее с ней, это помогло. Закусив потрескавшуюся губу, она вытянутыми пальцами обеих рук натянула на ноги сначала один форменный ботинок, потом другой. Пока все шло неплохо.

Проговорив эту фразу внутри себя, Вика почти успокоилась, и тут же ей снова стало жутко. Увы, это был не фильм ужасов. Это реально происходило с ней и с остальными. Кричащий парень с безумными глазами был настоящим. Второй, кричащий другим голосом — тоже. Умерший тоже был настоящим. Отсутствие медиков в палатке —

тоже. Из не до конца застегнутого полога дуло холодом: очень может быть, что помогало именно это. Она еще раз оглядела все доступные взгляду квадратные метры и решительно встала. Покачалась на нетвердых ногах, приказала себе не слушать и не слышать ничего. Зацепила плохо слушающимися пальцами язычок молнии на пологе и одним движением раскрыла его снизу вверх. Холодный ветер сразу проткнул тонкую ткань, и Вика пожалела, что не надела бушлат, когда еще сидела на койке. Пришлось возвращаться, даже не посмотрев наружу, потом выходить снова.

Все-таки она тупила, потому что

в голове непрерывно крутились обрывки картин, увиденных ею до того, как ее накрыло темнотой. Обрывки пережитых впечатлений, каждое из которых заставляло и так ноющее горло сжиматься, не пропуская воздух. Приди ей в голову задержаться, потратить секунду, чтобы посмотреть, что вокруг... Не то что бы «все сложилось иначе», но кое-что в будущей судьбе могло пойти по-другому. Так оно всегда и бывает, правда? Теперь, выйдя уже одетой, она увидела рядом со своей палаткой целый ряд других и корму отъезжающего грузовика. Здоровенной, длинной «шаланды», как было принято в Питере называть

«КамАЗы» с открытым кузовом. Она проводила машину взглядом, не сказав ни слова. Оглянулась на палатку, из которой вышла. Которая с болтающимся пологом. Провела взглядом вокруг. Насчитала 8 точно таких же палаток, на 4 койки каждая, и еще две втрое большего размера: каждая из них стыковалась с маленькой крытым тканью переходом.

— Э!.. Эй!!

Она наконец-то увидела людей и на секунду почувствовала радость. Теперь все должно было стать проще. Теперь ей скажут, чем все закончилось.

Трое солдат пробежали мимо

нее, даже не повернув головы. Двое были с автоматами, один с гранатометом, который она опознала как старый РПГ-7: этот узнавала даже она. Они проскочили в проход между палатками и потерялись из виду, и тогда Вика начала искать следующих. Наверняка кто-то здесь все же был. Постояв без толку, она заглянула в соседнюю со «своей» палатку, но та оказалась пуста, даже матрасов не было на койках. Зато с выключенной «тепловой пушкой» на полу. Интересно, на всех не хватило? Почему тогда к ним не перенесли, когда отсюда всех эвакуировали? Она перешла в соседнюю палатку и увидела ровно ту же картину: пустые

койки, несколько оболочек из-под бинтов и пустые мягкие пакеты из-под физраствора на полу. В третьей ей наконец-то встретился человек. Он сидел на койке, уткнув голову в руки, и едва заметно покачивался вперед-назад. Для разнообразия — молча. Автомат стоял ровно между коленями, и его ствол смотрел сидящему прямо в лицо, закрытое от окружающего ладонями. Вика прислушалась: крики из той палатки, где она пришла в себя, были слышны и здесь. Но приглушенно, больно много было ветра рядом и неровного, трясущего землю гула на заднем плане.

— Ты кто?

Она почему-то решила, что это тоже сумасшедший, и приняла единственную разумную меру предосторожности, которая лежала на поверхности. Не стала подходить, садиться перед человеком на корточки и трогать его за колено, а осталась у входа.

Человек убрал руки, медленно разогнулся и посмотрел на нее. Это был лейтенант Ляхин, которого она тоже помнила. С которым было связано слишком многое за последние открытые для нее часы. У Вики буквально подкосились ноги, она привалилась к тенту, но это не был дверной косяк, он не смог ее удержать, и она неловко повалилась

на пол. Ляхин вскочил, подхватив свой автомат, бросился к ней. Двигался он деревянно и не успел. Но Вика, упав, не стала закатывать глаза и изображать обморок, а матюгнулась — и это как-то помогло обоим. Глупость ситуации прошла: она протянула левую руку, Ляхин подал свою, тоже левую, и легко вздернул ее на ноги.

— Привет, Петрова, — глухо произнес он. — Очнулась?

— Очнулась, — подтвердила Вика.

— Давно? Голова как?

— Минут десять или пятнадцать. Или двадцать. Голова дурная.

Ляхин посмотрел серьезно. Потом неожиданно цепко ухватил Вику за плечо и подтянул к себе. Она испугалась, потому что чужие друг другу взрослые люди так не делают, понятие «персонального пространства» у европейцев формируется с младенчества. Но он, оказывается, начал рассматривать глаза. Это было... странно. Вика выдержала секунд пять, потом отстранилась. Ему хватило.

— Что ты помнишь?

— Все... — с тоской сказала она. Вике очень бы хотелось не помнить, но не получалось, а уходить обратно в темноту было слишком страшно.

— До какого места?

— До того, как... Как машины горели и как этого, толстого... Я...

Слезы опять подступили к самым глазам, и опять их не было. В голове стоял непрерывный крик. Не тот, который доносился снаружи палатки, отграничивающей их двоих от мира, как кокон. Другой, неслышимый никому.

— Я тоже помню.

Вика не знала, что сказать, и сдуру кивнула лейтенанту на его автомат:

— Не знаешь, где мой?

Тот молча покачал головой, потом горько усмехнулся.

— Этого добра... Найдешь, если

захочешь.

— Слушай. — Вика уже поняла, что мыслительные усилия и вообще действия помогают, и решила не упускать случая. — Ты можешь мне внятно объяснить, что происходит?

Лейтенант Ляхин посмотрел на нее с недоумением. Не как на дуру, а именно так — это четко почувствовалось.

— Это война, Петрова, — четко сказал он. — И страна ее проигрывает. Ты точно без лакун в памяти? Обычное дело, между прочим. Ты вообще как овощ была. Рад, что не осталась такой. А могла, я бы не удивился.

— Это ты меня вытащил? —

спросила она вместо комментария. Ненормальный лейтенант не ответил, не покачал головой. Вообще никак не показал, что он ее услышал. Но она все равно была уверена. Да, он.

Когда их контрнаступление начиналось — из которого она, понятное дело, видела лишь маленький кусочек, — все выглядело просто здорово. Бригада шла вперед как трактор: не слишком быстро, но очевидно неостановимо. Вика сидела на броне МТ-ЛБ, выставив ствол «калашникова» в указанном ей направлении, и наслаждалась тем, как холодный воздух режет ее щеки. Батальонная колонна шла сначала по

местным дорогам, потом вырвалась на шоссе и поперла со скоростью, которая «снаружи» казалась грандиозной. И, как бы то ни было, за первые полтора-два часа они точно прошли километров пятьдесят через Воронино, Копорье, Перелесье. Впереди непрерывно грохотало и рычало; можно было только гадать, каково это было на самом деле, если звук чувствовался даже здесь, на броне несущейся вперед машины. И не только лопаухими ушами под каской, а всей кожей. Вика помнила, как они вопили от радости, когда видели зримые свидетельства того, что происходило впереди, в головном эшелоне. Бронемашины и

бронетранспортеры незнакомых
марок, иногда разбитые в клочья,
иногда пылающие ярким оранжево-
черным пламенем, а иногда и почти
не поврежденные на вид, но стоящие
без движения, с распахнутыми
люками, некоторые с дырами в
бортах и в крышах. Пару раз —
чужие танки, однажды — сбитый
вертолет. Свои тоже попадались, хотя
и реже, однако каждый раз это
выглядело страшно. Горящий «Т-72»,
вбитый в землю по несущий винт
«Ми-24» с хорошо различимой
красной звездой на борту. И тела
людей... Вот это выглядело
страшным вне зависимости от того,
чьи они были, свои или чужие. Да и

можно ли их было опознать? Тела вокруг горящих «Кугуаров», двух рядом — это чьи? Их экипажей или тех, кто их сжег?

Лейтенант орал что-то неприличное при каждой такой встрече: что-то вроде «*Песец пшекам!*» в десяти разных вариациях. Остальные, кого она могла слышать, каждый раз поддерживали это дружным нечленораздельным ревом, как приматы. Она тоже испытывала восторг, но орать ей в голову не приходило. Возможно, сказывалось отсутствие опыта «боления» на стадионах, что на футбольных, что на хоккейных. Еще Вика запомнила, как скакали на обочинах и махали им

руками люди в тех нескольких деревнях, через которые они проносились. Проносились, рыча, лязгая, воняя дымом, матерясь в сотни счастливых глоток. В одной деревне она увидела, как толпа человек в сорок вешает на воротах человека со связанными за спиной руками, и, не поверив, долго протирала потом глаза. Не было ни времени, ни даже желания переспрашивать у других, померещилось ей или нет. Хотя да, можно и самой догадаться, кого именно из своих будут местные жители вешать после нескольких дней оккупации...

За деревней с трогательным

названием Нарядово на табличке колонна вдруг резко ушла с шоссе вправо. Лейтенант на броне орал в гарнитуру своей рации что-то неразборчивое. Что ему там могли приказывать, вообще было непонятно, но жесты и рваные междометия молодого офицера неожиданно оказались не просто доходчивыми, а «интуитивно понятными». Десять МТ-ЛБ батальона и две приданные им «Шилки» развернулись в уступ, двигатели взвыли, с силой цепляя заледеневший грунт, и Вика в ужасе увидела, как в километре впереди вдруг начинают рваться снаряды. Редкая цепочка разрывов за какие-то

секунды пробежала зигзагом по полю, угасла и начала свое движение заново, уже на сотню метров глубже. Интересно, что это не было похоже на кино. В кино снаряд вышвыривает вверх жуткий столб огня; здесь такого не было и в помине. Может быть, пушки другие? Десантироваться им не приказали, хотя Вика приготовилась. Ей было страшно и интересно, как никогда в жизни. Рвущиеся снаряды однозначно были своими. Она была готова открыть огонь в ту сторону, в которую прикажут. Но ей, между прочим, и в голову не приходило, что в нее могут стрелять в ответ.

МТ-ЛБ снизили скорость, и это

наверняка было как-то обусловлено находящимся впереди. Ось их атаки приходилась на промежуток между лесом и двумя поселками — один был левее, второй правее. И как раз когда Вика восхитилась собственной умной мыслью на тему «А зачем атаковать в пустоту», за этот «промежуток между» вылетело несколько машин. Лейтенант завопил и забил в броню прикладом, но водила был сам не слепой. Их транспортер встал как вкопанный, и одновременно с этим взревели крупнокалиберные пулеметы на нескольких тягачах сразу. Секунда — и их оглушающий рев был перебит совсем уж диким гавканьем

«Шилок» с обоих флангов. К быстро перемещающимся впереди машинам потянулись сходящиеся и пересекающиеся веера трасс. К этому времени они все уже прыгали с брони и из нутра десантного отсека. Вика не могла, не успевала разглядеть, кто и что является их целью. Подразумевалось, что это тот же противник, которого сейчас гнал в сторону Кингисеппа их первый эшелон — подразделения противостоящей им польской 16-й Поморской механизированной дивизии. Но силуэты машин еще не успели примелькаться, да и были далековато: километр или чуть меньше.

— Ах-хонь!

Занявшая свое место в цепи Вика огляделась. Как ни мало у них было теоретических занятий за эту страшную неделю, но она успела усвоить, что гранатометы бьют максимум на 300 метров, а старые и меньше. Однако расчеты гранатометов даже не готовились к стрельбе, команда относилась к пулеметчикам, которые и так стреляли как бешеные: гильзы летели с брони во все стороны. Бойцы ее роты стояли, рассыпавшись в стороны от тягачей, глядя на происходящее во все глаза. Вика обратила внимание на нехарактерную позу одного — и это

вдруг оказался не простой Ляхин: то ли санинструктор, то ли стрелок, лейтенант в подчинении у лейтенанта. Он не стоял, а сидел на одном колене, загнув носок ступни в землю, готовый вскочить. И поглядывал то вперед, то на командира взвода. Но потом она снова перестала его замечать, потому чтодвигающиеся поперек их строя машины впереди начали останавливаться и загораться одна за другой. С момента открытия огня прошли считанные секунды, может быть, полтора или два десятка секунд.

— Взвод! Цепью! Вперед, бегом, м-а-арш!

Сложно химику-технологу
текстильной промышленности
догадаться, пробивает пуля
крупнокалиберного НСВТ с 800–
1000 метров бортовую броню то ли
«Росомах», то ли «Опалов» или не
пробивает. Наверное, все же нет. Но в
отношении «Шилок» такой вопрос
выглядел бы смешно: несколько
ушедших в небо рикошетов были
видны даже отсюда, но львиная доля
попавших в цель снарядов пробивала
чужую броню как жечь. Они бежали
вперед, сразу начав задыхаться от
тяжести, но при этом что-то еще
вопя. Знаете, за сколько солдат в
полной выкладке пробегает
километр? В каске, бронежилете

«Кулон-ВВ», с автоматом или ручным пулеметом в руках и с боеприпасами в подсумке? Со всем остальным, что на него навьючено, включая индпакет, индаптечку, жгут. В теплой одежде, наконец? За считанные десятки секунд, без шуток! Это по асфальту можно расслабленно бежать, когда впереди инструктор с секундомером. А когда в твою сторону пули летят...

Вика даже не успела устать, когда они почти добежали. К этому времени все уже кончилось, и последние пару сотен метров можно было особо не стараться. У Вики создалось впечатление, что это все было как-то не по-настоящему.

Хватило бы и одной «Шилки», а тут и артиллерия, и развернутые мотострелки с их пулеметами, и атака цепью. Зачем? Один вездесущий «Хамви» с пулеметом на крыше, два «Кугуара», два БРДМ-2, советского производства, но с польскими красно-белыми флажками с каждой стороны и на крыше. И еще с белым орлом на лбу. В короне, непривычно нахохленный, — на ее взгляд, он походил больше на страдающего запором голубя, чем на орла. Хотя да, глупо смеяться над чужим гербом — можно было посмеяться над конкретным художником. Это как над фамилией. Она Петрова, в

отделении двое Кузнецовых, двое Лосевых и один Кацман. А у всех остальных — как кому повезло с папами.

Странно, но ее совершенно не покорило, когда ее товарищи переворачивали и тормошили тела убитых поляков. Снимали с них оружие, рассматривали и бросали под ноги. Доставали из карманов и карманчиков документы и всякую околовоеенную ерунду, какой всегда полно у любого пошедшего в поход «с ночевкой» горожанина. Вокруг одного было полно стреляных гильз: этот, вероятно, в них и стрелял, добавляя адреналина. Интересно, что ни она, ни кто-то другой не залегли

под огнем. Один стрелок против их всех... Ну, может быть, не один: гильзы были и в других местах тоже, хотя и меньше. Теперь их втапывали в грязь, брали себе на память, даже кидались друг в друга. «Совсем сопляки», — подумала она вслух: слава богу, никто не расслышал. И еще убитые были в кабинах. «Хамви» оказался санитарным, в его закрытом кузове лежали носилки с мертвыми телами. Часть наверняка погибла прямо тут, когда одна из двух «Шилок» накрыла шуструю головную машину.

— 12-я Щецинская, — неожиданно спокойно и деловито сказали у Вики за спиной. — 12-й же

батальон обеспечения. Почти треть офицеры — у поляков так и есть. Плюс то, что это тыловики. В деревне кто был, они же?

Она обернулась и совершенно не удивилась тому, что увидела. Ну да, еще бы.

— Угу, они. Там человек 30, говорят, набили.

— И здесь почти половину. Славно. Признаюсь, не ожидал. Артиллеристы молодцы, да.

Вика поморщилась, выпендреж санинструктора был здесь совершенно не к месту. Не его дело знать названия других частей, не его дело заботиться об артиллерии и прочих радостях профессиональных

военных. Вот когда их самих, не дай бог, накроют, вот тогда его время и придет, а пока молчал бы в тряпочку...

Она звучно сплюнула себе под ноги и отошла подальше. Земля дрожала, сзади подтягивалась цепь МТ-ЛБ. Сколько они потратили патронов? И зачем? Поляки наверняка сдались бы, подойди они поближе: чего им тут было ловить? И главное: что теперь, что дальше? Куда? Впрочем, на то она и армия: солдату совершенно незачем уметь пользоваться вопросительным знаком. За него обо всем подумают, и ему все скажут: и про «что дальше», и «куда именно», и так по

большинству пунктов. Кроме, пожалуй, «зачем». Через секунду, когда Вика все это про себя проговорила, на них снова начали орать. Оторвали от интересного для большинства дела, посадили на броню и в нутро десантных отсеков и опять куда-то погнажи. Через пять минут и после первого же поворота она полностью перестала ориентироваться. Как это обычно и бывает в Ленобласти с сентября по апрель включительно, на небе не было солнца, просто сплошная светло-серая муть. Названия населенных пунктов ей тоже ничего не говорили — слишком уже далеко от дома. Неужели они побеждают?

Неужели они гонят врага назад, туда, на запад? Это было слишком хорошо, чтобы в это верить, но надежда была такой сладкой, что она разрешила себе минуту или две. Отдохнула за это время, сбросила хоть часть груза, навалившегося за неделю на ее молодую и дурную голову слоями, один за другим, как из цепочки бетономешалок. Разномастных, но без исключения тяжелых. Ужас.

— Воздух!! Слева двадцать, воздух!

Машина еще даже не начала сбавлять ход, а они уже посыпались с брони в разные стороны, как горох. Вика успела порадоваться тому, что вертолеты были не в ее секторе: она

так глубоко задумалась о недостижимо хорошем, что могла их проглядеть. А потом поняла, что это последнее, о чем стоит сейчас беспокоиться. «Шилка» далеко сзади уже была из всех своих стволов, а передняя почему-то молчала. Как они слышали команду? Какую силу надо было вложить в этот крик?

Сзади справа глухо ухнуло, и прямо над их тягачом наискосок с неба протянулась ярко-белая полоса, ушедшая куда-то вперед. Уши отложило через секунду, и к этому времени они все уже или лежали на земле в 15–20 метрах от машины или были в стойке «для стрельбы с колена». Вертолет Вика увидела

только после этого, причем не один, а сразу четыре. Те двигались по отдельности, не сформировав единый строй. Причем двигались почти непрерывно, не зависая. То ныряя вниз, то снова поддвигиваясь вверх. Пулемет с МТ-ЛБ замолотил длинными очередями, и Вика открыла рот, чтобы не оглохнуть на ближайшие минуты. Вертолеты она не узнала, но это точно были чужаки. По силуэтам — вроде бы не транспортники, больно хищно выглядят. Значит, бронированные, так что на такой дистанции малоуязвимы даже для крупнокалиберных пулеметов. Ей показалось, что она увидела попадания в один из

вертолетов: на нем будто зажигались на мгновение яркие люминесцентные лампочки. Но потом вертолеты исчезли из вида все вчетвером, и на этом все закончилось.

— Сбили, да? — тупо поинтересовался у нее совсем молодой парень. С розовыми щеками, какие бывают у некурящих в 18 лет. — Ты видела?

— Ни хрена не видела, — грубо ответила Вика и за какую-то секунду разозлилась. И на молодого дурака, и сама на себя. — С чего ты взял?

Парень начал путано объяснять, и она просто плюнула, не стала слушать. Им скомандовали «к

машинам!», и она трусцой побежала к своей. С брони ей подали руку, помогли залезть. Неприятно чувствовать себя неуклюжей, но с таким навьюченным весом поверх ее телосложения иначе быть и не может.

Минуту спустя они проехали мимо пылающего остова тягача. Тактического номера на броне она не увидела: тот был окутан пламенем весь целиком, и на нем уже не уцелело ни грамма краски. Бывший МТ-ЛБ распространял такой жар, что им пришлось прикрывать лица руками, когда они на полной скорости проходили мимо. А «мимо» — это было несколько десятков

метров. Что там могло так гореть? Когда жуткая могила осталась далеко позади, Вика перестала оборачиваться и снова с вниманием уставилась вперед. Она все надеялась увидеть сбитый или хотя бы поврежденный и севший вертолет, но не увидела ни черта. Разговаривать на ходу не получалось, и она не сумела как-то пообщаться с соседями. Будто любезность теперь могла смягчить ушедшую в ближайшее прошлое грубость перед незнакомым парнем. Вика покачала головой. Да уж, чего только не бывает с человеческой психикой в условиях неконтролируемого экстрима. Если она вернется домой,

она останется дерганой на всю оставшуюся жизнь. Но это если вернется... На этой простой мысли Вика снова помрачнела и занялась наблюдением уже серьезно. Мечтать о своем возвращении к нормальной жизни было глупо и, мягко говоря, несвоевременно. Хотя и приятно. Но вот как пальнут сейчас ей в лоб из-под самого горизонта заточенной под бронетехнику ракетой, вот и кончатся мечтания. Поэтому лучше не мечтать лишнего. И иметь воздух заранее набранный в легкие, чтобы успеть вовремя заорать во всю глотку, если что-то заметишь.

— Вик, а Ви-ик?

Она отняла ладони от лица. Так, таким тоном говорила ей мама, но довольно давно. Класе в 5-м и следующие несколько лет. Когда ты уже не маленькая девочка, но еще не девушка. Интонация помнилась, и то, что он в нее так метко попал, показалось ей маленьким чудом.

— Что? — глухо выдавила из себя она.

— Может, хватит уже?

— Что хватит?

— Сидеть вот так. С глазами в кучку. — Ляхин вдруг как-то горько засмеялся. Остановился, поглядел на свой автомат и засмеялся снова. От этого смеха ее пробрало холодом. Притом, как она, оказывается,

замерзла, все равно пробрало. Поверх холода от мороза.

— Да пошел ты...

Вика встала со скрипнувшей железками койки, искала глазами вокруг и опять не увидела своего автомата. Посмотрела на тот, который был в руках у лейтенанта.

— Угу, это ты верно угадала. Если бы ты не вошла... Минуту или две, может быть.

Она не поняла, что он имеет в виду, но предпочла смолчать. Это всегда верное решение, если не знаешь, что сказать.

— А теперь... У тебя есть какие-то планы?

Прозвучало это двусмысленно. И

несмешно.

— Теперь — совершенно однозначные, — сухо сказала она. — Оружие себе найти. Командира. И продолжить, сколько смогу. Поквитаться за ребят.

Спазм рыданий выплеснулся из нее сам собой, совершенно неожиданно и совершенно неостановимо. Ее буквально повалило вниз, на колени и на бок. Воя, Вика старалась разодрать тесный воротник, потому что он не давал ей вздохнуть. Весь воздух уходил на плач по мертвым, на себя не оставалось ничего, и уже через полминуты она почти потеряла сознание. Затемнилась. Потом

кошмар внутри стих, и она снова начала видеть. Сперва туннелем, находящимся прямо перед собой, потом больше.

— Мне тоже хотелось, — очень нехорошим голосом сказал Ляхин сзади, из-за ее спины. — И в прошлый раз, и в этот. В прошлый я отомстил адресно. Пусть не полно, но... Сколько уже лет прошло, до секунды все помню. Как это было сладко.

Он страшно оскалился, и на секунду изнутри его лица проступило нечто жуткое, невозможное. Потом оно снова ушло вовнутрь, в глубину взгляда, в глубину кожи.

— Теперь — ни хрена. Я вытащил пять человек, включая тебя. Или даже шесть. Толстого точно, это ты верно помнишь. Этого там, который с СВД... Пулеметчика из третьего отделения... И знаешь, ты единственная живая.

Ляхин вновь посмотрел на нее искоса, но теперь сумасшествия в нем почти не было, только боль.

— Потому что ты без ран. Тоже шоковая, но психическая, а не... Знаешь, как это называлось, что их убило?

Вика отрицательно покачала головой. Она помнила, как горели машины и люди, как бегущих пробивало насквозь. Помнила, как

санинструктор кого-то тащил прямо перед ней, тоже бегущей изо всех сил. Слишком многое помнила, слишком ярко. Но она понятия не имела, о чем он спрашивает.

— «Стреловидные поражающие элементы». Лично я думал, их в основном наши используют, а американцы и вообще натовцы — шарики. Был не прав.

Он замолчал на несколько секунд, дав ей время подняться и привести в порядок одежду, насколько было возможно.

— У меня все было. Перевязочный материал, инструменты. Грех жаловаться. И ни одного выжившего. Даже если по

паре стрелок всего словил... Бронежилеты они не прошивают, ты видела, да? Больно легкие. Но в конечностях тоже сосудов полно.

Он замолчал и посмотрел мимо нее, в сторону выхода. Вика тоже обернулась. Появление человека она не почувствовала, хотя могла бы. От того пахло кислым и горелым. Кожа на лице воспаленная, лоснящаяся, красная. Как неглубокий и быстрый ожог. Губы лопнули, и на них сплошной коркой запеклась кровь. Форма своя. Вика с остротой почувствовала, как ей не хватает оружия. Будь это чужой, что бы она сделала? Даже штык-ножа нет. Как голая.

— Здесь еще? — хрипло, но довольно разборчиво спросил стоящий. — Не все еще, значит?

— Не все, — подтвердил Ляхин. — Хотя многие, да. Раненых вывезли?

— Почти. Беснадежных оставили. Ну, ты видел.

Лейтенант кивнул, и Вика посмотрела на него с вопросом. Значит что, она была безнадежной?

— Да, — совершенно спокойно сказал ей Ляхин, хотя она не произнесла вслух ни слова. — Реактивные состояния очень трудно лечить. По-настоящему — очень дорого. То, что было у тебя — это был острый шоковый реактивный

психоз. Или что-то похожее, я не большой знаток классификаций. По психиатрии у меня тройка была. Но я видел похожие штуки. Что тебе давать было, пиразидол, герфонал? У меня их нет. Ты могла реально из своего состояния не выйти или выйти через три дня. Тратить на тебя время смысла не было, даже знай я, что ребята все равно все умрут... Все до одного, представляешь?

Последние слова он произнес так, что Вика отступила на шаг. Обожженный крутанул шеей, она повернулась на его движение и впервые заметила, что глаза у него странные. Без ресниц.

— А может, и нет, — продолжил

Ляхин, хотя она думала, что он уже закончил. — Может, и не острый реактивный. Будь так, ты бы наверняка ничего не помнила бы.

— Лучше бы не помнила.

Парень у входа хмыкнул, и вот тут она его узнала. Черты опухшего лица изменились, но манера осталась. Костя, из ее старого отделения, из учебной еще роты.

— Господи, Костя, — сказала она вслух. — Как тебя?..

— Так же, как всех, — со знакомой интонацией сказал парень. — Как почти всех, да. Видела, скольких?

— Видела. Не слепая. Лучше бы не видела, но...

— Две штуки все-таки сбили. На моих глазах, я не вру. Знаешь, в одном экипаж жив остался: они сумели приземлиться. Ну, значит, не сбили, а подбили. Но их потом на земле сожгли на хрен, так что никакой разницы нет.

Говорить ему было больно: губа лопнула, и на подбородок из трещины нехотя вытекла струйка почти черной крови.

— И еще мы с сержантом бронетранспортер сожгли. Потом, уже в конце...

Она не знала, что сказать, и просто стояла.

— Знаешь, Вика, он действительно не врет. Только не с

сержантом, а со старшим сержантом. Но это правда. Они сожгли одну штуку на моих глазах. Ежов ему прямо в борт метров с полусотни вlepил, а Костя вторую добавил. Он как свечка горел, как наши...

Костя всхлипнул, но удержался. Хуже было Вике. Картины того, как горели они сами, стояли перед ее глазами, никуда не уходя. Ничего страшнее она не видела ни до, ни после. Хотя, наверное, стоило только подождать.

— Ну, что будем делать?

— Мы что, одни остались?

— С чего ты взяла?

Вика пожала плечами.

Уезжающий грузовик, брошенные

палатки с привязанными орущими психами и бегущие по своим делам немногочисленные солдаты — это все в ее глазах выглядело совершенно однозначно.

— Бригада разбита, — чуточку отвердевшим голосом сказал Ляхин. — Разбита в жопу. Мы сделали все, что могли, но оказалось, что не могли практически ни хрена. И что теперь?

— А какие варианты?

Ей показалось, что Костя спросил с насмешкой, но на самом деле вряд ли. Говорил он плохо, мимика у него была вся сплюснутая отеком. Может быть, ей все показалось наоборот.

— Ну...

— Что лично ты планировал, было видно. Передумал?

Ляхин взглянул почему-то на нее, потом снова на Костю.

— Может быть, передумал. А может быть, просто «не сложилось». Тот старший лейтенант застрелился, ты видел?

— Видел... Я побежал на выстрел. Думал, что снова началось...

Теперь они посмотрели на нее вместе, и Вику передернуло. Куски их диалога не значили для нее почти ничего, но пугали. Она не поняла, кто был застрелившийся, но могла поверить, что таких случаев здесь —

вагон.

Бригаду, и по крайней мере их батальон, действительно разбили «в жопу», как неинтеллигентно отметил доктор. Разбили буквально за часы, на пике их успеха, поймав «во встречном движении», как ловит врага опытный рукопашник. Сколько-то часов батальон шел во втором эшелоне, время от времени попадая под огонь с воздуха и земли. Иногда теряя по несколько машин, еще реже участвуя в обмене огнем. Запомнившийся ей пример с добиванием маленькой группы окруженцев-поляков быстро стал привычным: такие или почти такие эпизоды имели место еще несколько

раз. Пара «Росомах» в одном месте, три-четыре «Хамви» и «Кугуара» в другом, колонна разномастных грузовиков в третьем. Число убитых ими — конкретно ее ближайшим окружением — врагов измерялось единицами. Сама Вика совершенно не претендовала на какие-то подвиги: лично она не открыла огонь ни разу.

К шести часам вечера или чуть раньше ей стало ясно, что продвижение бригады замедлилось. Попадающиеся им по пути подбитые машины — свои и чужие — стояли все более тесно. А горящие горели все более ярко. Она увидела подбитые чужие танки не впервые,

но впервые близко, и это было действительно потрясающее зрелище. Свои она видала на марше уже несколько раз. Именно они, судя по всему, и гнали перед собой пшек, и понятно, что без потерь это не обходилось. Но очередной застывший с обеими сбитыми гусеницами «Т-72» оказался с белыми польскими орлами, вырисованными и на лбу, и на корме. Было видно, что с момента его поражения прошли максимум часы, но какой-то шустрый умник уже успел отметить, криво нарисовав на борту танка известное всем русским людям короткое слово. И еще обвел жирными овалами две

дыры в том же борту, то ли проплавленные, то ли проломленные. Для этого он использовал краску из аэрозольного баллончика, и неожиданно получилась очень выразительная инсталляция.

Потом подбитые танки пошли гуще, и польские, и русские. К ее изумлению, впервые среди поврежденных и сгоревших танков начали попадаться совсем незнакомые. Комвзвода счел их «Леопардами» германского производства, но звучало это не больно-то уверенно. Как и раньше, на каждый танк приходилось по 5–6 или даже больше

бронетранспортеров и вообще бронированных боевых машин, стоящих иногда вперемешку. Иногда — с открытыми люками, иногда — с лежащими вокруг телами. Часть совершенно точно была уничтожена не пехотными средствами, а артиллерией и авиацией. Воронки в мерзлом грунте были впечатляющими — такие не могут оставить даже снаряды танковых пушек. Именно тогда Вика впервые за долгое время вспомнила о папе и тут же забыла о нем снова. В любом случае кто-то в авангарде их контрнаступления явно пока не страдал излишним оптимизмом. Каждая обездвиженная вражеская

машина на их пути методично добивалась, приводясь в не подлежащее восстановлению состояние. Причем не расстрелом, а каждый раз одинаково: одна или две здоровенные дыры-пролома. Вешали что-то снаружи и потом подрывали? Ей представилось, как за боевыми машинами идет здоровенный транспортер, набитый противотанковыми минами или связками динамита. В транспортере сидят флегматичные мужички среднего возраста, без больших амбиций стать героями. И каждый раз, когда они видят на своем пути оставшуюся от катящегося вперед боя чужую подбитую машину, они

вылезают и быстренько осматривают ее. Если машина оказывается повреждена слишком слабо, они так же флегматично цепляют ей на борт свою мину, отъезжают подальше и нажимают на кнопочку. Если результат их удовлетворяет — едут дальше, если нет — повторяют. Интересно, а раненых они добивают?

Раненых они тоже видели. В руки, в ноги, в торс, в голову. И каждый раз это были раненые не сию секунду, не минуту назад. Уже перевязанные, уже получившие первые уколы из индивидуальных аптечек. Уже как-то сведенные вместе. Это производило впечатление. И напоминало о том,

как много лет подряд министр обороны пытался то ли расформировать, то ли переформировать Военно-медицинскую академию. Даже странно, что у него это не вышло: может быть, не очень сильно хотел? Однажды прямо над их головами с запада на восток низко-низко прошел одиночный «Ми-8», и все проводили его долгими взглядами: было в принципе ясно, кто это такой и кого он везет.

А потом начался их первый настоящий бой, и всем стало ни до чего. Начался он неожиданно — грохот впереди приблизился как-то одним рывком, а потом их накрыла

артиллерия. Вика ожидала того же, что и в прошлый раз, — приказа десантироваться и укрыться. Однако вместо этого все машины наддали, на ходу перестраиваясь из колонны в уступ. Еще она ожидала, что сразу же перестанет что-то соображать: это же настоящий бой, а она не солдат, а самозванка. Но как ни странно, выяснилось, что она четко все видит и даже как-то интерпретирует. Разрывы снарядов резко отличались от того, на что она сто раз глядела в кино. Прежде всего, в них почти не было огня. Просто высокий серо-черный столб, и из него в разные стороны летят ясно видимые фрагменты: скорее комья земли и

камни, чем осколки, — но все равно впечатляет. Дважды что-то крупное било по их броне где-то позади ее места, и Вика только вжимала голову в плечи, крепче держась за автомат. Было понятно, что она ничего сделать не может. Осколок или булыжник то ли попадет в нее, то ли нет. Если это осколок, то бронежилет «Кулон — модель внутренних войск» то ли удержит его, то ли нет. В Бога она не верила, молиться не умела и никогда не пыталась. Но страшно почему-то тогда не было, и вряд ли от храбрости. Скорее от того, что дура.

Лейтенант непрерывно орал в гарнитуру своей рации — хвост ее

антенны мотало влево и вправо, как удочку, и Вика все ждала, что та переломится. «Девятый! — разбирала она, — Девятый! Ходу! Ходу, я сказал!» Они рывком ушли вправо, к опушке редкого леса, и вломились в нее всем уступом, будто носороги. Вика зажмурилась, ожидая, что ее собьет на землю какой-нибудь веткой покрепче. Ясное дело, прямо под гусеницы идущих сзади машин. Но лес оказался хиленьким, осиновым. И узким: не лес, а скорее лесополоса. Такие используют, чтобы задерживать снег на полях. Ну, и еще в теплое время года в них вечно тусуются парочки на машинах — есть такие любители.

Теперь была зима. Конец марта в Ленобласти — это то же самое, что декабрь. Парочек не было, были разрывы позади и звон в ушах. Минута, и они проломились. Сначала их рота, потом вторая вылетели на узкое и длинное поле и прошли его наискосок за какие-то секунды.

— Танки справа!

Она крутанула головой и увидела то, что игнорировала уже черт знает сколько секунд: серые, низкие силуэты в дальнем углу поля.

— Семьдесят вторые!

Сердце остановилось на долгую секунду. У польской 12-й механизированной было больше «Т-72», чем у их собственной

бригады. Десятка полтора они видели по дороге подбитыми, но даже несколько оставшихся могут сделать из них фарш. А осталось наверняка много.

Сверху с оглушающим ревом пропороли воздух две крылатые тени, каждая размером с железнодорожный вагон. Каска мешала, воротник бронежилета тоже, и Вика смогла разглядеть смертельную угрозу только тогда, когда они ушли вперед. «Ми-24», родные, узнаваемые с любого ракурса. «Раз не по танкам — значит, те свои!» Эта оформленная мысль оказалась такой острой, что она на секунду прикусила губу. Краски

вокруг были яркими, несмотря на серость конца мартовского дня. Звуки — чистейшими, даже в их какофонии: разрывы одни и разрывы другие, выстрелы вдалеке впереди и вдалеке с обеих сторон.

— Стой!

Их тягач рывком, почти мгновенно остановился и еще несколько секунд раскачивался на месте. Лейтенант вскочил на ноги, крепко утвердился в полный рост и начал разглядывать что-то впереди, за следующей лесополосой. Непонятно, что он пытался там разглядеть, но много времени он не тратил. Всего несколько секунд спустя лейтенант снова плюхнулся на

задницу, выставил ствол автомата перед собой и гавкнул в микрофон несколько коротких команд подряд. Выслушал ответ, снова гавкнул. Смысла слов она теперь не разбирала, потому что снега в этом месте почти не было, гусеницы молотили прямо по голой земле, и шумно было, как в цеху текстильного производства.

Выходило, что их взвод двигается в качестве дозора: в строю уступа сам и в острие такого же, только более здоровенного уступа, формируемого ротами всего батальона. Танки справа давно куда-то исчезли из вида, и Вика с сомнением по отношению к себе

самой пыталась сообразить, хорошо это или плохо. Выходило, что плохо. Теперь-то понятно, что «Т-72» были свои. А это значит, что на них можно было рассчитывать. Мысли начали получаться короткими, но пока еще продолжали быть связными. Взвод заложил длинную петлю, далеко обойдя какой-то населенный пункт без названия. Потом они проломились через еще одну лесополосу, а через минуту через третью. Но в этой деревья были не целые, а сплошь изломанные, а по земле вкривь и вкось шли парные гусеничные следы, и Вика решила, что эта полоса та же самая, что и первая. И шире она кажется только

потому, что они проходят ее не прямо, а наискосок.

А потом сломанные деревья вдруг кончились, водители добавили скорости — и взвод выпрыгнул с опушки точно в фокус громадной низины, похожей на сплюснутый греческий амфитеатр. Именно греческий, потому что половинкой. Из дальней его части к ним устремились оранжевые и белые трассы, и НСВТ с крыш тягачей открыли ответный огонь все одновременно. Вика не слышала команду — выкрикиваемые лейтенантом слова показались ей бессвязными. Но она увидела, как прыгают с брони все остальные, как

ходит влево и вправо пулеметный ствол, выплевывающий почти непрерывную струю огня. Она прыгнула чуть ли не последней, когда пули уже били в броню позади и вокруг нее. Вскрик рядом не дошел до сознания — Вика почти на четвереньках ушла в сторону. Второй МТ-ЛБ из взвода прошел мимо, прикрыв от нее на несколько секунд все происходящее впереди. Зато она наконец-то изготовила «АК-74» к стрельбе. Переводчик вниз до первого щелчка, затворную раму назад до отказа и отпустить, правую руку — на пистолетную рукоятку. На прицельной планке и так было выставлено 300 метров — это Вику

устроило. Игнорируя звон пуль по броне проходящего мимо тягача, она вскочила и, согнувшись, бросилась вперед. Туда же, куда бежали люди в серо-зеленых бушлатах, в бронежилетах под крышками из растянутых по горизонтали трехцветных пятен. На бегу ей пришлось в голову посмотреть вправо, и вот тут звук исчез. Разинутый рот высокого парня был, сноп огня перед ним был, а звук сгинул. Как при неполадках на телевидении, только не обидно, а невыносимо страшно, потому что по-настоящему. Она шарахнулась влево, чтобы парень не попал в нее. Судя его безумному виду, он мог. Но потом его вдруг повалило

и покатило по земле, и Вика тут же нырнула вправо, ближе к его месту. Это было однозначно неправильным, но ноги сработали как-то сами. Впереди уже что-то менялось: двигавшиеся сначала от них серые силуэты начали перемещаться вбок. Огонь летел от них потоком, широким веером, но огонь «тонкий». Не пушечный, а пулеметный и автоматный.

Гранатомет выстрелил резко и «со звоном» — выяснилось, что уши отложило. Об этом сразу можно было бы пожалеть, если бы не было более актуальных дел. Вика наконец-то увидела цель: бегущих за гробообразными чужими машинами

людей. По размеру — как два ногтя на пальце. Она очень сильно сомневалась, что сумеет в них попасть с ее минимальной подготовкой и после бега. И при том, как ходило оружие в руках при каждом вдохе. Но смысла в том, чтобы бежать вперед и сократить дистанцию, было еще меньше. Стоящая, она будет лучшей целью для их собственного огня, ну да. Прекратив раздумывать, она вновь встала на одно колено, чтобы все же стать чуть ниже. На ощупь сдвинула переводчик на огонь одиночными. Поглядела поверх ствола, нет ли кого из своих на линии огня. Попыталась успокоиться, вспомнить учебу и,

больше ничего не ожидая, прожала спуск.

Как ни странно это звучит, но, стреляя, Вика чуть успокоилась. Первые выстрелы ушли далеко в сторону от выбранной ею цели. Трассирующих патронов у них не было, только обычные, но она решила, что ствол ведет вверх и вправо, и скорректировала прицел. «Цель» была группой бегущих людей, ничем не похожей ни на «поясную мишень», ни на «пулеметный расчет» на стрельбище. Они бежали зигзагами, рывками, иногда меняясь местами. Выпустив почти половину магазина и ни разу не попав, Вика едва не завопила от злости. Ведь

целилась же! А от любого задрипанного ручного пулемета больше пользы, чем от нее! Вторую половину магазина она расстреляла уже торопливо и с тем же результатом. Матерясь уже в полный голос и стараясь даже перекричать весь грохот и вой, она вскочила на обе ноги и вновь побежала вперед. Обругала себя дурой, остановилась, выдернула пустой магазин из «АК». Не глядя, втиснула его в пустое гнездо подсумка, взвизгнув «липучкой», выдернула из соседнего кармашка полный. Вставила, дослала патрон. Снова побежала.

Бег отнимал не все силы — бежала она так, чтобы быть

способной думать. И смотреть. Дура душой, но что от этого напрямую зависит ее жизнь, Вика понимала. Один из трех МТ-ЛБ ее взвода застыл на месте в двух десятках метров впереди. Внешне он не выглядел поврежденным, и пулемет с него бил вперед, не переставая, но тягач не двигался. Обегая его по широкой дуге, она заметила, как часто в него попадают, пытаюсь заткнуть пулеметчика. Два тела крест-накрест друг на друге, оба лицами вниз. Истошно кричащий раненый, отбивающийся кулаками от пытающегося его удержать согнутого человека. Россыпи стреляных гильз под ногами, дым полосами по земле

— и вдруг целая гроздь земляных фонтанчиков одновременно поднявшихся вокруг. Ее осыпало крошками сразу всю, оглушило визгом, и, даже не успев в этот раз хоть что-то подумать, Вика покатилась кубарем. Оглохнув от удара, прикусив изнутри губу, ободрав обе кисти о лед и железо собственного автомата, но уцелев. Несколько пуль проныли прямо над головой, и даже сквозь каску она впервые отчетливо слышала, как это бывает.

Снова грохот хрипловатого оттенка, и звон сразу за ним: гранатомет. В этот раз Вика увидела весь процесс, от выстрела и

непосредственно до попадания. Горбатые металлические гробы впереди сошлись — может быть, это облегчило гранатометчику прицел. Граната летела секунды две и попала ближайшей машине точно в корму. Не в самый центр, чуть левее, но все равно прекрасно. Плоский броневой лист пробило, реактивная граната протиснулась внутрь, и в следующую секунду пораженную машину разорвало изнутри. Вокруг одновременно завопил десяток голосов. В первый момент этого невероятного зрелища ей показалось, что «горбатый гроб» просто разнесло. Когда огонь опал, оказалось, что ничего подобного. Он

полностью сохранил всю форму, но зато дым шел столбом из каждой его щели.

Злорадно глотая мат, теперь они мчались вперед огромными прыжками, не экономя силы. Сделанный природой из земли амфитеатр не позволял попавшимся им чужакам ни отойти, ни принять встречный бой. Их было шесть на три МТ-ЛБ с пулеметами, но счет пока был в пользу взвода: на один выбитый, но стреляющий тягач они взяли уже двоих точно. Второй стоял дальше и много правее, бортом к ним, — и вот этот горел. Не ярко, не сильно, скорее нехотя, но совершенно очевидно. Солярку хрен

потушишь, да и у экипажа наверняка было чем заняться, кроме пожаротушения. Слева от Вики бежало человек пять, справа два раза по столько, причем лейтенант впереди и со штыком на автомате. Это зрелище настолько ее вдохновило, что она несколько раз выстрелила прямо на бегу. В никуда, просто в ледяное пространство перед собой. От избытка чувств.

— Цель спереди-справа! Огонь!

Голос у лейтенанта был поставлен нормально. Он пробился сквозь скачущий в перепонках пульс и дошел сразу и без ошибок. Остановившись на бегу, Вика перекинула автомат к плечу и

направила его в нужную сторону даже раньше, чем кого-то увидела. В ту секунду, когда группа людей в темном набежала на целик, она открыла огонь. Две короткие очереди, еще две. Все мимо, причем половина так же вверх и вправо, а половина недолетом: она увидела, как взлетела земля. Но стреляло человек десять, а сержант Калашников затем и придумал свой автомат, чтобы отделение срочников могло на средних дистанциях задавить огнем любого снайпера. Плюс стрелял по крайней мере один ручной пулемет, хоть и «с рук, стоя». Бегущих повалило одного за другим, и даже отсюда, с двух с лишним

сотен метров, Вика слышала, как закричали раненые. Лейтенант снова скомандовал, и несколько человек с правого фланга их цепи побежали туда же (в голове мелькнуло — «добивать?»), а остальные дальше, за ним. Пытаясь в кого-то попасть, она упустила многое. Теперь горело уже три машины впереди, в том числе первая, которую уделали в корму еще на ее глазах. Она наконец-то опознала их: самоходные арторудия, незнакомые, но явно чужие. Два гранатометчика стреляли в них попеременно откуда-то сзади и с боков, три НСВТ били не реже, чем раньше, и она видела и промахи, и попадания. Странно, что самоходки

не взрывались от каждой настигшей их гранаты, но так было, по крайней мере один раз. Какая-никакая броня на них была, и что-то она могла удержать.

Интересно, что один МТ-ЛБ двигался очень ненамного впереди цепи, а второй вырвался далеко вперед, удерживая дистанцию до трех ползущих по склону машин и непрерывно стегая их очередями. Те огрызались будь здоров, но тягач был будто заговоренным: не сворачивал, не загорался и не переставал стрелять.

— А, сс-сука!..

Солдат правее вдруг повалился навзничь, схватившись за пах. Вика

даже не поняла, как и что случилось, но все попадали на землю, и она поддалась силе коллектива. Упала, перекатилась далеко влево, и ушибла сразу оба локтя. Потратила секунду, чтобы вытянуть непослушными ногтями хомутик и передвинуть планку на 200 метров. Небольшая разница, но обидно же, что от нее никакой пользы.

— А-а! Да мать же тво-ою! Ы-Ы...

Раненый перестал материться и вдруг заплакал, как ребенок, и она не выдержала, переползла вправо, толкая перед собой автомат на согнутых руках.

— Уйди! Уйди! Сука!

Парень плакал и матерился одновременно, и это ее поразило: она не знала, что так можно. Отложив автомат вбок и улегшись с раненым рядом, Вика попыталась отвести его руки, посмотреть. Но тот и плакал, и орал на той же ноте, не давая притронуться к тому, что заставляло его и плакать, и орать. Кровь текла из него густо, быстро пропитав весь низ бушлата и верх штанов и уже начав заливать землю. Пахло от нее так одуряюще тепло, что сразу закружилась голова. Она растерялась, чуть ли не впервые с начала боя. Вика понимала, что надо оказать первую помощь: кое-чему их научить все же успели. Наложить

перевязку на бедро или мошонку она бы тоже не постеснялась. Но зато она понятия не имела, что делать, когда раненый активно отбивается от ее помощи. Несмотря на кровотечение, слабее он не становился. Объяснения и уговоры, что это нужно для его же пользы, что если не перевязать, то он может умереть, не помогали вообще. После того как раненый обозвал ее двумя самыми примитивными матерными словами раз в двадцатый и довольно чувствительно заехал по морде открытой ладонью, она окончательно взбесилась и вlepила ему костяшками пальцев в переносицу. Парень захлебнулся криком, на

мгновение поднял ладони к лицу, и этого ей хватило, чтобы заблокировать их локтем. Со стороны это, наверное, выглядело как изнасилование, только она была сверху. С трудом сдерживая его руку, она разглядывала мокрое, хлюпающее черное месиво. Отпустила, поняв. Парень тут же свернулся почти в клубок. Речь его стала почти неразборчивой, но слова в ней проскакивали все те же самые.

Только сейчас Вика сообразила, что уже не лежит, а сидит. Как гриб на полянке, приглашающе. Но вместо того, чтобы растянуться снова, она ухватила свой автомат за ремень и распрямилась. За секунду огляделась,

согнулась обратно и так и побежала, пригнувшись. Зрелище сзади и по сторонам было нехорошее. Застрявший без движения МТ-ЛБ так и не загорелся, но его пулемет теперь молчал. Второй был метрах в ста и двигался нехорошо: рывками, доворачивая то влево, то вправо. И около десятка тел, причем половины она раньше не замечала. У одного все было ничего: он лежал в виде буквы «зю» и активно перевязывал себе ногу ярко-белым бинтом. Причем перевязывал не поверх штанины, а отрезав ее на фиг. Рана была чуть пониже колена и здорово кровила, но парень имел довольно бодрый вид. Он тоже матерился, но довольно

жизнерадостно, а когда они столкнулись глазами, то на некоторое время замолчал. Ну да, тоже обезболивание. Получше, чем «баю-баюшки-баю» или тот же промедол из аптечки. Но убитые тоже были. Первый, с разбитым лицом под каской. Второй, без видимых ран, но вывернутый дугой, грудью вперед: так никогда не лежат живые. На секунду Вика испугалась: ей показалось, что вообще все, кроме нее одной, убиты, или по крайней мере ранены. Ей нужен был тот санинструктор, простое имя которого вдруг вылетело у нее из головы, но она никак не могла его найти. Ей пришло в голову, что это

может быть тот убитый, у которого не было лица, и что стоит вернуться и проверить. На погончики убитого она не взглянула и теперь пожалела. Но ума хватило понять, что это тоже не поможет: с такой раной она не сделает ничего, даже если снимет санитарную сумку. Проще надеяться на то, что она сумеет догнать остальных живых.

Подъем по пологому холму дался Вике тяжело. Несколько помогло зрелище трех вражеских самоходок, которые она обежала: трех горящих и одной, подальше, просто подбитой и брошенной экипажем. Экипаж лежал тут же, в тех позах, в которых его застала смерть. Снова поляки, Бог их

знает, из какой части. Самоходки вызывали почтение своими размерами. И калибром стволов пушек, которые опирались аж на рамочную подставку на корпусе, такие они были тяжелые. Нет, таких она никогда не видела: ни вчера в бригаде, ни на старых парадах. Самоходки были явно не русского/советского производства, хотя считалось, что у поляков больше трех четвертей техники именно наша: или покупные машины, или лицензионные. Надо же, оказывается, это неправда. Сами тоже что-то производят.

Задыхаясь, она добежала до самого верха подъема. Земля

формировала здесь какую-то ступеньку, но местные наверняка ездили здесь на своей сельхозтехнике много лет. Дорога проходила по гладкой выемке с широкими обочинами. И прямо за этой «ступенькой», за «перевалом» высотой над низиной метров в десять, стоял их третий МТ-ЛБ. У этого все вроде бы было в порядке. Мотор работал, пулеметчик наверху обернулся и посмотрел на нее воспаленными глазами, не изменив по-идиотски спокойного выражения лица. Группа людей у правого борта негромко переговаривалась. Человек 7 или 8, один с обвязанной свежим бинтом ладонью. Она со спины

узнала лейтенанта, командира взвода, и подбежала ближе. Остановилась, на ощупь поставила оружие на предохранитель, выкинула уже досланный патрон. Никуда она не попала, надо же.

— Товарищ лейтенант!

Ребята обернулись и посмотрели на нее. Выражения на их лицах — веселых, усталых, мрачных — стали сплошь одинаковыми. Дикими.

Снова мат. Это уже утомляло. Это невозможно было выносить.

— Ты ранена? — уловила она из потока прозвучавших почти одновременно комментариев.

— Нет.

Вика посмотрела на себя вниз и

ужаснулась. Ну да, половина крови того парня досталась ей. Понятно, теперь она выглядит как привидение. Торопясь, она рассказала всем об оставшемся позади тяжелораненом. Показала рукой, в какой он стороне от спуска. Лейтенант в очередной раз проявил деловитость, которая не могла не радовать. Один из рядовых получил от него команду «пулей» найти лейтенанта медслужбы и живого или мертвого дотащить до нужного места. Двое других — снять аптечку с тягача и бежать прямо туда, к раненому. Попытаться сделать что можно.

Ни один не произнес ни слова возражения. Армия. Вика вызвалась

проводить, и лейтенант коротко ей кивнул, уже оборачиваясь назад, к пейзажу и к своей рации. Вика тоже поглядела в последнюю возможную секунду. Дорога в широкой выемке выглядела так, будто по ней прошел батальон. Две уцелевшие к этому времени самоходки стояли в 200–250 метрах впереди, обе поперек дороги. И обе горели, как свечи.

— Что, нравится? — криво улыбнулся один из парней постарше. Вика не узнала его: просто еще одно незнакомое лицо.

— Кто это?

— Ляхи, мля, — с презрением ответил тот. — Но ничего, не из худших. Не трусливы. И меткие,

гады... Для новичков — так просто молодцы. Видела, как стоят?

Вика уже собиралась бежать, догонять двух солдат, убежавших вперед со скинутой им аптечкой. Но заставить себя удержаться и не переспросить она не сумела: ее бы разорвало от недостатка информации о происходящем, как хомячка.

— Как стоят?

— Разворачивались, — с веселой злобой в голосе разъяснил боец. — Если бы водила чуть помедленнее был... Или наш лейтенант поосторожнее... Они бы нас встретили не пулеметами, ага... Видела, пушки какие? Все бы мы

тут...

— А новички почему?

— Лейтенант сказал... Думаю, что правда. Дивизия 12-я. У них артиллеристов расформировали, а потом сформировали заново. Он сказал — недавно. Теперь-то всем ясно зачем.

Вика кивнула, постаравшись вложить в несложный жест благодарность. Вниз бежать оказалось намного легче, никакого сравнения. Она быстро догнала разболтанной походкой трусящих солдат, забежала вперед, оглянулась. Да, оба прибавили. Думать на бегу было легко, и она метров сто рассуждала про себя, что лейтенанта

впервые назвали при ней «нашим». Хороший признак. Судя по всему, он был не пальцем деланный и большую часть своей работы выполнил правильно. А на ее взгляд, так вообще все. Даже странно, что он не понравился ей при первой встрече, но в прошлый раз она обожглась больно уж горячо.

Горящие самоходки, одна целая, с нахохлившимся орлом на броне. Своя МТ-ЛБ, вторая машина взвода. Теперь она стояла на месте, с распахнутыми люками десантного отделения, и человек пять копались в пулемете или сидели на броне.

— Эй! — окликнули их. — Э, пацаны!

Вика махнула в ответ рукой, показать что-нибудь доходчивое в ответ на «пацаны» ей не пришло в голову: она просто торопилась. Уже знала, что увидит, и все равно бежала не останавливаясь. Только иногда оглядываясь. Бойцы догнали ее, и теперь они бежали почти рядом неровным треугольником.

— Здесь!

Она вывела их к раненому безошибочно и даже успела порадоваться этому. А потом поняла, что чего она боялась, то и случилось. Ожидаемое. Парень так и лежал согнутым, на боку. Когда она убежала за помощью, к нему не подошел ни один человек, и он так и умер в

одинокестве. Бойцы наклонились и осторожно повернули умершего на спину. Лицо у него было белым, как бумага. Избитое выражение — пока не увидишь это сам.

Вика отошла на шаг назад и отвернулась. Стоило ли это того? Шесть самоходок... Она отлично знала, какая это жуткая мощь. Какая цена. Сколько погибло у них? Она своими глазами видела минимум четверых. И нескольких раненых, бог знает, сколько из которых сумеет ходить на своих ногах. Врагов было убито больше. Явно больше. Что, они победили?

— Мы победили? — спросила она вслух распрямившихся ребят с

непонадобившейся аптечкой.

— Что?

— Я спрашиваю...

— Угу, — довольно ровным голосом ответил ей второй. Этот, видимо, услышал.

— Тогда хорошо.

В этот раз Вике не ответили ничего. Но подумали про себя, причем так ярко, что она услышала. Она покачала головой, отгоняя лезущие в голову слова, которым могли бы помочь ей исправить впечатление от сказанного сейчас, объяснить. Нет, таких в русском языке пока не придумали.

Без каких-либо приказаний бойцы подняли тело умершего

товарища за руки и ноги и понесли его к оставленной ими позади МТ-ЛБ. Стараясь не глядеть на черное талое пятно на земле, Вика подобрала автомат. Этот парень бежал рядом с ней, их могло накрыть одной очередью. Что это было? Пулемет на крыше одной из самоходок? Автоматчик в кустах? Она не знала и четко понимала, что не узнает никогда. Вот как этого рядового звали, она спросить может. И спросит, когда выберет время. Уж это не сложно.

Навстречу им подошел еще один парень с длинным ручным пулеметом за спиной. Поперек лба длинный кровавый рубец, глаза

темные и злые. Смерил Вику взглядом, отвернулся, помог своим. Ею она тоже не узнала. И вообще, из «химиков» рядом теперь не осталось вообще никого. Только она сама и неведомо куда запропастившийся санинструктор, который лейтенант с позабытой ею фамилией. Сбежал?

— Э! Эгей!

Она тоже почувствовала, как задрожала земля. В кино так изображали идущую конницу. Но они не в кино. Бойцы положили тело на снег и потянули с плеч автоматы. Пулеметчик передернул затвор небрежным жестом, двинул переводчик предохранителя вниз. Наклонил голову вбок — вправо и

влево, хрустнув связками. Магазин у него был почему-то рожковый, а не коробчатый. Самой странно, что от этой мелочи тоже может так многое зависеть. Совсем многое, до самого конца.

Они встали неширокой цепью, и Вика оказалась на левом фланге, потому что шла позади всех. Автомат умершего она мягко положила на землю, а свой взяла в руки, как положено. Сложно сказать, удастся ли ей не промахнуться в этот раз. Опыт есть опыт.

— Наши, — не своим голосом сказал парень рядом. Она криво улыбнулась. Нет, иногда все-таки бывает и как в кино. В каком это

было? Старых «Офицеров» они ежегодно смотрели всей семьей, но был и десяток других с тем же концом.

Головной МТ-ЛБ круто развернулся, и человек пять спрыгнули с брони. Среди них Вика сразу опознала старшего офицера, опустила оружие и встала иначе. Еще три тягача тоже застыли на месте, сформировали с головным что-то вроде вытянутого ромба. Остальные проходили мимо, рыча и дымя. Они не были похожи на современную технику, в них не было ничего футуристического. Железо, придуманное в 60-х, производившееся тогда только на

Украине, а теперь уже нигде. Даже такое — оно на вес золота.

Офицер спросил о чем-то солдата рядом, но она не услышала. Тот показал рукой в сторону, причем поднял ее устало, небрежно. Вика и сама чувствовала, как выдохлась, хотя ничего особенного не сделала. Побегала, попереживала. Постреляла без какого-либо толка. Она улыбнулась сама себе. Ну что же, не все так плохо. Зато живая и целая. А не как... Вика поглядела через правое плечо, и настроение опять испортилось. Решив больше туда не глядеть, она зашагала за остальными. Через пять шагов пришлось перейти на бег, а через двадцать — на очень

быстрый бег, потому что происходило уже многое. Судя по всему, по найденной взводом дыре теперь шел целый батальон со своим усилением — зенитчиками, артиллерией, инженерными машинами. Или неполный батальон, она не была уверена. Считать МТ-ЛБ было невозможно: слишком их было много. Некоторые отличались от остальных, а на одной она явно увидела следы повреждений. Стала приглядываться и тут же заметила их еще на нескольких, причем все разные. У одной был наполовину вырван и криво загнут на сторону люк водителя, и на ней Вика задержала взгляд, но все это в любом

случае заняло секунды. Она боялась не успеть, что выглядело даже смешно. Уедут без нее, вот стыдоба-то. Ну, какая из двух, стоящих рядом, в стороне от железного потока? Номеров нет или она их не видит, и обе машины не с «Кордами», а с НСВТ, так что приходится гадать. Люди в форме тоже похожи, но тягачи еще больше.

— Ых, Петрова. Жива.

Сержант не спросил, а констатировал. Вид у него был странный. Как у пьяного. Точнее, не как у пьяного, а как у вышедшего из запоя, потому что от него не пахло.

— Борю не видела?

— Кого?

Сержант пожал плечами и поморщился. Да, она никого почти не знала по именам. Прибыла, их раскидали, и началось наступление. Какие претензии?

— Залезай, сейчас пойдем дальше.

— Куда? — не удержалась она.

Командир ее отделения посмотрел так, будто хотел пошутить. Про Берлин, наверное. Однако ничего не сказал, равнодушно отвел от нее глаза. Вика пожала плечами и пошла в обход машины к люкам в десантное отделение. Странно, что сержант ни слова не сказал про то, что она залита засохшей уже кровью, не

поинтересовался ничем, что она видела и делала. Может быть, сам все знал? Или был среди тех, кто был с лейтенантом, когда она туда добежала. Она не помнила.

Она заглянула в десантное отделение, уже взялась пальцами за бортик, чтобы залезть вовнутрь, и остановилась, стараясь унять заколотившееся сердце. Прикрыла глаза и провела так секунду или две, наслаждаясь темнотой. Открыв, уже не стала смотреть: отвернулась и отошла деревянной походкой. Так же деревянно залезла на броню, поближе к пулеметчику. Тот посмотрел на нее и молча кивнул, занятый своими делами. Вика в

очередной раз поразились, какие громадные у этого пулемета патроны, и тут же сообразила, что ее отпустило. Вид покрытого запекшейся кровью пола и двух тел по бортам, с их руками по швам, выбил ее из колеи, но не больше, чем на неполную минуту. Уже прогресс.

— Мы победили? — повторила она уже почти забытый вопрос в спину пулеметчика.

Тот ответил не сразу, а еще довольно долго молчал, продолжая работать. Потом все же обернулся.

— Вроде того. Ты тут была?

Вика не поняла вопроса, но поняла интонацию, и утвердительно кивнула.

— Гену убило, — глухо произнес боец и снова отвернулся.

— Это кто, водила?

Сказанное объясняло многое.

— Угу. Его ранило сначала... Он потом умер. Но победили, да. Видела?

— Да, — снова подтвердила Вика. — Шесть самоходок. Незнакомые, никогда не видала. И не думала, что у поляков есть такие. Половину работы гранатометчики сделали, наверное.

— «Паладины», — не просто усталым, а уже совершенно равнодушным тоном сказал пулеметчик. — Натовские. Я одного ...ячу, а он все едет и едет. Но баки у

них по бортам. Горят.

В этот раз она не нашлась, чем ответить. Но сержант залез на броню и уселся рядом с ней, поэтому оказалось, что можно и не отвечать. Они обменялись быстрыми взглядами, и сержант опустил глаза первым. Машинально Вика оглядела себя. Что в ней такое, что на нее так смотрят? Бретелька из-под бушлата выбилась?

Армия — это непрерывное чередование периодов «давай-давай!» и пассивного ожидания. На сегодня ожидания было на редкость мало. Сказанное сержантом пять минут назад «сейчас поедем дальше» уже кончилось, а езда началась. В

последнюю секунду на броню залез еще один боец, тоже совершенно незнакомый. От остальных он отличался тем, что у него был бронежилет неизвестного Вике типа, с очень широкой пластиной грудного элемента. На крышке которой она пораженно разглядела следы двух попаданий. Было ясно, что так не бывает, потому что бронежилет автоматную пулю на дистанциях огневого боя не держит. Так их учили, и так она запомнила. Но рваные дыры на серо-черной тряпке были совершенно очевидны.

— Че палишься? — нехорошо спросил незнакомый. Интонации в его голосе были очень четкими. В

мирной жизни они означали бы, что до начала следующей, опасной для здоровья фазы конфликта остались секунды.

— Чем тебя? — спросила Вика, поглядев парню в глаза. Как это случилось и раньше, взгляд под нужным углом сработал.

— Хрен его знает...

МТ-ЛБ обогнул все еще горящего «Паладина» и пристроился в хвост колонне. Вика оглянулась: нет, последними они не были. Слава богу. Последним в колонне быть плохо. Ненамного лучше, чем быть первым.

— Тебя как звать?

— Вика звать. Рядовая Петрова. Тебя?

— Гоша. Ефрейтор Юсупов.

— Ефрейтор?

Такого звания она почему-то не видала давно и удивилась. Отец что-то давно рассказывал про роль ефрейторов в армии, но она забыла. Что-то историческое. Сейчас значит — старший стрелок.

Ветер снова начал бить в глаза все сильнее и сильнее. Пришлось отвернуться и склонить голову набок, как она делала в первую половину сегодняшнего длинного дня. Водитель снова свернул с оси дороги, теперь они по широкой дуге обходили сожженную последней группу самоходок. Прямо под бортом одной из них лежали три тела.

Лицами вниз. Куртка на спине одного задралась далеко к лопаткам, показав рубаху нормального цвета хаки. Ни по росту, ни по цвету волос убитые ничем не отличались от них самих. Что они здесь забыли? Зачем они сюда пришли? Вика покачала головой сама себе. Ну да, если бы спросить, три четверти искренне ответили бы что-нибудь благородное. Принести свободу, демократию и права человека. И повесить всех, кто противится этому, ясное дело. Вот тиран Путин и его приспешники угнетали русский народ, так угнетали... А тут свобода идет! Все расступаемся, кто не спрятался — сам дурак...

Она повернула голову и взглянула на уходящую назад картину еще раз. Есть, что запомнить. Если доживет до собственных детей, можно будет рассказывать. А они небось не будут верить...

Их накрыло совершенно неожиданно, в паузе между закончившимся боем и еще не начавшимся следующим. Уже подступали сумерки, уже не было так хорошо видно вперед, вбок и в небо, но поразительно, что она не слышала моторов. Ее сбilo с брони, опрокинуло на землю, покатило. Бесшумная вспышка слева сменила свой цвет с белого на желтый и осела, а потом снова начала расти,

наливаясь уже багровым, Ровно такая же возникла впереди, на самой дальней границе зрения и, постояв, тоже начала оседать. Кусок железа, вертясь, пролетел мимо ее лица в каких-то сантиметрах. Даже удивительно, что она сумела разглядеть его в таких подробностях, лежа на боку с вывернутой головой. От продолжающихся вспышек и разгорающегося в нескольких местах пламени стало светлее близко, вплотную к ней, и гораздо темнее дальше, за пределами ближайших десятков метров.

Четверка вертолетов прошла над ними совершенно бесшумно, без стрекота, который был если не

привычным, то точно хорошо знакомым. Ушла вбок, на ходу растягиваясь из ромба в кривой уступ. Еще одна вспышка впереди оказалась такой яркой, что она не только оглохла, но и ослепла на невыносимо долгую секунду. Моргая в землю в считанных сантиметрах перед глазами — в землю, ощущаемую сведенными пальцами рук, но невидимую, — Вика в страхе ожидала попадания, которое придется в нее, в ее тело. Теплое изнутри, замерзшее снаружи, покрытое ссадинами и синяками, но единственное, какое было. Другого не будет — индусы все врут про цепь перерождений. Жизнь точно одна...

Свет начал тускнеть не сразу, а слух вернулся еще позже, и, когда она пришла в себя хотя бы частично, ребята уже вовсю воевали. Сначала она поднялась на колени, потом подтянула к себе автомат и проверила положение предохранителя. Стрельба шла уже шквальная, и она дослала патрон без колебаний. Встала на одно колено, поставив вторую ногу «под себя» загнутыми пальцами вниз. Мотнула головой, поправляя наползший на лоб шлем, и выставила ствол перед собой. Рядом не было никого из живых, только убитые: трое или четверо. И горели тягачи: два в каком-то десятке метров, один рядом

с другим и еще один вдвое дальше. И еще две машины совсем на пределе видимости. В той стороне, где была если не голова, то тело их колонны.

По дороге зигзагом прошла очередь, при этом каждое попадание выбивало вверх буквально столб земли и дыма в полметра высотой. Увидев это зрелище, Вика тут же рухнула снова, лицом вниз, как лежала последнюю минуту или две. Осколки и камешки с визгом и нытьем прошли поверху, мелко обсыпав броню горящих машин. Что это? Автоматическая пушка, крупнокалиберный пулемет? Выждав еще с секунду, она живо поскакала вперед и вбок. Куда-то наискосок от

делающих ее отличной мишенью горящих МТ-ЛБ и все продолжающейся стрельбы невидимых ей людей.

— Отделение! Отделение! — надрывался в сгущающейся позади пожара темноте незнакомый голос. Потом что-то во внутренностях пылающего тягача ухнуло, и пламя дало из него во все стороны сразу, метров на пять или шесть. Вика опять рухнула на землю, клацнула зубами, едва не выбив их о собственный автомат, и от этого разозлилась окончательно. Наконец-то распрямившись и проморгавшись, она за считанные секунды по дуге добежала до кричавшего. Сержант,

как и можно было ожидать. Чей-то чужой.

— Право тридцать! Высота сто! По групповой воздушной цели!

Его перехлестнуло пополам, и он упал на землю, осекшись. Упал совершенно мягко, будто плюшевый медведь. Хвост этой же очереди задел одного из стоящих слева, ведущих огнем по темному кричащему небу. Выплеснуло из него так... Она даже не думала, что такое бывает. Он тоже повалился, и тоже совершенно молча; автомат смолк. В этот раз Вика не стала падать на землю, хотя именно сейчас это было нужнее всего. Ей показалось, что она увидела мелькнувшую вдалеке тень,

едва-едва подсвеченную снизу очередной вспышкой, — и она облила ее длинной очередью. Длиннющей. В полный магазин, в полные четыре секунды. Китайский или югославский тут бы и сдох, но туляки в советские годы делали оружие на совесть: «АК-74» не поперхнулся. Вика аж взвыла, когда увидела, что тень в небе обсыпало искрами. Та скользнула вбок, быстрая и страшная, как дракон.

В следующую секунду ее саму сшибло с ног чем-то большим, тяжелым и сильным. Она попыталась отпихнуть это, сработав сначала кистью левой руки и тут же локтем. Причем оба раза точно попав в лицо

навалившемся. Как ни странно, это сразу же помогло — тот отвалился в сторону. Сказанное им дошло не сразу: может быть, потому, что он пропустил половину слогов. Вика отползла в сторону, непрерывно ожидая новостей в спину, а то и сразу в затылок. Доползла на карачках до тени, игнорируя вспышки по сторонам, грохот и крики. В том числе такие, которые две недели назад заставили бы ее уйти из кинотеатра или выключить телевизор, показывающий такую неинтересную чушь.

Добравшись до показавшегося ей комфортабельным места, остановилась, сконцентрировалась,

заменила магазин. Поглядела назад, на тягач, пламя над которым уже опало. На тела. Это заняло секунду, потом она перевела взгляд вперед и окончательно осознала себя сумасшедшей. Впереди горело уже все, до самого горизонта по оси дороги, и довольно широко в обе стороны от нее.

— Боец! Глухой, мать твою?

Она сфокусировалась на кричащем и с огромным облегчением увидела, что это офицер. Звездочки было не посчитать, но выражение на лице было однозначным.

— Пришел в себя? Цел?

Вика кивнула, потом догадалась ответить, как положено.

— Слушай приказ! Бегом вперед по ходу колонны, до самой головы, потом снова ко мне, доложишь. Мне нужно знать, целы ли зенитчики! И радист!

— Вы ранены!

Вика наконец догадалась, почему он не побежит сам.

— В жопу! Бегом!

— Вас уколоть надо!

— Бегом, я сказал! Покаламбурь мне еще!

Он изобразил ногой, будто собирается дать пинок, и скорость Вики сразу возросла, как это и должно быть. Что имел в виду офицер, она сразу и не поняла, а потом было уже не до того.

Вертолеты снова прошли где-то справа, на той же средней высоте, но в этот раз она их слышала. Остановилась на бегу, оборвав бредовый, как во сне, зигзаг между полыхающими машинами. Дослала патрон, потому что после замены магазина уже не стреляла. Проверила предохранитель, как учили. Совершенно хладнокровно взяла упреждение. Не торопясь, выжала спуск, выдав сначала одну короткую очередь, потом другую. Сзади и слева вдруг знакомо взревело, и Вика машинально присела на одно колено, защищая перепонки от невыносимого грохота. Вертолетных теней было три, в довольно плотном

строю. Опускаясь, она на секунду потеряла их из виду, но тут же нашла снова: они разворачивались. Понимая, что вот сейчас ее убьют и больше чем полмагазина пропадут зря, Вика снова вскинула автомат и взмахом выпустила оставшиеся 20 патронов. То ли мимо, то ли не мимо, она не поняла. Пулемет НСВТ перекрыл ее потуги, как асфальтовый каток. Одно попадание она увидела точно — идущий наискосок к ним вертолет незнакомых хищных очертаний качнуло. Можно было ожидать, что вот сейчас он рухнет, в грохоте и пламени, и уже меняющая очередной магазин Вика даже изготовилась бежать к нему —

наслаждаться, добивать летчиков. Но хрен — такого счастья не бывает. Чужак выровнялся, элегантно пропустил следующую очередь мимо и ушел куда-то в темноту. Не стреляя. Два других тоже почему-то не стали стрелять, ни по ней, ни по одинокому целому МТ-ЛБ в окружении горящих. — Парень! Эй!

Пулеметчик задрал ствол своей бандуры еще выше, повел им влево и вправо и только потом взглянул на нее со своей высоты.

— Спасибо, пацанчик! Показал! Мне не видна ни хрена, мать его!

На пять слов — десять букв «А», удивительно. Москвич? В стране считается, что москвичи воевать не

будут: им деньги надо пересчитывать. Выходит, зря считают. А мат был привычным и уже даже почти успокаивал. Почти — потому что было больно глазам от пламени пожаров вокруг. Часть машин горела белым, часть желтым, часть оранжевым. В некоторых однозначно горели люди.

— Уходи! Уходи назад! Там командир!

— Куда назад, пацанчик? Ты не видишь? Меня зажали! Ребята ушли тягач искать, растащить этих... Я страляю, пока тарпеть могу. Главное, чтобы не рвануло... Хотя не танк, да? Не рванет!

Он снова провел стволом

пулемета по дуге перед собой. Да, этот не уйдет. Хоть и москвич. Или кавказец. Почему его не расстреляли тоже и ее вместе с ним? Уже на бегу Вика сообразила, что это не просто так. Не совпадение. Сказать офицеру? Понятно, что он обзовет ее дурой тормознутой. Такому на первом курсе их училища учат, вероятно. Когда тридцать пожариш на квадратном километре, один-два «просто теплых» объекта становятся невидимыми для тепловизоров. Или теплотелевизоров.

Скуля от страха, она пробежала километр вперед, а потом еще немного. Несколько тягачей успели уйти из головы колонны, расползлись

веером. Их сожгли одного за другим еще до того, как она появилась. Навстречу бежали и брели одиночки, некоторые окликали ее, но Вика не собиралась избегать того приказа, который дал ей оставшийся позади офицер. И все пропало зря, потому что никаких зенитчиков не было. По крайней мере среди немногочисленных целых и подбитых, но несгоревших машин, которые она засекла. Неужели это все? Поняв, что впереди больше никого не будет, Вика побежала назад той же самой тяжелой трусцой, звякая и чертыхаясь сквозь собственное тяжелое дыхание. К ее облегчению, выяснилось, что

несколько МТ-ЛБ она действительно пропустила, не заметив. Один ее просто восхитил: он двигался на треугольнике свободного пространства, непрерывно разворачиваясь, и поливал небо огнем сразу двух стволов. Автоматчик на броне указывал в небо трассерами, и пулеметчик долбил в ту же сторону скупно, но веско. На Викиных глазах, метрах в пяти от вставшего на секунду как вкопанный тягача легла ракета. Того обсыпало осколками, но это скорее была земляная и гравийная труха, чем железо, и МТ-ЛБ дал полный задний, уже через мгновение вновь выпустив в небо две струи трасс.

Все это она разглядывала на бегу, считая. Группа бойцов на земле, трое лежат неподвижно, а один ползает слепо и бесцельно, как поломанная заводная игрушка. Двое бегущих — тяжело нагруженные, не бросившие оружие. Их вдруг накрывает пришедшей из темноты очередью, и один катится по земле, а второй шарахается и зигзагом ускользает вбок, пока на том же пяточке вразброс рвутся снаряды автоматической пушки.

— Видела?

Она даже не поняла, кто ее спросил, потому что понимала все меньше. Внутри Вики поднимался страх, превосмогающий уже все: и

доставшийся в наследство характер, и полученные уроки. Он был почти жидким и заполнил ее уже до половины точно. «Вот дойдет до горла — и хана, захлебнусь», — как-то очень отчетливо подумала она. Вспыхнул еще один тягач, и в этот раз она впервые услышала, что в нем действительно люди. Одна короткая мысль была про «бросить автомат». Вторая — что рядом с пожарами, наверное, сейчас безопаснее, чем вдали от них. Неужели вертолетчики так и стреляют из темного неба: на выбор, ракетами по бронированным машинам и многоствольными пушками по людям? Стреляют так точно и не платя за это почти ничем,

пользуясь своей техникой? Неужели так бывает?

Потом она увидела, как кто-то из бойцов помогает раненым покинуть разгорающуюся машину. Потом — как широким веером огня накрывает целую группу бегущих. Команды были ей уже непонятны. «Занять позиции, приготовиться...» — это к чему, к кому? Ни зенитчиков, ни командирской машины с большой антенной она так и не увидела. А потом ее накрыло окончательно.

Четверг, 28 марта

*Нельзя уйти от своей
судьбы — другими словами,
нельзя уйти от неизбежных
последствий своих
собственных действий.*

Фридрих Энгельс

До людей они топали почти целый день. Топали сначала по заледеневшей грейдерной дороге, потом по полю в обход ярко горящей деревни без названия, потом снова по гравийке. Через несколько часов гравийка превратилась в бетонку, при этом стыки между плитами были

сантиметров в десять шириной и глубиной. Ездить по такой дороге на машине было, наверное, одно удовольствие... Особенно летом, когда ямы не заглаживал слежавшийся снег.

Шли сначала втроем: лейтенант и двое рядовых. Потом вчетвером, с еще одним рядовым. Потом впятером — та же история. Такие же, как они, одиночки, отбившиеся от своих. Один раненый, второй нет. Один с оружием, второй без. Очень хотелось есть. Николай все надеялся нагнать какой-нибудь транспорт. И еще больше он надеялся наткнуться на идущую ему навстречу колонну своих, «наших». В идеале —

танковую, но на любую другую он тоже был согласен. Три последних дня в высшей степени прочистили ему мозги в отношении цены брони на поле боя. Теперь он видел, что может даже такая условная бронеединица, как МТ-ЛБ. А будь у них современная техника, желательнее потяжелее, — чем бы кончилась позавчерашняя ночь? Над этим Николай думал на ходу, как привык. И, разменивая часы на километры, приходил к одному и тому же выводу: нет, вряд ли. В том, что произошло ночью, толщина брони была одним из самых малозначимых факторов. Число было гораздо более важным, но само число

продержалось не очень-то долго. Сколько машин было в их батальонной боевой группе? Сколько в полной бригаде? Одних, других, третьих? Ударные вертолеты эффективно и почти «всухую» перемололи их за восемь с небольшим часов, остановив разгон контрнаступления. Вовсе не пришедшегося в пустоту, добившегося каких-то тактических целей, купившего им время, давшего им надежду... Да на самом-то деле даже и не «остановив». Просто уничтожив их. Оставив от атакующего клина несколько разрозненных сводных взводов, еще долго огрызавшихся огнем от

затихающих ударов с воздуха, от подошедшей гусеничной и колесной техники противника.

Что могло противостоять этой эффективности? Он не знал. Зато знал, чем она обеспечена. Тем, что государственные деньги годами и десятилетиями вкачиваются в конструирование и производство. Заводы конвейерно выпускают железо и электронику, сконструированную лучшими инженерными фирмами планеты, всасывающими кадры из огромных, богатейших университетов, куда поступают лучшие. Все в конце концов решается довольно банально — деньгами. И государственной

волей. Можно не сомневаться, и в этих университетах, и в этих КБ, и на заводах достаточно своих проблем. Но там наиболее квалифицированные кадры не тратят 90% своего рабочего времени на написание никому не нужной отчетности: годовой, поквартальной и прочей. А также детальных, многотомных планов работы на 2016–2019 гг. Как это бывает, он знал. Стыдно было сказать отцу, но в значительной степени он не смог стать кандидатом наук именно поэтому. Не смог себя заставить. Ну да, стандартное возражение — это то, что в США кризис и все производство давно выведено в

Китай и на Тайвань. Угу. Только почему-то у них ночные вертолеты есть, и много — на бригаду хватило с избытком, а у нас нет таких или почти нет. Как почти не было тогда, в Чечне, так почти нет и сейчас. Да, все знают, какая у нас прекрасная техника: великолепные танки, истребители, зенитки, вертолеты. Где они? Почему их не клепали сотнями штук все эти последние годы, когда даже туповатым непрофессионалам вроде него стало ясно, до чего может дойти? Ну да, были заняты. Деньги на другое шли — и мы все знаем на что. Видели по телевизору каждый день. С утра до вечера.

— Товашь лейтенант...

Николай поднял голову и поглядел на раненого, до этой минуты молчавшего очень долго. Правое предплечье, одиночное сквозное осколочное. Но, мягко говоря, не «чистое». С осколками костей и всем прочим.

— У?

— Что мы будем делать?

Николаю, который «лейтенант Ляхин», захотелось улыбнуться, но он побоялся напугать раненого еще больше. Впрочем, этот не из самых пугливых, раз живой. Самые пугливые не тронулись с места там, позади. Вжались в землю и вздрагивали, когда пушечная очередь

из темноты накрывала лежащих рядом. Таких он тоже видел.

— К своим идем, — не выпендриваясь, ответил он вслух. — Вольемся в ряды...

Переводить дух пришлось с полминуты, мешал шаг. Но говорить на ходу Николай умел, сказывался опыт походов.

— Смотри, пусть нас раскатали, да? Но там ты видел, какая мощь была? Я уверен, они все вертолеты на нас бросили. Циклами, по кругу: взлетел, подошел, отстрелялся и назад — пополняться и заправляться. И опять... Ты видел утро?

— Видел...

— Чего им было нас не добить?

Нас бы пара рот дожала, правда? Причем в лоб, без изысков. А нет, откатились. Вон, у Кости спроси.

Парень машинально обернулся на совершенно опухшего Костю, потом перевел взгляд на Вику и чуть не споткнулся. Ну да, есть от чего. Николай знал, что у него и самого на лице было кое-что, вызывающее желание споткнуться. Несостоявшийся суицид, он оставляет, наверное, глубокую печать, да.

— Я надеюсь, у нас впереди блокпост. Стоят такие ребята... С малиновыми петлицами. Собирают беглецов вроде нас... И в цепь. А там свои.

Раненый ухмыльнулся, и это Николаю понравилось снова. Дырка в мясе была здоровой, но на его крутость это пока не повлияло. Потому что свежая. Завтра будет хуже.

— Ну да, а то! Я пойду!

Сзади рывкнуло, и они все уже одновременно сбились с шага, а затем остановились и начали смотреть. Туда, где вспухало очередное зарево. Хорошо видимое даже на фоне светлого горизонта.

— У кого часы целы?

Не ответил ни один. Странно, да? Какая мелочь, знать время. Но ни у кого давно не осталось сотовых телефонов или планшеток — нельзя.

И у всех почему-то встали часы. «Кварцевые», как бы механические, но с батареей, и обычные электронные, эти сдохли еще раньше. И никто не понимал почему: от грязи, сотрясений при беге и стрельбе, действий тайной вражеской электроники? Решили, что это совпадение, но оно всем не понравилось.

— Ну?

Нормальный строевой лейтенант от такой «команды» подавился бы на месте. Но его поняли правильно. Пошли снова. Бетонка постепенно становилась лучше. Более наезженной, судя по пятнам гудрона поверх заплат. Через

очередные десятки минут впереди открылись дома.

— Ох, ну ни хрена ж себе, — удивился Костя распухшими губами. Николай сказал примерно то же самое, раненый парень промолчал, а вот Вика высказалась так, что он даже удивился. Это были ворота военного городка, открытые настежь. Сам «городок» выглядел кошмарно и сам по себе. Он был построен наверняка годах так в 70-х, из серого силикатного кирпича, и с тех пор явно не ремонтировался. Дома и домики были в основном перекошенные, с разнокалиберными оконными рамами, а забор треснул и частично уже начал осыпаться.

Поверху шел кокон ржавой колючей проволоки, но выглядела она невпечатляюще, потому что капитальный забор заканчивался «на полдороге», переходя в конструкцию из прутьев. Но перед теми же воротами и будочкой КПИ стояли большие и красочные стенды с изображением колесных ракетных транспортеров, и все вместе это создавало нехорошее впечатление. А хуже было то, что городок дымился. Уже не горел, но клубы дыма поднимались с той стороны забора сразу в нескольких местах. Не сильно густые, но очевидные.

— 500-й гвардейский зенитный ракетный... Ленинградский

Краснознаменный орденов Суворова и Кутузова полк, — зачем-то вслух прочитала Вика со стенда, как для тупых. Ну да, на стендах были и Суворов, и Кутузов, и все прочее.

— Что это за ракета?

Они уже подошли к наглухо закрытым воротам. Часовых не было.

— Это «просто ракета», — глухо объяснил раненый. — Вообще никакая. Слегка на «Луну» похожа. Не зенитная. А здесь «Панцири».

Николай даже не стал переспрашивать, специальность парня он знал. Стрелок, срочник. Но тот объяснил сам.

— Я грибы здесь собирал.

Захотелось покачать головой.

Идешь ты по лесу, собираешь грибы — а там зенитная установка. Ракетно-пушечная. Он все же улыбнулся, и парень почему-то сразу замолчал, хотя мог увидеть его лицо только сбоку.

— Эй, есть кто?

Вика уже колотила в дверь КПП. Сначала кулаком, потом прикладом своей машинки. Это не выглядело смешным. Девушка среднего роста в некрасивой форме, обвешанная обычной ношей пехотинца, она неожиданно смотрелась совершенно нормально.

— Только время терять... Стройся.

К его удивлению, все тут же

отвернулись от наглухо запертой двери, перестали разглядывать дымы за забором и прислушиваться. Вместо этого бойцы изобраили «готовность к маршу», то есть посуровели лицами и перестроились из кучи в кривоватую, но колонну по два. Вика была последней, занявшей свое место. На ходу сам Николай несколько раз обернулся: нет, ни звука позади. Кто бы ни остался в городке зенитно-ракетного полка, он был занят и караульную службу не нес. Желание попросить каких-то продуктов никуда не делось, но продолжающееся редкое рывканье позади было очень намекающим. Они прошли мимо ржавых гаражей,

треть из которых оказалась открытыми настежь. Нормальный автолюбитель так никогда свой гараж не бросит, даже пустой. Еще были сараи, тоже разнокалиберные, покосившиеся, под крышами из пятнистых от ржавчины и краски жестяных листов. Располагались они в двухстах метрах от ворот части. Судя по всему, последние лет 70 этот гарнизон жил совершенно мирно. В Грузию полк не послали, а больше ни в одной «локальной войне» ВВС у противников не имелось. Вот такой вот расслабон... Разве что вспомнить Вьетнам, где зенитчики навоевались от души. И Египет. И Кубу многими годами ранее. Ну да, кто-то из

офицеров полка еще мог застать кого-то из преподавателей в училище, кто бывал в этих жарких местах и знал, каково зенитчику на настоящей войне...

— Опа...

Они разом встали и тут же рассредоточились: все-таки что-то в них уже вколотили. Двое в один кювет, двое в другой, оружие подготовлено к стрельбе. Метрах в двадцати впереди, отвернув кривую морду в сторону канавы, на спущенных шинах стояла помятая «восьмерка». С пробитым задним стеклом. Да и с передним тоже. Под машину густо натекали бензин, масло, антифриз, но возгорания не было.

Осторожно подождая на полусогнутых, Николай обнаружил в мертвой «восьмерке» то самое, что можно было ожидать. Убитого водителя, согнувшегося на своем сиденье пополам. Лица видно не было, но он был в бушлате с погончиками старшего сержанта. Входящие были у него и в плечах, и в затылке, форменную шапку сорвало и откинуло вперед. Больше в кабине не было никого, но на заднем сиденье лежала здоровенная спортивная сумка, какую возят на тренировки хоккеисты. С пару секунд Николай равнодушно это разглядывал, потом попробовал двери: нет, все заперты изнутри.

— Помародерствуем? —

предложил Костя. С секунду лейтенант размышлял, потом кивнул. Пробитое пулей левое заднее стекло выбили двумя прикладами, выдвинули «пимпочку» запора, открыли дверь, вытянули тяжелую сумку. Тоже простреленную насквозь в нескольких местах. Внутри были тряпки. Ни оружия, ни жратвы.

— И че он? — поинтересовалась Вика в пространство. Ответа, разумеется, не было. Черт его знает, что это все означало. Причем «все» с самого начала. Стреляли явно из нормальных автоматов, а не с вертолета. То ли старший сержант очень сильно хотел воевать, и его за

это застрелили пацифисты, то ли он дезертировал, и его совершенно по закону прикончили верные присяге зенитчики. Которые затем заперлись в своем гарнизоне и теперь молчат там в тряпочку. Но барахло ему в любом случае зачем?

— Продолжаем движение, — буркнул Николай вслух. — Рядовой Каратаев, в головной дозор, на 50 метров вперед, марш! Остальные, за ним через минуту. Наблюдение по секторам. Вверх тоже.

Теперь они двигались «почти как взрослые», с выдвинутым вперед адекватным бойцом. За тормознутость Николай себя даже не особенно ругал: по военной

специальности он был «врач надводного корабля», а не мотострелок. Хорошо бы сейчас быть врачом надводного корабля, да. Желательно размером побольше, типа «Петра Великого». С другой стороны, его судьба в начавшейся войне совершенно очевидна, а смерть в горящем стальном острове много страшнее, чем на земле. А утонуть еще более гадко. Лучше уж так.

Снова полчаса марша, во время которого начало хотеться уже не есть, а жрать. По ощущениям, время приближалось к полудню. Выход на Т-образный перекресток: с бетонки на нормальную асфальтовую дорогу; по сторонам перекрестка были

болота. Боец, который здесь «грибы собирал», уверенно указал налево. Потоптавшись с минуту в ожидании приближающихся звуков мотора, потопали прямо по осевой. Шоссе было пустынным и спереди и сзади, но глухое рывканье вроде бы ушло. На ходу обсудили, хорошо это или плохо, но так и не пришли к какому-то конкретному выводу и бросили бесполезный разговор, только отнимающий силы.

Еще час, потом второй. Солнце было уже ровно в середине неба. Участок асфальта, покрытый цепочкой далеко друг от друга отстоящих глубоких выбоин; на полсотни метров вокруг — слой

мелких серповидных осколков на целом асфальте. Через пару километров — одиночный, полностью выгоревший грузовик на обочине, мордой в сторону Ижоры. В кабине и кузове — несколько обугленных тел. Марку не разобрать, сгорело все, но грузовик был большой. Еще через три или четыре километра две легковушки рядом, обе в таком же виде.

— С вертолетов, — предположил дождавшийся их боец из головного дозора. — Или вооруженными беспилотниками.

— Или со спутника боевым лазером, — буркнул в ответ Николай. — Или из кустов

пулеметами. Движение продолжаем, в оба смотрим. Рядовая Петрова!

— Я.

— Меняй Каратаева. Вперед 50 метров.

Этот этап их жизни вообще был скучным. Пехом, с грузом, по шоссе. Один километр за другим. Но тупо идти вперед было все равно много веселее, чем лежать на закопченной земле среди остывающих боевых машин, как большинство их товарищей, поэтому вслух не жаловался никто. К смутному удивлению дипломированного врача Ляхина, раненый продолжал держаться не хуже других. На сколько-то этому, может быть,

способствовало то, что свой автомат он отдал «нераненому», но все равно на нем было навьючено немало. Тяжело было всем, но показательно, что ни от кого не поступило предложения оставить часть боеприпасов, шлемы и/или бронежилеты на обочине. Даже от девочки, которой должно было быть еще похуже, чем им. От Вики он тоже ожидал, что она «поплывет», но и она держалась. А потом они наконец-то дошли. Когда минуты привалов и часы марша уже окончательно слились в одну нескончаемую цепочку и призывы вести наблюдение потеряли смысл полностью и совершенно, они

дотопали. До того же Таменгонта, который проходили еще на пути «туда», на броне. Забавно, ни в одну сторону по шоссе не шла ни одна машина, а здесь, на блокпосту, стояли сразу штук десять. Сплошь гражданские, среди них выделялся здоровенный внедорожник «Инфинити»; та модель, про которую в народе шутили, что она ездит от одной заправки, до другой.

Четыре бетонные сваи, кинутые на шоссе в шахматном порядке, некрупные, но не перелезешь, разве что на каком-нибудь «монстр-траке». Трое солдат и очень крупный сержант, похожий фигурой на борца даже в своем бесформенном бушлате.

Шлемы, бронежилеты в покрывах защитного цвета — все как положено. Дотопав до своих, Николай испытал сложное, невнятное, но от этого не менее яркое ощущение «*deja vu*». Много лет назад такое с ним уже было, и тогда это вовсе не решило все проблемы, на что можно было бы надеяться. Наоборот, добавило много новых.

— Стоять.

Им всем хотелось упасть на землю прямо сейчас и прямо здесь. И если не упасть, то по крайней мере сесть на эти самые бетонные сваи. Они же были свои, они дошли до своих и так устали. Но в серьезности встретившихся им «своих»

сомневаться не приходилось. В принципе это было то, чего они так хотели, разве что сильно ближе к городу, чем хотелось бы. И много слабее, чем требуется, чтобы остановить тех, кто идет за ними.

— Стоим.

Старший сержант долго не произносил ни слова, как и его люди. Четверо бойцов просто стояли, направив на подошедших свое оружие. Так прошло секунд десять.

— Документы к досмотру.

Николай отдал удостоверение.

— Какая часть?

— 10-й отдельный батальон РХБЗ, приданы 25-й гвардейской мотострелковой.

— Призваны из запаса?

Тщательно пролиставший книжечку старший сержант не выглядел расслабившимся. Что он хотел там увидеть, интересно? Фотография в военном билете у Николая была смешная, совсем юношеская; в Удостоверении личности офицера она вышла совсем другой. Отвечать на вопрос он не стал, просто кивнул. Как ни странно, потом все действительно как-то упростилось. Из прибившихся к ним двух бойцов один был из 138-й гвардейской, второй — из мотострелков той же 25-й. Документы были у всех, оружие вопросов не вызвало вообще, а вот

его отсутствие — да. Но боец по фамилии Каратаев, который «нераненый», честно признался, что он пулеметчик, и это вопросы сняло. Интерес вызвала Вика, но с этим все было еще проще.

— Товарищ лейтенант, а что там... — Старший сержант замялся, не зная, как закончить вопрос, и Ляхин посмотрел на него исподлобья с ожиданием.

— Ну, говорили, что наши уже чуть ли не к Ивангороду подходят... Про «развитие успеха» что-то... — Он снова замолчал.

Не зная, что ответить, Николай обернулся на своих. Ему показалось, что Вика готова заплакать, и это

чутьочку помогло прийти в себя.

— Кто старший по званию? — спросил он. — Не в наряде.

— Лейтенант Козлов.

— Проведите к нему. И еще...

Вода есть?

Сразу двое бойцов протянули ему снятые с поясов фляги. Николай благодарно мотнул головой, взял одну и выхлебал половину в два длинных глотка. Отдал Косте — тот жадно смотрел, как пьет Вика. В деревне проблем с водой не было и быть не могло, можно было не стесняться, и они допили все до конца.

— Спасибо. Далеко?

— Метров двести. Иванов!

— Я.

— Проводи лейтенанта и людей к лейтенанту Козлову. Потом пулей назад.

— Есть.

Эти двести метров дались много легче: какой-никакой, а отдых. Но мыслей о том, что «теперь можно не торопиться», у Николая не возникало. Наоборот, формулировка вопроса делового старшего сержанта ему очень не понравилась.

Лейтенант Козлов оказался моложе его самого лет на десять. Он с комфортом размещался в здании школы и пил сок из литрового картонного пакета. Половина парт в классе была навалом сдвинута в дальний от входной двери угол, и

места было много. Рядом с лейтенантом сидел кто-то из местного школьного начальства, в противоположном углу того же класса, прямо на сдвоенной парте, спал обнимающий автомат боец, а на другой копался в железяках еще один. Начал лейтенант с того, что вновь проверил документы прибывших. Николай не сомневался, что, еще не отпустив рядового назад на пост, он объявит всех пятерых «поступающими в свое распоряжение», и не собирался возражать ни словом: ему стало уже все равно. Но Козлов ничем не показал, что формально имевший тот же чин лейтенант Ляхин с его

людьми нужен ему хоть зачем-то. Это действительно был сборный пункт, только не такой, какого можно было ожидать.

О раненом договорились быстро: Козлов пообещал запросить сантранспорт, как только восстановится связь. Рация у него была, но связь то доставала до штаба батальона, то нет. Вот сейчас как раз нет, и уже довольно давно, часа с три.

— Что там, впереди?

У Николая едва не вырвалась пара конкретных слов, но он постеснялся произносить их вслух перед молодым. Вообще лейтенант ему понравился, хотя он не был

каким-то там «чудо-богатырем». Спокойный парень лет 25 или около того. Почему-то с летными «крылышками» значит, ВВС. Небоящийся.

— Хреново там, впереди. А что, до вас не доводят?

— Еще как доводят. 25-я бригада отошла вчера большей частью. Арьергард — сегодня утром. Остатки бригады, я бы сказал. Группы по 2–3 человека выходят до сих пор. Ваша чуть ли не самая крупная, да еще с офицером.

— Тогда в чем вопрос?

Лейтенант разъяснил то, чего Николай и остальные не знали. Как и под Гостилицами, под Таменгонтон

стояли зенитчики, но сейчас их увели в Кронштадт. Город будут держать, все стягивают туда.

— А Питер? — вырвалось у Николая и Вики одновременно. Слово «Город» с большой буквы, явно читаемой в речи, произносили местные.

— Какое там.

Все помолчали. Задачей взвода под командованием лейтенанта было задерживать и направлять выходящих к своим одиночек и «считать пролеты». Но пролетов почти не было. Ни беспилотников, ни прочих.

— Мы тоже за последние часы не видели, — пришлось подтвердить Николаю. — Хотя... Пара

инверсионных следов на большой высоте. Это не считается, наверное. Но бригаду той ночью раздолбали именно вертолетами. И 25-ю добивали с их же участием. Зенитные ракеты же на сотни километров дотягиваются, насколько я знаю? Почему их не сняли? Почему нам не помогли отсюда?

Лейтенант посмотрел странно.

— На счету бригады уже до 40 пораженных воздушных целей, — отдельно произнес он. — В большинстве крупные БПЛА и крылатые ракеты, но в том числе и несколько вертолетов. Это я знаю совершенно точно. Откат, слышал такой позывной, нет?

— Откат?

— Да. Откат, Откат-2 и так далее? В Кронштадт ребята ушли только с утра. Пару дивизионов довольно сильно потрепали, но они работали, как надо, не наезжай...те. Товарищ лейтенант.

Николай оглядел своих.

— Кто-нибудь из вас видел, как ракетчики сбивают вертолет? Хоть один?

Все так и молчали. В слова лейтенанта хотелось верить, но никто не подтвердил их даже кивком.

— Пулеметом с тягача на моих глазах задела одного, — хрипло произнесла Вика. — НСВТ, крупнокалиберный. Я сама попала

точно, и даже раза два. Но ему вообще по фигу было. Про «откаты» мы только то знаем, что это из-за них у нас нормальных приборов ночного видения не было ни хрена. И зенитных средств кот наплакал. И легкие тягачи вместо нормальных БМП.

— Товарищ лейтенант, нам бы поесть чего.

Николай четко видел, что девочка уже начала накручивать себя. Происходило это очень быстро, в чем не было совершенно ничего удивительного, учитывая ее свежий анамнез. Но такое лучше рубить на старте, иначе кончится плохо. Впадёт в то же, что было всего-то полдня

назад — и привет. Придется или здесь бросать, или... Да без вариантов. Бросать здесь, потому что вернуть ее к норме — задача для профильной клиники и ласковой мамы. А не для терапевта с полупустой санитарной сумкой.

— У-у, конечно.

Лейтенант Козлов впервые повернул голову к «кому-то из местного начальства», сидевшему в метре от него мужчине в пиджаке, который все время до этого момента просидел тихо, как мышь, и только таращил глаза.

— Извините, что не предложил. Вы организуете? И раненому прилечь с комфортом.

Мужчину как прорвало, он многословно довел до всех, что вот он, что вот сейчас, что вот все организует уже буквально вот-вот. Николай не любил таких никогда, но по работе имел с ними дело ежедневно. Отключив уши, он снова обернулся к лейтенанту.

— Что про Питер слышно?

— По общему радио — ничего.

Телевидения нет второй день. Или третий. Электричества в районе нет совсем. Сосновоборская АЭС заглушена, ясное дело. Северную и Первомайскую ТЭЦ раздолбали высокоточным оружием, крупнокалиберными управляемыми бомбами. Причем по нашим каналам

говорили, что коллеги сбили аж «Спирит». Буквально мамой клялись! Снова не поверите?

Лейтенант уже давно разговаривал с ними иначе, не как в самом начале. Он уже не казался совершенно спокойным. Судя по всему, его задело. Хотя он же не зенитчик, какие претензии? Что такое «Спирит», Николай знал: все же не совсем глухой. То, что такой наши могут сбить, вполне допускал. Минимум одну «невидимку», и даже более современную, сербы завалили вообще полным старьем, а с тех пор В-2 точно не молодец. Могли и сбить. И молодцы, если так, чего бы они ни вращали в остальном.

— Да хрен с ними с ТЭЦ. С людьми-то как? Кормят их?

В ответ последовало пожатие плечами. Николаю захотелось плюнуть. Он поймал взгляд Вики, и тот ему очень не понравился. Видал он уже похожее. Девочка может сорваться в любую секунду. А у нее оружие.

— Рядовая Петрова.

— А?

— Не «А»!

— Виновата... Я!

— Слушай мою команду. Бегом за этим... завучем, или как его. Устроить раненого, обеспечить горячей пищей. Товарищ лейтенант?

— Я.

— Мы все-таки поступаем в ваше распоряжение. Список будете составлять?

— Не буду. — Козлов похлопал по планшету, но доставать из него какой-нибудь блокнот не стал. — Я же сказал, ждем заката. Вас у меня сейчас уже шестнадцать человек боеспособных плюс один ваш раненый. А было тридцать с четырьмя ранеными, между прочим. Приходит следующий транспорт — и вперед. Лично вы можете даже с сантранспортом убыть, если хотите. Бумагу я выпишу. Готовы?

— В цепь?

— Точно так. В цепь. Есть возражения?

— Да какие там... Пожрать, и в цепь. Только я со своими. ВРИО командира отделения, да. Продолжим наши игры.

Сзади Костя парой яркой слов поддержал и про «пожрать», и про «продолжить». Николай наполовину обернулся, и он тут же замолчал.

— Не, ни хрена.

Теперь оба лейтенанта повернулись к связисту, с размаху стукнувшему свой ящик кулаком.

— Что?

— Он работает. Но связи нет.

Козлов почему-то вопросительно посмотрел на стоящего перед ним Николая, будто ожидал, что тот вытащит из кармана

действующую рацию.

— А что, у вас одна рация? На этот ваш, как его... пост воздушного наблюдения?

— Одна, — подтвердил лейтенант ВВС. — Знаешь, какого года выпуска?

Они как-то незаметно для обоих перешли на «ты». Николай покачал головой, и само собой вышло, что покачал утвердительно, а не отрицательно. Он догадывался.

— Но сначала ничего работала. А сантранспорт к нам ходит, знаешь, какой?

Здесь Николай не нашелся, как ответить. Какой сантранспорт должен быть по мобилизации, он

помнил. Видал. Переделочные комплекты к городским «Икарусам»: дополнительные стойки в салон, служащие опорами для фиксируемых к ним носилок, многочисленные скомплектованные укладки и так далее. В секретных отделах военных госпиталей хранились пачки готовых удостоверений личности типа такого, какое выдали ему: с уже вписанными именами военнообязанных. Врачей соответствующего профиля, по которым «первыми отделами» велся непрерывный учет: где они работают, где они живут, сколько им лет, когда последний раз вызывались на сборы. В «угрожающий период» каждое отделение госпиталя разворачивали

минимум в три, а каждый кадровый военный медик, имеющий два просвета на погонах, становился начальником госпиталя минимум. Хозяином жизней. Где понимание того, что «угрожающий период» начался давно? Где они теперь, эти списки, эти стойки в автобус, эти готовые укладки? Их нет и уже не будет, потому что стране столько лет подряд было не до того: страна крутила миллиарды в «федеральных целевых программах» и готовилась к чемпионату мира по футболу. За это время склады были растасканы и перепрофилированы, кадровые специалисты ушли кто куда, и отработанная, налаженная за

десятилетия система превратилась в ничто. Причем налаженная не из фанатичной любви к милитаризму — вот о чем забыла вся страна разом. Налаженная с жуткими затратами на фоне собственной бедности не для того, чтобы согнуть свой народ еще больше. А потому, что знание того, «как надо», было куплено еще дороже, чем все эти деньги, вместе взятые. Огромной кровью, пролитой в боях Отечественной, Кореи, Афганистана. Смертями и инвалидностью тех, кому не сумели помочь вовремя.

Лейтенант Козлов стоял и ждал ответа на свой вопрос, молча разглядывая лейтенанта Ляхина. Ну

да, та самая разница в возрасте. В десяток лет или больше. Потраченных половинкой его поколения на что попало, кроме того, что теперь нужно стране.

— Догадываюсь, — мрачно ответил Николай вслух. От большего стыда его спасло то, что дверь снова открылась и вошел мрачный, коренастый боец с некрасивым, грубо скроенным лицом. Равнодушно поприветствовав лейтенанта, он протянул тому лист бумаги с какими-то записями карандашом. Лейтенант приподнял брови, несколько раз сказал «угу-угу» — буквально как филин, — а потом неожиданно для Николая ухмыльнулся. Вежливо

поблагодарил бойца, передал благодарность его командиру и только после этого вновь обернулся к остальным.

— Слышите... Вот вы когда отходили оттуда... Ну, с юго-запада. Вас же не преследовали, нет?

— В каком смысле?

— В прямом, е-мое. Про воздух вы уже говорили, что нет, но я про землю. Техника, просто пехота?

— Нет. Если бы преследовали, нас бы здесь не было.

— Хотите знать почему?

Николай пожал плечами. На своих он даже не стал оборачиваться. Пришедшая в его голову мысль была такой тупой, что даже стыдно. Все

уже закончилось: западные державы поняли, что перегнули палку, что так нельзя, что потери слишком велики, а проигрывающие войну русские вот-вот долбанут по ним атомными боеголовками — по всем сразу... Поэтому подписано какое-то перемирие, и теперь некоторое время все будут обмениваться дипломатическими нотами, обвинять друг друга в развязывании оставшегося ограниченным конфликта и требовать «платить и каяться». Но все это чудесное осмысление заняло считанные доли секунды. Про то, что так хорошо быть не может, он отлично понимал и сам.

Козлов кривовато ухмыльнулся еще раз.

— Не до того им, зайкам. Наши по ним хорошо с воздуха выложили, оказывается. И не поверишь кто — аж южане. Так что не все плохо. Еще повоюем.

— Кто сказал?

Лейтенант протянул тот же листок, и некоторое время Николай тупо разглядывал аббревиатуры и индексы, игнорируя вопросы сзади, от своих. И от связиста, которому тоже стало любопытно. И от спящего на партах, который проснулся и начал сначала прокуренно кашлять, а потом тоже спрашивать. Довольно быстро он честно признался, что

ничего не понял, и дал Козлову возможность проявить свою квалификацию. Судя по всему, в военных училищах до сих пор учили неплохо. Озвученное лейтенантом ВВС вызвало долгие вопли, прыгания, хлопанье друг друга по плечам и спинам.

— «Утенок», надо же так назвать... [\[21\]](#) Я думал, их несколько штук всего — на парадах народу показывать... Оказывается, нет? Оказывается, они есть? Викин батя не на таком летает, а?

От сказанного у Кости снова потекла по подбородку черная кровь: лучше бы ему было молчать. Николай не помнил, но его ответа Костя и не

ждал, да и вообще было сказано «южане», переброшенные, видимо. Потом все как по команде повернулись к связисту.

— А че я-то? — сразу возмутился тот. — Ну, нет связи же!

— У соседей есть, у тебя нет, — четко объяснил проблему Козлов. — Инструкцию в зубы, и вперед. Чтобы через 10 минут... Иначе пожалеешь, понял?

— Так я третий час уже копаюсь! Или даже больше!

— Вот именно, копаешься. Причем без толку. А время идет. Не продемонстрируешь мне свою полезность — оставлю на хрен вести арьергардный бой, понял?

— Понял...

— Так, все слушаем мою команду.

Лейтенант Ляхин и пятеро бойцов из трех разных бригад замолчали, построились неровным полукругом и изобразили на лицах внимание.

— Я предлагаю пока не думать, что все так уж резко изменилось. Кровищи еще будет... На всех нас хватит по горло и выше. Но нам купили время, да? И вообще... Я бы это проверил. И в том месте, где положено, а не через соседей. Вопрос — как.

Он опять посмотрел на своего связиста, и все посмотрели туда же,

как стадо.

— Нарочным. Но БТР не отдам, самому надо. — Козлов на секунду наморщил лоб, и за это время Николай пытался вспомнить, что там Петрова рассказывала про своего отца-офицера.

— Гражданские машины на ходу. Две без хозяев. Ключи... Сидор!

— Я.

— Ключи мне сюда. От обоих внедорожников.

Лейтенант перевел взгляд прямо на Николая.

— Вот смотрите. Если все это правда, то угроза от вертолетов снизилась сейчас, считай, втрое. Можно попробовать проехать, но

лучше бы не по шоссе. Или по шоссе, но быстро и пунктиром. Два километра проехали, остановились, минуту смотреть и слушать. Сначала соседа подбросите, да? Они нам по дружбе новости скидывают, пока мы глухие, — Козлов снова свирепо покосился вправо и назад от себя, — это надо ценить.

— Да, мне далековато было. — Коренастый боец хрустнул суставами пальцев и с удовольствием потянулся. — Так что спасибо.

— Подождите, а что хозяева машин?

— Им не надо.

— В смысле?

Лейтенант Козлов мотнул

головой, и спавший до недавнего времени боец подошел чуть ближе. То, что оказалось у него в глазах, Николай узнал сразу же, с одного прямого взгляда. Озверение, запрытанное за внешним спокойствием. Зверь на поводке и даже в наморднике, но зверь никуда не девшийся.

— Они гостей ехали встречать. Колонной.

Голос у парня был низкий и какой-то вибрирующий. Из него будто пробивался спрятанный внутри рык.

— Два дорогих внедорожника и милицейский «Форд», видели?

— Нет.

— Я не видел.

Боец не обратил на сказанное вообще никакого внимания, будто и не услышал.

— Два мента, шесть слуг народа и пара помощников. Даже секретаршу взяли, не постеснялись...

— И что?

Николай еще не понял, к чему тот клонит.

— Ничего. На балках остановились, там не проедешь. Начали орать. Документы предъявили, правда. Два заместителя администрации Ломоносовского района и один аж член Зак-собрания Санкт-Петербурга. Полномочия со всеми печатями, дата сегодняшняя.

Он сделал значительную паузу, то ли выжидая реакцию, то ли давая самому себе передохнуть.

— В общем, они везли им сдачу. Я своим глазам сначала не поверил, послал за лейтенантом. Они сразу орать начали, требовать. Мы только потом врубилась почему. У них время выходило, коридор. Поняли, нет? У них расписание было, когда они какую маршрутную точку должны были проходить. Чтобы их с той стороны не накрыли. И белые кресты на черных машинах липкой лентой по крышам.

Он обернулся на лейтенанта Козлова, и тот утвердительно кивнул.

— Я сам документы проверил.

Типа все в порядке. «Требование», с подписями... Комитет по взаимодействию с органами местного самоуправления... и чему-то там еще. Все дела. «Пропустить», «не препятствовать», «оказывать содействие». И заклеенные пакеты с документами. Условия сдачи. Связь тогда еще была, мы все наверх передали — проверить. Там, ясное дело, приказали «ждать дальнейшей команды». Пока туда-сюда — минуты идут...

— Вот именно. А они все больше нервничают. Умнее были бы — вернулись бы назад, попробовали бы объехать нас. Ну, не знаю, дорог тут не особо, но... Без «Форда»,

может, и по полю проехали бы, снега мало. Но они на горло решились, как привыкли.

— Да какое там «на горло»! Матом на нас! «Сопляки! Быдло! А ну быстро убрались с дороги!»

Николай слушал, обалдев. В голове не укладывалось, что люди могут быть такими ненормальными. И что сдать врагам эту землю собирались те, кто на ней кормился столько лет подряд.

— И потом ментовскому майору: «А ну убрать их!» — И назад в машину. Мол, я приказал, и все ясно теперь, исполняйте. Майор — это много. В общем...

— В общем, майор оказался

самым умным из всех. Потому и жив остался. Своего водителя за шиворот и мордами вниз оба. А все потому, что твои глаза увидел, хе-хе.

— И что?

— Да и все. Кончили всех шестерых на месте. И за «как вы смеете, пошли вон, быдло!», и за «да вас всех за это!». И за «в интересах прекращения дальнейшего кровопролития». Ибо нехрен. Мы больше не быдло. Лично я — лейтенант, а вот он — сержант, а вот он — рядовой. Ясно, да? С трусами, паникерами и предателями я имею полное право поступать, как положено по законам военного времени. И если я поступил

неправильно, так я за это отвечу. Но связь еще полдня работала, а мне никто слова не сказал. Ни те, кто этих через дальний пост пропустил, ни те, кто там же, в Ломоносове остался. Может, это намек на то, что следующих пришлют. А может, на то, что это была самодеятельность. Они же каждый год здесь на 9 Мая выступали, суки! Возлагали цветы со школьниками у нас, в Гостилицах, у памятника морпехам, у мемориала на Колокольной горе!

Дверь открылась, одновременно зашли и Вика, и тот школьный мужичок, который ушел минут пятнадцать назад.

— Так что... Так что выходит,

что машины целы и топлива хватает. Я вам бумагу выпишу, свою собственную. Доберетесь до Ижоры — на точке скажете, что мы пока без связи сидим. Потом до Кронштадта. А дальше ваше дело. Можете раненого оставить, взять чего надо и снова сюда. Пулемет вон, для этого... А можете только водилу прислать с новостями. И с рацией, мать ее. У меня три БТР-80 на ходу: если будет приказ, я сниму своих людей, и мы уходим. Но мне надо слышать. Кто у вас водит?

— Я вожу.

Николай оглядел Каратаева и кивнул. Сейчас полно парней и девах к двадцати годам были уже

опытными водителями. От папы зависит.

— Точно?

— Почему бы нет? Я и грузовики водил.

— Лады. Тогда готовьте своего раненого. Он вроде бы сидячий, так что в самый раз.

Школьный учитель раздал большие фольговые пакеты с сухариками. Николай посмотрел на него как на идиота, но взял. Похрустеть. Козлов, наклонившись над партой, быстро писал. Закончил одну страницу, с треском вырвал, сложил пополам и вручил мрачному бойцу, который принес от кого-то новости. Неизвестно сколько

протопав пешком. Начал писать другой документ и потратил на это еще минут пять с перерывами на «глубоко задуматься». Тоже сложил, расписался, посмотрел на часы и отметил время. Третий был втрое короче, и времени на него ушло мало. Отдав бумаги парню, он объяснил, кого искать в Ижоре и кого в Кронштадте, и только после этого начал писать свое «предписание».

К этому времени, раскидавшись со всеми, Николай ушел вслед за Викой к раненому, пусть не «готовить», а просто посмотреть на него. На ходу он рассказал Вике, что Козлову сообщил чужой боец. Та не очень поверила.

— «Су-34», я знаю, минимум в трех местах стоят. Под Воронежем — там смешно авиабаза называется: «Балтимор». Под Ростовом. Под Новосибиром. Во всех трех местах их есть куда поближе гнать, чем сюда. С Новосиба особенно... Дальний Восток ведь уже все, наверное. А что они там говорят... Высокоточным оружием вертолеты и заправщики на площадке подскока и бронетехнику в поле... Не знаю, звучит красиво, а как на самом деле?.. Папка мой про «тридцатьчетверки» без особого восторга отзывался. Но они 8 тонн поднимают. И пушка...

Раненый был уже без сознания, и к машине его пришлось нести на

сцепленных в «замок» руках. При этом оружие за спиной начало мешать очень сильно, но никакого выбора Николай не видел. Променять автомат на удобство, когда антракт перед следующей серией этого бесконечного сериала ужасов мог кончиться в любую секунду... Это надо было быть уж очень большим оптимистом.

Объевшимся «Новопассита», носившего в среде медиков на редкость неприличное прозвище. Они продолжали разговаривать и пока тащили парня к машинам. А тот при этом продолжал тяжелеть с каждым пройденным десятком метров, причем тяжелеть неравномерно. Все больше отдаваясь

в спину. Перехватить «замок» прямо на весу не удалось, а положить его было некуда. Николай утешал себя только тем, что девушке должно быть еще труднее, чем ему самому, но это не помогало вообще. До брошенных перед выложенной из свай или балок «елочкой» машин он едва доковылял. Зато по дороге была возможность убедиться в том, что лейтенант Козлов и его сержант не соврали: тела шестерых расстрелянных были выложены под выщербленную стену домика. Пожалуй, что демонстративно. Никак он еще и ритуал соблюдал, в значении, что не по пуле в затылок по-быстрому, а с зачитыванием вслух статьи Устава и

отдачей громогласных приказов расстрельной команде. Как в фильме «Зорро», только без помощи в последнюю минуту. Смелый парень на этой точке у пэвэошников стоит. Или не просто смелый, а еще реалистичный до такой степени, что понимает: на нем могут и не успеть отыгаться. Поднял руку на патрициев, вот это да! Прямо в голове не укладывается! Раньше же всегда работало! В Санкт-Петербурге, на родине гаранта Конституции, «мильтоны» машины стоимостью выше 60 штук зелени не останавливают в принципе. Или останавливают те, конкретно про которые им позвонили и сказали, что

«можно». А то остановишь такого за то, что он едет по тротуару, раздвигая пешеходов бампером, — и привет карьере. В лучшем случае деньгами и званием обойдется, а то и совсем уволят, найдут по какой статье.

— Какую выберешь?

— Вот эту.

— И правильно.

Боец проявил разум: не стал брать огромные «членовозы» с крестами на крышах. Взял полицейский «фордик». Может, и доедет.

— Аккуратнее... Да куда же суете, мать вашу! Ну, ноги выпрямите ему!

Судя по всему, температура у

раненого уже перевалила за 39. Пульс у него был ровный и наполненный — вот что значит молодость. Но частил будь здоров. Его загрузили на заднее сиденье «Фокуса» и накрыли сверху лишним бушлатом. На переднее пассажирское сиденье сел чужой боец, поставивший длинный «АКМ» между колен, стволом на плечо.

— Ментов назад не отпустите?

— Так они с утра еще уехали.

Под конвоем. Давать показания. Клялись, что их дело маленькое: что им приказывают, то они и... «В интересах прекращения дальнейшего кровопролития».

— Я помню.

— Ну, не поминайте лихом.

Парень выжал сцепление и ловко развернул машину на трех точках. Включил синюю вертючку на крыше и тут же выключил: просто, видимо, попробовал. Скорчил через боковое стекло рожу, будто ребенок, и тут же покатил вперед.

Когда крутящиеся за кормой бело-синей машины снежинки нехотя осели на землю, Николай и Вика переглянулись и разом вздохнули. Вопрос висел в воздухе: что делать дальше. Но ждать часы, которые должны были протекать, пока связной доберется до кого-то с властью и техникой, а потом обратно, не пришлось. Как ни странно. Может быть, началась белая

полоса в жизни, полоса везения? Как любой сколько-то повидавший жизнь человек, доктор Ляхин был без оговорок суеверен. В чередование белых и черных полос — как у зебры, с последующим наступлением окончательной жопы — он верил совершенно спокойно, как в данность. В текущем случае квант везения проявился тем, что всех начали строить. Хотя нет, не всех, только «окруженцев» — пятнадцать человек. Перекличку провел еще один незнакомый Николаю сержант. А худющий рядовой, внешне похожий или на бурята, или на калмыка, почему-то вручил список группы, названной им «Командой-3», именно

ему, вставшему на правый фланг. Он сам, один младший сержант, два ефрейтора, остальные рядовые. Каждый третий был без оружия, каждый второй без брони: в этом отношении «его люди», Вика и Костя смотрелись более правильно.

— Команда-3, разбиться на два отделения... Командиры отделений, ко мне!

Отделения получились неравномерными, девять и шесть, и Николай перевел одного из рядовых в нужный строй просто движением руки. Как раз к этому моменту подошел Козлов.

— Транспорт как раз идет... Не стоило этому твоему ехать.

Разминутся теперь.

— Что, связь пошла?

— Да. Хреново слышно, но все же хоть что-то. Все по-прежнему. Отход на заранее подготовленные рубежи, сам знаешь где. Будет один бортовой «ЗиЛ», всех вас возьмет.

— Ясно. Боеприпасы оставить вам?

— Зачем это? — удивился лейтенант. — Мы здесь оборону держать не собираемся. У нас три БТР-80 с пулеметным вооружением и три гранатометных расчета. Наши задачи ты слышал. Как на нас вылезет их разведка, мы определяемся: если смысл есть, шугаем их огнем и ждем следующий

номер балета. Если смысла нет, отходим сразу.

— А местные?

— А что местные? Сегодня какой день на календаре? Кто хотел и мог, тот давно отправился поглубже на восток. Но знаешь... Некоторые на запад отправились. Уловил?

Николай равнодушно кивнул: очевидные слова лейтенант произнес так глубокомысленно, будто играл в Моисея перед еврейскими переселенцами.

С ревом и вонью из-за домов выехал бронетранспортер, на ходу поводя перед собой стволами двух пулеметов в башенке, будто огромное некрасивое насекомое. Сидящий

спереди на броне боец в сером пятнистом камуфляже болтал ногами. В голову снова влезло «как ребенок».

— Вас на тройку километров проводят, до въезда в Ижору, — прокричал ему Козлов почти в ухо. — Дальше сами.

— Так точно.

«ЗиЛ» уже въезжал во двор. Модель по номеру Николай не знал, но эта машина выглядела давно знакомой. Побольше, чем те самосвалы, на которых им возили бетон, когда он работал на студенческих стройках. Он был не привычно-защитного военного цвета, а почему-то синий и без номерных

знаков вообще. Мобилизованный? Или, например, с консервации? Грузовик встал, из кузова поднялось несколько человек в бушлатах и с оружием. Рожи у всех были красные от ветра, половина утирала ладонями сопли, и Николай без труда сообразил, что ехали они издалека. Борт с грохотом повалился вниз, и бойцы в кузове начали сдвигать к краю ящики.

— Команда-3, к разгрузке, становись!

Несколько человек перекинули «калашниковы» с положения «на груди» за спины и шагнули вперед, остальные последовали за ними через секунду. Маркировка ящиков

ничего Николаю не сказала, но один из двух ефрейторов, прочитав вслух выписанное черным по темно-зеленому «9K38», вдруг заухал и начал с силой бить себя кулаками в грудь, как Кинг-Конг в старом фильме.

— Ага, верно заметил. Наш человек.

Козлов улыбался так нехорошо, как будто ему привезли пульт от закопанной шпионами в Вашингтоне атомной бомбы. Вот нажмет кнопочку — и поквитается, подравняет счет. Ящиков было немного, шесть штук: они оказались совершенно нетяжелыми, но зато длинными и действительно очень

неудобными. Их быстро оттащили туда, куда показал Козлов, кто-то по его приказу куда-то убежал, и через несколько минут к не заглушившему двигатель многотонному грузовику подбежало человек десять его людей. Ведущим в коротком строю был уже знакомый сержант.

— Ну все, теперь мы совсем уже не было. Теперь милости просим, герры и херры.

Он снова нехорошо ухмыльнулся в пустоту за домами.

— Слушай, ну все, да? Транспорт вообще не за вами был, но вас устроит. Я сказал, что очередную группу отправляю, там что-то такое положительное буркнули. Встретят.

Удачи вам.

— И тебе удачи.

Николай чувствовал себя заторможенно. Было понятно, что Козлов остается здесь воевать. Что это будет теперь? Противовертолетная засада? Приехавшие бойцы остались — теперь у лейтенанта не только взвод. На его глазах Козлов начал распределять людей — их перемещения Николай интерпретировал однозначно: лейтенант формировал расчеты. Для ПЗРК, прибывших на этом самом грузовике, — конкретно это до Николая дошло только сейчас, с позорным опозданием. И еще дошло,

что он так и не спросил, как лейтенанта зовут.

Отдав команду, он задержался у борта. Помог поднять тяжелый дощатый щит, помог закрыть. Посмотрел в лица обернувшихся к нему от борта Вики, Кости и нескольких незнакомых ребят. Костя выглядел уже совсем хреново, с багровеющим опухшим лицом. У одного из ребят был подбит глаз и расцарапана щека, но по сравнению с Костей он смотрелся красавцем.

— Поехали.

Сам Николай сел в кабину, кивнул водителю. Тот был в теплой шапке, хотя в кабине было тепло: работала печка.

— Здравия желаю.

— Как тебя зовут, боец?

— Рядовой Новослободский.

— Ого! Как станция метро прямо.

Рядовой не обиделся, а хмыкнул — привык, наверное. Николаю стало неловко.

— Лейтенант Ляхин. Поехали?

— Лист, пожалуйста.

Николай отдал полученное от Козлова предписание, водитель внимательно прочитал его и вернул.

— Окруженцы?

— Почти. Успели выйти. Малыми группами. Треть из 138-й, остальные из 25-й...

Они говорили уже на ходу:

«Зил» раскачивало и трясло.

— А слышали про «Саратов»?

— А чего в Саратове?

— Нет... Это не который город на Волге, а который подводная лодка. Ну, которая утонула за два дня до начала... Ну, на торпедах подорвалась. Забыли, что ли?

— Такое забудешь, — мрачно буркнул Николай. Казалось, что за последнюю неделю действительно произошло больше, чем за десятилетие, но судьбу «Саратова» и его экипажа он помнил отлично. — И что?

Прямо посередине шоссе была здоровенная выбоина, глубиной с баскетбольный мяч. Он ожидал, что

водила вывернет руль, но тот проехал через выбоину, как через подушку.

— Нам газету раздавали... Местную, на один лист в две страницы... Там написано, американцы признали потопление «Саратова». Но это он на них, дескать, напал, а они оборонялись.

— И что? — снова спросил Николай.

— Да ничего. Просто вот так. Это у нас, в Кронштадте, на передовице. Им-то там по барабану... В любом случае мы сами виноваты. Вот такие дела.

Следующие десятки километров они ехали молча. Несколько раз останавливались, чтобы ребята в

кузове могли оглядеться. Один раз им что-то почудилось, и шофер свернул с шоссе, загнав грузовик под стену полуразвалившегося коровника или свинарника. Здание было из серого кирпича, с выложенным красным огнеупором силуэтом крейсера «Аврора» на фасаде. Без крыши оно выглядело мертвым, как и все вокруг. Водитель-рядовой заглушил двигатель, и наступила полная тишина, только было слышно, как что-то потрескивает под капотом. Было такое ощущение, что вообще все вымерло, но на то она и зима. Долгая, пока побеждающая в этих краях март. Наверное, надо было предложить занять место в кабине

Вике или опухшему Косте. Но тепла хотелось и самому, а лейтенантские погоны подразумевали не только ответственность, но иногда хотя бы чуточку комфорта.

Они с шофером приоткрыли дверцы и еще минут пять все напряженно прислушивались к происходящему вокруг и выше. Парень с редкой фамилией поглядывал на Николая, но тот делал вид, что не замечает этих вопрошающих взглядов. Потом он все же счел, что все вокруг тихо, повернулся, кивнул, и они снова завелись и поехали. В животе было холодно: Николай отлично понимал, что автомат ничем не поможет ему,

если их грузовик чужаки заметят с воздуха. Надежда была на то, что небо все-таки хоть как-то прикрыто. Но он отлично помнил, как одиночный разведчик клюнул их пешую колонну еще на пути сюда. Однако ничего, обошлось. До первого блокпоста они доехали без всяких приключений. И увиденное Николаю понравилось: два БТР, одна «Тунгуска», грамотно расположенные парные гранатометные расчеты. Всех заставили покинуть машину и проверили личные документы. Что ему понравилось еще больше: сделали отметки на предписании, подписанном еще Козловым. Второй

блокпост был на выходе из Большой Ижоры, рядом с железнодорожной станцией под смешным названием Дубочки. Здесь документы не проверяли, но проводили теми же взглядами, что и в прошлый раз — понимающими.

Снова километры, и теперь водитель держал скорость за 70. Под порывами несущего ледяные крошки бокового ветра «ЗиЛ» ощутимо мотало, и так было до самого поворота на дамбу. Прикрытого очередным блокпостом, еще более серьезным, чем первый. «Шахматка» из бетонных блоков, отрезки рельсов, сваренные по три, обложенная зелеными синтетическими мешками

с песком громадина танка — здесь явно собирались не только «вести наблюдение». В заднее стекло кабины из кузова начали стучать кулаками, и Николай обернулся. Он слышал, что им кричат, но не разобрал ничего, кроме интонаций. Его снова облило холодом снизу вверх, будто ступил голыми пятками в сугроб. Рядовой дал по тормозам, и машину кинуло вбок так, что они едва не вцепились в отбойник. За ним была еще не вода, а гравийная коса, но шоссе уже шло по насыпи. Если бы пробили всей массой, могли бы и полететь. Гулко застучал автомат сзади, и тут же за ним второй. Короткими очередями.

«Зил» снова наддал, выправился, и только тут он увидел... Далеко справа, над самой водой. Шесть, семь, восемь... Да, вроде бы не больше. Марку вертолетов он не опознал, но те были смутно знакомыми по голливудским фильмам. Что-то не самое современное и не самое большое: не «Апачи» и не «Чинуки», разумеется. Замыкающая косой ромб строя машина превратилась в оранжево-черный шарик, и он взвыл от изумления. Произошедшее было совершенно ясным, но он просто никогда в жизни не видел такого. Семь уцелевших вертолетов разом дали влево, развернувшись на них.

Дистанция была большой, километра полтора или даже два, — возможно, именно поэтому стихли автоматы сзади. Вторая вспышка! В этот раз он увидел даже всплеск: черная капсула чужой машины вошла в воду практически сразу после попадания. Чем их сбивают?

В следующее мгновение Николай понял, что дистанция сократилась уже вдвое за считанные секунды. Он дико заорал, причем без слов, водитель тут же понял, и за кажущиеся вечностью секунды пошедший юзом грузовик сбросил скорость и встал.

— Взво-од! — хрипло завопил он. Автоматы уже били из кузова

позади такими же короткими очередями: сначала штуки три, потом больше. Он рывком, в несколько длиннющих прыжков добежал до отбойника, перегнулся над ним, отлично зная, что тот ни от чего не защищает. Передернул затвор, перекинул трясущимися пальцами предохранитель на одно деление. Поймал набегающую группу машин в прицел.

— Огонь! Огонь!

Они стреляли уже все, до вертолетов было всего несколько сотен метров вперед и десяток-другой вверх. Плотный упертый в плечо приклад все равно бился, как лошадь. Сколько раз он стрелял из

автомата в людей? Раза четыре, может быть, пять или шесть, если считать уже эту войну? В любом случае это не шло ни в какое сравнение с тем, как это было теперь. Он понятия не имел, кто сидит в вертолетах: было очевидно, что в них люди, но они были не настоящими, за коконом из алюминия, бронестекла и просто брони. Прицел оказался точен не только у него, но и еще у кого-то сзади: на головном вертолете скрестились сразу несколько трасс. Николай был уверен, что по крайней мере несколько пуль пробили стекло, вертолет накренился и вошел в вираж, показав им висящий на опоре

многоствольный пулемет. Сердце на мгновение остановилось: было ясно, что это конец. Но за пулеметом никого не оказалось, и так и не открывшая огонь машина дала вверх и вправо. Его следующая очередь, невидимая в светлом небе, прошла далеко за хвостовой балкой. Пять остальных машин не повторили маневр ведущего и прошли почти точно над стоящим грузовиком. Последнему били в брюхо и в задницу всеми стволами, но ушел и он.

— Отбой...

Сложно было сказать, какая у вертолетов была скорость. Наверное, огромная, потому что сменить

магазин не успел ни один из них.

— Вернутся... — хриплым, севшим голосом сказали сзади. Николай кивнул, но вслух возразил:

— Вряд ли.

Голос у него тоже был не свой. Он прекрасно понимал, что чужим вертолетам хватит секунд, чтобы покончить с ними. Почему они не обстреляли их на ходу, на пролете? Не хотели отвлекаться на такую мелочь? Высоко в сером небе таял изогнутый спаренный инверсионный след. Что это было? Их сбили ракетами самолеты с большой дистанции? Военно-учетная специальность лейтенанта Ляхина не помогала ему ответить на этот

вопрос. Козлов бы ответил, ясное дело.

— Уходим. В кузов все.

Махнув рукой водителю, в этот раз он полез в кузов вместе со всеми. В смысле с теми, кто вылез из него. Распределил сектора наблюдения, взяв себе тот, который соответствовал его месту на жесткой и холодной скамейке. Странно, но освободившееся место в кабине не занял ни один человек. Уже когда они тронулись, Николай по очереди оглядел всех, сидящих к нему лицом или боком. Боец, который испугался. Боец, который испугался очень сильно. Боец, который испугался очень сильно, но все равно стрелял.

Вика, которая оказалась чуть ли не единственной вообще без следов пережитого на лице — пережитого вот сейчас, сию секунду. Он счел, что это плохо. Но она была контактной, что-то втолковывала сидящему рядом пацану, сидящему с вытаращенными глазами. Значит, ничего, и даже хорошо. И даже отлично. Его начал бить нервный смех, и Николай с большим трудом заставил себя молчать и не трястись. Он был здесь старше всех и по званию — как бы это само по себе ни было глупо, — и по возрасту. Если не все, то некоторые могут на полном серьезе на него рассчитывать.

— Что это была за хрень? —

спросил сбоку один из ребят постарше других.

— А?

Слышно было плохо из-за ветра, и тот же вопрос пришлось повторить еще трижды. В любом случае он понятия не имел, а высасывать ответ из пальца было глупо. Поэтому Николай отрицательно покачал головой и постарался использовать следующие минуты, чтобы хоть как-то отдохнуть. Не переставая вести при этом наблюдение за воздухом, но, во всяком случае, молча.

Километры по дамбе. Встречные машины и «единицы бронетехники»: Николай насчитал их штук двадцать и не был уверен, что сосчитал

правильно, потому что регулярно отвлекался на «посмотреть в небо». Танков не было ни одного, а вот разнообразных БМП и БТР — чуть ли не половина от прошедших. Над одной машиной на базе новомодного «Тигра» было установлено такое, что он аж изумился: антенны, антенны, антенны и какая-то здоровенная хрень в обтекаемом футляре, типа внешнего багажника, какие возят на внедорожниках в дальние путешествия «всей семьей». Блокпост перед туннелем: самый серьезный из всех, какие Николай видел до сих пор, за все время. Поэтому, что он сумел разглядеть, офицеры и бойцы здесь были двух

родов войск: и моряки, и армейцы. Морской пехоты в стране осталось настолько мало, что в Кронштадте ее не было совсем — значит, это «строевые» моряки. Причем не в черных шинелях, а в нормальных пятнистых бушлатах в две или три краски, зеленые, но разного оттенка. Но зато в черных шапках, выглядывающих из-под железа.

— Че, оттуда? — Мужик среднего возраста в капитанских погонах заглянул в кузов сам, подтянувшись на руках и вытолкнувшись вверх. — Старший кто?

— Лейтенант Ляхин... 25-я гвардейская
отдельная

мотострелковая...

— Ясно... Взводный?

— Никак нет... — Николай из всех сил старался не тупить, но получалось плохо. Голова была будто горшок. — Санинструктор роты... Приданы из состава 10-го отдельного батальона РХБЗ. Резервист.

Бойцы справа и слева покосились, но ему было уже плевать.

— Угу. Чего только не увидишь тут... Документы не надо, езжайте. Сборный пункт на проспекте Ленина вроде. Водила знает, покажет. Было бы кому, а то мало как вас...

Капитан или капитан-лейтенант утянулся обратно под обрез кузова,

кто-то из его бойцов гулко хлопнул открытой ладонью по водительской двери, и «ЗиЛ» начал осторожно лавировать между «ежами» и бетонными параллелепипедами. Неделю назад про такую картину каждый из них подумал бы, что это «снимают кино про войну». Теперь, хотя все это и выглядело так искусственно, абстрагироваться не получалось. То, что это все по-настоящему, понял уже каждый из них.

Сам туннель выглядел привычно: выкрашенная в желтоватый цвет труба. Даже освещение еще горело, хотя, по оценке Николая, на одну лампу из

трех обычных. И после туннеля все было привычным. Пирамиды из разноцветных грузовых контейнеров под здоровенным козловым краном паромно-перегрузочного комплекса, старый торпедный катер на постаменте, безлюдная автозаправка для грузовиков. Безлюдные улицы, куда они свернули с дуги шоссе развязки. Столбы дыма по всему городу, по всему горизонту спереди. Кронштадтское шоссе оказалось далеко не пустым: непосредственно на развязку смотрели стволы сразу нескольких танков. Сразу захотелось сжаться и стать меньше ростом: в отношении того, чего стоит более-менее современный танк на войне, в

поле, все уже произвели переоценку ценностей. Еще какую. Самую кардинальную.

Первого регулировщика они увидели на перекрестке с крупной улицей, названия которой Николай не знал. Белая каска с красной полосой и крупной красной звездой спереди; белые краги на руках: такое он последний раз видел еще в детстве. Второй регулировщик был сразу за цепочкой прудов, известных как Кронверкский канал. От виденного в детстве он отличался тем, что держал возле уха коробку «Уоки-токи» и размахивал полосатой палочкой, как арбатский гайшник.

— Влево, влево!

— Да какое влево, ты чего! Я третий раз за день еду!

— Охренел? Сам не слышишь, что ли?

В первый момент Николай решил, что это «фигура речи»: мол, «меня слушайся!». Однако, когда слух пробился через холостые обороты остановившегося «ЗиЛа», он понял.

— Эй... Рядовой Новослободский!

— Я!

— Исполнять.

— Так точно!

Водитель всунулся обратно в свое окно, и через секунду двигатель грузовика выдал в атмосферу положенные звуки, соответствующие

троганию с места на первой передаче. Повинуясь нетерпеливым жестам регулировщика, они свернули на Зосимова и уже через квартал уткнулись в еще более ненормальную фигуру — морского офицера с двухцветной повязкой на рукаве. Красно-бело-красной, как флаг Латвии, только там скорее бордовый, а здесь алый.

— Стоять!

На плече у офицера был автомат, а звездочек на нем было много, пусть и таких же маленьких. Возмущаться Николаю в голову не пришло.

— Товарищ... капитан-лейтенант! Мы к сборному пункту... Направляемся. 25-я и 138-я бригады,

одиночки.

Его сумбурный доклад моряка ничем не удивил.

— Полминуты, — проинформировал он. — Если через полминуты вы не в убежище — записываю вас на хрен в свою книжечку. Лейтенант, ведите людей! Вас же сожгут!

Сирены были уже повсеместно, и Николай начал командовать так быстро и четко, как никогда в жизни. Через полминуты грузовик был под стеной крепкого трехэтажного дома явно дореволюционной постройки, а все они — на земле.

— Убежище туда! Под арку, затем сто метров направо!

Слова моряка полностью совпадали с теми надписями, которые они засекали на бегу. Белые стрелочки с красными буквами: «УБЕЖИЩЕ».

— Об-балдеть...

Бегущий рядом парень не успел прокомментировать, что его так поразило: то, что таблички были явно свежими, или что-то более принципиальное. Сзади глухо ухнуло. Так, что содрогнулась земля, а в доме с лязгом лопнули окна сразу в нескольких рамах. Стекланный звон дал по ушам хуже грохота, и все на бегу шарахнулись вбок.

— Быстрее!

Николай задержался,

оглядываясь на своих. Все бежали в нужном направлении, но бежали с разной скоростью, и даже на ста с небольшим метрах сильно растянулись. Полминуты — это что было, «подлетное время» после обнаружения? Это ракетный удар? Или бомбовый?

— Да мать же твою! Бегите!

Капитан-лейтенант нагонял их огромными прыжками: так бегут в атаку. Сам Николай тоже наддал, и в косую подвальную дверь они ввалились уже всей толпой: он, моряк и трое отставших ребят. Все были обвешаны железом и еще зацепились друг за друга, едва не устроив «кучу-малу» на стертых

узких ступенях. Когда они были уже в тамбуре, ухнуло еще ближе, и электролампочка над головой, тонко пискнув, погасла: колба уцелела, но не выдержала спираль. Несколько секунд он моргал от поднявшейся в воздух пыли, смутно ориентируясь на матюки капитан-лейтенанта, который возился впереди с металлическими рычагами запора. Потом впереди осветился полукруг просвета, и оттуда потянуло сыростью.

— Уфф, успели...

Тот же моряк запер овальную дверь за спинами толпящихся на бетонном пятачке людей, и сразу стало тише. В воздухе висела пыль,

пахло аммиаком и застоявшейся водой. Хныкало несколько детей. Постепенно глаза привыкли к тусклому синеватому свету, и Николай перевел взгляд на то, что было теперь видно. Два десятка длинных скамей, на них сколько-то людей. Позади довольно высокие баки, и все, стена, от которой, правда, отходит пара темных ниш. То ли запасные выходы, то ли туалеты, то ли и то и другое.

Люди сидели на скамьях не в затылок друг другу, как в кинотеатрах, а лицами с одной скамьи на другую. Так сидят в электричках или, например, в залах ожидания на вокзале. Было очевидно,

что людей не больно-то много: больше трети мест были пустыми. Учитывая то, что каждые несколько секунд в ноги и в перепонки довольно ощутимо толкало будто невидимым прессом, это казалось по меньшей мере странным.

— Так, все здесь?

Спереди отозвалось несколько уже знакомых голосов: Вика, Костя. Парень с расцарапанной мордой; другой парень, который так испугался тогда, что не стал стрелять. Остальные промолчали: кто-то кивнул, кто-то нет, просто посмотрел. Николай прошел между рядами, считая своих людей по головам. Двоим он в полумраке

наступил на ноги, и оба зашипели без слов. За одного зацепился антабкой, и пришлось тратить время, чтобы распутаться.

— Уши болят, — пожаловался парень в очках. Очки были круглые, смешные, «под Леннона». Очкарикам трудно на войне. Есть ли у него запасные?

— Продувать умеешь?

Парень отрицательно покачал головой, и Николай объяснил. Как на занятиях по отоларингологии, даже забавно.

— Я не буду пить сок...

— Что?

Это был мальчик лет четырех. Он сидел рядом с женщиной

среднего возраста, которая скорее была молодой бабушкой, чем мамой, и непрерывно повторял одну и ту же фразу.

— Я не буду пить сок...

Говорил он негромко — вот почему Николай не слышал его раньше, но непрерывно, раз за разом.

— Я не буду пить сок... Я не буду пить сок...

Иногда мальчик подносил к глазам руки, но тут же опускал их обратно. Поймать его взгляд было невозможно. Остановившийся над ним и его бабушкой Николай почему-то оцепенел.

— Я не буду пить сок... Я не буду пить сок...

Сидевший рядом боец встал, покосился вбок, снова перевел взгляд на Николая, поднялся и молча ушел в сторону. Продвинулся вдоль полупустого ряда, прошел по узкому коридорчику в дальний угол убежища, снова сел там, уже почти невидимый.

Мальчик все так же произносил эту фразу, одну и ту же. Он не обращал внимания на остановившегося прямо перед ним высокого человека в военной форме и с оружием. Зато обратила его бабушка.

— Вы врач? — очень спокойным голосом спросила она.

— Да, — удивленно отозвался

Николай. Такого он не ожидал. Эмблема на петлицах у него была редкая: РХБЗ, — знак «*biohazard*» на фоне струй фонтана и почему-то в шестиграннике. А не медицинская «чаша со змеей».

— Третий день уже вот так, — так же спокойно объяснила женщина.

— А как вы догадались?

— В смысле про врача?

Похожи...

Он не знал, что сказать, и только кивнул.

— А это все время вот. Третий день, как я уже сказала.

Спокойствие женщины выглядело страшновато. Николай

постарался тоже успокоиться и включить профессионализм. Это — то, что происходило перед ним — было мелочью, не имеющей отношения к нему теперешнему. Этим должны заниматься профессионалы, а не он.

— Раньше соком утешали?

— Угу...

С потолка сыпались бетонные пылинки. В уши продолжало толкать воздухом. Дышать становилось все труднее. Он покачал головой. Что же, и так вот бывает. Когда ребенку было плохо или обидно, его утешали вкусненьким. Иногда он отказывался, чтобы все поняли, как перед ним виноваты... И вот никакого сока нет,

а привычные слова не помогают... И все плохо.

Он кивнул несчастной женщине и пошел дальше через пространство, частично заполненное людьми разного возраста, провожающими его взглядами. Пожилые мужчины, пожилые женщины, молодые женщины, подростки обоего пола. Еще один ребенок, опять мальчик схожего возраста, с мамой лет двадцати пяти. Этот просто хнычет, тихо и жалобно. Устало. Мама слышала произошедший минуту назад диалог, уловила, что он врач. Как и первая женщина, объяснила сама. Ребенок не понимает. Кронштадт бомбят всего в четвертый

раз. В первый не считается, потому что тогда ударили только по кораблям в гавани. Про жертвы среди населения было известно мало, но они явно были: в очередях за продуктами называли конкретные адреса, по которым находились разрушенные дома. Вовсе не все оружие, которым город наказывали за нахождение в нем военных моряков, было «высокоточным». Лично она видела только одну раненую — и ту не осколками, а выбитыми стеклами. Почему-то новые пластиковые рамы держали стекла гораздо хуже, чем деревянные, видевшие еще ту войну. Даже если клеивать их бумажными или

пластиковыми лентами. После второй бомбежки она начала уходить в убежище — каждый раз было недолго, а не как сейчас... А в подвале ребенок все время плачет, и сил уже нет успокаивать.

Николай наклонился, осторожно взял ребенка за обе ручки, попытался заговорить привычным врачебным голосом, каким столько лет говорил с больными людьми. И тут же хныканье — и так-то ставшее громче, когда ребенок понял, что говорят о нем, — перешло в настоящий плач. Говорить ребенок умел и плакал со словами — и слова эти были настолько просты, что от них чуть не остановилось сердце.

Ребенку было плохо и страшно. Он не хотел часами сидеть в полумраке, когда снаружи воют сирены и трясет и пыль лезет в глаза. Он хотел посмотреть мультфильм «Смешарики», а потом играть на мамином планшете и чтобы мама готовила вкусное, а не как сейчас. И печенье он тоже хочет, а мама не дает. Ребенок знал, что если некоторое время хныкать, то мама в конце концов обязательно сделает все, как он хочет, но вот уже который день мама все время злая и больше его не любит, и он не понимает почему... Но что Николаю понравилось — если во всем этом могло понравиться хоть что-то, — это то, что к концу

своего рассказа ребенок не разрыдался, как должен был, а разозлился. Заявив сидящему перед ним на корточках военному, что тот страшный и от него плохо пахнет. И потребовав, чтобы тот ушел от него и мамы! Криво улыбнувшись обоим, Николай сделал, как сказано. Посоветовав пацану и дальше защищать маму. И постаравшись не выразить даже в этом полумраке смущения на лице: да, от него действительно плохо пахло. И он почти наверняка мог показаться страшным: умершие на его руках люди будто глядели сейчас вокруг из-за его плеча, стоя сзади него.

Еще экземпляр: девушка, возле

которой вообще никто не сидит, ни рядом, ни напротив. Длинные волосы, вроде бы каштановые, от пыли их защищает светлый берет. Очень качественная и недешевая одежда. Очень значительное и умное лицо. Таких обычно можно встретить в центре Питера на пути куда-нибудь, куда тебя не пустят. Причем вовсе не обязательно на пути из бутика в шейпинг-клуб. Может быть, из офиса в дорогой ресторан со входом «по заказу». Посмотрела на приближающегося с надменностью.

— Как дела? — мрачно поинтересовался Николай.

— Еще один псих, — брезгливо ответила девушка, сморщила нос и

постаралась отвернуться.

— Это почему это псих? — не понял он, даже не обидевшись. Ну да, побегала бы ты под таким грузом, да столько времени. И под железным, и под психологическим. От тебя тоже не «Опиумом» бы пахло.

— Да вы тут вообще все психи, — чуть более спокойным голосом ответствовала девушка. Формулировка была почти по Фрейду, а интонации Николай узнал: слышал такие уже, и много раз. От людей, которым мало того, что они считают быдлом всех окружающих. Им нужно еще, чтобы те с этим согласились. Процесс объяснения этого очевидного тезиса очередным

недоумкам — он сам по себе удовольствие.

— Играете тут непонятно во что... Все вместе...

Он молча ждал продолжения: опять же потому, что знал, как это бывает. Проходил. Первые раз двадцать бывало удивительно больно. Выиграть в такую игру невозможно, но ему хотелось оценить этот конкретный случай. В данных нетрадиционных обстоятельствах.

— Ну? Чего вылупился? Иди отсюда, придурок!

Он улыбнулся, и девушку это резко и тяжело взбесило. Все же она была чуть постарше, чем ему показалось сначала. Просто из-за

ухоженности. Не 26–27 лет, а все 30, наверное. Но все равно еще больше «девушка», чем женщина и тем более «тетка». Не беременела, не рожала.

Девушка четко и ясно объяснила Николаю, что он быдло, хам и дерьмо, вместе со своей формой, звездочками на погонах, оружием в руках и вонью от всего этого, вместе взятого. Он слушал и только кивал в особенно выразительных местах. Это все было «снаружи». Внутри же было то, что девушка полагала, что все окружающее ее сейчас — инсценировка. Причем поймите правильно, это не был шизофренический бред в стиле «вы все сговорились, и меня

разыгрываете/надо мной
издеваетесь». Дело было интереснее.
Девушка полагала, что никакой
войны нет, а есть огромная
провокация ФСБ и армейских
спецслужб. Привлекших огромные
силы и средства: тысячи даже не
ряженных, а самых настоящих
военных, десятки самолетов и
вертолетов, десятки телеканалов для
того, чтобы оболванить народ еще
больше. Внушить ему, что на них
напали, хотя совершенно ясно, что
это невозможная ерунда, бред! И все
для того, чтобы уже окончательно
установить в стране диктатуру. И вот
теперь огромное число людей в этом
активно участвуют, а остальные в это

верят, потому что идиоты и не могут провести банальнейший анализ. Что мозгов не хватает, это понятно. Но хоть животных инстинктов должно же на что-то хватить? Ну нельзя же так совсем уж! Сразу же включаться в игру, с первого же посыла чужих дядей! Ну надо же и своей головой немного думать, размышлять: зачем Путин все это делает? Зачем он это организовал? Для чего ему и его людям все это нужно! И ответ тут же станет ясным, даже тупому!

— А бомбежки? — ровным голосом поинтересовался Николай, когда девушка впервые дала паузу. Голос у нее снова перестал быть живым — удовольствием

заканчивалось. Кончалось, если так можно было скаламбурить. Теперь в нем опять было по нулям человечности: сплошная брезгливость, сплошное превосходство. Но, судя по всему, оргазма она все же не достигла, хотя и такие случаи он видал.

Бомбежки, по словам девушки, тоже были не настоящие. В смысле настоящие, реальные, но не вражеские. Свои. Вокруг городов то ли подрывали заряды, чтобы создать видимость вражеских ударов, то ли даже сами иногда бросали пару бомб на пустыри и дома. Для придания хоть какой-то достоверности происходящему.

Желчь подступила к самому горлу и нехотя начала спускаться назад. Достоверности ей не хватает, суке... Интересно, когда ее придут насиловать, всю такую особенную, она тоже скажет себе, что это наемные актеры, изображающие оболваненному населению ужасы якобы вражеской оккупации? Ну-ну...

Он пожал плечами, смачно плюнул на пол перед красавицей, едва не попав на подол пальто, и развернулся, чтобы уйти.

— Вытри!

Вот этого он не ожидал.

— Вытри, я сказала!

Немедленно!

Николай представил себе, как из этой красивой, умной, властной девушки течет кровь. В кино показывают не по-настоящему, упрощенно. При тяжелом ранении почти вся кровь может вытечь из человека за считанные секунды. Несмотря на полумрак, он представил себе это очень ярко и даже на мгновение перестал дышать. Сделать или нет? Если он молча уйдет, то это будет в глазах девки яркой победой: быдло бежало, вжав голову в плечи. Но выиграть у таких невозможно в принципе — просто забываешь об этом иногда. О том, что они всегда побеждают.

— Не надо, товарищ лейтенант.

Он обернулся и столкнулся глазами со своими ребятами: Костей и Викой. Интересно, сколько они здесь уже стоят... Интересно, хватит ли им ума не вступать в разговор, ничего не пытаться объяснить.

— Да вы что, бойцы? — сказал он вслух. — Я даже не собирался, чего вы?

Голос прозвучал убедительно. Или нет? В темноте, в дальнем углу, лязгнул затвор.

— Лейтенант!

Николай нехотя обернулся, переключаться с происходящего не хотелось.

— Лейтенант, сюда!

С этим было ничего не поделать.

Старшему по званию не скажешь «подожди». Отвернувшись от обзывающей его в спину теми же очевидными словами девушки, он довольно быстро пробрался между рядами к моряку. Тот неожиданно оказался бледен.

— Звали, товарищ капитан-лейтенант?

— Тише. Ты слышишь?

— Что?

Бомбежка — а может быть, обстрел — или кончились, или стихли по крайней мере вдвое. Что-то еще бумкало вдали, это чувствовалось, но по ушам уже не било.

— В смысле можно выходить?

— Не то! Вот! Слышишь теперь?

Николай открыл рот и тут же снова закрыл, успев за это время зажать пальцами ноздри и несильно дунуть сам в себя. Да, теперь он тоже слышал.

— Твою же мать, — негромко и отчетливо произнесли сзади.

Это были уже не разрывы. Это стреляли. Довольно близко, раз слышно через две двери.

— Так... Взвод, ко мне!

Ряд светлых лиц разного возраста: младший сержант и оба ефрейтора впереди. Моряк, тоже почему-то ждущий его решения. Чем он там командовал у себя на флоте? Складом? Или преподавал всю

жизнь?

— Приготовиться к выходу наружу... Приготовиться к бою! Командир первого отделения!

— Я.

— Выделить головной дозор, три человека.

— Есть... Ефрейтор Кац, рядовые... Ты и ты... Выходите первыми.

— Оружие, боеприпасы у всех?..

Два часа назад, когда он получил эту «команду вышедших в распоряжение», этот вопрос он не задал. По магазину почти все расстреляли по тем вертолетам. Сколько у них осталось? Это они с Костей и Викой вышли из

спокойного, в общем, места, где было полно оставленных при отходе боеприпасов. Как там было у некоторых других, можно было только догадываться.

Все ответили вразнобой, но положительно. По сколько-то было пока у всех. Один боец рядом клацнул зубами и что-то неразборчиво буркнул. Другой негромко, но несколько раз подряд проговорил «ой, мамочка» и «ой, пожалуйста, ну не надо». Третий шепотом, чуть нараспев произнес первые строчки «Отче наш». Дальше, позади, Николаю слышалось: «Ща вам будет... Ща поквитаемся, суки», — но на все это он ничего не

сказал, потому что было не до того.

— Открывайте, выходим. Головной, выходите во двор, останавливаетесь и слушаете. Ушки на макушке держать. Остальные, отстаем на полминуты — и за ними. Ясно?

— Так точно.

— Пошли.

Николай первым дослал патрон. Или вторым, если вспомнить лязг, который издало оружие моряка. Остальные сделали то же самое с задержкой в секунду. Лица напряженные. Стрельба не прекращалась. Очень близко. Когда открыли внутреннюю дверь, из приглушенной она стала явной. Когда

моряк со скрипом провернул запоры внешней, стало понятно, что она совсем близко. Не слишком густая, но почти непрерывная. Одиночные, и короткие, и длинные очереди. Половина — привычные 5,45 «калашниковых», половина звучала совершенно иначе, как-то *шуршаще*. Николай никогда такого не слышал, и это ему очень-очень не понравилось.

— Пошли...

Головной дозор ушел вверх, и через положенные полминуты, не дождавшись ничего внезапного, они вытянулись за ним. Воздух здесь был свежим, но наслаждаться было некогда: одна из очередей как-то хрипло-шуршаще простучала

буквально за соседним домом, в сотне метров. Ей ответила вторая такая же, в ответ с другой стороны глухо стукнули несколько одиночных подряд. На «мы гоняем мародеров» это не было похоже совершенно.

Николай обернулся и поймал напряженные взгляды моряка и командиров обоих своих отделений. Ну, он здесь старший, так? Спрашивать даже себя самого не было нужды. Ему уже приходилось быть старшим в бою. Тогда у них был автомат и пистолет на двоих, но он и сам был на много лет моложе и глупее. Теперь жизнь дала ему под начало почти взвод, состоящий из людей с оружием. И даже сколько-то

обстрелянных. То, что он врач-терапевт, не имело в этих обстоятельствах никакого значения.

— Слушай мою команду!

Все это он продумал даже не за секунду — вообще ни за сколько. Приближающаяся стрельба заняла его целиком.

— Первое отделение — по правой стене, второе — за мной, прямо. Действовать по обстановке. Команды на открытие огня не ждать. Капитан-лейтенант?

— Я с вами.

— Вперед!

Полтора десятка человек, разбившись на две неравные группы, потекли по засаженному лысыми

кустами двору. Арка приближалась скачками, очень быстро. В бою солдат пробегает стометровку за считанные секунды. Или так ему кажется.

Гулко ударило совсем впереди, и только тут он впервые услышал голоса. Сначала свои, потом чужие. Междометия на двух языках: родные «свои», то известные, то непонятные сочетания букв из латинского алфавита. Но акцент знакомый, что есть, то есть.

Движением ладони Николай прижал свое отделение к земле, прижался сам, вдавившись телом в узкий слой снега поверх замерзшей дворовой грязи между кустами.

Серые фигуры цепочкой проскользнули мимо арки, одна за другой. Как привидения. Десяток, не больше. Он выждал сколько-то неслышимых за шумом в ушах секунд и рывком поднялся на ноги. Не подавая уже никакой команды, бросился вперед. Торопясь, проскочил остающиеся десятки метров, осторожно выглянул из исчербленной временем арки сначала в одну сторону, потом в другую. Как пешеход, собирающийся перебежать дорогу в неположенном месте. Столкнулся взглядом с оказавшимся с ним бок о бок бойцом и отдал приказ движением бровей. Тому совершенно не казалось

смешно, потому что было очевидно — это по-настоящему. Это могут быть последние секунды жизни каждого. Мягко отступил вбок, давая место другим. Уходя от прикрытия стены на самое страшное место, на середину улицы, но покупая этим все, что можно. Мотнул кистью руки без единого звука. Вот сейчас они обернутся, вот сейчас...

Рядом встали уже четыре человека, через полсекунды пять. Николай ясно, различал детали формы бегущих от них людей. Темно-серый камуфляж, незнакомые силуэты касок с чем-то, навешенным на них: переговорниками, держателями щитков? Сзади это не

было понятно. Еще секунда. На правом фланге встала Вика, и Николай испытал короткую вспышку удовлетворения: эта девочка стреляла как бы не лучше всех их. Семьдесят пять или сто метров, пока не больше. Фигуры удалялись: даже при беге трусцой их колонна выигрывала по сколько-то метров каждую секунду. Двое замыкающих обернулись одновременно, почувствовав буравящие их взгляды прямо затылками. Не скомандовав ничего, не выкрикнув ни одного лишнего слова и выдохнув воздух из легких до упора, лейтенант Ляхин прожал спуск.

Мысли выключились совсем. За

то растянутое мгновение, пока враги разворачивались, поднимая оружие, открывали рты, чтобы крикнуть, он успел выпустить две короткие очереди. Не в них, в голову колонны. На дистанции в 100 метров стрельба одиночными имела смысл только для профессионалов. Они ими не были и положились на то, что позволяло им гениальное творение бывшего сержанта бронетанковых войск, дай ему Бог всяческого здоровья. Пол секунды — две очереди по 3—4 патрона; вторые полсекунды — еще столько же. Их было пятеро в ряд; будь у них время, Николай бы построил правильную шеренгу, как в эпоху мушкетного огня. Пять

«АК-74» смели половину чужой цепочки разом, одним движением невидимого гигантского молота. Поразив выбранного им целью врага, Николай хладнокровно и даже совершенно равнодушно перевел прицел на следующего. Рядом вопили свои, стреляя и стреляя. Упало еще несколько фигур, сияющий огонь в руках одной из них дотянулся уже до них самих, и боец рядом молча опрокинулся назад, прервав свою очередь.

— Ва!..

Он не понял, что это значит, но уловил не только интонацию — уловил чужой взгляд, нацеленный на себя сзади, спокойный,

прицеливающийся. Кувыркнулся влево, к дальней стене, отлично понимая, что не успевает. Пули выбили жгучие оранжевые искры из асфальта вокруг него, среди его людей. Все еще выбирающиеся из-под арки ребята попали под идущий слева огонь, и их повалило в огромную кучу, сразу нескольких, еще не сориентировавшихся, еще не сделавших ничего.

Мысли так и не включились — и Николай, бешеным длинным движением разворачиваясь к новой угрозе, увидел все не глазами, а сразу всем телом, как чувствуют свет растения. Прошедшая через дальнюю щель между дворами часть первого

отделения вышла «на ту сторону» и добивала ополовиненную ими группу с ближней дистанции: теперь им всем было чем заняться. Но вторая группа, такая же или меньшая числом, поймала их самих со спины. И теперь и те, и другие в этом «слоеном пироге» были заняты одним и тем же: достреливали магазины или меняли их на полные, ожидая всем нутром свою последнюю, самую оглушающую, самую главную пулю. На ста метрах «АК-74» и «М-16» стоят друг друга: на меньшей дистанции «калашников» имеет все преимущества. Трясущимися руками Николай выщелкнул из ножен

тяжелый штык-нож, со второй попытки примкнул. Сбоку мелькнул оскаленный рот моряка, который бил из своего автомата, как заведенный, выпуская одну короткую очередь за другой. Он и прикрыл его и остальных. К моменту, когда в стоящего между взлетающими фонтанчиками снега и асфальтовых крошек офицера попали, Николай и его люди были готовы.

Так же без звука он распрямился и погнал себя вперед. Или не «без звука», потому что на бегу он подвывал про себя от ужаса перед тем, что сейчас будет. Размытые фигуры поднялись слева, сзади: их было еще много, но два мгновенно

оборвавшихся вопля позади свидетельствовали о понятном и так: математика в условиях боя на средней дистанции меняется не просто быстро. Мгновенно.

Он услышал чужие слова, увидел поднимающихся навстречу. Почему-то они были ближе, чем показалось сначала. Одна граната рванула точно между ними, на разделяющих их трех десятках метров. Вспышка была маленькой, как апельсин; осколки он услышал, но все они прошли мимо. Несколько секунд бега с пальцем на спусковом крючке, через огонь, ровно как было в молодости, тысячу лет назад. Опрокидывающийся человек в сером, взмахнувший

руками, как громадная птица. Удар в ноги, заставивший его подпрыгнуть на бегу, понимание того, что падение означает однозначную немедленную смерть. Вспышка точно в лицо и вой вокруг, слышный даже через волокно шлема. Длинный выпад в чужое тело и тут же разворот. Жуткий, оглушающий удар в голову справа, заставивший зазвенеть весь мир. Подбородочный ремень выдержал, ссадив всю кожу, но удержав шлем на месте. Полуоглушенный Николай, успев развернуться, кольнул оказавшийся перед ним чужой силуэт вслепую, совсем не глубоко, куда-то в самый верх фигуры. Но тот повалился с воплем, освободив

воздух перед собой.

— Лей...

Он развернулся снова, нащупал спусковую скобу. Умудрился удержаться на ногах, когда кувыркающиеся люди подкатились, как жуткая рычащая куча. Выпустил чуть ли не треть магазина во встающего победителя, изрешетив его длинной очередью насквозь. «Калашников» пробивает все! Второй, стоящий, уже навел винтовку на него. Метров пять дистанции, не успеть ни развернуться, ни уклониться. Ну что, все? Бесшумная вспышка, еще один удар в шлем, еще тяжелее первого, — и тут же все пространство вокруг

стоящего заполняется кровяной взвесью. Занявшей сразу кубометры, дважды взлетевшей и дважды опавшей и тут же кончившейся, осевшей на землю вместе с чужаком.

— Лейтенант! А-а-а...

Николай уколол шевелящегося прямо у него под ногами человека в куртке чужого цвета одним тычком в поясницу, прямо через цепочку карманов и кармашков. Тот позвериному дико всхрапнул в землю под собой и забил ногами, как паук. Шаг назад — всюду убитые, умирающие, зовущие на помощь на двух языках раненые. Кровь на ладонях, на шее — она чья? Не может же быть, чтобы его, правда?

— Помоги... Мама, мамочка!

Двое стоящих среди разбросанных тел — свои: тот же Костя и незнакомый парень с полностью разбитым лицом и без шлема.

Подбегающие шаги, короткий взгляд вверх прицела: это Петрова. Лицо... Где-то он уже видел такое выражение на женском лице, очень давно. Многие годы назад. Уже успел забыть.

— Петрова... — хрипло сказал он вслух. — Ты нас всех спасла...

Еще бегущие шаги, всего двое, из того же первого отделения. Все, кто справился.

— Как там?

— Там все...

Он только кивнул, продолжая оглядывать окружающее. Четверо раненых — плохо, четверо целых или почти целых, считая его самого. Очереди за крупным краснокирпичным домом, отделяющим «их» двор от дальнего. Такие же шуршащие, как и эти, значит, это и есть знаменитая «М-16». Мог бы и раньше осознать, не надо было иметь много ума. И совсем не надо было его иметь, чтобы пойти на это, на ближний бой с профессионалами. Второй раз в жизни. Несмотря на все данные себе обещания. Несмотря на многолетние ночные кошмары после первого раза,

не выбиваемые из головы ничем.

Николая трясло, причем трясло онемевшего, бесчувственного, как пьяного в ледяной воде.

— Э-э-х!

Костя наносит тяжелый, страшный удар вниз перед собой, в лежащего. Высокий, красивый, зрелый мужик в разорванном бронежилете успевает ухватить ствол «АК» обеими окровавленными ладонями, но удержать или увести его в сторону уже не может.

— Петрова, проверь моряка! Рядовой! Да, ты! Бери раненого.

Рядовой смотрит как баран, не понимая ничего. У этого штык не примкнут, но, как он дрался,

Николай видел. Лучше бы не видел. Лучше бы не было этого ничего. Он сделал ровно то, чего поклялся не делать больше никогда. Пошел вперед, потому что остаться означало смерть. И все равно проиграл, потому что за минуту схватки они потеряли в полтора раза больше людей, чем взяли за жизни убитых. По его вине.

— Этого живьем?

— Нет.

Их было слишком мало для того, чтобы унести и своих раненых. Если бы не Вика... Если бы она не догадалась остаться позади, ведя точный огонь одиночными по их ходу... Было совершенно ясно, что

все они остались бы здесь: и злые мальчишки, и он сам.

— А-а! Мама!.. Ну ма-ма-а!.. А-а...

Раненый плакал даже не просто от боли — от страдания. Промедол в бедро, через штанину. Жгут не нужен, нужно... Он забыл, что нужно, и сделал это просто руками, без участия головы. Стрельба приближалась снова, это отвлекало еще больше. Что все это означает, черт его?.. Для вертолетного десанта — мало, для разведгруппы — очень много. Для полноценного морского десанта... Это в Кронштадт-то?

Еще один тяжелораненый:
двойное огнестрельное...

Проникающее живота спереди... Естественно, проникающее, какое же еще? Шоковый. Куда его транспортировать? Как?

— Товарищ лейтенант, мы готовы.

— Сейчас.

— Товарищ лейтенант!

Голос был такой, что он все же обернулся. Бегущие фигуры на дальнем конце улицы, как в тоннеле. Черные, значит, свои моряки. Или не значит. Одна фигура падает, катится и застывает без движения. И это все без звука. Николай чуть повернул голову, но так и не услышал с той стороны ничего. Вытекающая из уха кровь свернулась и забила слух с

правой стороны почти намертво. Легко отделался — если бы потерял сознание или даже ориентацию на секунду, то все. И это было бы облегчением, вот что здесь самое страшное.

Пульс под рукой вытянулся в нитку, «узелки» наполнения на ней стали реже, а потом ушли совсем. Через секунду раненый перестал дышать. Еще один. Который уже по счету за эти дни.

— Все, уходим.

— К подвалу?

— Нет, вперед и вправо.

Подхватив трех тяжелораненых на руки, четверо обвешанных оружием, покрытых копотью и

засыхающей кровью людей поковыляли «вперед и вправо». Куда-то к центру города, где сплошные военные таблички у ворот. Где наверняка будут свои. Николай все больше склонялся к тому, что это действительно аэромобильный десант. Часть вертолетов посбивали, причем парочку даже на его глазах, вот силы и сравнялись чуточку... Есть ли в городе броня, если не считать закопанных на сходе с кольцевой дороги машин? Если да, она раскатает их в блин. Если нет... Курсанты и срочники понесут в городе потери, которые в разы превысят... То, что...

Думать было почти невозможно:

не хватало кислорода, все сжирали мышцы. Думалось только урывками, кусками образов. Хотелось бросить оружие, по крайней мере чужое. Хотелось сбросить дважды за минуту спасший ему жизнь шлем. Кто бы мог подумать: не тонущая в воде хрень из пластикового волокна — и выдержала касательный удар малокалиберной пули — 5,56 мм, основной калибр натовской стрелковки. А так бы ему четверть головы оторвало, забрызгало бы мостовую малоценными докторскими мозгами...

— Сюда, в проход...

Сил не было даже кивнуть: раненый становился тяжелее с

каждым десятком шагов, и начала мешать царапнутая нога. Последнюю минуту Николай уже рычал: так было хотя бы чуточку легче переставлять ноги под страшным грузом. Если война закончится... Когда-нибудь... Если он будет еще жив... В жизни не поднимет ничего, тяжелее шпателя... Будет отдыхать. Или, наоборот, наймется на стройку таскать мешки с цементом. Как в молодости. По тридцать килограммов, по две штуки разом. Вверх по лестнице, с песнями!..

Они ушли с простреливаемого пространства как раз вовремя: через считанные минуты в район обеих

схваток подошла следующая взводная группа из состава того же 4-го эскадрона 73-го кавалерийского полка 82-й воздушно-десантной дивизии армии США. Так же как и большинство остальных групп, эта понесла потери еще на подходе к зоне высадки, причем неожиданно тяжелые. Командир их эскадрона «Гром с неба», 73-го кавалерийского, пропал без вести, и в эфире уже мелькнуло, что его машина была сбита не зенитной ракетой, как большинство остальных потерянных машин. Ее сбил русский истребитель. Первый лейтенант подумал, что если это было правдой, то это имело без преувеличения

огромное значение. Даже один современный истребитель с опытным экипажем из одного или двух человек может на час изолировать этот чертов остров, русскую цитадель. На тот же час соответственно заблокировав все западные подходы ко второй русской столице...

Головной дозор рассыпался, и через секунду солдаты начали сигналить, подзывая остальных к себе. Бег по краю широкого тротуара был опасен: каждое зияющее окно впереди могло таить в себе стрелка. А вот и доказательство — тело под ногами; остановившийся на секунду капрал проверяет шею лежащего и

тут же разгибается и бежит дальше. Еще несколько тел впереди, сразу много. Очень много. Это то, что им показали «картинкой сверху», и во что он не поверил. А потом их собственный дрон сшибли, и стало невозможным получить подтверждение. Значит, по старинке, ногами.

Головной дозор снова уходит вперед, и у них появляется время оглядеться. Тел больше дюжины, и на первый взгляд две трети из них — русские солдаты. На этот раз кадровые, в зеленом двуцветном камуфляже, в современных общевойсковых шлемах, со штурмовыми винтовками. О,

господи... Первый лейтенант увидел, как рвет его людей, и едва не вытошнил всю свою желчь сам. Здесь дошло до ближнего боя... У двоих убитых русских — примкнутые штыки, один из них залит черной кровью с головы до ног: этот добрался до кого-то из его ребят. Или до нескольких. Оружия маловато, если считать оружие убитых русских. Матово блестящие лужи и лужицы под ногами, растоптанные гильзы, обрывки русских индпакетов. Ага, теперь ясно, что победители здесь все-таки были. И ясно, кто ими стал. Кадровые. Оказались в большинстве, реализовали преимущество в числе... Понятные слова, не передающие

реальность даже отдаленно.

Снова машут спереди, и они снова бегут вперед. Еще несколько тел — убитые на сближении. Русский младший офицер в морской форме, с измятым пулей «калашниковым» в руках, убит двумя выстрелами в лицо. Русский мальчик в том же общевойсковом обмундировании: у этого нет видимых ранений, но он тоже мертв. Еще двое убитых прямо перед выездом из двора. Один из них умер не сразу, пытался ползти по заваленному охапками стреляных гильз снегу: да, вот здесь стреляли много. Не вызывает сомнения то, что русские войска оказывают более

серьезное сопротивление, чем это ожидалось. Компенсируемое пока всеми запланированными факторами, вместе взятыми: техническим превосходством, разведкой, действием «невоенных факторов». Но расскажите это тем, кто не дожил до чтения восхвалений своего героизма в городских газетах, написанных на родном, и даже на чужом языке...

Еще одна группа убитых, в таком же беспорядке, друг на друге. Здесь будто играли в «Короля на холме», но с оружием в руках. Но здесь было поменьше и победителей, и побежденных.

— Смотрите, сэр! Его же явно

добили! Добили раненого! Ублюдки!

— Спокойнее, капрал. Мы тоже добиваем раненых. Все добивают раненых после ближнего боя, это почти закон.

— Но, сэр!

— Я сказал, спокойнее! Мы несем им демократию и гребаные права человека, но на этом и заканчивается вся разница... Головному звену — «стой». Вести наблюдение. Связь?

— Есть «стой»... Связи с дроном так и нет. Визуально — впереди чисто. Нет даже гражданских. Полк ведет нас напрямую, с этим все гладко.

— Хотя бы это хорошо. Ядро —

на полсотни ярдов назад, проверить двор.

— Так, сэр. Проверить двор.

Девять человек нырнули под арку пригибаясь, будто были слишком высокими для нее. Уже привычное зрелище: сквер в центре двора, прикрытые проржавевшими навесами выходы с лестничных площадок цокольного этажа. Ни одного человека в зоне видимости.

— По-быстрому, только двери. И тихо.

— Так, сэр. Сделаем тихо.

Первый лейтенант сам не мог сказать, чем ему не понравился двор. Но одна уничтоженная группа с одной стороны от арки, и вторая — с

другой, чуть подальше... Это заставляло сделать хотя бы первичные, предварительные выводы. Да, на снегу следов много, и следов правильных, от людей, двигавшихся цепочкой. Значит, верно, русские вышли отсюда. И можно не сомневаться: если те кадровые солдаты не идиоты, то они сюда уже не вернулись. Но он видал на своих войнах и «не идиотов», и самых настоящих идиотов. И тех, и других.

— Подвал, сэр. Там люди.

Это чувствовалось даже отсюда, с десятка ярдов. Воздух над выходом из подвала был ощутимо теплее. Возможно, здесь еще работают гражданские коммуникации, но вряд

ли.

— Осторожно.

У капрала на лице была злость. Ну, еще бы. За первый, самый пока важный для всех их день участия в операции «Свобода России» 4-й эскадрон потерял убитыми и пропавшими без вести больше, чем вся 82-я дивизия за все годы «Несгибаемой свободы». Лучше известной общественности как нескончаемая война в Афганистане. Зрелище добитого ударом штыка штаб-сержанта глубоко впечатляло даже психически крепких людей, каким был капрал. Сколько нужно было служить, чтобы стать штаб-сержантом в такой части, какой

являлся их эскадрон, их полк, их дивизия в целом? Как можно было допустить, чтобы этому пришел конец в одну секунду, несмотря на все подписи под договорами, на которые русские всегда такие мастера ссылаться? Что ж, если до этого момента эти самые русские могли рассчитывать на какое-то сочувствие с его стороны и со стороны его товарищей по взводу, то теперь этому точно пришел конец.

Капрал спустился на несколько ступеней вниз, жадно втягивая ноздрями воздух. Да, этот не отступит никогда. От этого сочувствия лучше не ждать. Увиденное доходит лучше, чем любая

пропаганда. Можно прочитать солдату сто лекций о законах войны, о смысле той роли, которую они сейчас играют в истории... Все это отправляется прямым ходом в дыру в жопе после первого такого случая. Лежащего на дороге перед твоим носом. А вот у него уже не первый, у него уже были раньше. Ну и ладно.

— Жарко!

Кристина сидела перед выходом наружу. Если еще полчасика назад она контролировала себя все с большим трудом, то сейчас было иначе. Когда эти воняющие мочой и прокисшим потом придурки со своими дурацкими автоматами выбрались из убежища, здесь сразу стало легче

дышать. Кто-то из сидевших здесь мужчин попытался тут же закрыть обе двери, но она прикрикнула на него, и он испуганно отошел назад. Некоторое время она наслаждалась свежим воздухом, но потом тишина снаружи вдруг сменилась безумной грохочущей трескотней, длившейся несколько минут практически без остановки. На ее фоне раздавались вопли, жуткие, душераздирающие, будто кричали мучимые животные. Что ж, это и были животные неспособные понять ничего своим умом, все воспринимающие через призму давно устаревшей просоветской пропаганды. И самое главное — смеющие отрицать

очевидное, когда им кидают правду в лицо. Ну, пусть теперь сами платят за свою глупость. Когда игра прекращается, не сумевшие понять ее настоящие правила дураки-фигурки и дураки-пешки отправляются в упаковочную коробку все разом.

Кристина тогда согласилась прикрыть дверь — начнут еще ломиться обратно, вонять тут снова... Но потом снаружи все стихло, и ей снова стало трудно дышать. Люди потихоньку начали выбираться из убежища, и она восприняла это с облегчением. Унесли одного из хнычущих детей, давно раздражавшего ее даже оттуда, из дальнего угла этой гадкой дыры.

Вразнобой ушли две трети всех бывших здесь — и теперь эту дурацкую овальную дверь даже не закрывали: все равно кто-то поднимался и уходил раз в несколько минут.

Сотовый телефон не реагировал на попытки установить связь с теми, кто заберет ее отсюда. А ведь это была дорогая, современная двухсимочная модель! Наконец одна из сим-карт вдруг показала одно деление качества связи, и Кристина тут же начала набивать СМС кому-то из самых близких друзей, из числа еще не ответивших: *«Тимурчик, срочно приезжай, ты мне нужен. Машину угнали, транспорт не*

ходит, а я здесь застряла». Звонки не проходили вообще, соединение все время рвалось после 2–3 секунд криков «алло!», но вот СМС вроде бы уходили. Просто свинство, что за ней не приезжали и даже просто ей не отвечали. Ну не могут же все быть заняты так плотно? Ну, можно же понять, что это не кто-то другой просит, а она — она сама! В сообщении Кристина указала точный адрес, по которому провела уже вторые дурацкие сутки. Начала уточнять, что сидит в подвале, но потом стерла это. Во-первых, потому что печатать получалось долго, а связь вот-вот могла пропасть; во-вторых, потому что он будет смеяться

и шутить над этим; а в-третьих, она все равно вот-вот собиралась подниматься наверх, в теткину квартиру. К тетке она и приехала, нехотя согласившись на это после трехдневных маминых рыданий. Отвезти продуктов, объяснить, что бояться нечего, что все это полная ерунда и бред заигравшихся силовиков, что скоро все кончится. Кончится, как только те заново поделят между собой деньги, за которые схватились. Как ни странно, мама продолжала непрерывно плакать, даже слушая и кивая, и уехать в итоге оказалось легче, чем продолжать жить с этим рядом. Кристина знала, что мама всегда

была дурой, но что уж тут поделаешь: мать не выбирают. Тетка и загоняла ее в итоге в этот подвал, уже третий раз за два дня. И, как и в прошлые разы, выбралась отсюда первой. Как ни странно, сама Кристина почему-то на второй-третий час сидения начинала находить забавное удовольствие в этом всем и уходить не торопилась. Это было, будто смотришь реалистичное кино про психов. В самом современном формате, с вибрацией кресла. Второй из хнычущих сзади детей, вонючие старики и дурно одетые, тупо молчаливые или тихо плачущие тетки — они все только добавляли этому антуража. Будет потом что

вспомнить и чему улыбнуться.

Она и улыбнулась. За приоткрытой внутренней дверью, ведущей наверх, громко и выразительно прокричали фразу на отличном английском: «*Fire in the hole!*» Из двери сильнее дунуло свежестью и даже морозцем. На освещенный пятачок перед ней откуда-то сверху выкатилась выкрашенная буро-зеленым круглая штукovina сантиметров 6–7 в диаметре. По форме она была похожа на флакон от духов DKNY, только с торчащим из него цилиндром, мешающим катиться. Сразу за первой штуковиной выкатилась и вторая, и они остановились почти

одновременно. В подвале завизжали и закричали сразу несколько мужчин и женщин, сидящих неподалеку, и Кристина брезгливо оглядела их. Было понятно, что это как бы военные гранаты, но они совсем не были похожи на настоящие. Да тех и в принципе не могло быть, потому что слышно же снаружи, как плачет этот дурацкий ребенок. Она сморщила нос и спокойно отвернулась, продолжая ожидать, когда ответит ее телефон...

Пятница, 29 марта

*Когда человек стоит у
последнего рубежа, когда
на исходе надежда и
выдержка, лишь великие и
простые чувства —
любовь, печаль,
сострадание, отчаяние —
смогут помочь ему найти в
себе силы, чтобы
перешагнуть этот рубеж.*

Алистер Маклин

Гибель высшего
командира — это, в общем то,
довольно стандартная вводная для

любого военнослужащего. На это ориентируют даже зеленых рядовых. «Командир отделения убит. Ваши действия?» Офицеров уже серьезно учат, как действовать в ситуациях, когда нет связи или когда убит командир. Штабных офицеров — более чем серьезно. Когда погибает старший или высший офицер, это аукается на подчиненных ему войсках. Какое детское слово... Когда целиком или почти целиком погибает штаб, сформированный из квалифицированных специалистов по управлению войсками, оснащенный средствами связи, знающий театр военных действий, сработавшийся, наконец... Войскам

приходится очень тяжело. «Потеря управления» — это худшее или одно из самого худшего, что может случиться на войне. И никакие параграфы в написанных кровью должностных инструкциях, никакая учеба в мирное время не может это изменить.

К 29 марта — двенадцатому по счету дню войны — погибли уже многие командиры высокого ранга. Убитые в своих постелях воскресным утром пришедшими к ним домой чужаками. Убитые на маршах во главе колонн, накрытых ракетно-бомбовыми ударами, наводимыми из космоса. Который десятки лет был наполовину нашим

и который мы променяли на «со вкусом кокоса», если считать уже до самого низа... Убитые в бою, пусть и за сотню километров от пунктирной, непрерывно перемещающейся линии, символизирующей на электронных картах сиюминутное положение выявленных элементов вражеских сил и средств.

Когда десяток «Страйкеров», оставив позади несколько горящих машин, врывается на едва занятые русскими мотострелками позиции, не прикрытые ствольной артиллерией и минами, уже перепаханные ударными самолетами, гибель очередного штаба батальона в полном составе является понятной и

даже ожидаемой. Когда управляемая бомба GBU-12 с двухрежимной системой наведения, сброшенная оставшимся невидимым «Спиритом», пробивает два метра железобетона и выжигает основной командный пункт дивизии, это понятно. Больно, но понятно. Бывает хуже.

Ключевые офицеры Оперативного управления штаба Центрального фронта и собственно командующий фронтом были убиты взрывом мощной мины, установленной непосредственно за дверью кабинета совещаний Главного командного пункта. Дверь, разумеется, была стальной, но

конструкция мины предусматривала поражение «живой силы» даже при непробитии: важнее было даже частичное нарушение целостности двери. Впрочем, установивший ее полковник Российской армии об этом не знал: ему было сказано, что мина имеет направленное действие, пробьет до одного дюйма брони, после чего поражение людей в закрытом помещении будет обеспечено вторым компонентом тандемного боеприпаса. Эта часть инструкции соответствовала маркировке на корпусе мины — понятной пиктограмме в виде серии широких фосфоресцирующих стрелок. Но она не соответствовала

правде. Мина не имела индекса, не состояла на вооружении ни одного государства, но была произведена израильской государственной компанией IMI. Что сыграло бы свою роль, если бы тот агент, который должен был ее установить, был раскрыт. Но все прошло по плану. Опоздавший на совещание полковник быстрым шагом вошел в приемную, торопливо ответил на приветствие дежурного офицера, приблизился к его столу и рассыпал бумаги из папки, которую держал в руке. Нагнувшегося за ними дежурного он застрелил двумя выстрелами из малошумного пистолета. Прوماхнуться с такой

дистанции было невозможно, а даже малый калибр пуль обеспечивал при попадании в голову гарантированную гибель жертвы. На камеры под потолком, уже выдавшие картинку на пост охраны, он не обратил никакого внимания. Подойдя к внешней двери вплотную, поставил на пол старомодный «дипломат», в котором находилась мина, переданная ему пять месяцев назад и хранившаяся с тех пор в его личном сейфе. Открыл наружную дверь, установил чемоданчик ребром вперед, раскрыл «книжкой». Несмотря на то что секунды шли, проверил ориентацию мины, оттянувшей ему все руки. Движение тревожной группы с поста

охраны до кабинета совещаний занимало не менее трех полных минут, с ближайшей промежуточной точки дежурства — минимум две. Задыхаясь от сердцебиения, полковник достал из кармана маленький кольцевой ключ, внешне похожий на тот, какими меняют сменные фильтры в домашних системах очистки воды. Наложил его на выступающую из корпуса мины деталь, провернул в отмеченном полукруглой стрелочкой направлении. Услышал явственный щелчок внутри корпуса. Согласно инструкции, с этого момента у него была одна минута ровно, чтобы покинуть зону поражения, находясь с

тыловой части активированной мины. Именно поэтому он не собирался открывать внутреннюю дверь, ставить даже закрытый «дипломат» внутрь и пытаться уйти. Представили себе зрелище?

Принеся мину на Главный командный пункт еще вчера, он потратил полный день, чтобы отработать все детали плана. Сформированного только «в целом», как концепция, и безнадежно проигрышного без инициативы *in situ*. Было просто парадоксом, что он думал и действовал «урывками» на фоне требуемой от него части работы по управлению войсками воюющего фронта, работы самой настоящей.

Это было несмешным, но парадоксальным, вот такой вот каламбур. Последние три года службы в штабе Центрального военного округа полковник получал в дополнение к «окладу денежного содержания» по полмиллиона долларов в год. Целиком переводимых на его счета в трех разных банках, располагавшихся собственно на территории США, на Каймановых островах и на французской Корсике. Всего-то за несколько минут риска в день. В момент, когда он получил от своего бессменного куратора мину и инструкцию, в ноябре прошлого года, его плата была рывком повышена до

двух миллионов долларов в год. Самых настоящих, реальных: даже будучи невыездным, он имел возможность в этом убедиться — онлайн-банкинг позволяет очень многое. Было бы обидно, что он не может ими пользоваться, если бы не перспектива. Перспектива для него лично, противопоставленная перспективе обреченной страны в целом.

Сейчас, принеся мину под эту конкретную дверь в этот конкретный момент, обеспечив успех подрыва нейтрализацией единственного дежурного в приемной и наконец повернув этот ключ, полковник обеспечил безбедное существование

себе и своей семье навсегда, на всю жизнь. 20 миллионов уже не долларов США, проиндексированных по разному обменному курсу для граждан, для не-граждан и так далее, а новых «амеро», введенных в обращение двое суток назад. Даже если бы он еще колебался, единственное полученное текстовое сообщение на никогда не используемую вторую SIM-карту его «запасного» телефона решило бы все. Он был бы дураком, если бы отказался. Оговоренные им, гарантированные ему приложения к этой сделке означали все. Вообще все — в самом объемном значении этого короткого и простого слова. Жизнь и

безопасность — полный иммунитет от любых преследований для него, и жены, и родителей, и детей. А эта сумма, в дополнение к уже полученным средствам, — мягко говоря, комфортабельность этой жизни. Причем в приличной стране на его выбор: хочешь в европейской, хочешь в азиатской, хочешь в самих США. Жизни, ни в какое сравнение не идущей с жизнью «в этой стране». Пусть полковнику платили за его мозги неплохо и еще лучше обеспечивали тем, что военному нельзя перевести в деньги напрямую, это все было ерундой. У него была хорошая машина, но не такая, какую бы он хотел; а купить «совсем

такую» за уже заработанные им деньги было нельзя, это он понимал сам. У него был, разумеется, дом, но тоже не такой, какой он хотел бы. И главное, что *не там* расположенный. Но теперь все изменится. Он успеет. А охрана нет.

Чего предатель не знал, так это того, что мина вовсе не была израильской «тандемной специального назначения». Мина была, мягко говоря, «доработана» в тех местах, куда израильтян пускают только в виде гостей, с сопровождением. И только в периоды времени, когда «международные отношения» между двумя конкретными странами — гостями и

хозяевами этой экскурсии — становятся особенно теплыми. Мина сработала не через минуту, а через четыре секунды ровно, пробив направленным взрывом стальную внутреннюю дверь в нескольких местах. Часть готовых осколков была отражена броневым листом, но это уже не имело значения. Вторая часть боеприпаса была химической. Вскрытая поворотом ключа герметичная капсула, отделенная от заряда взрывчатого вещества выпуклой броневой перегородкой, содержала несколько миллилитров GV1, одного из новых типов наиболее токсичной группы отравляющих веществ нервно-

паралитического действия. Разбрызганное диспенсером на мельчайшие капли, оно распространилось на многие десятки метров во все стороны благодаря вызванному тем же взрывом возмущениям воздуха. GV1 превосходно впитывался даже через неповрежденную кожу, вдыхался с воздухом, а его летальная доза составляла для человека лишь около 5 миллиграмм. Из кабинета совещаний не было другого выхода, а у находящихся и внутри, и снаружи не имелось средств защиты и антидотов.

Полковник умер уже в коридоре, в десяти метрах от наружной двери,

ведущей в комнату ожидания. Тот из бойцов караула, который остался рядом с его дергающимся в агонии, залитым пеной изо рта и носа телом, выжил, но он был единственным везунчиком. Остальные, держа оружие на изготовку и прикрывая друг друга, ворвались в заполненную невидимыми каплями комнату, в которой лежал убитый дежурный. Из-за, закрытой двери, пробитой несколькими осколками, еще кричали люди. Дверь открывалась наружу, и открыть ее удалось без труда: пожара в тамбуре не произошло. Несколько офицеров и генералов были уже мертвы, а остальные умирали. Задыхаясь,

дергаясь в спазмах рвоты, еще пытаюсь дышать. Книжные описания врут: смерть при тяжелых отравлениях нервно-паралитическими отравляющими веществами вовсе не является мгновенной. И это самое страшное из всего.

Расследование было коротким, и произошедшее никогда не стало известным миру. Несостоявшееся применение чеченскими террористами химических боеприпасов против охраны Сосновоборской/Ленинградской АЭС в январе этого года было интерпретировано глобальными СМИ однозначно: в нем были

виноваты сами русские. Которые позволили террористам украсть у себя химическое оружие либо даже вообще продали им его. Теперь, на фоне уже непрерывного, непреодолимого вала обвинений в сторону России и ее вооруженных сил, может ли быть иначе? Может ли в применении на русской территории запрещенного Конвенцией 1993 года химического оружия быть виноват кто-то иной, кроме русских? Не является ли это их собственной провокацией? Очевидно, что НАТО проводит миротворческую операцию чрезвычайно успешно — достаточно посмотреть на любую интерактивную карту. Скандал с

пусть даже «точечным» использованием химического оружия не может быть выгоден никому, кроме России. *Quid prodest.* [\[22\]](#) Виновный ясен. Глупо ожидать чего-то другого.

Центральный фронт еще дрался. Иногда с надрывом, иногда хладнокровно и зло, а иногда даже с азартом — да, такое тоже было. И не только Центральный. И не только фронт, но и разрозненные, сдавленные со всех сторон осколки соединений и частей. Группы и даже одиночки. И такое было тоже. Мужчины, готовившиеся к войне всю взрослую жизнь — а некоторые и

дольше, если считать
многочисленную плеяду
суворовцев, — теперь делали свое
дело. Иногда лучше, иногда хуже
того, что от них ожидала страна.
Иногда никак — из-за того, что вдруг
вспоминали, что человеческая жизнь
очень ценна, а своя — так вообще...
И из-за того что не умели иначе,
потратив годы времени на ерунду,
вместо того, чтобы учиться воевать.
Страна тоже потратила годы и даже
десятилетия на ерунду: вот это
дошло теперь если не до всех, то до
очень многих. Почти до всех. Вдруг
выяснилось, что отчаянно не хватает
современного и даже не самого
современного, но рабочего

оборудования самой широкой номенклатуры. Бронетехники. Боеспособных самолетов и вертолетов. Пилотов, имеющих ежегодный налет в сотни часов, из них десятки — «на применение». Качественных перевязочных материалов. Зенитных средств всей их линейки — от разрекламированных «Триумфов» до банальных «Беркутов», «Двин», «Печор», «Панцирей», «Шилок», «Тунгусок», «Енисеев». До вообще нигде не рекламируемых, скучных средств управления: «Барнаулов-Т», «Байкалов», «Полян». Что страна производила вместо этого? Да уже практически ничего...

— Все просто, — хрипло произнес шестидесятилетний мужик, оторвавшийся от прицела ПКМ. — Все просто, слышишь меня? Простая математика. Вот ладно я, я служил всю жизнь. Но я из рабочей семьи, причем аж из Питера! У меня еще дед на заводе имени Сталина работал! И его братья, и мой отец. Завод в «Ленинградский металлический» переименовали — и вся моя семья там пахала, кто войну пережил. Даже мамка там работала, пусть и в бухгалтерии. На заводе! Старшие братья, старшая сестра. Я в военное училище пошел... на меня посмотрели, знаешь... Ну, с сомнением. Не ругали, а так:

удивлялись и посмеивались чуть-чуть. Не обидно. А сейчас что? Деда, и отца, и дядек давно в живых нет. Второй брат на пенсии, сестра тоже. А их дети да племянники... Блях-муха, ну хоть бы один рабочий! Хрен! Или «менеджер», или «экономист», или «специалист по договорам», или вообще продавец. Причем ладно бы где, а то... Но это норма сейчас. Раньше в том же Питере в каждом районе — гудки по утрам. «Светлана», «ЛМЗ», «Арсенал», «Вибратор», «Красный треугольник»... «Кировский», ясное дело! Станция метро в честь него названа! Бля, сейчас на этих местах — почти сплошь какая-то херь!

Бизнес-центр один, бизнес-центр другой! Салон сотовой связи, салон импортной сантехники! Салон элитного итальянского кафеля! Даже секонд-хенд у них элитный, бляхамуха!

Старый человек оторвался от прицела снова, оглядел местность двумя глазами и опять приложил щеку к прикладу.

— Вот и вся разница. Раньше большинство народа было или с серпом, или с молотом. Или хлеб растило, или рыбу ловило, или железо клепало. Сейчас вместо этого — сплошная «элитная импортная сантехника» на каждом углу. И не только в моем Питере родном, не

только в нашем с тобой насквозь западном Кениге. А везде, по всей стране. Срать можно с комфортом теперь, это да... А жратва на четверть импортная, лекарства — на три четверти. Машины... Боевые корабли стали импортные покупать, вообще охренели! Как при царе прямо.

Он снова замолчал. Прицел ему нравился: это был современный оптический подсветный ПО 3,5x21П с хорошей резкостью по всему полю. Много лучше, чем хрень, которой он пользовался раньше. Пулемет привычный, а прицел лучше. И что важно, комплектовался он «долгоиграющей» литиевой

батарейкой типа 123А, каких было полно в каждом задрипанном киоске. Это была хорошая новость. Она противоречила его брюзжанию, но брюзжать он привык уже давно. Когда перестал орать.

— У меня на десантных кораблях часов больше, чем у любого шоферюги за рулем... Мы и в Средиземку хаживали, и в Атлантику, даже в южную. К неграм в гости, гы-гы!

— Слушайте, товарищ майор...

Капитан-лейтенант был сильно терпеливым человеком, но полтора часа в таком стиле — это было многовато, даже для него.

— Вы очень много говорите для

профессионала. У меня такое подозрение, что вы секретный подводный альпинист или что-то такое. Ну, задолбали уже.

— Ты, молодой, не хами дяде. Дядя обезьян учился по жопе пинать, еще когда тебя в проекте не было. И здесь вон парочку уже отпинал: одну черную да одну белую.

— Тьфу ты...

Разговаривать со старым козлом по-человечески и даже по-командирски было бесполезно: ты ему слово, а он тебе десять. Майорское звание, пусть и условное, не подтвержденное никакими документами, давало отставнику как бы моральное право не соблюдать

субординацию по отношению к кадровому капитан-лейтенанту. Одежда на нем была гражданской полностью, с головы до ног. Но ПКМ у него в руках был самый настоящий, что да, то да. С боеприпасами и почему-то с оптическим прицелом. Пользованный недавно. Откуда отставник его взял, он пока не объяснил, хотя по остальным поводам трепался не переставая. Впрочем, он сразу и намертво переставал хамить, когда появлялись курсанты. Трепаться и поучать не прекращал, а хамить прекращал, — и это капитан-лейтенант ставил ему в плюс. Судя по всему, старик действительно был офицером.

— Да даже не в этом дело. Не только в этом, не только в производстве. И кое-что старое еще осталось, не все еще пропили. И новое кое-что вон уже есть. Мне нравится. Можем, когда хотим. Но мозги другие, вот в чем проблема.

— В смысле?

Сказано это было с большим чувством, и он заинтересовался. Все равно делать нечего, только ждать.

— В том смысле, что раньше мои отец с дядьками взяли и пошли всем цехом на войну. Под командованием заводского военрука. Потому, что «надо», и потому, что все идут. И потому, что отлично понимали: пришли к нам очередные

гости не пирогами кормить. А сделать перегноем на своих полях. И многих сделали, да... Двое с похоронками да один «без вести» с одной нашей семьи, в том же рабочем батальоне. Дни были такие. Отец вот вернулся, хотя и стукнутый. Меня вон с братьями и сестрой сделал и до ручки на заводе пахал... И так у всех было, у всех, понимаешь? За «сорокопяткой» в сотне метров от тебя мог стоять Яков Джугашвили, а над головой драться в своих «МиГах» и «Яках» Василий Сталин, Степан да Владимир Микояны, Тимур Фрунзе и кто там еще? Младший Хрущев, забыл его имя... Рядом, понимаешь? Ты

можешь себе представить, чтобы в соседней с тобой ячейке мерз тот министренок Иванов, который старушек на дороге давит, а потом ссыт ответить за это?

Капитан-лейтенант посмотрел. В соседней ячейке никого не было. Да и ячейки не было тоже, потому что они лежали под стеной сарая на лапнике и тряпках, накрывшись брезентом.

— Или остальные? Догадываешься, где эти сынки лежат?

Тут можно было даже не отвечать. Он догадывался. В джакузи, где-нибудь на Гоа или Бали. Куда никогда не попадут они сами.

— Во-во... Ту войну... Ее выиграла не Василий Сталин и даже не Иосиф Сталин, уж это я понимаю. Ее выиграла школьные военруки, которые прошли империалистическую и гражданскую и потом двадцать лет учили сопливых пацанов стрелять из винтовки, кидать учебную гранату и окапываться на местности. И ее выиграла те солдаты и матросы, которые бросались под вражеские танки с бутылками «КС» в руках... И на месте, сами, и отразившись в мозгах тех, кого еще только везли в теплушках к линии фронта. Но ты можешь себе представить сейчас современного «менеджера по

продажам» в региональном представительстве «Сименс» или «продавца-консультанта» в сетевом гипермаркете... Или продавца в том же секонд-хенде, или кого угодно... Представить их бросающимися на «Абрамс» с гранатами в обеих руках? — Тихо.

Надо отдать старику должное, он не переспросил и вообще тут же замолчал, как обрезало. Пошевелил замерзшими пальцами и положил их на рукоятку перезаряжания. Антон даже прикрыл глаза, весь уйдя в слух. «Клац-клац».

— Свой. Тихо.

Курсанты подбежали вдвоем: сначала Сивый, потом Иванов. Рожи

красные и обветренные, губы треснувшие и с кровяными вертикальными стрелками.

— Товарищ кап-лейтенант...

Товарищ майор... Он вернулся, зовет.

— Один пришел?

— Да, один. Мы издалека его...

— Нормальный?

— Сейчас почти нормальный.

Надолго ли, не знаю. Но пока можно.

Выбравшись из-под брезента, они аккуратно положили его на нагретое место, чуть забросали кромку снегом и цепочкой попрыгали через двор. Уже вчетвером, а не втроем. Уже с оружием и боеприпасами, а не с голыми руками. Уже обстрелянные,

уже попробовавшие вкус мести. Заплатившие за это гибелью многих десятков и даже сотен друзей, не успевших, не имевших никакой возможности сделать хоть что-то — и усвоившие урок до самых кишок. То, что у них не было тяжелого вооружения, налаженной системы снабжения боеприпасами и хотя бы просто питанием, полевой почты, полевой бани, поддержки бронетехники, авиации и хотя бы просто связи... Это имело, разумеется, огромное значение. Но, как оказалось, вовсе не решающее. Потому что мозги у них были ориентированы правильно. А не как у тех, кто продавал нашу страну

чужакам и самому себе столько лет подряд. Так совпало.

— Сюда.

Он сам знал, что сюда. Именно здесь им удалось впервые за черт знает какое время поесть горячего и целиком вымыться хотя бы холодной водой.

— Заходите, заходите, быстрее же!

— Здрасьте.

— Здрасьте, ага-ага. Проходите.

Хозяин дома не был украинцем, или татаринном, или манси, чтобы так говорить. Он просто был ненормальным. Сложно было заключить, всегда он таким был или нет. Может быть, и нет. И даже,

скорее всего, нет. Его дом был слишком ухожен. В доме чувствовалась женская рука, но женщин не было: ни матери, ни жены. Возможно, именно их мужчина уходил искать на почти целый день — каждый из дней, сколько они его знали. Причем как в сумерках своего разума, так и в светлые часы.

Зато в доме было работающее радио: старый VEF12, берущий УКВ. И пусть не электричество, зато еще не севшие батареи к нему. И были остатки консервов и круп, которыми сумасшедший с ними делился. Сначала Антон был против, чтобы пользоваться этой возможностью —

такой она выглядела некрасивой. Судьба этого человека в ближайшие недели была ему совершенно ясна. Но выбора не было. Информация была нужна им даже больше, чем продукты и антисептики. А что вы думаете? Если взрослый человек не моется неделю, но все это время то лежит на мерзлых досках или прямо на земле, а то бегают, как угорелый, что будет с его кожей? Пара фурункулов на любом интересном месте снижает мобильность бойца вдвое. А это смерть. Сопревшие ноги — тот же результат. Марганцовка и слабый раствор йода в такой ситуации незаменимы. А их в аптеке сейчас не купишь. Потому что те не

работают, как не работает вообще ничего. Печь — от дров. Дрова — в лесу. Радиоприемник — пока от батареек.

— Ребят... А, ребят? Вы же флот?

— Да. Все флот, верно.

— Ну, тогда я не знаю...

Антон вздохнул: с сумасшедшим было тяжело. И совершенно точно придется оставить его позади. Забрав что можно полезного. Фактически отобрав у больного человека. В фильмах и книгах про героических партизан прошлого и будущего такого не говорили... И не рассматривали такую ситуацию. Или другую, когда человек предает их просто не думая.

Даже полчаса здесь — это риск.

— Там про генералов говорили... Вам все равно, наверное.

— Что говорили?

У старого человека получалось общаться с больным лучше, чем у него. Мягче. Антон не верил, что ему 60 лет. Наверняка сильно ближе к 70. Довольно здоров и крепок — другой не потаскал бы пулемет с боеприпасами, — но на вид старый. Или ему так кажется?

— Генерал такой-то сдался, генерал сякой-то тоже сдался... Вот такое вот говорили... И что Вязьму и Гагарин взяли уже.

— Чего? Гагарин?

Антон посмотрел на курсанта

Сивого с неодобрением. Криков больной мужчина пугался даже в «светлом» состоянии. Мог убежать в свою закрытость, где ему было спокойно и безопасно, — и да бог бы с ним, — но он мог и начать кричать и биться. И ничем его тогда не успокоишь, кроме подушки на лице. Он старался об этом не думать.

— Гагарин же... Это же вроде Московская область уже?

— Не, не может быть, — неуверенно протянул второй из курсантов. — Это какой-то другой Гагарин, точно. Их наверняка штук пять по стране: один тут, другой там, третий на Дальнем Востоке вообще. Так?

— Не знаю. Может, и так. А про генералов что?

— ЧТО?

— Что про генералов?

— Тихо... Вот вам про генералов...

Пока они разговаривали, тот же Сивый уже настроил приемник на нужную волну. Хороший дикторский голос, русский язык. Что за станция, было непонятно: за первые несколько минут ее ни разу не назвали. Но волны были средние, так что, может, и свои.

— ...Своевременно принятое
генерал-майором Апрелевым
решение о прекращении дальнейшего
бесполезного сопротивления и сдаче

позволило предотвратить
дальнейшее кровопролитие...
которое в городских условиях
гарантированно означало массовые
жертвы среди мирного населения...
В настоящее время командующий
юго-восточным сектором обороны
генерал-майор Апрелин и несколько
старших офицеров его штаба ведут
переговоры с вышестоящим
командованием, пытаясь убедить...

— Да в жопу! Сука!

— Правительство России

призывает...

— Сивый!

Курсант обернулся от стола,
бледный, дрожащий от ярости. Таким
капитан-лейтенант его не видел еще

ни разу, даже в самые плохие минуты, и это его заставило насторожиться.

— Вы заметили, фамилию два раза по-разному назвали?

— Да ну?

— Апрелев и Апрелин. Вы знаете такого?

Антон отрицательно покачал головой. Он и не знал и не заметил детали, на которую указал парень. Но та не могла быть важной по сравнению со сказанным. Сдавшийся генерал... Ну, наверняка у этого есть очень значимые причины, чтобы сдать. Для спасения жизней мирного населения, становящегося заложником в будущем сражении.

Скажем, довели до него: или сдаешься, или накрываем залпом РСЗО [\[23\]](#) все в вперемишку — и тебя, и жителей. А то и про своих срочников подумал: оценил шансы на успех сопротивления в этом конкретном месте и в этот конкретный момент. А могли и купить, как с успехом делали в Ираке и Ливии. Но, в конце концов, сколько генералов попало в плен в Отечественную, и что? Все равно закончилось чем закончилось. Поразному могло быть и теперь. В это хотелось верить. Но плохо получалось. Нам слишком долго вколачивали в головы, что оказывать сопротивление насильнику и

грабителю незаконно, потому что... А черт его знает почему. Просто нельзя. Нужно дать ему возможность изнасиловать, ограбить и даже убить себя и своих родных. А вот потом можно звонить 02, это можно. Вот тогда, потом, его будут по закону ловить и, может быть, даже поймают. Вот это будет по закону... И как ни странно, десятилетия работы «государственной машины подавления» своего народа повлияли даже на военных. Даже на генералов.

— Незачем так было орать.

— Я не орал!

— Орал. И сейчас орешь. А во-первых, могут услышать снаружи, а во-вторых, зря перебил. Я не уловил,

что там про правительство России сказали.

— Не зря. Я уловил.

Голос у старого офицера был такой, что на него обернулись сразу все.

— Пока вы орали, я послушал.

Пауза была как в театре. Только в театре не так страшно, каким бы талантливым ни был актер.

— Сформировано новое правительство. Выражающее волю народов России.

— Народов?

— Да, так и сказали. Народов России. В связи с фактическим самороспуском предшествующего правительства, которое своими

преступлениями поставило себя вне... Противопоставило Россию мировому сообществу, ну и так далее... И вот теперь новое. Сформировано с учетом мнения репрезентативных групп... Выражает чаяния и стремления... Всякая такая херня.

— И что?

— Вы не поняли? Оно не в Москве сформировано!

— А где?

Снова пауза.

— Не знаю. Может, и в Варшаве. Может, и в Смоленске. Смоленск когда взяли, вчера? Позавчера?

Все помолчали несколько секунд. Насколько было известно,

Смоленск врагам удалось взять с тяжелыми боями и не избежав достойных упоминания даже в их собственных передачах потерь. После этого никаких сообщений о серьезных боях на центральном направлении уловить по приемнику не удалось ни с какой стороны: ни с нашей, ни с их. Даже по-английски и по-польски. На севере было вообще спокойно, если считать сушу, и шло жуткое месилово на воде, под водой и в воздухе: там, судя по всему, потери делили на обе стороны. На северо-западном направлении, то есть уже позади Калининграда, силы вторжения уже вошли в Петербург. Там сопротивление почти кончилось,

чего и следовало ожидать. На юге было жарко, на Дальнем Востоке еще жарче, но о происходящем там приходилось уже только догадываться. Скорее по несказанному, чем по сказанному.

— И что это значит?

— Что-то такое я помню уже...

В Ираке, кажется. Тогда в самом начале второй войны сформировали «законное правительство» из иракских эмигрантов прямо на территории США. Бежавших от режима Хусейна — кого-то он там серьезно давил, без шуток.

— Еще раньше было, — вдруг сказал сумасшедший серьезным голосом. — «Зимняя война», которая

советско-финская, начавшаяся в 1939 году. Там был финский президент Юхо Паасикиви, но Сталин сформировал второе правительство. Наше и у нас, хотя и из финнов. И вот это правительство, прямо из Москвы, попросило ввести войска в Финляндию... Если я не путаю.

— Иронично.

— Хреново.

Оба комментария были от офицеров, курсанты промолчали, переглянувшись. Как бывало уже не раз за последнюю неделю, у капитан-лейтенанта возникло в глубине живота неприятное ощущение того, что он упустил что-то очень-очень важное. Почему-то

вспомнилась та бредовая картина, которая привиделась ему в ледяной долине на подходе к чужому посту — темноволосая женщина в разорванном красном платье, ростом в два человеческих...

— Ребята...

— Кого туда назначат? Если еще не назначили?

— Угадай с трех раз. Новодворскую. Явлинского. Макаревича.

— С чего это?

— Демократы и русских не любят.

— Новодворскую не назначат. От нее блевать даже их собственные дипломаты будут.

— Ребята, — повторил он уже четче. — Ну-ка быстренько собираемся и уходим отсюда.

— Ну товарищ капитан-лейтенант! Ну давайте еще посидим. Вы отодвиньте занавесочку — видите, погода стала какая?

Капитан-лейтенант посмотрел на Диму так, что того качнуло. Отставной майор уже собирал со стола приспособления для чистки, закрутил масленку поплотнее. Да, этот не «секретный спецназовец». Этот настоящий боец, хотя и потасканный жизнью.

— Куда двинем?

— Куда попало. — Он мягко кивнул на снова сидящего в

оцепенении хозяина дома. — Но очень быстро.

Все ускорились раза в четыре. Причем действуя молча. Взяли у хозяина несколько потертых свитеров, которые всегда хранятся в каждом доме и которых так им не хватало все эти дни. Формально спросив разрешения, хотя это не успокоило совесть совсем. Но да, не взять их было еще более неправильно, чем взять. Взяли из комода все наволочки и простыни, какие нашли, не новые, вытертые. Оттенка, похожего на сероватый цвет весеннего снега. С продуктами обошлись чуть более справедливо, но и это было плохо. Они уже привыкли

мало есть, но четверо есть четверо, как тут ни дели.

— Приемник возьмем?

— Нет. Большой слишком... Ему оставим, себе найдем другой. Все, пошли. Эй!

Мужчина поднял голову.

— Запри за нами. Держись. Может быть, она еще вернется.

— Не вернется.

— А ты жди.

— Я жду. И ищу. Но она не вернется. У нее диабет. Инсулинозависимый. Дома двадцать флаконов еще осталось — месяца на полтора хватило бы. Но она все равно ушла искать машину, добраться хоть до города, хоть до... И еще питаться

надо правильно.

— Рома, головным, Дима замыкает. Пошли.

Закрывая за собой дверь, капитан-лейтенант Дмитриев чувствовал, как шевелятся под теплой шапкой его коротко обстриженные вчера волосы. Нет, его интуиция явно права: пора было уходить. Вчера они слышали по радио про ту историю с Тэтц, уже как бы забытую «снаружи», но отлично всем помнящуюся «внутри». Сегодня про это, про то, что он ни разу не подумал. Про марганцовку думал, и даже нашел ее в этом доме, и полечил себя и своих, а вот про это... Каково сейчас по-настоящему

больным людям? Не таким, как несчастный мужчина в оставшемся позади обреченном доме, и тысячам таким же, как он, — а другим? Тем, кому поможет конкретное лекарство под известным и домочадцам, и врачам названием? Больным диабетом, больным сердцем, язвенникам, онкологическим больным? Им непросто жилось в России и в мирное время, а сейчас... Когда аптеки или закрыты, или разграблены, когда худо-бедно работавшая социальная служба исчезла туда же, куда исчезло все остальное, сверху донизу: от снабжения продуктами до почты. Переломанная нога сейчас

неизбежно означала смерть. Наличие серьезного хронического заболевания — почти наверняка тоже. А дети? Новорожденные в том числе?

На ходу Антон замычал от злости так, что его окликнул идущий позади старик. Назвавший себя «майором Майоровым», но отказавшийся назвать имя и род войск. Нашедший их сам, — значит, не так уж трудно было найти? Пока не выглядевший обузой. Мягко говоря. С пулеметом-то. По всем признакам — да, не врет, что офицер. А раз так, то может и не врет, что ходил в «дальние походы». Тогда род войск становится понятным. Тогда хорошо, что он

здесь, сколько бы ему ни было лет. Сколько там было дивизий морской пехоты у СССР на пике расцвета, в 80-х годах? Что там говорили в те годы японцы о Курилах, а поляки о Катыни? Как, совсем не говорили? Ну, надо же, какое совпадение...

Выслушав несколько бурчащих комментариев в спину, капитан-лейтенант взбеленился окончательно. Они совершенно очевидно теряли время, пока фронт откатывался все дальше и дальше. Если он был с самого начала, этот фронт. Возможно, в этот раз его не было. Война вернулась к средневековому формату: соединения непрерывно двигаются, и

контроль над территорией определяется не линиями траншей, минных полей и колючки, а тем, кто двигается через эту конкретную местность сию минуту. Или он все путает, потому что, во-первых, моряк, а во-вторых, судит о ситуации по редким подслушанным передачам радио.

Однако при этом нельзя было не признать, что сейчас они в лучшей ситуации, чем были неделю назад. Тогда фронт был вроде бы недалеко, несколько часов за рулем. Как бы, потому что их не проедешь. Они навидались таких «автолюбителей» на всю будущую жизнь. Сгоревшие разноцветные легковушки и

внедорожники в некоторых местах просто устилали кюветы. Дырявая, горелая жесть, горелые тряпки, битое стекло, битая пластмасса — и запах... Запах был такой, что кружилась голова. А ведь сейчас зима... Ну, почти зима: нормальная весна так еще и не началась... К чему это? На ходу Антон обругал сам себя и вернулся к первой мысли — о линии фронта. Сейчас они были от своих во многие разы дальше. Если польское, немецкое и прибалтийское радио не врет на всех языках сразу — в том числе на ориентированном на них и таких, как они, русском языке, — то натовцы вошли в Питер и подошли к Москве. Либо подходят

сейчас, сию минуту. До фронта не добраться. Зато их теперь четверо, а не трое. Зато Дима перестал пускать слюну из угла рта, и лицо у него не такое перекошенное, как было. Зато у них есть теплая одежда, а не одни шинели. Аптечка, сформированная из одной домашней и пяти автомобильных, в том числе одной иностранной. Оружие, включая аж ручной пулемет с коробчатым магазином и пока нехилым запасом патронов. Патроны к трофейным карабинам, патроны к трофейным пистолетам. И груз, который тащили к себе в тыл убитые ими первыми враги. Тот, который едва не оторвал ему и курсантам руки, после

которого им всем пришлось отлеживаться полные двое суток... Ни разу они об этом не пожалели.

Капитан-лейтенант обернулся на ходу на отставного майора: больно шумно он начал дышать. Устал уже?

— Иди-иди... Я тебя еще перешагаю.

Осталось только пожать плечами. Как он и делал, с самого начала после встречи с этим странным человеком. Или скорее непростым, чем странным. Стариком его он называет зря: старики не такие. Но «пожилым человеком» тоже не назовешь. Что-то среднее между этими двумя понятиями. Бывает и такое. «Двое обезьян, —

вспомнилось ему, — черная и белая». Расист, однако! За это русских и не любят во всем мире. Знаете, в чем еще мы все вместе виноваты перед мировым демократическим сообществом? Ни за что не поверите! Он и сам не поверил, когда услышал. Оказывается, по нашему телевидению, в том числе конкретно по музыкальным каналам, мало крутят музыку чернокожих исполнителей. И это является проявлением, отражением и нарочитой демонстрацией нашей ксенофобии и расизма. Навскидку Антон действительно не мог припомнить популярных в России чернокожих певцов и певиц. Ну,

«Бони Эм», но они старые. Задолбавший всех людей его поколения Тимати, но он как бы наш. Джексон уже умер, и он был уже не совсем черный. Цезария Эвора, но она тоже не считается, потому что она креолка и поет вроде бы «фаду»: жанр, похожий на наши «цыганские страдания», только по мужчине, ушедшему в море. Открывать Бразилию и Японию. Морякам духовно близко. Больше действительно нет. И что? Это является очередным камушком в наш огород? Очередным поводом добавить «нотку личного» в благородный порыв чернокожей части американского военного

контингента, пришедшего учить нас демократии? В итоге он все-таки не поверил. Решил, что это была юмористическая вставка в передачу, просто начитываемая немецким диктором таким же серьезным тоном. Не может же это быть серьезным на самом деле? Вот он и не поверил.

— Вправо?

— Что за вопрос? Не видите куда?

— Виноват.

Антон в очередной раз пожал плечами. Офицеры бывшими не бывают. Морпехи тоже, будем надеяться. В бою он старика, который «не старик», не видел, но

взял же он откуда-то свой пулемет с таким объемом боеприпасов. И два удостоверения личности. «Armed Forces of the United States. Army» Это было понятно. А вот что такое «Pay Grade E3», не знал никто из них, даже курсант Сивый, к которому капитан-лейтенант относился все с большим почтением каждый день. Понятно, что это не из шахмат, но больше не понятно ничего. В нижней строчке удостоверения нагло напоминалось про Женевскую конвенцию, и это бесило. Почему-то, когда мальчишек и почти безоружных преподавателей в его училище расстреливали артиллерией, про конвенцию не звучало ни слова...

Им оставалось совсем немного до очередного сарая, облюбованного со вчерашнего дня под «временную базу». Метров сто, три или четыре дома. Таких же пустых и мертвых на вид, как и все остальные. Не лаяли собаки, не светились окна. Ладно, нет электричества, но народ экономил даже на свечках. А ведь здесь жили не дачники. Здесь была деревня, а в русских деревнях испокон веку жили люди, способные выжить почти в любых условиях. Пережить очередное нашествие, повесить на стены портреты polegших сыновей в траурных рамках — и сначала отгрохать монумент посреди деревни, а уже потом начать

отстраивать все остальное... Снесенный монумент они видели. Стандартный солдат в плащ-палатке и шлеме, отлитый из белого бетона. Не лучше и не хуже любого другого памятника. Одно отличие: две сотни имен на бетонных плитах — это не имена ушедших и не вернувшихся односельчан, а имена погибших здесь славян и азиатов, пришедших в Восточную Пруссию в 1944 году из сердца и с окраин Советского Союза мстить. Карать. Сейчас разбитый на несколько крупных фрагментов солдат лежал лицом вниз, а поверх имен на бетоне был жирно нарисован всем знакомый символ. Упиравшийся в выписанные выше

всех имена двух погибших в этой задрипанной деревне Героев Советского Союза: старшины и старшего лейтенанта. Может быть, танкисты, может быть, пехота: имена лично ему ничего не говорили. Скрипнув зубами, Антон прошел мимо, крепче вцепившись в свой автомат. Не выдержал, оглянулся на майора: тот тоже шагал молча. То ли так устал уже, то ли его пробрало не хуже, чем других.

Между домами с загадочным видом прошел здоровенный пушистый кот. Явно деревенский: в городах таких нет. Оставил за собой цепочку следов на инее, остановился поглядеть, но поздороваться не

подошел, исчез. Судя по всему, коту они тоже не нравились, не только людям.

Уход в просвет между очередными сараями, узкий, длинный и не прямой.

— Стоим.

Майор подтянулся сзади и встал совсем рядом, с натугой втягивая в себя воздух. В сумерках не было видно, какого цвета у него лицо, но Антон решил, что бледное. Вот как выдаст сейчас сердечный приступ, так и... «Скорая» не приедет, больницы и даже фельдшерско-акушерского пункта здесь нет. Аптечный пункт добела разграблен, даже женских прокладок не

осталось. Значит, майору есть прямой смысл потерпеть. Пожалеть о том, что курил всю жизнь. Подумать о том, что умирать может быть даже весело, если сам выбираешь способ и место. Раньше он этого не представлял, а теперь вот дошло.

— Чисто. Снимаю.

Голос Романа был спокоен. Он явно справился со своей вспышкой и стал таким, каким был. Или почти таким: вряд ли они уже станут теми, кем были до начала этого всего. Но в РOME явно было много непростого. Откуда он умеет обращаться с минами, он так и не объяснил.

— Безопасное удаление 35 метров, — хриплым голосом

произнес сзади майор. — В тыльную и боковые стороны. Охренеть... Я предлагаю сразу на Варшаву двигать. С таким добром, да с моей птичкой...

— Ага, вот только выспимся.

«Птичкой» он называл ПКМ, это Антон уже слышал.

— Ну?

— Чисто, товащ кап-лейтенант. Идите.

Снова двойной «кляц-кляц» зубами. Сам собой родившийся сигнал. Сзади из веера падающих поодиночке снежинок появился Дима, который «курсант Иванов». Американская «М-4» в руках, ствол держится точно по горизонту.

Как обычно, перешагивая через невидимую черту, обозначающую границу зоны гарантированного уничтожения, капитан-лейтенант на секунду задержался. Он доверял курсанту всеми своими мозгами, самокритично полагаемыми ограниченными. Но он не мог до конца поверить в то, что Рома умеет и это тоже. Мина «МОН-90», тяжелая, неудобная в переноске, ужасная стальная хрень сложной формы, таящая в себе смерть многих десятков людей. Их самих, если они что-то сделают неправильно. Если бы их спевшаяся тройка вытащила из чужих машин атомную бомбу, она и то не была бы так драгоценна, как

две эти мины. Представьте себе, что может сделать во вражеском тылу группа из двух стрелков, одного пулеметчика и одного бойца, обладающего пусть примитивными, но пригодными практическими навыками минно-взрывного дела. Обозленная до стадии озверения, сохраняющая хладнокровие на самой грани контроля. Все еще не растратившая боеприпасы к стрелковому оружию и имеющая две единицы отечественных противопехотных мин «МОН-90». Бессовестной копии американских «Клейморов» времен Вьетнама, увеличенной в семь с лишним раз. У русских вообще все большое, как

считают многие мужчины. Глупо культивировать в себе комплекс неполноценности, если это действительно так. Царь-пушка стоит, извините, не в Токио. Куда они эти мины тащили, эти поляк и американка? С нашей стороны в свою? У капитан-лейтенанта были свои предположения, и они ему очень не нравились. Очень. До такой степени, что хотелось по-собачьи зарычать от ненависти и злобы. Злобность у служебных собак — это характеристика с важностью не меньше любой другой: кинологи знают. А он всю жизнь был служивым, не хуже любой собаки. И что? Да ничего, честно говоря.

Раньше он учил молодежь радиотехнике и понятия не имел, что ему придется стрелять и мерзнуть. И часами топать по морозу, и часами лежать на морозе без движения, чтобы выстрелить один раз. И даже не чтобы выстрелить, а чтобы выбрать правильное место для выстрела, который может быть удастся сделать завтра. Сейчас он с этим смирился и даже начал находить в этом нехорошее удовольствие. И это совершенно не было обидно. Как прерывается человеческая жизнь, за какую невидимую долю секунды, как равнодушно и как бессмысленно, — этого он увидел уже столько, сколько

хватило бы и профессионалу. Он не был профессионалом вот такой вот войны, и курсанты тоже не были — и не должны были быть. Через десять лет, накопившими опыт офицерами, они, может быть, служили бы на последних наших эсминцах. Обеспечивали бы бесперебойную связь, решающую исход чего-нибудь. Или не решающую этот самый исход. Учений или даже настоящего морского боя, какого на Земле не было... Сколько лет, десятилетий? С очередной индо-пакистанской? Очередной арабо-израильской? Он забыл и это, сейчас были вещи поважнее. Поактуальнее.

— Тише вы... Как слон, прости

господи...

— Да ну?

Он аккуратно переступил через косо уложенные поперек прохода палки и железяки. В очередной раз представил, как летит по этому проходу пучок стальных шариков, уложенный внутри этой жуткой мины. Ни разу в жизни он не видел взрыва такой мины. Но теперь хотел увидеть. Больше всего на свете. От его прошлой жизни не осталось почти ничего. Только маленькие звездочки на однопросветных погонах. Даже золотые, а не защитные — он так и ходил в этих погонах на шинели, других не было. «Ясно видимые знаки различия», как

и требует конвенция. Та самая.

Полминуты разглядываний неба над головой. Ничего, кроме низких облаков. Серо-черных, сплошных, без единого разрыва. Помочиться в дальнем углу, подальше от двери. У людей, которые так много двигаются и так хреново питаются, моча пахнет острой вонью, как тертый хрен. Об этом тоже не пишут в книжках для юношества.

— Закрываю?

— Давай.

Снова полумрак. Кряхтящий впереди Рома погладил мину на ее ложе. Лицо у него было правильное. Не пацифистическое. Парень уже доказал, на что способен. И Дима —

который попроще, — он тоже доказал. Аж в рукопашной. И это было жуткое, сюрреалистическое зрелище. И сам он доказал, хочется верить. И себе, и ребятам. Даже майор доказал, причем очевидно и доходчиво. «Pay Grade E3», — все же, что это может означать?

— Садимся. Разбираем день.

Три минуты шуршания и позвякивания. Каждый укладывает свое оружие поудобнее. Мина напротив входа — это правильно, часа на ее установку совершенно не было жалко. Но мину можно и снять, и обойти. А они тут в сарае тепленькие. В переносном смысле. Костер разводить нельзя, даже самый

маленький, из страниц книги. Два десятка спиртовых таблеток на ночь решили бы эту конкретную проблему, но их тоже нет. Значит, как обычно. Теплый дом с печкой позади, теперь мерзнем. Копим злость.

— Гуще их стало.

Как обычно, после первой фразы все молчат.

— Два эвакуационных транспортера за сутки мимо нас. Это много?

— Не особо.

— Тогда что это означает?

— Думаю, то же, что и остальное. Мы уже в глубоком тылу. Эвакуационный транспорт доходит до нас медленно и пунктиром. И я

думаю, не с линии фронта.

— А откуда тогда?

Майор криво ухмыльнулся. Это было видно даже в почти полной темноте, и капитан-лейтенант ухмыльнулся и сам.

— Кто-то работает на полдороге. На трассах. В Афганистане, в Чечне этой вашей засадная тактика была наиболее эффективной по соотношению «причиненные/понесенные». Не считая боев в застройке. Даже если один к десяти... При их-то ноктовизорах, беспилотниках таких и сяких... Все равно стоит того. Ну а нам сам бог велел.

— Вы кого-то уговариваете,

товарищ майор?

— Не себя и не вас. Удачу.

— Удачу — это правильно...

Снова молчание в темноте.

Кислое, наполненное мыслями. Ожиданием того боя, который будет утром.

— Мы не о том говорим. Вообще не о том. Мы уже все решили. Такой шанс... Кому он еще выпадет из наших? Может быть, на сто километров вокруг ни у кого из наших ребят ничего тяжелее драного «РПГ-7» нет. А мы...

— Как, по-вашему, они действительно Питер взяли уже и к Москве подходят? — тихо спросил Рома из дальнего угла. — Или врут?

— Думаю, что не врут.

— И я тоже так думаю.

Все замолчали, снова «как обычно». Можно было не сомневаться, думали все сейчас об одном и том же. О том, почему рушится оборона страны. Да, из-за дефицита боееспособной бронетехники, авиации, наземных средств ПВО, из-за очевидного отставания в электронике на многих имеющих отношение к военному делу направлениях... Из-за открытого — с заявлениями по радио — и полускрытого предательства нескольких членов правительства и генералов разных рангов. Но и это было не главное — каждого

лейтенанта и сержанта не купишь и не запугаешь. Хуже было другое. Наряду со всем этим над всеми нависало страшное отражение происходившего в самой России столько лет подряд. Совершаемого с нашего собственного попустительства. Настолько безоглядного, что теперь это не давало возможности почувствовать себя правым. Разделить фронт на две четкие стороны: вот это «наши», мы, а вот это они, чужие, напавшие на нас. Наше дело правое, враг будет разбит...

Сложно сказать, кто рассчитывал число листовок на

квадратный километр, число часов радиотрансляций на сутки эфира. На таких волнах и на других: на УКВ, на КВ, на средних... Там, где еще был Интернет, — там почти наверняка все было забито тем же самым. Что касается листовок, то было такое ощущение, что их разбрасывали даже стратегическими бомбардировщиками... Листовок не жалели. Их были многие десятки в пределах видимости, куда ни глянь. Тонны. Напечатать и разбросать их столь невозможно много наверняка стоило десятки, если не сотни миллионов. Это окупилось.

Убийца сына Катерины Тэтц, лидера партии «Справедливость».

Его признания. Его комментарии к признаниям. Комментарии к его комментариям. Комментарии к расшифровке исходно непонятных неспециалистам деталей признаний. Обстоятельства, которые привели к тому, что он дал эти показания. Факторы, подтверждающие полную достоверность всего этого, не дающие даже самым твердолобым отрицать: да, это правда. К сожалению. Ожидаемая. Понятная и так. Но вылезшая на поверхность прямо сейчас, в самый больной момент. В момент, когда десяткам тысяч профессионалов и новичков в форме нужно решать, нужно ли им рисковать своей жизнью ради вот

такого, ради того, чтобы это продолжилось, — или нет? И иногда они решали так, а иногда иначе. И уходили, открывая беззащитный бок тем, кто решил по-другому и кто рассчитывал на них. Или просто сидели на месте, дожидаясь, пока все решится без них. Это тоже был вариант.

Человек, которому до сих пор при нашей «законной власти» не задали ни одного неудобного вопроса. Который совершенно не считал себя виноватым ни в чем. Ни в этом, ни в чем-то другом. И который совершенно точно не был виноват в том, что оборона Москвы на уже ближних подступах свелась к

номинальным попыткам
сопротивления разрозненных частей
и подразделений, к действию
подготовленных или
импровизированных групп. И если
верить радиопередачам, пусть и
поделенным в отношении
достоверности всемеро, — к отходу
остатков уничтоженной на две трети
еще с воздуха 4-й гвардейской
Кантемировской. К тому, что
рассеченная на четыре неравных
части Отдельная дивизия
оперативного назначения
Внутренних войск дралась в полном
окружении, пока не сдавшись, но
наверняка не надеясь уже ни на что.
Разве может быть в этом виноват

один человек? Имя которого ничего не скажет подавляющему большинству из нас? Помнящих из верхней части «списка Форбс», «списка Финанс» и «списка Фокус» только Рабиновича, Абрамовича и внезапно, говорят, повесившегося неделю назад Березовского? Мы все отлично понимали, что это не так, что от одного человека не может зависеть так много, будь он хоть сто раз миллиардером. Но в этих листовках и в этих передачах группы тех самых ответственных, «виноватых», причем виноватых по-настоящему, по закону, были названы поименно и с доказательствами. С каждым следующим параграфом

этого страшного текста, с каждым новым разделом радиопередачи эти списки становились все длиннее. И вот если не эти имена, то должности в этих списках были нам всем знакомы.

Олигарха с порядковым номером, состоящим из одной цифры, Ивана Алибегова, арестовали не в Москве. Не год назад, когда он в очередной раз убил человека. И не полгода, и не хотя бы неделю назад, когда многим уже все становилось ясно, и когда еще можно было что-то сделать. И не «наши». Его арестовали «они», наши враги, на своей территории. И он не проник туда тайком, чтобы что-то делать,

передавать информацию, вести пропаганду изнутри, как человек с весом, как мультимиллиардер, владелец многих тысяч «рабочих мест» здесь и многих и многих сотен там, в нескольких европейских странах. Ни хрена. У него был израильский паспорт, чешский паспорт и вид на жительство в Гибралтаре. И вот там-то, прибыв туда через Испанию, он и был арестован. Зачем прибыл? Что за странный вопрос? Сами себе можете на него ответить? Ну и незачем спрашивать тогда...

Как известно, в 1963 году Верховный суд США постановил, что признание, полученное под

влиянием «сыворотки правды», является неконституционным принуждением и поэтому недопустимо. После этого использование таких препаратов в США резко сократилось. Однако после терактов 2001 года тот же Верховный суд заключил, что необходимо «благосклонное отношение к решениям государственных отраслей относительно вопросов национальной безопасности». И пентотал натрия, амитал натрия и несколько иных препаратов с индексами вместо названий снова прочно заняли свое место в арсенале средств получать достоверные

показания. Важные для национальной безопасности, демократии, прав человека во всем мире и так далее. Ничего такого нового в этом, разумеется, нет. И ничего плохого нет тоже. Наоборот, будь у нашей родной власти сила воли использовать такие препараты «по требованию», насколько проще было бы жить всем. Насколько богаче и безопаснее стала бы жизнь для всех нас.

Сын вовсе не бывшей тогда партийным лидером, да и вообще никому, кроме студентов-технарей, не известной доцентши Тэтц был не первым убитым господином Алибеговым в Москве человеком.

Если считать «по порядку», то четвертым из четырех. «В зачет» шли только убитые им лично. Двое за рулем: он любил водить машину. Один застрелен: нелояльный человек из числа «почти высшего» руководства его собственной компании. Одна задушена. Ни одного раза из всех ему не было за это абсолютно ничего. Как не было ничего за еще нескольких, убитых не им лично, а по его приказу. За гораздо большее число сломанных его бизнес-решениями судеб. Уж за это у нас сроду никого не судили. В первый раз он не считал себя виноватым совершенно, потому что сел за руль хорошо выпившим. Он

сам рисковал этим, риск погибнуть был, а значит, вину надо было делить пополам. Какой-то придурок перебежал дорогу в неположенном месте, и он сшиб его всей массой своего броневика, успев вывернуть руль и ударить в тормоз, но не успев отвернуть из-за своей скорости. А если бы отвернул, если бы врезался в стену дома? И его самого не спасли бы подушки безопасности и ремни, и сама конструкция стоящего миллионы автомобиля? Кто был бы виноват? Он, что ли? Понятно, что не он, а придурок, выбежавший на дорогу. Вот и все. Он тогда остановился, дождался приехавших «представителей власти». Несмотря

на уговоры охранников, между прочим. Раньше «представителей» и медиков приехала собственная «группа поддержки». Тут же объяснившая ему, как оно было на самом деле. Посадившая за руль одного из своих, трезвого как стеклышко, с честными глазами. Переписавшая немногочисленных по темному времени свидетелей и доходчиво объяснившая им, что с ними будет, если посмеют хоть в «Одноклассниках» написать об этом, хоть одно слово. Сделавшая то, что было нужно сделать, чтобы эти объяснения дошли четко и без вариантов в отношении «сбудется или не сбудется». Когда тебе

спокойно, прижав втроем к стене дома, отрубаят фалангу пальца, ты запомнишь данное тебе обещание или нет? Почти так делали при посвящении в рыцари: давали крепкую пощечину, в значении «а это — чтобы ты запомнил сказанное». И японская якудза что-то такое тоже делала, даже смешно. Приехавшим людям в погонах тоже объяснили правильную версию случившегося и тоже их простимулировали, хотя и другим способом. Противоположным. К нему самому они даже не подошли, и Иван смотрел на это все через опущенное окно со своего сиденья в другой, сменной машине. Со стороны, как

кинофильм. С огромным интересом, который ему запомнился. Который он потом поделил натрое, потому что был уже на трезвую голову, но который не ушел до конца. Кино он любил и до сих пор смотрел ключевые новинки и лучшее из прошлого, изредка урывая часы от занимающей его всего работы-. Это было остро. Последствий не было никаких, ни малейших.

Второго он убил лично, потому что был реально оскорблен и даже потрясен. Человек, который был обязан ему всем, которого он вытащил из реального дерьма, из менеджмента какого-то потрошимого им засранного, никому давно не

нужного околокосмического НИИ... Которому дал все, оценив его стиль работы, примерив его на нужный участок и не разочаровавшись. И вот этот человек вздумал украсть уже у него? Деньги и связи, которые он сделал сам, кусок его имени, которое он заработал своими усилиями, своим талантом, своим потом? Только идиот мог представить, что он оставит это, спустит с рук. Свое место, свои деньги, свою власть он заработал слишком тяжело. В первые годы своего восхождения ему приходилось без преувеличения десятки часов сидеть в приемных государственных людей, выход на которых он получал чудом.

Большими и совершенно нелишними ему самому деньгами, большими услугами, иногда унижением. Они уходили, приходили снова, секретарши хамили ему, иногда обещали, что он не дожидется. Он дожидался раз за разом. Ему давали одну минуту ровно, и он объяснял первый кусочек придуманной им схемы, в которой с одного конца было государство, с другого — то же самое государство, а в середине закрытые несколькими последовательными звеньями с разными названиями — карманы этого конкретного человека. В подавляющем большинстве случаев ему давали еще одну минуту, а потом

еще одну. И передавали его как «перспективного молодого человека» другому члену «семьи». А потом уже и не «семьи».

У него воровали и раньше, и он реагировал всегда: жестко и быстро. Посмевший счесть себя больно хитрым или больно умным человек неожиданно лишался всего: и счетов, и места в верхней части пирамиды, а пару раз и жизни. «Передозировка наркотиков» в родной квартире почти обычное дело и для Москвы, и для, между прочим, Праги. Редко когда кого-то в полиции интересовало, почему вдруг такой, без сомнения смертельной дозой ширнулся благополучный,

обеспеченный, семейный человек. Не имевший «анамнеза наркотической зависимости» ни по каким свидетельствам и объективным признакам. В этот раз Алибегов взбеленился оттого, что обманувший, обокравший его человек был полностью своим, его собственным. По умолчанию обязанный ему всем, гарантирующий свою преданность. Ну, и чуть-чуть точила изнутри мысль: как это будет? Когда не за рулем, а сам? Похоже на кино или нет? Когда есть возможность, и повод, и гарантия безопасности на уровне «почти» (и это самое интересное), почему бы нет? Восемь человек охраны на

одного беззащитного, прижатого к стволу дерева в темном лесу уже к его приезду. Плачущего, кающегося, обещающего. Ивану Викторовичу объяснили, как надо делать, но он все равно подошел слишком близко, потому что переволновался, — и его забрызгало. Это было противно и испортило половину удовольствия, поэтому повторять он не стал больше никогда. Для этого были другие люди, проще него. Два по 150 коньяка на месте, жареное мясо и еще коньяк потом, в своем доме, горячая женщина, изображающая нахлынувшую страсть, — все в совокупности это дало хорошее послевкусие. Но он был реалистом:

если нет интереса, зачем тогда это нужно?

Про то, как интересно может быть с женщиной, ему наобещали сорок бочек арестантов. «О-о! Ни с чем не сравнить!» С подробностями. С примерами. Люди, которым он в этом поверил. Приятели. Разница была, вероятно, в том, что им был важнее процесс: как выбираешь, лучше именно русскую. Как забираешь себе, как насилуешь, как выкидываешь ее или убиваешь. А ему неожиданно оказалось интереснее все сопутствующее: как общаться потом с теми же «представителями власти» на каждом уровне. Через кого, какими словами, сколько это

стоит. Как убирать потом из реальности, из случившегося одну деталь за другой. Как наслаждаешься потом эффективностью, точностью всего сделанного. Реализацией своего права сильного. Настроение он выбирал долго, а вот девочку выбрал буквально по наитию. Ехал, и даже трезвый. Показал пальцем под козырек автобусной остановки — «вот эту». Ребята переспросили, остановились, вышли. Затащили к себе. Дали по морде тем, кто на этой остановке пытался что-то вякать. Отобрали телефон у того, кто пытался что-то снимать. Привезли к нему: он ехал в передней машине и даже не предвкушал, а размышлял,

как оно будет. И обидно, что оказалось — никак. Неинтересно. Ну, надавал по щекам еще больше. Ну, поборол: тоже мне, победа. Сопротивление, крики, попытки царапать не разъярили его, даже сочувствие вызвали. Но попробовать все равно хотелось. Ну, сделал: удовольствие ниже среднего. Любая профессионалка в три раза сильнее будет визжать, если он захочет, а слезы вообще его всегда раздражали. Ну, придушил, ожидая чего-то острейшего, неземного. Ни хрена. Обманули.

Но вот потом оказалось интересно. Как добывали записи с камер видеонаблюдения, которые,

оказывается, перекрывали эту остановку. Какие конторы для этого пришлось подключать и во сколько это обошлось. Как разговаривали со следователями разного звена: уже сам факт того, что они организовали потом половину необходимых решений сами, был интересен сам по себе. Количество нулей за какой-то цифрой не значило для Ивана так много. Ну, пятьдесят тысяч этому. Ну, еще пятьдесят другому. Ну, сто особо настырному. Особо демонстрирующему свой интерес и свою бескомпромиссность. Ага, вот так? А тогда 100 не тебе, а 150 твоему начальнику. И даже не прямому, а «через голову». Но с

дополнительным требованием — вот этого, особо жадного, убрать вон из органов совсем, навсегда. «Ах, за это 150 будет не долларов, а евро? Ну-ну... Ну надо же...»

И вот так на каждом этапе, по каждой строчке. За свидетелей, которые сначала орали, не переставая, но потом оказалось, что их свидетельств не было никогда. За видеозаписи с камер, которых тоже не было. За полицейских разного ранга, потому что его имени в деле тоже не было, вообще ни в какой транскрипции, совсем, с самого начала. За подборки материалов по этому несостоявшемуся делу: ему были интересны сопровождающие

новый эпизод его жизни детали, дальнейшая судьба покорных и непокорных пешек. Вот на этом кадре — отлично себя чувствующий старший лейтенант, который занимался автоматически открытым делом сперва, вначале — а вот машина, которую он купил. Вот на этом — тот капитан, который взял дело после, а вот это уже бывший капитан: и сразу после увольнения, и позже, на своей новой смешной работе. Вот бросившая капитана жена: неудачник был ей не нужен, как оказалось. Переборщил то ли с жадностью, то ли с принципиальностью — можно даже не вдаваться в детали. В любом

случае он сам был виноват. Вот родители девки, а вот имена и должности тех, к кому они ходили, и вот те ответы, которые они получили. Иногда даже смешные, если имена пересеклись с тем списком, который вел в голове он сам. Списком имен уже своих людей. Обязанных теперь ему. Рассматривающих мертвую девку как прекрасный повод обогатиться. Либо, на выбор, получить через чужие руки услугу, не меряемую деньгами.

А вот журналист, который каким-то манером все же вышел на него и намекнул на то, что тоже хочет участвовать. Получил, но участвовать

не перестал, понадеявшись на что-то, оставшееся известным только ему. Национальный вопрос поднял, надо же! Алибегов был русским, насколько знал историю семьи. И звали его вовсе не Ованес, а именно Иван: непростая фамилия вызывала ассоциации скорее с книгой Боккаччо, чем с Азербайджаном. И если он выбрался с уровня быдла, то сам, благодаря себе и благодаря наверняка имевшимся генам итальянского предка, а не остальных, известных ему уже русских. Русские гены подразумевают то, что ты быдло, — в этом он, к своему возрасту, был убежден уже твердо. Русские всегда сдадутся, если на них

давить все тяжелее, если повышать цену все выше и выше. Уж эта конкретная история доказала этот тезис со всей очевидностью. Подполковник полиции, полковник полиции, генерал-майор полиции... Государственный советник юстиции 3-го класса, 2-го класса, 1-го класса... Дело только в цене на очередном этапе. А она приемлема. И если в итоге он не стал практиковать вот такое, с вытаскиванием понравившихся блядей с улиц или прямо из квартир хотя бы раз в неделю... То это, во-первых, потому, что цена в общей сложности все же оказалась высока, заметна даже для него. А во-вторых,

как он уже говорил, удовольствие в этом всем было ненастоящее. Не окупавшее затрат времени. Получаемое не от процесса реализации своей власти над незнакомым и остающимся незнакомым представителем быдла, а от всего того, что последует за ним. Впрочем, может быть, хорошие приятели, так его надувшие, и не врали. Им, может быть, действительно нравилось. Ну и черт с ними. Фактически произошедшее позволило Ивану посмотреть на них свысока. «Да, я тоже могу, но мне не надо. Я выше этого. А вы, может быть, даже больны».

В общем, после этого случая он

успокоился. И случайная, совершенно не нужная ему гибель под колесами его машины какого-то сопляка, просто не догадавшегося остаться на тротуаре в тот момент, когда по улице едет он!.. Не кто-нибудь, он сам, которому надо ехать!.. Это стало просто оскорбительным. Было очевидно, что парень сам виноват. И было очевидно, что это очевидно вообще всем: следователям, работникам прокуратуры и так далее по всем пунктам, по тем же самым. Дело опять было в цене, времени и спектре оказываемых через его посредство «встречных услуг». Но теперь это уже почти не было

интересным, а даже раздражало, — и в этот раз никакого сочувствия к умершему он уже не испытал. Какое может быть сочувствие, если виноват-то он, тупо вылезший на дорогу перед несущейся автоколонной — пусть и на свой тупой зеленый свет, — но от этого столько проблем уже ему, живому? И вроде бы уже получившие свое сполна все эти полковники полиции и советники юстиции вдруг смели приходить к его доверенному человеку снова и требовать приема уже им самим. И значительно говорить, что «вы же сами видите, что из этого вышло... она теперь не просто „избиратель“, за этой

историей теперь тысячи людей следят... Пойдите нам навстречу, и тогда мы сделаем все, что требуется. Все, что можем». И он доплачивал, и потом еще раз, потому что эта сука становилась все известнее. Лучше бы он был жестче с самого начала. Но потом было уже такое впечатление, что ее защищают те же самые люди, которые разводят его. Аналитический ум Ивана Алибегова, позволивший ему в течение многих лет превращать абстрактный «госзаказ» в ежегодные миллиарды долларов и евро на счетах нескольких конкретных людей, — этот ум не мог подвести и в этот раз. И он выдал четкое понимание

алгоритма: да, этим полковникам, генералам и государственным советникам невыгодно, чтобы его посадили даже на положенный год за это дурацкое ДТП по чужой вине. Даже чтобы дали условно, как обычно дают приличным людям за пару-тройку быдлячьих трупов. И даже просто завели дело, огласили его имя. Но им так же не выгодно, чтобы он разобрался с этой морщинистой старой мымрой Тэтц сам. Любым образом: от такого же выстрела в лесу до сжигания ее идиотского ВУЗа для такого же, как и она, дерьма. Эту часть ему объяснили доходчиво. Значит что? Значит, им нужно сохранение ситуации в том же

уже устоявшемся формате. Старуха завывает перед толпами, требуя справедливости для себя и вообще всех, а эти довольные ублюдки периодически выставляют ему новые счета. За то, что они его якобы защищают. И потихоньку переходят к аккуратному, хорошо обставленному реверансами и обещаниями шантажу. Ну не глупо ли? Но в итоге они, те немногие люди, кто имел информацию о связи гибели сына прославившейся на пустом месте Катерины Тэтц — вдруг ставшей главой никому год назад не известной «Справедливости» — и его имени... В итоге они все-таки сдали его. Только не тем, кому можно

было ожидать.

И вот это все — с самого начала, от происхождения миллиардов долларов до последствий убийств невинных людей — вот теперь это все, подстегнутое «сывороткой правды» и обстановкой неожиданной, незаконной тюрьмы в чужой стране выплеснулось в мир. И насколько бы было просто, если бы это было враньем, очередной провокацией, направленной против России, каких было полно и раньше, и в самое последнее время. Но этого не было. В листовках, в радиопередачах, в телепередачах и онлайн-трансляциях было выставлено все, все детали,

отсутствие которых позволило бы не
поверить в это или поверить не
полностью. Имена, фамилии,
должности, суммы. Управление
ГИБДД ГУ МВД России по городу
Москве. Заместители прокурора
города Москвы. Прокурор одного из
административных округов Москвы.
Высшее руководство нескольких
управлений и главных управлений
Генеральной прокуратуры РФ.
Руководство Следственного
управления УВД по тому же
административному округу ГУ МВД
России по г. Москве. Заместители
председателя аж Следственного
комитета РФ. И еще несколько
пунктов, снова с перечислением

имен, званий, сумм и дат. Десяток с небольшим старших офицеров и генералов в структурах, которые в обмен на выплачиваемые гражданами России налоги обязаны «стойко и решительно» охранять и защищать этих граждан. В том числе от насильников и убийц. Но не сделавших ничего для изобличения человека, убившего нескольких людей. В том числе при многочисленных свидетелях, в том числе под прицелом видеоискателей камер наблюдения. Используя все это только в своих собственных интересах. Что, все это было враньем? Что, все это было единственным раз? Все мы отлично

знали, что это не так. И вот это, это четкое разделение на неприкасаемых патрициев и быдло — это было самым поганым из всего. Да, оно есть не только здесь, в России. Многие люди среднего возраста помнят историю с оправданием присяжными О. Джей Симпсона, оказавшегося с ног до головы заляпанным кровью своей бывшей жены с ее новым приятелем и все равно «неуиноватым». Но вылезшее на свет дело Алибегова, отлично известного десяткам полицейских и прокуроров самого высокого ранга и ставшего для них чудесной кормушкой... Это было слишком. Было ясно, что это вершина айсберга,

что это всего один случай из очень многих. Таких же или почти таких. Одинаковых в одном: они противопоставляли людей — кто должен был сейчас становиться в цепь, — и их.

И все это произошло не по вине Алибегова, вообще не считающего себя виноватым хоть в чем-то. Первого из «раскрученных» врагами России в своих собственных пропагандистских целях, но самого настоящего. И можно догадаться, что далеко не последнего. Это было основано на всей нехилой системе, годами работавшей на одно и то же: на разделение нас на категории «нам можно все» и «плати налоги».

Национальность здесь действительно не имела решающего, да и вообще заметного значения. Определяющей являлась способность выделить сумму с определенным количеством нулей.

Можно сказать, что именно это стоило нам Москвы.

Воскресенье, 31 марта

Почему за демократические ценности больше всех в мире переживает (и навязывает остальным) страна, которая отменила рабство позже, чем дикая и варварская Россия, и где негров все равно не считали за людей еще сто лет?

Почему больше всех в мире с геноцидом борется страна, в которой

практически полностью
уничтожено исконное
население, а выжившие
потомки его живут в
заповедниках?

Почему за
нераспространение
ядерного оружия в мире
опять же больше всех
бьется страна, которая
впервые применила его,
причем против мирного
населения?

ПОЧЕМУ?

И не странно, что
речь идет все время об
одной и той же стране?

Дмитрий
Бобриков,
ВИФ-2НЕ

Командующий Единым
центральным командованием
миротворческих сил в операции
«Свобода России», силами Армии
США в Европе и собственно 7-й
армией США генерал-лейтенант
Марк Хэртлинг сидел в дальнем углу
громадного кабинета, за громадным
столом, под громадной картиной и
изо всех сил пытался сохранять
спокойствие. Если не в душе, то хотя
бы на лице. Он чувствовал, как
лихорадка потихонечку двигает
вверх, и только надеялся, что его

силы воли хватит, чтобы продержаться, сохранив ясность ума и работоспособность. В кабинете, кроме него, сейчас не было никого. Потолочные плафоны давали вполне достаточно света, но он потребовал принести еще несколько настольных ламп, и теперь ходить вокруг занимающего весь центр комнаты стола совещаний стало неудобно: извивающиеся шнуры норовили сунуться под ноги, будто пытаясь дать подножку. Лампы освещали нужные ему для работы документы и карты. Покрытые метками нескольких цветных маркеров, иногда с перечеркнутыми или выделенными контуром абзацами и

отдельными строчками. Гражданским в это сложно будет поверить, но бумажные документы никуда не делись после того, как в войсках начали пользоваться автоматическими системами управления. Более того, их даже не стало намного меньше.

Главной на данный момент картой на этом столе была карта Московской области. Отображаемая этой картой площадь была в полтора раза больше, чем площадь Бельгии. Если бы он своими личными силами захватил Бельгию с такими потерями, какие понес здесь, конкретно в этой фазе операции, его бы сняли с треском, слышимым даже

на Луне. Здесь же ему по поводу потерь никто не сказал ни слова. Однако те документы, которые лежали на его столе, дополненные тысячей других, нераспечатанных, создавали в развитых мозгах командующего весьма объемную и неожиданную картину. Русские не дрались в полную силу. Опять. Во второй, наверное, раз после войны с Наполеоном. Вне зависимости от того, что там вопят их собственные СМИ, западные СМИ и «независимые СМИ» нейтральных и даже враждебных Западу стран, русские в этот раз опять предпочли потерять территорию, но сохранить костяк кадровой армии и выиграть

себе еще неделю. 22 марта на этом же центральном направлении русские нанесли свой первый и пока последний мощный контрудар «стратегического» порядка — силами не батальонов и бригад, а сразу двух армий. В течение следующих нескольких дней в районе между Великими Луками, Ржевом и Смоленском происходило то, что только самые тупые и твердолобые из политиков могли назвать «миротворческой» или даже «контртеррористической» операцией. Почти полные трое суток русские маневрировали на поле боя тяжелой бронетехникой, мотопехотой, самоходной

артиллерией, мобильными средствами ПВО и ровно то же самое делали его собственные дивизии. Сначала две, потом три, а потом сразу четыре, включая одну германскую и одну польскую. Плюс отдельные бригады и отдельные батальоны. Сражение было серьезным, впервые с начала войны, и он вынужден был бросать в него все больше сил. Уже вовлеченные в обмен огнем соединения испытывали значительное напряжение, несли самые настоящие потери, и нельзя было не понимать, что это риск. К чести его офицеров, даже в самые трудные часы ни один из них не сомневался в успехе, в

исходе, но риск в наши дни определяется не только на поле боя. У кого-нибудь из высшего политического руководства — вплоть до самого президента, кстати, — могли не выдержать нервы. Он мог не поверить в то, что русские не поймут очевидной перспективы и так и не применят два или все три компонента своего впечатляющего арсенала ОМП. Да, даже в глубине своей территории... Но все обошлось. И можно было даже надеяться, что свою роль сыграли бодрые, наполненные уверенностью в собственных силах заявления и прогнозы, которые генерал-лейтенант Хэртлинг слал домой одно

за другим. Отрывая время от настоящей работы, от настоящей войны. Нервы у политиков дома и по странам Европы оказались ничего, достаточно крепкими. Демонстрации пацифистов и славянофилов получали по полной программе: одно-два предупреждения по громкоговорителям — и вперед. Дубинки, слезоточивый газ, перцовый спрей, руки за спину, пластиковые наручники, в автобус, идентификация личности, быстрый суд. Если нет гражданства, высылка из страны или, по крайней мере, угроза высылки. Если эмигрант в первом поколении, намек на то, что подобные демарши противоречат

соответствующим пунктам данной в обмен на темно-синий паспорт клятвы. Задействование прочих валов государственной машины, относящихся к трудоустройству, к правам на медицинскую помощь и прочее. На фоне процесса национальной денежной реформы, занимающей немалую долю и собственных мыслей каждого гражданина, и телепередач в его гостиной. Со всеми сопутствующими этому факторами: заявлениями китайцев, возмущениями латиносов, одобрениями и осуждениями европейцев. В такой обстановке, в такой ситуации даже маргиналам нужно было быть или очень тупыми,

или очень принципиальными, чтобы не понять степень решительности своего правительства. Чтобы не осознать, что «свобода слова», разумеется, никуда не делась, но разрешенный к употреблению словарь, лексикон, сузился вдвое. Что он уже утвержден и нарушение границ дозволенного будет караться.

В общем, исход сражения на центральном направлении его удовлетворил. Потери даже 1-й бронетанковой дивизии, на которую пришелся главный удар русских, оказались вполне приемлемыми. Дивизия сохранила боеспособность и после перегруппировки и восполнения потерь по некоторым

ключевым показателям включилась в преследование отходящего противника. Неожиданно нанесшего повторный контрудар — явно с целью деблокады своих соединений, попавших в охват аэромобильных сил Союзников. Уже менее организованный, но все еще мощный. Пришедшийся в этот раз больше полякам и немцам. Давший им узнать еще лучше и вкус крови, и вкус победы. Еще сутки, — еще потери, еще успехи. По всем показателям, по всей номенклатуре техники и вооружения, и своей, и союзной, и чужой. А потом русские войска отошли окончательно, еще дальше к востоку. Почти

повсеместно разорвав контакт, по крайней мере на уровне «непрерывного обмена огнем стрелкового оружия». Бросив ту часть неисправной и поврежденной техники, которую не могли эвакуировать. Бросив свою столицу. Как ни странно это звучит, но «с блеском выигранная» миротворческими силами за последующие после Ржева дни «битва за Москву» на самом деле не имела места. При том, что сейчас он сидел на юго-восточной окраине Москвы, в районе с жутким названием Текстильщики. Москва до сих пор была сверху донизу обвешана трехцветными русскими флагами, на

улицах попадались сгоревшие автомобили, четверть стекол в окнах и витринах были разбиты, где-то валялись даже тела, но вот самого штурма не было совсем. Фактически Москва не защищалась.

Настоящей битвы за столицу, второго настоящего масштабного сражения, в том числе городского, так и не произошло. Да, русские все еще били по миротворцам ствольной и реактивной артиллерией, и в ряде случаев одномоментные санитарные и безвозвратные потери оказывались такими, что можно было не поверить своим глазам. Да, они еще несколько раз использовали тяжелую бронетехнику, причем использовали

ее умело и иногда даже напористо. Пусть с разным эффектом, в зависимости от того, на что приходился их удар. Иногда его противотанковые средства сжигали по десятку единиц русской бронетехники зараз, зарабатывая везунчикам по «серебряной звезде» на грудь и обеспечивая журналистам отличнейшие кадры. А иногда русский удар наносился точно в цель: по мягкой технике на марше или еще хуже того... И тогда журналистов ни под каким предлогом нельзя было пускать в такое место, к покрытым телами и горящими остовами машин дороге или полю или полуразрушенной

деревне. И то же самое было с авиацией. Москва всегда считалась одной из наиболее плотных зон ПВО во всем мире. И иногда, когда командующего информировали о потерях летательных аппаратов ВВС и армии за очередной шестичасовой промежуток, он имел возможность в этом убедиться. А потом пусковые установки и средства наведения больно жалищих русских зенитных ракет будто проваливались под землю, и не просто оставались необнаруженными, а замолкали, отдавая большую часть неба им в пользование. Так было со всем или почти со всем. Но именно здесь, на занимавшем его почти целиком

центральном направлении, все это оставляло четкий, никакими мерами не изгоняемый из мыслей привкус сюрреализма.

Вчерашний день, время 07.20. Сосредоточенный удар русскими фронтовыми бомбардировщиками по колонне бригадной боевой группы «А» 1-й бронетанковой дивизии Бундесвера на слиянии Минского и Можайского шоссе в районе Наро-Осаново. Минимум шестерка «Су-34» «Фуллбэк», которые какой-то дурак называл «самыми бесполезными бомбардировщиками в мире». Каждый такой бомбардировщик мог нести до 8 тонн полезной нагрузки разного

формата, в том числе высокоточное оружие, которое у русских тоже было. И каждый выложил на его людей и на его технику все то, что нес на своей подвеске. Пусть на немецких солдат и на немецкую технику, но все равно на «его». Сегодня в Германии будет объявлен национальный траур по погибшим, уже в третий раз за две недели ровно. Столько немцев не погибало уже давно. С мая 1945 года. И то, что жертвы пришлись на «миротворческую операцию», ничего не компенсирует в глазах очень многих жителей этой страны. Кислокапустников, потерявших былую твердость, променявших

борьбу с коммунизмом на теплые водогрейки в своих квартирах... На поверку вышло, что эффективное противодействие русским ударным самолетам не могло быть организовано в этой одной зоне: господства в воздухе в этот конкретный момент многонациональные миротворческие силы не имели. И этот довольно банальный факт нужно скрывать теперь ото всех: от населения, от журналистов, от политиков, даже от военного руководства союзников. Где это видано, «не имели»? С каких это пор? Почему? И что она значит, аббревиатура LAAC напротив бортового номера вот уже пятого

истребителя и истребителя-штурмовика с того же вчерашнего дня все в той же Зоне урегулирования «М»? *Lost in air-air combat*^[24] — термин, который не должен был использоваться в приложении к собственной авиации миротворческих сил в принципе, с самого первого и до самого последнего дня этой операции. Зенитные ракеты у русских были, и те ими пользовались, но такое... Да, это почти всегда случалось на фоне всплеска активности их средств РЭБ,^[25] но все равно! Осознали? А теперь спросите себя: когда, как скоро на родине, дома, начнут искать виновных? Виновных в уже не

предопределенной, не ожидаемой гибели людей, подготовка каждого из которых стоила многие миллионы и десятки миллионов? Виновных в том, что истребительная авиация русских, имеющая численность в двадцатую часть от прежней и якобы практически не имеющая реальной боевой ценности, вдруг оказалась действующей? Заставляющей теперь расходовать сотни драгоценных самолетовылетов на прикрытие собственных ударных машин?

07.35, первый утренний рапорт «Серого волка», 3-й бригадной боевой группы 1-й кавалерийской дивизии. В течение рассветного часа — несколько подряд проведенных

русскими попыток разведки боем на одном и том же узком участке. В двух из них — резкое и жесткое развитие ими наметившегося успеха. Даже не тактического — более низкого уровня, но сопровождающегося для очередного из его батальонов потерями и людей, и техники. Аэромобильный десант в составе минимум двух старых «Хайндов» точно на голову мобильному штабу этой бригадной боевой группы. Штаб выдает призыв о помощи, после чего перестает отвечать на запросы; попытки использовать альтернативные средства связи безуспешны, собственные беспилотники батальонов не видят

ничего вообще, а два запущенных с ближайшей авиабазы «больших» дрона падают «по техническим причинам», якобы. Посланный от «соседей», от 17-го кавалерийского полка 101-й дивизии одиночный пилотируемый разведывательный ОН-58D «Кайова Уорриор» пропадает с экранов радаров, но приземлившись двадцатью минутами ранее русские «Хайнды» на них так и не появляются. Время идет. Совсем скоро на позиции мобильного штаба уже выходят головные элементы ближайшей строевой, боевой части — 3-й бригадной боевой группы. И «на месте» выясняется, что русских

десантников уже нет, половина штаба офицеров и специалистов бригадной боевой группы переводятся в разряд KIA, а имена еще трети штабистов вписываются в страшенькую графу MIA. [\[26\]](#) После чего начинаются поиски козла отпущения за произошедшее, очевидно мешающие работе сразу нескольких звеньев всей командной цепочки. Вроде бы налаженной и не должной рваться даже при практически полной потере одного из звеньев. А затем один из командиров рот берет в заложники население самой ближайшей русской деревни и с несколькими своими — такими же сорвавшими резьбу

людьми — уничтожает до ста человек всех возрастов. «За помощь террористам».

Ладно. Тот же проклятый вчерашний день, 07.55. Импровизированный полевой аэродром в районе Некрасово, во многих десятках километров к западу от русской столицы, место базирования одного из авиационных батальонов той же 1-й кавалерийской дивизии. Конкретно — трех из шести рот 4-го батальона 227-го авиаполка, который «*Pouvoir*». [\[27\]](#) Рассвет в 07.09, значит, это было уже после рассвета. Обнаруживаются тела четверых военнослужащих батальона, убитых холодным

оружием, трое из них женщины. Объявляется тревога, но неполную минуту спустя два вертолета на поле взрываются. Постоянный пост часового находился в считанных ярдах от одного из них: при осмотре тела устанавливается, что он не погиб при взрыве, а также убит холодным оружием. Нет сомнений в том, что произошедшее — дело рук одной из многочисленных русских диверсионных групп. Но тогда сложно найти объяснение тому, что, успешно проникнув на аэродром, диверсанты ограничились подрывом лишь двух машин, причем не каких-то, а драгоценнейших «Апач Лонгбоу». Это были

непрофессионалы? У них было мало боеприпасов, способных вывести бронированный вертолет из строя? В любом случае боеготовность батальона снизилась вчетверо. Час спустя — случай «дружественного огня»: капрал-женщина из состава уже понесшего потери наземного экипажа одной из машин застрелила рядового первого класса, слишком тихо приблизившегося к ней со спины.

08.05 того же дня; мягко говоря, еще не полдень. Удар ракетной системой залпового огня по пункту заправки техники батальона обеспечения польской 11-й бронекавалерийской дивизии. По

тыловикам. Нанесенный наверняка с большой, даже максимальной дистанции, но с впечатляющей точностью. Батареей, оставшейся необнаруженной, потому что получасовое «окно» в графике пролетов спутников фоторазведки ликвидировать так и не удалось. За последнюю неделю русские провели уже 4 запуска и теперь сбивают по космическому аппарату раз в 10–12 часов, пока справляясь с результатами повторяющихся ударов стратегических бомбардировщиков по своему космодрому. Тратя на запуски больше средств, чем могут себе позволить. Но продолжая это делать. «Скарабей-В» — по

ТЫЛОВИКАМ: ЭТО КАК ШАХМАТИСТУ
ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЛАДЬЮ ПРОТИВ
ОТОРВАВШЕЙСЯ ОТ ЛИНИИ СВОИХ ФИГУР
ОДИНОЧНОЙ ПЕШКИ. Но что до такой
аллегии тем, от кого не осталось
даже пепла? Тем, кто через 6 часов
вынужден был остановить свое
продвижение из-за нехватки
горючего? И тем его соседям, кто
также был вынужден замедлить
марш — из опасения попасть под
аналогичный удар, такой же
впечатляющий?

И вот так — каждые несколько
десятков минут. На севере, на юге, на
Дальнем Востоке, прямо здесь. В
течение уже многих дней подряд. В
разном формате. В разном объеме.

Иногда — и даже обычно — с комментариями о том, чего это русским стоило. А иногда и без. В украинском Севастополе был похищен и затем найден убитым подполковник Армии США, один из сотрудников офиса генерала армии Рэймонда Одиерно, начальника штаба сухопутных войск США и представителя от Армии в Объединенном комитете начальников штабов, советника заместителя министра обороны. Полковника охраняла и своя охрана, и местная. С ними справились при помощи автоматического оружия, примененного с ближней дистанции. Город... Нападавших не нашли, хотя

было очевидным, кто это должен быть: Севастополь слишком долго был русским. В международном терминале итальянского аэропорта Марко Поло ударом ножа в спину был тяжело ранен капитан ВВС США с авиабазы Авиано, убывающий в краткосрочный отпуск по состоянию здоровья. В районе поселения Ковшово, около десяти миль южнее Зубцово, группа поиска и спасения обнаружила на месте вынужденной посадки поврежденного огнем с земли вертолета OH-58D «Кайова Вориор» (из состава 1-й эскадрильи того же 17-го кавалерийского полка) тела обоих пилотов, привязанных к дереву

и сожженных, возможно заживо. Севший вертолет был поврежден самодельным зажигательным устройством до степени, исключающей возможность восстановительного ремонта. Однако было установлено, что с борта вертолета были сняты крупнокалиберный пулемет М296 и наличные боеприпасы. После поисков с воздуха в 200 ярдах от места экзекуции были обнаружены три тела, принадлежавших местным жителям. Осмотр подтвердил, что все трое были убиты огнем личного стрелкового оружия пилотов. Также пропавшего. Поселение Ковшово оказалось полностью покинуто

людьми. На воротах первого дома со стороны подъездной дороги была крупными буквами, кириллицей, написана довольно длинная фраза, перевод к рапорту не прилагался. Первая попытка высадки аэромобильного десанта в русской морской крепости Кронштадт была отражена, 82-я воздушно-десантная дивизия понесла крайне тяжелые потери и людьми, и техникой. Вторая высадка была произведена через сутки, наряд сил был увеличен втрое, при этом десант стал комбинированным. Бои в городе-крепости идут до сих пор, зачистка не завершена, и список потерь пополняется каждые три часа, с

каждым очередным рапортом. Решение не рисковать массированными воздушными ударами по городу с неподавленной объектово-зональной ПВО оказалось ошибочным.

Многодневные воздушные и ракетные удары стоили бы им, конечно, времени, но они позволили бы избежать таких потерь. Кое-кто из особо тупых журналистов уже сравнил оборону Кронштадта с обороной гарнизона атолла Уэйк в 1941 году, и это было настолько мерзким сравнением, что журналиста хотелось линчевать.

Дни, чертовы дни... Последние три или четыре дня стоили участвующим в операции силам

дороже, чем все предшествующие, все полторы недели. В Баренцевом море потеряна еще одна атомная подводная лодка типа «Лос-Анджелес», имя которой также пока не названо средствами массовой информации вслух, якобы повреждена русскими противолодочными самолетами и добита надводными кораблями. Бои в этом проклятом море и над ним идут почти непрерывно: русские без колебаний используют тяжелые надводные корабли, и нейтрализовать их эскадру пока не удастся. На другой половине земли, в паре сотен миль от южной оконечности Камчатки, погиб эскадренный

миноносец УРО^[28] «Лассен», действовавший в составе корабельной ударной группировки 7-го флота, построенной вокруг атомного авианосца «Джордж Вашингтон». В ориентировке сухо сообщалось о «гибели со всем экипажем», 380 человек, от фатальной детонации погребов ракет. Столб огня был, наверное, до неба. Потопившую его подводную лодку обнаружить не удалось, хотя охота была жаркой.

Хэртлинг оторвался от пролистывания файлов и жадно отпил воды из уже почти пустого высокого стакана на столе перед собой. Все это не его дело, правда?

Он не моряк. Но это, последнее, выходит за границы того, на что они все рассчитывали. Одна из главных задач этой войны — не лежащая на поверхности, но известная ему и многим другим хозяевам их страны — выиграть войну не «всухую». С потерями. Да, и техники, и людей, как бы страшно это ни звучало для какого-нибудь человека, в жизни не видавшего крови. С потерями достаточно серьезными, чтобы заново запустить буксующую экономику. Чтобы вновь дать мощный толчок американской промышленности, ударившейся в электронику и информационные технологии и упустившую «железо»,

которое одно и правит миром: так всегда было и так всегда будет.

My Fellow Americans — дорогие соотечественники, — приготовьтесь к горькой правде: да, мы понесли потери, и мы продолжаем и будем продолжать нести потери в технике. Русские иногда оказываются способны сбить наши самолеты, вертолеты и беспилотные летательные аппараты. Они подбивают управляемыми ракетами и банальными РПГ танки и бронированные боевые машины десятков марок. Грузовики. Многоцелевые автомобили. Вспомогательную технику: мостовикладчики, самоходные

понтонны, траншеекопатели, четвертое, пятое и шестое. Часть безвозвратно выходят из строя и вне контакта с противником: вы видели их дороги? И что все это означает? Очевидное, в который уже раз. То, что потерянную технику всей этой номенклатуры нужно производить заново, чтобы не снизить боеспособность войск, сражающихся за демократические ценности в далекой от вас, страшной стране. Против стали и свинца, которые русские копили столько десятилетий подряд. Собираясь завоевать весь свободный мир, но опоздав. Часть потерянной техники — жуткое старье, которое было бы

бесполезным завтра и послезавтра. Только дураки думают, что Вооруженные силы США — это сплошь элита на всем самом современном, суперсолдаты в экзоскелетах и реактивных ранцах. Ага, это вы не видели батальонную колонну армии и особенно Национальной гвардии на марше по соседству со своим собственным домом. Где-нибудь между Филадельфией и Бруклином. Когда доля отставших из-за технических неисправностей машин достигает одной пятой на каждые 300 миль марша... Причем не гусеничного, а колесного. Причем по относительно сохранному шоссе. Причем без того,

что водители засыпают от усталости и перенапряжения... Если бы операция «Свобода России» была отложена в очередной раз, еще сколько-то таких машин было бы списано, потеряно без всякой пользы. А так их обменяли на убитых и взятых в плен врагов. На территорию, набитую ресурсами, как апельсин мякотью. И на каждую потерянную машину будет произведена новая, дорогая и современная, способная прослужить 30 следующих лет. Произведена дома, нами, на наших заводах. Чьи хозяева будут платить налоги. Чьи рабочие будут платить другие налоги, и пенсионные взносы, и взносы за

страховку, за дом, за автомобиль. Угадайте, будут ли они при этом пацифистами?

Генерал-лейтенант ухмыльнулся своим мыслям. Потерять сколько-то современных машин тоже было можно и нужно: это демонстрирует верность выбранного пути развития. Неуязвимой боевой техники не бывает и быть не может. Отсутствие потерь означает, что произведенный тип техники не был в бою, что он оказался бесполезным. И в любом случае к каждой машине — боевой и транспортной — нужно будет разрабатывать и производить электронику, лить шины, ткать негорючую ткань на обивку, и все это

по цене втрое выше, чем на гражданском рынке. Во Вторую мировую войну командиры торпедных кораблей получали премию от производителей торпед за каждую израсходованную единицу. Хэртлинг не был уверен, действует ли это конкретное правило сейчас, но концепция была в ходу. Не прямо, работая не на человека, пусть даже командира высокого ранга, а на экономику государства. Люди его круга понимали важность гонки вооружений. Именно она, в общем-то, легла в основу победы в холодной войне. А теперь и в «горячей».

И разумеется, продолжая разговор о потерях, еще важнее были

люди. Сколько-то погибших ребят разного цвета кожи безошибочно консолидируют нацию, спаяют ее тверже, чем цемент. Смерть кого-то из твоего круга отлично отвлекает от размышлений о «неправомочности применения силы». Пусть их будет мало — так мало, как только возможно, — но они будут обязательно, без этого еще никто не научился воевать всерьез. Но они точно будут, и каждый окажется чьим-то сыном, парнем, бывшим одноклассником или просто болельщиком одной и той же команды. И вот тогда это все станет личным. Как у этого свихнувшегося комроты, который назначил первых

встретившихся ему гражданских «пособниками террористов» и которого теперь за это придется судить. Чем больше потерь, тем больше таких случаев будет в его частях, в частях британцев, немцев, поляков, прибалтов. Тогда у 143,5 миллионов русских не окажется ни малейшего шанса переломить ситуацию, даже если каждый второй из них осознает, чего они добились своим сопротивлением вполсилы. Ни то, ни се... Хотя смешно быть неискренним даже перед самим собой.

Предстоящая, запланированная к осуществлению на бывшей русской территории политика по отношению к местному

населению была совершенно неизбежна, иначе их просто раздавят. Она была необходима в любом случае, просто не все это пока поняли — из-за идеализма или глупости. Но это и хорошо. Это означает, что все будет постепенно. Сначала борьба с «регулярными» вооруженными силами, обозванными так или иначе, но в большинстве подпадающими под действие хоть и устаревших, но еще иногда полезных конвенций. Потом борьба с «иррегулярами», которых в американской истории называли именно «милицией», а исторически как только не называли: и герильясами, и инсургентами, и

партизанами, и тому подобное. А потом и следующий этап. Который не мог нравиться ему как моральному человеку, христианину и семьянину, но необходимость которого он понимал не хуже других.

Генерал-лейтенант Хэртлинг потрогал свой лоб и с неудовольствием вытер влажные пальцы о форму. Почему-то привычные лекарства не помогали. В воздухе летал какой-то вирус, незнакомый для североамериканца. Из офицеров его штаба несколько человек болели уже второй или третий день и еще несколько заболели. А для этого было совершенно не время. Поступили

рапорты 101-й воздушно-десантной и 1-й бронетанковой дивизий, собственно и занявших Москву. Рапорт британской 16-й воздушно-десантной бригады. Сведения о потерях на 08.00, сведения об утреннем инциденте на Красной площади, сведения о потерях на 11.00. Отдельный документ — рапорт USSOCOM, командования специальных операций США, о результатах работы собственно в пределах Московского Кремля: здания, люди, помещения, документы, оборудование. Потери. Как ни странно, серьезное и даже жестокое сопротивление оказали «Дельте» бойцы кремлевского

Президентского полка — ряженые, использовавшиеся для почетных караулов и выпендрежа перед туристами. Да, немалая доля всей русской армии была ряжеными, но эти выбивались из общего строя еще сильнее. Однако у них неожиданно оказалось тяжелое вооружение, их почему-то не отвели, и они вдруг стали оборонять Кремль, причем так... В Кремле уже давно не было ни одного члена русского правительства и даже обслуживающего персонала: силы миротворцев подходили к Москве довольно осторожно. Почему они не ушли? Почему не сдались, когда им было предложено? Может быть,

плохо предложили, в недостаточно уважительном тоне — для них, привыкших к своему особому положению мальчиков и «офицеров бальных комнат», это могло иметь значение. Хэртлинг сделал себе пометку: выяснить, какая формулировка требования о сдаче была использована в этом конкретном случае. Не было ли здесь ошибки, и если была, то чья. В любом случае они не сдались, даже когда все стало окончательно ясным. Однако... Командир роты «А» — KIA, его заместитель — KIA. На первом этапе штурма потери роты «С» оказались самыми высокими, но преимущественно ранеными...

Приказ о временном отходе и перегруппировке отдан в 06.20... И в это время — даже контратака русских, чуть ли не с примкнутыми штыками. Тяжелые пожары в зданиях Кремля, включая Сенатский дворец. Командующий операцией напрямую связался со штабом 1-й бронетанковой, к Кремлю выдвинули тяжелую технику... Попытка гражданских жителей устроить «живой щит» — около 60 убитых и раненых. Вторая попытка, уже в пределах прямой видимости от Красной площади и Кремля, напротив какого-то конного памятника. Со своими флагами, плакатами «Янки, идите домой» и

чем-то таким же тупым. В этот раз командир направленного на помощь отдельным ротам спецназначения батальона не церемонился и прошел толпу за считанные минуты. Число жертв достигло двухсот, но самое плохое было в том, что, когда огонь открыли по-настоящему, под него попали и иностранные журналисты, которых здесь оказалось немало. Впереди войск.

«Первыми огонь открыли русские, — написал Хэртлинг поперек листа, — в толпе были вооруженные провокаторы. Несколько миротворцев были ранены, и только тогда был открыт ответный огонь. Мы сожалеем о

гибели представителей прессы. Напишите сами. Про „коктейли Молотова“ тоже — они наверняка тоже были, просто не попали в кадр».

Он подошел к двери и приоткрыл ее наружу. За дверью был короткий тамбур, за ним вторая дверь.

— Генерал-лейтенант, сэр?

— Возьми это. Группе по связям с общественностью. Прямо сейчас.

— Да, сэр.

— Этих придурков привезли?

— Что, сэр? Вы имеете в виду...

Хэртлинг даже не стал раздражаться: не видел смысла. Встретив его взгляд, майор,

заменивший ему блестящую и четкую Вильму, осекся.

— Да, сэр. Тридцать минут назад их доставили.

— Сколько их человек?

— Пятеро, сэр.

— 1-я бронетанковая?

— Да, сэр, именно так.

— Придурки.

В этот раз майор смолчал. Не подтвердил свое согласие с высказанным генералом мнением. И правильно сделал. Согласись он вслух, и завтра он мог командовать не удобным столом с электроникой и бумагами, а штабом пехотного батальона.

— Ко мне их через 10 минут.

— Да, сэр. С конвоем?

— Зачем? Разве здесь тоже журналисты?

— Нет, сэр. Разумеется нет, сэр.

Хэртлинг закрыл за собой дверь, снова вернувшись к своим бумагам и файлам. Рапорты. Списки. Заявки. Аналитические записки. Полноценные доклады на много страниц каждый. «Особые мнения». Из штабов отдельных бригад, из штабов дивизий. Материалы космической и инструментальной разведки. Силовой разведки. Агентурной разведки. Выжимки из протоколов допросов отдельных пленных и анализ полученных показаний. Сейчас, когда таких

рапортов и страничных докладов в соответствующей папке памяти электронного планшета накопилось уже много, — вот сейчас уже напрашивается не просто подсчет. А выводы. Опять же делаемые не на фоне некой абстрактной вводной, а на фоне все того же доминирующего сейчас в его мыслях и в мыслях людей его штаба тезиса: ох, не все так просто. Русские явно что-то имеют в виду тем, что они сдали столицу и Санкт-Петербург, два своих главных города в европейской части страны. Тем, что не пошли на единственный, кроме применения ОМП, шаг, по-настоящему гарантирующий им равные

возможности в бою. Не сделали ставку на массовые, настоящие уличные бои: дом за домом, квартал за кварталом. Где исход каждого такого боя будет определяться уже не стандартным набором факторов. Не только превосходством в боевой подготовке, технике всего спектра, средствах разведки, а и числом, способностью пойти в «банзай-атаку». Везением, наконец. Если бы Москву стали оборонять несколько дивизий, готовых к уличным боям и даже жаждущих их... 70 лет назад это сработало в Сталинграде и Воронеже, где русские реально перемололи силы врага многомесячными ближними боями,

где превосходство вермахта и Люфтваффе в тактике, в технике не было реализовано никак... На это не пошел бы он сам, даже не собирался: Москву и Санкт-Петербург в такой ситуации ждали совсем другие варианты развития военной ситуации. Но почему на это не пошли русские?

Оставив той же Москве свою «Особую дивизию» — Отдельную мотострелковую особого назначения Внутренних войск МВД, — а с ней потрепанную Кантемировскую танковую и без вести со вчерашнего дня пропавшую со всех его карт 2-ю гвардейскую мотострелковую Таманскую... Добавив к ним все

собранное с пути от границы и
досюда, всех уцелевших окруженцев,
полицейских, вооруженных
гражданских добровольцев... С этим
всем они могли рассчитывать на то,
что его 1-я бронетанковая и 82-я
воздушно-десантная останутся на
их пороге. Дав им время для чего-то,
в первую очередь для совершенно
бесполезных, но по привычке
подающих надежду политических
мер. Завывающих, панических
обращений к международной
общественности, к ООН, к папе
римскому, к кому угодно. К
подогреванию антивоенных
настроений на чужой территории. К
тотальной мобилизации на еще

сохраняемых за собой территориях: в конце концов, в одной только Москве при желании можно было поставить под ружье полмиллиона человек. Четверть из которых искренне ненавидят демократию и конкретно США как «проводника демократии» во всем мире. Скольких они сумели мобилизовать в сбывшейся реальности, учитывая то, что их политическая система уже рухнула? В чем смысл того, что в самой Москве работают не «Т-80» и БМП-2, а «живые цепочки» и «живые щиты», составленные из гражданских людей. Несмело выходящих навстречу «Брэдли» и «Абрамсам», с полными ужаса и

непонимания глазами, с
антивоенными транспарантами в
руках? Нет, русские тянут время. Они
дерутся не в полную силу. Пока.
Почему-то. По причине, которая ему
неясна, и это заставляет быть
осторожным. Зачем они так
поступают? Какой видят от этого
прок?

Русские столько дней пятились
от границы к своей драгоценной
Москве, то и дело нанося жесткие
короткие контрудары. Можно было
не сомневаться, что они планировали
драться. Они платили за отход, и
платили недешево. Но одновременно
заставляли платить его, то ровно
столько, сколько он и его страна

готовы были платить, то чуть меньше, а то неожиданно резко дороже. Причем так резко дороже, что это почти не укладывалось в голову, хотя он был готов ко многому и видел в жизни уже очень многое. Служивший и воюющий уже почти сорок лет подряд Марк Филипп Хэртлинг не верил в то, что первый этап операции закончен даже здесь, на центральном направлении. Он не верил даже в то, что русская «Особая дивизия», которая бывшая «имени Дзержинского», разгромлена. Он не любил слово «элитная», но это было действительно первоклассное соединение, дефицит тяжелой техники в штатах которой объяснялся

ее специализацией. И компенсировался сработанностью и обширным боевым опытом ее офицеров. Можно было опасаться того, что дивизия не разгромлена, а перешла к иной тактике, тактике групп. Которая может к завтрашнему или даже сегодняшнему дню оказаться в этих конкретных обстоятельствах работающей лучше, чем традиционный конек русских, «общевойсковой бой». Не верил он и в то, что полностью разгромлена 4-я гвардейская дивизия, шире известная как Кантемировская. Сверкавшая золотом и лязгавшая железом на каждом русском параде. Нет сомнений в том, что она понесла

тяжелые потери. Но она сумела отойти от Ржева в относительном порядке, с частью тяжелой техники, в том числе столь драгоценной для русских мобильной артиллерии. И уже следующие сутки подтвердили, что исходные цифры в отношении уничтоженной бронетехники дивизии оказались резко завышены. У русских было втрое больше надувных танков и бронемашин, чем настоящих, и это было бы даже смешно, если бы было хотя бы чуточку менее серьезно. Габаритный макет такого «танка» или как бы БМП-2 изготовлялся из синтетического материала, который в диапазоне частот систем наведения

управляемого оружия создавал полную иллюзию массивной бронированной машины. У некоторых был собственный компрессор, который не просто поддувал воздух, сохраняя силуэт цели, но и подогревал макет в районе несуществующего «двигателя». Учитывая то, что сейчас был самый конец самого холодного марта на его памяти, это тоже срабатывало, давая картину, полностью совпадающую в ИК-диапазоне с тем, что заложили в прицельную систему конструкторы и программисты. Стоило это, наверное, буквально пару рублей.

Он встал из своего кресла, в котором еще несколько дней назад

сидел какой-то местный чиновник. Сбоку на кресле, прямо из шва между полотнищами мягкой кожи торчал вшитый в него узкий белый ярлычок с эмблемой и логотипом «*JAGUAR*». Ничего себе, как русские чиновники любят комфорт! Такого кресла не было даже у него в «домашнем» рабочем кабинете, а ведь он был совсем не бедным человеком. Интересно, будет ли какой-нибудь яйцеголовый умник, любитель и знаток статистики, проводить корреляции, строить графики: «Обратная зависимость числа боеготовых истребителей в строевых частях русских ВВС и стоимости оснащения мебелью и

настенными плазменными панелями кабинетов государственных чиновников среднего звена на территории бывшей России»? Или не будет, потому что ему все равно не дадут это опубликовать в «*Journal of Human Behavior in the Social Environment*», а больше никому это не интересно...

Осторожный стук в дверь.

— Да?

— Генерал-лейтенант, сэр?

— Уже?

— Да, сэр.

— Пусть войдут.

— Охрана, сэр?

Он посмотрел на майора как на идиота. Из-за этих ребят, которые

один за другим начали заходить в его кабинет, у них у всех будет много проблем. И из-за других, таких же, как эти. Но он уже намекнул майору, что здесь нет чужих, и тогда он сделал вид, что понял. Судя по всему, штаба батальона для него будет много. А роту он угробит, потому что давно никем не командовал по-настоящему. А Россия — не то место, где можно с комфортом учиться воевать, если пока не умеешь. Референт... Вернуть чернокожую Вильму, которая не делает ошибок и стенографирует, как автомат, а этот пусть носит за ней папки.

— Генерал, сэр?

Хэртлинг обошел стол,

аккуратно поднимая ноги, чтобы не зацепиться за какой-нибудь из проводов. Остановился перед коротким строем из пяти человек одного первого лейтенанта, одного мастер-сержанта, одного сержанта и двух рядовых первого класса. Двое в обычной «боевой форме одежды», трое в однотонной униформе членов экипажей боевых машин, все без нашивок и значков. Без оружия. Он обвел их лица справа налево, сталкиваясь глазами с каждым. Ни одного чернокожего, даже странно. Ни одного латиноса или азиата. Журналистам это не понравится.

Имена у каждого были выписаны на ленте, нашитой на

правой стороне груди. Генерал-лейтенант перестал переступать в одну и другую сторону, остановился перед первым лейтенантом и приблизил свое лицо к нему так, что их разделял максимум фут воздуха. Напряжение в молодом офицере чувствовалось, но его лицо осталось беспристрастным. Десять секунд, потом еще десять.

— Ну, чья это была идея?

— Моя, сэр.

Лейтенант ответил, не задержавшись с мыслями ни на секунду, ровным и спокойным голосом. И правильно сделал.

— Остальные поддержали?

Остальные ответили слитно,

будто репетировали.

— Подразделения?

Все пятеро назвались по старшинству: 4-я тяжелая бригадная боевая группа, «Горцы»; 1-й батальон 77-го бронетанкового полка, 4-й батальон 6-го пехотного; индексы рот.

Хэртлинг снова обвел всех пятерых мрачным взглядом.

— Зачем вы это сделали, ублюдки?

Один из рядовых моргнул и бесшумно втянул в себя воздух, остальные не шелохнулись. Хэртлинг ждал, даже не представляя себе, что сейчас услышит: он слишком устал.

— Разрешите, сэр?

— Давай.

— Это из-за моего отца, сэр.

— Да?

— Он всю жизнь служил, сэр.

Половину срока — в Европе, сэр. Прямо в Германии. Я и родился в Германии, сэр, военная база Кайзерслаутерн. В детстве отец рассказывал мне о том, как важна его служба. Как важно готовиться к схватке с русскими. Он не сомневался, что это время придет.

— И что?

— Он все время вспоминал про Иводзиму, сэр. Про поднятие флага на горе морскими пехотинцами. Я еще в детстве мечтал об этом, сэр!

Первый лейтенант впервые с

начала своего выступления посмотрел не «вообще перед собой», а точно в глаза командующему. Да, он не боялся.

— Святое дерьмо...

Хэртлинг был уверен, что произнес это про себя, но по лицам солдат понял, что ошибается. Вслух, вырвалось. Чертов Джо Розенталь с его Пулитцеровской премией. Чертовы пропагандисты, прививающие детишкам мечту совершить бессмысленный подвиг.

— Остальные то же самое вспомнили?

Трое подтвердили, что да; один отказался и отметил, что пошел просто за компанию с другом.

— Флаг давно приготовил?

В этот раз первый лейтенант всего лишь коротко кивнул. Хэртлинг скорее оскалился, чем улыбнулся. Что ж, и у этого сопляка, и его людей, и у его поддержки крепкие нервы. Трудно было ожидать иного в 1-й бронетанковой. Дисциплина есть дисциплина, какое-то наказание у них будет, даже если политики решат не делать их козлами отпущения. Но... Эту фотографию, «Водружение флага над Иводзимой», он помнил и сам. Она действовала и на него тоже.

— Вы нарушили приказ о недопустимости оскорбления государственных символов России, — скучным голосом сказал

он. — Вы забыли, что мы пришли сюда, в Россию и в Москву не как завоеватели, а как освободители. Мы не должны сбивать прикладами их дурацкого орла с административных зданий, подтираться их трехцветными флагами и даже просто срывать их. Тем более под прицелом полусотни видеокамер. Тем более главный флаг их страны. Который развевается и реет в каждой их гребаной телевизионной заставке. Стоило подождать 2—3 дня, и их новое правительство само сняло бы его, объявив устаревшим символом старой, неправильной России. Придумало бы что-то новое. Или я не прав, и они оставили бы его. Какая

разница? Но вы... Эта ваша мечта прославиться больше, чем те морпехи на Иводзиме... Не уничтожив по двадцать единиц русской бронетехники. Не сбив бронированный вертолет из «М-242»... Всего лишь подняв флаг! Над еще отбивающейся крепостью, в сердце их сердца, в Москве!

Он сделал такую длинную паузу что один из рядовых уже начал «плыть» глазами, перестав дышать в самом ее начале и так и не решившись начать. При этом было похоже, что у него тоже лихорадка.

— Вы видели, во что это вылилось, эта ваша глупость?

— Да, сэр.

Снова пауза. Вот сейчас рядовой вырубится. Даже мастер-сержант, даже первый лейтенант держатся с трудом. Интересно, вид с той крыши на Красную площадь — заполненную кричащей толпой, перечеркнутую трассерами — пугал их меньше?

— Я сожалею, сэр...

— Фантастика. Ты сожалеешь, парень. Я потрясен. Мастер-сержант, ты тоже сожалеешь?

— Да, сэр. Искренне сожалею, сэр.

— Охренительно. Да... Какое крепкое слово, а? Вот если бы ты не сожалел, я... Вас ждал бы трибунал, всех пятерых. Нашелся бы умный законник, зарплата которого на

гражданке была бы больше моей раза в два. Назвал бы вам не только номер приказа, но и статью какой-то из этих двух конвенций, которые вы нарушили. Не то Женевской, не то... Вечно я их путаю.

Хэртлинг усмехнулся, и молодой офицер впервые за все время моргнул. Да, этот уже смотрел в лицо смерти. На этого нельзя давить слишком сильно. Армии и стране нужны такие, как он. Сейчас — больше, чем когда-либо.

— Вас еще могут судить. Желающие найдутся. Именно вас могут объявить виноватыми за то, что произошло на площади. Что снимали десятки команд, что

транслировали на весь мир. Что вступило в противоречие с тем, что и эти, и другие политики молотят своим языком вторую неделю без остановки. Им обязательно надо будет на кого-то списать столько убитых гражданских. Будь их впятеро меньше — могло бы обойтись. Нашлись бы свидетели провокаций, — того, что они стреляли первыми, и так далее. Но тут... Тут я не уверен. Я сделаю, что могу, но я не уверен. Вы подвели командиров своих батальонов, своей бригады, своей дивизии. Меня.

Хэртлинг набрал воздуха в легкие и медленно выдохнул. Его пошатывало, хотелось сесть.

Задержавшаяся на полчаса на одной и той же точке лихорадка явно снова поползла вверх. А он тратил время.

— Я надеюсь, вы очень хорошо запомнили, во что вылилась ваша инициатива, навеянная детскими впечатлениями от папиных рассказов, неразделенной страстью к учительницам американской истории и всем таким прочим. Не скажу «прочим дерьмом», потому что это не дерьмо. Это то, благодаря чему вы здесь, все до одного добровольцы. Кто-то из вас копил на колледж, кто-то решил посмотреть мир, встретить много новых интересных людей и перестрелять их из своего карабина... или своего

танка. У каждого свои причины, как есть причины быть здесь у меня. И я не был на Красной площади еще ни разу. Пока. Даже свою сегодняшнюю речь я читал из места, названия которого не запомнил. Но вы... Вы это видели, да?

Теперь он улыбнулся уже по-настоящему.

— Вы видели, как до них это дошло?

Улыбнулся мастер-сержант, за ним один из рядовых, потом все остальные. Как ни странно, последним из улыбнувшихся оказался первый лейтенант. То ли не поверил в его искренность, то ли вообще был серьезнее других.

— Да, сэр. Было темновато, но мы видели, как до них дошло. И слышали тоже.

Что ж, когда вместе собираются хотя бы несколько сотен человек, их можно услышать с большого расстояния. Когда собирается толпа в пару тысяч, ее чувствуешь издалека. Когда толпа в десяток или больше — в несколько десятков тысяч человек, как бывает на стадионах, — это еще более впечатляет. Сложно представить, каково было тем танкистам и «дельтовцам», кто был в эти минуты на земле, лицом к лицу с толпой. То, сколько в ней было — оказалось — женщин, не имело никакого значения. Толпа есть толпа.

Она может раздавить в лепешку, даже не желая этого.

— Потратьте минутку, сделайте одолжение. Расскажите мне, покороче. И не ту версию, какую с завтрашнего дня вы, может быть, будете впаривать журналистам. Настоящую. Это в ваших интересах.

Пятеро солдат переглянулись по кругу, как птицы на ветке дерева. Разумеется, лейтенант не струсил и здесь. Его рассказ в целом соответствовал содержанию рапортов. Но в отличие от них охватывал картину целиком. И большой плюс — не акцентировал внимание на деталях. Настолько впечатляющих и многочисленных,

что на них замыкались почти все авторы официальных рапортов. Или хотя бы большинство из них.

Упорное при всей его бессмысленности сопротивление мальчишек из Президентского полка в Кремле продолжалось достаточно долго, даже после подхода усиленной батальонной боевой группы из состава 2-й бригады 1-й бронетанковой дивизии, с ее «Брэдли» и «Абрамсами». К тому моменту, когда 120-миллиметровые танковые пушки начали пробивать баррикаду в подбашенных воротах, на обе окружающие Кремль площади начали выходить люди. С их стороны на местных сначала не обращали

вообще никакого внимания. Потом, когда их стало уже много сотен, командир боевой группы отдал приказ двум взводам прикрыть тыл ведущих огонь танков и не подпускать гражданских, а в случае угрозы — немедленно открывать огонь. Командиры гибнущих рот «Дельты» орали в эфире так, что офицеры 1-й бронетанковой решили вообще не церемониться. После двух эпизодов прохода через «живые цепи», имевших место в течение последней четверти часа, когда они шли на помощь своим, нервы и так были у всех на взводе.

Русские смотрели, как рушатся куски высокой краснокирпичной

стены. Делать пролом было бессмысленно, но на стенах были или могли быть снайперы. Пожары внутри Кремля почти не освещали площадь, и растущая толпа казалась больше, чем она была на самом деле. Люди в толпе молчали, или переговаривались между собой, или даже плакали, причем как женщины, так и мужчины. Ропота и криков становилось все больше — толпа заводила сама себя. Коробки боевых машин казались небольшими по сравнению с ней, черной, растущей, скоро уже громадной. Впечатление смазывалось, оттого что танки и боевые машины пехоты непрерывно вели огонь в сторону пылающего

завала у ворот, раскидывая в стороны тех русских солдат, кто пытался подкрасться на дистанцию гранатометного выстрела. Грохот 120-мм пушек танков и 25-мм автоматов «Брэдли» даже на открытой местности, на этой громадной площади, был оглушающим. Именно из-за этого подойти ближе русские решились не сразу, даже когда три четверти машин, включая все танки, ушли вперед, в глубь окруженного стеной комплекса зданий. Туда, где продолжали сопротивляться фанатики.

Крики, плач, ругательства. Эти их тупые и бессмысленные: «Не-ет!

Что вы делаете! Не надо! Уходите! Ну пожалуйста!» Командир одного из взводов, перекрывающих подходы к очищенным от противника воротам, вышел к толпе, четко и ясно объявил приказ отступить назад, но его даже не слушали. Женщины визжали что-то ему в лицо сквозь слезы, то отступая назад от прицела его карабина, то снова подходя ближе, когда он переводил прицел в сторону. В растущей толпе уже сформировались группы со своими лидерами, ведущими агитацию прямо здесь, под их прицелами, или прячась в тени и за чужими спинами, или даже открыто. Среди русских нашлись люди, знающие английский:

они пытались что-то объяснить солдатам, требовать, выражать возмущение. Это было бы, может быть, даже смешно, если бы вокруг и позади этих ненормальных не копилась мрачная, злая, уже не бормочущая, а глухо ревущая толпа. Какое счастье, что русское правительство так последовательно боролось с попытками некоторых активных групп своих граждан довести хотя бы до стадии рассмотрения закон о том, что их не считают рабами. О хотя бы ограниченных правах населения на владение нарезным оружием. Будь пусть у каждого сотого в этой толпе пистолет, карабин и умение с ними

обращаться... Но даже и без этого офицерам вскоре стало ясно, что происходящее не просто представляет опасность — что сейчас произойдет нечто, что может войти в историю своими масштабами. Требования разойтись игнорировались, выстрелы в воздух, поверх голов, заставляли отшатнуться назад только первые ряды толпы, а остальным было на них наплевать. Картина была жуткой: она навсегда запомнилась тем, кто ее увидел и остался жить. Освещенный пожарами флаг на куполе высокого здания над стеной с отбитыми зубцами вдруг пополз вниз. Несмотря на то что столько всего

происходило одновременно, толпа увидела это сразу. И замолчала на несколько невероятно долгих секунд, — пока оборачивались назад те, кто смотрел на нее поверх стволов, медленно отступая назад, к кажущимся беззащитными коробам 37-тонных боевых машин. А потом толпа взревела и разом качнулась вперед. По флагштоку медленно, рывками поднимался флаг, кажущийся отсюда, с площади, маленьким. Его развернуло порывом ветра и тут же снова опустило вниз, но все уже успели увидеть. Закричавшая, взывавшая по-волчьи толпа рванулась вперед.

Сложно сказать, кто на самом

деле выстрелил первым. Стрельбы было много все эти минуты. Много стреляли в Кремле, где безнадежное сопротивление по-прежнему было отчаянным. Много стреляли по Кремлю снаружи, со стороны Красной площади и сада. Стреляли и в самой Москве: было понятно, что зачистка очагов даже спонтанного сопротивления — работа на много дней. Девять рапортов из десяти заключали, что на Красной площади, прямо перед граненой пирамидой мавзолея и куполом с этим все еще не поднявшимся до самого верха флагом, стрельба началась без команды, сама. И сразу по всему фронту. Экипажи боевых машин и

спешенные пехотинцы были к этому моменту уже полностью готовы. Первые ряды ринувшихся вперед людей легли целиком за секунду, но толпа проскочила поверх их тел, не затормозившись ни на мгновение.

Толпа — это огромная сила. Спрессованная давкой, подогретая невероятностью происходящего — ночью в оранжевом огне, с ревом и грохотом, немногочисленностью врагов впереди, — толпа просто не могла воспринять первые десятки упавших как что-то значимое. Наверняка больше людей было раздавлено, растоптано тысячами пар топчущих ног, чем убито пулями. Толпа может сокрушить

другую толпу, если градус ее накала выше. Может потерять половину своего состава, но раздавить противостоящих ей людей, вооруженных палками, арматуринами, камнями, ружьями. Так было уже много раз даже на территории бывшего Советского Союза, не говоря о всем мире, за хотя бы последнюю сотню лет. Исключение может быть обеспечено, обосновано только одним фактором. Подавляющей огневой мощью.

Боевая машина пехоты М2 «Брэдли» оснащалась 25-миллиметровой нарезной автоматической пушкой М242 «Бушмастер» и спаренным с ней

пулеметом M240 калибра 0,3 дюйма — бывшим бельгийским FN MAG. За каждую секунду два этих ствола с каждой машины выпускали столько снарядов и пуль, что исходные иллюзии толпы по поводу своей всепокрушающей мощи были развеяны в буквальном смысле этого слова. На дистанции в несколько десятков ярдов даже 10-граммовая пуля единого пулемета пробивала по несколько тел сразу, осколочный же снаряд «Бушмастера» мог разорвать человека на части. В течение нескольких невыносимо длинных мгновений все стволы защищающихся пехотинцев молотили с максимальной скорострельностью,

а напирающая толпа, еще ничего не поняв, давила вперед, толкая уже мертвых, но еще стоящих на ногах людей на летящую в них смерть.

Техническая скорострельность «Бушмастера» в автоматическом режиме составляла около 200 выстрелов в минуту. На борту каждой боевой машины находилось 70 и 230 патронов к пушке в двух коробах-кранцах и еще 600 в укладке в глубине корпуса. Пулемет выдавал от 650 до 950 выстрелов в минуту, но питание устанавливаемых на «Брэдли» M240C осуществлялось из 200-патронных лент, что обеспечило именно пулеметам максимальную эффективность в сложившихся

особых условиях боя. На несколько секунд возникло шаткое, текучее равновесие — через тела уже упавших с воем и криком лезли вперед все новые и новые люди, потому что до них еще не доходило, что сейчас будет уже с ними самими. Им казалось, что еще несколько мгновений ужаса, еще два десятка метров разбега — и все кончится: они доберутся до цели и удовлетворят свою ярость. Но пули и снаряды продолжали рвать ряды людей, сначала бегущих им навстречу, потом остановившихся, сбившихся в кучу, шатающихся и шарахающихся влево и вправо, вперед и назад почти на одном

месте. Потом вся толпа разом побежала обратно — от смерти, продолжающей сечь и терзать ее. Команды «прекратить огонь» не действовали сразу: испытав свой собственный страх, люди за прицепами пулеметов и автоматических пушек позволяли себе дать еще одну или две лишние очереди. Пусть идущие уже в спины бегущих, но только одни и позволяющие обеспечить безопасность. Только одни и доходящие до людей, не понимающих иного языка.

— Они сами виноваты, — произнес мастер-сержант с таким чувством, что генерал-лейтенант

Хэртлинг перенес взгляд на него. — Если бы они послушались, когда с ними еще разговаривали...

Первый лейтенант кивнул, а командующий силами миротворцев пожал плечами. Это была вторая фраза после «он мог представлять угрозу», которая все чаще и чаще встречалась и в рапортах, и в прямой речи его офицеров и солдат. «Он мог представлять угрозу», — в рапорте, написанном по поводу застреленного русского. Тот был в черной одежде — значит, возможно, террорист. Другой был полным, в велюровой набивной куртке, и солдат допустил, что под одеждой у него могут быть динамитные шашки, как случилось в

Афганистане и Ираке. Это было и в Калининградской области, и под Смоленском, и в самом Смоленске, и под Ржевом, и под Владивостоком, и уже здесь, в Москве. «Было сочтено, что они могли представлять угрозу», — эти тащили куда-то здоровенные сумки, и не остановились на поданную команду. Другой случай, третий, десятый, сотый. Данные стекались в штаб Марка Хэртлинга из оперативных штабов сил безопасности, сформированных в «зонах урегулирования», в том числе оставшихся уже далеко позади. Общее руководство которыми пока тоже входило в список его

обязанностей. И он, при всей своей критичности, не мог не заключить: все это было обоснованно. При всех перегибах, выливающих иногда в трагедии, подобные московской — с ее полутора тысячами убитых и раненых прямо перед зрачками объективов, — это было неизбежным ответом на риск, который уже перестал быть теоретическим. Который вылился уже в реальные строчки потерь на страницах этих же и других рапортов. Капрал морской пехоты, убитый ударом заточки в спину на улице города Петропавловск-Камчатский. Рядовой первого класса, умерший в госпитале от последствий тяжелой черепно-

мозговой травмы: колонну забросали половинками кирпичей и булыжниками прямо на центральной авеню города с невозможным названием Великие Луки. Еще один рядовой первого класса, разрыв печени и селезенки — фанатики стащили его с брони боевой машины, и отбить уже умирающего товарища пехотинцам 35-й пехотной (механизированной) дивизии удалось с очень большим трудом. Пусть взяв за это десяток жизней, но заплатив еще несколькими ранеными. Еще один капрал той же самой 35-й пехотной. Рядовой и старший рядовой польской 16-й механизированной дивизии. Пятеро

рядовых, капрал, старший капрал, поручик... генерал бригады — 1-я механизированная. Рядовой и обер-ефрейтор — германская 1-я бронетанковая. Не в бою. На улицах и в домах городов и поселков. Город Пустошка. Город Гатчина. Город Химки. Город Красное Село. Город Москва. Город Арсеньев. Поселок Монино, поселок Красково, поселок Лучегорск... Единицы убитых и тяжело раненных вне открытого боя с проигрывающими войну вооруженными силами русских, они складывались уже не в десятки — их было уже много больше ста. Убит холодным оружием, убит картечным зарядом из гладкоствольного

охотничьего ружья. Умер от ран в госпитале, причина смерти — политравма... забит палками. Убит ударом молотка, надо же... Сразу двое убитых — выстрелом из пистолета, оказавшегося наградным, раритетом еще со времени до Второй мировой войны — аж гражданская в Испании. Девяностопятилетний старик с палкой в руке — часовые у штаба не стали в него стрелять, потому что он шел очень медленно и что-то говорил им на плохом английском: свидетели не прислушались или не запомнили, что именно. Хэртлинг не был уверен, можно ли это, последнее, перенести в «основной» разряд убитых в бою.

Тот и без того уже велик.

Да, список велик, хотя за все это, перечисленное выше, следовала кара. Иногда сразу, иногда отсроченно, иногда достававшаяся не тем. Они сами были виноваты. В том, что не отвернули, когда им приказали. В том, что не поняли команду, поданную на чужом языке или уже на их языке, фразой из разговорника, но неразборчиво. В том, что их сочли «представляющими угрозу», хотя иногда это обосновывалось всего лишь неправильным цветом и покроем одежды, или неправильным выражением лица, или не вовремя сказанной фразой. Оскорблением.

Угрозой. Виноваты были или конкретные люди, или те, кто оказывался на пути пули. На пути идущей на полной скорости автоколонны. На пути прогресса.

Они сами были виноваты и в более широком, глобальном смысле. Если бы у них была нормальная страна с демократическим правительством, со сформировавшимся гражданским обществом, уважающим демократические политические институты, — все было бы иначе. Тогда, конечно же, никто не стал бы применять к ним силу. Но русские предпочли мировые ценности другому. Тирании, поддержке

терроризма, беззастенчивым
провокациям. Стремлению к
установлению своей гегемонии в
регионах, выскользнувших из-под их
влияния после распада
монструозного, гниющего заживо
колосса — своего Советского Союза,
ненавидимого всем миром.
Оккупировавшего или
распространившего свое
построенное на крови и военной
угрозе влияние на четверть мира.
Теперь этому пришел конец — и они
вновь были сами виноваты в том, что
он, этот конец, оказался столь
страшным. Но в долгосрочной
перспективе, все это — все эти
жертвы — были нужны для их же

собственной пользы. Нужно быть максимально жестким и даже жестоким сейчас, чтобы мысль о возможной эффективности сопротивления была выбита из мозгов тупых славян с самого начала и навсегда.

Генерал-лейтенант снова улыбнулся: и своим мыслям, и расплывающимся перед его глазами лицам своих солдат. Первая фаза операции «Свобода России», первый ее этап, был почти завершен: что бы русские ни бросили на него в лоб, с этим он и его люди справятся. Эти и такие, как эти. Поднявшие флаг, который вопреки его собственному приказу может стать символом их

победы. На них можно было положиться.

И второй этап, борьба с неорганизованным противодействием собственно гражданского населения поверженной России и уцелевшими одиночками, эта борьба тоже уже началась. Уже было ясно, что она не будет легкой, но иного он и не ожидал. К этому и он, и его армии, и весь мир готовились уже слишком давно, чтобы сомневаться в своей победе. Не было никаких других реальных вариантов развития ситуации, кроме полной и безоговорочной победы. Пройдут еще дни и недели, и это поймут и самые

фанатичные из русских. Пройдет месяц, и самых фанатичных уже не будет в живых, где бы они ни были. Демократия придет на измученную русскую землю, хотят этого русские или нет.

*«Давайте поверим,
что правда придает силы,
и с этой верой давайте до
конца смело выполнять
свои обязанности так, как
мы это себе
представляем».*

Авраам Линкольн.

Капитан-лейтенант Дмитриев
оторвался от прицела изготовленного

к стрельбе карабина «М-4» и аккуратно повернул голову вбок. Туда, где в десяти метрах от него лежал на тощем слое лапника одетый в сшитое из грязных простыней пончо старый морпех с ручным пулеметом Калашникова. Тот не почувствовал его взгляда: смотрел в оптический прицел. Парни установили обе мины так, что зоны сплошного поражения перекрывали закругленный участок дороги крест-накрест. Выгнанная оккупантами из собственной школы тетка-учительница вела записи уже третий день и пока не видела изменений в режиме созданной в поселке перевалочной базы. Солдаты

ночующих в школе частей,двигающихся на фронт, выходят на построение в 06.00 и к 06.40 уже начинают выдвижение. Сплошь пехота и легко бронированная техника, ни разу за все время — ни одного танка, или «Брэдли», или «Страйкера». В ходе последней встречи она подтвердила, что и в этот раз на постой стали пехотинцы, скорее всего тыловики. На первых километрах пути, до подхода к слиянию шоссе E28 с идущей через Гусев дорогой, прикрытия с воздуха у них нет. Сейчас на часах было уже 06.47. Звук моторов еще нельзя было слышать, но они чувствовали его прижатыми к земле телами. Бывалый

старикан перестал бормотать себе под нос и наконец-то повернулся навстречу взгляду молодого офицера. Подмигнул. Его звали очень просто: Иван. Майор в отставке, бывший командир батальона морской пехоты. Ромка Сивый начал звать его «батей» уже два дня назад. Неожиданно для всех, включая, кажется, и себя самого.

Сам Рома и Дима, бывшие курсанты БВМИ/КВВМУ, смотрели на дорогу с другой стороны, наискосок от позиции пулемета. Скалились, ожидая. Было глупо не бояться, и они боялись, но это ничего не меняло. С батальоном им было бы

не справиться, даже если бы у них было сто таких мин, а перед ними точно были бы тыловики, но кровь они им попортят знатно. Последовательный подрыв двух взведенных «МОН-90», содержащих в себе по две тысячи 7-миллиметровых стальных роликов, потом отстрелять с места по два магазина, сделать паузу и после перезарядки прикрыть огнем меняющего короб пулеметчика. Десять метров ползком до прокопанной траншеи — понятно, что под огнем, — потом еще 60 метров и можно перейти на бег; они будут уже прикрыты деревьями. 350 метров — и начинается окраина Первомайского. Потом поперек идет

речка со смешным названием Писса. Поздняя весна постепенно все же подходит, льда на ней уже почти нет, но здесь это еще не речка, а самый ее исток, несколько сливающихся вместе ручьев. А за ними насыпь с железнодорожной линией. Техника через нее не перевалит, никакая. Если не стремиться убить абсолютно всех своих врагов ровно сегодня, шансы уйти реальны.

У пацана из Первомайского были кровавые мозоли на обеих ладонях от черенка лопаты, которой он работал всю ночь. Он замерз как собака, или даже сильнее, потому что собака у него была что надо.

Лохматая, большая, злая. Молчаливая. Сейчас она лежала рядом с ним и грела его, как могла. Парень жалел, что моряки настрого запретили ему брать себе в помощь хоть кого-то. И было обидно не от того, что пришлось копать эту длинную, идущую зигзагом снеговую траншею одному, а что никто из друзей ничего не увидит. Но зато увидит он сам. Посасывая ноющие даже в снегу ободранные подушечки на ладонях, он ждал. Время ему не сказали, но можно было догадаться и самому.

Лейтенант Ляхин распрямился и замычал от боли в спине. Стонущий

под его руками раненый замолчал, и только из прокушенной насквозь губы густо текла темная кровь. Мешала и не уходящая второй день температура, и забившие нос сопли под маской. Дышать приходилось открытым ртом, и это заставляло тратить силы, которых и так почти не осталось. Чуть раскачивающаяся под потолком лампа из посаженного в петлю аккумуляторного фонарика светила ярко и давала очень узкий луч. Освещающий операционное поле, но оставляющий все вокруг в тени. Снова ампутация, девятая или даже десятая за сутки. Три были неудачными, и все они были в первой пятерке. Медсестра у него была

самая настоящая, хирургическая, и инструменты были тоже, но это было все. Не было ни нормального стола, ни нормального света, ни действенных кровоостанавливающих средств, ни настоящих обезболивающих — вот без этого было совсем хреново, отсюда были и потери на столе. И еще не было опыта, а только знание того, как надо. Сохранившееся с институтских времен, с года, когда оперативную хирургию им еще давали, но с будущим уходом на терапевтический поток он еще не определился. Но выбора не было, как его не было в жизни лейтенанта Ляхина и доктора Ляхина уже очень давно. Он работал,

лишь очень изредка поглядывая на стоящий в углу автомат.

Рядовая Петрова лежала под стеной полуразрушенного дома на пересечении улицы Александра Попова с какой-то другой, накрытая двумя бушлатами и поверх еще двух. Все вокруг было в красной кирпичной и белой штукатурной пыли. Пыль скрипела на зубах, делала слюну вязкой как каша, резала глаза. Она уже почти не чувствовала ног; шевелить задубевшими пальцами в носках ботинок получалось плохо: пальцы казались чужими, но она все равно делала ими «упражнения», надеясь на лучшее.

Руками же она старалась не шевелить вообще, чтобы не поднялась улегшаяся пыль: руки были снаружи, и от этого задубели совсем. Но Вика знала, что так будет. А лежка в развалинах была слишком хороша, чтобы ее покидать, не сделав ни единого выстрела. Вчера за полный световой день она сделала их ровно десять, и три пришлись в цель. Как реалистка, Вика понимала, что без нормальной оптики на нормальной винтовке — это результат, который полностью окупает все ее мучения. И вообще всю ее жизнь. А первый рассветный выстрел — самый дорогой. Его можно сделать, выбирая. Восход

вчера был в 07.30–07.33, значит, осталось терпеть уже недолго. Вокруг постреливали — и далеко, и близко, — и Вика надеялась, что Костя не нарвется. Костя, ее второй номер, ушел уже три часа назад еще в полной темноте искать другую позицию. Причем даже не следующую и «через следующую», а еще дальше. Подальше от подвального пункта сбора раненых. От детского сада, куда сводили живых детей с родителями. От Морского собора, вокруг которого погибли слишком многие. В разбитом вдребезги, продолжающем гореть в ста местах Кронштадте было немало мест, где она могла работать.

Лежать иногда по часу, а иногда по 3—4 часа без движения, чтобы произвести один-единственный выстрел. Метки на прикладе доказавшего свою надежность «АК-74» она не ставила — баловство. Для кого? Свои, к которым она возвращалась в один или другой подвал, знают и так: у них у почти каждого свой счет. А другим это и просто неинтересно. Или потом будет неинтересно. В десяти сантиметрах от Викиного лица лежала граната с разогнутыми усиками предохранительной чеки. Даже при том, что второй номер не прикрывает ее спину, живой ее не возьмут. Поэтому она считала, что

бояться совершенно нечего. Только того, что когда-нибудь кончатся не только силы, но и патроны. Цинки в подвалах. Пачки в подсумках на мертвых телах в развалинах. Недострелянные рожки в искореженном оружии, которое сжимали руки убитых мальчишек и мужчин. Она не была уверена, какое сегодня число, и это почему-то было обидным. И заставляло опасаться за то, что та ее бессознательность, кома на несколько суток, все-таки не прошла даром.

На высоте одиннадцати тысяч, в густой пелене облаков, весь март закрывающих треть России почти

сплошной пеленой, подполковник Петров вел свой бомбардировщик к цели. От 1-го бомбардировочного инструкторского авиаполка, в составе которого он встретил войну, к этому дню осталось всего четыре боееспособные машины, и еще одна будет прикована к земле еще минимум три полных дня. Но и вчера у них тоже было четыре машины, и позавчера. Последнюю потерю они понесли еще 28-го, хотя и сразу парную. До сих пор был жив командир полка, пускай и не совершающий много вылетов. До сих пор был жив он сам со своим оператором, которого всего две недели назад считал сопляком и

треплом и который повзрослел за это время на десять лет, превратившись в надежного, верного, злого человека. Ближе которого у подполковника теперь не было уже никого. Про Москву и Петербург рассказывали страшное, и верить не хотелось, но он счел, что гибель семьи принесла ему даже что-то нужное для того, чтобы перестать заботиться о собственной судьбе. Мечтать о том, чтобы уцелеть. Теперь в этом просто не было никакого смысла, и его осознанная готовность жить только ради сегодняшних и завтрашних убийств работала. Они подолгу избегали обнаружения, они уходили от сходящихся векторов наводимых

на них с земли ракет, и на лице подполковника не отражалось совершенно ничего, когда писк системы оповещения о радиолокационном облучении переходил в непрерывный вой. Электроника могла сбоить, на земле ее чинили почти непрерывно, но сам он перестал ошибаться уже совсем. Пока. К своей будущей гибели Петров начал относиться как к данности, оператор был с ним полностью солидарен, и поэтому каждым вылетом они уже практически наслаждались. Глухо, неярко, будто через покрывшую мозги пленку, но тем не менее. Вчера его экипаж совершил два боевых

вылета, причем первый был полным звеном, четверкой, по заказу штаба Центрального фронта. Снова по европейцам, что вызывало даже некоторое разочарование. Но система ПВО у агрессоров была единой, и простейший самоанализ показывал, что это разочарование было не настоящим. Он сам себе его придумал, чтобы испытать хоть какие-то эмоции. Сегодня «Су-34» подполковника и его ведомого несли под фюзеляжами корректируемые, «умные» «КАБ-500С». Очередной запущенный и пока не сбитый спутник давал им все основания надеяться на то, что с этими дорогостоящими боеприпасами даже

их немногочисленные машины смогут сделать многое. Больше, чем обычно. Они не хуже стратегов, которые летают и летают через океан до сих пор, пугая миллионы людей, не давая им забыть, что война от них пусть на другой стороне земного шара, но недостаточно далеко.

У русских тоже есть своя поговорка о долге. «Делай что должен. И будь что будет».

notes

Примечания

Военно-медицинская академия
им. С. М. Кирова.

Стихи Павла Булушева, «Салют» (окончание) и «Хочется романтики»; сборник «Слово о первом эшелоне».

Именно так (*Wojska Lądowe Rzeczypospolitej Polskiej; WL*) звучит их правильное название. Название «Войско Польское» (*Wojsko Polskie*) является сейчас неофициальным и объединяет совокупность четырех родов войск.

Авианосец ВМС Индии, бывший
тяжелый авианесущий крейсер
«Адмирал Горшков».

Морские части пограничных
войск.

Здесь: именно в значении «общевойсковая операция, взаимодействие родов войск».

Придаваемые дивизиям Армии США авиабригады (точнее, бригады военной авиации) состоят из штаба/штабной роты, авиационного полка четырехбатальонного состава и авиационного батальона обеспечения.

ПЗРК «Стрела-2» или
«Стрела-2М».

В условных обозначениях НАТО, «Hind» («Лань») — транспортно-боевой вертолет «Ми-24»; «Hokum» («Обманщик») — боевой вертолет семейства «Ka-50»/«Ka-52»; «Fencer» (точнее «Fencer-D», «Фехтовальщик») — фронтовой бомбардировщик «Су-24М».

От M1134 Anti-Tank Guided Missile Vehicle — вооруженный противотанковой ракетной установкой BGM-71 TOW вариант американской колесной боевой бронированной машины «Stryker».

Здравствуй, как ты поживаешь?

Как здоровье? (*чеч.*)

Смерть врагам (*чеч.*).

Тульский оружейный завод.

Ядерная боевая часть.

Как ни странно, это действительно так. Применимой в данном случае считается одно из ключевых положений конвенций: запрет на «посягательство на человеческое достоинство» военнопленных. Сам факт показа убитых или находящихся в плену военнослужащих ВС США в телетрансляциях оскорбляет их достоинство и таким образом становится военным преступлением. К сожалению, эта остроумная концепция (не имеющая юридической силы, но активно

внедряемая) применяется в
полностью одностороннем порядке,
минимум с 1997 г.

«Первая», — прозвище 1-й бронетанковой дивизии Бундесвера.

Отечественный аналог VX — боевое отравляющее вещество (ОВ) нервно-паралитического действия.

Вариант машины,
приспособленной для
радиоэлектронной борьбы и
специальных операций.

Войска воздушно-космической обороны — отдельный род войск современных ВС РФ, создан на базе Космических войск и Войск оперативно-стратегического командования воздушно-космической обороны (ОСК ВКО) в 2011 г.

Чрезвычайно эффективная
противопехотная осколочная
управляемая мина направленного
поражения M18A1 «Клеймор»,
используемая в США с 50-х годов XX
века и до сих пор. Снаряжена 700
готовыми убойными элементами.

Это нестандартное прозвище относится к отечественному истребителю-бомбардировщику Су-34.

Ищи, кому выгодно (*лат.*).

Реактивная система залпового
огня.

Потерян в воздушном бою.

Радиоэлектронная борьба.

KIA — killed in action (убит в бою); MIA — missed in action (пропал без вести) (*англ.*).

Официальный девиз полка: «Да, могу» (*фр*).

Управляемое ракетное оружие.